

Г.А. ДЗИДЗАРΙΑ

ТРУДЫ

I

Г.А. ДЗИДЗАРΙΑ

ТРУДЫ

I

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АБХАЗИИ К РОССИИ,
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОИ
ДОРЕФОРМЕННОЙ АБХАЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
СУХУМИ
1988

ДЗИДЗАРИЯ Г. А. Труды: «Присоединение Абхазии к России», «Народное хозяйство и социальный строй дореформенной Абхазии». Книга первая. — Сухуми: Алашара, 1988. — 408 с.

В первую книгу трудов видного советского историка-кавказоведа, члена-корреспондента АН ГССР Г. А. Дзидзария (1914—1988) включены исследования, посвященные проблемам присоединения Абхазии к России и социально-экономическому строю дореформенной Абхазии.

ОТ АВТОРА

В настоящий трехтомный сборник трудов вошли опубликованные в разное время основные исследования, за исключением вышедших сравнительно недавно монографий «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (Сухуми, 2-е изд., 1982) и «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» (Сухуми, 1979). Надеюсь, в будущем эти работы, как и некоторые другие, будут переизданы как продолжение публикуемых моих трудов.

В первую книгу включены исследования, посвященные проблемам присоединения Абхазии к России и социально-экономическому строю дореволюционной Абхазии. Говоря более конкретно, том состоит из двух самостоятельных работ: «Присоединение Абхазии к России» и «Народное хозяйство и социальный строй дореформенной Абхазии».

В основе первого исследования лежат книги «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века» (Сухуми, 1940) и «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» (Сухуми, 1961). Вторая работа является несколько сокращенным вариантом монографии «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.)» (Сухуми, 1958), т. е. шестая глава ее («Борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнета») переносится во второй том, а пятая глава («Упразднение владетельной власти и введение русского управления») и некоторые другие части монографии совсем опускаются, поскольку они в довольно развернутом виде представлены в трудах «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» и «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции». Опускается также перечень источников и литературы (приложение), дается в известной мере сокращенно и введение. Это относится и «К общей характеристике положения крестьянства». Сказались и рамки запланированного объема тома.

Между работами, включенными в первую книгу, имеется внутренняя, логическая связь. И это выражается прежде всего в том, что во втором случае прослеживается прогрессивное влияние России на развитие края, различных областей его жизни.

Вторая и третья книги охватывают труды, в которых исследуются главным образом: а) классовая борьба антиколониального характера движения; б) история революци-

онной борьбы в крае в 1917—1921 годах. В первом случае, естественно, особое место отводится крупнейшему в жизни абхазского народа восстанию 1866 года, которому автор в свое время посвятил специальную книгу (Сухуми, 1955). Во втором случае речь идет о героической борьбе трудящихся за власть Советов, которая освещается в обобщающей монографии «Очерки истории Абхазии. 1910—1921» (Тбилиси, 1963). Однако сочтено целесообразным ограничиться последующими работами, в некоторых из которых более подробно рассматриваются содержащиеся в упомянутой монографии вопросы. Это тем более оправдано, если иметь в виду давность ее выхода.

В «Труды» вошли также отдельные небольшие издания и статьи, опубликованные в различных научных органах и посвященные, в основном, вопросам истории Абхазии.

Все включенные в трехтомник работы по возможности оснащены новыми архивно-документальными и иными материалами, что обусловило необходимость переработки отдельных их частей. В свете этих источников и дальнейших размышлений над исследуемыми проблемами, естественно, пересмотрены или уточнены некоторые прежние положения автора по тому или иному вопросу. Само собой произведены необходимые исправления замеченных искажений и опечаток, а местами сделаны и стилистические правки. Исковые данные (№№ фондов, описи, дела, лл.) использованных документов в значительной степени относятся ко времени их выявления автором. К сожалению, во время пожара в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР в 1980 году погибли и некоторые архивные и другие материалы, в том числе имевшиеся в единственном экземпляре рукописи. Поэтому в необходимых случаях ссылки на них делаются по тем работам автора, в которых они были использованы ранее.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АБХАЗИИ К РОССИИ

Марксистско-ленинская наука заложила фундаментальную основу правильной оценке присоединения Кавказа к России как прогрессивного явления. Процесс добровольного политического присоединения кавказских народов к Русскому государству начался в XVI веке. Но в конце XVIII — начале XIX столетия еще многие из них неминуемо стояли перед альтернативой: либо быть поглощенными весьма отсталыми и деспотическими султанской Турцией и шахским Ираном (Персия), либо прочно присоединиться к могущественной России. Вторая перспектива, несмотря на утверждение колониального режима, с чем народы Кавказа никогда не мирились, предвещала общее движение вместе с русским и другими народами огромной страны по пути социально-экономического и культурного прогресса.

Если говорить конкретно об Абхазии, то береговое положение подвергало ее особой опасности со стороны Османской империи, экспансионистская политика которой на протяжении веков была направлена на торможение развития производительных сил региона, уничтожение культурно-исторических традиций абхазов, тесно связывавших их с грузинским и адыгскими народами. Поэтому, естественно, кавказские народы тяготели к России, на которую они смотрели как на единственную избавительницу от гнета восточных деспотов, как на страну, могущую дать благоприятные жизненные условия.

Абхазии, в частности, приобщение к России предвещало не только устранение угрозы окончательного порабощения со стороны султанской Турции, но и избавление ее от этнической разобщенности и междоусобных войн, усугублявших замкнутость хозяйственной жизни, ускорение ломки патриархальных отношений. С другой стороны, сама Россия, как увидим ниже, уже со второй половины XVIII века проявляет живой интерес к Абхазскому княжеству, учитывая прежде всего его стратегическое значение и географическое положение, а также экономический потенциал, в первую очередь, лесные богатства. И в справочной литературе появляются первые обобщающие сведения об абхазском народе. Так, в первой части «Нового и полного географического словаря Российского государства или лексикона...», вышедшего в Москве в 1788 году, опубликована довольно большая статья под названием «Абхазы». Хотя в целом она несколько и на-

ивная, а местами и путаная, но содержатся в ней и интересные данные. Так, подчеркивается, что турки «владеют» аохазами лишь «некоторым образом», «посредством одного паши» из абхазской княжеской фамилии, живущего в крепости «Соукум-Кала» (с. 3). Абхазский народ, имея в виду все его этнические группы, автор считал «многочисленным» (с. 2).

Говоря о дальнейшей судьбе Абхазии в плане российских интересов, К. Д. Кудрявцев отмечал: «Сохранилось много донесений... разных русских чиновников и военнослужащих. Эти донесения определенно говорят о том, что Абхазией... русская власть интересуется»¹. Один из них, генерал И. В. Гудович, определяя «главнейшие выгоды от приобретения Абхазии», писал в 1809 году, что «тогда лучшие приморские места Черного моря, богатые корабельным лесом, приобретутся под власть России; что восстановится безвозбранное сообщение с Крымом и что, наконец, мы будем иметь в своей власти две крепости, Анакру² и Сухум-Кале»³.

Вопрос о присоединении к России Абхазии, как и других регионов Кавказа, давно привлекает внимание исследователей. Тем не менее он еще не был объектом отдельного специального изучения, хотя частично и освещается в некоторых работах.

Представители дворянско-буржуазной историографии этот исторический для абхазского народа значения акт, естественно, рассматривали лишь с точки зрения интересов царизма, оправдывая его методы колониальной политики, а борьбу трудящихся масс против самодержавия характеризовали как «смуту», «бунт». Они почти обходили вопросы внутренней истории края, хотя в некоторых их трудах и содержатся ценные фактические данные.

В советской исторической литературе, в работах отдельных авторов (главным образом периода первых десятилетий после победы Советской власти), в рассматриваемом вопросе существует известный разнобой. Частью из них присоединение Абхазии к России расценивается как «абсолютное зло» — точка зрения, вытекавшая из методологической ошибки М. Н. Покровского. Если говорилось о положительном значении присоединения, то трактовалось это упрощенно. Прогрессивность события сводилась лишь к тому, что в крае начали развиваться капиталистические отношения.

Иные же авторы рассматривали только политические последствия присоединения, также замалчивая социально-экономические изменения, не говоря уже об области культурного развития. С другой стороны, наблюдалась тенденция умалчивать о факте национально-колониального гнета цар-

---

¹ Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1926 (1922), с. 151.

² Анаклию.

³ АКАК, т. III, с. 209.

ского самодержавия. В действительности, как известно, признание прогрессивности присоединения того или иного региона к России несколько не противоречит одновременному признанию в нем реакционного характера политики царизма.

В основе концепции зарубежных буржуазных историков лежит традиционное преувеличивание агрессивности внешней политики царской России, отрицание объективно прогрессивных последствий присоединения народов Кавказа к Русскому государству.

Настоящая работа представляет собой попытку, на основе анализа конкретного исторического материала, по возможности, полнее осветить с позиций марксистско-ленинской методологии процесс присоединения Абхазии к России, являвшийся одним из звеньев в цепи разновременного присоединения отдельных частей Грузии и всего Кавказа.

В последующих работах, включенных в сборник, будут показаны социально-экономические и культурные последствия этого присоединения. Особое внимание, естественно, уделяется истории борьбы трудящихся края, которая смыкалась с общей борьбой рабочего класса и крестьянства всей России за подлинное освобождение народов империи.

Благодаря великому русскому народу, единению с Россией народы Кавказа, в том числе абхазы, приобщились к российскому освободительному движению, к передовой культуре. По уровню своего общего развития — способу производства, культуре и просвещению — Россия стояла намного выше султанской Турции и шахского Ирана. Кроме того, эти страны были втянуты Англией и Францией во всевозможные дипломатические комбинации, рассчитанные на закабаление народов Востока. Поэтому дальновидные абхазские деятели давно поддерживали политику ориентации на Россию. И сама Россия, как уже отмечалось, давно обращала внимание на Абхазское княжество по ряду соображений.

* *
*

Но прежде чем перейти к освещению всех этих вопросов, т. е. к основной задаче настоящей работы, необходимо дать хотя бы краткое описание положения в Абхазии в период турецкого господства, т. е. до ее присоединения к России в начале XIX века.

После падения Константинополя в 1453 году объектом завоевательной политики султанской Турции становится и Кавказ. При этом «турки обратили особое внимание на побережье Черного моря и в особенности на Абхазию»⁴, в част-

⁴ Эсадзе С. К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. — Тифлисский листок, 1904, 9 ноября.

ности — Сухум⁵. Еще в 1851 году большой турецкий флот подходит к Сухуму и берет его приступом. Тогда же здесь высаживается десант Султана Мурада II на 50 кораблях, который «опустошил» город и все Абхазское побережье⁶.

В 1459 году под главенством царя Георгия II феодальные владетельные князья Грузии объединились для совместных действий и вступили в организованную им коалицию против турецких захватчиков. В письме к герцогу Филиппу Бургундскому Георгий II, в частности, сообщал, что и «князь Абхазии Рабиа обещал выступить со своими братьями, вассалами и со всеми своими войсками». Аналогичное послание бургундскому герцогу отправил и самцхийский атабаг Кваркваре, который тоже указывал, что в состав антитурецкой коалиции входит «правитель Абхазии Рабиа». Тому же адресату было направлено послание трапезундского императора Давида, также извещавшего об участии в подготавливаемом походе «Рабиа, князя Абхазии, вместе со своим братом и баронами с 30 тыс. воинов»⁷. Однако идея большого антитурецкого похода оказалась «мертворожденной, и организованная коалиция быстро распалась»⁸.

По договору, заключенному в 1555 году, в результате длительных и ожесточенных войн, между Ираном и Турцией был произведен раздел Закавказья. В частности, восточная часть Грузии отходила к Ирану, а западная — к Турции⁹. В Батуме, Цихисдири, Поты, Анаклии, Сухуме были размещены турецкие войска, призванные заставить местное население покориться султанской власти, представленной на побережье в лице черноморского паши.

В Сухуме турки, согласно утвердившемуся в литературе мнению, в 1678 году перестроили древнюю крепость¹⁰, назвав ее Сухум-Кале и превратив в одну из своих крупных воен-

---

⁵ Сухум (Севастополь) является одним из важных приморских центров на побережье Кавказа. Это подтверждает, например, знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин (ум. в 1472 г.), который в описании своего путешествия в Индию отмечает, что в Севастей (Севастопольской) губе (заливе) много всякого добра. (Баранов Л. Афанасий Никитин первый русский путешественник в Индию. Калинин, 1939, с. 74).

⁶ Багратиони Вахушти. История царства грузинского. Тбилиси, 1976, с. 259; Brosset M. Histoire de la Georgie l'antiquite jusqu'au XIX siecle. СПб., 1856, с. 381.

⁷ Цит. по: Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVIII вв.). Сухуми, 1959, с. 253—254.

⁸ Там же, с. 254.

⁹ Всемирная история, т. IV. М., 1958, с. 568.

¹⁰ По этому поводу встречаются и другие версии. Так, например, А. Д. Нордман утверждал, что Сухумская крепость построена в 1724 году (См.: ЖМНП, 1838, № 11, с. 404), а А. И. Лаврентьев — в 1725 году, «как значится в надписи, уцелевшей на воротах оной». (См.: [А. Н. Лаврентьев.] Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. — Статистические описания губерний и областей Российской империи, т. XXVI, ч. V. СПб., 1858, с. 286).

ных баз на Черноморском побережье Кавказа. Здесь турецкое правительство держало сперва «своего бея, называемого беем абазинцев» (абхазов)¹¹ а затем — пашу с гарнизоном «для поддержания своего престижа»¹². Абхазские владетели, как и соседние грузинские правители, обязались выплачивать ежегодную дань, «размер которой постоянно увеличивался»¹³.

По сообщению итальянского автора Эмиддио Дортелли д'Асколи, который в начале XVII века более 10 лет жил в Крыму, турецкий султан не пускает на побережье Абхазии и Мегрелии торговые суда, «ибо тамошние князья не желают ему платить дань (сагaggio), а он не может подчинить их своей власти, потому что стоянки морского побережья опасны. В случае нужды эти князья снаряжают послов [султану] и тогда разрешается [торговым судам] туда ехать»¹⁴.

Французский консул при дворе крымских ханов М. Пейсонель также отмечал, что «суда, направляющиеся к берегам Абхазии, должны получать на это разрешение Порты»¹⁵.

Когда в Абхазии «внутренние неурядицы принимали характер опасный для владельчества турок, то сухумский паша силою оружия охранял права верховного сюзерена-султана»¹⁶.

Чтобы упрочить свое положение в Абхазии, султанская Турция действовала и в направлении замедления в ней развития производительных сил, сохранения общинно-родовых пережитков и ее политического разобщения. Она придавала важное значение также практике подкупа местной феодальной знати, методически проводившегося ею повсюду, где только распространялась тень ее господства. В этом деле большую роль играла посредническая торговля, которую Турция более или менее вела в крае на протяжении всего своего господства. Это было чревато весьма тяжелыми последствиями для широких масс населения, тем более, что с ней неразрывно была связана работорговля (пленнопродавство), которую турки всемерно культивировали на Кавказе. По выражению военного историка XIX века Р. А. Фадеева, весь этот край «обращен был в один невольничий рынок»¹⁷. Кроме того, одним из моментов зависимости того или иного политического образования Кавказского региона от султанской Турции являлась плата мальчишками и девочками-подростка-

11 Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750—1862 годах. Краснодар, 1927, с. 29.

12 Эсафизе С. К 40-летию... — Тифлисский листок, 1904, 9 ноября.

13 Очерки истории Абхазской АССР, ч. I. Сухуми, 1960, с. 116—117.

14 Г' Асколи Э. Д. Описание Черного моря и Татарии. 1834. — ЗООИД, 1902, т. XXIV, II. Материалы, с. 100—101.

15 Пейсонель М. Указ. соч., с. 31.

Поэта (Высокая, Блистательная) — здание турецкого правительства и само правительство Османской (Османской) империи

16 Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II. Тифлис, 1904, с. 539

17 Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860, с. 17.

ми. Из Абхазии и Имеретии, например, в Ахалцах ежегодно доставлялось по 40 мальчиков и по 40 девочек¹⁸.

Молодежь из Кавказа, как правило, отуречивали в рядах янычар, иных отдавали в султанский дворец (сераль) и гаремы сановников. Некоторые же из них, в силу своих особых способностей и других причин, нередко продвигались по иерархической лестнице.

Здесь небезынтересно привести сообщение из первого тома «Сийахет наме» («Книга путешествий»), Стамбул, 1896—1897, с. 446) известного турецкого автора XVII века Эвлия Челеби о том, что в Топхане (квартал в Стамбуле) «было очень много... грузин и абхазов... Абхазы посылают своих детей... на родину, где они воспитываются в традициях страны».

Массовый увоз наиболее здоровой части населения подрывал экономическую и военную силу подпавших в зависимость от Турции кавказских народов и, следовательно, представлял серьезную угрозу их полного порабощения. Торговля людьми ставила эти народы перед опасностью физического вырождения.

Одним из методов, применявшихся султанской Турцией для утверждения своего господства, было также насаждение мусульманства и уничтожение христианства и связанных с ним памятников. В этих целях край наводнялся муллами — проповедниками корана. Около 1658 года абхазский католикос Захарий «нашел себя вынужденным перенести свою резиденцию от турецких утеснителей» из Пицунды в Гелати¹⁹. При этом он вывез в Гелатский монастырь «чудотворную икону Божьей матери и другие «святыни Абхазии»²⁰.

Послы русского царя Михаила Федоровича Романова, посетившие Мегрелию и южную часть современной Абхазии, в своих отчетах отмечали факты разрушения замечательных памятников края. Побывав, например, в феврале 1640 года в Драндском монастыре, послы установили, что он «разорен от турских (турецких. — Г. Д.) людей» в мае 1637 года²¹. Во время осмотра других монастырей и церквей (Моква, Бедиа, Илори, Дранда и т. д.) послы интересовались отдельными деталями из прошлого этих памятников, но местные духовные лица, сопровождавшие их, не могли дать ответа на все поставленные вопросы. При посещении одного из них они объясняли: «Турские люди приходили и монастырь разорили и летопись пожгли, а наизусть сказать не помним»²².

¹⁸ См.: Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с. 191.

¹⁹ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симона-Кананитский монастырь. М., 1898, с. 83.

²⁰ ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 5484, лл. 4, 5 и др.

²¹ Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888, с. 351.

²² Там же, с. 324, 325.

Тем временем в Абхазии все более обостряются разорительные феодальные междоусобицы. Вместе с тем постоянно шла борьба между этим княжеством и соседними политическими единицами, особенно с мегрельским владетельским домом, с которым часто происходили столкновения из-за территории, захвата пленных и т. д. Этими обстоятельствами ловко пользовалось султанское правительство, агентами которого нередко подстрекались отдельные владетельные князья. Турецкие дипломаты, в частности, придавали особое значение постоянным ссорам между претендентами на «лыхненский престол».

Внешняя агрессия и феодальные междоусобицы, отражавшиеся пагубным образом на общем состоянии края, приводят в упадок сельское хозяйство, ремесленное производство, торговлю городов, материальную и духовную культуру народа. Достаточно обратиться к сообщениям грузинского географа и историка XVIII века Вахушти Багратиони, чтобы убедиться в этом. Говоря об Анакопии (Псырцха, ныне — Новый Афон), он писал, что это был «город благоустроенный, прекрасный, построенный над берегом моря и особенно возвеличенный [царями] Багратиони. Теперь он запущен». Такова была и судьба Сухума. Он «был город и эриставство, а теперь поселок»²³.

Показательно и то, что за все время господства турок в Абхазии не было построено ни одного сколько-нибудь значительного и оригинального архитектурного сооружения. Очень верно отмечал французский коммерсант Поль Гибаль, побывавший в Абхазии в 1818 и 1819 годах, и то, что турки «никогда не приезжают в Абхазию с целью ее исследования или для того, чтобы выяснить, что новое в ней можно было бы создать»²⁴.

Таким образом, засилие султанской Турции в Абхазии, как и в других регионах Кавказа, вызывает глубокую деградацию ее общественно-экономической и культурной жизни.

Этой агрессии абхазы вместе с братским грузинским народом оказывали упорное сопротивление. Одной из форм этой борьбы был отказ от принятия мусульманства и отстаивание христианства²⁵ и своих древних верований. Упомянувшийся

---

²³ Цит. по: Очерки истории Абхазской АССР, ч. I. Сухуми, 1960, с. 107.

²⁴ Guibal P. Journal de mon voyage entre la mer Noire et la mer Caspienne Astrakhan et Taganrog entrepris le 20 mai 1820 et fini le 24 decembre de même année. — ЦГАДА СССР, ф. 1261, оп. 1, л. 2896, л. 150 об. (Материал выявлен М. С. Ефремидзе. Перевод Р. Г. Крюкова).

²⁵ В Абхазии христианство официально было принято в VI веке, при византийском императоре Юстиниане. Но еще до этого, к концу античной эпохи, на территории Абхазии, как и на всем Черноморском побережье Кавказа, христианство проникает сравнительно быстро. Уже в первой четверти IV века одним из главных центров христианства на

выше турецкий дипломат и путешественник Эвлия Челеби, посетивший Абхазию в 1641 году, писал, что абхазы живут «без законов и веры», в том смысле, что они «не признают ислама и шариата»²⁶. Челеби также отмечал, что здесь разводят много свиней²⁷, что считалось большим грехом с точки зрения мусульманской религии. Не случайно поэтому абхазы, как сообщает Э. Д. д'Асколи, принадлежали к числу народов, выплачивающих турецкому султану подушную подать (сараггио — харач)²⁸, которой облагалось немусульманское население.

Автор первой же половины XVII века итальянский миссионер Жан де Люк (Лукк) свидетельствовал, что не только тогдашний владетель Путо Шервашидзе и его окружение, но и весь край оставался еще христианским. Рассказывая о своем посещении владетельского дома, он писал: «После ужина князь спросил, откуда и почему приехал. Сын Райса ответил, что цель моего приезда — делать добрые христианские дела. Услышав это, князь сказал: «Значит, ты можешь у меня оставаться, так как я и вся моя страна — христиане». В доказательство он показал мне крест, висевший у него на груди... На второе утро я сказал князю, что должен прочесть молитву для излечения его больной жены. Он со всеми своими близкими с большим благочестием выслушал молитву и целовал крест»²⁹.

Один из региональных правителей Абхазского княжества XVII или начала XVIII века Росто (Ростом) Шервашидзе был также «истинно христианским» деятелем³⁰, и другой — Куап Шервашидзе — был известен «своею христианскою набожностью»³¹.

Вообще и в течение всего XVIII века, как писал М. Пейсонель, абхазы признают себя «благочестивыми христианами»³². В таком духе писал и Вахушти Багратиони: абхазы «по верованию христиане»³³. А французский консул в Тифлисе Франсуа Жак Гамба, посетивший Абхазию в 1822 году,

Кавказе становится Питунт (Пицунда), где учреждается епископская кафедра. На первом Вселенском соборе в Никее (325 год) присутствовал пицундский епископ Стратофил, а на Халкедонском (451 год) — анакопийский епископ Керконий. Христианство постепенно проникает и во внутренние районы края. Вот почему Прокопий Кесарийский (VI век), говоря об асилах, одним из абхазских племен, подчеркивал, что они «с давних уже времен христиане» (Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1960, с. 380).

²⁶ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, с. 273.

²⁷ См.: ЗООИД, 1875, т. IX, с. 175.

²⁸ д'Асколи Э. Д. Указ. соч., с. 101, 152.

²⁹ Ит. по: Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, с. 124

³⁰ Уварова П. С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети, Псковский уласток. Путевые заметки. Ч. II. М., 1891, с. 152.

³¹ Жордания Ф. Абхазские католиконы. Ставрополь, 1893, с. 21.

³² Пейсонель М. Указ. соч., с. 29.

³³ ვახუშტი ი. აღწერა სამეფოსა საქართველოსა (საქართველოს გეოგრაფია). Тбилиси, 1941, с. 172.

отмечал, что абхазы и другие горцы Кавказа, «приняв, под влиянием силы, веру Магомета... не захотели подвергнуть уничтожению храмы, где их отцы в продолжение нескольких веков служили христианскому культу»³⁴.

Небезынтересно также следующее сообщение бывшего в Абхазии в 1836 году английского журналиста и разведчика Эдмунда Спенсера: «По уничтожении Византийской империи турками, можно было думать, что эти фанатики, завладев Пицундой, разрушили бы монастырь, но благодаря благочестивому вмешательству жителей или из страха гнева народа церковь была пощажена и теперь остается одним из самых интересных архитектурных памятников в этих странах. Столетия прошли с тех пор, как она играла роль храма христианской веры, к несчастью, она достаточно пришла в ветхость, однако, в рукописях, орнаментах, утвари она с благочестием сохранена туземцами»; и даже те, которые приняли мусульманство, смотрели «с глубочайшим почтением на христианское здание»³⁵.

А о состоянии христианства среди абхазов во второй половине XIX века В. Владыкин писал: «Память о христианстве еще не исчезла в абхазах; многочисленные развалины храмов, встречающиеся повсеместно в Абхазии, пользуются безотчетным уважением народа, а монастырь Пицунда почитается ими святыней... Сильны остатки христианства в абхазах»³⁶.

Это, разумеется, не значит, что мусульманство в Абхазии не получило никакого распространения. «И первыми, принявшими магометанство, по словам народа, были люди зажиточные, преимущественно из высших фамилий, имевшие торговые дела с турками»³⁷.

Как отмечалось выше, турецкие власти не могли добиться и аккуратной выплаты дани от абхазского населения.

Из всех форм борьбы против агрессии султанской Турции наиболее важной и действенной была вооруженная борьба народа, которая периодически возобновлялась на протяжении всего времени турецкого господства в крае. Надо сказать, что в этой борьбе абхазского народа положительно сказывалось героическое сопротивление братского грузинского народа, который оказывал ему возможную помощь. Французский путешественник Жан Шарден, свидетельствуя,

---

³⁴ [Gamba] — Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au delà du Caucase, faits depuis 1820 jusqu'en 1824, т. I. Париж, 1826, с. 86—87.

³⁵ Spenser E. Travels in Circassia, Krim tartary, т. I. Лондон, 1838, письмо XXVIII.

³⁶ Владыкин М. Путеводитель по Кавказу, ч. I. М., 1885, с. 338—340.

³⁷ [Введенский А. Н.] Религиозные верования абхазов. — ССКГ, 1871, вып. 5, отд. III, с. 6.

что султанская Турция и абхазов облагала данью, «но они платили ее недолго, а в настоящее время совсем не платят», утверждая, что в 1672 году мегрельский владетель пригласил абхазов «на помощь против турок»³⁸.

Следует отметить, что население Абхазии было связано также с днепровскими (запорожскими) и донскими казаками, и что те каждый раз, когда возвращались на родину, делали пожертвование Пицундскому храму³⁹. То, что по прибытии в Абхазию казаки считали свои походы благополучно законченными, свидетельствует о дружелюбном к ним отношении абхазского народа. В преданиях донских казаков сохранились даже сведения о совместных походах казаков с «абхазскими христианами», что они совместно били «басурманов и защищали христианскую веру». Причем «эти предания подтверждаются целым рядом других источников»⁴⁰.

М. Пейсонель недвусмысленно подчеркивал, что абхазы «не повинуются» ни султану, ни черноморскому паше, «и лишь одна сила может привести их к покорности»⁴¹.

Турецкое правительство производило реставрационные работы в Сухумской крепости, вызывавшиеся часто именно «непрекращающимися волнениями среди абхазцев, их набегами на Сухум-Кале и турецкие поселения на малоазиатском берегу»⁴². Кстати, сохранился турецкий документ, относящийся к 1724 году, который повествует о том, что за продукты питания и напитки для солдат Сухумской крепости из Стамбула была послана сумма, которая была вручена от владетеля Гонио Мустафа-паши эмину⁴³ строительства названной крепости⁴⁴.

В 1725 и 1728 годах произошли крупные, но потерпевшие поражение восстания абхазского населения с целью изгнания из края султанских войск и паши, резиденция которого — Сухумская крепость была осаждена⁴⁵. Особенно характерен эпизод борьбы, имевший место в 1733 году. В Поти прибыл с войсками турецкий паша, чтобы усилить власть над населением Имерети, Мегрелии и Абхазии. Войска вторглись в пределы двух последних княжеств.

Вахушти Багратиони, излагая ход событий, сообщает следующее: «Вступили османы в Илори, однако кресты и ико-

---

³⁸ Шарден. Путешествие по Закавказью в 1672—1673 гг. — Тифлис, 1902, с. 101, 103.

³⁹ См.: Анчабадзе З. В. Указ. соч., с. 273.

⁴⁰ Кудрявцев К. Указ. соч., с. 147.

⁴¹ Пейсонель М. Указ. соч., с. 29.

⁴² Кудрявцев К. Указ. соч., с. 148.

⁴³ Эмин — должностное лицо, занимающее разные посты в государственных учреждениях.

⁴⁴ См.: Шенгелия Н. Н. Османские источники о крепостях Батуми и Гонио. — Тюркологический сборник 1979 г. М., 1984, с. 256, 269.

⁴⁵ См.: Кудрявцев К. Указ. соч., с. 148.

ны... были упрятаны в укрытиях. Подожгли церковь и сняли свинцовую крышу и уничтожили роспись». Затем они двинулись в глубь Абхазского княжества. Но «Шервашидзе с абхазами не явился к ним», т. е. турки были встречены враждебно. «Османы разорили и пленили, где что нашли». Абхазский владетель и приближенные к нему лица, уступая силе, вынуждены были принять мусульманство и дать обещание быть верными султану. Однако вскоре между абхазами и турками «возникла смута; ушли абхазы от них и начали убивать, воровать и нападать на османов ночью. Увидел это паша и возвратился в Одиши⁴⁶. Тогда напали абхазы, уничтожили лагерь османов и обратили их в бегство, ибо паша бежал морем, а остальных убили и погибли [османы] в море и реке, взяли их добычу премногую, отказались от мусульманства и вернулись абхазы к своей вере»⁴⁷.

В дальнейшем борьба абхазского народа с султанской Турцией объективно смыкалась не только с борьбой грузинского народа, но и с войнами России против Османской империи. В этих войнах симпатии народов Кавказа, естественно, были на стороне России, а некоторые из них, как грузины, выступали в союзе с ней.

Это и понятно. Кавказские народы на Россию смотрели как на единственную избавительницу от гнета восточных деспотических правителей. Они учитывали и горькие уроки прошлого. Военно-феодалная экспансия Турции и Ирана, хозяйственная и культурная жизнь которых характеризовалась весьма косными формами, как уже отмечалось, на протяжении столетий тормозила развитие производительных сил края, наносила огромный ущерб населению, тяжело сказывалась на развитии культуры, которая в течение многих веков была связана с христианством. Если говорить конкретно об Абхазии, то ее береговое положение, как уже отмечалось, подвергало регион опасности со стороны Османской империи.

Еще в 1752 году, как видно из рапорта майора Татарова, астраханский губернатор И. О. Брылкин просил узнать о дороге от Кубани к Грузии, называемой «Абазинской» (Абхазской), и тот сообщил ему нужные сведения⁴⁸. Известно, что с древнейших времен географическое положение Абхазии делало ее мостом между Северным Кавказом и Закавказьем, а также областями Южного Причерноморья.

В этот период в Западной Грузии борьбу против турецких поработителей возглавил имеретинский царь Соломон I — та-

⁴⁶ Мегрелию.

⁴⁷ Вахушти Багратиони. История., с. 286—297. См. также: Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков. Сухум, 1949, с. 62—63.

⁴⁸ См.: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы, т. II, в. XVIII. М., 1957, с. 178—181.

лантливый полководец и бесстрашный воин⁴⁹. В 1757 году султан объявил ему войну. В этой войне на стороне Соломона I активное участие приняли мегрельский владетель Кация Даддани и самурзаканский владетель Хутуния Шервашидзе (Чачба), которые прибыли к нему со своими ополчениями. Последний во время решающего сражения на Хресильском поле, в Окрийском ущелье, проявил исключительную отвагу. Он ворвался со своим отрядом в гущу расположения противника и уничтожил 16 человек. Но и сам абхазский герой пал на поле брани⁵⁰. После окончания боя Соломон I с большими почестями похоронил его. Хресильская битва положила начало национально-освободительному движению в Западной Грузии⁵¹.

В конце 50-х годов из Абхазии были высланы владетельный князь Манучар Шервашидзе (Сулейман-паша) и его братья Ширван и Зураб, которые оказались негодными султанской Турции. Абхазскому владетелю не могли простить то, что он не воспрепятствовал своему родственнику Хутуния Шервашидзе энергично поддержать имерегинского царя в день Хресильской битвы. Но через некоторое время турки, «уступая народному требованию», возвратили Зураба, который был объявлен владетелем Абхазии, но в качестве турецкого вассала⁵².

В 1768 году началась русско-турецкая война, завершившаяся Кючук-Кайнаджийским миром 1774 года. Во время этой войны грузинские цари Ираклий II и Соломон I были в союзе с Россией. На подступах к Аспиндза войско Ираклия II 20 апреля 1770 года наголову разбило турецкие отряды. В том же году владетель Самурзаканской Абхазии Леван Шервашидзе, подбодренный ходом событий и хорошо сознавая всю опасность для края турецкой угрозы, начал переговоры о принятии Абхазского княжества под покровительство России. Со стороны последней их вел начальник русского вспомогательного корпуса генерал Курт Тотлебен, направленный в Грузию Екатериной II. А в начале 1771 года Леван Шервашидзе со своим отрядом был в общем лагере русских и грузинских войск под стенами Поти, находившегося тогда в руках турок⁵³. В начале 1771 года Соломон I в письме

⁴⁹ Кстати, Соломон I был женат на Тинатин — дочери абхазского феодала Инал-ипа, а по другим сведениям — Шервашидзе (Чачба) (См.: Метревели Г. На перепутье. Тбилиси, 1982, с. 35, 72).

⁵⁰ См.: Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков. Сухуми, с. 64—65.

⁵¹ См.: Метревели Г. Указ. соч., с. 41—42.

⁵² См.: Утверждение русского владычества на Кавказе, т. II, ч. 2. Тифлис, 1904, с. 540; Исторический архив. М.—Л., 1950, № 5, с. 400—402; Исторический вестник. Тбилиси, 1953, № 7, с. 243; Антелава И. Г. Указ. соч., с. 68.

⁵³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. ч. I. М., 1923, с. 346; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803. Ч. I. СПб., 1869, с. 281, прим. 1.

к капитану Н. Д. Языкову, посланному в Грузию с особым поручением, твердо уверял, что абхазы собираются идти к крепости Поти «на помощь»⁵⁴. Однако указанные переговоры не привели к желаемым результатам по вине Тотлебена, доставившему русскому правительству вообще «более стыда, нежели славы», и который был вскоре отозван из Грузии.

Следует отметить, что в 1771 году и царь Ираклий II обратился к России с условиями, на которых он желал бы вступить под покровительство России. Известно также, что Соломон I еще в 1768 году направил в Россию своего полномочного посла за помощью. Между прочим, граф Н. И. Панин 12 марта 1769 года на заседании Государственного совета читал грамоту от Соломона I, а 16 марта — «описание Грузии» и притом предлагал «царю Соломону сделать вспоможение как войском, так и деньгами»⁵⁵. Но в тот период еще не назрела политическая ситуация для заключения соответствующего соглашения между русским правительством и грузинскими царями.

Между тем обстановка в Абхазии крайне обостряется. Уже в том же 1771 году абхазы, по словам Я. Рейнегса, служившего в 1779—1783 годах «комиссионером» Г. А. Погемкина при царях Ираклии II и Соломоне I, «будучи сильно угнетаемы, возмутились... против пророка и его заместителя» — турецкого султана. В результате упорной борьбы повстанцам, во главе которых стоял сам владетель Абхазии Зураб Шервашидзе, удалось изгнать вражеский гарнизон из Сухумской крепости и взять ее. Абхазы «объявили свою свободу с восстановлением прежних обычаев»⁵⁶. В одном историческом обзоре, относящемся, как видно, к первой половине XIX века, имея в виду это восстановление, также отмечается: «... Угнетенные абхазы возмутились и взяли Сухум, главное место, где сосредоточивалось жестокое турецкое правление»⁵⁷.

Но начавшиеся вскоре раздоры между руководителями восстания снова привели к поражению. И тем не менее это крупное восстание имело важное значение для общей борьбы населения Западной Грузии против турецких захватчиков. Султанское правительство, несмотря на свою неприязнь, не решилось тогда лишить Зураба Шервашидзе владетельского звания. Положение в Абхазии продолжало оставаться небла-

⁵⁴ Цагарели А. А. Грамоты и исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. I, ч. 2. СПб., 1891, с. 292.

⁵⁵ Архив Государственного Совета. Протоколы Совета, т. I, ч. 2. СПб., 869, с. 770. Кстати, в этом источнике (с. 770—779) содержатся интересные сведения, характеризующие взаимоотношения между русским правительством и названными грузинскими царями в 1768, 1770—1775, 1789, 1792—1795 годах.

⁵⁶ Reineggs J. Allgemeine historisch—topographische Beschreibung des Kaukasus... П. Хилдесхайм — СПб., 1797, с. 7.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, л. 1.

гоприятным для турок. Говоря словами русского офицера Ф. Ф. Торнау, они едва держались в Сухумской крепости, «утомленные непрерывными нападениями абхазцев»⁵⁸.

В 1775 году в «Абхазии»⁵⁹ по коммерческим делам находился английский шкипер Томас Рейн, с которым лейтенант русской армии Иосиф Пери имел в Керчи беседу*. Как сообщал последний из Таганрога в Петербург президенту Военной коллегии графу И. Г. Чернышеву 27 ноября 1779 года, шкипер рассказывал, что «тамошние старшины» «желают иметь коммерцию с Россиею, также и быть под российской протекциею». Вместе с тем, подчеркивал Пери, Турция «весьма ревностно старалась и старается привлечь народ абазинский к себе, но успеха никакого не имеет». Из этого сообщения лейтенанта Пери также выясняется, что он еще раньше, в Петербурге, доносил тому же Чернышеву об «открытии коммерции» между Россией и «абхазскими народами» и что это предложение графу «не противно»⁶⁰.

В Таганроге Иосифу Пери было предложено с этой целью поехать в «Абхазию». Узнав, что Чернышев согласен с таким предложением, тот и обратился к нему с указанным выше письмом, в котором он старался убедить его в выгодности установления непосредственных торговых связей с «Абхазией», при этом особо обращая внимание графа на лесные богатства края, в частности, на «мачтовые деревья»⁶¹.

В 1780 году Пери должен был совершить поездку в Константинополь. В связи с этим графу Чернышеву сообщалось о намерении Пери найти там знающего «абазинский язык и все их обряды» лоцмана и по его совету заготовить необходимые для «абхазов» товары и отправиться в «Абхазию»⁶². Однако, когда дело приняло практический характер, Чернышев воздержался, считая, что «сего сделать ныне еще невозможно, а когда время к тому будет, то, конечно, ... исполнено быть может»⁶³.

О торговых интересах России в этой части Кавказа свидетельствует и «показание» (1786 г.) шкипера Георгия Метакса, «в бытность его в Абазии»⁶⁴.

⁵⁸ [Торнау Ф. Ф.] Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1864, с. 6.

* Здесь необходимо отметить, что в определенное время в документах и литературе под «Абазия» и «абазинцы» нередко понимались как собственно Абхазия и абхазы, так и прилежавшие к ним с западной стороны соплеменники-сады (джики, джигеты) («Малая Абхазия»), а иногда и убыхи, жившие далее последних. Подчас бывает трудно определить, о какой части «Абхазии» идет речь.

⁵⁹ См.: ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 24, лл. 187—187 об., 196 об.

⁶⁰ Там же, лл. 196—197.

⁶¹ Там же, л. 196.

⁶² Там же, лл. 187, 197.

⁶³ Там же, д. 318, л. 8.

⁶⁴ См.: АВПР, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 675, лл. 147—151.

Вскоре последовали события, которые усилили стремление закавказских народов к России, в превосходстве которой по сравнению с восточными деспотиями они все больше убеждались. Имеется в виду прежде всего присоединение Крыма и Прикубанья к России в 1783 году. Этот факт существенно менял политическую и стратегическую обстановку на Кавказе в пользу русского государства. Владения последнего территориально сблизились не только с горными районами Большого Кавказа, но и с Закавказьем.

В том же году под протекторат России, по смыслу Георгиевского трактата, переходит Восточная Грузия, что еще больше усиливает русское влияние на Кавказе. Следуя примеру картл-кахетинского царя Ираклия II, имеретинский царь Соломон I и сильнейший из азербайджанских владетелей Фатали хан Кубинский также обратились к России с просьбой о защите и покровительстве. К этому времени относится и проект восстановления Армянского царства под эгидой России, представленный русскому правительству армянским архиепископом Иосифом Аргутинским⁶⁵.

После заключения Георгиевского трактата правители Имерети неоднократно обращались к России. Так, в декабре 1784 года в Петербург прибыли имеретинские послы (католикос Максим, князя Зураб Церетели и Давид Квинихидзе), которые передали русскому правительству прошения и письма. В этих документах содержалась просьба о принятии Имеретинского царства в покровительство России на таких же условиях, на каких была принята Восточная Грузия⁶⁶.

Однако правительство Екатерины II не спешило с ответом. Оно избегало обострения отношений с Турцией и ждало подходящего момента. Тогда посол Имерети З. Церетели 8 июля 1785 года предложил представителю России князю Г. А. Потемкину построить на берегу Черного моря (около Кинтриши) порт и крепость Цихисдзири, что способствовало бы большей защите со стороны моря Имерети, Абхазии, Гурии и Мегрелии и сделало бы их России «крепко подвластными», и тогда турки вынуждены будут покинуть без войны Поти, Батуми, Чакву и «крепость Абхазии» (Сухумскую)⁶⁷. Тем более, что дела Турции, например, в последней были весьма тревожные.

Русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе Я. И. Булгаков в донесении на имя Екатерины II от 15 августа 1785 года писал, что, как стало ему известно, абхазы, «абазинцы, не повинующиеся Порте, не хо-

⁶⁵ Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. М., 1957, с. 26—27.

⁶⁶ შაკვატაძე ვ. ბესიკი... თბ., 1968, с. 203.

⁶⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 139; 1788 წლის მფარველობითი ტრაქტატი, თბილისი, 1960, с. 284—285.

тят никаким образом терпеть оных татар на своей земле и ежедневно их бьют; а как они не в силах противиться, то просят Порту прислать корпус войск как для охранения крепости, так и защищения их от насилия абазинцев. Недавно отправленные отсюда в оную крепость с бинаемыми сто янычар лишь только выехали из пролива, принудили судно пристать в Краклин, где с него сошли и все разбежались, включая 13 человек с офицерами, он отправился к своему месту...»⁶⁸.

Представляет особый интерес деятельность грузинского дипломата — посла имеретинского царя и известного поэта Виссариона Габашвили (Бесики), а также оставшегося в России католика Абхазии и Имерети Максима, направленная на присоединение Имеретинского царства вместе с Абхазским княжеством к России. В письме к Бесики от 2 июля 1789 года католикос просил сообщить князю Потемкину о всех выгодах для России этого политического акта, при котором и абхазский владетель, следуя примеру Имерети, приобретает «большое счастье». Имеретинский царь Давид⁶⁹ в письме от 14 июля 1789 года, отмечая установление хороших отношений с абхазским владетелем, также советовал своему верному дипломату ускорить решение вопроса о присоединении Абхазии к России — «очень выгодного для великой России дела»⁷⁰.

И Бесики, от имени царя Имерети, неоднократно ходатайствовал перед князем Потемкиным об ограждении Абхазии от посягательств со стороны Турции. Так, еще в докладной записке от 16 сентября 1787 года он, в частности, указывал, что для безопасности Западной Грузии и изгнания с этой территории турок, чтобы те не успели там укрепиться, нужно ввести русские войска в Абхазию, в чем владетель Мегрелии может оказать немалую услугу. Бесики в прошении от сентября 1789 года, в котором выдвигал ряд условий по принятию Имерети в русское покровительство, также писал, что для упрочения позиции России на Кубани важное значение имеет Абхазия, поэтому надо дать имеретинскому царю соответствующее указание. В его докладной записке от 5 декабря 1789 — 5 декабря 1790 года одним из условий предлагалось представить Абхазии свободу. Он не сомневался в том, что «после этого абхазы примут покровительство России, а от торговли в портах Абхазии последняя получит немало выгод»⁷¹.

Вызывает интерес и документ от 3 декабря 1791 года, подписанный новым имеретинским послом Семеном Габашви-

⁶⁸ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 656, лл. 60—60 об.

⁶⁹ Давид (Георгиевич) был возведен на престол после смерти Соломона I, последовавшей 23 апреля 1782 года.

⁷⁰ *Исторический указ. соч.*, с. 145, 163, 164, 165, 281—282.

⁷¹ Там же, с. 20, 207, 208, 272—273, 291, 297.

ли и поданный Потемкину. В нем говорится: «Апхазетия доставить независимость от Порты, и оной в ее внутренние и религии принадлежащие дела не мешаться. Я, ведая о склонности сего народа, обнадеживаю, что они вскоре предадутся христианству и покровительству российскому. Словом, без перенесения к ним победоносного российского оружия изъявят свое России повинование, и дабы российское купечество и в их, апхазетских, пристанях свободное имело пристанище и полезную торговлю, то обстоят оны»⁷².

Аналогичного содержания было и более раннее письмо католикоса Максима. 27 сентября 1791 года он обратился к тому же Потемкину с просьбой не забывать Имеретию и Абхазию при заключении мирного договора с Турцией⁷³. Речь шла о Ясском мире договоре 1791 года, который, по существу, фактически признал условия Георгиевского трактата⁷⁴.

Обратимся теперь к другим материалам, представляющим интерес для характеристики общей политической ситуации в Абхазии с точки зрения идеи Георгиевского трактата 1783 года.

В марте 1789 года, в обстановке русско-турецкой войны, в Сухуме высадился командующий турецким корпусом Гуссейн Батал-паша, который, ко всему прочему, имел целью «соединиться» с горскими народами для общего выступления против России. Однако он не имел в этом деле никакого успеха. Через некоторое время на границе Кабарды турецкие войска были разгромлены, а сам предводитель сдался в плен к русским. Война, как известно, закончилась Ясским мирным договором, упрочившим положение России в Причерноморье. Он был шагом и на пути освободительной борьбы народов Кавказа. В частности, как отмечалось выше, восстанавливалось действие Георгиевского трактата⁷⁵.

В 1793 году турецкий сановник Феиз-Улу-Дервиш тайно, через Сухум, в Большую Кабарду привез фирман турецкого султана Селима III, в котором говорилось, что весной следующего года возобновляется война с Россией, если последняя до этого не откажется от Крыма и Кабарды. Падишах требовал от кавказских правителей готовиться к войне совместно с иранским шахом. Фирман заканчивался словами: «Да вручится сей фирман сугумскому (сухумскому. — Г. Д.) Келеш-Бию, потом владельцу Атажукке Атажуккову, а оттуда в Дагес-

⁷² Цагарели А. А. Грамоты..., т. II, ч. 2. СПб., 1902, с. 71. Приведенный документ ошибочно приписывается брату Семена Габашвили Виссариону (Бесики), который умер 24 января 1791 года.

⁷³ См.: ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 20, ч. 1, лл. 42—42 об. Маркова О. П. Указ. соч., с. 274.

⁷⁴ См.: Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983, с. 228—229.

⁷⁵ См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 208—209, 211—212; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958, с. 156—159; Маркова О. П. Указ. соч., с. 275.

тан...»⁷⁶. Однако, как видно, турки и на этот раз не получили ожидаемой помощи от абхазского владетеля, т. е. Келешбея Шервашидзе (Чачба).

Что в это время в Абхазии вообще довольно сильно чувствовалось антитурецкое настроение, признает и современный нам турецкий автор доктор Джемаль Гокче, который пишет о том, что абхазы стали периодически нападать на османские крепости и причинять им разрушения⁷⁷.

В такой обстановке начинается активизация деятельности Келешбея Шервашидзе, незаурядного политического деятеля своего времени, который вызвал так много противоречивых суждений в свой адрес. Одни, можно сказать, сводили на нет его роль, придавая ей чаще мрачную окраску, а другие, напротив, были склонны идеализировать его. Но все они сходились на том, что личность эта сильная.

Генерал Г. И. Филипсон, который в 30—40-х годах XIX в. был начальником штаба Черноморской береговой линии, характеризует Келешбея как человека большого ума, храброго и предприимчивого, пользовавшегося в народе большой известностью⁷⁸. Примерно в таком духе рассуждал и историк С. Эсадзе⁷⁹.

Келешбей был сыном упомянутого выше владетеля Абхазии Манучара Шервашидзе, свергнутого турками по политическим мотивам. Сам он стал владетелем, с помощью тех же турок, в результате отстранения Зураба Шервашидзе. Это произошло в начале 80-х годов. До этого Келешбей управлял Сухумской крепостью и ее окрестностями (Гумской Абхазией)⁸⁰.

Став правителем всей Абхазии, Келешбей по политическим соображениям перенес владетельскую резиденцию из Лыхны, старинного политического центра края, в Сухумскую крепость, мощные бастионы которой могли служить надежной защитой.

В Сухуме тогда стоял усиленный турецкий гарнизон. По сообщению Гамбы, население города в 1787 году равнялось 3 тыс. человек⁸¹. Предпринятые Келешбеем меры по укреплению этого опорного пункта и ряд других позволили ему добиться несомненных успехов в объединении раздробленного княжества и усилении центральной власти, о чем несколько подробно будет сказано ниже. В этих вопросах владетель максимально использовал и поддержку Турции.

В то же время Келешбей принимает довольно активное

⁷⁶ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. III, с. 245.

⁷⁷ См.: Гокче Джемаль. Кавказ и политика Османской империи на Кавказе. Стамбул, 1979, с. 187 (на турец. яз.).

⁷⁸ См.: Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 254.

⁷⁹ См.: Эсадзе С. К 40-летию... — Тифлисский листок, 1904, 9 ноября.

⁸⁰ См.: Дадвани Н. История Грузии. — СМОМПК, 1902, 31, с. 58.

⁸¹ См.: Гамба. Указ. соч., с. 74.

и неблагоприятное участие в междоусобной борьбе феодальных правителей Западной Грузии⁸². Так, в 1794 году владетель Мегрелии Григорий Дадияни, имевший «крайнее притеснение» со стороны Соломона II и Келешбея Шервашидзе, «для примирения» вынужден был уступить последнему Анаклию, на левом берегу р. Ингури⁸³, и само собой «отказаться от претензий своих на Самурзакань». Управлять этим районом Келешбей «назначил» своего сына Махмедбея, которому дал «в жизненное пользование [и] доходы с окрестных жителей Анаклии, занятой турецким гарнизоном»⁸⁴. В таком же духе об этом писал П. Д. Краевич⁸⁵. А в журнале заседания Комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края Военно-народного управления от 24 мая 1884 года констатировалось: «При жизни Келеш-бея его сын Махмедбей имел в своем владении крепость Анаклию с прилагающимися к ней землями, с которых пользовался подлежащими доходами»⁸⁶. Надо сказать, что Анаклия была укреплена хорошо, и до прихода русских войск служила «притоном пленопродавства»⁸⁷. А в 1802 году абхазский владетель, пользуясь теми же внутренними и внешними затруднениями Григория Дадияни, за оказанную помощь в его противоборстве с имеретинским царем, принудил отдать ему в аманаты (заложники) своего сына — наследника Левана⁸⁸. При этом абхазский владетель выставил войска в 20 тыс. человек с тремя пушками⁸⁹.

Теперь Келешбей считал назревшим вопрос о практическом изменении политических взаимоотношений с Турцией. Не случайно дворяне Квинихидзе⁹⁰ в июне 1803 года уверяли генерала П. Д. Цицианова в том, что абхазский владетель «никак не зависел от блистательной Порты Оттоманской»⁹¹. И. Я. Рейнеггс, который достаточно хорошо знал политическую обстановку в крае, не сомневался в том, что Келешбей «только делает вид, что он подчиняется Порте...»⁹².

Командир Отдельного Кавказского корпуса и главноко-

⁸² См., например, соч. Н. Дадияни «История Грузии».

⁸³ См.: АКАК, т. I, с. 553; т. II, с. 519; Дубровин Н. Закавказье от 1803—1806 года. — СПб., 1866, с. 533.

⁸⁴ [Введенский А. Н.] Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов его населяющих». — ССКГ, 1872, в. 6, с. 18.

⁸⁵ См.: [Краевич П. Д.] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакании. — Там же, 1870, в. 3, с. 20.

⁸⁶ ЦГАА, ф. 60, д. 78, л. 1.

⁸⁷ АКАК, т. II, с. 519.

⁸⁸ См.: Дадияни Н. Указ. соч., с. 72; Антелава И. Г. Указ. соч., с. 79.

⁸⁹ См.: АКАК, т. I, с. 577.

⁹⁰ См.: Одного из них, Давида, еще в 1775 году видим в качестве императорского посла.

⁹¹ АКАК, т. II, с. 536.

⁹² Reineggs L. Указ. соч., с. 536.

манующий в Грузии генерал А. П. Ермолов в одном из своих официальных писем за 1821 год характеризовал Келешбей как «самовластного владельца» Абхазии, «никогда над собой не признававшего законной власти Порты, а только иногда пользовавшегося ее покровительством»⁹³. А в записке Министерства иностранных дел от 1 июля (?) 1826 года на имя М. Воронцова и А. Рибоьера Келешбей называется «независимым князем» и принявшим «покровительство России»⁹⁴.

А вот что писал С. М. Броневский: «Келеш-Бей содержал свой собственный гарнизон из абхазов; когда был в дружбе с турками, то называл свои войска турецкими... В расстройстве черкесов и абхазов власть Порты всегда была сомнительна. Для наказания за шалости турецкие начальники не смеют посылать малые отряды в горы». В другом месте читаем: «Имея около себя до 10 000 вооруженных абхазов, он (Келешбей. — Г. Д.) мало заботился о выполнении фирманов, от Порты посылаемых. Однако ж в удовлетворение гордости дивана называл свои войска турецкими, как между тем употреблял оные для собственных видов. Расширял таким образом свою власть и владение, он сделался наконец правителем Абхазии...»⁹⁵. Он был также «уважаем весьма грузинским и черкесским» народами⁹⁶.

Интересно в этом отношении и сообщение преемника Ермолова на Кавказе графа И. Ф. Паскевича (1830 год): «... Келешбей, признавший над собой верховное покровительство Оттоманской Порты, не считал, однако, себя подданным ее, умственными и телесными своими преимуществами и предпримчивым характером умел соединить в своих руках управление всею Абхазскою землею»⁹⁷. Между прочим, Келешбей, по сообщению того же графа Паскевича, располагал и небольшою флотилией, состоявшею из «некоторого числа хорошо вооруженных галер»⁹⁸. А недалеко от Сухумской крепости, в устье реки, была расположена его «корабельная верфь»⁹⁹.

Наконец, небезынтересно сослаться на высказывание П. С. Санковского¹⁰⁰, который писал: «С тех пор как Россия вступила твердою ногою за пределы Кавказа [...], христианские владения Имеретия, Мингрелия и Гурния готовы были также изъявить свою покорность единой державе, и даже абхазский владетель показывал тому явную склонность»¹⁰¹.

⁹³ См.: АКАК, т. VI, ч. 1, с. 656.

⁹⁴ См.: ВПР XIX и начала XX века. Документы... Серия II, т. 6(14). М., 1985, с. 509.

⁹⁵ Броневский С. Указ. соч., с. 297, 303, 347.

⁹⁶ АКАК, т. III, с. 191.

⁹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234, лл. 57—70.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Броневский С. Указ. соч., с. 295.

¹⁰⁰ См.: П. С. Санковский — главный редактор «Тифлиских ведомостей»; передовой журналист, близкий Грибоедову и декабристам деятель.

¹⁰¹ Тифлиские ведомости, 1831, 3 января.

В самом начале XIX столетия, в 1801 году, к России была присоединена Восточная Грузия (Картли-Кахетинское царство). Единение с Россией, как подчеркивалось, в тех исторических условиях было единственной возможностью для сохранения грузинского народа. Причем этот политический акт predetermined дальнейшую судьбу не только феодально раздробленной Грузии, но и всего Закавказья. Он имел далеко идущие прогрессивные результаты вообще для народов Кавказа, особенно, если рассматривать вопрос в широкой исторической перспективе, несмотря на тяжелые последствия колониальных укреплений царизма.

Отныне политика России на Кавказе состояла в обеспечении выхода к Черному и Каспийскому морям. Р. А. Фадеев писал: «Между тем владычество на Черном и Каспийском морях, или в случае крайности, хоть нейтралитет этих морей, составляет жизненный вопрос для всей южной половины России, от Оки до Крыма, в которой все более сосредотачиваются главные силы империи... Эта половина государства создана, можно сказать, Черным морем»¹⁰².

В этом плане значение факта образования в середине Закавказского края новой губернии Российской империи — Грузинской — трудно переоценить. При этом учитывалась также важность выступления Грузии на стороне России в ее борьбе с Турцией и Ираном, которая была обусловлена стремлением российского правительства решить ближневосточную проблему¹⁰³. Не упускались из виду и другие интересы — естественные богатства края и то, что он представлял удобный транзитный путь для торговли со странами Востока и т. д.¹⁰⁴

Вслед за присоединением Восточной Грузии сразу же стал вопрос и о раздробленной Западной Грузии, политические образования которой, желая избавиться от чужеземного господства, а иные из них и в силу внутренних междоусобиц¹⁰⁵, также стремились к союзу с Россией.

В 1803—1804 годах под покровительство России одно за другим вступили Мегрельское княжество и Имеретинское царство. В декабре 1804 года у впадения реки Хоби в Черное море высажены русские войска под командой генерала И. И. Рыкгофа и основана крепость Редут-Кале (Кулеви).

Почти в самом начале XIX века к России мирным путем был присоединен и целый ряд азербайджанских и армянских областей.

Опытный политик Келешбей Шервашидзе не мог не счи-

¹⁰² Фадеев Р. Указ. соч., с. 8.

¹⁰³ См.: Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963, с. 5.

¹⁰⁴ См.: შ. დუშაძე. დასავლეთ საქართველო XIX ს. I ნახევარი.

Тбилиси, 1957, гл. I.

¹⁰⁵ См.: Сургуладзе И. И. История государства и права Грузии. Тбилиси, 1968, гл. IV.

таться с изменившейся политической обстановкой — укреплению позиции России в Грузии и во всем Закавказье, тяготение народов края к этой могущественной державе, а также ненадежность поддержки со стороны «одряхлевшей и обесилевшей»¹⁰⁶ деспотической султанской Турции, вассальная зависимость, от которой, как уже отмечалось, давно тяготила его.

Названный выше турецкий автор, Джемаль Гокче, отмечая, что с 1806 по 1829 года Османское государство стремилось сохранить прежние отношения с кавказскими народами, признавал, что это не всегда ему удавалось: «Внутренняя слабость Империи проявлялась и здесь; поскольку племена стали понимать, что, сохраняя верность Османскому государству, они не достигнут независимости»¹⁰⁷.

Все это и «заставило» Келешбей серьезно «думать об устраниении зависимости от Турции и о приискании более твердой внешней опоры, которую он только и мог найти в покровительстве России»¹⁰⁸. Так или иначе он пришел к такому выводу, хотя в свое время он и утвердился владельцем при содействии султанской Турции, а затем, с ее же помощью, стремился уладить и свои сложные внутривосточные дела.

Еще 30 июня 1803 года генерал П. Д. Цицианов в письме к мегрельскому владельцу Григорию Дадвани сообщал: «Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-бек Шервашидзе, абхазский владелец, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство е. и. в., моему государю... и якобы упомянутый Келеш-бек просит в. св. употребить ваше ко мне по предмету сему посредство»¹⁰⁹.

А 27 октября 1803 года тот же Цицианов писал вице-государственному канцлеру А. Р. Воронцову, что посланцы мегрельского владельца уверяли, что их сосед Келешбей Шервашидзе «ждет прибытия российских войск» в Мегрелию, «чтобы им предаться со всем своим владением»¹¹⁰.

Академик С. Н. Джанашиа подчеркивал, что Келешбей «проявил стремление к приобретению покровительства России вследствие тех условий, в которых ему приходилось действовать в начале XIX столетия. Эта политическая комбинация совпадала с намерением России»¹¹¹.

К сказанному выше о заинтересованности в свою очередь России в Абхазии следует добавить, что, завладев ею, она

¹⁰⁶ Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией? — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 9, с. 36.

¹⁰⁷ Гокче Дж. Указ. соч., с. 207.

¹⁰⁸ [Краевич П. Д.] Очерк..., с. 19.

¹⁰⁹ АКАК, т. II, с. 536.

¹¹⁰ Там же, с. 463.

¹¹¹ ჯანაშიას გორგი შარვაშიძე. — გ. შარვაშიძე. ლიტკა. ეპოსი დრამა. სოხუმი, 1946, გვ. 7.

могла с юго-запада вплотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием султанской Турции и закрывавшим доступ к Черному морю, в связи с чем, как писал К. Маркс, «ноги гигантской империи» были «отрезаны от туловища»¹¹². Таким образом, речь шла о крае, который должен был стать плацдармом для расширения российских владений на Западном Кавказе.

Идя на указанный принципиальный политический шаг, Келешбей примиряется с владельцами Мегрелии, а до этого обезопасил свои тылы с северо-запада — со стороны садзов и убыхов¹¹³. Вел он решительную борьбу и со своими «строптивыми» феодалами. Так, Келешбей в свое время обуздал владельца Абжуйской Абхазии Бекирбея Шервашидзе, который являлся его двоюродным братом и был вызван еще при владельце Зурабе Шервашидзе из Батума. Будучи женат на Анчабадзе (Ачба) и рассчитывая на поддержку этой многочисленной княжеской фамилии, Бекирбей стремился выйти из повиновения Келешбею. Но последний внезапно окружил «ослушника» в крепости, находившейся в с. Атара. Владелец хотя и оставил Бекирбея правителем Абжуйской Абхазии, но обессилил его до крайности¹¹⁴.

Келешбей принудил к «покорности» и цебельдинских князей Маршания, а также закордорских Ачба (Анчабадзе)¹¹⁵. Зорко следил он и за положением дел в Самурзаканском владении. Действительный статский советник П. М. Литвинов¹¹⁶ имел полное основание утверждать, что Келешбей «усилился и взял над Шервашидзе ... власть»¹¹⁷.

Добиваясь не без успеха объединения княжества, что в тех условиях имело положительное значение и отвечало стремлениям различных слоев абхазского общества, Келешбей делал ставку и на мелкое дворянство, а также на верхушечную прослойку крестьян («чистых крестьян»), из которых он обычно вербовал своего рода «служилых дворян» («дружинников»), форсируя создание промежуточного сословия «ашнакума»¹¹⁸, в котором историк С. Эсадзе видел, «по своей организации», «большое сходство» с опричниками Ивана Грозного¹¹⁹. Эта стража, известная в былые времена под на-

---

¹¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 408.

¹¹³ См.: Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии, ч. I. Сухум, 1934, с. 143.

¹¹⁴ См.: Краевич Т. Д. Очерки... С. 20.

¹¹⁵ См.: Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии, ч. I. Сухум, 1934, с. 143.

¹¹⁶ П. М. Литвинов в 1803 году по «высочайшему повелению» был направлен для особых поручений к П. Д. Цицианову, а в 1805 году назначен «правителем» Грузии.

¹¹⁷ АКАК, т. II, с. 528.

¹¹⁸ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 143.

¹¹⁹ Эсадзе С. К 40-летию... Тифлисский листок, 1904 г., 10 ноября.

званием «Киараз»¹²⁰, находилась в «постоянной готовности к экспедициям»¹²¹.

Успехи Келешбея Шервашидзе, как справедливо отмечает профессор И. Г. Антелава, объяснялись и теми некоторыми сдвигами, которые произошли в экономической жизни Абхазии¹²².

Таким образом, как писал С. М. Броневский, хотя и преувеличивая явно, Келешбей, «расширяя свою власть и владения... сделался, наконец, повелителем всей полуденной Абхазии посредством приобретенного им влияния между различными коленами абхазов, горских и побережных, прибегавших под его покровительство»¹²³.

Показательно и то, что Келешбей дает свое согласие на тайное принятие вторым его сыном Сафарбеем, избранным им наследником престола, христианства и христианского имени Георгия, а также женит на дочери мегрельского владетеля. Надо сказать, что и правители соседнего княжества были заинтересованы в этом браке, «полагая приобрести в воинственном Келешбее покровителя себе... против теснившего его имеретинского царя»¹²⁴. Отметим также, что Сафарбей (Георгий) происходил от матери крестьянского сословия (Лейба, с. Мгудзырхва). Нет сомнения, что Келешбей в свое время вступил в брак с женщиной из крестьянской верхушки и по тем политическим соображениям, о которых говорилось выше¹²⁵.

Так, ослабление Турции и усиление России меняет соотношения сил в Абхазии. Однако в условиях чрезвычайно сложных международных отношений, в частности, обострения англо-франко-русских противоречий на ближнем Востоке, российские дипломаты все еще соблюдали большую осторожность и сдержанность, когда речь заходила о Закавказском крае вообще¹²⁶. Они вынуждены были считаться с существованием за своей спиной «непокорных» кавказских горцев, часть которых, прежде всего вследствие происков турецких правителей, оказалась оторванной от России. Кроме того, учитывалась пока непрочность положения последней в Грузии. Нужно также отметить, что правительство Александра I некоторое время было настроено миролюбиво по отношению к своим соседям в Закавказье, желая иметь свободу действий на Западном фронте¹²⁶.

---

120 См.: Антелава И. Г. Указ. соч., с. 126—127.

121 Эсадзе С. Указ. соч. — Тифлисский вестник, 1904 г., 9 ноября.

122 См.: Антелава И. Г. Указ. соч., с. 80.

123 Броневский С. Указ. соч., с. 346.

124 См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 389, л. 83; И. Н. Абхазия... с. 74—75.

125 См.: Краевич П. Д. Очерк..., с. 19; Антелава И. Г. Указ. соч., с. 75, 139.

126 См.: Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951, с. 200.

Царское правительство стремилось создать для себя здесь, как и повсюду на окраинах, социальную опору в лице местной эксплуататорской верхушки. Поэтому его территориальные приобретения были результатом не только прямых военных действий, но также добровольного перехода местных властителей в подданство России. Приходилось даже сохранять за некоторыми из них право на внутреннюю автономию, хотя бы номинально. С течением же времени и здесь устанавливался режим национального гнета и несправедливости, поскольку царизм в принципе не терпел сохранения каких бы то ни было элементов государственности или каких-либо автономных прав у народов окраин¹²⁷.

Таким образом, особенно полоса наполеоновских войн в Европе делала невозможным быстрое и успешное присоединение областей Кавказа к России. Очевидно, именно это обстоятельство, в частности, вынужденная позиция «воздержания» правительства Александра I в абхазском вопросе, с одной стороны, реальная угроза турецкого султана — с другой, заставляет Келешбея одно время сделать попытку установить связь с Францией. А последняя проявляла к нему, как и к некоторым другим кавказским деятелям, живой интерес в аспекте осуществления своей далеко идущей политики на Востоке¹²⁸. Имеется в виду прежде всего переписка между Келешбеем и французским консулом в Синопе Фуркадом, а также министром иностранных дел Франции Талейраном. Речь идет и о направлении в Сухум французского дипломатического агента Адриана Дюпре. По времени это относится к 1804—1807 годам¹²⁹.

На вопрос генерала П. Д. Цицианова, какова должна быть политика по отношению к владельцу Абхазии, государствен-

¹²⁷ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967, с. 380—381.

¹²⁸ Следует отметить, что Наполеон пытался распространить влияние Франции на Грузию и вообще на Кавказе еще в конце XVIII века. (См.: Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. 2, вып. 2. Под ред. А. А. Цагарели. СПб., 1902, с. 203). Затем, особенно в период войны России и Франции, тайные агенты последней всячески пытались поднять кавказские народы против России. Согласно одному документу, относящемуся к 1811 г., «некоторые суда под французским флагом привозят прибрежным жителям не только жизненные потребности, но и воинские снаряды». Вскоре несколько таких судов были взяты русскими крейсерами недалеко от Суджук-Кале (ЦГАОР СССР, ф. 18, оп. 4, 1811, д. 5, лл. 33—34; ЦГВИА, ф. ВУА, 6192, лл. 103—104, 141). Однако Франции не удалось изменить русскую ориентацию народов Кавказа. Напротив, в тяжелом для России 12 году они остались верными ей. Это дало возможность России перенести ряд воинских частей с Кавказа на Запад, против Наполеона (См.: Герсесян М. Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1865, с. 328).

¹²⁹ Подробнее см.: ეფრემიძე მ. საფრანგეთისა და რუსეთის საზღვრო სამეფო-სამთავროების ურთიერთობათა ისტორიიდან წამოღებონ I კვლევა. Труды педагогических институтов Грузинской ССР. Тбилиси, 1978. в. IV, с. 63—76.

ный канцлер Воронцов разъяснял: «По поводу уведомления вашего о готовности владельца Келеш-бека вступить в подданство России должен я согласиться, м. г. мой на те же самые рассуждения, о коих сообщал вам в прежних отношениях моих, касательно дружественных связей наших с Портою, не позволяющих нам ни под каким видом посягнуть на точную собственность империи Оттоманской; под оною разуметь можно и области сего соседственного с Мингрелиею владельца»¹³⁰, т. е. Келешбея.

Но при этом Воронцов выражал уверенность в том, что с установлением благоприятных условий присоединение Абхазии к России может произойти без «каких-либо потрясений», по крайней мере, объяснял он, судьба края после присоединения Имеретии и Мегрелии «уже в руках наших находится будет». Ввиду этого Воронцов рекомендовал главнокомандующему не торопиться и быть осторожным в разрешении этого вопроса.

Вместе с тем канцлер, еще раз предупреждая о необходимости проявлять «заботливость» «не встревожить Порту», если по вступлении русских войск в Мегрелию Келешбей «учинит... формальное предложение вступить в подданство России», — предписывал тем не менее Цицианову, «не лишиться... всей надежды Келеш-бея»¹³¹.

В 1804 году Цицианов отправил в Имерети и Мегрелию статского советника П. М. Литвинова, которому, между прочим, было поручено вступить в тайные переговоры с абхазским владетелем, не оставляя при этом в руках последнего каких-либо документов, чтобы скрыть факт об этих переговорах на случай, если он станет известен султанскому правительству. Русскому дипломату удалось завязать тайные переговоры с владетелем Абхазии, но они не привели к желаемым результатам.

А вскоре отношения между русской администрацией и Келешбеем стали натянутыми, и дело чуть не дошло до вооруженного конфликта в связи с задержанием абхазским владетелем, в качестве заложника, наследника мегрельского престола Левана Дадиани¹³². В ответ на категорический отказ Келешбея отпустить последнего, Цицианов послал владетелю резкое письмо, после чего тот начал укреплять южные границы княжества и одновременно обратился за помощью к султану, хотя до этого «он утверждал, — когда еще владел Анакрой (Анаклией. — Г. Д.), — что независим от Порты»¹³³.

¹³⁰ АКАК, т. II, с. 1016.

¹³¹ Там же.

¹³² Дело в том, что в октябре 1804 года внезапно скончался владетель Мегрелии Григорий Дадиани, а его сын Леван рескриптом Александра I в январе 1805 года был назначен на его место.

¹³³ Porojet de Poschipt à Mr. d' Italinski. — АВПР, ф. Сношения Турции с Россией, д. 2247, л. 276.

В марте 1805 года царский отряд под командой генерала Рыкгофа, заняв крепость Анаклию, вторгся в пределы Абхазского княжества. Это заставило Келешбея отпустить Левана, но факт занятия указанной крепости, формально считавшейся принадлежащей Турции, вызвал большие осложнения. Владетель, самолюбие которого было задето заживо действиями упомянутого царского военачальника, пошел даже на осложнение русско-турецких отношений.

Правительство Александра I было встревожено этим событием, которое еще больше могло обострить международные отношения, спровоцировать военные действия между Россией и Оттоманской империей, и предложило немедленно ликвидировать конфликт, в частности вернуть Анаклию и вывести оттуда русские войска. А генерал Цицианов поспешил всю вину взвалить на генерала Рыкгофа, который, как он объяснял, «без позволения» «взял военной рукой» эту крепость, хотя на самом деле это было результатом его прямого распоряжения¹³⁴.

Опасения правительства частично оправдались. Инцидентом постарались воспользоваться, с одной стороны, некоторые влиятельные представители правящих кругов Турции, крайне нерасположенные к России, а с другой — французский эмиссар полковник Себастиани¹³⁵, прилагавший все свои усилия к тому, чтобы восстановить Турцию против России. Турецкое правительство начало даже приводить в оборонительное состояние свои пограничные крепости и т. д. Но вопрос в конце концов был урегулирован¹³⁶.

Тем временем, в июле 1805 года, новый владетель Мегрелии Леван Дадиани в селе Бандза дал присягу русскому правительству. В этот день, независимо от «общеабхазского владения», присягнули и самурзаканские князья Манучар (Манча) и Леван Шервашидзе. «Мы, — заявляли они, — нижеподписавшиеся абхазские князья, державцы Самурзакана, вошли с нашею землею, князьями и дворянами в рабство е. и. в., всемилоштивейшего русского царя»¹³⁷. Манучар Шервашидзе становится фактическим самурзаканским правителем, тем более, что в это время умер Мехмедбей Шервашидзе.

Этот факт достаточно ясно свидетельствует об известном ослаблении власти Келешбея в Самурзаканской Абхазии. Самурзаканские Шервашидзе, составлявшие «особую линию»

---

¹³⁴ См.: АКАК, т. II, с. 525, 538—539; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 389, лл. 87—87 об.; ВПР XIX и начала XX века. Документы... Серия I, т. II. М., 1961, с. 685.

¹³⁵ В 1807—1808 годах видим его уже в чине генерала и в должности французского посла в Константинополе, активно действующим в указанном направлении (См.: АКАК, т. III, с. 558, 559, 561, 562, 566).

¹³⁶ Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940, с. 8—10.

¹³⁷ АКАК, т. II, с. 527.

этой фамилии, пользуясь распрями во владетельском доме и в целом в княжестве, давно проявляли сепаратизм, находясь не только в родственных отношениях¹³⁸, но и под влиянием владетельных князей Мегрелии.

Тем не менее, как подчеркивал П. Д. Краевич, «при Келеш-бее власть абхазского владетеля признавалась в Самурзакани, ибо иначе не могло бы состояться пожалование Келеш-беем своему сыну Мехмед-бею имени в Анаклии». В другом месте: «Автономия самурзаканских Шервашидзе... была, по всей вероятности, не полная...»¹³⁹. И по мнению Нико Дадиани, Келешбей «над Самурзаканской Абхазией «имел сильное влияние»¹⁴⁰.

Тем не менее мы не видим «острого» реагирования Келеш-бея на указанный политический шаг самурзаканских Шервашидзе, и вместе с тем, несмотря на все отмеченные выше обстоятельства, решительнее, чем когда-либо идет на сближение с Россией. Он ясно осознавал непрочность, особенно в новых условиях, своей власти, ограниченность средств для сохранения в стране порядка и своего авторитета, исключение поддержки со стороны Турции. Особо тревожили Келеш-бея действия влиятельных эшерских князей Дзапш-ипа и цебельдинских Маршания. Первые только искали удобного случая для расправы с ним, а вторые, ущемленные грозным владетелем, мечтали о прежней «независимости». А о позиции самурзаканских Шервашидзе уже было сказано.

Султанское правительство, и без того давно охваченное тревогой по поводу успехов России на Кавказе, резко меняет свое отношение к Келешбею, так долго и много служившего ему. В конце марта 1806 года, в момент, когда последний, несмотря на описанный выше конфликт с царскими военными властями, уже окончательно решил порвать с Турцией и, по видимому, искал лишь формальный повод для этого, к нему является опальный владетельный дербей (феодал) районов Самсуна и Трапезунда Таяр Махмуд (Таяр-паша), который, обвиненный в государственной измене против Султана Селима III, решил стать под защиту Российской империи¹⁴¹. Укрываясь в Сухуме у Келешбея, Таяр-паша начал переговоры с русским правительством, предлагая при этом свои услуги в деле принятия абхазским владетелем российского поддан-

¹³⁸ Например, Манучар Соломонович Шервашидзе был женат на сестре Лавана Дадиани.

¹³⁹ Краевич П. Д. Очерк... С. 20, 22.

¹⁴⁰ Дадиани Н. Указ. соч., с. 72. Эту мысль повторял также А. В. Пахомов (См. его «Записки...», с. 232). Об этом, о пределах Абхазского княжества при Келешбее, наконец, свидетельствуют документы того времени (См., например, АКАК, т. II, с. 519, 528).

¹⁴¹ Это был один из тех турецких феодалов, которые были недовольны даже робкими попытками реформ центральной султанской власти (Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, с. 27).

ства и приобретения Россией всего Черноморского побережья Кавказа.

Вскоре в Сухум прибыл турецкий чиновник с требованием султана отсечь голову мятежному паше. За выполнение этого приказа султан обещал пожаловать владетеля Абхазии в визири, сыновей его сделать беками и отдать ему имение Таяр-паши «без всякого притязания». В противном случае владетелю грозила война. В то же время турецкое правительство предложило некоторым абхазским феодалам (Дзапш-ипа, Маан и др.) уговорить Келешбея выполнить требования султана. И нашлись среди них лица, которые требовали от владетеля безоговорочного исполнения султанского приказа. Но владетель не выполнил этого требования. В ответ на это турецкий визирь писал названным абхазским феодалам: «И мы с большими кораблями и фрегатами отправимся через несколько дней. Вот все сие произошло от безумия Келешбека... первый визирь изустно приказал мне... объявить вам милость государя..., что..., если соберетесь вместе и тогда законопреступника доставите в руки и, не давая ему случай уйти, отрежете ему голову и доставите ко мне, то из Трапезундской таможни отпускаемо будет вам ежегодно до 5 кес» (910 руб.)¹⁴².

Однако Таяр-паша в Сухуме было предоставлено не только убежище, но и возможность уехать в Крым, на судне майора английской службы Пауа. Мотивируя свой политический поступок, Келешбей писал: «Когда Таяр-паша, сын Батал-паши, бежал сюда, то, зная, что он прибегнул под покровительство российской империи, я принял его и после отправил в Крым»¹⁴³ — 22 июня 1806 года.

Вместе с тем, в условиях мятежа феодалов внутри страны и угрозы репрессии извне, со стороны султана, владетель всячески форсировал ход переговоров с русским командованием. В письме к генералу Цицианову он писал, что бегство Таяр-паши и стремление его прибегнуть к покровительству России «подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному... покорно прошу вас представить о сем обстоятельстве е. и. в. и употребить ваше ходатайство... в случае же могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас своей помощью и защитением»¹⁴⁴. В другом своем письме Келешбей уверял русское командование, что усерднее его «нет никого к службе российской, случающейся в здешнем краю»¹⁴⁵.

Как видно, и сам Келешбей собирался в Крым. Во всяком случае, генерал-губернатор Новороссийского края Э. О. де

¹⁴² АКАК, т. II, с. 872.

¹⁴³ АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1806 г., д. 2, лл. 26—26 об.

¹⁴⁴ АКАК, т. III, с. 191.

¹⁴⁵ Там же, с. 189.

Ришелье в одном из своих предписаний писал, «чтобы и Келеш-бею жительство в Крыму было дозволено, но при этом считалось необходимым «внушить ему, что безопасность его требует дабы прибывание его в Крым было сколь можно менее гласно»¹⁴⁶.

Кроме того, Келешбей в мае 1806 года заключает соглашение с мегрельской владетельницей (дедопали) Ниной Дадиани, кстати, дочерью последнего грузинского царя Георгия XII, в которой говорилось: «Быть мне твоим благожелателем, врагу твоему врагом, а другу — другом»¹⁴⁷. Мегрельские владетели, сознавая ту опасность, которую представляло для них укрепление султанской Турции на Абхазском побережье, в свою очередь стремились сейчас к прочному союзу и добрососедским отношениям с домом владетельных князей Абхазии.

Своими действиями абхазский владетель, как сказано в документе, «навлек на себя всю тяжесть гнева султана»¹⁴⁸. В Константинополе официально было объявлено о решении правительства отправить в Сухум флотилию из Трапезунда и сухопутные войска из Ахалцыха и Эрзерума. Вскоре к берегам Абхазии была направлена турецкая эскадра в составе 11 судов с войсками. Начальник флотилии, снабженный султанским фирманом, пытался склонить на сторону Турции некоторых абхазских феодалов, в том числе и родственника Келешбея князя Манучара Шарвашидзе¹⁴⁹. В то же время Келешбей был лишен жалованья.

Келешбей обратился к русскому командованию с просьбой дать «к пощаде его жизни искренних советов и защиты»¹⁵⁰. «Известно вам, — писал он, — что перед сим посланы нами письма к вам и прошения к е. и. в. в рассуждении принятия вас в покровительство российское, и вы изволили объявить нам, что вы представите оные государю и какой получите ответ о том немедленно уведомите нас и по оному дадите нам помощь. Хотя ныне прибыл человек с фирманом за Таяр-пашою и мы по надежде на помощь российского двора возвратили его назад, но против нас точно идут корабли, почему просим объявить нам, какую вы можете дать нам помощь»¹⁵¹.

Но русское правительство все еще проявляло осторожность в абхазском вопросе. Александр I категорически предупреждал, что только после разрыва с Турцией можно объявить владетелю Абхазии об официальном принятии его в российское подданство.

¹⁴⁶ АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1806 г., д. 2, лл. 36—36 об.

¹⁴⁷ АКАК, т. III, с. 190

¹⁴⁸ Там же, с. 192.

¹⁴⁹ См.: АКАК, т. III, с. 192, 193.

¹⁵⁰ Там же, с. 192.

¹⁵¹ Там же, с. 189.

Тем не менее русский чрезвычайный посланник в Константинополе А. Я. Италинский обратился к турецкому правительству с требованием объявить цель выхода военной флотилии в Черное море. Было оказано препятствие выступлению ахалцихского паша и, «вынуждаемого турками», начальника Потийской крепости. Император одобрил мероприятия, сделанные «по случаю военных приготовлений со стороны Порты, ныне производимых против абхазского владельца». Кроме того, Александр I предписал главнокомандующему Кавказской армии, что в случае, если султанские войска все-таки будут двигаться через Мегрелию в Абхазию, то отрезать им обратный путь в турецкие пределы¹⁵².

По официальным данным, на защиту страны от иноземного нашествия выступило 25 тысяч человек. Турецкая эскадра, убедившись в решимости владетеля «защищаться доколе будет возможно» и поняв, что «есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут», вынуждена была удалиться. Ахалцихский паша воздержался от выступления. Не решился выступить и эрзерумский паша, имевший «начальство над пашами, граничащими с Грузией». Он, по приказу султана, должен был непосредственно обеспечить содействие начальнику флотилии¹⁵³.

«Известия, — сообщал министр иностранных дел барон А. И. Будберг генералу И. В. Гудовичу 5 сентября 1806 года, — ... о продолжающейся преданности к России абхазского владельца Келешбека и о безуспешном возвращении турецкой эскадры, обратили на себя особое внимание императора¹⁵⁴.

С этого момента владетель Абхазии больше «повелений султана не исполнял, управляя своим народом», — как свидетельствовал современник событий Таяр-паша¹⁵⁵. Однако в Абхазии не были ослеплены этой победой: султанское правительство всегда могло двинуть более крупные силы против маленького княжества. Наиболее дальновидные деятели выход из создавшегося положения продолжали видеть в присоединении Абхазии к могущественной России, что совпадало с интересами и всего абхазского народа.

Поэтому владетель Абхазии через Э. О. де Ришелье, которому Александр I было поручено «сделать с ним (Келешбеем. — Г. Д.) постановление на формальное принятие его со всем владением на вечное подданство России»¹⁵⁶, послал правительству «прошение» о своем желании принять такое подданство.

152 См.: АКАК, т. III, с. 521.

153 См.: Там же, с. 192—193, 519—520.

154 См.: Там же, с. 193.

155 См.: Там же, с. 191.

156 Там же, с. 574.

Прежде чем отправить этот документ, вопрос о принятии российского подданства был поставлен на «собрании общества», созванном в июне 1806 года. Таяр-паша, присутствовавший на этом сходе, свидетельствовал, что «советуясь о том, утвердили, — что будет сделано Келеш-беем, последуют всему»¹⁵⁷. Письмо на имя Александра I и условия принятия русского подданства владетель направил в Крым через того же Таяр-пашу, снабдив его доверенностью ходатайствовать «об этом изъявлении». Ришелье, который принятие Абхазии в подданство России считал «большой пользой», в свою очередь, письмо Таяр-паши, адресованное ему, послал в Петербург. В этом письме излагались предложения абхазского владетеля следующим образом:

«1) О удостоверении российского престола, что все военные и невоенные абазинцы (абхазы. — Г. Д.) верны будут и служить готовы всегда и чтобы е. и. в. благосозиволил принять и назвать своими подданными.

2) По принятии же Келеш-бея российским престолом в подданство, быть над ними начальником Келеш-бею.

3) По достоинству же его от щедрот е. и. в. всемилостивейше награжден бы был таковым же чином и жалованием.

4) Из 6 сынов его, Келеш-бея, большой Сефер-бей также не оставлен бы был достойным чином и жалованием; 2-го сына для уверения о верном подданстве под залог отправит Келеш-бей в С.-Петербург, прося у е. и. в. соизволения выучить грамоте и другим российским наукам.

5) Из абазинских дворян только 30 человек от щедрот е. и. в. не были бы лишены награждения.

6) Он, Келеш-бей, в кр. Боты (Поти. — Г. Д.) пребывая, в случае от Порты нападения запастись провиантом.

7) В кр. Боте, хотя имеются большие пушки, но по прибытии туда российских войск имелось бы российских малых хотя 2 и с канонирами для того нужными.

8) В России запрещено покупать ясыров (рабов. — Г. Д.), то чтоб не было им запрещено, потому что без обращения сего не могут жить.

Когда сей 8-й пункт угодно е. и. в. не воспретить, то они удостоверяют: 1) что Ачик-Баш-хана, который доньше все-российскому престолу не повинуется и, по грузинским горам бродя, в тех же пределах находящиеся российские войска всегда имеют от того беспокоиться, отклонят от того; а буде в том не успеют, то возьмут тогда силою и без сомнения в Россию доставят, яко сын к отечеству. 2) Он, Келеш-бей, с верными своими героями, коих число до 6 000, по границам в Грузии и около Тифлиса будет продолжать российскому престолу искреннюю службу. 3) В абазинских местах весьма способен и редкой лес есть на построение кораблей, если

¹⁵⁷ См.: АҚАК, т. III, с. 192.

благоугодно строить корабли в тех местах или доставлять куда благоугодно для того. 4) При том объявляют, что есть мест несколько, которые весьма способны для гаваней, и они почти к тому и теперь годны, но несколько надобно исправить и будет для российского флота в зимнее время убежищем. Наконец просили, какой на то последует ответ, немедленно его уведомит»¹⁵⁸.

Здесь следует обратить внимание на восьмой пункт, характеризующий Келешбея, как впрочем, и некоторых других кавказских правителей того времени, работорговцом, проводником той гнусной торговли, которая так ревностно культивировалась султанской Турцией, хотя, по свидетельству С. М. Броневского, за время управления этого владельца в целом «весьма уменьшился торг пленниками»¹⁵⁹.

С указанным документом («Памятной запиской») Александр I был ознакомлен через министра иностранных дел А. Я. Будберга и в основном одобрил его. Последний, отвечая герцогу Ришелье (9 ноября 1806 года) «по велению» императора, писал: «Не вызывает сомнения, что приобретение такого человека как Келеш-бей следует, разумеется, считать очень важным вопросом, имеющим большое значение для наших границ в Грузии, и то, что вы, господин герцог, говорите по этому вопросу, полностью одобрено е. в. Следовательно, поэтому оно уполномочивает вас, не теряя времени, начать официальные переговоры с Келеш-беем через посредничества Таяр-паши и даже подписать предварительный акт с ним на основе положений, изложенных в отправленной вам памятной записке и с учетом некоторых замечаний»¹⁶⁰.

Одно из этих «замечаний» касалось пункта о работорговле, которая только на первых порах могла быть допущена и то с ограничением, поскольку она «противоречит человечности». Сообщалось также, что Келешбею присваивается чин генерал-лейтенанта русской армии с жалованием, соответствующим 10 000 пиастрам, которые он получал от Турции, и оставался пожизненным правителем Абхазии. Сыну его Георгию (Сафарбею) присваивался чин полковника с жалованием, соответствующим этому титулу. Кроме того, Келешбею разрешалось отправить в Петербург младшего сына Баталбея, который обеспечивался всем, «что только возможно как в отношении его содержания, так и воспитания». Надо

¹⁵⁸ АКАК, т. III, с. 192.

¹⁵⁹ Броневский С. Указ. соч., с. 350.

¹⁶⁰ Ришелье, в свою очередь, подчеркивал, что «подчинение» Келешбея «имеет важное значение особенно для нашей кубанской границы»; черкесские князья, проживающие в горах, расположенные на другой стороне Кубани, находятся «в большей или меньшей зависимости от Келеш-бея» (АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1806 г., д. 2, лл. 57—57 об.). Еще до этого, в 1805 году, д. с. с. Литвинов заявлял: «Подтверждение Келеш-беку жить с нами в дружественной связи весьма нужно...» (АКАК, т II, с. 528).

сказать, что этому делу правительство придавало особое значение.

В конце предупреждалось: «Вследствие неопределенности еще существующих в наших отношениях с Портой, мы в данное время должны относиться к ней с некоторой осторожностью, и с этой точки зрения, следуя необходимости, вести эти переговоры под покровом большой секретности; но в ожидании их окончания, при развитии событий, тем или иным образом мы в состоянии заявить публично о протекции, которую е. в. пожалует Келеш-бею»¹⁶¹.

Александр I хотя и обращал «особое внимание» на «продолжающуюся преданность к России абхазского владетеля», но и в других случаях он «соизволял» именно только «при первом известии о разрыве» с Турцией объявить Келешбею «о формальном принятии его», и тогда «не медлит присылки» грамоты и других «приличных знаков высочайшего благоволения» к владетелю Абхазии. И министр иностранных дел барон Будберг утверждал, что «желание его (Келешбея. — Г. Д.) и преданность приняты были при высочайшем дворе с благодарностью»¹⁶².

Об этом свидетельствует также рескрипт самого императора на имя Ришелье от 14 января 1807 года, в котором говорится: «После того как мой министр иностранных дел генерал Будберг сообщил мне в письме, которое вы ему отправили 18 декабря прошлого года, я решил сам выразить вам свое чувство удовлетворения, которое я исполнил, видя взаимный успех переговоров, которое вам поручено с Келешбеем через посредничество Таяра»¹⁶³.

Между тем политическая обстановка в Абхазском княжестве в это время еще больше осложняется. По-видимому, около 1806 года, в период наивысшего обострения турецко-абхазских отношений был раскрыт обширный заговор против Келешбея¹⁶⁴, организованный эшерскими князьями Дзапшипа и их племянником Асланбеом Шервашидзе, старшим сыном Келешбея, который, как уже отмечалось, был лишен отцом наследственных прав в пользу Георгия.

Заговор происходил под подстрекательством султанской Турции. В нем непосредственное участие принимал сухумский султанский паша. Но Келешбей, предупрежденный своевременно, был достаточно жестоким и решительным человеком, чтобы одним безжалостным ударом уничтожить трех

¹⁶¹ АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1806 г., д. 2, лл. 45—48 об. (на французском языке).

¹⁶² АКАК, т. III, с. 193.

¹⁶³ АВПР, ф. «Главный архив», 1—10, 1806 г., д. 2, лл. 56—56 об.

¹⁶⁴ По утверждению А. В. Пахомова (1868 г.), заговор состоялся около 1804 года (См. его «Записку об именах князя Г. Шервашидзе». — Исторический вестник. Тбилиси, т. VII, 1953, с. 231). А проф. И. Г. Антелава называет 1805 г. (См. его «Очерки...», 1949, с. 83).

Братьев Дзапш-ипа, обманом заманив их в свою Сухумскую резиденцию. Остальные эшерские князья из этой фамилии бежали в Цебельду и вели абреческую жизнь до конца правления Келешбея, а их имение, заключавшееся в пределах между реками Шицкуара и Адзапш (Гнилушка), Келешбей присоединил к своим владениям¹⁶⁵.

Надо сказать, что эта жестокая мера, предпринятая Келешбеем, «не произвела волнения в народе»¹⁶⁶. Более того, «народ не только не роптал, но смотрел на эту меру как на меру необходимости»¹⁶⁷.

Заговор еще раз убедил владетеля в том, что с официальным принятием подданства России надо спешить. А вопрос этот он, как видно, считал в принципе predetermined. Об этом свидетельствует, например, его письмо к генералу П. Д. Несветаеву от 28 сентября 1806 года, в котором говорится: «Прошу меня не забывать. Перед сим я и Таяр-паша донесли все наши мысли и то, что мы желаем быть под покровительством и в службе е. и. в... и через короткое время должны мы получить на наши просьбы разрешение. Постарайтесь о нашем деле, когда воспоследует разрешение е. и. в.»¹⁶⁸.

Тем временем обостряются русско-турецкие отношения. Наполеоновская Франция всячески подстрекала Турцию к войне с Россией. В результате султанское правительство нарушило возобновленный им в 1805 году союзный договор с Россией и другие русско-турецкие соглашения. Турция была вовлечена в войну с Россией. Манифестом от 5 января 1807 года турецкое правительство официально объявило войну России. В Закавказье военные действия начались внезапным нападением турок 8 февраля 1807 года на укрепление Редут-Кале (Кулеви). В этой войне царское правительство, в свою очередь, надеялось не только удержать, но и расширить владения России на Кавказе, обеспечив, в частности, морские коммуникации Грузии с Крымом и получить доступ к Черному морю через Абхазию и Мегрелию и для того, чтобы, по выражению Александра I, «связать сей край крепчайшими узами с метрополией»¹⁶⁹.

Царские дипломаты и военачальники, руки которых теперь были развязаны, всячески побуждали Келешбея к активным действиям против Турции — «отражать собственны-

¹⁶⁵ См.: Краевич П. Д. Очерк..., с. 19—20; Пахомов А. Указ. соч., с. 231; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907, с. 104.

¹⁶⁶ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 61.

¹⁶⁷ Чернышев К. Еще об Абхазии. — Там же, 1856, № 82.

¹⁶⁸ АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1806 г., д. 2, лл. 27—27 об.

¹⁶⁹ Цит. по: Фадеев А. В Бухарестский мир 1812 года и вопрос о Кавказских границах. — Ученые записки Ростовского государственного университета, т. XXXI, вып. 3, 1952, с. 80.

ми... силами неприятельские покушения»¹⁷⁰. 11 февраля 1807 года главнокомандующий на Кавказской линии и в Грузии И. В. Гудович писал Келешбею: «Зная уже, что ваше высоко-степенство удостоены принятием вас под сильную защиту и покровительство Всероссийской державы, а потому надеясь на твердое ваше расположение, усердие и преданность к России, прошу и требую, чтобы... при нынешнем разрыве мира высокосильной Российской империи с Оттоманскою Портою, на случай появления турецких войск в Черном море, старались воспрепятствовать проходу их к нашей крепости, устроенной при устье р. Хопи, и собственными своими силами подавали помощь российским войскам, в той крепости расположенным. Всякий же ваш в сем случае подвиг и показанный опытом усердие ваше будет мною доведено до высочайшего сведения е. и. в., причем я могу удостоверить е. высоко-степенст., что если вы в продолжении войны с турками сохраните со всею твердостью ваше расположение и пребудете в усердии и верности к России, то вам дано будет всякая помощь противу турок, сделаны будете независимым владельцем от Порты, получите высочайшее утверждение вас владельцем наследственно, также удостоены будете высочайшею грамотою, утверждающей вас в достоинстве владельца наследственно и получите другие знаки отличия, соответствующие достоинству владельца. О каковом счастье, ожидающем вас и все ваше владение, когда останетесь в ненаруши-мой верности, уведомляю ваше высокостепенство»¹⁷¹.

Через некоторое время Келешбей получает и конкретное предписание — употребить «все средства схватить потийского муселима»¹⁷² и завладеть Потии»¹⁷³. Начальником этой крепости был Кучукбей Шервашидзе — родственник абхазского владельца, поставленный им на этой должности¹⁷⁴, но в рассматриваемое время — один из его ярых врагов.

Надо сказать, что силы, которыми располагала Россия в это время на Кавказе, были все еще недостаточными для того, чтобы добиться осуществления широких планов.

Келешбей Шервашидзе, однако, не оправдал всех надежд российского командования. После начала военных действий он занял выжидательную позицию. На категорическое требо-

---

¹⁷⁰ Письмо барона Будберга графу Гудовичу от 7 января 1907 г. — АКАК, т. III, с. 531.

¹⁷¹ АКАК, т. III, с. 197.

¹⁷² Муселим — начальник крепости.

¹⁷³ Отношение гр. Гудовича бар. Будбергу от 15 мая 1807 г. — АКАК, т. III, с. 706.

¹⁷⁴ См.: АКАК, т. III, с. 197.

Потийский и батумский правители являлись «наследственными пашами, владельцами из рода Шервашидзе» (Кудрявцев К. Указ. соч., с. 152). Вообще «комендантами всех важнейших крепостей на побережье служили члены фамилии Шервашидзе» (Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии, ч. I, с. 142).

вание названного командования начать выступление «келешбековских войск», владетель уклончиво заявил, что «не имеет еще всех преданных к нему его подданных»¹⁷⁵.

Здесь необходимо также вспомнить и его отношение к наполеоновской Франции, наибольшая активность которой в абхазском вопросе относится именно к этому периоду.

Следовательно, царские генералы и дипломаты не без основания начали в это время считать Келешбея отклонившимся «от всякого ... содействия»¹⁷⁶. Граф Гудович в письме к Келешбею от 14 июля 1807 года прямо писал: «Что принадлежит до подачи нам помощи, то на сие вам скажу: как во время нынешних наших действий против турок вы не оказали никакого опыта усердия... и не помогли нашим войскам действиями против турок, а еще падает на вас сомнение, что вы под рукою воспособляете туркам...»¹⁷⁷.

В этих обвинениях, несомненно, были и элементы пристрастия. Тот же Гудович менее чем через год, 19 мая 1808 года, в связи с убийством Келешбея, писал Александру I: «Сей многолетний старец, как известно уже в. и. в. по прежним всеподданнейшим донесениям, с самого вступления войск российских в Имеретию и Мингрелию показывал всегда чистосердечное расположение свое быть под покровительством и в подданстве в. и. в., которого он еще в третьем году искал через выехавшего в Россию Таяр-пашу, сына Батал-паши, и с которым постановление о принятии его в вечное покровительство и подданство Всероссийской империи, по высочайшей воли в. и. в., представлено было... де-Ришелье»¹⁷⁸.

А если иметь в виду конкретные события 1807 года, то нельзя недооценить следующие факты. Келешбей не дал возможности турецкому командованию высадить десант на территории Абхазии и превратить край в плацдарм для своих военных операций. Еще в июне 1806 года министр иностранных дел Адам Чарторыйский подчеркивал, что «при настоящих обстоятельствах Грузии приверженность Келешбея и даже бездействие его не бесполезны будут для тамошних дел...»¹⁷⁹.

Кроме того, абхазские войска «под командованием самурзаканского владельца Манучара Шервашидзе в марте 1807 года направились в Поти для содействия русским войскам. Однако оказавшись без запасов провианта и поскольку не было большой готовности в этих формированиях, было решено распустить их, а «если востребуется нужность в них, тогда немедленно они прибыть могут»¹⁸⁰.

175 АКАК, т. III, с. 542.

176 Там же, с. 706.

177 Там же, с. 198.

178 Там же.

179 Там же, с. 190.

180 Рапорт ген.-м. Рыкгофа гр. Гудовичу от 28 марта 1807 г. — Там же, т. III, с. 197.

После поражения турецких войск на реке Аралчае 18 июня 1807 года и подписания мира между Россией и Францией было заключено перемирие между Россией и Турцией.

В июле 1807 года Сухум посетил командир судна русского военного флота лейтенант Ф. Я. Скриневский с поручением от генерал-майора И. И. Рыкгофа. Келешбей постарался принять его «с особой учтивостью». Получив же доставленные упомянутым офицером два конверта от генерала, владетель «объяснился ему, что нетерпеливо ожидает уведомления, когда принят будет в российское подданство и что коль скоро сие последует, то он сына своего¹⁸¹, имевшего 16 лет от роду, отправит в Петербург для определения в военную службу». Затем, когда Скриневский спросил его, могут ли русские суда, «претерпевающие во время плавания бедствия, входить на рейд Сухумский», владетель заявил, что если это будет угодно главнокомандующему русского флота и об этом он получит предварительное отношение, то он на это охотно согласится.

Скриневский, между прочим, обратил внимание на тот факт, что чертежи для лафетов, стоявших в крепости, были сделаны отставным русским артиллерийским офицером, который вообще руководил вооружением крепости. Посетил он и арсенал, где хранились луки, стрелы, ружья, пистолеты, палаши, кинжалы и дротики, а также бурки, кафтаны и шапки. По словам хранителя арсенала, Келешбей мог укомплектовать оружием 5 тыс. человек. Пушек было в крепости 12 медных и 4 чугунных. Представляет интерес и описание самого Келешбея. Он имел «лет до 60-ти, мужествен, росту высокого, состав костей и мускулы показывают крепкого человека, лицо, волосы красноватые и твердые». На прощание владетель подарил русскому офицеру часы, а также передал пять конвертов: адмиралу Траверсу — два, таврическому гражданскому губернатору Мертваго — один и Таяр-паше — два¹⁸².

В результате этого визита Скриневского в октябре 1807 года в Военном министерстве, для представления Александру I, была составлена записка под названием «О сведениях, полученных от Абазинской провинции и владетеле ее»¹⁸³.

В марте 1808 года военные действия между Россией и Турцией возобновляются. Положение последней становится крайне тяжелым. И поскольку центральная власть была чрезвычайно слаба, наказание «непокорного» абхазского вла-

¹⁸¹ Речь идет о Баталбее.

¹⁸² Донесение командира требоки «Константин» лейтенанта Ф. Я. Скриневского главному командиру черноморских портов И. И. Траверсе от 24 августа 1807 года. — ВПР XIX и начала XX века. Документы... Серия I, т. IV. М., 1965, с. 49—51. См. также: АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1806 г., д. 2, лл. 71—74.

¹⁸³ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, лл. 1—4.

детеля и «пресечение» его стремления к союзу с Россией были весьма затруднительны. С. Эсадзе писал по этому поводу: «Шорта, убедившись, что с постепенным усилением власти Келешбей начал оказывать ей неповиновение, смотрела на него как на опасного вассала, не решаясь, однако, наказать ослушника»¹⁸⁴.

Поэтому турецкие правящие круги организовали новый заговор из недовольных абхазских феодалов против Келешбея с непосредственным участием того же сухумского турецкого паши. И вот «обнадеживаемый и подстрекаемый турками»¹⁸⁵, Асланбей в ночь на 2 мая 1806 года организует покушение на своего отца. Владелец был смертельно ранен несколькими выстрелами у входа в свой дворец в Сухуме. Убийца, видя, что Келешбей еще жив, изрубил его шашкой. Были умерщвлены еще два малолетних его сына, а Баталбей — тяжело ранен¹⁸⁶. Французский коммерсант Поль Гибаль, о котором говорилось выше, тоже утверждает, что именно «турки смогли уговорить Аслан-бея совершить покушение на своего отца»¹⁸⁷.

Так был убит Келешбей, в «твердом расположении, усердии и преданности» которого уже не сомневались объективные русские дипломаты¹⁸⁸.

Воспользовавшись замешательством, вызванным убийством владельца, Асланбей с соучастниками преступления (Бежаном Шервашидзе и т. д.) и другими своими приверженцами засел в Сухумской крепости, куда заключил оставшихся в живых своих братьев, за исключением Георгия (Сафарбея), который в этот момент находился в Лыхны. При этом отцеубийца захватил казну и большое личное состояние отца, а был он «очень богат»¹⁸⁹.

Акт вероломного убийства Келешбея Шервашидзе, «сторонника русской ориентации»¹⁹⁰, вызвал в Абхазии большой резонанс, глубокое сожаление и крайнее возмущение среди широких масс¹⁹¹. Победа Асланбея, стоявшего во главе заговора, означала бы победу султанской Турции, грозила новым

¹⁸⁴ Эсадзе С. К 40-летию... Тифлисский вестник, 1904, 9 ноября.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ См.: Отношение гр. Гудовича к гр. Румянцову от 20 мая 1808 г. — АКАК, т. III, с. 199, 200.

¹⁸⁷ Guibal P. Указ. рук., л. 113 об.

¹⁸⁸ Келешбей был похоронен внутри Сухумской крепости.

¹⁸⁹ Дадяни Н. Указ. соч., с. 80.

¹⁹⁰ См.: Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, с. 99.

¹⁹¹ В народном предании «Как сын владетельного князя убил отца», записанном С. Н. Патеипа в 1907 году, говорится: «Весь, что владетельного князя Келеш-бея убийца был сын самого князя — Аслан-бей, сразу обошла весь народ. Собралась вся Абхазия. Оплакали, устроили траурное шествие... Сегодня на Абхазию надет траур... Владетельный князь... Келеш-бей погиб». (См.: Г. А. Дзидзария, Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940, с. 16—17).

порабощением абхазского народа и изоляцией его от грузинского и других народов Кавказа¹⁹². В официальных русских источниках говорится, что «бесчеловечный сын» Келешбей, «отцеубийца обратил на себя... даже черни ненависть»¹⁹³.

С другой стороны, на кровавую сухумскую драму быстро отреагировало турецкое правительство, которое в срочном порядке утверждает Асланбея в звании «абхазского бей» (владельца) и заявляет об оказании ему щедрой помощи. А турецкие агенты уверяли население Абхазии в том, что «Келешбей, как отступник, заслужил смерть от руки сына, который в этом случае не совершил преступления, будучи только слепым исполнителем воли аллаха»¹⁹⁴.

Происшедший «дворцовый переворот» резко обостряет политический кризис в крае, ускоривший присоединение его к России. Русскую ориентацию в Абхазии возглавил Георгий (Сафарбей) Шервашидзе, названный наследником еще при жизни отца. Он поспешно собрал своих сторонников, разорив «все достояние и окрестные деревни» Асланбея, «стеснил» Сухумскую крепость, но завладеть ею ему не удалось, хотя он долго и блокировал ее «с сухопутной стороны». Георгий Шервашидзе был вынужден «с князьями и дворянами келешбеевыми явиться к владельцам Мегрелии, прося у них помощи и посредничества в переговорах с русским командованием»¹⁹⁵.

В одном из своих писем к ним он писал: «Я, владелец и державец абхазцев и внутренних мест и наследник Зуфу и Цебельды, склоняясь на благой совет ваш, устанавливаю себя с моею землею в рабстве и верности всемилобтивейшему и самодержавнейшему всея России императору, по всей моей возможности, как вы им одарены и приняты»¹⁹⁶.

Одновременно Георгий Шервашидзе обращается к генералу И. И. Рыкгофу с письмом, в котором, извещая об убийстве отца, писал: «Известно вам, что покойный Келеш-бей еще при жизни своей передал вам и теперь по его смерти, ежели вы хотите, даю землю свою... Многие сухумские князья и дворяне в согласии со мною»¹⁹⁷.

Мегрельские владельческие князья, всячески одобряя обращение Георгия Шервашидзе к русскому командованию, призывая его привести в исполнение намерения Келешбея принять подданство России, в свою очередь, ходатайствовали перед правительством Александра I о принятии его в свое подданство, предлагая при этом и свою помощь.

---

¹⁹² См.: Фадеев А. В. Абхазия в первой четверти XIX века. — Труды Одесского государственного университета. История, т. I, 1939, с. 14.

¹⁹³ АКАК, с. 412; т. V, с. 788.

¹⁹⁴ [Торнау Ф. Ф.]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1864, с. 8.

¹⁹⁵ См.: АКАК, т. III, с. 201, 203, 206.

¹⁹⁶ Там же, с. 205.

¹⁹⁷ Там же, с. 200.

Настаивая таким образом царское правительство, мегрельская владетельница Нина Дадияни писала генералу Гудовичу о том, что «приобретением» Абхазии «присоединяется к русской державе берег Черного моря поблизости Крыма и над ними». «Число абхазцев, — писала она далее, — немалое, и когда это так будет, то и соседи их джики и аланы немедленно покорятся»¹⁹⁸. А в письме к самому императору Александру I она подчеркивала: «Ныне время удобное принять Сефер-бея под ваш покров»¹⁹⁹.

Несколько позже новый главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Тормасов, оценивая усердие Нины Георгиевны в присоединении Абхазии к России, писал: «Приобретение граничащей с Мингрелией Абхазии, в подданство Всероссийской империи есть плод ее ревности к подзам дел е. и. в.»²⁰⁰.

Но при этом Мегрельская владетельница преследовала и свои выгоды. Она хорошо понимала стратегическое и торговое значение Абхазии. Кроме того, с Георгием Шервашидзе ее связывали не только родственные узы, но и, как уже отмечалось, политические интересы, поскольку вторжение турецких захватчиков в Абхазию непосредственно угрожало безопасности и соседнего княжества.

Георгия Шервашидзе всячески поддерживал и самурзаканский владетель Манучар Шервашидзе. Последний добился назначения комендантом крепости Анаклии своего человека, а прежний, «верный Келешбею», был задержан Асланбеем, когда он явился в Сухум за семьей. Манучар и «при жизни Келешбея» имел «большое влияние» над этой крепостью²⁰¹.

Описанные события совпали с периодом перемирия между Россией и Турцией. Поэтому Александр I, хотя и обещал принять Абхазское княжество под свое «покровительство», но снова строго предписывал, чтобы новый абхазский владетель до благоприятного времени это намерение хранил в совершеннейшей тайне.

Исходя из этой установки, министр иностранных дел Н. П. Румянцев в письме от 13 июня 1808 года генералу И. В. Гудовичу предупреждал: «В. с. можете объявить Сефер-Али-беку, что г. и. всемилостивейше обещает принять его под всеильную свою державу и в вечное подданство Российской империи; только бы сие было без оглашения на первый случай. пока начатые с Портою переговоры не приведены будут к окончанию»²⁰². И царские генералы, ожидая исход переговоров с Турцией, держали войска наготове, на случай разрыва перемирия и открытых военных действий.

¹⁹⁸ АКАК, т. III, с. 203.

¹⁹⁹ Там же, с. 201.

²⁰⁰ Там же, т. IV, с. 406.

²⁰¹ Донесение гр. Гудовича Александру I от 19 мая 1808 г. — АКАК, т. III, с. 199.

²⁰² АКАК, т. III, с. 206.

Но пока с Петербургом шла переписка, Сухумская крепость была хорошо укреплена. Командующий войсками на Кавказе генерал А. П. Тормасов писал, что Асланбей «при подкреплении его Портою Оттоманскою весьма тогда усилился»²⁰³. Нина Дадиани также свидетельствовала о том, что из Константинополя прибыло судно с «разными подарками» и деньгами для Асланбея, которого турецкие правящие круги уверяли, что «всякая нужная помощь со стороны Порты будет ему оказана, относящаяся до войска и денег»²⁰⁴.

О помощи Асланбею со стороны Турции говорит и тот факт, что вскоре после падения Сухумской крепости, в июле 1810 года, русским кораблям удалось задержать прибывшее из турецкой столицы судно с экипажем в 43 человека, на котором были обнаружены 3 султанских фирмана на имя Асланбея, фальконеты, лафеты для пушек, пшеница, соль и т. д.²⁰⁵

Кроме того, на сторону Асланбея переходит новая группа абхазских феодалов, преимущественно турецкой ориентации. Среди тайных противников Георгия находился и его родной брат Хасанбей. Из Потийской крепости прибывает в Сухум ее комендант Кучукбей Шервашидзе с войсками на трех судах, а «сухопутно черкес из гор — до 300» человек²⁰⁶.

В результате всего этого в Сухуме был размещен крупный гарнизон. Если в 1807 году, во время пребывания Скриневского, здесь было всего 16 пушек, то теперь их насчитывалось около 100; имелось также свыше тысячи пудов пороха, большое количество ядер и т. д., а на рейде стояло несколько вооруженных судов²⁰⁷.

Но в то же время, вскоре после убийства Келешбея, и на помощь к Георгию Шервашидзе приходят, по распоряжению генерала Гудовича и при личном секретном участии генерала Рыкгофа, объединенные силы Левана Дадиани («одишко-лечхумское ополчение») и самурзаканского владельца Манучара Шервашидзе²⁰⁸. Но и эта попытка завладеть «усиленной орудиями» Сухумской крепостью не увенчалась успехом. Участник операции историк Николай Дадиани пишет: «Мы прибыли в Аку²⁰⁹, расположились на берегу Баслы, но не могли окружить крепость, так как не имели ни приготовленной артиллерии, ни других орудий для блокады крепости». Но им удалось освободить из плена жену Келешбея Ребюханум Маршания и ее сына Баталбея²¹⁰.

203 АКАК, т. IV, с. 425.

204 Там же, с. 389—390.

205 АВПР, ф. Главный архив, 1—13, 1810 г., д. 2, лл. 9—11.

206 АКАК, т. III, с. 207.

207 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, лл. 1—4; АКАК, т. III, с. 208.

208 АКАК, т. III, с. 207—208; Кудрявцев К. Указ. соч., с. 156.

209 Абхазское название Сухуми.

210 Дадиани Н. Указ. соч., с. 80.

Сухумская крепость оказалась неприступной с суши, ее можно было взять только действиями артиллерии со стороны моря. К такому выводу пришел и генерал Рыкгоф.

Георгий Шервашидзе обращается к Александру I с нотами «Просительными пунктами», текст которых был составлен еще 12 августа 1808 года²¹¹. Владетель заявлял о том, что он вступает «в подданство и службу», как «наследственный подданный» императора всероссийского, «предавая» себя и Абхазию и все находящейся в ней, с исповеданием «прежней веры нашей, которой были предки наши христианами». Далее он выражал надежду, что край будет огражден русскими военными силами и заверял о своей готовности «до капли крози быть верным подданным». Владетель обязывался присягой и обещанием «в вечном подданстве» и быть «покорным» главнокомандующему в Грузии вместе со всем своим народом. Он также обещал дать корабельный лес, «заводы золотые и серебряные», с оставлением ему некоторой части.

Однако «всеподданнейшее письмо» абхазского владетеля пока остается без реагирования. Дело ограничивается лишь уверениями генерала Рыкгофа о том, что настанет время, когда ему, Г. Шервашидзе, будут оказаны и помощь, и «покровительство».

Наконец, наступило такое время. Оно было связано с возобновлением военных действий между Россией и Турцией весной 1809 года. Российские войска переходят к активным боевым операциям в Западной Грузии. Было решено овладеть прежде всего Потийской крепостью, которая, по словам командующего русскими войсками в указанном регионе генерала Д. З. Орбелиани, сменившего Рыкгофа, была самой «нужной для выгрузки провианта с судов и безопасной доставки его по Риони и Имеретии»²¹². Вместе с тем это облегчало взять Сухум.

Но в первую очередь необходимо было занять форштадт, расположенный в трех верстах от Поти. На эту операцию были посланы также отряды Манучара Шервашидзе и Николая Дадiani. 15 августа 1809 года форштадт был взят. При этом Шервашидзе и Дадiani проявили «отличное усердие». Генерал Орбелиани, в частности, просил «изъявления благодарности» Манучару Шервашидзе как отличившемуся «отважностью своею»²¹³.

---

²¹¹ См.: Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913, с. 7—9. Утвержденный Александром I 17 февраля 1810 года текст документа см.: I ПСЗРИ, т. X, СПб., 1830, прилож., с. 74—75, № 24128 а. См. также АКАК, т. III, с. 209.

²¹² Рапорт ген. Орбелиани ген. Тормасову от 30 мая 1809 года. — АКАК, т. IV, с. 388.

²¹³ АКАК, т. IV, с. 391.

В такой обстановке уже в июне 1809 года генерал Тормасов уполномочивает генерала Орбелиани в Редут-Кале, в присутствии абхазских князей и дворян, объявить Георгию Шервашидзе «о всеподданнейшем высочайшем соизволении на принятие его со всею Абхазиею в вечное покровительство и подданство Российской империи с утверждением его законным владетелем Абхазии» и пожалованием ему грамоты, утверждающей его в этом «достоинстве», вместе с знаками «оное означающими», которые будут к нему «в непродолжительном времени доставлены». При этом говорилось «о наклонности многих частных абхазских владельцев быть принятыми в подданство России»²¹⁴.

Как видно, это была предварительная мера, так как документ, как уже отмечалось, официально был подписан императором позже — 17 февраля 1810 года²¹⁵, а вручена была она вместе с «знаками владельческими» Георгию Шервашидзе только в октябре того же года.

В ноябре 1809 года русские войска под командованием Д. З. Орбелиани приступили уже к штурму Потийской крепости. Неожиданно, в 20 верстах от крепости, высадилась двадцатитысячная армия трапезундского сераскира Шериф-паши. Противник был немедленно атакован и, в результате кровопролитных боев, разбит наголову. Комендант крепости Кучукбей Шервашидзе капитулировал. В операции участвовали также отряды из Абхазии, Мегрелии и Гурии. Эта победа стоила неприятелю «потери всего лагеря». Но и победителям обошлась она недешево. Так, потери только упомянутых отрядов состояли из 62 убитых и 276 раненых²¹⁶.

Теперь настала очередь Сухума. Но было решено сначала юридически оформить окончательное присоединение Абхазского княжества к России. 17 февраля 1810 года Александр I утвердил «Просительные пункты» Георгия Шервашидзе и выдал ему, «любезно верноподданному абхазские земли владетелю», инвентитурную грамоту. В последней, в частности, говорилось: «Снисходя на прошение ваше поступить в вечное подданство Российской империи, и, не сомневаясь в преданности вашей высокому нашему престолу, изъявленной в обязательном письме вашем на высочайшее имя наше присланном, утверждаем и признаем вас нашего любезноверноподданного наследственным князем абхазского владетеля под вер-

²¹⁴ Отношение ген. Тормасова гр. Румянцову от 19 июня 1809 г. — Там же, т. IV, с. 414.

²¹⁵ Об этом свидетельствует, например, отношение министра иностранных дел Н. П. Румянцева главнокомандующему в Грузии от 7 апреля 1810 года, в котором говорится о том, что последнему перепровождается для доставления императорская грамота с знаком инвеституры (АКАК, т. IV, с. 419).

²¹⁶ См.: АКАК, т. IV, с. 763; Селезнев М. Руководство к познанию Кавказом, кн. II. СПб., 1847, с. 113—116. Ср. Шешкевич М. М. Покорение Кавказа. — История русской армии и флота. М., 1911, вып. 6, с. 49.

ховным покровительством, державою и защитою Российской империи, и включая вас и дом ваш и всех абхазского владения жителей в число наших верноподанных, обещаем вам и преемникам вашим нашу императорскую милость и благоволение». При этом Георгий Шервашидзе награждался орденом св. Анны 1-го класса и устанавливалось ему жалование в размере 2500 руб. в год, а его матери — 1500 руб.²¹⁷

Под «верховным покровительством» Российской империи за владетелем Абхазии было сохранено право внутреннего управления страной, управлять «по древним обычаям», «по народным обычаям и изустных законов»²¹⁸.

При этом необходимо отметить, что царизм, осуществляя колониальную политику и стараясь найти социальную опору в местной феодальной знати, всячески усиливал власть абхазских владетелей, а с другой стороны, он постепенно ограничивал эту власть в своих интересах. Еще в 1839 году был подготовлен проект Положения об управлении Закавказским краем, по которому Абхазия «причислялась под именем княжества Абхазского к составу Редуткальского окружного начальства Грузино-Имеретинской губернии и о введении управления Абхазией М. Шервашидзе»²¹⁹.

Наместник Кавказа великий князь М. Н. Романов, раскрывая «точный смысл» приведенной императорской грамоты, писал (1864 г.), что в силу последней «наследники абхазских владетелей допускаются к праву владения не иначе, как по высочайшему утверждению»²²⁰. И когда в 1863 году Михаил Шервашидзе перед кавказским начальством поставил вопрос о передаче управления Абхазией своему старшему сыну Георгию, то в этой просьбе ему было отказано — требовалось «высочайшее разрешение». Вот почему исследователь Кавказа В. Н. Григорьев «общего абхазского владетеля» называл «назначенным» царским правительством²²¹, а граф Н. П. Игнатьев — «подчиненным высшим распоряжением местного русского начальства»²²². Представляет интерес и

217 Материалы и записки..., с. 5—7. К этому документу имеется следующее примечание: «Подлинник хранится в имени Малый Рооп, Лифляндской губернии; он вошел в «Полное собрание Законов» [Российской империи] (с. 5). Грамота из «Материалов и записок...» перепечатана в сб. документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (Серия I, т. 5. М., 1967, с. 372—373). Кстати, книга «Материалы и записки...» составлена членами владетельской семьи и издана в 1913 году в городе Вендце (быв. Лифляндская губ.) на правах рукописи (100 экземпляров).

218 [Григорьев В. Н.] Абхазия. — Энциклопедический лексикон, т. I. СПб., 1835, с. 56; Лаврентьев. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. — Статистические описания губерний и областей Российской Империи..., т. XIV, ч. 5. СПб., 1858, с. 268; [Введенский А. Н.] Абхазцы (азега)... — ССКГ, 1872, в. III, отд. I, с. 4.

219 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 96 б, лл. 12, 302, 305 об.

220 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, д. 31, л. 2, об.

221 См.: Григорьев В. Н. Указ. соч., с. 56.

222 См.: ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, л. 86.

заявление князя П. Л. Шервашидзе о том, что «Абхазия находилась в подданстве России и владетельный князь не имел неограниченной власти, а представлял собой только особую форму правления», абхазские правители «были поставлены и поддерживаемы русским правительством»²²³.

Если говорить более конкретно, то начальники Черноморской береговой линии и ее 3-го отделения, образованного в 1840 году и в состав которого включили Абхазское княжество, «были обязаны иметь политический надзор за Абхазией», «в случае необходимости» иметь даже «право употребления... силы оружия»²²⁴. А с образованием Кутаисского генерал-губернаторства «наследственные владетели» Абхазии управляли «под главным надзором Кутаисского генерал-губернатора»²²⁵.

Ограничения власти владетелей Абхазии выражались и в том, что они фактически лишались самостоятельности в вопросах ведения внешних сношений; некоторые важные уголовные дела (убийство и пр.) также переходили в ведение российского военного суда; абхазские владетели обязаны были помогать царским войскам, дислоцированным на территории Абхазии (доставлять им провиант, выставлять ополчение и т. д.)²²⁶.

В то же время Россия обязывалась защищать Абхазское княжество от внешних врагов и «преследовать» тех феодалов, которые, не повинувшись владетелю, искали помощь у Турции и других государств. На этом этапе царское правительство удовлетворялось получением выгодных военно-стратегических позиций в борьбе с Османской империей и ее западных «покровителей».

В июле 1810 года капитан-лейтенант П. А. Додт был отправлен на корабле «Варахил» с приказанием взять Сухум, приняв также под свое начальство крейсировавшие у берегов Абхазии фрегаты «Воин» и «Назарет», требак и две канонерские лодки. Десантное войско состояло из батальона 4-го морского полка в 640 человек при двух полевых орудиях. 8 июля эскадра прибыла на Сухумский рейд. На следующий день она, подойдя на близкое расстояние, открыла огонь по крепости. Ожесточенные бои шли в течение двух дней. Утром 10 июля был высажен десант, который повел наступление с юга и завладел окрестностями крепости. Затем начался штурм самой крепости — в ее ворота стреляли со стороны кораблей и с суши. В результате сильной бомбардировки, продолжавшейся около двух часов, ворота были разбиты и

223 ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 96—100.

224 Отношение начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса к директору канцелярии наместника Кавказа от 13 сентября 1856 г. — АКАК, т. XII, с. 239—240.

225 Лаврентьев А. Н. Статистические описания..., с. 209, 268.

226 См.: Сургуладзе И. И. Указ. соч., с. 271.

войска заняли крепость. Над крепостью был поднят русский флаг. Через некоторое время приходят сюда и части Белевского мушкетерского полка, дислоцированного в Западной Грузии, а также — новый владетель Абхазии Георгий Шервашидзе.

Противник потерял только убитыми 300 человек, значительное количество оружия и боеприпасов, в том числе 62 пушки и 1 080 пудов пороха²²⁷.

Асланбей с уцелевшими своими сподвижниками бежал потайным ходом. Надо отметить, что в освобождении Сухума, а до этого и Поти русские войска опирались на поддержку грузинского, армянского, азербайджанского, кабардинского, осетинского и дагестанского народов. В этом деле участвовали и черкесы (адыги)²²⁸. Уже 12 сентября 1810 года газета «Санктпетербургские ведомости» дает довольно подробное описание взятия Сухума:

Это событие населением Абхазии было встречено с большим удовлетворением. Как отмечал Додт в своем донесении от 20 июля 1810 года, «живущие в окрестности Сухума жители приходили во множестве и просили покровительства, желая при том быть вечно в подданстве России»²²⁹. А упоминавшееся выше предание гласит: «Аслан-бей осрамился. И отца убил, и место князя не получил».

Асланбей и наиболее преданные ему лица удалились в Турцию, потянув за собой немало людей. А многие турки, которые при освобождении Сухума «оказали самое яростное сопротивление», рассеялись по всей Абхазии. Они «с ожесточением возбуждали против русских»²³⁰ и всячески провоцировали переселение абхазов в Турцию. Русское командование пыталось принять меры «для воспрепятствования к переселению абхазов в Батум»²³¹. Тем не менее, по данным историка З. И. Чичинадзе, в том году в Турцию ушло 5 000 человек²³². Это была первая крупная волна абхазского махаджирства (переселения) в XIX веке.

Чтобы Сухумская крепость соответствовала своим стратегическим задачам, было послано туда около 1 000 человек, чтобы срочно исправить имевшиеся в ней повреждения. Гарнизон крепости был составлен из двух рот Белевского полка.

²²⁷ См.: Выписка из донесения флота кап.-л. Додта о занятии крепости Сухум-Кале. — АКАК, т. IV, с. 424; Полное собрание сочинений А. И. Михайловского-Данилевского, т. III. СПб., 1849, с. 265—266; История царствования Императора Александра I, т. III. СПб., 1869, с. 135; Афанасьев Д. М. К истории Черноморского флота. — Русский архив, 1902, № 2, с. 261; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6186, лл. 240 об, и др.

²²⁸ См.: Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957, с. 286.

²²⁹ АКАК, т. IV, с. 425; ЦГВМФ СССР, ф. 166, оп. 1, д. 4244, л. 64 об.

²³⁰ Guibal P. Указ. рук., л. 114 об.

²³¹ Владыкин М. Путеводитель и собеседник по Кавказу, ч. I. М., 1885, с. 341.

²³² ჯიბინაძე ზ. ქართველ მაჰმადიანთ დიდი გადასახლება ოსმალეთში. მაჰჯირი-ემიგრაცია. თბ., 1962, с. 109.

Прибыли сюда также две кононерские лодки. В Сухум во дворился и новый владетель Абхазии, правда, ненадолго, так как административным центром княжества снова было избрано с. Лыхны. Первым русским комендантом Сухума стал капитан Раевский.

Генерал Тормасов 6 августа 1810 года поздравлял графа Румянцева с «приобретением» Сухумской крепости, «владычествующей над всем народом абхазским, до сего приобретенным в подданство России и превосходной гавани, делающей нас теперь полными властелинами того берега Черного моря»²³³.

Однако цебельдинские и дальские князья Маршания «отказались быть покорными» России и «не признали над собой» владетеля Абхазии Г. Шервашидзе²³⁴. Так поступили и садзские (джигетские) князья, за исключением Левана Цанба (Цанубая), которого Георгию Шервашидзе удалось склонить к принятию подданства России²³⁵.

В том же 1810 году Гурия на автономных началах вошла в состав России, а в Имерети было учреждено непосредственное русское управление.

В декабре 1810 года русские войска занимают и Суджук-Кале²³⁶, которого приводят его «в оборонительное положение»²³⁷. Таким образом, Турция потеряла все свои опорные пункты на Кавказском побережье Черного моря (Анапу, Суджук-Кале, Сухум, Анаклю, Поти). Только отсутствие необходимой согласованности между армейским и флотским командованием не позволило русским войскам завершить эти крупные успехи занятием Батума и Трапезунда²³⁸.

Однако, как писал в январе 1812 года главнокомандующий в Грузии генерал Ф. О. Паулуччи фельдмаршалу М. И. Кутузову, Оттоманская Порта «все еще старается» держать в зависимости Имерети, Мегрелию и «всю Абхазию»²³⁹. Но в мае того же года гениальным русским полководцем и дипломатом М. И. Кутузовым в Будапеште был заключен мир с Турцией, по которому за Россией закреплялось побережье от устья р. Бзыбь до р. Риони²⁴⁰. Перечисленные выше крепости, ставшие опорными пунктами России,

²³³ АКАК, т. IV, с. 945.

²³⁴ Там же, с. 425.

Правда, в июле 1832 года цебельдинские князья присягнули на «верность» российскому императору, но это не имело никакого последствия. Только после военной экспедиции 1837 года здесь была установлена царская власть.

²³⁵ См.: Там же, с. 426.

²³⁶ Крепость на месте нынешнего города Новороссийска.

²³⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч., с. 267.

²³⁸ См.: Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, с. 154.

²³⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2884, л. 204.

²⁴⁰ См.: Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, с. 49—58.

не только надежно обеспечивали морские коммуникации с Крымом, но и пересекали турецкую военную экспансию на Кавказском побережье, укрепляя стратегические позиции и политическое влияние России здесь.

В 1813 году в местечке Гюлистан был заключен мир и с Ираном, закрепивший присоединение к России ханств Азербайджана, части Восточной Армении, Дагестана.

В результате войн с Турцией (1806—1812) и Ираном (1804—1813), тесно связанных с наполеоновскими захватническими войнами, Россией был достигнут значительный успех в борьбе за Закавказье.

Таким образом в центре Кавказа создается важный форпост для распространения влияния России на весь этот край. Правда, в Абхазии речь шла тогда фактически лишь о Сухумской крепости, где стоял небольшой гарнизон. Но значение «приобретения» этой крепости с «превосходной гаванью», «владеющей над всем народом абхазским», было таково, что она, как уже подчеркивалось, делала Россию «властином» того берега Черного моря²⁴¹.

С другой стороны, присоединение Абхазии к России, как мы видели, было фактом большой исторической важности для ее народа. Речь шла о том, что дальнейшая судьба последнего определялась благотворным влиянием русского народа. Абхазия, несмотря на колониальную политику царизма, вступила в новую, прогрессивную полосу своей жизни, создавались предпосылки для ее хозяйственного и культурного развития. Особо следует отметить значение обеспечения внешней безопасности в развитии производительных сил края. Заметно ослабляются и феодальные междоусобицы.

Утверждение России в Закавказье постоянно вызывало беспокойство как Турции и Ирана, так и западноевропейских держав. В частности, турецкие правящие круги, используя напряженную международную обстановку в связи с нашествием Наполеона на Россию, которое вселило в них новые надежды на осуществление их агрессивных замыслов на Кавказе, упорно стремились к пересмотру Бухарестского трактата в части кавказских границ. Еще в октябре 1811 года турецкий визирь в беседе с переводчиком А. А. Фонтоном заявил, что султан, в частности, «придает большое значение сохранению за Турцией абхазских и черкесских земель»²⁴².

Турецкое правительство требовало вывода русских войск из пределов Западного Кавказа и передаче ему всех занимаемых ими здесь укрепленных пунктов. Оно пыталось и действовать в этом направлении. Так, трапезундский владелец Сеид-Сулейман-паша предлагал русскому командова-

²⁴¹ Отношение ген. Тормасова гр. Воронцову от 6 августа 1810 г. — АКАК, т. IV, с. 945.

²⁴² ВПР XIX и начала XX века. Документы... Серия I, т. 6. М., 1962, с. 719.

нию на Кавказе «возвратить» крепость Сухум, а на исходе 1813 года, нарушив мирный трактат, ввел войска «в самую Абхазию»²⁴³. В этих провокационных делах турецкие рваншисты пытались использовать и Асланбея Шервашидзе, который, например, в 1812 и 1813 годах вторгался в Абхазию с отрядами турецких войск.

Русский посланник в Константинополе А. Я. Италинский 13 марта 1815 года писал графу К. В. Нессельроде: «... Суть же вопроса состоит в том, что Порты хотела бы владеть всем побережьем от устья Фазиса до Анапы. Наше противодействие этим притязаниям основывается на добровольном подчинении России княжеств Имеретинского и Мингрельского... На побережье мы владеем также частью Абхазии, где расположен порт Сухум-Кале. Владетель этой земли передал ее нам задолго до того, как война закончилась Бухарестским договором, а его сын²⁴⁴ даже принял христианство... Я добавил к этому сообщению значение, придаваемое Портой всем этим землям, объясняется легкостью, с какой отсюда можно наносить нам вред в случае войны...»²⁴⁵.

Как видно из письма графа К. В. Нессельроде от 10 марта 1814 года, турецкая сторона продолжала настаивать на отводе русских войск к «прежним границам», установленным по Кючук-Кайнаджирскому договору 1774 года, т. е. добивалась сохранения за собой Имерети, Мегрелии, Гурии и Абхазии²⁴⁶. Такое требование содержится и в письме эрзерумского и ахалцыхского сераскира Пехлеван-паши к главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии Н. Ф. Ртищеву от 28 июня 1815 года²⁴⁷.

В связи с такими настойчивыми требованиями Турции Александр I предписывает Ртищеву установить вдоль границы с Турцией «прочную кордонную военную цепь». Во исполнение этого указания последний лично осматривает границу и определяет места, где должны быть созданы таможенные и карантинные заставы²⁴⁸. «Претензии» Турции, в частности, на Абхазию и в особенности на Сухум находим в документах за 1813—1815, 1820, 1823 и другие годы²⁴⁹.

В то же время правящие круги Турции старались использовать в своих интересах любое событие, происходившее на Западном Кавказе. Они разжигали межплеменную вражду и междоусобицы феодалов, всемерно содействуя тем, кто придерживался турецкой ориентации.

²⁴³ См.: АКАК, т. V, с. 499, 784; Дадиани Н. Указ. соч., с. 93—94.

²⁴⁴ Речь идет о Келешбее и его сыне Георгие (Сафарбее) Шервашидзе.

²⁴⁵ ВПР XIX и начале XX века. Документы... Серия I, т. VIII. М., 1972, с. 248. См. также: Там же. Серия II, т. I. М., 1974, с. 322.

²⁴⁶ Там же, серия I, т. VIII. М., 1972, с. 616—617.

²⁴⁷ Там же, с. 687.

²⁴⁸ См.: АКАК, т. V, с. 320—321.

²⁴⁹ См., напр., ВПР... Документы... Серия I, т. 7. М., 1970, с. 182—183, 743, 757—758; серия I, т. VIII, 1972, с. 248, 617, 619; серия II, т. III(XI), 1979, с. 467; серия II, т. V(XIII), 1983, с. 681 и др.

Джемаль Гокче отмечает, что руководители Османского государства, начиная с 1813 года, снова поставили цель «объединить» кавказские народы, связать их с Стамбулом, но это не удалось осуществить, поскольку те потеряли доверие к Турции и заявляли о том, что предпочитают оставаться свободными²⁵⁰.

Действительно, все указанные выше попытки султанского правительства потерпели неудачу, в чем большую роль сыграли владетели Абхазии, Мегрелии и Гурии. Так, Георгий Шервашидзе, «невзирая на предстоявшую ему величайшую опасность от чрезвычайного волнения... с примерно твердостью духа противоборствовал всем напряженным усилиям Порты Оттоманской». И за свои успешные действия он был удостоен чина генерал-майора русской армии²⁵¹.

Не унывали и западные державы, особенно Англия. Дипломатия последней, стремясь помешать утверждению России на Кавказском побережье Черного моря, всемерно поддерживала реваншистские устремления султанской Турции. Для западных держав Кавказ по-прежнему имел значение одной из важнейших позиций в их борьбе за преобладание в районе Черного моря и Передней Азии. Предметом особого внимания Кавказ делали и его природные богатства, экономический потенциал. Русский посол в Константинополе Г. А. Строганов в письме на имя главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова от 2 декабря 1818 года подчеркивал, что активизация враждебных действий Турции была обусловлена внушениями «завистливых держав, особливо Англии»²⁵².

В первой половине 20-х годов, в период народных выступлений в Абхазии, Асланбей и его хозяева снова пытались осуществить свои намерения в крае, воспользовавшись этим движением. Но снова их постигает неудача. Надо сказать, что в этом важную роль сыграли и мегрельские князья. Прежде всего они со своими ополчениями участвовали в действиях российских войск. Во-вторых, они кое-кого из влиятельных абхазских феодалов «откололи» от сторонников Асланбея и «перетянули» на сторону России. Так, благодаря Николаю Дадияни, примерно в 1817 году, был крещен владелец Абжуйской Абхазии Алибей Шервашидзе и назван Александром. Затем он выдал за него свою дочь Кесарию. Дадияни склонил и своего шурина цебельдинского князя Саларуфа Маршания, «которого слушали все цебельдинцы и другие и который в то время среди абхазцев был могущественным человеком». А в начале 20-х годов сам владетель Мегрелии Леван Дадияни сына Келешбея Ростомбея Шер-

²⁵⁰ См.: Гокче Д. ж. Указ соч., с. 207.

²⁵¹ Письмо генерала Н. Ф. Ртищева П. А. Веденбауму от 2 мая 1815 года. — АКАК, т. V, с. 499—500.

²⁵² АКАК, т. IV, ч. II, с. 414.

вашидзе «обратил в христианство» и женил на своей сестре Кетеване, вдове Манучара Шервашидзе²⁵³.

Только другой сын Келешбея Хасанбей (келасурский), отличавшийся умом, энергичностью и авторитетом в крае, не поддавался никаким воздействиям, находясь в активной оппозиции к Георгию Шервашидзе. Но за ним следили зорко. И когда наступил благоприятный момент, а это было в 1821 году, он, обвиненный в «измене», был внезапно арестован комендантом Сухумской крепости Могиланским и сослан в Сибирь, где находился вплоть до 1827 года. Однако, вернувшись на родину (по ходатайству графа И. Ф. Паскевича), Хасанбей начинает «верно» служить российскому правительству. Он формирует отряд «абхазской милиции» и участвует с ним в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, получает звание майора и золотое оружие «за храбрость» при осаде Поти; ведет усиленную агитацию среди абхазского дворянства, склоняя их к союзу с русским командованием. Умер Хасанбей Шервашидзе в конце 30-х годов XIX века, в чине полковника²⁵⁴.

Здесь необходимо, в порядке справки, отметить следующее. Владетельный князь Абхазии Георгий Шервашидзе умер в 1821 году. Новым владетелем был объявлен его сын полковник Дмитрий (Хуршитбей), воспитывавшийся в Пажеском корпусе в Петербурге. Но через год он был отравлен, по официальной версии, крестьянином Урусом Лакоба, который публично был повешен на Лыхненской площади. В 1823 году начинается правление последнего владетеля Абхазии Михаила (Хамутбея) Шервашидзе, завершившееся в 1864 году — в год «покорения» всего Кавказа.

В результате победоносного завершения для России русско-турецкой войны 1828—1829 годов «спорный вопрос» о прибрежной территории был окончательно решен в пользу России. Адрианопольский трактат 1829 года санкционировал притязания России на Кавказ. Он укрепил позиции России на Черном море. Статья четвертая этого договора гласила, что «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая (Шекветили. — Г. Д.) включительно пребудет в вечном владении Российской империи». Другими словами, Османская империя лишалась всех опорных пунктов на Черноморском побережье Кавказа²⁵⁵.

В итоге новой русско-турецкой войны политическая обста-

²⁵³ См.: Д а д и а н и Н. Указ. соч., с. 100, 104.

²⁵⁴ ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 110, л. 213 об.; У ш а к о в Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. I. СПб., 1836, с. 32; Ф а д е е в А. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне крестьянской реформы 1870 года. — Материалы по истории Абхазии. СПб., I. Сухуми, 1939, с. 107—108.

²⁵⁵ См.: II ПСЗРИ, т. IV, 1829, СПб., 1830, с. 625, № 3128; Ю з е ф о в и ч. Указ. соч., с. 74.

новка на Западном Кавказе существенно изменилась в пользу России. Кроме того, несколько раньше, в 1828 году, в Туркманчае был заключен мир и с Ираном. Таким образом, завершился длительный и сложный процесс присоединения Закавказья к России. Все это явилось крупной дипломатической победой России, упрочившей ее позиции на Востоке, вопреки претензиям и препятствиям Англии и Франции, особенно первой. Что касается Турции, то условия Адрианопольского мира не только пресекали ее военную экспансию, но и подрывали ее экономическое и политическое влияние на Западном Кавказе²⁵⁶.

В 1829 году главнокомандующий на Кавказе граф И. Ф. Паскевич, исходя из «повеления» Николая I²⁵⁷, разработал план занятия Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Поти. Попытка осуществить этот план была предпринята летом 1830 года (так называемая «Абхазская экспедиция») ²⁵⁸. Отряд генерала К. Ф. Гессе на Абхазском побережье занял Бамбору, Пицунду и Гагру, где были возведены укрепления и размещены гарнизоны. Однако продвижение царских войск на север от Гагрских теснин, которые Паскевич назвал «Кавказскими Фермопилами»²⁵⁹, разбилось об упорное сопротивление абхазских и убыхских племен²⁶⁰. Таким образом, берег моря от этого пункта до Анапы оставался свободным, а укрепления, находившиеся на побережье Абхазии, были связаны между собой фактически только по морю.

Тем временем происходят изменения и в Самурзаканской Абхазии. В 1813 году в селе Бедиа умер правитель этой земли полковник Манучар Соломонович Шервашидзе. По одним данным он был убит крестьянином Маджи Корцхелия (Ква-

---

²⁵⁶ В официальном протесте британского правительства утверждалось, что присоединение восточного берега Черного моря и Ахалциха к России «нарушает европейское равновесие». Но даже современная английская историография признает требования, предъявленные Россией на адрианопольских переговорах, более умеренными, чем можно было ожидать при таком сокрушительном поражении Турции. (См.: Киньяпина Н. С. и др. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984, с. 130).

²⁵⁷ Вскоре после подписания Адрианопольского трактата Николай I в рескрипте на имя Паскевича от 25 сентября 1829 года писал со своей стороны ему жестокостью. «Кончив таким образом одно славное дело (войну с Турцией. — Г. Д.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное и в рассуждении прямых польз гораздо важнее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных...» (См.: Шерватов в. Генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский, т. 3. СПб., с. 229—230).

²⁵⁸ Военные действия на Кавказе в 30-х годах XIX века (при Паскевиче и Розене), как отмечал Н. Глиноецкий, «состояли почти исключительно из отдельных экспедиций, предпринимаемых по большей части для наказания того или другого горного общества...» (Глиноецкий Н. Служба генерального штаба при кавказских войсках с 1832 по 1853 год. — Военный сборник, 1883, т. 182, № 7, с. 52).

²⁵⁹ Фермопилы — горный проход в Греции, где в 480 г. до н. э. произошла битва между персидской армией и горсткой спартанцев, погибших геройски в неравном бою.

²⁶⁰ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234 и 6239.

рацхелия), «вследствие сделанные» ему князем «обиды»²⁶¹, а по другим — убийцами, подосланными Лутунием Шервашидзе²⁶². У Манучара остались два малолетних сына — Александр и Дмитрий, из которых первый должен был стать самурзаканским владельцем. Владелец Мегрелии Леван Даддани, как дядя по матери, принял их под свою «опеку», присвоив себе и управление этим регионом «именем Александра». В 1829 году последнего, по достижению совершеннолетия и донесению князя Л. Даддани, граф Паскевич распорядился сослать в Сибирь, но он умер в пути. А Дмитрий погиб в 1832 году в «схватке с людьми» того же князя. С этого времени последний стал управлять краем «своим именем»²⁶³.

В 1834 году царское командование, как продолжение «Абхазской экспедиции» 1830 года, «дабы... совершенно отрезать непокорных горских народов»²⁶⁴, решило проложить «военную дорогу» вдоль восточного берега Черного моря, соединявшую укрепления, созданные на этой территории, а их с Военно-Имеретинской дорогой.

С этой целью в Абхазию были направлены войска под командованием управляющего Имерети генерала Д. Д. Ахлестышева. В октябре они достигли Бамбору, а летом следующего года — Гагру²⁶⁵.

Указанные укрепления вошли в систему так называемой Черноморской береговой линии, созданной в 30—40-х годах и тянувшейся от устья р. Кубани до построенного в 1810 году поста св. Николая (Шевкетили) (500 км).

Она делилась на четыре отделения, каждым из которых управлял начальник, как правило, в чине генерал-майора. Абхазское княжество, как уже отмечалось, в «административно-военном отношении» было подчинено управлению сперва второго, затем третьего отделения со всеми войсками, расположенными в нем.

В 1839—1841 годах начальником Черноморской береговой линии служил генерал Н. Н. Раевский, человек декабристского круга. В строительстве береговой линии участвовали также сосланные сюда декабристы А. И. Одоевский, В. С. Норов, Н. И. Лорер и многие другие опальные лица, часть которых погибла от пули и болезней²⁶⁶.

Поскольку отдельные крепости не имели между собой надежной связи, была создана особая флотилия с подчинением кавказской администрации.

²⁶¹ См.: Краевич П. Д. Указ. соч., с. 24.

²⁶² См.: Даддани Н. Указ. соч., с. 90.

²⁶³ Краевич П. Д. Указ. соч., с. 24.

²⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 3.

²⁶⁵ Подробнее см.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 6, Г. В. Розена, т. 7.

²⁶⁶ См.: Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970.

Указанной системе укреплений царское правительство придавало важное значение для прочного утверждения в северо-западной части Кавказа. Поэтому правящие круги Англии и Турции всячески стремились помешать ее устройству, тем более, что она серьезно препятствовала контрабандной торговле, в частности, «пленнопродавству» (работоторговле), в чем те, особенно Турция, были весьма заинтересованы. Черноморская береговая линия не лишена была и некоторого экономического значения.

Но во время Крымской войны Черноморская береговая линия была упразднена, когда форты были взорваны, а гарнизоны сняты. И больше она не восстанавливалась²⁶⁷, поскольку было решено «основать поселения» по мере занятия Черноморского побережья войсками. Учреждение и содержание этой Линии обошлись казне около 100 миллионов рублей, не говоря уже о больших человеческих жертвах²⁶⁸.

Как мы видели, успехи России на Кавказе имели огромное значение и для самих народов края. Исторические судьбы этих народов навсегда связываются с судьбами великого русского народа. Вместе с тем относительная политическая стабильность, прекращение феодальных междоусобиц создают предпосылки для установления тесных отношений между народами Кавказа, традиционные связи которых были ослаблены за время господства восточных деспотических государств.

Естественно, все это обостряет беспокойство последних. Более того, по мере развития Восточного кризиса снова активизируются реваншистские притязания правящих кругов Турции на Западную Грузию. Они подогревались европейской дипломатией, прежде всего английской, преследовавшей в Закавказье свои цели. Для тех и других вообще Кавказский край, как уже отмечалось, имел значение одной из важнейших позиций в их борьбе за преобладание в районе Черного моря и Передней Азии; предметом особого внимания делали Кавказ и его природные богатства.

С другой стороны, здесь утверждался колониальный режим. Политика царизма, как уже видели, преследовала завоевательные цели даже по отношению к тем народам, которые добровольно вошли в состав Российской империи. Активизируется стремление царского правительства развивать феодально-крепостнические отношения здесь, а также обес-

²⁶⁷ Однако канцелярия начальника Черноморской береговой линии, сформированная 5 апреля 1839 года для управления укреплениями на восточном берегу Черного моря, только 24 апреля 1859 года была переименована в гражданскую канцелярию командующего войсками правого крыла Кавказской линии, которая была упразднена 11 января 1869 года. См.: Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР. Путеводитель. Тбилиси, 1947, с. 226).

²⁶⁸ См.: Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. СПб., 1885, с. 2—3.

печить отечественную промышленность новыми рынками сбыта и источниками сырья. Проведение такой политики на Кавказе диктовалось еще и тем, что, несмотря на важное военно-стратегическое значение данного региона, Россия, как известно, не могла использовать его в экономическом отношении вплоть до второй половины XIX века. Наконец, царизму внешнеполитические успехи были нужны для разрядки напряженной обстановки внутри самой страны.

Все это создавало в областях Кавказа весьма сложную обстановку. Колониальная политика царизма, не имевшая ничего общего с подлинными интересами и целями русского народа, понятно, с самого начала вызывает сопротивление свободолюбивых кавказских народов, борьбу, которая была направлена своим острием в первую очередь именно против насаждения колониально-крепостнических порядков.

В Абхазии, в частности, эта борьба, к тому же, в сущности, неотделима от борьбы против местных княжеско-дворянских реакционных элементов, составлявших опору царизма, всей системы феодально-помещичьей эксплуатации. Неразрывная связь борьбы крестьян против местных помещиков с борьбой против колониального гнета была вообще характерным явлением классовой борьбы в крае почти на протяжении всего XIX столетия. Борьба народов Кавказа, имевшая свои глубокие социальные, классовые и национальные корни, закономерно смыкалась с той героической борьбой, которую вел сам русский народ против самодержавия и капитала.

Следовательно, выступая против колониальной политики царизма, трудовые массы закавказских народов не ставили вопроса об отделении от России, так как это противоречило их коренным интересам. В то же время некоторые местные феодалы, исходя из своих узкоклассовых интересов, подчас пытались использовать проявления антиколониальной борьбы крестьянства для отторжения отдельных территорий от России, фактически превращались в агентов султанского и шахского правительств. Особенно явственно это проявилось во время развития Восточного кризиса 20-х годов²⁶⁹. В Абхазии одними из крупных движений против царизма были восстания 20-х и 1866 годов, хотя в них, особенно во втором случае, содержалось и антифеодалного характера направление.

Этот вопрос будет специально исследован во втором томе. Здесь мы перейдем к рассмотрению основных этапов и особенностей, связанных с присоединением к Российской империи, административно-территориального устройства в Абхазии в XIX веке, назначение и классовая сущность новых органов управления.

²⁶⁹ См.: Орлик О. В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984, с. 139.

Но прежде всего небольшая справка о системе административно-политического управления Абхазского феодального княжества накануне его вхождения в состав России. Оно делилось на Бзып (Бзыбь) (в основном современный Гудаутский район), Гума²⁷⁰ (между реками Шыцкуара и Кодор), Абжуа (Очамчирский район). К нему, кроме того, номинально относились горные районы Цабал (Цебельда), Дал и Псху (р. Бзыбь).

Особое положение занимала часть территории бывших Адлерского и Гагрского районов, населенных садзами (джигетами), относящимися также к абхазской этнической группе. Здесь политической границей Абхазии нередко считалась не Гагра, а р. Бзыбь (Ф. Ф. Торнау, А. Н. Введенский и др.). Территория между этими двумя пунктами, богатая пастбищами и пашнями, являлась ареной постоянных набегов и столкновений с целью захвата скота и людей. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии П. Д. Краевич писал по этому поводу: «Из-за Бзыби вторгались джигеты, Аспа²⁷¹ была местом главных столкновений с этими последними, вследствие того эта местность, несмотря на представляемые ею удобства жизни, оставалась незаселенною»²⁷².

И. К. Аш (1830 год) северо-западной границей Абхазии считал реку Гагрыпш, от которой, по его словам, и начиналась территория джигетов²⁷³. А другой составитель, анонимный, военно-стратегического же обозрения (начала 40-х годов) такой границей считал реку Жоэквара²⁷⁴.

Заслуживает внимания и сообщение автора очерка «О Гагре и джигетах»²⁷⁵, относящегося, как видно, к концу 30-х годов XIX века. Он писал: «Теперь река Бзыбь служит естественной границей между Абхазиею и джигетами». Но несколько выше автор, имея в виду территорию Абхазского княжества, дает такую справку: «Земля абхазская начинается от реки Жуазех (Жоэквары. — Г. Д.), но деревень абхазских нет по ту сторону р. Бзыба, потому что они подвергнуты опасности от беспрестанных нападений со стороны соседей. Прежде там были деревни (абхазские. — Г. Д.)... По низменному взморью на правом берегу Бзыба паслись стада

---

²⁷⁰ Гумский район официально именовался Сухумским или Абхазским округом, а также, по утверждению А. В. Пахомова (1868 г.), Хасанбей ядгил, т. е. земля Хасанбей [Шервашидзе]. Последний получил эту территорию с условием, что обеспечит своих братьев Баталбея, Ростомбея и Теирбея, а также брал на «попечение» лишенного наследства Асланбея, которого поселили в Мерхеули (Пахомов А. В. Записка..., с. 232—233).

²⁷¹ Аспа (Аспъа) — расположена между старым мостом через р. Бзыбь и Пицундским шоссе.

²⁷² ССКГ, 1870, в. III, с. 10.

²⁷³ См.: ЦГВИА, ф. 414, д. 301, лл. 1—28.

²⁷⁴ Там же, ф. ВУА, 1843 г., д. 42—972, лл. 1—14.

²⁷⁵ См.: Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982, с. 5.

абхазцев». Кстати, здесь была расположена часть владений князей Инал-ипа.

Положение изменилось в 1830 году, когда русские войска построили в Гагре укрепление и «беспокойное» пространство было прочно присоединено к Абхазии, каковая черта была принята и при определении границ «Сухумского отдела» в 1864 году²⁷⁶.

Академик Э. И. Эйхвальд, совершивший научную экспедицию по Закавказским странам в 1825—1826 годах, а в 1837 году издавший отчет об этом путешествии, северо-западной границей Абхазского княжества считал реку Гагрипш²⁷⁷. Не случайно и М. Владыкин писал о Гагре, как о единственной удобной дороге «из Абхазии в Джигетию»²⁷⁸. Но после махаджирства 1877 года население этого пространства, уцелевшее от переселения 1867 года и составлявшее 191 семейство «815 душ абхазцев», «бесследно исчезло»²⁷⁹.

Как отмечал А. В. Пахомов, в период правления Келешбея Шервашидзе «последовало более определенное разграничение Абхазии на округа»²⁸⁰, во главе которых стояли представители владетельской фамилии, которые в то же время считались «удельными князьями». Так, Бзыбской Абхазией управлял Георгий (Сафарбей) (центр — с. Лыхны), Гумской — Хасанбей (сперва Мерхеул, затем Келасури)²⁸¹, Абжуйской (Атара, Кутол) — Бекирбей, Самурзаканской — представители «Особой линии» фамилии Шервашидзе (Бедия, Барбала), а в некоторое время — Махмедбей (Анаклия). В горной полосе — Цабал, Дал и Псху — «первенствующими» являлись князья Маршания.

После присоединения к России, Абхазия, продолжавшаяся находиться под управлением князей Шервашидзе, в основном делилась на Бзыбский, Сухумский (Абхазский) и Абжуйский округа. Во главе округов в качестве начальников стояли, как правило, те же «удельные» князья, получавшие

---

²⁷⁶ См.: [Введенский А. Н.]. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — ССКГ, 1872, в. VI, отд. III, с. 1.

Между прочим, о неустойчивости границы Абхазии с этой стороны Д. И. Гулиа даже в 1925 году писал: «Одни доказывают, что границей между Абхазией и Черноморской губ. является р. Мзымта, другие — р. Бегреста, так что вопрос этот и до настоящего времени окончательно не разрешен» (Гулиа Д. История Абхазии, т. I. Тбилиси, 1925, с. 293).

²⁷⁷ Eichwald E. Указ. соч., с. 320, 323.

²⁷⁸ Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. I. М., 1885, с. 354.

²⁷⁹ Дьячков - Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности... — ЭКОРГО, 1903, кн. XXIV, вып. 1, с. 83.

²⁸⁰ Пахомов А. Записки... С. 244.

²⁸¹ Гумский или Абхазский (впоследствии Сухумский) округ («удел»), между реками Шицкуара и Кодор, Хасанбей получил с условием, что обеспечит своих братьев Баталбея, Ростомбея и Теңриб, а также брал на «попечение» лишенного наследства Асланбея, которого посетил в Мерхеуле (Пахомов А. Указ. соч., с. 232—233).

«административные доходы». Владетель мог в любое время сместить каждого из них.

Округа, в свою очередь, делились на отдельные села — акыта, с каковым понятием здесь почти всегда совпадала община, состоявшая, как правило, из нескольких поселков — ацута, ахабла. Во главе акыта стоял ахылапшю («патрон», «покровитель»), который данное село рассматривал как свое наследственное владение. В тех случаях, когда речь шла об общепризнанных «частных» или «родовых» имениях, например, «удельных» князей и других крупных феодалов, их возглавляли просто управляющие, которые с течением времени могли приобрести и права обыкновенных ахылапшю.

Российское управление на территории Абхазии раньше всего вводится в Цебельде (Цабал) — 1837 год и в Самурзаканской Абхазии — в 1840 году, где были образованы приставства с царскими военными чиновниками²⁸², которые управляли, главным образом, «по народным обычаям»²⁸³, т. е. управление было «адатно-военным»²⁸⁴. Первое, с центром в Мрамбе, подчинялось командующему войсками в Абхазии, затем начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии, образованного в 1840 году, а второе, с центром в с. Окум, — последнему же, а с образованием в 1843 году 4-го отделения — его начальнику.

В 1840 году и Псху «получил» отдельного пристава в лице прапорщика Хутуни Шервашидзе. В том году приставство было организовано также в прибрежной Джигетии (Садзын)²⁸⁵, где население поступило «в ведение абхазского владетеля»²⁸⁶. Это было в 1841 году и первым приставом здесь стал брат владетеля Абхазии Александр Шервашидзе, который вскоре сменил на продолжительное время известный абхазский ученый-этнограф С. Т. Званба. Однако джигетское приставство по существу, с течением времени тем более, под-

---

²⁸² Между прочим, в связи с образованием отдельного Самурзаканского приставства князю Давиду Дадзани в 1845 году было выдано единовременное вознаграждение в размере 25 тыс. рублей (АКАК, т. X, с. 249), что «оскорбило» «главу» фамилии князей Шервашидзе Михаила Шервашидзе (Э с а д з е С. Историческая записка..., т. 1, с. 134).

²⁸³ АКАК, т. XII, с. 239—240.

²⁸⁴ Э с а д з е С. Историческая записка..., с. 108.

²⁸⁵ Следует отметить, что в 1840 году был утвержден закон об управлении Закавказским краем, по которому на территории последнего были образованы Грузино-Имеретинская губерния и Каспийская область. Он закреплял положение Закавказья в составе Российской империи путем постепенного введения общероссийского управления, приспособленного к местным условиям. С целью дальнейшего усиления централизованного управления Кавказом, царское правительство в 1845 году восстанавливает Кавказское наместничество с центром в Тифлисе и назначает наместником М. С. Воронцова. В его руках сосредотачивалась вся военная и гражданская власть. Он освобождался от контроля министров и был подчинен только императору (К и н я п и н а Н. С. Управление Кавказом и Соединенной Азии. — Вопросы истории, 1983, № 4, с. 41).

²⁸⁶ Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 201, 223.

чинялось начальнику Черноморской береговой линии, а в 1847 году оно вместе с Цебельдой было передано в распоряжение приставских управлений на Кавказе.

Что касается Псху, то его пристав, как видно, вскоре покинул это «вольное общество». Самурзаканское и Цебельдинское приставства с течением времени подвергаются новым изменениям. С образованием в 1846 году Кутаисской губернии Самурзаканское приставство включается в ее состав. В 1848 году оно было подчинено непосредственному правлению названной губернии, а пристав был наделен правами и обязанностями уездного начальника. После Крымской войны Самурзаканское приставство было разделено на четыре участка (Окумский, Саберийский, Набакевский и Бедийский) во главе с мдиванбегами из местных князей и дворян, обладающих смешанной судебно-полицейской властью участковых начальников. Пятый мдиванбег, «знающий законы», был неперменным членом сословного суда и проживал постоянно в центре приставства — в Окуме. Мелкие дела в селах решались местными бокаулами. С преобразованием в 1857 году Кутаисской губернии в генерал-губернаторство, «владение» Абхазии и приставство Цебельдинское, входившее раньше в состав 3-го отделения Черноморской береговой линии, были «причислены» к нему. В том же году, после введения в Мегрелии российского управления, Самурзаканский пристав, с правами уездного начальника, был подчинен управляющему этим регионом. В 1859 году фельдмаршалом А. И. Барятинским²⁸⁷ были утверждены правила для управления Самурзаканским приставством. «Порядок управления» здесь «оставался неизменным»²⁸⁸.

В 1859 году и в Цебельде вводится управление, «весьма сходное с самурзаканским». Цебельда была разделена также на четыре участка во главе с мдиванбегами из местных же феодалов, которые вместе со своими помощниками получали жалование от казны и пользовались «небольшой судебно-полицейской властью»²⁸⁹.

И остальная Абхазия, так сказать, собственно Абхазское княжество, с самого начала поступления в «автономное подданство», точнее в «вассальную зависимость» от Российской империи, естественно, испытывала «все прелести» царской власти. С введением российской системы управления в Имерети в 1810 году власть его военного начальника (правите-

²⁸⁷ Командующий войсками и наместник на Кавказе (1856—1862).

²⁸⁸ ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 95, л. 6; Маевский В. М. Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. Тифлис, 1896, прилож., с. 53—54, 65—66; Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901, с. 427—428, 444; Эсадзе С. Указ. соч., с. 121—123, 126—127.

²⁸⁹ Иваненко В. Н. Указ. соч., с. 430; Маевский В. Т. Указ. соч., прилож., с. 54.

ля) фактически распространяется и на Абхазское княжество, являясь как бы посредником между его владельцем и главным командующим в Грузии. А в связи с созданием Черноморской береговой линии Абхазское княжество, как уже отмечалось, в «административно-военном» отношении было подчинено управлению сперва второго, а затем третьего отделения этой Линии. Его начальнику была «присвоена» власть начальника войск Абхазии²⁵⁰, «с сохранением прежних отношений» к владельцу последней, а существовавшая до этого власть командующего войсками в Абхазии упразднилась. Затем последняя «причисляется» Кутаисскому генерал-губернатору.

Вместе с тем в Сухум был назначен капитан порта и открыт «запасной магазин» для крейсирующей эскадры. В 1846 году Сухум получает статус портового города, а в конце 40-х годов в нем было учреждено также карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря и создано полицейское управление, начальник которого на правах градоначальника подчинялся начальнику 3-го отделения и одновременно начальнику войск в Абхазии. В управлении была создана для разбора городских дел особая комиссия и городская ратуша, ведавшая судебными делами. Действия русской администрации и суда ограничивались городом Сухумом²⁹¹.

В 1848 году, в связи с предположением изменить таможенную систему во всем Закавказье торговые пункты Очамчыры, Гудава и Келасури были приняты в карантинное таможенное ведомство²⁹². Хотя их владельцы Михаил и Дмитрий Шервашидзе²⁹³ и были вознаграждены в размере 12 тыс. рублей, но этим актом «было ограничено самовластие» абхазского владельца, и он «считал себя настолько обиженным, что тотчас же подал прошение об увольнении его от звания владельца». Но отставка Михаила Шервашидзе не была принята тогда по политическим соображениям — правительство не могло еще «занять Абхазию надлежащим образом»²⁹⁴.

В 1857 году, с преобразованием Кутаисской губернии в генерал-губернаторство, была восстановлена должность командующего войсками в Абхазии. Царская военная администрация в Абхазии находилась сначала в Бамборе, а с 1851 года — в Сухуме, когда сюда было переведено управление начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии.

²⁹⁰ Ему подчинялись черноморские линейные батальоны, расположенные в Абхазии, а он — управляющему Имерети.

²⁹¹ Приказ ген. Н. Н. Раевского по Черноморской береговой линии от 23 мая 1839 г. — ЦГИА СССР, ф. 90, д. 114; Статистические описания губерний и областей Российской империи... Т. XIV, ч. 5. СПб., 1858, с. 286—287; «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1903, т. 33 а, 76, с. 647.

²⁹² См.: АКАК, т. XI, с. 948.

²⁹³ Первому принадлежали Очамчыры и Гудава.

²⁹⁴ Маевский В. Т. Указ. соч., с. 46.

Одновременно царизм здесь, как и повсюду на Кавказе, усиленно насаждал православную религию, используя идею «восстановления христианства». Еще в 1832 году при абхазском владетеле назначается архиерей (епископ), а в 1851 году в крае учреждается духовная миссия и архиерейская кафедра²⁹⁵.

Царское правительство в определенных случаях пыталось использовать и мусульманское духовенство. Так, например, в Цебельде, как это бывало в 40-х годах, оно считало нужным держать «благонамеренного, преданного правительству и сведущего» ефенди, который, как «назначенный правительством», получал содержание 100 рублей серебром в год²⁹⁶.

Вместе с тем неоднократно ставится вопрос об упразднении Абхазского княжества, особенно остро в период Крымской войны, а после фактического введения в 1857 году русского управления в соседней Мегрелии (окончательно ее автономия была упразднена в 1867 году) он и вовсе был предпрещен. И с 1858 года на страницах «Кавказского календаря» появляется рубрика «Военное управление в Абхазии». Однако официальное юридическое оформление упразднения Абхазского княжества и введение здесь непосредственной российской администрации было связано, с одной стороны, складывавшейся благоприятной международной обстановкой, с другой — окончанием в 1864 году длительной Кавказской войны и с планом царизма унификации административного управления Кавказским краем²⁹⁷.

В Абхазии столь долгое сохранение в основе прежней владетельской власти объясняется прежде всего той активной ролью, какую играли владетели в деле осуществления планов царизма на Западном Кавказе, а также в упрочении царской власти в самом княжестве. Это было обусловлено, кроме того, уровнем экономического развития края и соображениями международного порядка. Имея в виду все это, известный русский кавказовед генерал П. К. Услар писал: «В общей системе Кавказской военной политики Абхазия играет весьма важную роль... Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесию»²⁹⁸.

Абхазское княжество было ликвидировано в июле 1864 года и введено здесь до утверждения положения и штатов,

²⁹⁵ В 1869 году указом Синода она была присоединена к Имеретинской епархии, а в 1885 году указом же Синода была восстановлена. Причем в ее состав теперь, кроме нынешней территории Абхазии, входила береговая часть Черноморской губернии, включая г. Новороссийск (Дудко А. П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851—1907 гг.). Сухуми, 1956, с. 125).

²⁹⁶ См.: ГКК, ф. 260, оп. 1, д. 655, лл. 15—16.

²⁹⁷ См.: Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982, с. 247—248; Очерки истории Абхазской АССР, ч. I. Сухуми, 1960, с. 196—199; ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 4, д. 483.

²⁹⁸ Услар П. К. Гурийский отряд в 1855 году. — КС, 1880, т. 5, с. 258.

временная «военно-народная» система управления²⁹⁹. Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел Российской империи с военными и гражданскими функциями. Она была «причислена» к составу Кутаисского генерал-губернаторства, куда до этого входила номинально и имея свое внутреннее управление и подчиняясь фактически заместителю Кавказа.

Отдел был разделен на Бзыбский, Сухумский (Абхазский) и Абжуйский округа, возглавляемые окружными начальниками, и Самурзаканский и Цебельдинский приставские управления. Во главе же всего отдела был поставлен военный начальник в чине генерала³⁰⁰. Административным центром края снова становится Сухум, где обосновался начальник Сухумского военного отдела и штаб командующего войсками в крае.

Первыми правительственными мероприятиями в Абхазии были: учреждение окружных судов, составленных «по народному обычаю из лиц разных сословий»³⁰¹, но из подсудностей таких судов исключались преступления по убийствам, которые разбирались по русским законам; воспрещалась кровавая месть; должны были приниматься «безоцлагательные меры» к уничтожению пленнопродавства и контрабанды. Доходы, получавшиеся владельцем и имевшие характер правительственных сборов, принимались в казну³⁰², а существовавший порядок поземельных и сословных отношений оставались пока без изменений. Причем эта «фактическая передача Абхазии в русское управление» совершалась «не только без всякого сопротивления, но и при содействии самого владельца»³⁰³.

С устранением в 1864 году князя Михаила Шервашидзе от управления Абхазией хотя и было введено непосредственное российское управление, но временные учреждения возникли «без согласования их с местными потребностями и организовались спешно, под влиянием политических соображений, имевших целью как можно скорее заменить автономное управление владельца»³⁰⁴. Поэтому заместитель Кавказа,

²⁹⁹ См.: ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 24—25.

³⁰⁰ Управление Абхазией было поручено ген. Шатилову, командовавшему здесь войсками в течение нескольких лет. Но вскоре он был отозван, поскольку система его действий (стремление «ладить с абхазцами, в особенности с привилегированными сословиями») не была одобрена, и вместо него был назначен полковник Коньяр.

³⁰¹ Эсадзе С. Историческая записка. Т. 1, с. 266.

³⁰² С выездом владельца из Абхазии недвижимые имущества его были отобраны в казенное управление, а с движимым имуществом поступили согласно его желанию. Еще до смены генерала П. Н. Шатилова в Абхазии была послана комиссия генерала Е. Понсе «для приведения в известность имений бывшего владельца», т. е. для выяснения размера получаемых им доходов как за звание владельца, так и по «частным имениям».

³⁰³ Эсадзе С. Указ. соч. с. 239.

³⁰⁴ Там же, с. 272.

великий князь М. Н. Романов, для обсуждения административного вопроса и составления проекта Положения в Сухумском отделе уже в сентябре 1864 года назначает новую комиссию под председательством генерала И. А. Бартоломея. В 1865 году издается «Положение о кавказском управлении», по которому в крае создавалось высшее центральное управление горскими народами Кавказа, основанное на началах особого, «военно-народного» управления³⁰⁵. Правительство стремилось изъять управление горскими народами из военного ведомства и централизовать его, сосредоточив в одном учреждении, подчиненном непосредственно Главному управлению Кавказского наместничества³⁰⁶. Однако в Абхазии проведение стабильных мероприятий в области административного управления несколько затянулось. Комиссия генерала И. А. Бартоломея свою работу закончила к апрелю 1866 года.

Реализация ее предложений в дальнейшем была ускорена восстанием того же года. Цель же этих изменений и преобразований заключалась в том, чтобы лучше приспособить аппарат управления к новым условиям, создавшимся на Кавказе в результате происходящих здесь к этому времени политических и социально-экономических перемен³⁰⁷.

Постановление о новых «административных преобразованиях» в Абхазии, поспешно вынесенное Кавказским комитетом в соответствии с предложениями комиссии Бартоломея, было утверждено Александром II, и 11 августа 1866 года вышел его указ с положением об управлении Сухумским отделом³⁰⁸.

Абхазия (Сухумский военный отдел) теперь в административном отношении разделялась на управление городом Сухумом и четыре округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. Таким образом, были ликвидированы Самурзаканское и Цебельдинское приставские управления, а

³⁰⁵ Еще в 1858 году была законодательно утверждена система «военно-народного» управления, отделившаяся от казачьего и общегражданского управления Российской империи и которая затем вводится в ряде районов Кавказского края. В 1860 году она была учреждена при Главном штабе Кавказской армии под названием Канцелярии по управлению кавказскими горцами, в 1865 году преобразована в Кавказское горское управление, а в 1880 году — в Кавказское военно-народное управление, упраздненное в 1883 году. Сущность системы заключалась в том, что управление и суд оставались по-прежнему на местных обычаях. Органы управления состояли из представителей местного населения, на выборных началах. Непосредственное руководство принадлежало военной администрации. Вообще же особый орган по военно-народному управлению кавказскими горцами под разными наименованиями просуществовал до Февральской революции 1917 года.

³⁰⁶ Чхетиya Ш. Буржуазные реформы в Грузии. Серия II, т. 1. Тбилиси, 1964, с. L.

³⁰⁷ Там же, с. XLIX.

³⁰⁸ См.: ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, д. 30, лл. 33—41.

Бзыбский, Сухумский (Абхазский) и Абжуйский военные округа переименованы. Упразднены также управление командующего войсками в Абхазии и его гражданская канцелярия по управлению г. Сухумом, Сухумская городская ратуша и Сухумское комендантское управление. Начальнику отдела были предоставлены права военного губернатора Закавказского края по внутреннему управлению и по судебной части, хотя он и подчинялся номинально кутаисскому генерал-губернатору. Начальник отдела управлял и г. Сухумом, во главе которого стоял городничий и при котором имелось полицейское управление. При окружных начальниках создавались военно-окружные управления. Начальник отдела являлся также председателем Главного суда в г. Сухуме (для всего края), а окружные начальники или их помощники — председателями окружных словесных судов, из четырех «депутатов» (одного из высших сословий и трех от «низших»), а в селах действовали третейские суды. Учреждалась также земская стража (урядники и стражники), в селах же назначались старшины³⁰⁹.

После переселения значительной части абхазского населения в Турцию (махаджирство), имевшего место в 1867 году, в Абхазии, как почти во всем Кавказском наместничестве, в 1868 году, по инициативе начальника Сухумского военного отдела генерала В. А. Геймана, проводится еще одна колониальная административная «реформа». Прежде всего речь шла об укрупнении округов в целях дальнейшей централизации управления краем. Согласно постановлению об этом, утвержденному Александром II 27 мая 1868 года, Сухумский военный отдел³¹⁰ делился лишь на два округа — Пицундский и Очамчирский, каждый из которых, в свою очередь, состоял из двух участков: Пицундский округ — из Гудаутского (от Гагры до Псырцха) и Гумистинского (от р. Псырцха до р. Кодор), Очамчирский — из Кодорского (от р. Кодор до р. Галндзга) и Самурзаканского (до р. Ингури). На территории Цебельды, предназначенной для сплошной колонизации, было создано «Попечительство поселений в Цебельде», заведывание которым было поручено особому лицу с правами окружного начальника. Заведывание казенным имуществом и доходными статьями было возложено также на особое лицо, именовавшееся заведующим казенными оброчными статьями в Сухумском отделе. Полицейское управление г. Су-

³⁰⁹ См.: Документы по истории Грузии (1862—1917). Серия II, т. 1. ч. 1. Тбилиси, 1954, с. 630—634 [Введенский А. А.] Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии. — ССКГ, 1870, в. VI, с. 29; Эсадзе С. Историческая записка..., т. 1, с. 276—278.

³¹⁰ С образованием в 1867 году Черноморского округа р. Бегребста становится границей его с Сухумским отделом.

хумом и земская стража оставались на прежнем основании³¹¹.

В 1868 году в Абхазии были введены также общинные и сельские управления³¹². Все села были разделены на 41 общину с общинными сельскими старшинами, которые назначались «по выбору от обществ»³¹³. «Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Сухумском отделе»³¹⁴ было утверждено Кавказским горским управлением еще в 1867 году. Классовая природа нового сельского управления была совершенно очевидна. Оно входило в систему государственного аппарата, являясь нижней его ступенью.

Новые «преобразования», естественно, коснулись и области судопроизводства, которое «потерпело значительные изменения»³¹⁵. «Применяясь к законам империи», в окружных судах были введены не формальный, а фактический разбор дел и постановление решений; в общинах создавались общинные суды. В составе главного суда предусматривались четыре «депутата» от местных жителей.

Следует подчеркнуть, что уже к концу 1867 года в пределах Кавказского края не оставалось ни одного феодального владетеля, который бы сохранил политическую власть³¹⁶. Таким образом, завершается длительный процесс объединения под властью России всех кавказских политических образований, унификации административного управления краем.

Отмеченное административное деление Абхазии и система управления просуществовали до 1883 года, когда, в связи с ликвидацией «военно-народного управления» на Кавказе, Сухумский военный отдел перешел в гражданское ведомство и вошел во вновь учрежденное Кутаисское военное губернаторство под названием Сухумский округ³¹⁷. Он разделялся на четыре участка: Гумистинский (центр — г. Сухуми), Гудаутский (м. Гудауты), Кодорский (м. Очамчиры) и Самурзаканский (с. Окуми)³¹⁸.

³¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 30, л. 47 об.; ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 127, лл. 44—44 об.; ССКГ, 1868, в. 1, с. 13—14; Эсадзе С. Историческая записка... С. 279.

³¹² Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Махаджирство..., 1982, с. 297—298.

³¹³ Эсадзе С. Указ. соч., т. I, с. 280.

³¹⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 645, д. 2796, лл. 137—170; ЦГАА, ф. 58, д. 1, лл. 1—7.

³¹⁵ Введенский А. Н. Несколько слов... С. 29, 44.

³¹⁶ См.: Народы Кавказа, т. I. М., 1960, с. 100—101.

³¹⁷ См.: Маевский М. М. Указ. соч., прилож., с. 66.

³¹⁸ Что касается населенного пункта Гары и части его зоны (по современному административному делению), то они сперва входили в состав Бзыбского округа, затем Гудаутского участка, с образованием Черноморской губернии в 1896 году к ней была «прирезана» территория земли вплоть до правого берега р. Бзыбь и весь верхний бассейн этой реки с ее притоками (Ермолов А. С. Заметки по поездке на Черноморское по-

С упразднением Абхазского феодального княжества и учреждением непосредственного царского управления, как отмечалось выше, и на этот край распространяется колониальный политический режим, являвшийся неразрывной частью реакционной политики царизма. Тем не менее ликвидация владетельской власти — пережиточной формы феодального управления, помехи на пути социально-экономического развития Абхазии, объективно имела в целом положительное значение. Постепенно изживались разобщенность и замкнутость Абхазия, как и другие районы Грузии и Кавказа, с которыми шел процесс дальнейшего сближения, становилась на путь тесного приобщения к экономической, политической и культурной жизни России. Открываются возможности для дальнейшего развития производительных сил и буржуазных производственных отношений. Впервые в истории феодальной Абхазии зарождаются отношения, присущие начальным этапам капиталистического общества. Это явление, естественно, в пореформенный период усиливается. Усиливается и рост революционной сознательности трудовых масс. С течением же времени абхазы складываются в буржуазную народность, что явилось проявлением процесса перехода от феодализма к капитализму.

Это был один из примеров, подтверждающих ленинское положение о том, что быстрое развитие капитализма в России «вширь и вглубь» имело «глубоко прогрессивное значение»³¹⁹. В. И. Ленин, обосновывая тезис о прогрессивности присоединения нерусских народов к России, писал, в частности, о включении Кавказа, стоявшего «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории», в общероссийский процесс утверждения капиталистических отношений³²⁰.

Таким образом, присоединение Абхазии к России, как и других регионов Кавказского края, было актом прогрессивным, открывшим пути для развития экономической и культурной жизни абхазского народа.

Как отмечалось частично, кавказские события XIX века всегда были объектом острой идеологической борьбы. Русской дореволюционной дворянско-буржуазной историографии было свойственно стремление оправдать захватническую политику царизма, затушевать военно-феодальные методы его колониальной деятельности, а, следовательно, и осуждать освободительную борьбу народов Кавказа.

В основе же концепции одних зарубежных буржуазных

Бережье Кавказа осенью 1907 года. СПб., 1908, с. 90). А с декабря 1904 по декабрь 1917 года она находилась в составе Сочинского округа Черноморской губернии. В мае 1919 года историческое название «Абхазия» было официально восстановлено, участки переименованы в уезды, а местечки Гагры, Гудауты и Очамчыры — в города.

³¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 584.

³²⁰ Там же, с. 594—595.

историков лежит традиционное преувеличение прогрессивности внешней политики царской России, а других — стремление приписать западному колониализму бескорыстные и миролюбивые намерения. Разумеется, они отрицают объективно прогрессивные последствия присоединения народов Кавказа к России.

Английские авторы Д. Лэнг и У. Аллен и американец М. Аткин, в частности, отрицают прогрессивное значение Георгиевского трактата 1783 года — эту поистине хартию дружбы и братства русского и грузинского народов³²¹. А сдвиги социально-экономической жизни Кавказа Лэнг рассматривает не как следствие присоединения его к России, а лишь как результат деятельности наиболее способных царских администраторов³²². Американский профессор Л. Тиллет, также искажая действительность, добавляет тезис о существовании извечной вражды между народами России³²³.

Советская историография, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, дала принципиально новую оценку основных проблем истории Кавказа XIX века. Она, в частности, руководствуется положением о том, что признание прогрессивности присоединения к России не противоречит одновременному признанию в нем реакционного характера политики царизма. В. И. Ленин, исследуя развитие капитализма в России, писал, что «признание прогрессивности» исторической роли капитализма в хозяйственном развитии страны «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма»³²⁴.

Как уже отмечалось, борьба народов Кавказа была направлена против реакционной политики царизма, поэтому она была справедливой, освободительной войной. Вместе с тем эта борьба неотделима от борьбы против местных княжеско-дворянских элементов, всей системы феодально-помещичьей эксплуатации.

Борьба кавказских народов закономерно смыкалась с той героической борьбой, которую вел русский народ против самодержавия и капитала.

---

³²¹ См.: Критика буржуазных советологических концепций по национальным отношениям в Закавказье. Тбилиси, 1985, с. 21—22.

³²² См.: Княпина Н. С. Указ. соч., с. 36.

³²³ См.: Мамедов М. А. Несостоятельная попытка очернить советскую историографию. — История СССР, 1973, № 1, с. 191—197.

³²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДОРЕФОРМЕННОЙ АБХАЗИИ

ВВЕДЕНИЕ

Исторический материализм рассматривает историю общества как строго закономерный процесс, главной же силой, творящей историю, считает народ, трудящиеся массы, создающие все материальные блага и культурные ценности. В. И. Ленин указывал, что «первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»¹.

Исторические решения XXVII съезда и последующих Пленумов ЦК КПСС обязывают историков усилить внимание к проблемам истории трудящихся, к проблемам экономической истории, развернуть глубокое и всестороннее исследование истории социально-экономических отношений.

В истории Абхазии изучаемого периода, как всей Грузии и Закавказья, основным населением и решающей производительной, созидательной силой является крестьянство. Следовательно, подлинное изучение истории края невозможно без должной разработки всех тех вопросов, которые связаны с деятельностью этих непосредственных производителей. Между тем указанная проблема в целом до выхода нашей монографии «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы)» (Сухуми, 1958) оставалась почти неисследованной. Тем не менее мы располагали некоторым количеством работ, среди которых имеются и отдельные ценные труды. Обзор литературы предмета и ее критический анализ будут даны в процессе изложения, по мере изучения того или иного конкретного вопроса. Важнейшими из них надо считать работы²: из дореволюционных авторов — Ф. Ф. Торнау, Н. Ф. Дубровина, С. А. Авалиани, С. С. Эсадзе; из советских историков — Ф. И. Махарадзе, Г. В. Хачапуридзе, Ш. К. Чхетия, А. В. Фадеева, А. А. Олопецкого и др. Многих вопросов темы касался и автор в ряде своих ранних работ.

Здесь необходимо повторить, что со времени выхода монографии «Народное хозяйство и социальные отношения в Аб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 359.

² Названия этих работ см. в перечне источников и литературы, приложенной к упомянутой монографии «Народное хозяйство и социальные отношения в XIX веке». Следует, однако, заметить, что со времени выхода этой книги историография Абхазии значительно обогатилась.

«Хазин в XIX веке» опубликован ряд исследований по различным освещаемым в ней вопросам, которые по возможности учтены в настоящем издании. Из них следует выделить первый том «Очерков истории Абхазской АССР» (Сухуми, 1960) и книгу Ш. Д. Инал-ипа, Г. В. Смыр и Р. К. Чанба «Земледелие и скотоводство у абхазов» (Тбилиси, 1986), представляющую собой определенный итог собирательской и научно-исследовательской работы абхазоведов в области хозяйственной и материальной культуры фактически XIX — середины XX века.

По вопросу о степени развития социально-экономической жизни Абхазии в дореволюционной литературе, в том числе и документальной, в основном существует два направления. Часть авторов, например, чиновники царской администрации, по определенным политическим соображениям рисовала общественный строй абхазов, как и некоторых других народов Кавказа (адыгейцев, кабардинцев и пр.), гораздо более примитивным, чем он был в действительности. Стремясь к архаизации общественного строя абхазов, она отрицала по существу феодальное землевладение в Абхазии и считала господствующими здесь родовые отношения. Иные же авторы, напротив, преувеличивали уровень развития общественного строя, механически перенося социально-экономическую обстановку некоторых других регионов Кавказа на абхазскую почву. Методологический порок старой историографии в целом заключался в том, что ее представители не занимались специальным изучением экономической жизни Абхазии, не вскрывали процесса развития производительных сил и производственных отношений. Социально-экономический строй рисовался им внеклассной борьбой крестьянства. В нашей исторической литературе в этом вопросе также существует известный разнобой.

Монография «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке» ставила своей целью хотя бы частично восполнить тот пробел, который все еще ощущался в историографии в деле фундаментального научного исследования выдвинутой темы.

Работа написана на основе произведений классиков марксизма-ленинизма, решений КПСС, в которых содержатся основополагающие указания для правильного разрешения интересовавшей нас проблематики. В частности, автор руководствовался их учением о роли народных масс и отдельных личностей в историческом процессе.

Что касается фактического материала, то надо сказать, что отсутствие в прошлом абхазской письменности затрудняет и ограничивает возможности исследования проблемы. Тем не менее мы располагаем разнообразными материалами, основными из которых являются архивные источники, легшие в основу настоящей работы, причем большей частью еще

не опубликованные и в значительной степени впервые вводимые в научный оборот³. Из использованных опубликованных первоисточников особого внимания заслуживают материалы в многотомных «Актах, собранных Кавказскою археографическою комиссиею» (Тифлис, 1866—1886, 1888, 1904), сборника документов «Сельское хозяйство и аграрные отношения» (1801—1920 гг.) (Сост. П. В. Гугушвили. Т. II. Тбилиси, 1950), «Документы по истории Грузии (1862—1917)» (под ред. проф. Ш. К. Чхетия. Сер. II; т. I, ч. I и II. Тбилиси, 1954, 1960).

Автору приходилось строго учитывать тенденциозность и критически оценивать архивно-документальные материалы официального характера, представляющие собой докладные записки, обозрения, военно-статистические описания, рапорты и донесения представителей царской администрации агентов правительства, дипломатов и т. д.

Важное место занимают материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии⁴, разбросанные в различных архивах страны и частично опубликованные как в дореволюционное, так и в советское время. Объем этих материалов очень обширен, а по своему характеру они весьма разнообразны. Основная их ценность заключается в том, что в них содержится большое количество фактических данных, в частности, сообщения современников, в том числе крестьян. Выводы же комиссии в большинстве случаев тенденциозны.

Комиссия, выполняя задания правительства, ставила целью, опираясь на родовые пережитки и патриархально-общинные традиции, а также пользуясь отсутствием соответствующих письменных источников, доказать, что в Абхазии перед реформой не было крепостного права, что взаимоотношения между феодалами и крестьянами возникли на основе добровольных соглашений между «покровителями» (ахылапшы) и «покровительствуемыми» (хипшы), в силу которых первые «защищали» вторых от врагов, а последние приносили «покровителям» (патронам) «шодарки» и выполняли различные их поручения. Комиссия должна была найти «основания» для подтверждения предвзятого взгляда, отрицавшего наличие феодально-крепостнических отношений и помещного владения землей и доказывавшего, что здесь вся

³ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 4—5, 492—500.

⁴ Сухумская сословно-поземельная комиссия была утверждена 16 мая 1867 года и приступила к своей работе 3 июля того же года. В 1869 году комиссия представила свод данных о сословно-поземельных правах населения Абхазии, а также свои соображения на прекращение личной зависимости крестьян от помещиков и т. д. Труды комиссии послужили материалом для проведения крестьянской реформы в Абхазии. В 1876 году, после окончания работы по «освобождению зависимых сословий» (1875 г.), сословно-поземельная комиссия была преобразована в поземельную комиссию.

земля составляла собственность государства, хотя та же комиссия, противореча себе, крестьянскую реформу и характеризовала как «отмену крепостного права».

Кроме того, на Сухумскую сословно-поземельную комиссию, по «воле» главнокомандующего на Кавказе, было возложено произвести подробную опись и оценку имений, в том числе домов в Лыхны и Очамчирах, бывшего владельца Абхазии М. Шервашидзе. Работа эта продолжалась с 3 июля по 22 августа 1867 года⁵.

К документам Сухумской сословно-поземельной комиссии примыкают также материалы предшествовавших ей двух комиссий: генерала Е. М. Понсе (1864—1865 гг.) и майора С. Г. Баратова (Бараташвили) (1866 г.), кстати, известного грузинского историка. В задачу комиссии Понсе входило выяснение размеров имущества бывшего абхазского владельца для установления его семье соответствующего вознаграждения, а также сбора сведений об общем социально-экономическом положении Абхазии. Комиссия Баратова должна была собрать данные «о порядках землевладения», об отношениях между лицами разных сословий в каждом отдельном селении и затем систематически обработать собранные ею материалы, на основании чего можно было бы приступить к «разрешению той запутанности, которая поныне заметна в этого рода делах и которой никакие другие меры не в состоянии устранить». Работа комиссии Баратова являлась частью работы по сбору необходимых материалов для Кавказского горского управления, учрежденного наместником Кавказа под председательством помощника его генерал-адъютанта А. П. Карцова в целях «обсуждения способов и средств к освобождению зависимых сословий в туземных племенах, состоящих в ведении этого управления»⁶.

Однако работа комиссии Баратова скоро была прервана начавшимся в июле 1866 года восстанием, одной из решающих причин которого была деятельность этой комиссии. Во время восстания был убит член комиссии статский советник А. П. Черепов; майор С. Г. Баратов также умер 31 августа того же года в Сухуме⁷.

Тем не менее в результате работы указанной комиссии до нас дошли «Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам» С. Г. Баратова (Бараташвили)⁸ и «Сведения о взаимных отношениях цебель-

⁵ Соответствующие материалы см.: ЦГИАГ, ф. 545, д. 307.

⁶ Там же, д. 181, лл. 76—83.

⁷ См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 117.

⁸ См.: Труды Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, 1965, т. XV, с. 157—161. С. Г. Баратов (Бараташвили) (1821—1866) — известный грузинский историк. Его перу принадлежат, кроме того, «Очерк прав и разделения податного населения абхазцев» (Тифлисский вестник, 1879, № 40) и «Из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев» (Там же, №№ 110, 121—123).

динского населения» М. И. Карганова⁹, являющиеся весьма ценными материалами благодаря обилию фактических данных. С этой точки зрения заслуживают большого внимания и данные комиссии Е. М. Понсэ, работавшей в конце 1864 — начале 1865 г. В частности, титулярный советник Черепов именно в этот период составил свои известные «Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии»¹⁰, а не во время работы комиссии Баратова (он был членом и этой комиссии), как это отмечено в названной публикации материалов Черепова и в сборнике проф. П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения» (т. 2, Тифлис, 1950, с. 538).

Нами, кроме того, использованы работы авторов дореволюционного и советского периодов, которые в той или иной степени касаются вообще истории Абхазии исследуемого отрезка времени. Привлекались также мемуарная литература, статьи и заметки публицистического характера, напечатанные как в этот период, так и относящиеся к пореформенному времени.

Следует заметить, что особенно остро ощущается недостаток в статистическом материале, так как в ту пору здесь, по существу, не было еще официальной статистики.

Особую группу составляют устные источники: обычное право, свидетельства современников и данные фольклора. К сожалению, уже потеряно время, чтобы в полной мере собрать материалы этого рода по причине естественной убыли их хранителей. Тем не менее работа в этом направлении, частично проводившаяся в прошлом и которая более или менее планомерно на протяжении многих лет ведется Абхазским институтом языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, дала свои определенные результаты. Интересно, что фактические данные некоторых свидетельств и преданий почти вполне согласуются с сообщениями письменных источников, а также отличаются колоритным характером передачи отдельных деталей, которые не могли содержаться в официальных документах. Однако для уяснения исторической последовательности событий и для глубокого анализа отдельных, закономерно сменявших друг друга, этапов социально-экономического развития Абхазии в рассматриваемый период данный вид источника не может дать достаточно полного материала.

Следует несколько остановиться на абхазском обычном праве. Регулировавшее всю общественную и семейную жизнь абхазцев с древнейших времен, обычное право («адаты»), несомненно, является ценным источником в деле исследования социальных отношений в Абхазии изучаемого периода.

⁹ См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 168—173.

¹⁰ См.: Исторический архив. М., 1950, т. V, с. 400—414.

Надо отметить, что Сухумская сословно-поземельная комиссия проделала большую работу по сбору этого рода материалов*. Однако правильное раскрытие подлинного значения материалов по обычному праву того или иного народа возможно только на основе марксистско-ленинской теории. Как известно, всякое обычное право образовывалось очень медленно и также медленно эволюционизировало в зависимости от материальных условий жизни людей. Обычай весьма живучи и консервативны. Особенной устойчивостью и консервативностью отличаются отдельные их нормы. В обычном праве можно найти нарождающиеся нормы, не получившие еще общего признания, и рядом — нормы, давно переставшие отвечать требованиям жизни, нормы отжившие¹¹. Говоря же конкретно, заслуживает внимания следующее место из введения Б. А. Гарданова к «Материалам по обычному праву кабардинцев»: «В кабардинском обычном праве в первой половине XIX в. явственно проступают черты еще неизжитого патриархально-родового быта и даже отзвуки еще более архаических обычаев и порядков эпохи матриархата. Но институт родового строя в обычном праве кабардинцев первой половины XIX в. выступает уже в значительно трансформированном виде»¹². Это целиком относится и к абхазскому обычному праву.

Кроме того, как для изучения отдельных сторон, так и всего комплекса вопросов исследуемой темы также необходимо использование сравнительного материала, ибо известно, что в результате многовековых и многосторонних связей абхазского народа с другими народами Кавказа, в первую очередь с адыгами и грузинами, наблюдается взаимодействие в области материальной и духовной культуры.

При изучении истории абхазского крестьянства рассматриваемого периода неизбежны столкновения с трудностями ввиду большого разнообразия и сложности, порой запутанности вопроса о крестьянских категориях, степени и формах их зависимости от владельцев, определявшейся в сущности лишь одними нормами обычного права, а не письменными кодексами. Наиболее сложным является вопрос о землевладении и землепользовании. Решение вопроса о том, была ли до реформы 1870 года в Абхазии феодальная собственность на землю как основа феодализма или земля была в общинно-родовом пользовании является ключом к правильному пони-

---

* Член комиссии А. Н. Введенский отмечал, что указанные материалы являются результатом опроса около 5 тыс. жителей Абхазии (ССКГ, 1872, в. VI, с. 12).

¹¹ См.: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1, ч. 1. М.—Л., 1947, с. 11.

¹² [Гарданов Б. А.] Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1956, с. 8.

манию общественного строя дореформенной Абхазии. Следует также подчеркнуть, что наличие элементов рабства и патриархально-общинного уклада составляло главные особенности феодальной Абхазии по сравнению с ведущими районами Грузии. Причем в то время, как в приморской (предгорной) Абхазии уже давно господствовали феодальные отношения, у горных абхазских племен эти отношения были представлены еще лишь в слабой форме: их общественный строй характеризовался полупатриархальными, полуфеодальными отношениями.

Три важнейших раздела народного хозяйства: земледелие, ремесло и торговля недостаточно и вместе с тем неравномерно представлены в нашей историографии. При сохранении ведущего положения феодально-крепостнических порядков и натурального хозяйства, в Абхазии постепенно развивались товарно-денежные отношения и рыночные связи, которые во многом и определяли общую эволюцию края. Этим вопросам в работе отводится значительное место. При этом сознательно не дается характеристика состояния Абхазии вообще в социально-экономическом отношении в предшествующие эпохи, поскольку более или менее подробное изучение данного вопроса в первой главе, применительно и к началу XIX века, а порой и к более раннему периоду, снимает необходимость в этом.

Без изучения характера экономического развития дореформенной Абхазии невозможно правильно понять и осмыслить состояние духовной и материальной культуры, природу социально-освободительного движения и других явлений, имевших место здесь в изучаемый период.

Между тем, подходя с меркой классических форм развитого феодализма и рассматривая абхазское общество не в динамике, а в статике, многие авторы, особенно дореволюционные, как уже отмечалось, делали неправильные выводы. Очень сложные и важные внутренние процессы развития этого общества не были ими поняты и вскрыты. Явления социально-экономической жизни Абхазии они брали в лучшем случае поверхностно, с точки зрения буржуазных правовых норм.

Поворотный момент в историческом развитии абхазского и других народов Кавказа, определивший весь дальнейший их прогресс, как видели в первой включенной в настоящий том работе, был связан с присоединением к России. Социально-экономическое и культурное развитие происходило именно на фоне прогрессивной роли России по отношению к абхазскому народу. При этом, однако, необходимо учитывать реакционную политику царизма. Царские чиновники, проводники этой политики, широко применяя военно-феодальные методы управления, насаждали здесь, как и в других национальных регионах, колониальный режим.

Важную роль в разложении феодально-крепостнической формации и становления новых отношений играли надстроечные явления, наиболее существенной из которых была классовая борьба. Вся история Абхазии изучаемого периода пронизана движением крестьянских масс, достигшим перед реформой высокого развития. Этой проблеме, как уже отмечалось, посвящается значительная часть следующего, второго тома «Трудов».

Глава первая

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ АБХАЗСКОГО КНЯЖЕСТВА

1. Естественно-географические условия

Расположенная на юго-восточном берегу Черного моря, Абхазия является горной и лесистой страной, образованной Главным Кавказским хребтом и его отрогами. Границы Абхазского княжества проходили в основном по р. Ингуру, Главному Кавказскому хребту и Гагринским теснинам. Площадь Абхазии в административных границах 1865 года, по подсчетам И. Стебеницкого, равнялась 6941,7 кв. вер., с плотностью населения — на 1 кв. вер. 11,4 чел.¹

Защищенная стеной Главного Кавказского (водораздельного) хребта и его боковых отрогов (Гагринского, Бзыбского или Чедымского и Кодорского или Панавского) от холодных северо-восточных и сухих прикаспийских ветров и находясь под умеряющим влиянием Черного моря, Абхазия имеет климат мягкий и влажный, с очень теплой зимой. Ее рельеф характеризуется сложным устройством, что также влияет на климат, растительность, реки и почвообразование. Такой характер рельефа влиял и на хозяйственную и культурную деятельность человека.

Особенно благоприятными были побережье и лесная зона нижнего горного пояса с ее мягким климатом (среднегодовая температура +13—15°), богатой флорой и фауной. Здесь, особенно в предгорной полосе от 100 до 400 метров над уровнем моря, в долинах и ущельях рек Бзыби, Гумисты, Келасури, Кодора, Галидзги и других были расположены самые цветущие районы Абхазии, где население издревле занималось земледелием, скотоводством и другими отраслями сельского хозяйства.

Благодаря теплоте и влажному климату, вся Абхазия, за исключением альпийских высот и культурных пространств, покрыта пышной лесной растительностью, отличающейся необычайным разнообразием пород, из которых количество наиболее ценных видов насчитывается до 35. Уникальными являются самшит (кавказская пальма) и тис (красное дерево). Много дубильных растений (около 95 видов). Леса обладают

¹ См.: Стебеницкий И. Статистическая таблица Кавказского края. — Кавказский календарь на 1867 год. Тифлис, 1866, с. 313.

большими запасами дикорастущих плодовых и ягодных растений, дающих богатые витаминами плоды.

Крупное хозяйственное значение имеют обширные горные пастбища в зоне альпийских лугов, отличающиеся исключительным разнообразием и богатством травяного покрова. Во флоре Абхазии вообще насчитывается более 250 видов растений кормового значения, служащих с давних пор прочной базой для развития животноводства. Богата и лекарственная флора Абхазии, которая содержит до 550 видов растений.

Весьма разнообразен также животный мир Абхазии. Ее леса изобилуют множеством зверей, птиц и пчел, а воды — рыб.

Богатство фауны благоприятствовало охоте, бортничеству и рыболовству.

Наличие полезных ископаемых в Абхазии давало возможность населению заниматься и горным промыслом. Здесь добывалась железная руда. В бассейне р. Гумисты издавна разрабатывались серебро-свинцовые руды с целью литья пчел. Месторождения этих руд известны также на горе Дзышра, на горе Химца, у с. Окум, в местности Ахизтоу-Акуара (южнее Чедымского хребта) и т. д. Почти повсеместно имеется материал для развития гончарного и керамического производства, а также обработка камня, дерева, кожи и пр.

Такова краткая характеристика естественно-географических условий Абхазии рассматриваемого периода, которые почти полностью удовлетворяли потребности натурального хозяйства, за исключением таких предметов, как соль и отчасти металл, которые с давних пор составляли главную статью абхазского импорта.

2. К характеристике абхазских этнических подразделений

Поскольку в предыдущей работе несколько подробно говорилось о политических границах и административной политике в Абхазии с указанием этнографических подразделений абхазского народа в рамках данной территории, то здесь необходимо остановиться, хотя бы очень кратко, на характеристике других абхазских этнических единиц.

Население Абхазии фактически не представляло собой еще однородной массы. Племенные различия ощущались весьма значительно, особенно в горной полосе.

---

² Термин «племя» здесь употребляется в известной мере условно. Разумеется, абхазские и вообще западнокавказские племена в XIX веке, по своей сущности, коренным образом отличались от племен первобытно-общинного строя. В данном случае речь идет лишь о полупатриархальных формах и родоплеменных пережитках, которые прикрывали классовые, в большинстве случаев, феодальные отношения.

Кроме того, политические границы и административное деление Абхазского княжества далеко не совпадали с этнографическими рамками расселения абхазских племен. За пределами официальной территории Абхазии, в северо-западном направлении, пространство до Хамышь (Хоста), как уже отмечалось, населяли садзы (точнее — асадуаа или асадкуа), известны также под именами джигеты и джики³. Садзы-джигеты, писал Ф. Ф. Торнау, «одноплеменное с абхазами, говорящее с ним [одним и] тем же языком без всякого приметного изменения»⁴. Г. И. Филипсон, в 30—40-х годах служивший на Черноморской береговой линии, в своей рукописи «Черкесы, казаки и адэге» подчеркивал, что садзы говорят «чистым абхазским языком»⁵. Генерал И. Р. Анреп также отмечал, что садзы «говорят абхазским языком, а в обычаях более сходны с абхазами, чем своими соседями, убыхами... Самое общественное устройство у обоих народов одинаково»; кроме того, «с древних времен владельцы Абхазии имели на них влияние и пользовались хотя непризнанною властью, но большим уважением этого народа». Однако со времени присоединения Абхазии к России «союз между сею землею и джигетами уничтожился, а в последние годы обратился во вражду»⁶.

Как видели, только в 1840 году здесь было образовано приставство; причем его приняло лишь прибрежное население, которое поступило «в ведение абхазского владельца»⁷. Именно поэтому начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский в своем «Обозрении Восточного берега Черного моря» (апрель 1839 г.) отмечал, что «прежде все пространство от реки Хамышь (в 6 морских милях к югу от Сочи) до границ Мингрелии принадлежало князьям Шервашидзе. Оно населено одноплеменным народом, называемым себя азега, а у нас известным под именем абхазцев. С некоторого времени часть этого народа, обитающая между рекой Хамышь и Гагрою, отложились от князей Шервашидзе»⁸.

³ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. — Тифлис, 1887. То же самое писал и В. С. Миллер: «Южнее убыхов от р. Хоста на юге жили абхазцы» (В. С. Миллер. К исторической этнографии восточного берега Черного моря. — ДО Института востоковедения, ф. 38, д. 7/319, л. 2).

⁴ Торнау Ф. Ф. Описание части восточного берега Черного моря (Докладная записка от 25 ноября 1834 г.). — Г. А. Дзидзария. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976, прилож., с. 103.

⁵ РО Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. Д. И. Милютин, д. 7955/4 лл. 185—209. Данная статья была написана по-видимому, в 1854 г., как видно из письма автора к барону К. Ф. Сталю от 2 марта 1854 г., кому она была и адресована (См.: Там же, лл. 185—186).

⁶ Рапорт И. Р. Анрепа Е. А. Головину от 25 мая 1841 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, 1841 г., д. 6435, лл. 8—16.

⁷ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. СПб., 1847, с. 201, 222.

⁸ Архив Раевских, т. III. СПб., 1910, с. 96.

Садзы-джигеты делились на береговых и горных, из коих последние были известны под названием мдыюаа (мдыюаа) — «медовеевцы» русских источников. Территория, занятая прибрежными садзями, в свою очередь, делилась на ряд обществ, преимущественно связанных с наиболее знатными фамилиями: Цанба — примерно, между реками Бзыбь и Хашупса (или Цандрипшь); Лечба (Леч) — между реками Хашупса и Мзымта (Мзымта); Ардба (Арт) или Аред — отсюда искаженное название «Адлер» — между реками Мзымта и Хамышь (Хоста), до границ убыхов. Эта долина в целом называлась Ляшв (Ляшэ), а мыс — Гечаа-рыбна. Кроме того, к прибрежным садзам примыкали также цвиджа (цэдыцаа) и оага (оабаа), расселенные между реками Мзымта и Хоста⁹.

Ф. Ф. Торнау об этих абхазских племенах, которые он посетил в середине 30-х годов и знал хорошо, писал, что они делились на разные «общества», «княжества» и «республики», и все они враждовали между собой¹⁰.

Это относилось и к мдыюаа, занимавшим верховья рек Мзымта, Псоу и Бзыбь. Наиболее крупным из них были ахчыпсы (ахчыпсаа). В соседстве с ними находились айбга (айббаа). Выделялись также псху (псхэаа). Здесь господствовала княжеская фамилия Маршания* (Маршьан), разделившаяся на две ветви: Багаркан-ипа и Мас-ипа, из них первые жили в Псху.

Наличие следов абхазской топонимики в долине р. Мзымта и далее на северо-запад также совершенно явно свидетельствует о факте обитания в этом районе абхазских племен.

На Северном Кавказе, в бассейнах р. Кубани и Кумы, жили близкородственные абхазам абазины (абаза, ашвуаа). Предки их обитали на восточном побережье Черного моря. На современной территории известны с XIV века. В этнографическом отношении делятся на две группы: тапанта и ашхаруа.

Кроме того, примерно между реками Шахе и Хоста (Хамышь) жили убыхи (пэх, аублаа), которые, занимая особое место в западной группе народов Кавказа, по языку, культуре и быту родственны абхазам и адыгам.

3. Население

К сожалению, очень трудно судить о точном количестве населения Абхазии предреформенного периода, особенно, когда речь идет о первых его десятилетиях. Как писал А. П. Берже, «горцев никто не считал, почему и точных ста-

⁹ Берже А. д. Краткий обзор горских племен на Кавказе. I. Абхазское плем. (азега). — КК, 1857, с. 274—275.

¹⁰ См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. II, с. 46.

* Ведущее положение эта фамилия занимала также в Цебельде, Дале, Айбге и Ахчыпсы.

стистических сведений о них не существовало»¹¹. А когда и предпринимались какие-либо попытки в этом направлении, то допускались невероятные погрешности. Например, в ряде случаев не брались в расчет целые исторические районы края, не говоря уже о слишком приблизительности многих приводимых фактов.

Население Абхазии имело тенденцию к постоянному сокращению, о причинах которого будет сказано в соответствующем месте.

Ниже приведем некоторые фактические данные иллюстративного характера, представляющие интерес для изучения рассматриваемого вопроса. Начнем с турецкого сановника Таяр-паши, бежавшего в Сухум в 1806 году, который сообщал русским властям, что численность мужского населения Абхазии равнялась, примерно, 30 тыс. человек¹². Еще менее точны сведения А. П. Ермолова, который количество населения Абхазии, без Самурзаканской части и территории между р. Бзыбь и Гагрой, считал 48 тыс. человек, а с побережными садзами (джигетами), медовеевцами и абазинами — около 63 тыс. человек¹³. По сведениям капитана Е. И. Энегольма (1817 г.), население Абхазии определялось менее 100 тыс. человек¹⁴.

Р. де Скасси (1818—1820 гг.) численность населения Абхазии в пределах от р. Бзыбь до р. Ингури доводил тоже до 100 тыс. человек, хотя эта цифра, по его признанию, очевидно, преувеличена¹⁵. Барон И. К. Аш население Абхазии, между реками Ингури и Гагрипш, определял (1830—1831 гг.) в 8010 дворов¹⁶. Количество же дворов в Цебельде он считал до 1500, которые были «в состоянии легко выставить для собственной защиты от 2500 до 3000 вооруженных всадников и пеших воинов». А в селе Дал, «почти независимое от Цебельдинского общества», находилось до 100 семейств¹⁷. Садзов барон Аш полагал 1050 семейств (в другом месте — от 900 до 1000)¹⁸. А. Д. Абряцкий жителей края до Гагры считал 63108 душ или 10518 дворов¹⁹. Эти данные, со ссылкой

¹¹ Берже Ад. Горные племена Кавказа. — Живописная Россия, т. IX. СПб.—М., 1883, очерк IV, с. 72.

¹² См.: АКАК, т. III, с. 191.

¹³ Записки Алексея Петровича Ермолова, ч. II. 1816—1827 гг. М., 1863, с. 428, прим.

¹⁴ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18497, лл. 1—43. Речь идет о рукописи автора «Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии». Материал имеется в двух списках. В указанном он датируется 1819 г. В другом списке (см. там же, оп. 3, д. 74, лл. 1—45; быв. ф. 14719 (548—ЦГИАГ), являющимся, как видно, первоначальным, стоит дата 1817 г. (г. Тифлис).

¹⁵ См.: АКАК, т. VI, ч. I, с. 648.

¹⁶ См.: ЦГВИА, ф. 414, д. 301, лл. 17—19 об.

¹⁷ Там же, ф. 90, д. 146, лл. 1—2 об.

¹⁸ Там же, ф. 414, лл. 29—34.

¹⁹ См.: Тифлиссские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 226—228.

на источник, приводятся и академиком Э. И. Эйхвальдом²⁰. Орест Евецкий население Абхазии без самурзаканской территории определял цифрой 52300²¹. Эти данные буквально повторяет швейцарский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ, который побывал в Абхазии в 1833 году²².

Более подробную картину дает Ф. Ф. Торнау (середина 30-х годов). Количество жителей Абхазского побережья от устья реки Ингури до Бзыби он считал около 80 тыс., а вместе с чебельдинцами — до 88 тыс. человек. Садзов Торнау полагал 21 тыс. человек, а убухов — 10 тыс. Всего же на Кавказе абхазо-абазинского населения он считал 128800 чел.²³ В эту цифру Торнау неправоммерно включает и убухов²⁴.

Кстати, приведенную Ф. Ф. Торнау общую цифру населения Абхазии принял и академик Н. Ф. Дубровин, полагая ее наиболее выражающей число «всего абхазского населения» в половине 30-х годов XIX века²⁵. Между прочим, в примечании переводчика книги Элизе Реклю «Земля и люди. Всеобщая география» (т. VI, СПб., 1883, с. 79) ошибочно указывается, что отмеченное у Торнау количество всего абхазского населения было расположено между рекой Ингури и Гагрой.

Профессор А. Д. Нордман (1836 г.) в Абхазии, без самурзаканской территории, насчитал 7257 дворов, а в «Джигетской области» (округа: Цандрипшь, Геч и Ясхрипшь) — 1165 дворов²⁶. По Самурзаканскому владельчеству располагаем довольно точными сведениями, сообщаемыми генералом Н. Н. Муравьевым, относящимся к 1841 году, — 9396 чел. или 1864 двора²⁷.

По словам анонимного автора одного военно-статистического обозрения, «число жителей в Абхазии можно определить только приблизительно..., но впрочем, без большой ошибки можно допустить, что в 60 селениях, составляющих Абхазию, живет до 65 тыс. душ обоого пола, в том числе до 7000 семейств, или до 65 тыс. душ обоого пола, в том числе до 30 тыс. мужского пола»²⁸.

²⁰ Е. Штутгарт, 1837, с. 323—324.

²¹ Орест Евецкий. Статистическое описание Закавказского края, ч. II. СПб., 1835, с. 172.

²² См.: Дюбуа де Монперэ. Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 123.

²³ См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1864, с. 113—114. См. также: Дзидзавия Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976, прилож., с. 99—119.

²⁴ Надо сказать, что Ф. Ф. Торнау количество убухов, особенно в своих рукописных материалах, сильно преуменьшает, а иногда включает их и в общую численность «черкесского племени». Допускает он ошибку также в определении восточной границы Убухии — между реками Сочи и Шахе, а не между Хоста (Хамышь) и Сочи.

²⁵ См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч., с. 3.

²⁶ См.: ЖМНП, 1838, № 11, с. 414—415.

²⁷ См.: ИГИАГ. ф. 54^а, оп. 2, д. 882, лл. 9—10.

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, 1843 г., д. 42—972, лл. 1—14.

Граф Н. П. Игнатьев в своих лекциях, прочитанных в 1852 году в Военной академии Генерального штаба, население Абхазии, от Ингури до Бзыби, считал составляет около 98 тыс. человек²⁹.

Согласно общему обзору Кавказского края за 1855 год, в Абхазии насчитывалось, примерно, 100 тыс. человек³⁰.

А. Н. Лаврентьев предполагал, что число жителей Абхазии «простирается приблизительно до 70 тыс. душ»³¹. К сожалению, автор не оговаривает, какое пространство Абхазии он имел в виду.

По одной «официальной» статистике, население Абхазии в 1858 году достигало 89 866 человек, из коих на Цебельдинское приставство приходилось 9 200 чел., а Самурзаканское — 20 666³².

Наконец, обратимся к данным почтенного ученого А. П. Берже. Согласно его сведениям, численность населения Абхазии в пределах между реками Ингури и Бзыбь (включая Самурзаканский и Цебельдинский³³ регионы) в 50-х годах XIX века доходила до 113 246 человек. Население Садзын (Джигетии) он определял в 16 923 чел., а абазин — 14 377 человек. Итого — 144 552 (точнее — 144 546) человек. Убыхов же Берже полагал 25 тыс. человек³⁴. В более поздней одной своей работе он населения «абхазского племени», до выселения горцев в Турцию, «по приблизительному определению», считал 150 тыс. человек³⁵.

К приведенным А. П. Берже данным следует сделать некоторые добавления, уточняющие отдельные его сведения об абазинах и садзах (джигетах). В другой известной своей работе, «Выселение горцев с Кавказа»³⁶, количество иммигрирующих с 1858 по 1866 год абазин (кизильбековцы, тамовцы,

²⁹ См.: ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, лл. 86—86 об.

³⁰ См.: РО Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютин, д. 10499/1, л. 19, прим.

³¹ Лаврентьев А. Н. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. — Статистические описания губерний и областей Российской империи, т. XVI, ч. 5. СПб., 1858, с. 259—260.

³² См.: Статистическая таблица Российской империи. Выпуск второй. Наличие населения империи за 1858 год. СПб., 1865, с. 175.

³³ Данные Берже по Цебельде (9327 чел.) близки к сведениям капитана Карганова (10345 чел.), который летом 1866 года обследовал этот горный район Абхазии (См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 168—173).

³⁴ См.: Берже А. Д. Краткий обзор горских племен на Кавказе. — КК, 1857, с. 269, 272—276, 289—290.

По данным Г. В. Новицкого, убыхов в первой половине XIX в. насчитывалось около 40 тыс. человек (См.: Вопросы истории, 1940, № 9, с. 151). Согласно сведениям Султана Довлет-Гирея, относящимся к позднему периоду, количество выселившихся в Турцию убыхов, а они выселились почти целиком, равнялось 449433 чел. (См.: ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, д. 188, л. 4). Профессор А. В. Фадеев писал, что в 30-х годах убыхов насчитывалось свыше 40 тыс. человек (См.: Исторический сборник АН СССР. Л., 1935, № 4, с. 137).

³⁵ См.: Берже А. Д. Горные племена Кавказа, с. 72.

³⁶ См.: Русская старина, 1882, т. XXXIII, январь, с. 165—167.

баговцы, башилбаевцы, щагереевцы) он определяет в 30 тыс. человек. Садзов в 1863—1864 годах выселилось 19515 человек". Такие сведения мы находим и у А. Н. Дьячкова-Тарасова. Вообще же садзов выселилось, по-видимому, не менее 25 тыс. человек, т. е. почти целиком. Не случайно Дьячков-Тарасов отмечал, что официальные цифры «ниже действительности, ибо регистрация отплывающих в Турцию не могла вестись точно: много горцев тайно садились на кочермы». Могли быть не учтены и отдельные группы населения»³⁷.

«Общество Псху», затерянное в горах Абхазии, как правило, причисляли к садзам. Кроме того, при «официальном» подсчете населения Кавказа их нередко «забывали». А. И. Берже, который ссылается на рапорт командующего войсками в Абхазии от 20 августа 1864 года, количество веселившихся псхувцов из пункта Гудауты считает 3642 человека³⁹. Согласно другому документу, их было 2840 человек⁴⁰. Они также вынуждены были целиком оставить свою Родину: большая часть из них удалась в Турцию, а другая — на Северный Кавказ⁴¹.

О жителях Псху следует еще сказать, что исторически они тяготели к цебельдинцам и дальцам. Общность жизни тех и других была вполне определенная. Их «правящие» князья Маршания, по крайней мере, номинально всегда признавали общеабхазского владетеля. Кстати, одна из жен владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе была из этого рода, что, естественно, имело и политическое значение.

П. В. Гугушвили в своей книге «Экономическое развитие Грузии и Закавказья» приводит таблицу о национальном составе края, в которой содержатся следующие данные об абхазах: в 1800 году — 30 тыс., в 1832 году — 35 тыс. и в 1865 году — 43 тыс. чел.⁴² Хотя В. Д. Абаев материалы указанной таблицы и считает наиболее обоснованными, но, по крайней мере, в части Абхазии они не отражают действительного положения вещей⁴³.

³⁷ Необходимо отметить, что А. П. Берже определял общее количество садзов (джигетов), вместо Псоу указывая Псху (5040 чел.). В моей монографии «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (Сухуми, 1982, с. 213), к сожалению, при подсчете допущена неточность. Количество садзов, выселившихся в 1863—1864 гг., определяется в 19925 чел. (вместо 19515), а общее количество абазинских и садзских переселенцев за 1858—1866 гг. — 49515).

³⁸ См.: Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. — ЗКОРГО, 1903, кн. XXIV, в. 1, с. 82.

³⁹ Русская старина, 1882, январь, с. 166.

⁴⁰ См.: ЦГИАГ, ф 545, оп. 1, 1864 г., л. 63, л. 257 об.

⁴¹ См.: Дзидзария Г. А. Махаджирство. 1982, с. 194—195 217.

⁴² გუგუშვილი პ. საქართველოსა და აზიერკავკასიის ეკონომიკური განვითარება. XIX — XX სს. ტ. 1. Тбилиси, 1949, с. 702.

⁴³ Абаев В. Д. Экономическое развитие Юго-Осетии... — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР. Сталинири, 1955, в. VII, с. 93.

Исходя из всего приведенного материала, можно заключить, что население Абхазии в первой половине XIX века равнялось около 100 тыс. человек. А проф. А. В. Фадеев, много сделавший для изучения истории Абхазии, считал, что население Абхазии в начале XIX века достигало 150 тыс. человек. При этом он отмечал, что в стране не было крупных центров городского типа, за исключением Сухума, но и в нем в то время было всего 400 домов и около 3000 жителей. Некоторые села (Дыхны и др.), расположенные в приморской зоне, по количеству жителей почти не уступали Сухуму⁴⁴.

К. Маркс в конспекте «Военно-статистического сборника» (вып. IV. Россия. СПб., 1871), приводя данные о «кавказских горских племенах», в частности, отмечал: «абхазцы (100 000) — в Сухумском отделе... убыхи (25 000)...»⁴⁵.

Однако в 60-х годах происходит значительное сокращение жителей Абхазии и вообще всего населения абхазской этнической принадлежности Кавказского края. Уже в 1865 году абхазское население, в рамках Сухумского военного отдела, по далеко неточным данным, составляет 79 195 чел.⁴⁶ По сведениям Кавказского горского управления, за ноябрь 1867 года оно доходит до 64 933 чел.⁴⁷ По камеральному описанию 1868 года, население Абхазии доходит до 66 494⁴⁸, а к маю 1871 года — до 66 800 чел.⁴⁹ Такое уменьшение количества населения края было связано прежде всего с насильственным в своей основе выселением части абхазов в султанскую Турцию (махаджирство), главным образом после окончания Кавказской войны (1864 г.), а особенно в результате поражения крупнейшего в Абхазии народного восстания 1866 года.

Увеличение же населения Абхазии к маю 1871 года на 1867 человек по сравнению с численностью ее жителей в конце 1867 года произошло, в основном, за счет возвращения абхазских переселенцев на родину, а также в связи с начавшейся колонизацией края. Постепенный рост населения, естественно, наблюдался и в дальнейшем, вплоть до новых трагических событий в Абхазии, связанных с русско-турецкой войной 1877—1878 годов. Согласно отчету начальника Сухум-

⁴⁴ Фадеев А. В. Абхазия в первой четверти XIX века. — Труды Одесского государственного университета. История, т. I, 1939, с. 9.

⁴⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. XVI. М., с. 366.

⁴⁶ См.: Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, под ред. Воронова Н. И. Тифлис, 1869, отд. II, с. 21.

⁴⁷ См.: Там же, с. 21, 39.

⁴⁸ См.: Там же, с. 18—19.

⁴⁹ Кстати, цесельдинцев из 10433 чел. осталось в конце 1867 года 87 чел., а в 1868 году — всего 26 чел. (Там же, отд. II, с. 39; прилож. с. 18—19). Интересно также отметить, что из 66494 чел. населения Абхазии в 1868 году христиане составляли 38255 чел., мусульмане — 28213 чел. (Там же, с. 19). А по «Кавказскому календарю на 1870 г.» (с. 421—424) сельское население Абхазии в 1868 году составляло 66151 чел.

⁴⁹ См.: ССКГ, 1972, в. VI, отд. III, с. 3.

ского военного отдела, население Абхазии к январю 1876 года уже дошло до 78 785 человек⁵⁰.

Существуют и другие официальные показатели, которые, правда, несколько разноречиво характеризуют состояние дел накануне самого массового переселения абхазов в XIX веке в Османскую империю, т. е. перед 1877 годом⁵¹. Что касается общего количества абхазских переселенцев этого последнего периода, то изучение имеющихся по этому предмету данных дают основание вывести цифру, равную примерно 50 тыс.⁵²

Трудности, о которых говорилось выше при описании движения населения Абхазии в рассматриваемое время, были обусловлены, повторяем, прежде всего состоянием статистики и вообще степенью изученности края. Общими же причинами, постоянно тормозившими рост абхазского населения, являлись: торговля невольниками (работорговля), турецкие нашествия, феодальные междоусобицы, эпидемические заболевания, голод, массовая «утечка» людей после известных политических событий в крае (махаджирство) и т. д.

Об этих явлениях в какой-то мере будет сказано в дальнейшем приложении, а в нашей монографии о махаджирстве они освещены достаточно подробно. Только здесь хотелось бы отметить следующее. В 1811 и 1812 годах, в результате чумы и голода, охвативших тогда различные регионы Кавказа, по сведениям Р. де Скасси, погибла чуть ли не половина всего населения Абхазии⁵³. А грузинский историк З. И. Чичинадзе, со слов самих переселенцев, называет 35 тыс. человек, которые были «унесены» злосчастными «махаджирскими» 1810, 1829 и 1856 годами⁵⁴. Были и другие подобные годы — 1824, 1837, 1840 и т. д. Мы уже говорили о самых трагических из них — 60-х и 70-х годах.

⁵⁰ См.: ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, л. 79.

⁵¹ См.: ИКОРГО, 1878, т. V, № 3, с. 233—234; КК, 1878, с. 330—331; Кавказ, 1878, №№ 131 и 139.

⁵² Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Махаджирство., 1982, с. 371—373.

⁵³ См.: АКАК, т. VI, ч. I, с. 648.

⁵⁴ ჰოჯინაძე ზ. ქართველ მაჰადიანთ დიდი გადასახლება ოსმალეთში. მუჰაჯირი-ემიგრაცია. Тбилиси, 1912, с. 169.

Глава вторая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ДОРЕФОРМЕННОЙ АБХАЗИИ

1. Сельское хозяйство

1. Полеводство

Основным занятием населения Абхазии в изучаемый период, как и в предыдущие столетия, было земледелие. Большое значение имело также скотоводство. Пчеловодство, охота, ремесло, торговля и некоторые другие отрасли, хотя и играли существенную роль, но занимали подчиненное положение.

«Занятия жителей (Абхазии. — Г. Д.), — писал граф И. Ф. Паскевич в 1830 году, — состоят в хлебопашестве, скотоводстве и пчеловодстве, от коих получают средства для жизни и одежды своей. Сии первоначнейшие способы умножают, промысляя торговлю...»¹. «Главными отраслями сельского хозяйства (Абхазии. — Г. Д.), — отмечал и А. В. Пахомов в 1868 году, — можно пока считать хлебопашество, виноделие, скотоводство и пчеловодство»².

Земледелие имело ведущее значение на побережье и в плодородных речных долинах, т. е. на основной части населенной территории Абхазии. В горных же районах страны, хозяйственная жизнь которых, в значительной степени в силу географической среды, ведущей отраслью являлось скотоводство. Перевес скотоводства над земледелием, например, в Цабале (Цебельде) подчеркивал Н. П. Колюбакин, который в 1851 году писал, что здесь «грубо обрабатывают землю только по мере крайней необходимости»³.

«Абхазия, — указывал еще Вахушти Багратиони, — украшена всяким плодородием и климатом: ибо роятся всякие

¹ Предписание И. Ф. Паскевича управляющему Имеретией К. Ф. Гессе от 28 марта 1830 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, 1829 г., д. 6234, лл. 59—70.

² Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. — ЗКОРГО, №№ 1—2, 1868, с. 36.

³ ГАКК, ф. 260, д. 1212, л. 1.

зерна. Фруктов, винограда, скота, зверей, птиц и рыб много». Уков Рейнеггс, говоря о значении земледелия в экономике Абхазии, писал: «Земледелие с избытком удовлетворяет потребность абхазцев; весь их край очень плодороден, в особенности горные долины и открытые равнины, орошаемые реками...»⁵. Лейтенант Ф. Я. Скирневский, посетивший Сухум летом 1807 года, писал: «... в окрестностях Сухума земля гористая, покрытая лесом (годным к корабельному строению), имеющая между оными долины с ливадами, на коих и хлебопашество производится. Сеют они пшено сорочинское, ячмень и кукурузу. Скот рогатый малого роста... мясо вкусное и жирное»⁶. С. М. Броневский также хлебопашество рассматривал как одно из главных занятий абхазского народа⁷. Об этом писал и Ф. Ф. Торнау, хотя при этом он подчеркивал, что хлебопашество в Абхазии находится «в самом первобытном состоянии»⁸.

Среди зерновых и вообще сельскохозяйственных культур ведущее место занимала кукуруза, затем — просо (гоми), или «кавказское пшено», фасоль. Распространялись также пшеница и ячмень. Е. И. Энегольм в 1817 году констатировал, что «засеваемый и удобопроизрастаемый в Абхазии хлеб есть кукуруза, часть гоми, меньшая часть пшеницы и ячменя»; из коих кукуруза вывозится за границу⁹.

Р. де Скасси (1818—1920 гг.) «главными продуктами» Абхазии называл просо и кукурузу¹⁰; А. Д. Абрюцкий кукурузу считал одним из основных «родов хлеба»¹¹, а И. К. Аш — «главным засеваемым хлебом»¹². Ф. Ф. Торнау, подчеркивая, что садзы сеяли кукурузу и просо, добавлял, что они в небольшом количестве разводили пшеницу и овес, по берегам же моря «разводят с успехом табак»¹³. Вот как он описывал поселение абхазского горского племени ахчипсу в котловине верховья р. Мзымта: «По обе стороны реки раскиданы купы

4 ვახუშტი. აღწერა სამეფოსა საქართველოსა (საქართველოს გეოგრაფია). Тбилиси, 1941, с. 171.

5 J. Reineggs. Allgemeine historich-topographisch Reschreibung des Kaukasus... II. Хилдесхейм. — СПб., 1797, с. 13.

6 ВПР XIX и начала XX века. Документы... Серия I, т. IV. М., 1965, с. 74.

7 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823, с. 326, 345.

8 Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. I. М., 1864, с. 62.

9 Энегольм Е. И. Краткое обозрение... — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18497, 1—43.

10 АКАК, т. VI, ч. I, 646—658.

11 Абрюцкий А. Д. Указ. соч. — Тифлисские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 222.

12 Аш И. К. Военно-статистическое обозрение... — ЦГВИА, ф. 414, д. 301. лл. 1—28.

13 Торнау Ф. Ф. Описание... 25 ноября 1834. — Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. М., 1976, прилож., с. 103.

домов и хижин, окруженных темною зеленью садов, виноградниками, посевами кукурузы, проса, пшеницы и свежими бархатными лугами». Говоря о селении Чуа, на р. Мца, Торнау отмечал, что вправо и влево от дороги тянулись, с небольшими промежутками, отдельные группы домов, окруженных посевами проса, кукурузы, пшеницы и табака; были и фруктовые деревья, обвитые виноградными лозами¹⁴. Генерал М. М. Ольшевский писал (1839 г.) о том, что население Сухумского округа сеет просо и кукурузу, причем оно может продать более 100 четвертей проса и столько же кукурузы¹⁵.

Горный инженер Гурьев, посетив в 1843 году с. Лыхны, близ Бамборы видел расчищенные от лесов «частные поля» для посева кукурузы, проса и фасоли, «составляющих почти единственную пищу» абхазов¹⁶. Начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг в 1844 году подчеркивал, что в Абхазии «посевы состоят почти исключительно из гоми (род проса) и кукурузы, которые сеются и поспевают очень поздно...»¹⁷. А. Н. Лаврентьев из числа хлебных растений в Абхазии, хорошо родившихся, отмечал кукурузу, просо, отчасти пшеницу и различные огородные культуры¹⁸. А. В. Пахомов утверждал, что из зерновых хлебов сеется преимущественно кукуруза¹⁹. Известный исследователь Кавказа Г. И. Радде, посетивший Абхазию в июле—августе 1865 года, говорил о кукурузе как о наиболее распространенном хлебном растении в крае. Он во всех населенных пунктах видел «светло-зеленые поля кукурузы»; эти «кукурузные плантации» были разбросаны в лесах, местами «кукурузные поля крестьян» разделялись обрывами. Говоря о питании абхазского крестьянина, автор подчеркивал, что «он довольствуется кислым молоком, кукурузою и кукурузным хлебом»²⁰. Член комиссии по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь (1866 г.) И. С. Хатисов писал, что садзы сеяли «больше кукурузу, два сорта проса и бобы»²¹. А. Н. Введенский также констатировал: «Посев гоми, сравнительно с кукурузой, составляющей главную пищу населения и вместе с тем выгодный предмет торговли, незначителен»²².

Таким образом, кукуруза оттеснила на задний план просо

¹⁴ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. II, с. 39—40, 47.

¹⁵ ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 4 об.

¹⁶ См.: Горный журнал на 1843 г. СПб., 1843, ч. III, кн. V, с. 296.

¹⁷ ЦГИАГ, ф. ВУА, 1844 г., д. 6541, лл. 107—113.

¹⁸ См.: Лаврентьев А. Н. Статистическое описание Кутаисской губернии. — Статистическое описание губерний и областей Российской империи... т. XVI, ч. 5. СПб., 1858, с. 149.

¹⁹ См.: Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 37.

²⁰ ЗКОРГО, 1873, кн. VIII, с. 18, 22, 38.

²¹ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 12.

²² Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — ССКГ, 1872, в. VI, отд. III, с. 7.

(гоми), в прошлом основной хлеб населения всего Западного Кавказа. Кукуруза оказалась наиболее рентабельной, урожайной и ценной культурой — продовольственной и кормовой, требовавшей сравнительно меньше затраты труда и менее прихотливой, чем просо. Вместе с тем кукуруза все более и более превращалась в товарный продукт. В Абхазии известно несколько сортов кукурузы, из которых наилучшими считаются алатача (алатача) и алгажв (алгажэ). Из кукурузной муки приготавливали мамалыгу (абыста), заменявшую хлеб.

Тем не менее просо в предреформенный период все еще оставалось одной из главных полевых культур края. Тот же Введенский, возражая Пахомову, утверждавшему, что в Абхазии просо будто встречалось как исключение, писал: «Положительно могу уверить, что в 1867 году селение Дурипш исключительно засевало гоми; большие посевы его были, кроме того, в селениях Арква, Рюта, Эберныха, Ачандара, Тасраква и Калдахвара, в ограниченном же размере засевалось гоми повсеместно»²³.

Даже в отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год мы находим справку о том, что население Абхазии, «по унаследованному от предков своих обычаю», засекает два рода хлебов: кукурузу и просо, «вполне прочно обеспечивающие их экономический быт». Но при этом подчеркивалось, что с каждым годом посевы кукурузы увеличиваются: «главный продукт в хозяйстве абхазов есть эта культура»²⁴.

В Абхазии было известно просо двух сортов: ахуз (ахуз) или абыста (абыста) и ашы или ашырдз (ашырз). Из проса готовили густую кашу — абысту (мамалыгу). Характерно, что указанное название перешло на мамалыгу из кукурузной муки. Ашы мололи на мельнице (самое слово мука — «ашыла», видимо, происходит отсюда) и из его муки пекли хлеб²⁵.

В конце XIX века значение кукурузы в экономике Абхазии стало таким, что М. Т. Джанашвили писал: «Ныне абхазцы сеют кукурузу и, изредка, пшеницу»²⁶, а Н. В. Фон-Дервиз писал еще определеннее: «Из хлебов сеют исключительно кукурузу»²⁷. В 1906 году Фон-Дервиз повторял то же самое, при этом замечая, что, кроме того, сеют нередко «мест-

²³ Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — ССКГ, 1872, в. VI, отд. III, с. 7, прим.

²⁴ ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3—40.

²⁵ Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. — Труды АИЯЛИ, 1954, т. XXV, с. 229.

²⁶ Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. — ЗКОРГО, 1894, кн. XVI, с. 15.

²⁷ Фон-Дервиз Н. Сухумский округ в сельскохозяйственном и лесном отношениях. — КСХ, 1894, № 48.

Неболь Д. тоже констатировал, что из зерновых хлебов возделывается, главным образом, кукуруза. (Там же, 1895, № 63).

ное просо»²⁸. Кукуруза и просо, а также пшеница давали «очень большой урожай»²⁹, по данным 60-х годов, кукуруза — от сам 40 до сам 80, просо — от сам 80 до сам 120, пшеница — от сам 18 до сам 30³⁰.

Одним из основных продуктов питания населения Абхазии также являлась фасоль (лобио) разных сортов, с вьющимися и невьющимися стеблями. Маис (кукуруза), просо и род бобов (фасоль), писал Ф. Дюбуа, составляют главную основу пищи абхазского населения³¹.

Кроме указанных растений, абхазы занимались еще разведением ряда технических культур: льна, конопля, хлопчатника, табака. А. Н. Введенский упоминал еще клещевинник, «возделываемый абхазами», который «дает здесь весьма хороший урожай». Он употреблялся в пищу как приправа для каши (абыста) из кукурузы или просо³². Между полевыми растениями встречался бор, разводимый для метелок. Разведение картофеля в Абхазии, очевидно, было связано с появлением здесь воинских частей и колонистов. Все эти культуры разводились в ограниченном размере, потребном для домашнего хозяйства.

Из бахчевых и огородных растений разводили, обычно на приусадебных участках, лук, чеснок, редьку, местную капусту (кольраби), огурцы, арбузы, тыквы, дыни, красный перец, киндзу, помидоры и пр. Все это засевалось также в размере, необходимом для семейства. Киндза, чеснок и перец — любимые приправы абхазцев почти во всех кушаньях.

Удельный вес отдельных культур в Абхазии определялся рельефом местности и природными свойствами почвы данного района.

Величина посевных площадей, как мы увидим в дальнейшем изложении, была невелика. Непроходимые дремучие леса и кустарники покрывали значительные массивы плодородной почвы. Крестьяне по мере своих сил вели борьбу за освоение посевных площадей, расчищая леса и кустарники с помощью огня и аихапсуху (цалда, топор). Абхазы знали особый способ уничтожения лесов, широко распространенный и у адыгов (черкесов), а также в некоторых местах Западной Грузии. Вот как И. С. Хатисов описывает этот способ: абхазцы делали на высоте $1/2$ аршина от земли, вокруг ствола, глубокий кольцеобразный надрез, доходящий до древесины, вследствие чего в первое же лето деревья начинают

---

²⁸ Ф он - Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничества). — ЗКОРГО, 1906, кн. XXV, с. 31.

²⁹ Варгас де Бедемар А. Записка об осмотре западного Черноморского берега Закавказского края. — ЗКОСХ, 1867, №№ 3 и 4, с. 7.

³⁰ См.: Там же; Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. — ЗКОСХ, 1868, №№ 1 и 2, с. 43.

³¹ См.: Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 123.

³² См.: Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 8—9.

сохнуть. Через несколько лет, смотря по породе, дерево совершенно сгнивало и падало само собою, оставляя в земле одни только пни, выкорчевывание которых не составляет большого труда³³.

Земледельческая техника была весьма примитивна. Инвентарь был скуден. Абхазские крестьяне землю возделывали сохой, только разрыхлявшей, но не переворачивавшей почву. Вырубив дерево с изогнутым пеньком, они заостривали пенек клином, к длинному концу которого приделывали приспособление из веревок для тяги. Таким орудием с помощью буйволов или быков, обычно парой, бороздили землю. Очень часто возделывание земли под посевы производилось и просто заступом³⁴. Позже стала применяться все чаще однопарная соха с железным лемехом, а также резалом, особенно в Бзыбской Абхазии.

Ив. Аверкиев так описывал способ обработки земли, носивший подсечно-пашенный характер, который применялся в урочище Багрыпшь и вблизи него. «Занимают под пашню пространство земли, покрытое папоротником, и выжигают его; довольно тонкий слой наносной земли, удобренный золою папоротника, делается очень рыхлым; затем берут несколько сучьев с ветками, до одного дюйма толщиной, заостривают толстые концы сучьев и связывают их один с другим в ряд; заостренным концом бороздят землю и сеют хлеб, потом, оборотив сучья так, чтобы они ветками касались земли, заволакивают маленькие борозды вспаханной земли»³⁵.

Комиссия по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь в мае 1866 года посетила два абхазских села, уцелевших от махаджирства в 1864 году и расположенных в бассейнах рек Бзыби и Хашупса. Здесь члены комиссии видели плуг, который И. С. Хатисов описал следующим образом³⁶: «Он совершенно схож с имеретинскою сохой (кави) как по форме, так и по размерам отдельных частей, с тем исключением, что абазины прибавили к нему железный нож, пропущенный через гридель (дышло), чего никогда не употребляют в Кутаисской губернии. Запряженная двумя крайне мелкими волами, соха эта разрыхляла не глубже 1½ вершка легкую черноземную почву». В другом месте: «Это рало у них заменяло и плуг и борону; им они пахали, им покрывали посеянные зерна».

А. Н. Введенский также свидетельствовал, что для распашки земли абхазские крестьяне обыкновенно употребляли особый плуг, похожий на соху и состоящий из большого деревянного крюка, одна сторона которого заострена наподобие

³³ См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 25.

³⁴ См.: Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря. — «Кавказ», 1866, № 76.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 4, 12.

треугольного резца. Посеянное зерно засыпали землей, употребляя для этого в качестве бороны вязанку колючего кустарника или хвороста, на которую клали небольшую тяжесть³⁷.

Особенно ценные сведения об абхазских пахотных орудиях мы находим у А. В. Пахомова. «Употребляемый здесь (в Абхазии. — Г. Д.) плуг³⁸, — писал он, — похож на мингрельский. Это плоско обтесанная кривулина, коротким своим концом вставляется в треугольную подошву, на которую в местах с тяжелым грунтом надевается железный конусообразный наконечник. Для большего удобства управления орудием в задней стороне его приделывается стойка с рукояткой, нижним концом укрепленная в подошве, а другим, верхним, привязанная лыком или виноградной лозой или укрепленная деревянной перекладиной к углу или дуге, образуемых концами кривулины. На длинном конце кривулины, играющей роль дышла, делаются снизу зарубки, которыми дышло прикрепляется с помощью веревки к ярму»³⁹.

Вместе с описанием у Пахомова даны два схематических рисунка пахотных орудий с соответствующими экспликациями. Анализируя эти рисунки А. В. Пахомова, проф. Г. С. Читая заключает, что автор в своем описании имеет в виду две разновидности пахотных орудий. Эти две разновидности пахотных орудий у Пахомова даны в одном общем описании⁴⁰.

В объяснительном тексте к схематическим чертежам говорится: «Плуг № 1-й, совершенно тождественный с тем, который встречается постоянно в Мингрелии, употребляется постоянно в низменной части Драндского округа и притом всегда с железным лемехом». «Плуг № 2-й, напоминающий плуг калабрийский, быть может занесенный сюда еще генуэзцами, чаще встречается в Пицундском округе, и так как грунт там более легкий и рыхлый, то употребление лемеха железного тамошние крестьяне считают излишним. При пахании плуг устанавливается так, чтобы подошва была совершенно параллельна плоскости поля и не дают ему глубоко зарываться, чтобы не мучить понапрасну животных. Обычно борозды не превышают глубины 3-х вершков на легких почвах. что для кукурузы было бы вполне достаточно»⁴¹.

Интересные сведения о старинных, но все еще в основном и в начале XX века применявшихся в абхазской деревне пахотных орудиях мы находим у Н. В. Фон-Дервиза и А. А. Мил-

³⁷ Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 6.

³⁸ Это название для описываемых абхазских пахотных орудий неточное.

³⁹ Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 37—38.

⁴⁰ Читая Г. К. вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий — «Сообщения АН Грузинской ССР», т. II, № 3. Тбилиси, 1941, с. 293.

⁴¹ Пахомов А. В. Указ. соч., с. 38.

лера. Что же касается усовершенствованных, металлических плугов, то и в первые годы текущего столетия они являлись редкостью. Фон-Дервиз отмечал, что только несколько лет тому назад заведены плуги в имениях Шервашидзе и Инал-ипа⁴². Но количество таких орудий вообще в Абхазии росло, что было связано, в первую очередь, с русскими переселенцами-крестьянами. Как отмечал Л. Гукасянц, последние ввели усовершенствованные земледельческие орудия, правильную обработку почвы, новые культурные растения, различные молочные продукты⁴³.

Н. В. Фон-Дервиз так описывал абхазский плуг. Для его изготовления прискивают дерево, чаще дубовое или каштановое, изогнутое в нижней части, или с подходящими для необходимого изгиба корнем, или просто с толстым суком. К короткому концу такого крюка иногда прикрепляется железный лемех местного изделия (очень легкий); за неимением железа часто делают лемех из дерева. Таким плугом производится обработка уже расчищенных пахотных земель на глубину не более 1½—2 вершков; при этом слой вздыраемой таким образом земли не переворачивается, а лишь разрыхляется по линии оси лемеха. Вспахав землю, приступают к посеву на ней кукурузы и затем пахут второй раз уже поперек, что служит вместе с тем и для закрытия семян. На целинах пахали тем же плугом, но непременно с железным лемехом; при этом глубина пашни не превышала одного вершка. На лесных же расчистках земля подготавливалась к посеву взрыхлением мотыги (тохами). Только когда совершенно сгнивали корни, что происходит через 3—4 года, пахали уже описанным плугом⁴⁴.

А. А. Миллер, совершивший экспедицию по Абхазии в 1907 году с целью сбора этнографического материала, зарисовал и описал абхазскую соху: «... и это — бревно, слегка лишь стесанное, с суком, на который надевается железный сошник; сверху приделывается ручка; дышло имеет несколько отверстий, чтобы регулировать глубину вспашки, укрепляя ярмо в одном или другом месте. Описание бороны также почти не отличается от уже приведенного; после посева поле боронят; бороной служит ряд жердей, заплетенных хворостом; впрягали с помощью лыковой веревки одного буйвола, и на борону становился, для тяжести, человек или клали несколько камней...»⁴⁵.

⁴² Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего), с. 33.

⁴³ Гукасянц Л. Переселенческое дело в Сухумском округе. КСО, 1895, № 74.

⁴⁴ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ в сельскохозяйственном и лесном отношении; его же. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего), с. 31—32.

⁴⁵ Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. — Материалы по этнографии России, т. 1. СПб., 1910, с. 74.

Г. С. Читая, на основании вышеприведенных данных А. В. Пахомова и А. А. Миллера, устанавливает три вида пахотных орудий в Абхазии в XIX—XX веках и считает, что они по существу принадлежат к одному основному типу, во многих своих вариантах имеющему широкое распространение по всему Кавказу и характеризующемуся изогнутым дышлом, всаженым в подошву. Первые две разновидности орудий являются общими для мегрелов и абхазов, а третья разновидность пока что известна только у последних. Вместе с тем проф. Читая все эти разновидности выводит из переднеазиатских прототипов. Таким образом, опровергается предположение А. В. Пахомова о занесении указанного пахотного орудия в Абхазию генуэзцами из Калабрии⁴⁶.

В качестве рабочего скота у абхазов служили, как уже отмечалось, быки и буйволы. Абхазский бык был довольно силен и вынослив: с короткими ногами, но с большим и сильным корпусом, характерным для горного скота; грудная клетка и холка очень развиты⁴⁷. Местами же особенно при посеве проса и хлопка, все еще обходились мотыгой, известной под названием ацакиа (ацакья).

Последующие работы производились с помощью тохи (мотыги), небольшого размера и треугольной формы⁴⁸, А. А. Миллер находил, что абхазские тохи имели большое сходство с черкесскими⁴⁹, а И. С. Хатисов писал, что у садзов употреблялись мотыги, совершенно похожие на имеретинские тохи⁵⁰. Применялись также коса, серп — в виде изогнутого копия с длинной деревянной ручкой*. Из других уборочных орудий следует назвать грабли и вилы, делавшиеся из дерева. Были оригинальные деревянные крупорушки и для той же цели ступки, пестик которых приводился в движение ногами при помощи деревянного рычага, а местами пользовались силой воды горных речек. Мололи, главным образом, на ручной мельнице.

Начальник второго отделения Черноморской береговой линии генерал Ольшевский в 1839 году писал, что абхазы непрерывно меняют свои поля, чтобы не удобрять землю⁵¹. Но, как правило, на одном и том же месте сеяли подряд 6—7, а иногда, на глубоких наносных землях, 10 и даже 20 лет без отдыха. Более того, Фон-Дервизу была известна

⁴⁶ См.: Читая Г. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. — Сообщения АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1941, т. II, №№ 3—4.

⁴⁷ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего), с. 40.

⁴⁸ Пахомов А. В. Указ. соч., с. 39.

⁴⁹ Миллер А. Указ. соч., с. 79.

⁵⁰ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 12.

* Об абхазском сельскохозяйственном инвентаре вообще и его эволюции см. также Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в до-революционной Абхазии. Тбилиси, 1977, с. 63—89.

⁵¹ ЦГИАГ, ф 1396, оп. 1, д. 69, л. 4 об.

местность по реке Кодору, где запашка производилась беспрерывно в течение 100 лет⁵².

При описанной обработке земли урожай с одной десятины не превышал 150 пудов (редко 200—220 пудов в приречных долинах)⁵³. В начале 90-х годов урожай кукурузы с десятины, очевидно, максимальный, доходил до 200—250 пудов⁵⁴.

Следует также отметить, что абхазы имели почти по всем культурам свои семена, отличавшиеся хорошей всхожестью, устойчивостью против засухи, сельскохозяйственных вредителей, скороспелостью и высокой урожайностью.

2. Виноградарство и виноделие

Виноградарство и виноделие⁵⁵ в рассматриваемое время представляли собой одну из важнейших отраслей сельского хозяйства Абхазии, «одно из главных богатств абхазских поселян», как писал Н. Ф. Дубровин⁵⁶. Было много местных сортов винограда. Разными авторами было зафиксировано до 60 названий винограда⁵⁷, наилучшими из которых считались акачич (акачич), ауасырхуа, амлаху, ажьхуа и др. С 30-х годов распространение получает «изабелла» («одесса»), известная у абхазцев под названием ахардан (ахардан) или «аурысыжь», т. е. «русский виноград».

Поль Гибаль, бывший в Абхазии в 1818—1819 годах, почти повсюду видел виноградные лозы большой толщины и достигавшие «громадной высоты», а их виноград, «различных оттенков», «прекрасного качества, он очень крупный и у него довольно приятный вкус». Жители срезали виноград при помощи своих «маленьких садовых ножей», они прикрепляли их к концу длинной палки и срезали гроздьи⁵⁸. Другой французский автор, посол в Тифлисе Ж. Гамба, посетивший Абхазию в начале 20-х годов XX века, также сви-

⁵² Ф он - Д е р в и з Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего), с. 32.

⁵³ Там же, с. 33.

⁵⁴ См.: КСХО, 1894, № 39.

⁵⁵ См.: Культура винограда в Абхазии имеет древнюю традицию. Об этом свидетельствуют нарские сказания и археологические материалы. Так, во время археологических раскопок в Сухуми, в 1959 году, в одном из культурных слоев, были найдены виноградные косточки, которые, по определению проф. М. Рамишвили, принадлежат местному древнейшему сорту винограда — акачич (См.: Труды АИЯЛИ, 1963, т. XXXIII—XXXIV, с. 222).

⁵⁶ См.: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II. СПб., 1871, с. 6.

⁵⁷ См.: Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. — Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1955, с. 4.

⁵⁸ Guibal P. Journal de mon voyage entre la mer Noire et la Caspienne Astrakhan et Taganrog entrepris le 20 mai 1820 et fini le 24 decembre de même année. — ЦГАДН, ф. 1261, оп. 1, д. 2896, лл. 116, 119 об. (материал выявлен М. С. Ефремидзе, перевод Р. Г. Крючкова).

детельствовал, что здесь виноградные лозы росли повсюду⁵⁹. А. Д. Абрюцкий также писал, что виноградная лоза росла изобильно везде; народ из винограда приготавливает вино в большом количестве⁶⁰. «Абхазия чрезвычайно богата виноградом...», — писал и Ф. Торнау⁶¹. В отчете членов комиссии по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь было отмечено, что население среднего течения р. Хашупса занималось виноделием, пчеловодством и шелководством. Здесь они повсюду встречали вьющиеся по ольховым и хурмовым деревьям виноградные лозы, особенно у подошвы лесистых гор Ачмарда и Берчиел. Здесь, по словам абхазских проводников, приготавливалось «славное крепкое вино»⁶².

Автор обстоятельной статьи «О виноградиках и виноделии в Абхазии», член Кавказского отделения Русского географического общества С. И. Пушкирев подчеркивал, что «в настоящее время (в 1852 году. — Г. Д.) виноградные лозы роскошно произрастают на всем берегу Абхазии...». При этом он отмечал наиболее виноградные места Абхазии: в с. Лыхны имелось до 20 тыс. виноградных «кустов»; в Чаабалурхва, Акуаскямца, Апцхва, Куланурхва, Аацы, Анужва и Псырца — от 10 до 15 тыс. «кустов» в каждом селе; в Дранда и Кодор — от 7 до 10 тыс. лоз в каждом из них. Отдельные лозы приносили ежегодно не менее 30 пудов винограда⁶³. Ф. Завадский также свидетельствовал, что виноград растет в Абхазии «в большом изобилии»⁶⁴. И по сведениям Д. З. Бакрадзе, одно дерево могло дать до 30 пудов винограда⁶⁵. Надо сказать, что состояние виноградарства, например, в Бзыбской Абхазии до 1854 года было гораздо лучше, так как в указанном году разразилась болезнь винограда⁶⁶. Неурожайным годом был и 1865 год⁶⁷.

О хорошем качестве абхазских вин писали Р. де Скасси, Ф. Торнау, А. Абрюцкий, С. Пушкирев, Ф. Завадский и другие.⁶⁸

Техника выделки вина была примитивна. Самое раннее и более или менее подробное описание способа приготовления

---

⁵⁹ См.: [G a m b a]. Voyage dans la Russie meridionale et particuliere-ment dans les provinces si tuées au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824..., т. I. Париж, 1826, с. 85.

⁶⁰ См.: Абрюцкий А. Д. Указ. соч. — Тифлиские ведомости, 1830, №№ 27—29, с. 223.

⁶¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. I, с. 61.

⁶² ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 11—12.

⁶³ Кавказ, 1852, № 27.

⁶⁴ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 60.

⁶⁵ Бакрадзе Д. м. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. — Кавказ, 1860, № 48.

⁶⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 6, лл. 180—198.

⁶⁷ Там же, д. 76, лл. 142—143.

⁶⁸ Напр., см.: Абрюцкий А. Д. Указ. соч. — Тифлиские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 223.

вина абхазцами мы находим у Ф. Ф. Торнау. Согласно этому описанию делалась яма в земле, которую обкладывали глиной и затем обжигали, разложив в ней огонь. Размяв виноград ногами в яме, ждали пока сок перебродит, а затем вычерпывали вино и хранили его в глиняных кувшинах, зарытых в земле⁶⁹.

А. Н. Введенский писал о других приемах выделки вина у абхазов. Привяленный виноград сваливали в корыто (аехэа), выдолбленное из большого бруса. Два или три человека разминали виноград ногами и выдавленный сок спускали через отверстие, сделанное в дне корыта, в большие врытые в землю кувшины, емкостью до 20 ведер. Когда кувшин наполнялся, его слегка прикрывали до окончания брожения сока и потом замазывали наглухо. Выжимки, оставшиеся в корыте, продолжали растирать ногами, подбавляя воды, и из этого разбавленного сока приготавливали вино для повседневного употребления⁷⁰. С этим почти совпадает описание анонимного автора статьи «Note sur Abazes»⁷¹. Виноград собирали предварительно в большой яме — ажьахвара (ажьахэара) — и обкладывали папоротником, и уже оттуда брали его частями, по мере надобности, для переработки⁷².

Вино хранили в больших глиняных кувшинах, зарывавшихся в землю под особыми навесами или где-нибудь на дворе, а также в выдолбленных деревянных кадушках и, впоследствии, в обыкновенных бочках. В кувшинах вино сохранялось очень хорошо, в особенности если они были зарыты глубоко в землю и покрыты на 3—4 фута хорошей глиной, герметически закрывавшей отверстие. Вино при этом способе портилось очень редко⁷³.

3. Плодоводство

Плодоводство у абхазцев было развито также с незапамятных времен. Эта отрасль занимала видное место в сельском хозяйстве Абхазии. Сады, а также небольшие группы привитых плодовых деревьев встречались в каждом населенном пункте на приусадебных участках, на полях и лугах.

Об определенном развитии садоводства в Абхазии писал Эвлия Челеби. Говоря о племени Чач, он отмечал, что «горы их изобилуют плодами, особенно волошскими и лесными оре-

⁶⁹ См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. 1, с. 37.

⁷⁰ См.: Введенский А. Н. Экономическое положение... С. 23.

⁷¹ См.: ЗООИД, т. XXII, 1900, с. 16.

⁷² См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 38.

⁷³ См.: Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. СПб., 1847, с. 135; Тимофеев С. Н. Очерк виноградарства и виноделия в Сухумском округе. — Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе, в. IV. Тифлис, 1896, с. 28.

хами и абрикосами. Он же говорил о р. Псоу: «Оба берега покрыты садами»⁷⁴. Вахушти указывал, что в Абхазии «фруктов, винограда... много»⁷⁵. С. Броневский перечисляет яблоки, груши, грецкие орехи, сливы, персики, абрикосы, виноград, тутовые ягоды и др. плодовые и ягодные, которые произрастали в Абхазии⁷⁶. Ф. Ф. Торнау также писал, что Абхазия: «чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода»⁷⁷. Например, о жителях селений долины р. Мзымта Торнау говорил, что «они пользуются изобилием фруктов: персиков, абрикосов, груш и яблок, превосходящих величиной и сочностью все подобные плоды, какие можно встретить в других местах по берегу Черного моря: горы покрыты каштановыми деревьями, плодами которых питается бедное население»⁷⁸. «Судя по множеству фруктовых и виноградных садов и хлебородных полян, надо полагать, что здесь (в долине р. Мзымта. — Г. Д.) когда-то кипела деятельная земледельческая жизнь», — заключал И. С. Хатисов⁷⁹. О фруктовых деревьях, произраставших в этом районе, писал также А. В. Верещагин: «В ущелье р. Цвиж было много груш, яблонь, слив, персиков; на всей поляне Кбаада (Красная поляна) стояли ореховые и другие фруктовые деревья»⁸⁰. Эдмунд Спенсер в районе Пицунды видел вишневые деревья, которые превосходили по величине то, что он «когда-либо видел раньше», и виноград «огромной величины переплетался от дерева до дерева»⁸¹.

Флора Абхазии, свидетельствовал С. Смоленский, посетивший летом 1859 года ряд сел Бзыбской Абхазии, как и флора Имеретии и Мегрелии, «изобилует множеством фруктовых деревьев». Говоря о занятиях жителей с. Лыхны, он подчеркивал, что они занимались садоводством, почему вид села издали «представляется сплошной массой леса, в котором решительно не видно никаких построек». Сады, преимущественно виноградные, но много было в них и фруктовых деревьев». Кроме того, почти все дороги и площади покрыты тенью орехов, каштанов, с виноградными лозами⁸². По поводу же селения, расположенного на правой стороне р. Мчишь-

⁷⁴ См.: Челеби Э. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. — ЗООИД, т. 9, 1875, с. 173, 175.

⁷⁵ ვახუშტი შტო. საქართველოს გეოგრაფია, с. 243.

⁷⁶ См.: Броневский С. Указ. соч., с. 327.

⁷⁷ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. I, с. 61—62.

⁷⁸ Там же, ч. II, с. 40.

⁷⁹ См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 22.

⁸⁰ См.: Верещагин А. В. Путевые заметки по Черному округу. М., 1874, с. 69, 70.

⁸¹ Spenser E. Travels in Circassia, Krim Tartary. Лондон, 1840, письмо XXVIII.

⁸² См.: Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, 1872, № 10, с. 336, 354.

та, очевидно Бармыш, автор говорил, что оно было разбросано на возвышенности, между садами винограда, каштанов, черешен, грецких орехов и пр.⁸³ «В вековых лесах Абхазии, — писал и Н. Ф. Дубровин, — зреют вкусные яблоки и груши; густой виноградник, отяжеленный полновесными гроздьями, сам собою просится в саклю; волошские орехи, каштаны, винные ягоды, гранаты и другие плодоносные деревья» в большом изобилии⁸⁴.

Г. И. Радде восхищался «роскошнейшими дикими плодовыми деревьями», которые росли на правом берегу р. Кодора, недалеко от Чхалтского моста, а вся нижняя Абхазия (более сырые места) «изобилует хурмой и орехом»; причем было «много групп величественных грецких орехов» и в глубине страны⁸⁵. Так, в Цебельде в 1868 году грецких ореховых деревьев было 5 132 корня; из других плодовых деревьев: яблонь, айвы, персиков — 700 корней, а также 2 324 корня виноградной лозы⁸⁶. По подсчетам А. В. Васильева, в 1938 году в урочище Псху имелось 3 310 деревьев грецкого ореха с валовой урожайностью 22, 23 тонны, по Абхазской Сванетии — 2 360 корней с урожайностью 58 тонн, по урочище Аибга — 994 корня с урожайностью 45 тонн⁸⁷. Это были в значительной степени остатки старых насаждений местного населения, выселившегося из Абхазии в 60—70-х годах прошлого века.

Известно несколько абхазских сортов грецкого или волошского ореха (аракуада, арамеҕыг, амаргуз — лучший вид, с крупными орехами, тонкой скорлупой и полным ядром). Мелкий орех — лещина вместе с сортовыми (культурными) посадками фундука в Абхазии в 30-х годах текущего столетия составлял 461 242 куста. Основные культурные сорта, разводимые здесь — абхазский мелкий, скороспелка круглая, абхазский средний, керасунд и др. В указанное время в Абхазии было 23 300 га лесов с преобладанием каштана, дающего ценные плоды; урожайность их определялась в 5 000 тонн, а при соответствующем уходе за насаждениями могла достигнуть 25 000 тонн ежегодно⁸⁸. Отмечалась также разнообразность абхазских груш (акуҕсха, ахаш, алуҕа, ахапес, аҕасса), яблок (аҕхынцәа, азынцәа, ашьақартәа, ацәасса) и др.

В Абхазии, кроме того, успешно росли такие дикорастущие плодовые деревья, как инжир, хурма кавказская, кизил,

83 См.: Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, 1872, № 9, с. 150.

84 См.: Дубровин Н. Указ. соч., с. 8.

85 См.: Радде Г. И. Указ. соч., с. 17, 28.

86 См.: Дьячков-Тарасов Н. Несколько слов о заселении Цебельды. — Кавказ, 1868, № 129.

87 См.: Васильев А. В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. Сухуми, 1938, с. 54.

88 Там же, с. 70.

гранат, барбарис, алыча, мушмула кавказская и др., а также ягодные кустарники: ежевика, черника кавказская, смородина и пр., которые приносят высококалорийные, богатые витаминами питательные диетические продукты. Из них, наряду с орехами, большую роль в домашнем хозяйстве абхазцев играли алыча, барбарис, гранат и кизил, сок которых служил приправой к пище. Ими запасались на зиму в переработанном и сушеном виде⁸⁹. Эти консервы сохраняли «приятную свежую кислоту и аромат»⁹⁰.

Абхазские сорта плодовых пород отличаются приспособленностью к местным почвенно-климатическим условиям, большой долговечностью, стойкостью против сельскохозяйственных вредителей и болезней, а также высокой урожайностью.

Абхазы широко применяли практику прививки плодов, а также разведения их черенками.

Развитию плодоводства, как и другим отраслям сельского хозяйства, способствовали благоприятные естественно-исторические условия. Надо сказать, что в деле выращивания плодово-ягодных культур огромное значение имело пчеловодство, которое здесь достаточно хорошо было развито.

Земледелие породило у абхазцев несколько божеств, ведавших различными отраслями земледельческого хозяйства, а также соответствующие обряды. Из всех божеств, созданных религиозной фантазией абхазского народа на почве земледельческого быта, наибольшей известностью пользовалась Джаджа — богиня полеводства, огородничества и виноградарства, богиня плодородия вообще. С. Т. Званба, определяя Джаджу как покровительницу засеянных полей и всей растительности, писал: «Божеству этому делают жертвоприношение следующим образом: когда снимут с полей хлеба и плоды с деревьев, то из каждого рода хлеба и плодов готовят пищу; все приготовленное ставят на стол и старший в семействе, сняв шапку, благодарит Джаджу за хороший урожай, если он действительно был хорош; если же был скуден, то просит, чтобы Джаджа вознаградила недостаток в будущем году»⁹¹. Обращаясь же к Анапа-нага, другому богу урожая, произносили: «Дай нам такую кукурузу, чтобы при сборе пришлось нам гнуть ее крючками и подрубить цаллою»⁹².

Языковые данные также представляют богатый и интересный материал. В абхазском языке имеется значительное количество терминов, связанных с растениеводством и агротехникой.

⁸⁹ Введенский А. Н. Экономическое положение... С. 18.

⁹⁰ Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 58.

⁹¹ Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982, с. 39.

⁹² Джанашиа Н. Религиозные верования абхазов. — Христианский Восток, т IV, в. I. Пгр., 1915, с. 84.

4. Животноводство

По своей значимости ведущей после земледелия отраслью хозяйства, являвшейся «главным подспорьем в хозяйстве местного населения»⁹³, было животноводство, дававшее населению пищу и сырье для одежды и обуви. Причем в горных районах Абхазии, как отмечалось, оно имело преимущественное значение⁹⁴. Эта роль животноводства в хозяйственной жизни края была хорошо отмечена историком М. Джанашивили. Он писал: «Главное богатство абхазца составляет домашний скот; по мнению абхазца, это существующий рычаг жизни человека, кормитель, хранитель и взраститель его. В представлении абхазца, жизнь без домашнего скота немислима; можно еще кое-как обходиться без хлеба, но без скота нельзя». При этом автор делал такое примечание: «Так было до последней войны (1877—1878 гг. — Г. Д.), а после нее главное внимание абхазцев было обращено на посев кукурузы, вывоз которой увеличивается изо дня в день»⁹⁵.

В сочинении Арканджело Ламберти (1654 г.) читаем, что у абхазцев «множество крупного и мелкого скота»; ежедневная их пища — сыр, молоко и дичь⁹⁶. Вахушти также говорил, что в Абхазии много скота и восхищался породой абхазской козы, которую он описывал следующим образом: «Она очень красива, пестра, с мягкой шерстью, высокими ногами, большим телом, рога ее длиной, примерно, в полтора аршина, а борода длинная до колен»⁹⁷. Я. Рейнеггс писал о том, что у абхазцев хорошее скотоводство⁹⁸. С. Броневский, говоря о занятиях абхазского населения, указывал, что оно «имело лошадей, крупный рогатый скот, коз и овец; рогатый скот, например, около Сухума, малого роста, но мясо вкусное и жирное»⁹⁹. Энегольм, отметив, что животноводство абхазского народа состоит большей частью из рогатого скота, писал: «Сего рода скот есть отличнейший по всей юго-западной части Кавказа»¹⁰⁰.

Поль Гибаль выделял буйволов, которые отличались «хорошим качеством». Бык тоже «довольно хорошей породы».

⁹³ ЦИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 986, л. 116.

⁹⁴ И. К. Аш в своем «Описании Цебельды...» (1830 г.) отмечал, что скотоводство цебельдинцев составляло «главнейшее богатство», как «вообще у всех горских народов» (ЦГВИА, ф. 90, д. 146, л. 1 об.). А цебельдинский пристав Ф. Я. Лисовский сообщал (1838 г.), что в Псху земледелие почти в руках женщин, которые сеют в небольшом количестве кукурузу и фасоль «на земле, вскопанной лопатками или же самими», а также убирают хлеб; мужчины же занимаются скотоводством и охотой (ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, 1361/384, л. 3).

⁹⁵ Джанашивили М. Указ. соч., с. 15, 16.

⁹⁷ ვახუშტის საქართველოს გეოგრაფია, с. 171.

⁹³ [Ламберти]. Описание Колхиды. — СМОМПК, в. 43, 1913, с. 189.

⁹⁸ См.: Reineggs J. Указ. соч., с. 12.

⁹⁹ Броневский С. Указ. соч., с. 325, 345.

¹⁰⁰ Энегольм. Указ. рук.

Но лошади, «видимо, не особенно породисты», причем их в Абхазии «не очень много», а ослов «значительно больше». Лошади «принадлежат к малорослой, работоспособной и трудолюбивой породе». Однако «у бедняков их, видимо, нет, так как на рынок они приходят пешком и сами несут свои товары». В горах «много коз... бараны распространены на равнине, у них довольно вкусное мясо». «Многочисленность стад свиней» объясняется тем, что «жизненные условия для них очень хорошие» (желуди, каштаны, орехи, фрукты и др.). Свиньи «не очень крупные и не такие жирные, как во Франции и Англии. У них, однако, очень вкусное мясо, а шерсть пригодна для изготовления различных предметов»¹⁰¹.

Аш также указывал, что животноводство абхазцев состоит большей частью из рогатого скота, небольшого роста, имеет кости высунувшиеся, глаза быстрые и сердитые, но мясо вкусное и жирное. Овцы — «отличной доброты и козы из лучших по юго-западной части Кавказа. Лошадей абхазцы имеют в небольшом количестве; они употребляют их только в поездках; для возки же вьюков имеют ослов; для хлебопашества — волов и немного буйволов»¹⁰².

Ф. Дюбуа говорил о довольно хорошей породе абхазских быков и коров, хотя они малорослы. Насчет коз и овец он писал, что их здесь много, а о количестве последних: «баранье мясо хорошего качества, но шерсть простая»¹⁰³. Орест Евецкий, несомненно преувеличивавший качество абхазской овцы, восклицал: «Лучшая порода овец считается в Абхазии»¹⁰⁴. М. Селезнев писал о сальных курдюках этих овец¹⁰⁵. Вместе с тем Дюбуа отмечал, что только князь «владеет целыми стадами скота», а для трудового населения — «одна или тем более две коровы большое богатство»¹⁰⁶.

Ф. Ф. Торнау считал, что абхазцы скотом вообще беднее других горцев, вследствие скудности пастбищ. Абхазские лошади небольшого роста и не отличаются силой; ослы «в большом употреблении»¹⁰⁷. В большом употреблении были в Абхазии и буйволы — «довольно хорошей породы и ценятся высоко»¹⁰⁸.

А. Н. Лаврентьев говорил, что наряду с земледелием животноводство составляло наиболее заметную отрасль абхазского хозяйства¹⁰⁹. По подсчетам Ив. Аверкиева, в середине 60-х годов на 2 или 3 дома приходилась 1 лошадь, и на каж-

¹⁰¹ Guibal P. Указ. рук., л. 24.

¹⁰² ЦГВИА, ф. 414, д. 301, лл. 1—28.

¹⁰³ Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 123.

¹⁰⁴ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, с. 55.

¹⁰⁵ См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 207.

¹⁰⁶ Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 123.

¹⁰⁷ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. I, с. 57, 62.

¹⁰⁸ Дубровин Н. Указ. соч., с. 7.

¹⁰⁹ Лаврентьев А. Н. Указ. соч., с. 251.

дый дом — 1 буйвол и от 2-х до 3-х коров. Помещики, имевшие большое количество мелкого скота, на несколько лет нанимали пастухов, заключив с ними определенные условия¹¹⁰. О количестве скота, которым обладали отдельные феодалы, говорят следующие данные: в июне 1835 года на пастбище близ с. Акапа цебельдинским князем Кацом Маршания было угнано более тысячи голов рогатого скота, принадлежавшего Бесланбею Маршания¹¹¹. По другим данным, относящимся к лету 1886 года, гагринские князья Якуб, Еслам и Эдырбей Цанба и Састынгаз Анчабадзе имели 3575 голов скота, из которых 1871 голова принадлежала Якубу Цанба¹¹².

А. В. Пахомов отрицал наличие настоящих конских заводов в Абхазии, за исключением владетельских, но отдельные помещики имели целые табуны. Так, у Д. Г. Шервашидзе до Крымской войны одних кобыл было 150 голов¹¹³. Летом 1866 года на горных пастбищах паслось 60 лошадей, принадлежавших цебельдинскому князю Ширинбею Маршания¹¹⁴. Н. В. Фон-Дервиз, рассказывая о том, что некоторые из князей, как, например, Хабуту Ачба (с. Члоу), Шервашидзе, Маршания и Маргания имели «значительные табуны». Производителями чаще брали кабардинских жеребцов, но встречались и полукровки английские и карабахи. Многие же предпочитали брать производителей с завода Церетели в Мегрелии¹¹⁵. Таким образом, в коневодстве применялся табунный метод выращивания лошадей. Лошади в течение круглого года содержались под открытым небом и на подножном корму.

По официальным данным о количестве скота за 1868 год¹¹⁶, в Абхазии (без Цебельды и Самурзакано)¹¹⁷ было всего 155 235 голов, из коих: лошадей — 5 985, буйволов — 7 529, быков и коров — 49 545, баранов и коз — 80 135, свиней — 12 041.

Из приведенных данных видно, что мелкий скот составлял наибольшее количество. Наибольшее распространение и хозяйственное значение имело козоводство, которое вплоть до

---

¹¹⁰ Аверкнев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 76.

¹¹¹ Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 25 июля 1835 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6297, лл. 16—17.

¹¹² См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп., 1866 г., д. 2784, л. 84.

¹¹³ Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Шервашидзе. — Исторический вестник, т. VII. Тбилиси, 1953, с. 245.

¹¹⁴ См.: ГАКК, ф. 260, оп. 2, д. 749, л. 192.

¹¹⁵ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Записки бывшего лесничего), с. 41.

¹¹⁶ См.: КК, 1869, с. 415.

¹¹⁷ Указанные горные районы Абхазии являлись наиболее скотоводческими. Сюда не входит и значительная часть территории современного Гагрского района. Кроме того, надо иметь в виду общее сокращение поголовья скота в Абхазии в связи с переселением части ее населения в Турцию (махаджирство) после восстания 1866 года.

конца XIX века продолжало преобладать над другими видами животноводства. Неприхотливость коз в уходе и тот факт, что они быстро размножались (около трети общего числа маток местных пород котилось двойней) сделали их желательными в хозяйстве. «Коза — корова бедняка», — гласила поговорка¹¹⁸.

О свиноводстве следует сказать, что материалы по нему относятся главным образом к южной части Абхазии. М. Селезнев, длительное время бывший в этом районе, свидетельствовал, что здесь имелись большие стада свиней¹¹⁹. В остальных же районах Абхазии эта отрасль животноводства к указанному времени заметно упала. Это было результатом усилившегося в первой половине XIX века влияния пропаганды ислама. Еще в начале XIX века указанная отрасль животноводства была настолько значительна, что, как рассказывал в 1914 году 90-летний лыхненский крестьянин Антон Гуатас-ипа, «если какой молодой человек сватает девушку, то родители ее спрашивались о том, как велик у жениха «ажатра» (особое помещение для свалки виноградных выжимок для откармливания свиней)»¹²⁰. А по данным М. Пейсонеля, в его время свиньи в Абхазии были крайне дешевы и пленников заставляли стеречь свиней, «которых очень много в этой стране»¹²¹.

В вышеприведенных данных о количестве скота в Абхазии, хотя и не упоминаются ослы, но этих животных, по свидетельству А. В. Пахомова, «можно найти в каждом хозяйстве». Ослы — «одни из самых полезных животных в Абхазии». При «совершенном отсутствии дорог, это единственное средство перевозки сельских произведений, и абхазцы охотно держат их...»¹²². Абхазская порода ослов была мелка.

В конце 60-х годов XIX века цены на животных в Абхазии были следующие¹²³:

Лошадь местной породы	40—80 руб.
Лошадь кабардинская	80—150 руб.
Корова или бык	10 руб.
Овца или баран	3 руб.
Осел	5—8 руб.
Буйвол	30 руб.

118 См.: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962, с. 53. Вообще эта работа содержит интересные сведения о скотоводстве абхазов в рассматриваемое время.

119 См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 207.

120 Образцов П. Из отголосков прошлого. — Сотрудник закавказской миссии. Сухум, 1914, № 1, с. 13—16.

121 Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах. Краснодар, 1927, с. 30—31.

122 Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 82.

123 См.: Там же. При этом Пахомов замечал, что в Сухуме эти цены выше, чем в деревнях (с. 83).

О значении животноводства в целом говорит и тот факт, что скот выступал еще в XIX веке как одно из основных мерил ценности. В списке «абхазских единиц ценностей», приводимом А. П. Череповым, животные занимают первое и определяющее место¹²⁴. В XVII—XVIII же веках скот в абхазской деревне зачастую выполнял роль всеобщего эквивалента при обмене товаров, а в глубокой древности это значение скота в процессе обмена было еще выше.

Покровитель домашнего скота Айтар являлся одним из самых значительных абхазских языческих божеств. Он считался главой целой плеяды божеств, составлявших его «доло»¹²⁵. Характерно и то, что один из месяцев — февраль в абхазском календаре называется месяцем Жвабран¹²⁶; июнь именуют временем перегона скота на горные пастбища, а сентябрь — пригона скота с гор. Разнообразна и обширна терминология в области животноводства.

Несмотря на такое значение и роль животноводства в экономической жизни Абхазии, оно, тем не менее, носило экстенсивный характер. Близость горных пастбищ, куда скот гоняли летом, и в то же время теплая, почти бесснежная зима не вызвали острой необходимости в создании искусственной кормовой базы¹²⁷. Скот почти круглый год находился на подножном корму¹²⁸. Продуктивность его была крайне низка, и он обслуживал главным образом домашние потребности населения.

Одним из основных препятствий для нормального развития скотоводческого хозяйства в Абхазии являлось неравномерное распределение пастбищ. Все основные пастбища, имевшие хозяйственное значение, были захвачены помещиками, а в распоряжении основной массы крестьян были незначительные общинные или же наемные пастбища. Скотокрадство и система повинностей, осуществлявшаяся поме-

¹²⁴ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 413—414.

¹²⁵ См.: Званба С. Т. Указ. соч., с. 37—38; 81. Джанашиа. Религиозные верования абхазов, с. 77—78, 80—81, 85.

¹²⁶ См.: Гулия Д. История Абхазии, т. I. Тифлис, 1925, с. 310. Жабран (Жвабран) — бог коров. Представляют большой интерес и данные языка (См.: Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми, 1986).

¹²⁷ Следует отметить широко применявшийся на практике так называемый веточный корм: молодые ветки различных древесных пород с набухшими почками. Ив. Аверкиев заметил, что в лесах Абхазии часто встречалось множество сваленных деревьев. Он установил, что пастухи в зимнее время кормили скот молодыми ветками и почками ясеня, дуба, граба и др... (Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866, с. 74).

¹²⁸ И. К. Аш писал, что, например, у цебельдинцев скот летом находится в горах, а зимой на береговой низине во владениях Алибея и Хасанбея Шервашидзе, где он питается мохом и листьями деревьев. А из Абхазского (Сухумского) и Абжуйского округов отправляют летом стада в горы к цебельдинцам «и таким образом на взаимных нуждах сих обществ основана всегдашняя связь между ними» (ЦГВИА, ф. 90, д. 146, л. 1 об.).

щиками в отношении крестьян, делали экономическое положение мелких скотоводов весьма неустойчивым¹²⁹.

Абхазцы занимались и птицеводством. Разводили кур, индеек, гусей, уток. Продукция этой отрасли шла почти исключительно на удовлетворение домашних потребностей.

5. Пчеловодство

Немаловажное значение в экономике Абхазии имело пчеловодство, что также нашло свое отражение в религиозных верованиях и терминологии. В древности речь шла о бортничестве — лесном пчеловодстве, т. е. сборе меда диких пчел. Это сохранилось вплоть до XIX века.

Природные условия Абхазии представляют собой прекрасную базу для развития пчеловодства. В. Чернявский писал в 1878 году: «Едва ли в пределах всей Российской империи найдется другой край, где бы естественные условия представляли более задатков для процветания пчеловодства, чем юго-западное Закавказье, т. е. Абхазия, Джигетия (южная часть Черноморского округа), бывшая земля убухов и Гурия»¹³⁰. Эти условия и сформировали замечательную породу пчел, известную в мире под названием «абхазской пчелы». Она отличается высокой продуктивностью, благодаря особому строению и длине хоботка (язычка), что позволяет добывать нектар из труднодоступных цветков. Абхазская пчела отличается необычайным трудолюбием и многими другими положительными качествами. Абхазские пчелы в начале XX века были подвергнуты испытанию и получили одобрение в России и Америке, как лучшие в мире «красноклеверные» рекордистки в деле опыления и доходности. В мировой пчеловодческой литературе давно признаны выдающиеся качества абхазской пчелы — «абхазянки»¹³¹.

Мед и воск в Абхазии с давних пор являлись не только распространенными продуктами потребления, но и товарами, имевшими экспортное значение. Жак Шарден писал, что абхазский мед вывозили в Татарию, где из него и зерна приготавливали очень крепкий напиток¹³². По словам Пейсонеля, из Абхазии вывозилось «громадное количество воску», приобретававшегося по крайне низкой цене, благодаря чему куп-

¹²⁹ Б ж а н и я Ц. А. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии. — Труды АИЯЛИ, т. XXVIII, 1957, с. 111.

¹³⁰ Чернявский В. Записка о положении пчеловодства в Абхазии. — Труды Вольноэкономического общества. СПб., 1878, т. II, вып. III, с. 19.

¹³¹ А г у м а а Я. Состояние и перспективы развития пчеловодства в Абхазии. Сухуми, 1938, с. 24—33. См. также: Б г а ж б а М. Т. Пчеловодство в Абхазии. Сухуми, 1956; А д ж и н д ж а л И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969, с. 276—314.

¹³² См.: Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Тифлис, 1902, с. 20.

цы, производившие эту торговлю, обогащались¹³³. И во времена Рейнеггса у абхазцев было хорошее пчеловодство¹³⁴, которым они, по словам Энгольма, занимались «с удовольствием и с успехом»¹³⁵. «Абхазцы охотно занимаются пчеловодством и мед их отличен от нашего», — писал также А. Н. Абрюцкий¹³⁶.

С. Броневский о качестве абхазского меда говорил следующее: «Абхазский мед заслуживает примечание. Он есть произведение диких пчел, живущих в расселинах каменных утесов. Цвет его внутри и снаружи палевый, воск и мед составляют почти одно кристаллизированное существо вкусом приятное, ароматное, которое для употребления в пищу ломают как леденец, не отделяя от воску, находящегося в весьма малом количестве. Липкость, свойственную обыкновенно меду, оный имеет гораздо в меньшей степени, так что его можно носить в кармане, и, по уверениям, сохраняется несколько лет в том же виде». За указанные качества русские называли его каменным медом. Имелся также «пьяный» или «бешеный» мед, широко известный на Кавказе и применявшийся в напитках. В другом месте С. Броневский подчеркивал, что одними из «изобильнейших произведений, составляющих народную промышленность» Абхазии, являются мед и воск¹³⁷.

Ф. Торнау в долине р. Мзымта, в Ахчипсоу, видел мед, качеством которого восхищался: «...отличный мед, добывается от горных пчел, гнездящихся в расселинах скал; очень душист, бел, тверд почти как песочный сахар и весьма дорого ценится»¹³⁸. В деревнях Абхазии, виденных Ив. Аверкиевым в 60-х годах XIX века, «средним числом на двор приходилось от 3 до 5 колод»¹³⁹. А. В. Пахомов также свидетельствовал, что «почти каждый абхазский крестьянин имел по несколько ульев»¹⁴⁰. В горном обществе Кучба, где в середине XIX века было около 50 дворов, имелось до 20 тыс. ульев. В Гаграх из одного улья через год «бывало получалось» пять, а каждая колода давала 10 фунтов меда и до 30 фунтов воска¹⁴¹.

В 1848—1852 годах из Сухумского порта было вывезено 312 пудов воска и 2648 пудов меда¹⁴². В начале 60-х годов из Сухума вывозилось «в год в среднем воска 400 пудов и

133 См.: Пейсонель М. Указ. соч., с. 30.

134 Reineggs J. Указ. соч., с. 12.

135 Энгольм Указ. рук.

136 Абрюцкий А. Н. Указ. соч. — Тифлисские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 223.

137 См.: Броневский С. Указ. соч., с. 328—329.

138 Торнау Ф. Ф. Воспоминания..., ч. I, с. 40.

139 Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 76.

140 Пахомов А. В. Указ. соч., с. 73.

141 См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 76.

142 См.: ЗКОРГО, кн. II, 1853, с. 288—289.

меда 400 пудов»¹⁴³. Комиссия, исследовавшая северо-восточный берег Черного моря в 1866 году, отмечала, что «пчеловодство являлось одной из главнейших статей дохода садов»¹⁴⁴. В 1872 году из одного только Пицундского округа было вывезено «меда 2748 пудов и воска 339 пудов». «Число колод, например, по 9 селам, по уменьшенным данным, равнялось 7666»¹⁴⁵. М. Т. Джанашвили писал, что «в предгорьях абхазы имели по 200 и более ульев»¹⁴⁶, а Н. В. Фон-Дервиз отмечал, что пчеловодством занималось почти все население; были хозяйства, имевшие 600—800 колод¹⁴⁷.

Пасеки отличались примитивностью. Ульи были самой простой конструкции. Они делались из выдолбленных обрубок дерева до 25 см в диаметре и располагались обыкновенно горизонтально¹⁴⁸. Об «абхазских долбленных ульях» писали В. Чернявский, Н. В. Фон-Дервиз и А. А. Миллер¹⁴⁹. Из них более подробные сведения дает Фон-Дервиз: берется круглая колода, вершков 8—10 в диаметре, раскалывается пополам и обе половины выдалбливаются в виде корыт — сложенные корыта и образуют улей; из такого улья вынимают до 3—4 фунтов воска и 20—25 фунтов меда; ульи ставят на полянах в липовых и каштановых лесах; благодаря обилию лиц и цветов получается очень хороший мед¹⁵⁰.

Член указанной выше комиссии И. С. Хатисов дает описание другого вида ульев, употреблявшихся у абазин: «Улей сплетался из ветвей орешника и имел форму конуса, высотой в один аршин; снаружи его обыкновенно смазывали глиной. Улей ставился на дощечку, в середине которой был выдолблен леток»¹⁵¹.

А. Варгас де Бедемар, отмечая, что ульи не нужно укрывать зимой, за исключением трех месяцев, и пчелы находят круглый год пищу на открытом воздухе, писал: «Посему не удивительно, что они размножаются здесь очень быстро. Примером тому может служить то, что из 10 ульев, купленных в Гаграх у горцев при их выселении, сделалось по окончании года 60 ульев»¹⁵².

Болезнь пчел была известна под названием «ашьха-зосхан» (пчелиная оспа)¹⁵³.

¹⁴³ ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8.

¹⁴⁴ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 13.

¹⁴⁵ Чернявский В. Записка..., с. 15.

¹⁴⁶ Джанашвили М. Указ. соч., с. 15.

¹⁴⁷ См.: Фон-Дервиз Н. Сухумский округ (Заметки бывшего лесника), с. 50.

¹⁴⁸ См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 76.

¹⁴⁹ См.: Миллер А. Указ. соч., с. 78.

¹⁵⁰ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесника), с. 50—51.

¹⁵¹ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 13.

¹⁵² Там же, №№ 3 и 4, с. 16.

¹⁵³ См.: Чернявский В. Указ. соч., с. 17.

6. Охота и рыболовство

Изобиловавшие зверем и дичью абхазские леса создавали благоприятные условия для развития и повсеместного распространения охоты. Шарден отмечал, что абхазцы сбывали различные меха¹⁵⁴. М. Пейсонель также говорил о наличии у абхазцев для продажи «различных мехов»: рысьих, куницы и беличьих¹⁵⁵. Вахушти указывал на существование в Абхазии в большом количестве зверей и птиц¹⁵⁶. «Дичи так много в горах и в абхазских лесах,— писал Торнау,— что хлебопашцы не знают как уберечь от нее свои поля». «Весьма убыточные опустошения» в полях, засеянных кукурузой и просом, производили кабаны, почему абхазцы и истребляли их без пощады и меняли в Сухуме их головы и окорока на порох¹⁵⁷.

В лесах и горах Абхазии обитали туры, кавказские благородные олени, косули, серны, кабаны, медведи, волки, барсы, лисицы, куницы, зайцы, белки, барсуки и даже зубры (адампей)¹⁵⁸. Из диких птиц, употреблявшихся в пищу, водились и сезонно прилетали утки, гуси, дикие голуби, горные индейки, перепела, вальдшнепы, фазаны, сойки, дрозды и пр.

Итальянский путешественник Жан де Люк, утверждая, что охота одно из главных занятий абхазов, писал (ок. 1625 г.): «У них несметное количество кобчиков и соколов, которых они выучивают в восемь дней. Константинополь, Персия и Грузия здесь снабжаются ими. Эти птицы выдержаны так хорошо, что возвращаются (к хозяину) со своей добычей по зову колокольчика»¹⁵⁹. Н. Витсен также рассказывал о том, что в Абхазии выращивались «очень красивые и понятливые соколы»¹⁶⁰. С. Броневский одним из основных видов занятий абхазов, составлявших «народную промышленность», считал добычу лисьих, куньих и беличьих шкур¹⁶¹. Генерал М. М. Ольшевский в 1839 году сообщал, что зимой, если в горах хорошие снега, Абхазия продает от 2 до 3 тысяч куньих шкур¹⁶².

¹⁵⁴ См.: Шарден. Указ. соч., с. 20.

¹⁵⁵ Пейсонель М. Указ. соч., с. 30.

¹⁵⁶ ვახუშტი ი. საქართველოს გეოგრაფია, с. 171.

¹⁵⁷ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. 1, с. 62.

¹⁵⁸ Ф. Ф. Торнау в 1835 году при переходе из Абхазии на Северный Кавказ через Кавказский хребет видел целое стадо зубров, из которых охотниками, сопровождавшими его, был убит один — бык огромной величины (Ф. Ф. Торнау. Воспоминания... Ч. 1, с. 97). Между прочим, адумпей являлся, по древним преданиям, одним из важнейших объектов охоты абхазских нартов.

¹⁵⁹ [Жан де Люк]. Описание... — ЗООИД, 1879, т. XI, с. 493.

¹⁶⁰ Witsen N. Nord en oost Tartarye. Амстердам, 1705, с. 552 и 567. Цит. по статье Л. И. Лаврова «Земледелие на Северо-Западном Кавказе». — Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952, с. 220.

¹⁶¹ См.: Броневский С. Указ. соч., с. 351.

¹⁶² См.: ЦИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 4 об.

А. В. Лаврентьев отмечал, что «абхазские леса и дебри наполнены множеством различных диких зверей, составляющих предмет охоты»¹⁶³; однако «звериными промыслами занимаются в небольших размерах»¹⁶⁴. Ив. Аверкиев писал: «Дичи в Абхазии очень много, так что трудно уберечь от птиц и небольшие поля»; бывает большой перелет перепелов, которые держатся на полях прибрежных мест¹⁶⁵; от большого количества диких голубей, водившихся по склонам гор, перебекающих р. Бзыбь и идущих к Гаграм, сами горы получили название Ахююшвара (Ахэыхэшэара). — место охоты на голубей¹⁶⁶. Далее Аверкиев сообщал и такую деталь: из диких зверей попадались барсы, часто беспокоящие своим воем жителей укреплений Пицунда и Гагры; куниц было очень много, но они порядочно истреблены; прежде шкурка куницы стоила от 1 руб. до 2 руб., теперь же цена поднялась до 3—4 руб.¹⁶⁷

А. А. Миллер в 1907 году мог заметить, что в Абхазии были семьи, в которых охота передавалась по наследству от отца к сыну вместе с ружьем, всеми принадлежностями и секретом хорошо устраивать западни. Западни и всевозможные ловушки были у охотников в большом употреблении. Миллеру рассказывали, что прежде били дичь, при перелете, из пращей — камнями¹⁶⁸.

Для феодалов охота являлась, по существу, развлечением. Охотничьи места были распределены между отдельными помещиками. Так, последний владетель Абхазии Михаил Шервашидзе, страстный любитель охоты, постоянно ища пригодные для этой цели леса, облюбовал Гиндзе-Эцкерский лес, где водилось много всякого зверья. Здесь он выстроил специальный дом и приезжал каждый год, обычно в сентябре, и охотился. Местом для охоты он избрал поле, находившееся посредине леса, где на четырех высоких столбах стоял домик, сидя в котором он караулил дичь. Людей своих владетель расставлял по всему лесу, чтобы они при помощи охотничьих собак пригоняли дичь к месту его нахождения. Право охоты принадлежало одному только князю Шервашидзе, и горе

¹⁶³ Лаврентьев А. В. Указ. соч., с. 149.

¹⁶⁴ Там же, с. 253.

¹⁶⁵ Ив. Аверкиев ошибочно считал, что перелет перепелов в Абхазии начинается в начале августа и продолжается в течение всего месяца. На самом деле он начинается в конце августа и держится, примерно, до конца октября. Причем их ловили не только днем «понятливыми» ястребами, о чем писали еще Люк и Витсен, но и ночью с помощью фонаря и своеобразного сачка (сетки).

¹⁶⁶ Около Очамчира имеется местность под названием «Ах ихэыхэкыра», т. е. место владетельской охоты на голубей; в с. Моква также имеется место (возвышенность), известное под названием «Ахэыхэкыра». А Гагрский проход вообще считался «настоящей ловушкой для птиц во время их перелета» (Дьячко-Тарасов А. Н. Указ. соч., с. 27). Диких голубей, как и ястребов, ловили специальными сетками.

¹⁶⁷ Аверкиев Ив. Указ. соч. — «Кавказ», 1866, № 76.

¹⁶⁸ Миллер А. Указ. соч. ч. с. 77.

тому, кто без его разрешения убивал бы хоть одного зверя. Кроме наказания розгами, нарушивший право владельца платил штраф: если во владетельском лесу была убита косуля, то с того, кто ее убил, брали 5 жирных коз, за кабана — 2 свиней¹⁶⁹.

В этом отношении очень интересно сообщение С. Смоленского (1859 г.). Пространство между Бамборским укреплением, морем и р. Хыпста было покрыто густым лесом, принадлежавшим владельцу. В лесу водилось множество кабанов, но охотиться там никто не имел права. Охота производилась только во время приездов владельца, который и убивал кабанов или позволял своим приближенным и приглашенным гостям стрелять по тем из них, на которых он указывал. Крестьяне «даже с ружьем боялись проходить и проезжать по этому урочищу... Жители могли бить старых и ловить молодых свиней только на правой стороне Хюпсты... За убитого же кабана в заповедном лесу они подвергались, по их рассказам, большим штрафам и даже, в некоторых случаях, виновные в нарушении этого запрещения были продаваемы туркам...»¹⁷⁰.

Народ знал и почитал многих своих прославленных охотников, посвящал их высокому искусству песни, сказания и т. д. Ф. Ф. Торнау запечатлел одного из таких охотников, о котором говорили: «Он порох даром не теряет!». «Я сказал слишком мало о Хатхуа, — пишет Торнау, — нашем главном путеводителе. Ему было более семидесяти лет, из коих большую часть провел он не под кровлею, а в путешествиях и на охоте в горах. Высокий, худощавый, закаленный в трудах и опасностях, всегда рассудительный и хладнокровный, стрелок без промаха, — этот железный человек не имел в целой Абхазии равного себе охотника, который бы так хорошо знал в горах все тропинки и все скрытые места, представлявшие удобную защиту от врага и от непогоды... Усталость не существовала для него; он вставал раньше и ложился позже всех... Его опытность и верный взгляд на все, касавшееся горной жизни, знание зверей, за которыми он привык охотиться с детства, имели такое значение, что никто не смел спорить с ним...»¹⁷¹.

Охота была связана с различными обрядами и жертвоприношениями. У абхазцев существовал, например, специальный «охотничий язык»¹⁷². Божеством зверей и охоты считался Ажвейпшаа (Ажьейпшьаа), который в абхазской религии

¹⁶⁹ Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков. Сухуми, 1949, с. 101—102.

¹⁷⁰ Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, № 9, 1872, с. 153—154.

¹⁷¹ Торнау Ф. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 85—87.

¹⁷² См.: Гулиа Д. И. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухум, 1926.

занимал одно из первых мест¹⁷³. Весьма богаты и данные языка.

Вахушти отмечал, что в Абхазии рыб много¹⁷⁴. Пресноводных рыб здесь известно 33 вида. Наиболее типичной рыбой бурных рек и горных озер является форель. Сюда же для икрометания в осенние и зимние месяцы поднимается черноморский лосось. В тихих реках южной части Абхазии обитают щука, окунь, сом, пескарь, усач, лобан, бычок и др. В Черном море насчитывается около 180 видов рыб: хамса, ставрида, барабулька, кефаль, сельдь, камбала и т. д. Из млекопитающих в Черном море водится два вида дельфинов¹⁷⁵.

А. Н. Абрюцкий, констатируя, что абхазские речи и озера изобилуют рыбой, писал: «И в сем отношении жители совершенно удовлетворяют свои нужды, хотя рыболовство не составляет особой ветви промышленности»¹⁷⁶. Ф. Торнау также сообщал, что прибрежные абхазцы занимались рыбной ловлей, преимущественно в устьях горных рек, изобилующих лососями, которые составляют весьма лакомую пищу и жарятся обыкновенно на вертеле¹⁷⁷. М. Селезнев писал, что, например, в устье р. Маркула водились осетры и семга, которых абхазцы, видя их через прозрачную воду, убивали пулей¹⁷⁸. Кроме того, навстречу потоку речки ставили специальную корзину (адарч), куда рыба легко попадала, но выйти уже не могла.

Ив. Аверкиев говорил о лове рыбы в Абхазии турецкими рыбаками, приезжавшими на время лова сельдей и дельфинов. В Сухуме бывали случаи, когда рыболовы на небольшой лодке одной наметкой в одно утро налавливали до 7 пудов сельдей. Наметки состояли из круглой сети. Для ловли камбалы солдаты прибрежных мест расставляли прямоугольные сети¹⁷⁹.

Во время пребывания А. А. Миллера в Абхазии, т. е. в 1907 году, в южной части страны, а также в Мегрелии еще применялся следующий способ ловли рыбы: в маленьких горных речках стреляли форель из луков стрелами с железными наконечниками в форме лопаточки¹⁸⁰.

Особенный интерес представляла ловля дельфинов, которых добывали для вытапливания из них жира, закупавшегося турками и греками. Абхазские берега, по словам Ф. Ф. Тор-

173 З в а н б а С. Указ. соч., с. 37; Дж а н а ш и я Н. Религиозные верования абхазов, с. 107.

174 См.: ვ ა ხ უ შ თ ი ს ა ჭ ა რ თ ვ ე ლ ს ვ ე რ ა გ რ ა ფ ი ა , с. 171.

175 Колаковский А. А. Географический очерк. — Сухуми (Краткий историко-краеведческий очерк). Сухуми, 1955, с. 22.

176 Абрюцкий А. Н. Указ. соч. — Тифлисские ведомости, 1834, №№ 27—29, с. 223.

177 См.: Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I, с. 61.

178 См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 163.

179 См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 77.

180 См.: Миллер А. Указ. соч., с. 77.

нау, посещались летом несчетным количеством дельфинов. В хорошую погоду они имеют привычку держаться на поверхности моря. Ловцы выезжали на маленьких лодках, выдолбленных из дерева, и обхватывали довольно большое водяное пространство длинной сетью, имевшей футов шесть ширины, с поплавками наверху и с тяжестью внизу. Две или три лодки въезжали внутрь обхваченного сетью пространства, и ловцы начинали бить баграми находящихся в нем дельфинов. «Этот способ ловли рыбы не безопасен, — писал Торнау, — потому что каюки (лодки. — Г. Д.) иногда тонут под тяжестью убитой рыбы и опрокидываются, когда дельфины ударяют в них, кружась в воде, но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей островов Южного океана»¹⁸¹. Ив. Аверкиев сообщал, что более 30 небольших турецких кочерм ежегодно приходили в укрепление Пицунда для ловли дельфинов. Дельфинов били из ружей дробью, а также их обхватывали сетями и били баграми. Результат летнего убоя дельфинов в Пицунде составлял в год не менее 300 пуд. жира¹⁸².

А вот что писал по этому поводу М. Владыкин, побывавший в Абхазии в 1873 году: «Одну из заметных доходных статей Абхазии составляет ловля дельфинов, приплывающих в большом количестве к здешним берегам. Ловля их в гаванях отдается с торгов: Пицундская гавань — около 150 р., Сухумская — около 1 000 р. и, кроме того, 40 к. с пуда сала, которого добывается около двух пудов из каждой штуки... В зиму 1872 г. в Сухумской гавани было добыто 3 800 дельфинов»¹⁸³.

О ловле дельфинов в Абхазии говорит и документ, относящийся к 1871 году, — «Условие», заключенное жителем села Лыхны Решидом Парнаут-ипа с управляющим Пицундским округом. «Я, — говорится в нем, — Решид Парнаут-ипа — с разрешения начальства беру на себя откуп Пицундской бухты для ловли дельфинов и вытапливания из них жира в течение годичного срока...»¹⁸⁴.

II. Домашняя промышленность и ремесло

Домашняя промышленность и ремесло являлись основной формой промышленности Абхазии в рассматриваемый период. Предварительно необходимо заметить, что не представляется возможным дать сколько-нибудь полную характеристику состояния этой промышленности, оценку ее экономического зна-

¹⁸¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. 1, с. 61.

¹⁸² См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 77.

¹⁸³ Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1874, с. 484.

¹⁸⁴ ЦГИА, ф. 545, д. 956, лл. 2—3, 6—7.

чения, осветив соответствующими цифровыми данными, так как нет не только общего статистико-экономического исследования ее или частного, по отдельным отраслям, но даже нет вообще почти никаких статистических данных. Поэтому мы вынуждены опираться лишь на отрывочные сообщения, в большинстве случаев самого общего характера, современных авторов и на полевой материал по этнографическим материальным памятникам, собранный в разное время как нами, так и другими исследователями.

Абхазское население издавна перерабатывало разнообразное сырье, выработав определенные технические и художественные приемы и навыки в этой области. Кустарная промышленность у абхазов исторически связана с земледелием, скотоводством, лесным промыслом, потреблением металла и т. д., с чем они были знакомы с древнейших времен. Об этом свидетельствуют также фольклор и мифология абхазского народа.

Домашние промыслы Абхазии в интересующее нас время составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство; они были неразрывно связаны с земледелием в одно целое¹. Деревенское ремесло и домашняя промышленность носили в основном домашне-потребительский характер. Они были рассчитаны, главным образом, на удовлетворение личных потребностей как самого непосредственного производителя, так и феодала, который либо содержал крепостных крестьян-мастеровых, либо получал от зависимых крестьян разные предметы домашнего производства в качестве повинностей. Однако это ремесло, связанное с сельским хозяйством, не удовлетворяло уже всего спроса.

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим указание на тот факт, что в Абхазии были крестьяне, специализировавшиеся по отдельным ремеслам и обязанные производить для помещика все работы по своей специальности из материала последнего. Так, в конце XVIII или в начале XIX века владетель Абхазии в с. Звандрипш поселил крестьян Чкок, которые считались его ремесленниками². А. В. Пахомов писал в 60-х годах, что в с. Яштхуа крестьянин Мац Гулиа занимался кузнечным делом, а 4 дыма Каландия (Коблук, Даут, Тадара и Тамаджар) и 1 дым Ахиба являлись серебряных дел мастерами: на них лежала обязанность производить даром всякую работу по их специальности для Г. Д. Шервашидзе, поставлявшего им весь необходимый материал³.

Характерно, что фамилия Ахиба происходит от слова

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 328—329.

² См.: ЦГАА, ф. 57, 1870 г., д. 5, л. 180.

³ См.: Пахомов А. В. Записка., с. 256—257.

«ахый» — золотых дел мастер. Это указывает на потомственную специализацию фамилии по данному виду ремесла. В Абхазии имеются и другие крестьянские фамилии, которые свидетельствуют о их потомственной специализации по тому или иному виду производства, как, например, Жиба, происходящая от «ажый» — кузнец. Ардынба — от «арадзы» (аразы), т. е. серебро.

В одном документе XVI—XVII веков — «Большой книге крестьян абхазского католикоса» указывается, что крестьяне с. Нажанеули, между другими видами повинностей, платили абхазскому католикосу и предметы домашнего промысла. Из 58 дворов крестьян названного села, подвластных абхазскому католикосу, 31 двор платил полотно от 20 до 80 локтей⁴. Крестьяне с. Набакеви, по данным 1865 года, князю Левану Шервашидзе и церкви были обязаны приносить, помимо других продуктов своего труда, также по 8 аршин белого холста⁵.

Все виды домашнего обихода, за малым исключением, могли быть изготовлены, благодаря их примитивности и повсеместному наличию сырья, почти в каждой крестьянской семье, не вызывая особой специализации, а следовательно, и отделения промыслов от земледелия. Среди сельских ремесленников редко можно было найти человека, занимавшегося исключительно ремеслом. Он обрабатывал свое поле, работал в саду и на огороде, держал скотину, пасеку и т. д., словом, все, что необходимо было деревенскому жителю. Поль Гибаль так и писал: «За исключением серебряных дел мастеров и оружейников, занимающихся исключительно своей профессией, все остальные занимаются всеми ремеслами: мужчины заняты столярным, кузнечным, каретным и другим ремеслом; женщины же, которым приходится выполнять всевозможные работы, занимаются также портняжным и обувным ремеслом»⁶.

1. Обработка металла

Если где и намечалась тенденция к выделению ремесла, так это, прежде всего, в горном деле и в металлообрабатывающем производстве, а в редких случаях и в некоторых других отраслях домашней промышленности (гончарное дело, обработка камня и пр.). Эта тенденция, как и повсюду, тем сильнее проявлялась, чем больше разлагалось натуральное хозяйство в процессе развития общественного разделения труда.

Процесс добычи металла на месте был тяжел и поэтому доступен далеко не каждой семье. Кроме того, источники сырья этого рода (залежи руды) были локализованы в опре-

⁴ См.: Антелава И. Г. Очерки... С. 104.

⁵ См.: ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

⁶ Guibal P. Указ. рук., л. 126.

деленном пункте, вследствие чего не все жители могли ими воспользоваться. Наконец, металл надо было завозить извне или приобретать у поставщиков, что, конечно, было очень нелегко. Вместе с тем данный вид производства был сам по себе наиболее сложным и трудоемким.

Археологические данные хорошо свидетельствуют о наличии и обработке руды на месте с очень давних пор. Что же касается позднейшего периода, то сообщения наших глубоких стариков выступают как живой свидетельский материал, согласно которому, например, плавка металла производилась таким образом: на склоне горы, где обнаруживался выход руды, рыли глубокую яму, в которой в течение нескольких дней жгли дрова; когда земля вокруг ямы накаливалась, в яму бросали руду и засыпали древесным углем (дубовым), который жгли до тех пор, пока из ямы не начинал течь расплавленный металл; расплавленную массу разливали по формам, приготовленным из глины или же выдолбленным в камнях. В дальнейшем металл подвергали ковке в кузнице, оборудование которой заключалось в следующем: горн, мехи, наковальня, клещи, молоты, зубила, бородки, точильное колесо и пр.

Рейнегс, характеризуя хозяйственный быт абхазов конца XVIII века, писал, что они занимались обработкой железа, из которого делали отличную сталь и выковывали ружья, сабли и ножи⁷. Энегольм говорил о кустарных металлообрабатывающих ремеслах Абхазии, называя их «фабриками», что они выделывают железо, из коего готовят особенной доброты сталь, выливают ружейные стволы, делают кинжалы и ножи, весьма порядочные. Железо довольно мягкое, что «и побуждает их (абхазцев. — Г. Д.) ко многим при выделке излишним, но для них необходимым трудам»⁸.

Поль Гибаль писал, что в Абхазии «самыми значительными являются серебряные ювелирные изделия». По его же свидетельству «некоторые умельцы прекрасно полируют серебро, искусно наносят чернью очень изящные узоры, обладающие прочностью. Таким же способом они выделывают пуговицы для поясов, пряжки и насечки на ружьях и газыри. Кроме того, они изготовляют в небольшом количестве серебряные позументы». Говоря о «горном промысле» абхазов, Гибаль также писал об эксплуатации ими свинцовой руды, которую «производят по-своему: когда кому-либо нужен свинец, он идет в горы и собирает его столько, сколько сможет, затем он его кое-как плавит и отливают из него пули»⁹.

Особенно интересно сообщение А. Н. Абрюцкого, который писал: «Ружья, кинжалы и сабли делаются во многих местах

⁷ Reineggs J. Указ. соч., с. 13.

⁸ Энегольм. Указ. рук.

⁹ Guibal P. Указ. рук., лл. 121, 126.

из железа... Абхазцы отлично выделывают и приготавливают из одного особенной доброты сталь. Есть мастеровые, которые искусно чернят серебро и золото для украшения оружия»¹⁰. То же самое отмечал и другой автор первой половины XIX века, также особо подчеркивая факт наличия мастеровых, искусно чернивших золото и серебро с целью украшения оружия¹¹.

Представляет большой интерес и сообщение венгерского ученого Жана Шарля де Бесса, который в своей книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию... в 1829 и 1830 гг.», вышедшей в Париже в 1838 году, отмечает: «Некоторые, правда, утверждают, что кольчуги очень хорошего качества производят также в Абхазии, на побережье Черного моря»¹².

А. Н. Лаврентьев «из числа собственно сельских промыслов» считал нужным упомянуть, помимо приготвления грубого сукна, бязи и бурок, о выделке холодного оружия и железных вещей¹³. С. Т. Званба, рассказывая о жертвоприношении, делавшемся богу кузни, писал, что его ежегодно совершали кузнецы и слесари¹⁴. Важно и сообщение М. Джанашвили о том, что кузнечное ремесло, требующее уже некоторых специальных технических знаний, предоставлено особым мастерам этого дела; в каждом селении имеется по два, по три кузнеца, которые из доставленного куска железа выделывают все необходимое¹⁵.

Н. В. Фон-Дервиз из кустарной промышленности наиболее развитым считал именно кузнечное дело. Местные кузнецы выделывали по преимуществу плужные лемехи, топоры, мотыги, кинжалы, разного рода ножи. Предметом «кустарной кузнечной промышленности» также являлись отделки для седел, уздечек и кушаков, стремян с насечками, палок с разными отделками, подков местного образца и особых к ним гвоздей. Отдельные мастера делали ружья и берданки¹⁶.

А. А. Миллер также отмечал наличие в Абхазии с давних пор не только кузнецов, но и слесарей: «Кузнецы делают всю железную утварь абхаза, а слесари — и оружие: шашки, кинжалы, пистолеты, ружья». Описав кратко принадлежность кузнеца и заметив, что слесари, кроме того, имели особый стол и тиски, Миллер перечислял следующие слесарные инст-

¹⁰ А Брюцкий А. Д. Указ. соч. — Тифлиские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 224.

Это сообщение буквально повторяется у Энегольма. Об этом писал и Д. Зубарев в 1842 г. (см. указ. его соч., с. 94).

¹¹ ЦГВИА, ф. 482, л. 127, л. 158 об.

¹² Цит. по: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 363.

¹³ Лаврентьев А. Н. Указ. соч., с. 254.

¹⁴ Званба С. Т. Указ. соч., с. 34.

¹⁵ Джанашвили М. Указ. соч., с. 15.

¹⁶ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего), с. 54.

рументы: наковальня, железные ножны, в которых закалялся клинок шашки, лопаточка для помешивания огня в горне, нож для обработки рога, рубанок для стругания железа, ножицы для жести, лучек для сверления железа¹⁷.

Из сообщений видно, какое важное место занимало оружейное дело. А в Абхазии, по свидетельству английского журналиста и разведчика Эдмунда Спенсера, «все люди были вооружены кинжалами, ружьями и шашками». Кстати, он и его спутники в Бамборе «у местных жителей и у армянских купцов» купили «много великолепных сабель и кинжалов очень тонкой ручной работы и, очевидно, значительной давности, но хорошо сохранившихся, которые выглядели, как если бы только вчера вышли из рук оружейника: на некоторых клинках были выгравированы или инкрустированы золотые буквы»¹⁸.

Имена отдельных оружейников хорошо сохранились в народной памяти. Одним из таких был житель с. Члоу Хасан Джалуа, убитый во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. По словам 106-летнего Мачука Адлейба (1955 г., с. Члоу), сделанное Хасаном ружье «выбивало птичий глаз». В с. Кутол славился Гери Куталандия; его сын Урыс, по сообщению 80-летнего (в 1955 г.) Кадыра Куталандия, внука Гери, также был кузнецом. В с. Ткварчели до сравнительно недавнего времени жил известный в свое время оружейник Швлиман Аршба. Он в своем изобретательстве дошел до создания пятизарядного ружья. 120-летний Швлиман с гордостью говорил о своем учителе Цвижба из с. Члоу, прекрасном мастере ружейного дела¹⁹.

Абхазцы из свинцовой руды получали чистый свинец для литья пуль и пр. По сведениям В. И. Чернявского²⁰, свинец добывался в 13 местах, особенно же в северной части Абхазии и в месторождении Ахыцхра²¹. Р. де Скасси также говорил о серебро-свинцовом месторождении в ущелье р. Гумиста, известном здесь с глубокой древности, которым пользовались «для изготовления пуль»²².

Н. С. Джанашия отмечал, что «в доброе, старое время, когда заводские железные изделия не так легко появлялись на абхазском рынке», в организации общества кузнецы зани-

¹⁷ Миллер А. Указ. соч. С. 78—79.

¹⁸ Spenser E. Travels in Circassia Krim Tartary... in 1836. Лондон, 1838, с. 321—322.

¹⁹ Материалы научной экспедиции Абхазского института 1955 г. — См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии... С. 59.

²⁰ См.: Чернявский В. И. Ответ на замечания А. Н. Введенского по поводу моей записки «О памятниках Западного Закавказья» и дополнения. — Труды V археологического съезда в Тифлисе, 1881. М., 1887, с. 253, 255.

²¹ Слово «ахыцхра» буквально значит «пуледобыча».

²² АКАК, т. VI, ч. 1, с. 646—658.

мали «весьма почетное место», как ремесленники. Кузнец готовил своему околотку все те орудия и инструменты, которые ему были доступны²³. Интересно также сообщение Н. С. Джанашия о существовании «корпорации жрецов-кузнецов»²⁴.

Важная роль металлургии вообще и кузнечного дела в частности у абхазцев, как и у многих других кавказских народов, отразилась в народных воззрениях и верованиях. Некоторые авторы указывали, что в жизни абхазского народа кузня имела значение величайшей святыни. Известный русский этнограф Г. Ф. Чурсин подчеркивал, что ни у одного из народов Кавказа не наблюдалось такого почитания кузни, кузнечного дела и кузнецов, как у абхазцев²⁵. Поэтому бог и повелитель кузнечного дела и кузни Шашвы (Шъашъы)²⁶ занимал выдающееся положение в языческом пантеоне абхазцев. Внимание исследователей давно привлекает абхазский культ кузни, как сохранившийся «наиболее полный культ богу «кузнецу» и имеющий много «общестаднальных черт»²⁷.

Характерно, что в абхазском фольклоре из всех ремесел наиболее важное значение имеет кузнечное мастерство. Так, у нартов был вещий «нартский кузнец» (Айнар-ижий), главная специальность которого — изготовление для нартов стрел для лука. Но его возможности были гораздо шире²⁸. «Бог-кузнец и его роль в эпических сказаниях о нартах весьма близки у осетин, абхазов и адыгейцев, хотя имена у них различные... Все три кузнеца занимаются закалкой героев, а также починкой разбитых в бою черепов путем наложения медных пластинок»²⁹. И легендарный Абрскил — абхазский Прометей связан своей судьбой с кузнечной.

Сами кузнецы, как люди, владевшие тайной приготовления железных орудий труда и оружия, играли довольно важную роль в хозяйственной и социальной жизни страны. «Кузнецы, — писал М. Джанашивили, — пользуются большим поче-

²³ См.: Джанашия Н. Абхазский культ и быт. — Христианский Восток, т. V. Пгр., 1917, с. 173.

²⁴ Джанашия Н. Абхазский культ и быт, с. 173.

²⁵ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 67.

²⁶ В Самурзаканской Абхазии кузнецы признавали своим покровителем Соломона, считавшегося мастером 365 ремесел (число ремесел равно числу дней года). Прекрасное описание кузни и кузнецов ремесленников в этой части края мы находим в очерке А. М. Эмухвари «Самурзаканские поверья» (См.: Кавказ, 12 января 1871 года).

²⁷ Иессен А. А. и Деген-Ковалевский Б. Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.—Л., 1935, с. 396.

Интересные данные о кузнечном ремесле и культе кузни и железа содержатся в книге И. А. Аджинджал «Из этнографии Абхазии» (Сухуми, 1969, с. 215—275, 430—497).

²⁸ Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях. — Труды Абхазского научно-исследовательского института, XXIII. Сухуми, 1949, с. 110—111.

²⁹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. 1. М.—Л., 1949, с. 319.

том в обществе, и самое их ремесло в глазах абхазцев имеет священное значение»³⁰.

Так было и у других народов в связи с ростом общественного разделения труда. Б. А. Рыбаков в «Ремесле древней Руси» отмечает, что вследствие указанного явления именно кузнецы стали первыми ремесленниками-специалистами, что именно их, творцов металла, народ окружил множеством различных легенд и поверий. Причем, говорит он в примечании, «культ кузнецов встречен у всех народов»³¹.

Отдельные кузнецы жили нередко зажиточно. Н. С. Джанашия хотя и писал, что кузнец обязан был своему околотку даром готовить орудия и инструменты, железо, сталь и уголь доставляло кузнецу само население и при изготовлении этих предметов ему помогало, но при этом подчеркивал: «Зато каждый двор должен был в пользу кузнеца в год несколько дней отработать: помогали ему во время вспашки, мотыжения и сбора кукурузы и винограда по одному дню». И «это обязательно оставалось в силе для двора независимо от того, изготовил ли ему в данном году кузнец что-либо или нет»³².

Некоторые кузнецы иногда держали по несколько работников, чаще — учеников (амацапца), которые выполняли почти весь тяжелый труд кузнеца. При этом ученики должны были платить за обучение скотом или деньгами. По словам кузнеца Османа Какия, записанным Н. С. Джанашия, ученик должен был платить своему учителю за обучение различно: кто обучался изготовлению оружия, тот платил 8 коров и 8 руб. наличными; кто обучался только изготовлению курков и прикладов, тот платил 5 коров и 5 руб. и т. д. Первую половину этой платы за обучение он давал при поступлении, а вторую — при окончании учения, продолжавшегося 3 года. Учитель же, со своей стороны, награждал ученика самыми необходимыми инструментами: наковальней, молотом, щипцами и пр.³³ Положение кузнецов как жрецов, знахарей и чародеев еще больше расширяло их возможности для материального обогащения.

Лыхненский крестьянин кузнец Капыт Дзариа, деятельность которого относится к первой половине XIX века, согласно семейному преданию, одних учеников-подмастерьев держал до 12 человек, а также имел несколько пастухов, более 60 голов коров, табун лошадей, много быков и буйволов, около 80 ульев, дом из трех комнат, не считая других построек, и т. д. Кузнечному ремеслу Капыт в свое время обу-

³⁰ Джанашия Н. С. Указ. соч., с. 15.

³¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 122—123.

³² Джанашия Н. С. Указ. соч., с. 173.

³³ Там же, с. 172—173.

Такая же картина наблюдалась и у абазин, у которых кузница известна под названием «жыра» (См.: Данилова Е. Н. Абазины. М., 1984, с. 53).

чился у Жибовцев (с. Апцхва). Изготавливал же он медную и железные утварь, оружие. Некоторые образцы его работы дошли до нас³⁴.

С развитием города Сухума и других населенных пунктов городского типа в этих местах увеличивается и число ремесленников-профессионалов, правда, нередко за счет переселявшихся сюда извне специалистов. К моменту упразднения владения в Абхазии ремеслом, например, в Сухуме занималось 13 человек, а годовой доход «ремесленных заведений» равнялся около 5 тыс. рублей³⁵. К концу 1868 года в том же городе Сухуме мастеровых было 42 человека³⁶.

2. Гончарное дело

Издавна было известно в Абхазии и гончарное дело. Керамика является самым распространенным массовым видом археологических находок. Этому способствовали почти повсеместное распространение глины, простота изготовления изделий и затрудненность перевозки глиняной посуды. О наличии в Абхазии гончарной глины, пригодной для изготовления посуды, свидетельствовали, например, бар. Аш и М. Селезнев, которые указывали, что из нижних абхазских гор доставляли глину, известь и камень³⁷, а Ф. Завадский писал о глине для выделки кирпича, имевшейся в с. Аацы³⁸.

Гончарный станок, видимо, очень рано стал применяться в быту абхазцев. По описанию Ф. Х. Эшба, печь для гончарного производства, известная под названием атныра (атныра), складывалась из камня или кирпича, земли и песка; в диаметре имела около 3 аршин, а также небольшой навес. Устраивали деревянный станок, на котором производилась работа; он стоял и свободно вертелся на оси, имея форму круга³⁹.

Дюбуа сообщал, что абхазцы сохраняли свое вино в больших кувшинах, зарывая их в землю⁴⁰. Комиссия по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря (1866 г.) также констатировала, что для сохранения вина абхазцы употребляют известные по всему Закавказью глиняные кувшины⁴¹.

³⁴ См.: Арх. АИЯЛИ, ф. 4, д. 33/92, лл. 21—21 об.

³⁵ См.: Статистич. описание г. Сухума. — ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8.

³⁶ См.: КК, 1869, с. 415.

³⁷ См.: Аш И. К. Военно-статистическое обозрение...; Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 182.

³⁸ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 60.

³⁹ Эшибая Ф. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы. СМОМПК, в. XI, 1891, с. 263.

⁴⁰ См.: Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 135.

⁴¹ См.: ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867, с. 13.

В. Х. Эшба писал, что в его время в Абхазии имелись гончары, которые умели делать горшки разного рода, кувшины для вина и воды, тарелки и миски⁴². С. Н. Тимофеев также свидетельствовал, что кувшины делались в селах Лыхны и Лдзаа, а также в местности Келасури⁴³. Гончарным производством в интересующее нас время занимались и во многих других местах страны (Аацы, Ачандара, Адзюбжа, Атара, Члоу и т. д.).

О том, насколько гончарные изделия находились в массовом употреблении в дореформенной Абхазии свидетельствует следующий факт. Во время восстания 1866 года крестьяне разгромили имение князя Г. Д. Шервашидзе в Келасури, в результате чего между другими предметами было забрано и разбито 1568 штук больших винных кувшинов и разной другой гончарной посуды⁴⁴.

Н. В. Фон-Дервиз отмечал, что здесь «довольно распространено гончарное производство», но продукты его однообразны. Данное производство проявлялось, главным образом, в изготовлении кувшинов для хранения вина (в виде яйца, с очень узким, почти острым дном), которые зарывались в землю, а потом в них уже вливали вино, а также кувшинов для воды, простых чаш и довольно толстых, диаметром около аршина, глиняных труб для колодцев; по вырытии колодца в него вместо обкладки стен срубом или обмазки непроницаемой глиной вставляли несколько таких труб. Для гончарного производства имелись почти повсеместно прекрасные, нередко совершенно белые глины⁴⁵.

А. А. Миллер писал о том, что в Абхазии вино сохраняется в больших глиняных кувшинах, зарывавшихся в землю⁴⁶. Е. И. Шиллинг, обследовавший Бзыбскую Абхазию в 1925 году с целью сбора этнографического материала, вблизи крестьянских дворов, у плетней, в виноградниках мог еще заметить едва торчавшие из земли и прикрытые камнями горлышки больших врытых в землю глиняных кувшинов⁴⁷.

Абхазские винные кувшины действительно были большими, объем наиболее крупных из них равнялся нескольким десяткам ведер. Ко времени ликвидации Абхазского владения в лыхненской резиденции владельца, в погребке, было зарыто до двухсот 25-ведерных кувшинов⁴⁸. В семье лых-

⁴² См.: Эшибая Ф. Указ. соч., с. 263.

⁴³ См.: Тимофеев С. Н. Указ. соч., с. 27.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, лл. 1—3.

⁴⁵ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего), с. 55.

⁴⁶ Миллер А. Указ. соч. с. 75.

⁴⁷ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии (Из поездки осенью 1925 г.). — «Этнография», 1926, № 1, с. 81.

⁴⁸ Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владельца Абхазии. Венден, 1913, с. 42.

ненского крестьянина Антона Пилия до сравнительно недавнего времени находился в употреблении 50-ведерный кувшин. Археологические раскопки также дают древние кувшины для вина и зерна, величина которых достигает больших размеров. Характерно, что и в абхазских народных сказаниях встречаются кувшины колоссальной величины. Общий нартский винный кувшин (афазамакъат) вмещал 600 ведер, а мать Сасрыквы, по данному ею обету, в честь одержанной ее сыном победы устроила пир и открыла 1000-ведерный винный кувшин⁴⁹.

Весьма незначительным было производство керамических строительных материалов — кирпича и черепицы, если даже считать продукцию тех кирпичных «заводов», которые возникли в рассматриваемое время. Но это производство здесь также было известно исстари.

3. Обработка камня

Особое место занимала обработка камня. Основным в этом деле было производство жерновов (алу). Требовался особой породы камень, имевшийся лишь в известных местах, обычно вдали от населенных пунктов — в ущельях и горах. Обработка и доставка данного материала требовали большого труда и определенных навыков. Жерносеку также необходимо было иметь как каменосечные, так и кузнечные инструменты. Б. А. Рыбаков считает, что по своей технике и сложности производственного процесса жерносеки были близки к городскому ремеслу⁵⁰.

Без жерновов в Абхазии не обходилось ни одно семейство. Речь идет, прежде всего, о ручных мельницах, так как водяные мельницы здесь получают распространение во второй половине XIX века, да и тогда не мог быть вытеснен ручной размол зерна.

Кроме того, встречались долбленные ступы, правда, чаще деревянные, в виде огромной чаши с кривым пестом, предназначенные для обдирания проса. Вторым разделом в обработке камня было изготовление более мелких предметов: пряслиц для веретена, сковород для выпечки разного хлеба, терок для растирания соли, орехов, перца и пр. пряностей, точильных камней.

Камень применялся и в качестве строительного материала. Мы уже не говорим о замечательных древних каменных сооружениях (храмы, замки, крепости, крепостные стены, мосты и пр.), которыми так богата Абхазия. В этом отношении в интересующее нас время обращает на себя внимание

⁴⁹ Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях, с. 92, 107.

⁵⁰ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 423

прежде всего дворец абхазского владателя в с. Лыхны, над украшением которого трудились различные мастера. По преданию, во время строительства дворца местные крестьяне подвозили камень на своих арбах и воздвигали его массивные стены, а красивые двери были сооружены лыхненскими крестьянами Гагулия (Дзыгу-ипа). Дворец был разрушен в 1866 году; его руины представляют собой интересный памятник местной гражданской архитектуры.

4. Деревообделочный промысел

В быту абхазов весьма важное значение имела обработка дерева. Топор являлся универсальным инструментом (лесорубным и плотничьим), известным под названием «аиха», что, характерно, означает и железо. Широкое применение в обработке дерева находили ложкарные инструменты различных величин, с помощью которых можно было вырезать и выскрести внутренность деревянных сосудов. Большое значение имели тесло и разновидности декселя, необходимые для долбления лодок, ульев, корыт и разной посуды. Другими важными инструментами были долото и скобель. Вечным спутником абхазского крестьянина являлась цалда — специальный лесной топор. Пила и бурав распространение получили позднее.

Перечисленные и другие деревообделочные инструменты, применявшиеся в абхазском деревянном обиходе, свидетельствуют о довольно развитой здесь технике обработке дерева. Сообщаемый Ф. Х. Эшба факт о том, что в селениях Илори и Беслахуба найдется человек пять, которые с помощью топора, долота и пилы делают кое-как простые столы, кровати и табуреты для домашнего обихода⁵¹, был повсеместным и в интересующее нас время. Такие предметы, как сохи, деревянные молотки, надочажные цепи и пр. изготовлялись в каждом доме.

Среди деревообделочников выделялись специалисты, исполнявшие более сложные работы: арбы (особенно колеса), части водяных мельниц (здесь также колеса), челноки и бёрда для ткацкого станка и пр. Кроме того, изготовляли оригинальные люльки, музыкальные инструменты, сундуки, различную посуду.

Комиссия по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь отмечала, что абхазцам было известно бондарное искусство, и многие из них для брожения выжимали виноград в деревянные чаны⁵². По-видимому, издавна употреблялись такие предметы, как ауаца и аиахва. Ауаца заменяла

⁵¹ Эшба Ф. Указ. соч., с. 265.

⁵² ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 13.

современную бочку и представляла из себя опоясанную орешными обручами кадущку из цельного куска дерева, вместимостью от 5 до 50 ведер⁵³. Анахва, в котором происходил процесс приготовления вина, походил на огромное корыто также из срубленного ствола дерева. С. Пушкарёв свидетельствовал о том, что виноград клали в выдолбленное из цельного кряжа дуба или какого-либо другого дерева корыто вместимостью от 20 до 50 пудов⁵⁴. С. Н. Тимофеев писал о 100-ведерной давилне⁵⁵, Е. М. Шиллинг видел 60-ведерную колоду⁵⁶. Бочки начали распространяться в Абхазии во второй половине 70-х годов. Из более крупных поделок следует упомянуть еще крупорушку: долбленная ступа, высотой в 1 м с кривым пестом длиной в 70 см⁵⁷.

Очень важным разделом обработки дерева было строительство судов, преимущественно мелких (лодок). Как известно, абхазцы, занимая часть северо-восточного берега Черного моря, издавна славилась как мореплаватели⁵⁸, о чем свидетельствуют письменные источники, а также абхазские морские термины и предания, которые полны воспоминаниями об общении абхазцев с морем. Абхазы свои морские термины передавали и соседям (апра—парус)⁵⁹. Вахушти, подчеркивая, что абхазцы в море стойки и сильны, сообщает, что они плавали на судах, в которых вмещалось до 100—300 человек⁶⁰.

С. Броневский, Е. Энегольм, Гамба, А. П. Ермолов, Ф. Дюбуа, М. Селезнев и другие⁶¹ говорили о наличии у абхазов «вооруженных лодок». Владелец Абхазии Келешбей Шервашидзе, как писал И. Ф. Паскевич, имел небольшую флотилию, состоявшую из «некоторого числа хорошо вооруженных галер»⁶². По сведениям Р. де Скасси (1818—1820 гг.), абхазские челноки делались из одного ствола дерева⁶³. Вельяминов писал (1820 г.), что эти лодки были плоскодонными⁶⁴, причем, добавлял Цезарь, Фамэн, длинными, походившими

---

⁵³ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения, с. 66.

⁵⁴ Пушкарёв С. Указ. соч. — Кавказ, 1852, № 28.

⁵⁵ Тимофеев С. Н. Указ. соч., с. 26.

⁵⁶ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 81.

⁵⁷ Тимофеев С. Н. Указ. соч., с. 27; Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 69.

⁵⁸ Подробнее см.: Дзидзария Г. А. К истории мореходства в Абхазии. — Тр. Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, 1959, т. XII, с. 85—104.

⁵⁹ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.—Л., 1938, с. 143.

⁶⁰ ვახუშტის საქართველოს გეოგრაფია, с. I, 172.

⁶¹ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения, с. 67.

⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, 1829 г., д. 6234, лл. 57—70.

⁶³ АКАК, т. VI, ч. I, с. 642—652.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 47.

на камары древних готов⁶⁵. Об абхазских каюках, лодках, выдолбленных из одного куска дерева, писал и Н. Дубровин⁶⁶.

С. Броневский сообщает, что в лимане р. Согумы, при жизни Келешбея, была корабельная верфь, лежавшая в 3 часах езды от Сухумской крепости⁶⁷. Об этом писал и Р. де Скасси⁶⁸. Здесь в 1802 году находился 74-пушечный корабль, посланный владетелем в Стамбул султану⁶⁹. В 1816 году в Пицундской бухте, с разрешения абхазского владетеля, был выстроен бриг, длиною в 120 футов, у которого киль был из цельного дерева, что говорит о редкой величине леса⁷⁰. Вообще Абхазия славилась «корабельным лесом», являвшимся предметом широкого внешнего вывоза.

Поль Гибаль в 1819 году в селе Лыхны видел греческого предпринимателя из Анатолии, который строил корабль. Он более года держал до 50 абхазов, работавших в качестве рабочих. Когда же он спускал свой корабль на воду, то в течение нескольких дней работало у него до 500 человек⁷¹. Его современник и земляк Гамба, говоря об искусстве постройки кораблей на побережье Черкессии и Абхазии, дает следующие сведения: ладьи, сохранившиеся по традиции у черкесов и абхазов со времен самых древних, объемистые, в каждой из них свободно размещаются 24 гребца⁷². Чертежи абхазского гребного судна дает Гамба в своем атласе⁷³.

Летом 1859 года С. Смоленский у устья р. Мчишты видел как производились постройки кочерм и фелюг из лесов урочища⁷⁴. Д. З. Бакрадзе писал, что в долинах рек Абхазии «действуют туземные каюки, которые, имея древнейшую конструкцию и будучи сделаны из выдолбленного дерева, искусно и смело управляются туземными гребцами...». В другом месте этот автор отмечал: «Для переезда через большие реки вы можете смело довериться маленькому каюку, большей частью сделанному из одного выдолбленного дерева и имеющему сажени 3 в длину»⁷⁵.

С середины XIX века все большее распространение получает изготовление драни — важнейшего кровельного матери-

---

⁶⁵ F a m i n C. Region Caucasiennne 1-re livraison Circassie et Georgie. „Univers pittoresque Europe“, т. 40. Париж, 1842.

⁶⁶ См.: Дубровин Н. Указ. соч., с. 8—9.

⁶⁷ См.: Броневский С. Указ. соч., с. 295.

⁶⁸ См.: АКАК, т. VI, ч. 1, с. 646—658.

⁶⁹ См.: Броневский С. Указ. соч., с. 295; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 389, л. 71.

⁷⁰ См.: Евецкий О. Указ. соч., с. 56.

⁷¹ См.: Guibal P. Указ. рук., л. 135 об.

⁷² См.: Гамба. Указ. соч., с. 89—90.

⁷³ См.: Егo же. Париж, 1826.

⁷⁴ См.: Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, № 10, 1872, с. 329.

⁷⁵ Бакрадзе Д. М. Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. — Кавказ, 1860, № 48.

ала в крае. По свидетельству Н. А. Шаврова (1860 г.), в окрестностях Сухума имелись дранщики, которые изготовляли дрань из дубового дерева⁷⁶ специальным инструментом — асатыр.

Следует отметить и строительство мостов. Ф. Ф. Торнау, говоря о населении верховья р. Мзымта, писал, что он переехал через указанную реку по всяческому мосту, «устроенному с большим искусством из жердей, досок и виноградной лозы, связанных веревками». Подобных мостов Торнау здесь насчитал около пяти для пешеходов и два для лошадей⁷⁷. Д. З. Бакрадзе также свидетельствовал, что в Абхазии в горных местах устраивали для пешеходного сообщения хрупкие всяческие мосты из прутьев или из виноградных лоз⁷⁸. На это указывал и Чернявский, который писал, что через узкие пропасти абхазцы перекидывали бревна и устраивали мосты наподобие знаменитого швейцарского Чертова моста; через такой мост отступал в мае 1877 года генерал Кравченко⁷⁹. Автор имел в виду Багадский мост в верховье р. Кодор. Вот что писал впоследствии по поводу этого моста К. Д. Мачавариани: «Когда-то между обоими берегами сообщение происходило при посредстве всячего моста, составленного из толстых виноградных лоз. Эти лозы потом были заменены другими сооружениями строительного искусства...»⁸⁰.

У абхазов было развито также производство плетеных изделий, широко распространенное вообще на Кавказе⁸¹. Это были кошелки из лыка черешни; корзины из прутьев мелкого орешника или лещины, в основе почти квадратные, сверху округлые (акалат) и конусообразные (амтышэ), употреблявшиеся для винограда и разных продуктов; корзины для шерсти, хлопка, рукоделий и пр. Более массовой являлась большая плетеная из прутьев корзина (аблагар). Кукурузу молотили в таких же плетеных, но продолговатых корзинах⁸². Из оболочек кукурузных початков сплетали изящные сумочки.

---

⁷⁶ См.: Шавров Н. А. Проект гавани Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. — Морской сборник, 1862, т. VIII, № 4, с. 258.

⁷⁷ См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания..., ч. II, с. 43.

⁷⁸ См.: Бакрадзе Д. М. Очерк... — Кавказ, 1860, № 48.

⁷⁹ См.: Чернявский В. Краткий очерк Абхазии. — ИРГО, т. XIII, с. 4.

⁸⁰ Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуми и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 156.

⁸¹ См.: Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913.

⁸² См.: Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 70; Миллер А. Указ. соч., с. 74, 78—79.

Изготавливались различные рога (туры и воловь) для вина⁸³, а также ложки. Всевозможные рукоятки и наконечники к кинжалам, саблям, ножам, шилам и т. д. делались не только из дерева, в частности самшита и тиса, но и из рогов и костей животных. Весьма оригинальны были вешалки из оленьих рогов. «Мужчины, — свидетельствовал М. Джана-швили, — делают прекрасные ложки из дерева и рогов животных»⁸⁴. Они имели чрезмерно длинные плоские ручки, которые часто орнаментировались: «абхазский шик состоит именно в том, чтобы употреблять ее (ложку. — Г. Д.), держа за самый конец»⁸⁵.

Вообще народное декоративно-прикладное искусство в Абхазии достаточно хорошо было развито. Резьба по дереву, металлу, рогу и кости здесь была известна с древнейших времен, о чем особенно ярко свидетельствуют археологические и этнографические материалы. Художественная резьба по дереву в Абхазии в XIX веке применялась в первую очередь при архитектурном оформлении фасадов, колонн, балконов, дверей и окон домов. Художественной резьбой и росписью покрывали детали внутреннего убранства и обстановки домов: сундуки, кровати, скамейки, люльки, музыкальные инструменты и всевозможную посуду, — миски, кружки, ложки и т. д. Широко применялись выпиленные украшения. Н. В. Фон-Дервиз писал о «резьбе абхазских мастеров»⁸⁶. Это отмечал и Е. И. Шиллинг⁸⁷, который, между прочим, в 1926 году в с. Хуап (Гудаутский район) обнаружил замечательный образец — «богато украшенную резьбой» адапу или ахсаалатра⁸⁸, «дающую представление о старой резьбе» и сделанную около 1841 года⁸⁹. Один экземпляр старинной адапы в хорошо сохранившемся состоянии имеется в Абхазском государственном музее.

Между прочим, дерево, служившее материалом для художественного оформления и украшения резьбой бытовых предметов, утвари и мебели, чтобы не подвергалось порче вредителями, рубили, как правило, два раза в год — в марте и ноябре, т. е. перед началом и после прекращения вегетационного периода.

⁸³ См.: Бакрадзе Д. М. Очерк... — Кавказ, 1860, № 48.

⁸⁴ Джанашивили М. Указ. соч., с. 15. См. также отчет начальника Сухумского отдела за 1874 г., в котором указывается об изготовлении местных роговых ложек (ЦГИАГ, ф. 545, д. 966, лл. 3—40) ..., с. 10.

⁸⁵ Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 10.

⁸⁶ Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч., с. 54.

⁸⁷ Шиллинг Е. И. Указ. соч., с. 76.

⁸⁸ Адапа (адапа) или ахсаалатра (ахсаалатра) — род деревянного портфеля для хранения выкроек и различных принадлежностей женских рукоделей.

⁸⁹ См.: Шиллинг Е. И. Указ. соч., с. 76.

Роговые и костяные изделия также украшались резным узором, серебром и золотом. Это были отдельные части кремневых ружей и пистолетов, газыри, пороховницы, остовы седел, пояса, рукоятки кинжалов и шашек и т. д. 110-летний старик Луман Авидзба из с. Аацы, Гудаутского района, по специальности кузнец, в свое время занимался украшением слоновой костью и рогами концов прикладов кремневых ружей и рукояток пистолетов.

Обработка и украшение камня и каменных изделий в Абхазии, как уже отмечалось, ведет свое начало с древнейших времен. Орнаментами украшались фасады и алтарные преграды храмов, каменные плиты (известняки), из которых слагались лицевые части каминов в домах феодалов, каменные ограды, надмогильные памятники и т. д.

Мастера-резчики золотых и серебряных дел занимались выделкой и резным украшением наборов для поясов, седел, портупей, застежек и пуговиц, а также отделывали серебром и золотом рукоятки и ножны кинжалов, шашек, ложа и дула кремневых ружей и пистолетов, пороховницы, газыри, рога для вина и т. д. Такими мастерами, известны в Абхазии лет 150—200 тому назад (информация относится к 1955 году), являлись Нишан Капба (с. Акала), Гындуг Ануа (с. Тамыш), Кублук Гарба (с. Моква), Кобан Цвижба (с. Члоу). В Абхазском государственном музее экспонированы богато украшенные седла и шашки, некогда принадлежавшие дальским и цецельдинским князьям Маршания, причем седло (Баталбея Маршания) оценено в 10 тыс. рублей.

5. Ткачество

Важнейшим разделом деревенского домашнего производства было ткачество, являвшееся также чрезвычайно древним производством в Абхазии. Большое значение имели и войлочные изделия. Сырьем для ткацкого дела служили шерсть, лен, конопля и хлопок, а для войлочного — шерсть.

Еще архиепископ персидского города Султаний Иоанн Гальнифонтибус в своем сочинении «Книга познания мира», написанном им в 1404 году, сообщал, что абхазы искусны в выделке сукна, холста и шелка⁹⁰.

Ж. Шарден в числе вывозившихся из Абхазии товаров отмечал хорошую льняную пряжу для простого полотна⁹¹. Среди «главнейших произведений» Абхазии акад. И. А. Гюльденштедт называл суконные кафтаны и войлочные епанчи или бурки, которые, вместе с тем, являлись предметами вы-

⁹⁰ Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа. Баку, 1980, с. 19.

⁹¹ См.: Шарден Ж. Указ. соч., с. 20.

воза⁹². Яков Рейнеггс писал, что абхазские женщины славятся как прекрасные пряжи, и Абхазия доставляет ежегодно большое количество хлопчатобумажной ткани в Смирну и Салоники⁹³. С. Броневский «изделия жителей» — бурки, толстые сукна и хлопчатую бумагу относил к числу «изобильнейших произведений, составляющих народную промышленность»⁹⁴. Энегольм также отмечал, что в Абхазии почти во всяком доме занимаются приготовлением для домашнего употребления сукон, наподобие лекчинских, и полотна из хлопчатой бумаги⁹⁵. Барон Аш дает еще более подробные сведения по этому вопросу. «Во всяком доме, — писал он, — готовят для домашнего употребления толстое сукно, серого и желтого цвета из шерсти овец добываемое, а также бурки, и полотно из хлопчатой бумаги...»⁹⁶. Ф. Ф. Торнау хотя и говорил, что у садзов домашняя промышленность была развита слабо, но отмечал, что они готовят сукно для одежды, полотно из конопли и пр.⁹⁷

С. И. Пушкирев также указывал, что в селах близ Очамчир шили шапки, башлыки, черкески из грубого сукна, славившегося добротностью и отделкой; изготовлялись бурки⁹⁸ и шелковые рубахи⁹⁹, и некоторые из них продавались на очамчирском базаре¹⁰⁰; кроме того, сообщает о приготовлении пенькового и льняного полотен¹⁰¹, а из шелка, например, в с. Илори — материи даран, употреблявшейся преимущественно на рубахи; кусок этой материи, мерой в 7 арш. и $\frac{3}{4}$ арш. ширины, в первой половине 50-х годов оценивался от 70 коп. до 1 руб. 30 коп. сер.¹⁰² «Скамейки, — писал М. Селезнев, — идущие с двух сторон комнаты, покрыты ковром, кожей или циновкой домашнего рукоделия, заменяют им постель и всякую мебель...»¹⁰³. Комиссия по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь (1866 г.) отмечала, что шерсть мелкого скота «горцы употребляли на приготовление шерстяных материй, войлоков, башлыков и бурок столь потребных и полезных предметов в их суровой боевой жизни, с которою они знакомятся с молодых лет»¹⁰⁴.

⁹² См.: Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, с. 143.

⁹³ См.: Reineggs J. Указ. соч., с. 13.

⁹⁴ Броневский С. Указ. соч., с. 328—329.

⁹⁵ Энегольм. Указ. рук.

⁹⁶ Аш Бар. Военно-статистическое обозрение...

⁹⁷ Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау., прилож., с. 104.

⁹⁸ Приготовлением бурок в Абжуйской Абхазии особенно славилась селения Джгерда и Гуп (ЦГИАГ, ф. 545, д. 966, лл. 3—40).

⁹⁹ Пушкирев С. Абхазия и абхазцы. — Кавказ, 1854, № 61.

¹⁰⁰ См.: Его же. Еще раз об Абхазии. — Там же, № 99.

¹⁰¹ См.: Зубарев Д. Абхазия. — Русский вестник, т. V, с. 94.

¹⁰² См.: Лаврентьев А. Н. Указ. соч., с. 254; Пушкирев С. Абхазия и абхазцы.

¹⁰³ Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 206.

¹⁰⁴ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 134.

Из хлопчатника приготавливали бязь и пр., а из волокон льна толстые нитки, которые окрашивали растительными красками; пользовались также минеральной краской, известной здесь под названием акырдуаг.

Издавна были известны станки для тканья (асарты)¹⁰⁵, а также всевозможные приспособления для изготовления войлочного материала, ковровых тканей и прочих шерстяных, бумажных и шелковых тканей и вязанных изделий.

Ф. Х. Эшба так описывает процесс приготовления сукна: основу наматывают на колышки, установленные перпендикулярно, при помощи разного рода приспособлений; готовое сукно держат некоторое время в кипятке, затем топчут его, а через полчаса опять опускают в кипяток и опять топчут. Так продолжается до тех пор, пока материя не примет желаемой плотности. Местное сукно, подчеркивает Эшба, служит большей частью для домашнего употребления; из него приготавливают сами хозяйки черкески, башлыки, шаровары для мужчин. При помощи тех же приспособлений производилось тканье бязи и сукна.

Способ приготовления бурок и потников был таков: из просяных стеблей делали специальное приспособление — ачей (ширина до 2-х и длина до 4 аршин), на которое клали расчесанную шерсть в форме бурки, в нужную величину, и обливали кипятком; затем свертывали приспособление с шерстью и катали его 2—3 человека, через несколько минут опять обливали шерсть кипятком и снова катали. Так повторяли несколько раз. Наконец, раскрывали приспособление, обсыпали золой, обливали холодной водой и опять продолжали катанье до тех пор, пока бурка не принимала желаемой крепости и толщины. В конце концов бурку «варили» и мыли холодной водой.

Холст ткали как и бязь. Готовый холст сначала держали в свежем коровьем навозе сутки, затем расстилали по траве на солнце, мыли не раз, при этом выколачивали его. В конце концов холст из серого делался белым¹⁰⁶.

Описание ткацкого станка и основные процессы его работ даются также в трудах Е. М. Шиллинга «В Гудаутской Абхазии» и И. А. Аджинджал и И. Е. Адзынба «К вопросу изучения одежды абхазов»¹⁰⁷.

В работе Шиллинга мы находим интересные сообщения и

---

¹⁰⁵ Утверждение Ф. Х. Эшба в том, что станков для тканья в крае не было, не соответствует действительности, если он имел в виду всю Абхазию, а не только указанные населенные пункты.

¹⁰⁶ См.: Эшба Ф. Указ. соч., с. 260—263.

¹⁰⁷ См.: Аджинджал И. А. Из этнографии абхазов. Сухуми, 1969, с. 353 и сл.

Интересные сведения по ткацкому делу (кстати, и обработке дерева) содержатся и в книге Е. М. Малия и Л. Х. Акаба «Одежда и жилище абхазов» (Тбилиси, 1982).

об абхазском орнаменте. Надо сказать, что в своем орнаментальном искусстве абхазы достигли значительных успехов. Абхазский орнамент создавался столетиями, но, сохраняя старинные слои, постоянно обновлялся за счет творческих сил создавшего его народа, а также в результате историко-культурных связей абхазов с другими народами. В частности, полотенца украшались тонким орнаментом: стилизованные барашки, виноградные листья, орнаменты из крестов и пр. Орнамент более самобытный и старый носит геометрический характер и по своей технике часто отличается тем, что дает на ткани небольшие сквозные отверстия. Домотканые шерстяные ковры типа паласов были затканы и вышиты рисунком. На этих коврах, как и на легких тканях, заткан рисунок, обычно геометрический и часто дающий сквозные отверстия. Е. М. Шиллингу удалось видеть тонко сработанный и богато вышитый ковер. Любимыми предметами изображения являлись человек, олень, лошадь. Ковры окрашивались в 3—5 тонов (белый, черный, темно-коричневый, красноватый, желтый). Краски получали из коры дуба, ольхи, ореха, из особой грязи болотистой почвы (так наз. «черная земля») ¹⁰⁸.

Из пеньки (конопли) изготовлялись веревки и шпагат. Абхазская веревка славилась издавна и применялась в районах побережья Черного моря в рыболовстве, для сеток и неводов ¹⁰⁹. Интересно заметить, что термин «абхазская веревка» имеется в описании расходов одного строительства в грузинской грамоте XVII века — «абхазури бацари» ¹¹⁰.

Ткачество являлось занятием, главным образом, крестьянок, высокое мастерство которых отмечалось многими авторами. В старом быту, как уже говорилось, существовал особый предмет — адапа, род деревянного портфеля, специально предназначенный для хранения выкроек, обрезов сафьяна и различных принадлежностей женских рукоделий. Богато украшенные резьбой адапа дарили невестам ¹¹¹. И в конце XIX века, и даже в начале XX века, в условиях широкого употребления в крае фабрично-заводской продукции, высокое мнение о мастерстве абхазских мастериц оставалось неизменным: их произведения все еще находили применение.

Петр Чарая писал: «Не только отдельные деревни, но и каждая семья сама производила себе необходимые предметы из тех материалов, которыми она располагала: одни из них делались мужчинами, другие — женщинами. Женщина была

¹⁰⁸ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 80. См. также: Малия Е. М. Народное изобразительное искусство Абхазии. Тбилиси, 1970.

¹⁰⁹ Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в Древней Грузии. Тбилиси, 1952, с. 198—199.

¹¹⁰ ბეგრძენიშვილი ნ. მასალები საქართველოს ეკონომიური ისტორიისათვის. კნ. I. Тбилиси, 1938, с. 268.

¹¹¹ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 76.

и остается мастерицей в соответствующем ремесле»¹¹² Ф. Х. Эшба подчеркивал, что шерстяным производством, которое имело место в каждой семье, занимались исключительно женщины; тканьем бязи занимались также женщины¹¹³.

Говоря об абхазских крестьянах, Г. А. Рыбинский писал: «Одним словом все, что требуется для них, чтобы появиться в приличном виде среди своего общества, есть изделия их жен и дочерей; в лавках покупается лишь то, что недоступно сделать самим»¹¹⁴. М. Т. Джанашвили также подчеркивал: «Абхазки, кстати сказать, большие мастерицы на всякие домашние работы, из овечьей и козьей кожи выделывают сафьян (цуш), который так нравится иностранцам; этот цуш в Абхазии летом служит постелью»¹¹⁵. В шитье и в особенности в вязании абхазские женщины «большие искусницы», — отмечал и автор книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский... монастырь» (с. 33). «Невольно относишься с особенным благоговением к абхазским женщинам, — писал К. Д. Мачавариани, — которые всецело обшивают не только себя, но и своих мужей. Рукоделие у них поставлено на образцовой ноге. Этими труженицами изготавливаются разного рода шелковые материи для платья, для головных платков. Сами они ткнут сукно для черкески, для башлыка. Из их же рук выходят разноцветные бурки, и они же изготавливают белые сафьяны для тюфяков и подушек»¹¹⁶. Е. М. Шиллинг, отмечая, что обилие и разнообразие рукоделия все еще бросается в глаза в абхазском доме, писал, что абхазские женщины большие мастерицы¹¹⁷; в доме абхазов можно видеть полотенца, завесы, подзоры, покрывала, ковры, — все это «дело рук самой хозяйки или ее дочерей»¹¹⁸.

Всему этому абхазские женщины обучались еще с детства, причем девушки, которые отлично умели шить, кроить, ткать, вышивать и т. д., пользовались особым почетом и успехом. Про таких мастериц слагались разные поговорки, как, например: «У птички на лету (она) снимает мерку».

С ткачеством было связано много различных обрядов и поверий. Бог ткацкого ремесла был известен под именем Ерыш (или Ерыш-кан). Существовали различные приветствия в разное время работы ткача. Н. С. Джанашия указывал также на существование в Абжвйской Абхазии моления: «дхуу хлопка», совершавшегося на хлопковой ниве (планта-

112 ჯანაშვილი მ. აღწერა და აღწერა. „ფურცლი“, 1888, № 169

113 Эшба Ф. Указ. соч., с. 260—262.

114 Рыбинский Г. А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1894, с. 15.

115 Джанашвили М. Указ. соч., с. 15.

116 Мачавариани К. Д. Метафизические размышления. Батум, 1909, с. 18: см. также его «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу», с. 232.

117 Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 76.

118 Там же, с. 72.

ции); «духу шелковичных червей» и «духу льна». Молящиеся, обычно старые женщины, просили о хорошем урожае хлопка, коконов и льна¹¹⁹.

6. Обработка кожи

Значительную роль играли в Абхазии кустарные кожевенные изделия. Широко была известна самодельная кожа из козьей или овечьей шкуры (ацвыш), т. е. местный сафьян, окрашивавшийся в разные цвета растительными и вышеуказанной минеральной красками. Из этого материала изготовлялись чуйяки, ноговицы, матрацы, седельные подушки и т. д. Большие шкуры обрабатывались в кожемялках. Сыромятная кожа из шкур крупного рогатого скота шла на изготовление обуви, главным образом, для крестьянского населения. Кроме того, разными способами готовили ремни, шедшие на конскую сбрую, пояса, перевязи для оружия, портупен, охотничьи принадлежности пр. Делали кожаные тесьмы и вышивали узоры на сафьянных чуйяках, ноговицах¹²⁰ и т. д. Важное хозяйственное значение имели бурдюки для жидких продуктов, изготовлявшиеся из козьих и овечьих шкур. Делались также походные вещевые и для муки мешки из козьего же меха и кожи шакала¹²¹.

7. Шорный промысел

Шорный промысел состоял преимущественно в изготовлении местных седел, сбруи, поясов. А. П. Черепов свидетельствовал, что многие лица неплохо выделяли седельные ремни и приготавливали плети, некоторые делали хорошие арчаки. В этом отношении в Бзыбской Абхазии выделялись Эльмурза, Джемлет и Шахан Маан (Маргания), Раджаб и Якуб Лакрба, Леван Цышв (Цишба)¹²².

Ф. Х. Эшба, говоря о шорном промысле, отмечал, что он, например, в Очамчирах состоял в изготовлении местных, абхазских седел; арчаки заготавливались особыми ремесленниками, которые обклеивали их тонким сафьяном и в таком виде передавали в руки специалистов. Это производство, писал далее Эшба, существует давно и чем дальше, тем больше распространяется и совершенствуется¹²³.

¹¹⁹ См.: Джанашия Н. Абхазский культ и быт, с. 159—160.

¹²⁰ Князь и дворяне носили изящные сапоги (магу) без ранта и каблучков, весьма удобные для верховой езды. Крестьянская же обувь состояла из грубошерстных ноговиц (аймсы), кожаных носков (амест) с чуйяками.

¹²¹ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... с. 76.

¹²² См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 405.

¹²³ См.: Эшибая Ф. Указ. соч., с. 264.

8. Изготовление соли, мыла и пороха

Население побережья Абхазии с древнейших времен выпаривало соль из морской воды. Обнаружен ряд промысловых поселений, остатки которых дают ясное представление о способах выпаривания. Один из них заключался в следующем: среди берегового вала или позади его выбиралась плоская впадина, которая соединялась при помощи канавы с морем. Вода, нагонявшаяся сюда прибоем, выпаривалась постепенно естественным путем в жаркие солнечные дни. После этого рассол допаривался в специальных четырехугольных глиняных сосудах¹²⁴.

Этот способ выпаривания, почти в его древней форме, применялся частично и в XIX веке, преимущественно во время блокад побережья Абхазии. По рассказам стариков, например, жители с. Адзюбжа запускали морскую воду в небольшие бассейны, вырытые позади берегового вала, и после естественного испарения воды допаривали рассол на огнетам же на месте. Окончательно досушивали соль дома на широких досках. Память о соляном промысле сохранилась и в абхазском фольклоре. У абхазцев до сих пор существует загадка: «Рожденное водой, воспитанное солнцем, увидя свою мать — умирает» (соль)¹²⁵.

Из сала диких животных абхазы делали мыло¹²⁶, а из смеси сухого козьего помета (селитра), серы, особого растения (ахаршьыл) и угля (из мелкого орешника) — порох¹²⁷. Порох толкли на специально углубленном камне; такие камни до сих пор встречаются в различных местах Абхазии. С. Броневский констатировал: абхазцы «селитру сами делают и умеют готовить из нее порох»¹²⁸. Ф. Ф. Торнау писал, что у садзов «порох делают в некоторых селениях, между прочим и в Ахчипсу», а за свинцом ходят к Гумисте¹²⁹. Ротиньянц, говоря о жителях территории между реками Бзыбь и Туапсе, также отмечал, что они «умели готовить грубый порох и отливать пули для своих гладкоствольных ружей»¹³⁰. Интересно также отметить, что в селе Дурипш Гудаутского района имеется место (Ахушэхапы), свидетельствующее о тайном производстве местным населением пороха¹³¹.

124 См.: Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире. — Труды Абхазского государственного музея, в. 1. Сухуми, 1947, с. 43.

125 См.: Там же, с. 44—45.

126 См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 135.

127 См.: Фадеев А. История Абхазии, ч. I. Сухум, 1934, с. 136.

128 Броневский С. Указ. соч., с. 329.

129 См.: Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау..., прилож., с. 104.

130 ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 133.

131 См.: Инал-ипа Ш. Д. Дурипш. Сухуми, 1981, с. 11.

Продукты домашней кустарной промышленности были рассчитаны на удовлетворение внутренних потребностей. Но отдельные их виды, как мы увидим в дальнейшем, вывозились и за пределы Абхазии.

Однако рассматриваемая промышленность здесь не успела еще оторваться от «патриархального земледелия», как на нее обрушилась конкуренция со стороны русских фабричных изделий. Такое явление наблюдалось на всем Кавказе.

В. И. Ленин писал, что на Кавказе «шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов»¹³².

Мы находим у А. В. Пахомова и Ф. Х. Эшба сообщения, подкрепляющие местным материалом знаменитое ленинское положение. Пахомов, отмечая факт разведения в Абхазии конопля для получения пеньки на веревки и пр., констатировал в 1868 году: «Но с тех пор, как начали в Абхазию привозить много русских веревок, промышленность эта совершенно упала»¹³³. «Тканье бязи, — писал Эшба, — в настоящее время падает заметно, что объясняется тем, что привозной товар, как-то: ситец, бязь, миткаль и др., превосходит местную бязь по качеству и к тому же приобретают дешевле ее». В другом месте: «Гончарное производство падает, и число рук, занимающихся им, с каждым годом значительно уменьшается. Падение промысла объясняется привозом в край разного рода более удобной посуды из стекла, фарфора и др.»¹³⁴.

Н. Ф. Фон-Дервиз констатировал, что ввиду все большего распространения в крае кузнечных и слесарных изделий, привозимых из знаменитых Павлова и Ворсмы, местная кустарная промышленность заметно падает, так как дешевле оказывается купить привозное, нежели брать местное, да и внешний вид первого значительно лучше¹³⁵.

В этом отношении небезынтересно сообщение и А. А. Миллера, который также утверждал, что одной из причин процесса быстрого исчезновения разных видов кустарного производства являлось влияние моды: «То, что раньше шилось из домашнего производства материй, теперь покупается в магазинах...»¹³⁶.

В «Записке об экономическом значении и грузообороте проектируемой Черноморской железной дороги» (СПб., 1912 г.) читаем: «Кустарная промышленность также слабо развита

132 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.

133 Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 49.

134 Эшба Ф. Указ. соч., с. 162, 163.

135 См.: Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего), с. 53.

136 Миллер А. Указ. соч., с. 80.

в описываемом районе, проявляясь несколько интенсивнее в Сухумском округе и в Кутаисской губернии, где она служит некоторым подспорьем в домашнем обиходе сельского населения. В прежнее время туземцы здесь занимались кузнечным промыслом, выделывая плужные лемеха, топоры..., мотыги, всякого рода ножи, кинжалы и т. п. В последнее время в крае получили распространение привозные изделия из сел Павлова и Ворсмы, которые по цене оказались дешевле местных, а качеством даже лучше. Предметом этой промышленности остались до настоящего времени только отделки для седел, уздечек, кушаков, стремян с насечками, туземных подков и т. п.»¹³⁷.

---

¹³⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 23, оп. 10, д. 260, л. 296.

Глава третья

СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ АБХАЗИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Первые промышленные предприятия

30—50 годы XIX века в истории России были отмечены подъемом в развитии производительных сил города и деревни. В области промышленности этот подъем захватил целые отрасли производства и был начальной стадией промышленного переворота. В области сельского хозяйства его количественные масштабы были невелики. Однако и в сфере промышленности и в области сельского хозяйства ясно обозначилась ведущая линия процесса развития производительных сил — систематическое применение машин и новых рациональных методов производства. Это обстоятельство не было совместимо с феодально-крепостническим строем и должно было привести к глубокому перевороту в общественных отношениях¹.

На рубеже 50—60-х годов в России, как известно, складывалась революционная ситуация, хотя и не приведшая к революции, но вырвавшая у царизма реформу.

Народное хозяйство Грузии и всего Кавказа постепенно тягивалось в общероссийскую хозяйственную систему. Вопреки колониальной политике царизма, это способствовало развитию промышленности, транспорта, городов, торговли, сельского хозяйства, культуры². Прогрессивное влияние России на жизнь кавказских народов давало себя знать в самых разнообразных формах.

Экономическая жизнь Грузии, получившая благоприятный импульс для своего развития, к середине XIX века существенно отличалась от ее состояния в начале столетия. Были

---

¹ См.: Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 года. — Вопросы истории, 1954, 18, с. 63.

² Чхетиya Ш. Буржуазные реформы в Грузии. — Документы по истории Грузии (1862—1917), т. 1, ч. 1. Тбилиси, 1954, с. XI—XIII; Антелава И. Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Сухуми, 1955, гл. III.

созданы условия, необходимые для оживления производительных сил. Наблюдается быстрое увеличение числа торговых заведений и промышленных предприятий; развитие городов и городской жизни; появление в городах мелких фабрик и заводов, а также мастерских и мануфактур; возникновение банковско-кредитных учреждений и торгово-коммерческих организаций, которые вели широкие торгово-денежные операции внутри страны и вне ее пределов; рост числа мелких и крупных базаров и ярмарок, которые также вели значительную торговлю; улучшение путей сообщения и средств передвижения и т. д. В деревне также происходили заметные сдвиги и изменения, выражавшиеся в усилении товарности в различных отраслях сельскохозяйственного производства, наличии признаков дифференциации крестьянства и помещиков, обострении классовой борьбы³.

Все эти явления, имевшие место в ведущих районах страны, вызывали процесс разложения феодальных отношений, способствовали отмене крепостного права и утверждению капиталистической формации.

Характеризуя процесс развития капитализма в России, В. И. Ленин писал: «Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик»⁴.

В. И. Ленин имел в виду пореформенный период. Но слова В. И. Ленина не исключали, конечно, наличия указанного процесса еще в предреформенный период.

Само собой разумеется, что хозяйственное развитие происходило неравномерно во всех частях края, но указанное положение в той или иной степени применимо и к Абхазии, хотя здесь, помимо феодально-крепостнических отношений, как и в некоторых других местах, имелись дополнительные преграды для экономического развития, прежде всего, в виде многочисленных дофеодальных пережитков. При этом необходимо подчеркнуть, что одной из причин отсталости и замедленного развития производительных сил Абхазии была также военно-феодальная экспансия султанской Турции.

Наиболее ощутительный перелом в области развития хозяйственной жизни Абхазии был связан с упразднением власти феодального владельца и проведением крестьянской реформы, с усилением благотворного экономического влияния России. Но еще в первой половине указанного столетия, в период политического присоединения Кавказа к России, в связи с возрастающим влиянием последней, с 30-х годов и

³ См.: Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. Записка, 1933, с. 68; Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии, с. XI; Антелава И. Г. К вопросу о характере экономического развития Грузии в предреформенный период. — Труды АИЯЛИ, 1956, т. XXVI, с. 49—70.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 594.

особенно в 40—50-х годах в хозяйственной жизни Абхазии происходили некоторые изменения.

Делаются попытки создать мелкие промышленные предприятия в Абхазии. По сведениям французского коммерсанта Поля Гибала, бывшего в Абхазии в 1818—1819 годах, абхазы производили «эксплуатацию свинцовой руды» — они плавили свинец и отливали из него пули⁵. И. Ф. Паскевич, узнав, что абхазы добывают свинец близ с. Гума, на р. Гумисте, и полагая, что от этой руды можно получить «важные выгоды», решил командировать туда специалистов «для подробного оной на самом месте рассмотрения»⁶. И действительно, в августе 1831 года, по договоренности с владельцем указанной территории князем Гасанбеем Шервашидзе, в Абхазию приехали горные инженеры Воскобойников и Гурьев для «обозрения свинцового прииска»⁷. Между прочим, оба эти инженера и другие русские специалисты в 20—30-х годах занимались исследованием золотоносности рек Азербайджана⁸. Майор Гурьев на р. Гумиста добыл несколько образцов свинцовой руды, которая оказалась, по-видимому, недостаточно богатой, чтобы стоило ее разрабатывать⁹. Однако, говоря об этом прииске, расположенном в горах около истока р. Гумисты, А. Д. Абрюцкий замечал, что он известен с древних времен и разрабатывается до сих пор. Далее автор писал, что такого же свойства и подобным же образом добывается свинец, содержащийся в горе против деревни Анакуа»¹⁰, о чем писал и М. Селезнев¹¹.

В начале 30-х годов на р. Хыпта (Белая) солдатами Бамборского укрепления был построен лесопильный завод. Он снабжал досками и дранью воинские части, расположенные на территории Абхазии. Вместе с тем завод служил «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»; абхазцы мало-помалу «стали приезжать на Мцышу (Мчишты. — Г. Д.) выменивать и выпрашивать доски у Пацовского (начальника Бамборского укрепления и русских войск в Абхазии. — Г. Д.), которые он им давал под разными условиями»¹². Эту лесопильню в 1833 году видел Дюбуа, который к сказанному добавлял, что были сооруже-

⁵ См.: Guibal P. Указ. рук., л. 121.

⁶ Предписание И. Ф. Паскевича К. Ф. Гессе от 28 марта 1830 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, 1829, д. 6234, лл. 59—70.

⁷ Отчет об этом обследовании был помещен в «Горном журнале» в 1833 году (СПб., ч. 3, кн. 9, с. 315—337).

⁸ См.: Сумбат-заде А. С. в др. Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры. Баку, 1955, с. 83.

⁹ См.: Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 141.

¹⁰ См.: Абрюцкий А. Д. Указ. соч. — Тифлисские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 223—224.

¹¹ См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 182.

¹² Торнау Ф. Ф. Воспоминания., ч. 1, с. 36.

ны особые повозки с большими колесами для того, чтобы «удобнее было перевозить самый громадный лес»¹³. «На Мычише сделана хорошая с механизмом водная пильня», — писал и М. Селезнев. Тот же автор, кроме того, отмечал, что здесь заготавливались кирпич, известь¹⁴.

В феврале—марте 1843 года горный инженер Гурьев был командирован в с. Лыхны, в резиденцию абхазского владельца, чтобы исследовать месторождение каменного угля-лигнита, признаки которого были обнаружены в окрестностях Бамбор, а начальник Черноморской береговой линии ген. Анреп добился согласия владельца об уступке «приисков» в пользу казны с тем, однако, чтобы от каждого извлекаемого из «абхазских карьер» пуда каменного угля ему, как владельцу земли, платилось бы по 2 копейки ассигнациями¹⁵. В «Записке» графа А. Варгас-де-Бедемара, опубликованной в 1867 году, мы находим сообщение о том, что «на Бзыби найдены пласты каменного угля»¹⁶.

Бывший начальник Сухумского отдела генерал П. Н. Шатилов при проведении дороги на Псху, лично ознакомившись с местностью, высказал «твердое намерение» приступить к разработке серебро-свинцовых руд на горе Дзышра. Однако проект, составленный в 1863—1864 годах, не был приведен в исполнение из-за неассигнования генералу денег на этот проект¹⁷.

В первой половине 40-х годов были предприняты некоторые шаги и по линии организации производства кирпича. Генерал Будберг в рапорте на имя заместителя Кавказа М. С. Воронцова от 24 ноября 1845 года указывал, что опыты для устройства кирпичных заводов делались в Сухуме, Мрамба и Пицунде. В последней уже существовал небольшой такой завод для надобностей местных войск. Правда, эти опыты оказались неудовлетворительными, вследствие чего Будберг нанял «вольного мастера», «способного к устройству кирпичного завода, для произведения опытов и указания войскам выделки кирпича». Последующие опыты этого мастера, как констатировал тот же Будберг, «подали более надежды на возможность устроить удовлетворительные кирпичные заводы в Пицунде и Сухуме». Вместе с тем Будберг

¹³ Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 115.

¹⁴ См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 189.

¹⁵ Рапорт ген. Нейдгарта гр. Чернышеву от 26 августа 1843 г. — ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 845, д. 25, л. 2 об.

Инж. Гурьев представил ген. Анрепу специальную записку «Замечание о месторождении лигнита близ укрепления Бомборы». Вместе с тем отчет «О нахождении лигнита в Абхазии» был помещен в «Горном журнале» (ч. III, кн. V СПб., 1843, с. 289—296).

¹⁶ Д. Варгас-де-Бедемар. Записка об осмотре Черноморского берега Закавказского края. — ЗКОСХ, 1867, №№ 3 и 4, с. 9.

¹⁷ См.: Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу Сухум, 1913, с. 184.

«употребил все усилия, чтобы склонить к устройству кирпичных заводов местных владельцев». Некоторые из них, в том числе князя М. и Д. Шервашидзе, дали Будбергу «слово сделать опыты...»¹⁸.

В 1849 году из керченского механического завода в Сухум были привезены металлические части для «лесопильной мельницы»¹⁹. В 1853 году житель Кутаиси Петр Зубалов обратился к графу Воронцову с просьбой об отводе ему места в Сухуме под кирпичный завод и о дозволении добывать под городом камень для извести. Наместник Кавказа, считая, что предложение может принести Сухуму большую пользу, предложил главному начальнику гражданского управления на северо-восточном берегу Черного моря оказать Зубалову содействие и удовлетворить его просьбу²⁰. Н. А. Шавров отмечал, что в 5 верстах от Сухума, по дороге в Гумское ущелье, имелись каменоломни, где добывался известняк²¹. Это предприятие, расположенное в Яштхуа²², принадлежало князю Г. Д. Шервашидзе и давало ему в 60-х годах до 2 тыс. рублей в год²³. В 1870 году А. В. Пахомов также свидетельствовал о том, что в с. Яштхуа, на горе Царшмал, добывался известковый камень, употреблявшийся на постройки в г. Сухуме²⁴. К моменту упразднения владательства в Абхазии из «фабрично-заводской промышленности» в г. Сухуме и в его окрестностях было 6 кирпичных заводов²⁵.

В одном архивном документе за 1866 год отмечалось «о разведке и разработке серебро-свинцовых руд в Абхазии»²⁶.

Происходило распространение и некоторое улучшение водяных мельниц. А. Н. Введенский свидетельствовал, что таких мельниц помещается иногда десятка полтора на каком-нибудь ручейке, саженьях в 20—30 одна от другой, как, например, в с. Хуап, тогда как в 20—30-х годах в Абхазии имелось всего несколько мельниц*. Конструкция абхазской водяной мельницы была весьма несложна. На один конец вертикального веретена было насажено водяное колесо, не больше полутора аршин в диаметре, а на другой — шестерня, зубцы

18 См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 83.

19 ГАКК, ф. 260, д. 180, лл. 193—195.

20 См.: ЦГИАГ, ф. 4, оп. 5, 1854 г., д. 677, л. 1.

21 См.: Шавров Н. А. Проект гавани в Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. — Морской сборник, т. VIII, № 4, апрель, 1862, с. 246.

22 См.: ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 262—266.

23 См.: Там же, ф. 231, 1867 г., оп. 2, д. 253, л. 98.

24 См.: ЦГАА, ф. 60, оп. 1, 1870 г., д. 14, лл. 1—9.

25 См.: Статистич. описание г. Сухума. — ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8.

26 ЦГАА, ф. 58, д. 3, л. 60, № 478.

* Ошибался А. Абрюцкий, когда считал, что лыхненская мельница — единственная в Абхазии. Поль Гибаль в 1818 году только на реке Келасури отметил три мельницы (См. указ. его рук., лл. 47—60).

которой входили в выемки верхнего жернова, вращающегося на оси, вделанной в нижний жернов, снабженный дорожкой, через которую выбрасывалась мука. Водяная струя какого-нибудь ручейка направлялась в бок водяного колеса и приводила весь механизм в движение²⁷.

Наблюдалось возрастающее приготовление леса исключительно на продажу, что В. И. Ленин называл лесопромышленностью²⁸. «Лес закупался у землевладельцев предпринимателями-«лесопромышленниками», которые нанимают рабочих для рубки, пилки леса, сплава его и пр.»²⁹. Все это в известной мере имело место в Абхазии, богатой лесами, в том числе ценными породами (самшит, тис, кизил, орех, дуб, каштан и т. д.).

Энегольм писал, что «вообще вся Абхазия покрыта густым лесом, исключая некоторых полей»³⁰. Это повторял и Гибаль: «Вся Абхазия... представляет из себя громадный лесной массив...»³¹. Дюбуа также отмечал, что «нет страны более богатой лесом всевозможных пород, чем Абхазия»³², особо подчеркивал высокие качества абхазского самшита, который в его время являлся «по-прежнему одним из главных предметов торговли в Абхазии; нигде нельзя найти самшита прекраснее, в таком изобилии и по такой дешевой цене»³³. Р. де Скасси, хорошо понимавший толк в лесе, писал, что Абхазия, Имеретия и Мегрелия — «не что иное, как огромный лес», при этом он говорил о замечательном абхазском строевом лесе, в частности, о «самом прекрасном дубовом лесе»³⁴.

Э. Спенсер дает описание абхазского леса, виденного им в районе Пицунды, при этом выделяя особо самшит и дуб, достигавший колоссальных размеров. Он писал о том, что корабельный лес, имевшийся здесь, представляет большой интерес для России³⁵. Г. И. Радде говорил о «непроходимых стенах из деревьев и кустарников..., роскошнейшем высокоствольном лесе», о «колоссальных каштанах и дубах», о множестве групп «величественных грецких орехов»³⁶. Ротиньянц особо отмечал большие запасы тиса (негной) и самшита, имевшихся в долинах рек Хашупса, Лапста, Жюеквара и Бзыби, которые быстро истреблялись турецкими лесопромышленниками: они, с помощью местных жителей, заготавливали огромное количество пальмы и тиса, и вывозили их

27 См.: Введенский А. Н. Экономическое положение. С. 8.

28 См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 525.

29 Там же, с. 526.

30 Энегольм. Указ. рук.

31 Guibal P. Указ. рук., л. 117.

32 Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 138.

33 Там же, с. 128.

34 АКАК, т. VI, ч. 1, с. 646—658.

35 См.: Spenser E. Указ. соч., письмо XXX.

36 Радде Г. И. Указ. соч., с. 16, 22.

на баркасах для продажи в Батум или Трапезунт»³⁷. О вывозе в Турцию значительного количества самшита писал и Ф. Завадский, отмечая при этом, что вообще леса в Абхазии в большом изобилии и хорошего качества, в особенности на горный дуб, а также ясень, орех, тис, бук³⁸.

Рост спроса на абхазский лес был связан, главным образом, с общим хозяйственным развитием юга России. Это обстоятельство определяло не только вывоз леса из Абхазии, но и рост потребления его на месте.

Надо сказать, что интерес русского правительства к абхазскому лесу имел довольно длительную историю. Еще задолго до присоединения Абхазии к России, 27 ноября 1779 года, лейтенант Иосиф Пери из Таганрога обратился к президенту Военной коллегии графу И. Г. Чернышеву с письмом, в котором он убеждал последнего в выгодности установления непосредственных торговых связей с Абхазским княжеством, обращал его внимание на богатство края лесом — «деревя разного сорта и кои тут растут довольно мачтовые деревья». Вместе с тем Пери подчеркивал, что лес из Абхазии поступает в Россию «весьма дорого, потому что переходит через разные руки», но если другие народы «коммерциею пользуются, то и не вижу никакой причины в нашем препятствии, кроме некоторой трудности в начатии. Но и те ежели прилежно поступить, то преодолеть можно. И я довольно уверен, — писал он, — что тех дерев/ьев/, которые тут покупаются, стоит не будут в казне более, нежели четвертой доли против покупаемых в других краях»³⁹. Пери выражал готовность в 1780 году отправиться в Абхазию «и там употребить о вымене пальмовых (самшита. — Г. Д.) и о разведении, нет ли у другого какого рода дерев/ьев/ старания»⁴⁰.

Поэтому не случайно, что в 1806 году абхазский владелец Келешбей Шервашидзе, излагая условия принятия им русского подданства, ко всему прочему, обещал хороший лес для кораблестроения⁴¹. Ф. Я. Скирневский, посетивший Келешбея в начале 1807 года, обратил внимание, что окрестности Сухума покрыты лесом, годным для кораблестроения⁴². Один из «просительных пунктов» Георгия (Сафарбея) Шервашидзе, при котором произошло официальное присоединение Абхазии к России, также содержал обещание дать «лес для кораблей»⁴³. Капитан Энегольм в 1817 году сообщал,

³⁷ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 107.

³⁸ См.: Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 60.

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 24, лл. 196—197.

⁴⁰ Письмо Ф. А. Клокачева графу И. Г. Чернышеву от 27 ноября 1779 г. — ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 24, лл. 187—187 об.

⁴¹ См.: АКАК, т. III, с. 191—192.

⁴² См.: ВПР XIX и начала XX века. Документы... Серия I, т. IV. М., 1965, с. 49—51.

⁴³ АКАК, т. III, с. 209.

что вся Абхазия за малым исключением покрыта густым лесом, а местами растёт «редкой доброты» сосновый и дубовый лес, удобный к кораблестроению, особенно в Пицунде; этот лес и имеющаяся здесь «выгодная бухта» «могла сделаться довольно важными, т. е. в случае буде предпринято бы было строение тут судов, либо запастись нужным для оных лесом»⁴⁴.

Главнѹкомандующий в Грузии А. П. Ермолов в 1817 году писал, что им было сделано представление императору, в котором сообщал, что при наличии в Абхазии двух батальонов пехоты из края «можно будет для Черноморского флота доставлять неистощимые корабельные леса наилучшего качества. В пример поставлены строящиеся при тамошних берегах большіе купеческіе суда... Предложено в бухте, именуемой Пицунда, лучшей по всему восточному берегу Чёрного моря, сделать заведение, в котором бы хранились заготовляемые леса для отправления по назначенію»⁴⁵.

Генуэзскій коммерсант и чиновник Министерства иностранных дѣл России Р. де Скасси, также сообщал о лесных богатствах Абхазии, где «леса произрастают бесперерыва...», в 1818 году пытался организовать торговлю этим предметом в значительных размерах⁴⁶.

В связи с развитием товарно-денежных отношений, когда начался вывоз, в частности, леса, владетельный князь Михаил Шервашидзе поспешил монополизировать в своих руках право взимания платы за рубку леса в Абхазии для вывоза⁴⁷. Получаемый владетелем доход с леса составлял, приблизительно, 10 тыс. рублей в год: около 4 тыс. рублей получал Д. Г. Шервашидзе⁴⁸.

А. В. Пахомов подчеркивал, что близость и потребность г. Сухума, а также удобства Сухумского порта для вывоза леса в Россию и за границу обуславливали особенно значительное развитие такой торговли в имении князя Д. Г. Шервашидзе, благодаря чему здесь, более чем в других районах Абхазии, встречаются факты продажи леса «частным промышленникам»⁴⁹.

Около 1846 года младший брат владетеля Александр Шервашидзе получил исключительное право продажи самшита из владетельского леса в ущелье р. Аапста. Средний годовой вывоз самшита из указанного ущелья до 1864 года равнялся

⁴⁴ Энегольм. Указ. рук.

⁴⁵ Записки Алексея Петровича Ермолова, ч II. 1816—1827 гг. М., 1868, с. 70.

⁴⁶ См.: АКАК, т. VI, ч. I, с. 646—658.

⁴⁷ См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1867 г., д. 246, лл. 65—90.

⁴⁸ См.: Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 188, лл. 3—37; ф. 545, оп. 1, 1867 г., д. 246, лл. 65—90.

⁴⁹ Пахомов А. Замечания на записку полк. Краевича о поземельной собственности в Абхазии, 19 марта 1870 г. — ЦГИАГ, ф. 1719, д. 9/36, лл. 40—41.

около 10 500 пудов, и он от этой продажи имел дохода от 900 до 1 300 руб. в год⁵⁰.

Одним из покупателей владетельских лесов был сборщик пошлин владетеля дворянин Соломон Лакрба. После Крымской войны владетель отдал последнему на откуп рубку самшита в нескольких местах. Однако С. Лакрба не смог удовлетворительно завершить начатую им операцию и впал в долги. Вследствие этого владетель в 1862 году наложил секвестр на весь заготовленный Лакрба самшит, сложенный в Сухуме. Представленный в ответ на это Соломоном Лакрба иск равнялся 24 649 руб., из коих более 13 тыс. рублей следовало его кредиторам⁵¹.

Еще в 1845 году Черноморское ведомство «начало попытки заготовления корабельного леса». Поручику Машину было поручено заготовить около Пицунды 167 093 куб. фута дуба с доставкой в Севастополь. Кстати, из этого материала предполагалось построить 64-пушечный фрегат. В 1847 году, в числе «следующего леса», доставлено было в Николаев и Севастополь 50 204 куб. фута, и дуб «оказался качеством, не уступающим крымскому дубу и совершенно годным на постройку фрегата»⁵².

В 1848 году тот же Машин для Черноморского же флота рубил лес в местности Аджуга. В 1851—1852 годах он же производил рубку в кодорском и киндгском лесах. Лес был вывезен в г. Николаев. По заявлению крестьян, русский промышленник, рубивший лес в местности Аджуга, вывез около 800 саж. дров в Керчь. По левую сторону р. Пшап сухумский купец Смирнов после Крымской войны рубил дрова в количестве 100 саж.⁵³ В конце 50-х годов секретарь владетеля Абхазии Гиго Ходжашвили и сухумский купец Йордан Метакса организовали «товарищество» для эксплуатации самшита в с. Гума⁵⁴.

Как уже подчеркивалось, по мере развития общей экономической жизни края происходил рост потребления леса и на месте, что было связано, прежде всего, с увеличением потребностей г. Сухума. Еще М. А. Селезнев свидетельствовал, например, что в с. Дранда стояла «лесная команда», которая заготавливала лес «на здания нового города Сухума»⁵⁵. А. В. Пахомов также писал о том, как в с. Эшера в 50-х годах заготавливался лес, который по морю сплавляли в Сухум. Лес заготавливался в с. Дранда для постройки ла-

50 См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

51 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869, д. 1017, л. 72 об.

52 Шавров Н. Восточный берег Черного моря — Морской сборник, 1862, т. XII, № 9, с. 18—19.

53 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1896 г., д. 1017, лл. 73—74.

54 См.: Пахомов А. Записка..., с. 238.

55 Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 172; ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 417 об.

заретов и других строений на горе Трапези; лес везли на плотах⁵⁶.

Мурза Лолуа срубил 3000 дубовых брусьев, необходимых

Спрос на лес был связан также с проведением шоссейных дорог и с другими работами. Так, в одном 1850 году во время постройки дороги на линии Илори—Зугдиди, дворянин для строительства мостов, и к 18 июля доставил 1800 брусьев⁵⁷. По сообщению же А. В. Пахомова, сославшегося на дела инженерного ведомства, когда строилась дорога между Сухумом и Редут-Кале (Кулеви) подряд постройки мостов от Сухума до Кодора взял на себя князь Д. Г. Шервашидзе, а от Кодора и далее — сам владетель Абхазии⁵⁸.

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владетельства. Князья и дворяне «начали заключать условия с лесопромышленниками на порубку ими пальмы и строительного леса, приспособив себе права бесконтрольного производства порубок, разрешение которых принадлежало владетелю, перешедшее, с упразднением владетельской власти, к русскому правительству»⁵⁹.

Плата, получаемая помещиками «при новых порубках», не имела значения «ни пошлины, ни покровительственной дани, она приняла по сему характер продажной цены». Между помещиками начались споры, «ибо выгода, несмотря на ничтожную цену леса, была значительная и потому всякий желал принять в ней участие»⁶⁰.

После удаления владетеля из Абхазии были заключены договоры на лесные порубки князя Инал-ипа — с сухумскими купцами В. Буз-оглы и Н. Метакса на рубку дуба для клепок в лесу, прилегавшему к правому берегу нижнего течения р. Бзыби (Аспа). Указанные лесопромышленники и в 70-х годах продолжали вести в широких размерах выборочную эксплуатацию дуба в долине р. Бзыби и в прибрежной местности между реками Мзымта и Псоу. А. В. Верещагин в начале 70-х годов во многих местах видел сложенную в ярусы дубовую клепку, которая заготавливалась для вывоза за границу, преимущественно в Марсель⁶¹. В 60-х годах кн. Анчабадзе заключил договор с теми же Н. Метакса и В. Буз-оглы, а также купцом Х. Качал-ипа на рубку самшита в Гумистинском ущелье; дворяне Хварцкия — с купцом Д. Авгеринном на рубку строевого леса в киндгской даче; адзюбжинские дворяне Маргания (Маан) — с Ибрагим-оглы на сруб кодорского леса; Григ. Шервашидзе — с купцами Метакса и

⁵⁶ См.: Пахомов А. Записка..., с. 246, 291.

⁵⁷ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 71 об.

⁵⁸ См.: Пахомов А. Записка..., с. 291.

⁵⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 75.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См.: Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874, с. 72—76.

Авездопуло на рубку клепки в лесу Чачал, вблизи скурчинского леса. В Самурзаканской Абхазии лесные порубки для продажи составляли «еще более новое явление»: в 1865 году в с. Репи дворяне Званбая заключили договор с промышленником Д. Авгериним на сруб дуба; в 1867 году в селах Баргеби и Мухури кн. Квач Анчабадзе — с Карапетом Чухандмиянцом на рубку дуба в баргебском лесу; князя Бату и Чагу Анчабадзе — с Гассаном Парта на такую же рубку в местности Маби, и т. д.⁶² Князя Учана, Дата и Джамлет Дзапш-ипа, «по примеру Григория Шервашидзе, гумских Анчабадзе, князей Инал-ипа и многих других абхазских жителей», продавали лес (после 1866 года) из с. Эшера и сбыли 100 сажен дров сухумским купцам⁶³.

В мае 1866 года на левом берегу р. Бзыби стоял деревянный сарай, в котором жили лазы из Батума, занимавшиеся вывозом абхазских самшитовых деревьев. Лазы рассказывали членам комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря (между реками Туапсе и Бзыбь), что они в продолжение многих лет занимались данным ремеслом, и что самшит остается только на таких местах, откуда доставка его к реке сопряжена с затруднениями и на расстоянии дневного пути от морского берега. У них были довольно большие лодки, которые они таскали канатом вверх по реке и, нагрузив там самшитом, наколотым на куски в 1 арш. длиной, пускали по быстротечной р. Бзыби к морскому берегу для погрузки на корабли, которые перед отъездом должны были заезжать в Сухум для «очистки вывозной пошлины» по 45 коп. за кантар (3,5 пуда)⁶⁴. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала и приобщила к своим материалам 11 «контрактов» на вырубку леса, заключенных между некоторыми самурзаканскими феодалами и разными лесоторговцами в 1864—1865 годах⁶⁵.

Между прочим, многие эти леса являлись общинными, насильственно захваченными отдельными феодалами. Вообще усиливаются в последнее время претензии частных лиц на леса, в особенности на прибрежные, представляющие возможность сбыта⁶⁶.

О размерах лесных порубок и доходов от них трудно судить из-за отсутствия соответствующих данных. Но известно, например, что гумские князя Анчабадзе за 28 тыс. пудов самшита от двух купцов получили 900 руб.⁶⁷; окумские князя

⁶² См.: ЦГИАГ, ф. 416, д. 1017, лл. 75—76.

⁶³ Пахомов А. Записка..., л. 247.

⁶⁴ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 6.

⁶⁵ Ведомость заключенным контрактам о рубке лесов. — ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 195—197.

⁶⁶ Письмо Е. Понсе А. Карцеву от 18 ноября 1865 г. — ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 117—119.

⁶⁷ Там же, ф. 416, оп. 3, д. 1017, л. 75.

Эмухвари в 1850 году продали лесопромышленникам самшит, росший в верхней части с. Окуми, в Апста, в количестве около 22 500 пудов за 300 руб. сер.⁶⁸; в 1865 году набакевские и баргевские князья Анчабадзе продали 4 тыс. дубовых деревьев купцу Карапету Чухандмянцу; гудавский дворянин Сасрыква Маргания 1 января 1866 года заключил «контракт» с двумя очемчирскими торговцами, по которому он обязался доставить на берег моря дрова на 680 руб.⁶⁹

Хищническое истребление лесных массивов и вывоз леса приняли такие исключительные размеры, что стали грозить гибелью ценным породам деревьев. В 1867 году последовало правительственное распоряжение о запрещении рубки леса для внешнего вывоза⁷⁰.

Лесные работы являлись весьма тяжелыми и наиболее плохо оплачиваемыми. А. В. Пахомов рассказывал о следующем факте, имевшем место в 50-х годах: лесопромышленники Симеон и Бежо Гвазава рубили лес в с. Эшера. Заготовленный лес связывали в плоты бечевой и сплавляли морем в Сухум. Однажды, когда лес был срублен, указанные лица подрядили 3 человека. Сами они сели на плот, а их рабочие с буйволами тянули бечеву берегом⁷¹.

Сухумские купцы Метакса и Буз-оглы, которые в 60—70-х годах являлись основными лесопромышленниками в крае, по данным А. В. Верещагина, в начале 70-х годов каждый почти круглый год имел для рубки леса и поделки его до 100 рабочих, преимущественно приезжих⁷². Но эксплуатировались и местные крестьяне. Крестьяне эксплуатировались также при рубке и подвозе леса для строительства мостов во время дорожных работ. Так, дворянин Мурза Лолуа за доставленные им летом 1850 года дубовые брусья просил уплатить 7 136 руб. сер., указывая при этом, что крестьяне, привлеченные к этой операции, до сих пор еще не получали от него заработанную ими сумму, вследствие чего они, выходя из терпения, неоднократно покушались на его жизнь⁷³. Известно также, что, по свидетельству Р. де Скасси (1820 г.), капитан Жургаки в с. Лыхны для постройки судна «содержал за довольно умеренную плату» наемных рабочих из местных крестьян⁷⁴.

⁶⁸ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, лл. 45—46.

⁶⁹ Там же, лл. 195—197.

⁷⁰ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1017, л. 75.

⁷¹ См.: Пахомов А. В. Записка..., л. 246.

⁷² См.: Верещагин А. В. Указ. соч., с. 76.

⁷³ См.: ГАКК, ф. 260, д. 480, лл. 117 об, 423 об — 491 об.

⁷⁴ См.: АКАК, т. VI, ч. 1, с. 649.

2. Дорожное строительство

Делались попытки и в направлении дорожного строительства. Летом 1834 года в Кутаисе был сформирован воинский отряд для продолжения сухопутного сообщения по побережью Абхазии. Отряд начал своё движение во второй половине августа и в начале ноября достиг укрепления Бамборы. Летом следующего года дорога была доведена до Гагры. Она соединяла этот путь с Военно-Имеретинской дорогой⁷⁵. Дорога имела ширину около 100 шагов; лес хорошо был расчищен в обе стороны на 150 сажений, для чего, писал М. А. Селезнев, заведовавший прокладкой, «вырубали большие столетние деревья и сожгли игольную колючку, которая обвивала высокие древа до самой их вершины, свивалась между собою и не давала дороги пешеходу. Вычищенная дорога образовала натуральное шоссе, под тенью вековых деревьев...»⁷⁶. Однако реальные результаты этой экспедиции были весьма незначительны⁷⁷. Тем не менее значение дороги было немаловажным. В дальнейшем к дорожным работам привлекалось местное население. Так, в 1838 году самурзаканские жители «употребляемы были для разработки дороги в их крае»⁷⁸. Кроме того, крестьяне подвозили лесоматериал, необходимый для строительства мостов и пр.⁷⁹ В 1837 году через р. Ингур был устроен деревянный мост⁸⁰.

Около 1850 года была построена дорога от Илори на Зугдиди в Тифлис, правда, скоро пришедшая в негодность⁸¹. В 1836—1837 и 1841 годах через р. Ингур был построен мост, который М. Селезнев называл «страшным»⁸². В 1844 году в Грузию были командированы инженеры путей сообщения для составления общих соображений об укреплении береговых рек у приморских фортов линии и проекта об исправлении дорог в Гурии, Мегрелии и Абхазии⁸³. Инженер-кап. Ежииков

⁷⁵ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 66; АКАК, т. VIII, с. 352, 385.

⁷⁶ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. III. СПб., 1850, с. 110.

⁷⁷ См.: Вот как А. А. Бестужев-Марлинский отзывался о состоянии дорог даже на побережье Абхазии в 1836 году: «Места эти имеют только морем сообщение между собою, и то чрезвычайно редко». В письме из Кутаиса от 13 апреля 1837 года Бестужев также замечал, что путь на Гагры и мыс Адлер идет «по скалам и стремнинам, по берегу моря: Термопилы перед этой дорогой Невский проспект» («Русский вестник», т. 88, 1870, с. 68, 73). М. А. Селезнев, проезжавший здесь на баркасе в 1841 году, также свидетельствовал: «Дорога заросла толстыми высокими древами, которые, вероятно, пошли от оставшихся корней и все, по-прежнему, обвивались колючкою». (Указ. его соч., кн. III, с. 110).

⁷⁸ ГАКК, ф. 260, д. 480, с. 4.

⁷⁹ См.: Там же, лл. 417 об., 423 об., 491 об.

⁸⁰ См.: АКАК, т. IX, с. 58.

⁸¹ См.: ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 11.

⁸² Селезнев М. Указ. соч., кн. III, с. 148.

⁸³ См.: ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 6.

в заключение своего описания дороги от Илори до Ингура указывал, что если главный путь сообщения Абхазии с Мегрелией и другими частями Грузии будет проходить через Редут-Кале (Кулеви), Анаклию и Илори, то эта дорога будет самая выгодная, потому что она кратчайшая, проходит по твердому грунту, место изобилует необходимыми материалами, соединяет торговые места Очемчиры и Редут-Кале (Кулеви)⁸⁴.

В 1845 году было установлено морское сообщение между Сухумом и Керчью, а в 1846 году — и Одессой. С 50-х годов морское сообщение между Сухумом, Редут-Кале, Поти и другими приморскими пунктами становится почти регулярными. Еще в 1842 году возникла мысль о постройке дороги через Кавказский хребет в Сухум⁸⁵. Наместник Кавказа, «имея в виду важные последствия от проложения прямого сообщения от Сухума на северную покатость Кавказского хребта», распорядился в 1848 году о производстве топографической съемки местности, по которой должен был проходить этот путь, и составлении сообщения насчет возможности разработки на первое время вьючной дороги до перевала через хребет⁸⁶. В 1849—1850 годах инженером Иогелем и топографом Рябиковым был произведен осмотр линии через Главный Кавказский хребет, между г. Сухумом и верховьями р. Кубани. Затем после рекогносцировки указанного района, была доставлена обширная «Записка об устройстве части дороги между гг. Сухум-Кале и Пятигорском, по южному склону Главного Кавказского хребта, до Нахарского перевала»⁸⁷. В «Записке» учитывались также «коммерческие виды предполагаемой дороги». Этот пункт и другие положения «Записки» ясно говорят об экономическом, а не только стратегическом значении, какое придавали ее авторы предполагавшейся перевальной дороге.

Н. Дюкруаси в 1852 году в статье «Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края»⁸⁸ отмечал: 1. Сухумский порт — «наилучший из всех портов наших на восточном берегу Черного моря»; 2. Протяжение Сухумской дороги (от Неджихевского поста до Сухума) — 132 версты, она служит «почти исключительно для перевозки местных произведений Мингрелии, так как быстрые и довольно глубокие реки затрудняют путь и отстраняют купечество от перевозки товаров».

В 1853 году была открыта почтовая дорога от Сухума до Редут-Кале (Кулеви), на пространстве 110 верст, соединявшая Сухум с другими городами Грузии и Закавказья, в ре-

⁸⁴ См.: ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 6.

⁸⁵ См.: АКАК, т. XII, с. 776.

⁸⁶ См.: ГАКК, ф. 260, д. 247, л. 29.

⁸⁷ Там же, лл. 156—159, 172—174.

⁸⁸ См.: ЗКОРГО, 1852, кн. I.

зультате чего новый город Сухум «вступил в общий состав, общую семью их, как самый молодой член»⁸⁹.

Крымская война наглядно показала все еще тяжелое дорожное положение в крае, как и во всей России. Эвакуация русских войск из Абхазии во время этой войны объяснялась, прежде всего, бездорожием на побережье. «Главнейшей и почти единственной причиной столь быстрого отступления отсюда наших войск был недостаток сообщений, хотя несколько обеспечивающих отступление абхазского отряда», — доносил кутаисский генерал-губернатор Эристов наместнику Кавказа Барятинскому 16 мая 1859 года⁹⁰.

Сообщение между Сухумом и другими прибрежными пунктами совершалось только морем, ибо приморская дорога, сооруженная еще в 30-х годах, пришла в негодность. Все продовольствие и снаряжение для русских войск шло морским путем из Крыма. Но этот путь был закрыт с началом военных действий английскими и французскими судами. Из-за недостатка питания и медикаментов среди солдат развивались заболевания. Вот что писал поручик Махотин в рапорте на имя генерала Багратиона-Мухранского от 27 ноября 1854 года о состоянии дорог в Самурзаканской Абхазии: здесь «по большей части суть тропинки, которые, изгибаясь по густому лесу, допускают во многих местах движение только по одному»; даже «большая дорога» из Илори в м. Зугдиди «пришла в самое дурное состояние: мосты все погнили, а при объездах лошади во многих местах погружаются в грязь выше колен»⁹¹. Война еще больше ухудшила состояние дорог в Абхазии. «Мосты и переправы по всей дороге в Абхазии уничтожены до основания», — констатировал владетель Абхазии в своем рапорте на имя наместника Кавказа от 24 июня 1856 года⁹².

После войны снова и чаще начали говорить о дорожном строительстве. Командующий войсками в Абхазии генерал Лорис-Меликов писал (1858 г.), что после 1854—1856 годов дороги стали важными в военном и административном отношениях, они будут также способствовать развитию торговли. Он находил необходимым разработку от Сухума двух дорог для сообщения с Северным Кавказом и Закавказьем⁹³. Посылались всевозможные проекты и записки, подчас, правда, прожекторские, но, во всяком случае, доказывавшие важность дорожного дела в военном, административном и торговом отношениях. Вновь на повестку дня было поставлено изучение перевальной дороги, которая систематически обследовалась в течение 1857—1859 годов.

⁸⁹ Свешников В. Из письма о Сухуме. — Кавказ, 1853, 23 декабря.

⁹⁰ См.: АКАК, т. XII, с. 812.

⁹¹ ЦГИАГ, ф. 956, д. 4, л. 62.

⁹² См.: АКАК, т. XI, с. 297.

⁹³ См.: Там же.

На основании всего материала, собранного до этого по вопросу перевальной дороги, инженером-подполковником Иогелем была составлена новая «Записка», в которой, между прочим, так определялась цель строительства указанной дороги: «Во-первых, случайное движение войск и доставление продовольствия абхазскому отряду, во-вторых, торговое сообщение с Сухум-Кале». Правда, Иогель горный путь в Абхазию находил невыгодным как сообщение для внешней торговли, но полагал, однако, что эта дорога будет полезна «как внутреннее сообщение для размена произведений Абхазии с Правым крылом» (Кавказской линии. — Г. Д.). Так, например, с развитием виноделия абхазское население найдет выгодным привозить сюда свое вино и брать взамен пшеницу, просо и другие хлебные продукты; точно также и жители Кубанской равнины; «но эти виды есть дело будущего»⁹⁴. О необходимости и важности перевальной дороги не только в стратегическом, но и в экономическом отношении усиленно говорилось и в конце 60-х годов⁹⁵.

В 1859 году был поставлен вопрос о проложении Кутаиско-Сухумской дороги, при этом самой трудной задачей было признано устройство переправ через реки Кодор, Ингур и Цхенис-Цкали⁹⁶.

В конце 60-х годов выдвигается даже вопрос о железной дороге между Туапсе и Сухумом. Ю. Проценко⁹⁷ в статье «Вопрос о кавказских железных дорогах» писал, что «Сухумская линия была бы незаменима в стратегическом отношении в видах защиты Закавказья...». Вместе с тем «она открыла бы возможность сбыта на Северный Кавказ произведений южного склона — именно бывшей убыхской земли и Абхазии... С Сухумом связываем в своих мыслях Царицынскую линию и опять поэтому повторяем, что эта линия была бы одной из главнейших железных дорог в государстве». Проценко, отмечая значение железной дороги в деле экономического освоения Кавказа, писал далее: «...Мы вполне надеемся, что счастливое положение Кавказского края, прилегающего к двум морям, богатые и обширные земли, самая разнообразная производительность и целая группа климатов, как это обыкновенно в гористой стране, обратят на себя, и весьма скоро, внимание наших капиталистов и сделают из Кавказа не только выгодное приобретение для России, но и положительно неисчерпаемую житницу».

Данные же, относящиеся к 70—80-м годам, о сухопутных и морских сообщениях Абхазии, как и всего Черноморского побережья Кавказа, можно найти в работе А. В. Верещагина «Влияние сухопутных и морских сообщений на колониза-

⁹⁴ АКАК, т. XII, с. 789.

⁹⁵ См.: Кавказ, 1866, № 48.

⁹⁶ См.: АКАК, т. XII, с. 819.

⁹⁷ См.: Кавказ, 1868, 13 декабря.

цию и развитие Черноморского побережья Кавказа (СПб., 1885).

Однако в Абхазии все еще продолжало царить бездорожье. Начальник Сухумского отдела ген. Гейман в своем отчете за 1874 год прямо признавал, что в настоящее время дорог в Абхазии буквально не существует, есть только пешеходные тропы, по которым совершаются, и то во многих случаях с трудом и опасностью, верховая езда, всякого рода переправы и доставки, и это «отсутствие дорог в крае» тормозит всячески развитие последнего⁹⁸.

3. Город Сухум и другие поселения городского типа

Определенное развитие получил Сухум, хотя его росту препятствовали и общая отсталость народного хозяйства Абхазии, и колониальная политика царизма. Он имел небольшое по численности население и незначительный удельный вес в экономической жизни края. Первым из дошедших до нас сведений о Сухуме в начале XIX века является его описание, составленное лейтенантом Ф. Я. Скриневским⁹⁹, посетившим здесь владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе в июле 1807 года, т. е. за три года до присоединения Абхазии к России. Скриневский дал довольно подробное описание не только Сухумской крепости, но и ее ближайших окрестностей. Из этого описания видно, что Сухум в то время представлял из себя всего-навсего небольшую крепость, вокруг которой были разбросаны абхазские селения. Нет никаких указаний у Скриневского и на существование в Сухуме сколько-нибудь большого постоянного базара — рынка.

До нас дошел также план Сухумской крепости 1812 года, хранящийся в архиве бывшего штаба Кавказского военного округа¹⁰⁰, который дает определенное представление о крепости¹⁰¹. План в основном подтверждает описание Скриневского.

⁹⁸ См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 996, лл. 3—40.

⁹⁹ См.: Донесение командира требоки «Константин» лейтенанта Ф. Я. Скриневского главному командиру Черноморских портов И. И. Траверсе от 24 августа 1807 г. — ВПР XIX и начала XX века. Документы. Серия I, т. IV. М., 1965, с. 49—51.

¹⁰⁰ См.: Копия указанного плана Сухумской крепости хранится в Абхазском государственном музее; см. также: Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940, с. 26.

¹⁰¹ Между прочим, из этого плана видно, что между южной стороной крепости и морем тогда еще проходила дорога, которая вскоре была смыта морем. Уже в 1842 году И. С. Радожицкий писал: «При занятии крепости Сухум-Кале, крепость отделялась от моря дорогой на пистолетный выстрел расстояния, а теперь море подмывает стену» (Радожицкий И. Взгляд на флору восточного берега Черного моря. — Журнал садоводства. М., 1842, № 5, с. 40).

Р. де Скасси, посетивший Сухум в 1818 году, говорил о нем как о запущенном местечке, где было 2 или 3 жалких строения из досок, обмазанных снаружи глиной; эти строения «удостоены названия казармы»; было также несколько домов офицеров и дом коменданта, госпиталь — «самое чистое и лучше всего поддерживаемое здание». Небольшой участок земли был отведен под маленькие садики, которые принадлежали офицерам и маркитантам; в садах разводились огурцы, дыни и арбузы. Маркитанты «пользовались абхазцами для возделывания и окружения изгородью своих садов, платя им по 5 пара (10 коп.) в день». В Сухуме и в Келасури было несколько маленьких лавок. Кроме того, «проходя по стране вполне свободно, они (маркитанты. — Г. Д.) продают абхазцам соль, железо, шерсть, котелки, деревянные и стеклянные сосуды..., они ввозят в Россию мед, воск, орехи и шкуры животных...»¹⁰².

Первые признаки некоторого оживления «мирной» жизни Сухума относятся к 1828 году, когда, как говорит один из документов того времени, «абхазы начали приходить к сухумскому базару»¹⁰³.

В середине 30-х годов Сухум посетил Ф. Ф. Торнау, на которого он произвел «самое неблагоприятное впечатление». Базар, находившийся перед крепостью, состоял из 20 грязных духанов-кабаков, в которых были выставлены для продажи без всякого разбора вино, водка, табак, седла, оружие, мясо, соленая рыба, овощи и самые простые материи. По единственной улице прохаживались несколько абхазцев с ружьями за спиной, с башлыками на голове; пробегали матросы, заглядывая в лавки и торгуясь с купцами. Внутри крепости помещались две казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз, провиантский магазин и дом коменданта¹⁰⁴.

Но как раз в 30-х годах предпринимаются определенные шаги со стороны правительства к развитию Сухума в качестве города. В 1832 году был официально разрешен приход транспортных судов в Сухум; устраивается таможенная застава. В 30-х же годах было начато городское строительство; для этой же цели делаются попытки организовать производство строительных материалов и пр. В 1840 году, по инициативе начальника Черноморской береговой линии генерала Н. Н. Раевского — «любителя изящной флоры», было положено начало городскому ботаническому саду в Сухуме под названием «Военно-ботанический сад». Он возник на базе небольшого сада, созданного лекарем сухумского гарнизона В. Багриновским, которому и было поручено Н. Н. Раевским

¹⁰² АКАК, т. VI, ч. II, с. 646—658.

¹⁰³ Цит. по: Олонецкий А. А. Сухум в первой половине XIX столетия. — Труды Абхазского государственного музея. Сухуми, 1947, в. I, с. 161.

¹⁰⁴ См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания., ч. I, с. 29.

заведовать ботаническим садом. По данным полковника И. С. Радожицкого, описавшего флору восточного берега Черного моря в 1842 году, количество видов растений, разводившихся в этом саду, доходило до 61¹⁰⁵. Сад был связан с Никитским садом (Крым), откуда получал семена и растения¹⁰⁶. И. С. Радожицкий ставил вопрос о создании в Сухуме «правильно устроенного сада», с надлежащими пособиями и квалифицированными работниками, который мог бы из первоначально набросанного эскиза превратиться со временем в рассадник изящных и полезных экзотических растений. «Мы бы, — мечтал Радожицкий, — могли иметь свои апельсины, лимоны, миндаль, маслины, хлопчатую бумагу, наилучший табак, может быть, кофе, чай, пробку и множество аптечных растений»¹⁰⁷.

По инициативе же Раевского в 1840 году приступили к работам по осушению болот в Сухуме¹⁰⁸. Работы эти продолжались в течение почти всего последующего десятилетия¹⁰⁹. Для воинских частей, расположенных здесь и страдавших от злокачественной малярии¹¹⁰, было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. О значении Сухума Н. Н. Раевский писал: «Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области»¹¹¹. А Орест Евецкий писал: «Сухум... главное торговое место Абхазии»¹¹².

В целях усиления экономических и торговых связей в 1845—1846 годах было открыто регулярное морское сообщение между Сухумом, Керчью и Одессой. Учитывая «важность приморского положения», Сухум в 1846 году был объявлен портовым городом¹¹³. В следующем году ему было предоставлено право транзита товаров в Тифлис и даже в Иран. Здесь было учреждено карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря (Очемчиры, Сухум, Новороссийск, Геленджик, Анапа)¹¹⁴.

В разделе о развитии торговли в Абхазии, где приводится значительное количество сведений, относящихся к Сухуму и другим населенным пунктам, увидим, что центром ее здесь

¹⁰⁵ См.: Радожицкий И. л. Указ. соч., с. 48—49.

¹⁰⁶ См.: Малеев В. П. Древесные экзоты Абхазии и их лесоводственное значение. — Абхазия. Геоботанический и лесоводческий очерк. М.—Л., 1936, с. 273—275.

¹⁰⁷ Радожицкий И. л. Указ. соч., с. 43.

¹⁰⁸ См.: ГАКК, ф. 260, д. 170; АКАК, т. IX, с. 471.

¹⁰⁹ См.: ГАКК, ф. 260, д. 170.

¹¹⁰ См.: Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. — Сухуми, 1970, с. 9—10.

¹¹¹ АКАК, т. IX, с. 447.

¹¹² Евецкий О. Указ. соч., с. 173.

¹¹³ См.: II ПСЗРИ, т. XXI, отд. 2-е. СПб., 1847, с. 669.

¹¹⁴ См.: КК, 1850, отд. V, с. 69—70.

является г. Сухум. В данном же случае отметим тот факт, что с 1845 года приход судов в Сухум заметно увеличивается. С 1848 года как заграничные, так и каботажные перевозки товаров приняли еще более обширное развитие¹¹⁵. «Важный Сухумский пункт теперь упрочивается», — констатировал М. Селезнев¹¹⁶. Еще в начале 1840 года генерал М. М. Ольшевский сообщал о наличии в Сухуме значительного количества лавок и о том, что он «езде видел... русские весы»¹¹⁷; им же был составлен именной список «промышленникам сухумским с показанием, кто из них чем торгует и кому принадлежат лавки»¹¹⁸.

В 1851 году в Сухум было переведено управление начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии, которое до этого находилось в с. Бамборы¹¹⁹. В связи с этим сюда были перевезены войска, которые были расположены временно лагерем на горе Баалоу (Трапезия), от чего и само это место приняло название горного лагеря. Под горой офицерами и семейными солдатами было выстроено несколько турлучных домов, образовавших «Подгорную слободку»¹²⁰.

В Сухум были переведены также почтовое отделение и другие учреждения.

В этот же период, в течение двух лет, начальником указанного управления являлся Н. П. Колюбакин, который в раннюю пору своей кавказской службы вращался в кругу ссыльных декабристов, дружил с А. А. Бестужевым-Марлинским, общался с местными передовыми людьми. За время своего пребывания в Сухуме он основал для абхазских детей мужскую и женскую школы, которые, как видно, вскоре, в связи с Крымской войной, перестали существовать. Колюбакин принимал меры и по благоустройству города¹²¹.

Согласно отчету начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии по гражданскому управлению за 1851 год число жителей Сухума, без воинской части, составляло 700 человек (650 мужчин и 50 женщин). Из них «разночинцев» было 508 чел., «дворовых людей» — 150 чел., «помещичьих крестьян» — 20 чел. Воинская же часть составляла 2481 чел. Было в городе 543 разных строения. В одном только 1851 году было выстроено 63 здания¹²². По данным «Кав-

¹¹⁵ См.: Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. — ЗКОРГО, кн. II, 1853, с. 160—163.

¹¹⁶ См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 178.

¹¹⁷ ЦГИАГ, ф. 1396, д. 69, л. 11.

¹¹⁸ Там же, л. 9.

¹¹⁹ См.: ГАКК, ф. 260, л. 818.

¹²⁰ ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 253, л. 102.

¹²¹ См.: Колюбакина А. А. Воспоминания. — Исторический вестник, 1894, т. LVIII, ноябрь, с. 399; ЦГАА, ф. 60, д. 58, лл. 17, 20, 21 об.

¹²² См.: ЦГИАГ, ф. 1396, д. 89, л. 18. См. также: Свешников В. Указ. соч.

казского календаря» за 1853 год, в Сухуме было 106 турлучных зданий, 2 кирпичных завода, 26 «питьевых домов» и 36 лавок.

При устье р. Басла (Беслетка), на правом берегу, появилась новая слободка, получившая название Карантинной. Пустое болотистое пространство, заросшее кустами, между крепостью, горным лагерем и двумя отдельно стоявшими слободками — Карантинной и Подгорной — было расширено, перерыто вдоль и поперек канавами для осушения и проведены две главные улицы: одна — от горного лагеря перпендикулярно к морю (ныне ул. Ленина), другая, перпендикулярная к ней, — в Карантинную слободку (ныне ул. Н. Лакоба)¹²³.

В Сухуме находились полицейское управление, городское и окружное карантинно-таможенное управление, а также городская ратуша, которой были предоставлены права уездного «сословного» и «светского» суда.

Город имел особый выгон для скота, сенокосные места, участки строевого и дровяного леса. Войска стали самовольно распоряжаться землями, окружавшими крепость и принадлежавшими князю Д. Г. Шервашидзе. В связи с этим последний в 1858 году просил начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Н. П. Колюбакина о точном определении границ городской земли. Просьба князя была уважена, и границы отходившей к городу земли были определены так: с запада — р. Адзапшь (Гнилушка), с востока — р. Басла или Карантинка; с севера — ущелье, из которого вытекает Басла; гребень горы до ее окончания в ущелье р. Гиндарки (за Ботаническим садом); перекоп, отделявший горный лагерь (Баалоу) и подошва возвышенности Яштхуа до родника; с юга — Черное море. Как видно из приказа по расположенным в Абхазии войскам от 26 марта 1858 года, указанное выше условие о границах городской земли вошло в силу¹²⁴.

В одном описании, относящемся к 1852 году, о Сухуме сказано следующее: население разделено на три участка, отделенные целыми полями; в одном из них, близ берега, возвышалась каменная ограда крепости, к которой примыкал базар с лавками; в другом громоздились небольшие домики жителей около таможни и карантина; в третьем, на довольно далеком от берега холме, были выстроены больница и казарма (для воинской части). К этому месту была проведена большая улица, на которой со временем должны были быть дома и где уже было отстроено несколько казенных зданий. При этом отмечалась одна «несносная особенность» Сухума, заключавшаяся в том, что вечерами подымался на полях, разделявших кварталы, вой рыскавших шакалов, которому

¹²³ См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 253, л. 102.

¹²⁴ См.: Пахомов А. Записка... С. 263—264.

вторили со всех сторон и на все голоса встревоженные собаки — каждый вечер и каждую ночь устраивается «такая зверская опера, раздаются такие уныло-раздирающие хоры, что не знаешь, куда бы от них спрятаться». Сухум, заключал автор, «еще не город, но он непременно будет значительным городом»¹²⁶.

В 1853 году от Марани до Сухума был открыт почтовый тракт, на котором было учреждено 10 станций, из них на территории Абхазии — 5 станций¹²⁶.

Во время Крымской войны Сухум был оккупирован турецкими войсками. Он, как и некоторые другие пункты, был разорен и пришел в упадок. Д. Х. Шервашидзе 24 июня 1856 года доносил наместнику Кавказа генералу Муравьеву, что он, по прибытии в Сухум, нашел крепость в полуразрушенном состоянии; одна казарма была сожжена, а со всех остальных казарм и казенных зданий, расположенных в Сухуме, были «расхищены все двери, оконные рамы и печные приборы»; частные дома «подверглись еще большему разрушению». Некоторые здания карантинно-таможенного управления остались в полуразрушенном виде, а другие — «совершенно уничтожены...». Имущество Д. Х. Шервашидзе, имение которого примыкало к г. Сухуму, турецкие войска «разорили до тла»¹²⁷. Огромный ущерб был нанесен и хозяйству владельца¹²⁸. Значительно пострадал вообще весь край. К этому добавим еще сообщение М. Бартоломея и Д. Мачавариани о том, что «как театр последней войны, Самурзакань подверглась грабегам и разорению»¹²⁹. Оккупанты сразу же принялись за работоторговлю. Соучастниками этой торговли людьми являлись английские шкиперы, перевозившие в Турцию живой товар¹³⁰.

После войны Сухум стал быстро развиваться. В 1857 году здесь, около крепости, была открыта морская станция; такая же станция была открыта и в Новороссийской бухте, а в Поти — военно-морское управление¹³¹. Из воспоминаний С. Смоленского мы узнаем о существовании в Сухуме в 50-х годах клубной библиотеки, откуда он летом 1859 года брал для чтения журнал «Отечественные записки»¹³². В Сухуме были базары с довольно большим рядом деревянных лавок, между которыми, писал С. Пушкирев (1853 г.), в последнее

125 Кавказ, 1852, № 72.

126 См.: АКАК, т. XI, с. 778—779.

127 Там же, с. 297.

128 См.: Там же, с. 949.

129 ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 52—62; ф. 545, д. 313, лл. 67—72.

130 См.: Бурчуладзе Е. Е. Крушение англо-турецких захватнических планов в Грузии в 1855—1856 гг. — Вопросы истории, 1952, с. 18.

131 См.: КК, 1864, отд. III, с. 35.

132 См.: Смоленский С. Указ. соч. — Военный сборник, 1872, № 10, с. 341.

время выстроены три европейских магазина и еще строятся несколько частных небольших домиков около таможни и карантина¹³³. Известен и такой факт. Примерно в это время в Сухуме временно проживало 85 крепостных крестьян, занимавшихся торговлей¹³⁴.

К 1858 году примерно насчитывалось около 165 зданий (11 каменные, а остальные турулочные и деревянные), в том числе 37 лавок. В крепости находилась «домовая церковь» православного исповедания, а вне крепости — римско-католическая церковь. Вдоль всего города было устроено шоссе с бульварами по обеим сторонам, шедшее до самой пристани. Общее число постоянных жителей доходило до 300 человек. К числу «правительственных учреждений» относились: управление военного начальника, городская полиция, карантинно-таможенное управление, ратуша, которой были представлены права уездного, словесного и совестного судов, училище, ботанический сад, имевший назначение служить рассадником лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев, различных экзотических растений и др. Главные статьи городских доходов: пятая часть таможенных сборов, акцизная пошлина, различные сборы (ластовый с промышленных и торговых заведений, за участки земли, отводившиеся для постройки домов и проч.)¹³⁵.

Ужасным бичем для сухумцев по-прежнему являлась малярия¹³⁶. Одна статья, посвященная описанию Сухума и относящаяся к началу 60-х годов, не случайно называлась «Сухум и его лихорадочность». В ней автор, доктор медицины Н. Торопов¹³⁷, подчеркивал: «Самое видное, людное, но вместе с тем и самое лихорадочное (место) во всем абхазском поморье составляет, конечно, город Сухум»¹³⁸. Установив «условия лихорадочности» Сухума, доктор Торопов предлагал ряд мер для их ликвидации¹³⁹.

Д. З. Бакрадзе писал в 1860 году: «Зугдид и Сухум быстро растут; в окрестностях Сухума леса вырубаются, болота осушаются и проводятся каналы; прямые широкие улицы обстраиваются двухэтажными домами»¹⁴⁰. В 1860 году Н. А. Шавровым были произведены изыскания для постройки

133 См.: Пушкирев С. Краткий очерк портов., с. 160.

134 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 1, д. 180, лл. 2—8.

135 См.: Лаврентьев А. Н. Указ. соч., с. 286—287.

136 См.: Например, в 1861 году в четырех сухумских лазаретах лечилось 8 954 чел., из которых лихорадкой болело 6 514. Хинина было израсходовано в течение того же 1861 года более 48 фунтов (Торопов Н. Опыт медицинской географии Кавказа. СПб., 1864, с. 163, прим. 1).

137 Н. Торопов являлся главным врачом Кутаисского военного госпиталя.

138 См.: Торопов Н. Сухум и его лихорадочность. — ЭКОРГО, 1864, кн. VI.

139 См.: Его же. Опыт медицинской географии Кавказа, с. 158—163.

140 Кавказ, 1860, № 49.

ки гавани в г. Сухуме, в результате чего появилась его статья «Проект гавани в Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки»¹⁴¹.

В мае 1862 года в Сухуме побывал упомянутый выше Н. Торопов, который рассказывал, что по берегу моря ряд лавок и частных построек вытягивались от пристани влево до крепости, вправо шел ряд длинных казарм на песчаном берегу; прямо от пристани начиналась широкая, ведущая вглубь, шоссированная улица, обсаженная по сторонам высокими акациями, из-за них выглядывали обывательские постройки, а по скатам зеленых высот были разбросаны казармы и постройки для войск. «Тут — и лучший порт, и станция морская, и административный центр края и много войск — четыре линейных батальона»¹⁴². Такое описание, строго говоря, не вполне соответствовало действительному положению вещей. Но оно верно в том отношении, что отражает развитие Сухума в рассматриваемый период.

Население Сухума росло очень медленно, несмотря на то, что еще в 1846 году Сухум, вместе с Новороссийском и Анапой, получил важные льготы для торгового населения. Эти льготы, по Положению 15 декабря 1846 года, заключались в следующем: приписывавшиеся к Анапе, Новороссийску и Сухуму освобождались на 30 лет от рекрутской и квартирной повинностей; имели право торговли на всей Черноморской береговой линии без оплаты гильдейских пошлин, кроме купцов, «дозволен заграничный торг и покупка мореходных судов и мещанам»¹⁴³. Вместе с тем в районе крепости было отведено 3952 кв. саж. для постройки домов «в обывательскую собственность».

Согласно отчету начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии по гражданскому управлению за 1851 год, общее число жителей Сухума составляло 700 человек (650 мужчин и 50 женщин) без воинской части. Из них «разночинцев» было 508 чел., «дворовых людей» — 150 чел., «помещичьих крестьян» — 20 чел.; воинская же часть составляла 2481 чел.¹⁴⁴ К моменту ликвидации Абхазского владения население Сухума выросло до 1200 чел., из коих «коренные обыватели» составляли 820 чел.; купцов было 24 чел., ремесленников — 13 чел., мещан — 427 чел.¹⁴⁵ В 1865 году численность населения Сухума достигает 1600 чел., количество домов (каменных и деревянных) — 311, а лавок — 33¹⁴⁶.

¹⁴¹ См.: Морской сборник, 1862, т. VIII, № 4.

¹⁴² Торопов Н. Сухум и его лихорадочность, с. 1; Его же. Опыт медицинской географии Кавказа, с. 157—159.

¹⁴³ Пушкарев С. Краткий отчет портов., с. 156, прим.

¹⁴⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 1396, д. 89, лл. 18—21.

¹⁴⁵ См.: Там же, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8.

¹⁴⁶ См.: Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I. Тифлис, 1869, отд. II, с. 62, 67.

В 1864 году в Сухуме была учреждена комиссия из двух медиков, одного офицера путей сообщения и члена городского управления под председательством полковника Ф. Завадского «для изыскания мер и определения работ по улучшению климата гор. Сухума»¹⁴⁷.

По административному делению 1866 года были ликвидированы гражданская канцелярия командующего войсками в Абхазии по управлению г. Сухума, Сухумская городская ратуша и Сухумское комендантское управление, вместо которых были учреждены должности городничего и полицейское управление¹⁴⁸.

В 1868 году в Сухуме проводится водопровод¹⁴⁹. Была построена также станция англо-индийской телеграфной линии, на которой в 1869 году открыли прием телеграфной корреспонденции. Станция, в частности, соединяла телеграфом Сухум с Потийско-Тифлисской линией¹⁵⁰. В том же году строится железный мост через р. Басла (Беслетка)¹⁵¹.

В 1867 году в Сухуме приступают к шассировке улиц и проведению водосточных канав. «Можно смело сказать, — писал А. Н. Введенский в 1871 году, — что в настоящее время уже не существует трех пятых условий, перечисленных г. Тороповым в своем сочинении¹⁵², делавших сухумский климат болезненным»¹⁵³. В 1870 году отдельными лицами ставился вопрос и о том, чтобы «одеть берег камнем и тем прекратить морские наезды на город, а также воспрепятствовать дальнейшему отселению бухты»¹⁵⁴.

Еще М. А. Селезнев сообщал (1847 г.), что среди «вольнопромышленников» Сухума и абхазцы имеют... свои лавки и убежища»¹⁵⁵, а генерал М. М. Ольшевский, о котором говорилось выше, называет (1840 г.) ряд конкретных лиц, причем крестьян, выходцев из разных абхазских сел (Лыхны и др.)¹⁵⁶. Д. З. Бакрадзе в 1865 году писал о том, что самурзаканцы по всей Абхазии открывают духаны, «в которых занимаются куплею и продажею»¹⁵⁷. На исходе 1868 года в Сухуме было уже 66 купцов, из которых лица, принадлежавшие к «местному купеческому сословию», было 29 чел., мелких торговцев — 12 чел.¹⁵⁸

Акапский князь Чапиак Маршания в докладной записке

147 ЦГИАГ, ф. 7, оп. 1, д. 1381, лл. 3—6.

148 См.: ЦГИА СССР, ф. 1268, д. 30, лл. 33—41.

149 См.: ЦГАА, ф. 58, д. 2, л. 2, л. 8, № 48.

150 См.: ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 1, д. 3035, лл. 3, 8.

151 См.: ЦГАА, ф. 58, д. 2, л. 98 об, № 1266.

152 Имеется в виду его работа «Опыты медицинской географии Кавказа».

153 Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 3.

154 Прудков Е. Из Сухума. — Кавказ, 1870, № 96.

155 Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 205.

156 См.: ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 5—8.

157 Там же, ф. 493, оп. 1, д. 96, л. 12 об.

158 См.: Кавказский календарь, 1869, с. 416.

на имя Д. И. Святополка-Мирского в апреле 1869 года сообщал, что он начал «заниматься коммерческими делами» с сухумскими жителями. Вместе с тем князь в 1868 году в Сухуме начал строительство каменного дома и надеялся «построить гораздо лучше противу других жителей»¹⁵⁹. Но такое стремление абхазских помещиков указывал и Д. З. Бакрадзе, за 9 лет до этого. Они приобретали в Сухуме участки и строились, в своих поместьях старались вести хозяйство на европейский лад¹⁶⁰.

Как видно из вышесказанного, Сухум в предреформенное время являлся не только административным, но в известной мере и экономическим центром Абхазии. С присоединением последней к России начинаются прогрессивные изменения также в культурной жизни народа. В этом процессе огромное значение имело пребывание представителей передовой русской интеллигенции в Сухуме и в районе Абхазии.

Это относится прежде всего к ссыльным декабристам и их единомышленникам. В Сухуме бывали и жили некоторое время Александр Бестужев-Марлинский, Павел Бестужев, Владимир Романов, Дмитрий Волховский, Николай Раевский и другие, оставившие в крае заметный след. Здесь Марлинский в 1837 году перевел «Восточную поэму на смерть А. С. Пушкина» своего великого азербайджанского друга Мирзы Ахундова, находившегося тогда же в Сухуме. Здесь еще в 1823 году Ефим Зайцевский создает лирическую поэму-гимн природы края — «Абхазия»¹⁶¹. Был в Сухуме и другой писатель пушкинской поры — Павел Каменский, автор повести «Келиш-Бей»¹⁶².

Посещали Сухум также известные русские художники Николай Чернецов, Григорий Гагарин и другие, оставившие нам целый ряд замечательных картин и зарисовок. Сухум и Абхазию, кроме того, посещают разные специалисты (И. Радожницкий, Н. Дадияни, Ф. Дюбуа, Ф. Торнау, А. Нордман, М. Брассе, П. Услар и др.) с целью ее изучения. Появляется, в частности, ряд статей и справок о Сухуме.

Укрепление экономических и культурных связей создают определенные условия и для развития культуры, просвещения и общественной мысли в крае. Идет процесс формирования абхазской интеллигенции. Первыми ее яркими представителями были Соломон Званба и Константин Шервашидзе (Чачба). К 70—80-м годам относится и расцвет творчества писателя Георгия Шервашидзе.

В 1862 году создается абхазский алфавит, а в 1865 году — абхазский букварь. В Сухуме для абхазских детей открыва-

¹⁵⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 180, л. 290.

¹⁶⁰ См.: Кавказ, 1860, № 49.

¹⁶¹ Стихотворение впервые было опубликовано в «Полярной звезде» в 1825 г.

¹⁶² См.: Повести и рассказы П. Каменского, ч. I. СПб., 1838.

ются школы: в 1805 году — горская, в 1870 году — женская, реорганизованная в 1812 году в прогимназию. В этих и других школах Абхазии работали в основном русские, а также грузинские и другие учителя, преданные делу народного просвещения и благожелательно настроенные к местному населению. В 70-х годах появляются и первые квалифицированные абхазские педагоги. Более широкое развитие получает обучение абхазских детей в различных учебных заведениях России¹⁶³. В одной архивной записи за 1867 год отмечалось о сборе в крае «этнографических предметов»¹⁶⁴.

Росли и некоторые другие населенные пункты городского типа. Еще в начале XIX века выделяется село Келасури, расположенное недалеко от Сухума и считавшееся его «предместьем». Значение этого населенного пункта особенно возросло после перенесения сюда резиденции княжны Ханым и ее сына Хасанбея Шервашидзе, когда он превращается «почти вроде второй столицы». Поль Гибаль, посетивший Келасури в 1818 году, сообщает следующие данные. Были здесь 100 или 200 торговцев, один портной, один оружейник, два мастера серебряных дел и два булочника, одна кофейня. Сюда заходили небольшие суда. Между Сухумом и Келасури было установлено ежедневное сообщение, которое поддерживалось судами, лошадьми и пешком. В другом месте Гибаль подчеркивает, что Келасурский рынок — «самый крупный, самый богатый из всех» в крае; здесь «сконцентрирована вся торговля, и товары там бывают круглый год, абхазцы приезжают туда покупать продовольствие и привозят излишки продуктов». Здесь он насчитал около 50 «лавочек»¹⁶⁵. Согласно одному документу от 30 апреля 1868 года, в Келасури было 35 лавок¹⁶⁶.

Но по своему экономическому значению местечко Очемчиры занимало второе место в Абхазии. М. Селезнев, касаясь внутренней торговли, писал, что Очемчиры богаты товарами, имеют постоянные связи с с. Илори, жители которого закупали товары и развозили по Абхазии. Здесь находился рынок в два ряда, по бокам которого были разбросаны дома абхазских крестьян¹⁶⁷. В 1874 году был открыт Очемчирский порт, а в 1848 году — карантинно-таможенная застава. В 1852 году Очемчиры уже называют «большим местечком» со «значительным базаром»¹⁶⁸. По данным Ф. Завадского, население Очемчир к 1854 году достигало 150 чел.¹⁶⁹ М. Селезнев отмечал, что Илори обстраивается, общежитие развивается, сак-

163 См.: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной Абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979, гл. II.

164 См.: ЦГАА, ф. 58, д. 3, л. 2, № 15.

165 См.: Guibal P. Указ. рук., лл. 58—59, 46 об., 129—130.

166 См.: ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. в., л. 233.

167 См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 155—157.

168 Кавказ, 1852, № 76.

169 См.: Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 59.

ли жителей наполняются европейскими побрякушками и строятся прочнее, виднее и опрятнее прежних¹⁷⁰.

К 1854 году население местечка Гудауты равнялось 100 чел.¹⁷¹ С. Смоленский о состоянии Гудаут в 1859 году писал следующее: местечко составляет одна улица, застроенная с обеих сторон рядами деревянных лавок; позади некоторых из них были пристроены жилые дома, улица начиналась почти от самого моря и упиралась в лес, тянувшийся к с. Лыхны; на самом видном месте, над берегом, стояла кофейня; торговцы занимались спекуляцией, эксплуатируя крестьян; торговля велась мелочная. Здесь находился дистанционный чиновник, подведомственный Сухумской карантинно-таможенной конторе, охранявший берег Сухум—Пицунда от ввоза беспошлинных товаров¹⁷². Впоследствии в Гудаутах была учреждена карантинно-таможенная застава, которая, по данным, относящимся к 1866 году, имела каменное здание¹⁷³. К тому времени здесь был также двухэтажный дом и 5 флигелей, принадлежавших владельцу Абхазии¹⁷⁴.

Значение Гудауты и особенно Очемчиры возрастает еще больше в следующем десятилетии. В 1870 году этим местечкам на основании положения о земельном устройстве населения Сухумского военного отдела, как посадам, было выделено по 600 дес. земли. По смыслу действующих в тот период законов посады относились к числу городских поселений, но кавказское начальство с этим не считалось. В 1873 году в Гудаутах, а в 1874 году в Очемчирах учреждаются слободские управления. Общие наблюдения за ведением хозяйства в обоих местечках возлагались на начальника Сухумского отдела под надзором кутаисского генерал-губернатора¹⁷⁵.

Недалеко от Гудауты была расположена Бамбора, исторический поселок большого села Лыхны. Здесь в 1830 году, в результате так называемой «Абхазской экспедиции», было создано укрепление, ставшее центром русской военной администрации в крае. Разбитое на несколько кварталов, оно было обстроено небольшими домами, казармами и «госпиталями». По свидетельству одного путешественника, в Бамборе было даже несколько базаров, которые «кишели» разными русскими и азиатскими товарами. Жили здесь приезжие купцы и «промышленники». Приходили сюда со своими продуктами и местные жители. Недалеко от этого пункта, на р. Хыпта, был построен лесопильный «завод», который снабжал

170 См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 153.

171 См.: Завадский Ф. Указ. соч.

172 См.: Смоленский С. Указ. соч. — Военный сборник, 1972, № 10, с. 332.

173 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, лл. 3—4.

174 См.: Материалы и записки..., с. 40.

175 См.: Прицкер Л. М. Управление городскими поселениями Абхазии в период капитализма (1864—1917 гг.). — Известия АИЯЛИ, 1978, т. V, с. 37—38.

воинские отряды, а также отчасти и местное население. Таким образом, Бамбора становится и центром торговли всей Бзыбской Абхазии. Не случайно английский журналист и разведчик Эдмунд Спенсер, посетивший Бамбору в 1856 году, называет ее «городом»¹⁷⁶.

Вместе с тем Бамбора становится одним из пунктов ссылки декабристов. Здесь в 30-х годах бывали, а некоторые и довольно долго жили, такие декабристы, как братья Александр и Павел Бестужевы, В. С. Норов, С. И. Кривцов, А. А. Фок, В. П. Романов, А. С. Гангеблов (Гангеблидзе). Неоднократно бывал здесь и деятель декабристского круга генерал Н. Н. Раевский. Бывали в Бамборе также некоторые сосланные польские революционеры. В этот период Бамбору, кроме того, посещают целый ряд ученых, писателей, художников, исследователей природных богатств и т. д.¹⁷⁸

Бамбора «славилась» и своей малярией. В конце 30-х годов здесь в среднем умирало ежегодно 111 из 748 человек¹⁷⁹. Не случайно, разумеется, она была избрана местом пребывания декабристов и их единомышленников.

Д. З. Бакрадзе в 1860 году писал, что в Гагре, Окуме, Сухуме и Зугдиде «в настоящее время заметна особенная деятельность». Далее он сообщал, что в первой все помещения батальонного командира, офицеров и солдат окончены и снабжены «всем нужным»; маленький садик вне укрепления усажен масличными деревьями¹⁸⁰. Представляет интерес и свидетельство А. Варгаса-де-Бедемара, который писал, что леса близ Гагринской крепости «вырублены и болота осушены. А в прежнее время Гагры считались самым нездоровым местом из всех здешних крепостей и нужно было возобновлять гарнизон через каждые три или четыре года»¹⁸¹.

А вот что писал И. С. Хатисов, посетивший гагринскую местность в мае 1866 года: «Укрепление Гагры стоит весьма живописно у подошвы высокого хребта, на сухом морском берегу, при впадении в море незначительной речки Гагринки, вытекающей из глубокого узкого ущелья, боковые склоны коего покрыты густым лиственным лесом. Вся площадка, занимаемая укреплением, несколькими лавками и батальонным огородом, включает более 50 десят. Недалеко от укрепления находится небольшой сад, в коем красуются оливковые деревья..., виноградники, ореховые деревья и пр. Вдоль морского берега посажен также ряд довольно больших и сильных оливковых дерев...»¹⁸². Граф А. Варгас-де-Бедемар до-

¹⁷⁶ См.: Торнау Ф. Воспоминания..., ч. 1, с. 31—32; Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 113—115.

¹⁷⁷ Spenser E. Указ. соч., письма XXX—XXXI и др.

¹⁷⁸ См.: Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии, Сухуми, 1970.

¹⁷⁹ См.: Архив Раевских, т. III. СПб., 1910, с. 57.

¹⁸⁰ См.: Кавказ, 1860, № 49.

¹⁸¹ ЗКОСХ, 1867, №№ 3 и 4, с. 11.

¹⁸² ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 3—4.

бавлял, что «лес вблизи крепости вырублен и болота осушены. А в прежнее время Гагры считались самым нездоровым местом из всех здешних крепостей...»¹⁸⁰.

В 1866 году, по представлению кавказского окружного военно-медицинского инспектора Э. Р. Гольмлата, в Гагре был открыт военно-временный госпиталь для лечения больных малярией, которых направляли туда из разных пунктов Абхазий. В 60-х годах его главным врачом был доктор П. А. Корниевский¹⁸⁴, кстати, автор работы «Медикотопографическое описание местечки Гагр с его окрестностями» (См.: Медицинский сборник Кавказского медицинского общества, 1870, № 2?). В 60-х годах здесь была учреждена и «санаторная стоянка», куда присылались также для изучения страдавшие малярией и другими болезнями из гарнизонов Сухума и других мест Черноморского побережья¹⁸⁵.

В 1867 году, когда «вокруг Гагр воцарились, наконец, мир и спокойствие», недалеко от укрепления обосновался небольшой поселок, который стал служить торговым центром для окрестных жителей, свозивших сюда на базар продукты своего нехитрого сельского хозяйства¹⁸⁶. Близ Гагры, между Гагрипшом и Бзыбью («Гагрипшская община») жило 191 семейство (815 душ) абхазцев, «бесследно исчезнувших после войны 1877 года»¹⁸⁷.

К началу 1872 года Гагра имела уже «очень хороший вид: на берегу успел вырасти тополевый бульвар; госпитальные постройки красиво белели среди роскошной зелени. Сообщение с внешним миром поддерживали два раза в месяц военные шхуны». На побережье, неподалеку от Гагры, стали возникать новые поселения¹⁸⁸.

Д. З. Бакрадзе, как уже отмечалось, выделяет еще село Окум, административный центр Самурзаканского региона. Здесь, писал он, два года назад был лишь один дом священника, а ныне выстроен «удобный казенный дом, проведена улица и обстроена лавками; строятся церковь и казармы»¹⁸⁹. Г. И. Раде уже в 1865 году в Окуме видел «значительное

---

¹⁸⁰ Там же, №№ 3 и 4.

¹⁸⁴ См.: Передельский А. Г. Гагра. — СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 163. По сведениям А. Н. Дьячкова-Тарасова, в Гагре госпиталь (Сухумского гарнизона) был учрежден еще в 1857 году, а в 1874 году переведен в Сухум в специально для него выстроенное двухэтажное здание близ устья р. Беслетки (Дьяченко-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. — ЗКОРГО, кн. XXIV, 1903, вып. 1, с. 81—82).

¹⁸⁵ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего), с. 5. Гагринская «санаторная стоянка» была упразднена после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., так как в Абхазии войск осталось мало.

¹⁸⁶ Передельский А. Г. Указ. соч., с. 164.

¹⁸⁷ Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч., с. 83.

¹⁸⁸ См.: Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры..., с. 83.

¹⁸⁹ Кавказ, 1860, № 49.

число домов... и несколько мелочных лавок, стоявших на равнине»¹⁹⁰.

4. Рост товарности сельского хозяйства¹⁹¹

Товарность сельского хозяйства даже в предреформенной Абхазии была еще слабо развита. Но было бы глубокой ошибкой представлять абхазскую деревню этого периода без наличия определенных элементов товарно-денежных отношений. Не правы, разумеется, те исследователи, которые пытались характеризовать предреформенную Грузию и Закавказье, в целом, как край с господством чисто натурального хозяйства. Это относится, например, к С. Л. Авалиани, который писал: «Безошибочно можно утверждать, что в дореформенную эпоху Закавказья, а восточное и западное в особенности, существовало в пределах типичных форм натурального хозяйства»¹⁹².

Данные свидетельствуют о том, что и в крайней западной части Закавказья — в Абхазии, несмотря на наличие целого ряда неблагоприятных обстоятельств, о чем говорилось, происходил процесс развития товарно-денежных отношений, начиная, более или менее заметно, с 40-х годов, что способствовало подрыву натурального хозяйства. Денежное обращение все еще было слабым, но нельзя не констатировать его постепенный рост. Сперва функционировали турецкие денежные знаки, которые с течением времени были вытеснены русскими знаками¹⁹³.

Важнейшим предметом торговли была кукуруза, являвшаяся одной из главнейших полевых культур и основным хлебом в питании населения края. Разведением ее занимались как феодалы, так и крестьяне. А. Д. Абрюцкий писал: «Известно, что абхазцы не только не нуждаются в чужеземном хлебе, но еще кукурузу продают и выменивают на соль»¹⁹⁴.

Еще более интересно в этом отношении сообщение начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии ген. М. М. Ольшевского о том, что «большая часть абхазцев узнала теперь цену деньгам, и потому охотнее продает свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров. Одна только соль, писал он далее, — исключительно выменивается на гомио, которая необходима горцам для употребления в пищу...

¹⁹⁰ Радде Г. И. Указ. соч., с. 19.

¹⁹¹ Сведения, относящиеся к данному вопросу, приводятся также в разделах, посвященных характеристике торговли и помещичьего хозяйства.

¹⁹² Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. I. Одесса, 1912, с. 179.

¹⁹³ См.: Аш. Военно-статистическое обозрение... (1830 г.). — ЦГВИА, ф. 414, д. 301, лл. 1—28.

¹⁹⁴ Абрюцкий А. Д. Статистический взгляд на Абхазию. — Тифлиские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 222.

Но ежели абхазцу не нужна соль, то он старается продать свои произведения на деньги»¹⁹⁵. Об этом явлении спустя много лет с большим основанием писал и А. В. Пахомов. Он констатировал, что абхазское население стало засеивать больше кукурузы и, сбывая свои продукты свободно и без затруднения, «начинает понимать значение денег... Одновременно с увеличением запашки под кукурузу, увеличиваются размеры и других хозяйственных производств... народ обратился за доходами к земле»¹⁹⁶.

Любопытно и такое сообщение Пахомова: «Жители начали понимать, что выгодно зарабатывать не один насущный хлеб, но некоторый излишек для продажи. Этот новый взгляд жителей на свое полевое хозяйство, конечно, следует поощрять»¹⁹⁷. При этом он ссылаясь на следующий конкретный пример: «Д. Г. Шервашидзе в последние годы своей жизни, а он умер в 1858 году, «начал разводить кукурузу для продажи, что в прежние времена для князей считалось позорным»¹⁹⁸. Тот же Пахомов писал, что в с. Гумиста после Крымской войны на открытых полянах разводилась кукуруза и косилось сено, а в середине 60-х годов здесь был организован «главный помещичий хутор», на устройство которого было «употреблено много труда и денег»: была построена мельница, разведен фруктовый сад, большой огород с искусственным орошением, расчищены... луга и вообще сделано много хозяйственных улучшений»¹⁹⁹.

Интересно также свидетельство Д. З. Бакрадзе о том, что со стороны жителей Абхазии и особенно Мегрелии «уже видно стремление к улучшениям: они вырубают леса, стараясь поселиться при дорогах; они выказывают много трудолюбия, разводя скот, в обилии сея гоми и кукурузу, рожь и лен»²⁰⁰.

Комиссия, образованная при Кавказском военно-народном управлении для рассмотрения проектов инструкции по земельному устройству населения Абхазии, на своем заседании 10 марта 1883 года констатировала: «Со времени русского правления и утверждением в крае относительной безопасности земледелие начало развиваться и многие жители, не заботясь более о скученном расположении своих жилищ, стали переносить усадьбы на новые места, более близкие к их полевым усадьбам»²⁰¹.

¹⁹⁵ Рапорт М. М. Ольшевского Н. Н. Раевскому от 3 сентября 1839 г. — ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 9—9 об.

¹⁹⁶ Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 86—87.

¹⁹⁷ Пахомов А. В. Записка... С. 254.

¹⁹⁸ Отношение А. Пахомова, пред. Сухумской сословно-поземельной комиссии, от 13 февраля 1869 г. — ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, л. 386.

¹⁹⁹ Пахомов А. В. Записка... С. 247—248.

²⁰⁰ Кавказ, 1860, № 49, с. 299.

²⁰¹ ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, л. 105.

Вывоз кукурузы только за один 1865 год по сравнению с предыдущим годом увеличился на 57 863 пуда. В 1867 году из Сухума в Потю было вывезено 50 пуд. проса²⁰². «Этот факт не случайный... Народ обратился к земле», — подчеркивал еще раз А. В. Пахомов²⁰³.

Такое явление мы наблюдаем не только в Абхазии. Так, например, в Кутаисской губернии посевы в 1847 году составляли 90 358 четв., в 1852 году — 93 272 четв.; в Тифлисской губернии производство хлеба в 1850 году по сравнению с 1807 годом увеличилось с 398 254 четв. до 2 054 704 четв., т. е. более чем в 5 раз. Только из Гурии и Мегрелии и только кукурузы в 1862 году было вывезено (для Англии) на сумму до 1 миллиона руб.²⁰⁴

Как известно, факт производства хлеба для продажи — это один из моментов, приводимых В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» для характеристики разрушения натурально-хозяйственной системы. «Производство хлеба помещиками на продажу, — писал В. И. Ленин, — особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»²⁰⁵.

Отдельные русские гражданские и военные чиновники, заинтересованные в получении как можно больше зерна и других продуктов для обеспечения войск, вопрос о «поощрении земледелия» уже в середине XIX века ставили, как задачу практического характера. Так, например, полковник Колюбакин в своем рапорте на имя вице-адмирала Серебрякова от 10 ноября 1851 года писал, что в районе, подобном Цебельде, «преобразование земледельческой промышленности есть первый и самый естественный вид ее преуспеяния... Нужно научить жителей сеять рожь, гречиху и овес или ячмень...». Далее он считал необходимым «приобщить» к цебельдинцам «опытных земледельцев», например, солдат Цебельдинского гарнизона, которые бы нанимались за известную плату; также представлялась возможность покупки земледельческих орудий и семян через цебельдинского пристава²⁰⁶.

Другим важнейшим продуктом, значительная часть которого шла на рынок, было вино. Уже к началу 60-х годов виноделие, по свидетельству современника, «значительно увеличилось и улучшилось»²⁰⁷. Первый опыт «промышлен-

²⁰² ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

²⁰³ Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 86—87.

²⁰⁴ Гугушвили П. Б. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. I. Тбилиси, 1938, с. 30, 34—37, 65.

²⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184.

²⁰⁶ См.: ГАКК, ф. 260, д. 1212, лл. 1—6 об.

²⁰⁷ Свешников В. Из письма о Сухуме. — Кавказ, 1853, 23 декабря.

ного виноделия» был сделан еще в 1836 году, когда в местности Бамборы было открыто 2 винных «завода». По словам С. И. Пушкарева, опыт имел весьма значительный успех, и с того времени число таких «заводов», возрастая из года в год, достигло в 1851 году до 11. «Заводы» устраивались в селах, имевших от 10 до 15 тыс. виноградных кустов каждое, и отдавались ежегодно помещиками на откуп «вольнопromышленникам» по цене от 250 до 600 руб. серебром в год, иногда за половину или треть выделанного вина. По объявлению помещика крестьяне приступали к сбору винограда и затем доставляли откупщику²⁰⁸. Причем, при приеме винограда и орехов, например в с. Яштхуа, Д. Г. Шервашидзе назначал управляющих для «присмотра за порядком и охранения рабочих»²⁰⁹. Подрядчик платил крестьянам за сбор винограда и его доставку на место. С. И. Пушкарев свидетельствовал, что в начале 50-х годов откупщики производили плату рабочим от 5 до 7 руб. в месяц каждому²¹⁰. А. В. Пахомов и И. К. Багратион-Мухранский, сведения которых относятся к концу 60-х годов, оплату нанявшихся крестьян определяли от 15 до 20 коп. за корзину (акалат), их рассчитывали также различными товарами: ситцами, бязью и т. д.²¹¹

Количество вина, выделявавшегося одним «заводом» в год в 1849—1851 годах, равнялось в среднем 4 300 ведрам, а на всех 11 «заводах» выделявалось до 50 тыс. ведер. В наиболее богатых виноградарских селениях (Лыхны, Аацы, Чабалурхва, Псырцха, Куланурхва) выделялось вина от 8 до 12 тыс. ведер в каждом²¹².

Вино было одним из основных предметов вывоза. Достаточно сказать, что в 1848—1852 годах в общем вывозе из Сухумского порта стоимость вина составляла 28,6%. Вино являлось важным предметом и внутренней торговли; главное потребление его происходило в г. Сухуме, а также в укреплениях Черноморской береговой линии. Из 50 тыс. ведер вина, выделявавшегося за год на 11 указанных «заводах», две трети потреблялось на месте, а остальное вывозилось²¹³.

Техника выделки вина на «заводах» была примитивной. По мере доставления на «завод» винограда производилось давление его следующим образом: виноград без сортировки накладывался в большое выдолбленное из цельного кряжа дерева корыто. Когда корыто наполнялось, нанятые откупщиком виноделы, чаще — мегрелы, вымыв ноги и засучив

²⁰⁸ См.: Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. — Кавказ, 1852, № 28.

²⁰⁹ См.: Пахомов А. Записка..., с. 255.

²¹⁰ Пушкарев С. Указ. соч.

²¹¹ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 1—8; Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 64.

²¹² См.: Пушкарев С. Указ. соч.

²¹³ См.: Свешников В. Из письма о Сухуме. — Кавказ, 1853, 23 декабря.

брюки, опускались в корыто и, подпрыгивая, давили виноград ногами, иногда погружались в него до колен, смотря по величине давилки. Истоптав таким образом все гроздьи, работники оставляли их в соку в давилке дня на два для того, чтобы виноградный сок получил необходимую окраску и крепость от выжимок, а сами переходили к другому корыту или давилке. На другой день повторялся тот же процесс давления и в той же давилке, чтобы лучше выжать сок из поднявшихся выжимок. Потом, спустя 4—5 дней, когда жидкость несколько очищалась от осевшей виноградной шелухи, приступали к переливке вина (маджари) из давлен в бочки, выбрасывая выжимки из корыт на землю и наполняя их новыми гроздьями²¹⁴. Из виноградных выжимок впоследствии гнали водку большой крепости.

В 60-х годах все более и более широкое применение получает пресс для выделки вина, действовавший посредством рычага, на который надевался большой груз²¹⁵. Два других вида прессы описываются А. А. Миллером в статье «Из поездки по Абхазии в 1907 г.»²¹⁶. В имени князя Г. Д. Шервашидзе, по свидетельству А. В. Пахомова, «разводится виноградник по европейскому способу и принимаются меры, чтобы выделка вина производилась по возможности рационально»²¹⁷.

Абхазцы в большом количестве сбывали на рынке мед и воск²¹⁸. В отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год подчеркивалось, что в хозяйственном быту абхазцев немалую выгоду приносило пчеловодство; сбор меда и воска «достигает больших размеров», и есть надежда «в будущем на успешное развитие пчеловодства». В это время в одном Очамчирском округе насчитывалось до 11 тыс. ульев²¹⁹.

Товарный характер начинали принимать и некоторые другие отрасли хозяйства. А. В. Пахомов указывал, что одним из важных предметов продажи в имени князя Г. Д. Шервашидзе являлись орехи, которые, так же как и виноград, продавались в Сухуме за деньги²²⁰; «орехи с давних пор составляют предмет большого вывоза в Россию»²²¹. В начале 60-х годов среднее количество вывоза орехов из Сухума составляло 6 тонн, а хурмы (мелкой) — 2 тонны²²². По данным Сухумской карантинно-таможенной конторы за 1867 год, из Сухума в российские порты было вывезено 142 пуда 25 ф.

²¹⁴ См.: Пушкарев С. Указ. соч. — Кавказ, 1852, № 28.

²¹⁵ Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 64.

²¹⁶ Материалы по этнографии России, т. I. СПб., 1910, с. 74, рис. 25.

²¹⁷ Пахомов А. Указ. соч., с. 67.

²¹⁸ См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 9, 13.

²¹⁹ См.: ЦГИАГ, ф. 545, д. 966, лл. 3—40.

²²⁰ См.: Пахомов А. Записка..., с. 261.

²²¹ Его же. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 57.

²²² См.: ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8.

мелких (лесных) орехов и 63 пуда свежих яблок. Кроме того, в Поти было вывезено 9 пуд. инжира²²³.

В имении Г. Д. Шервашидзе скашивалось ежегодно до 10 тыс. пудов сена, которое продавалось в Сухуме²²⁴. Каждая десятина лугов давала, в два укуса, 150 пудов сена²²⁵. В самом конце 50-х годов князь Дзапш-ипа занял под деревню местность недалеко от Сухума, за р. Гумистой. Крестьяне вырубали лес, уничтожили папоротник, осушили болота и создали «отличные поля и луга», благодаря чему помещик «в большом количестве мог сбывать сено в Сухуме»²²⁶.

Делались попытки внедрения новых технических культур, которые нужны были в качестве сырья для русской промышленности. Еще в начале 40-х годов Н. Н. Раевский выдвигал проект о развитии в Абхазии ряда технических культур, о поощрении развития «торгового земледелия». «Край, — писал Раевский, — изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать: пробочный дуб, апельсинное, чайное, камфорное деревья, индиго и лен Новой Зеландии...»²²⁷. В этой связи следует отметить и такой факт, что Раевский снабжал население Абхазии «виноградными лозами из своего имения, находившегося в Южном Крыму, в Гурзуфе»²²⁸. Целью Сухумского ботанического сада стало: «служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений».

Проф. П. В. Гугушвили отмечает, что «в 1845 году в Грузии появляются чайные кусты, которые привились в Озургети, Зугдиди и Сухуме»²²⁹. В Сухумском ботаническом саду чайный куст, полученный из Никитского сада, был посажен еще в 1842 году²³⁰.

В 40-х годах в ряде мест Западной Грузии проводился опыт широкого внедрения культуры табака. Вообще табак завоевывает ведущее значение в районах Причерноморья²³¹.

223 См.: ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

224 См.: Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 75.

225 См.: Его же. Записка... С. 267.

226 Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 76; Горопов Н. Опыт медицинской географии Кавказа, с. 159.

227 Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами. — АКАК, т. IX, с. 471—476. См. также М а ч а в а р и а н и К. Абхазские вина. — ТИКОСХ, 1988, №3; Малеев В. П. Указ. соч., с. 274.

228 Свешников В. Из письма о Сухуме. — Кавказ, 1853, 23 декабря. Между прочим, в Сухуме в 1874 г. насчитывалось до 10 образцов эвкалиптов, старейший из которых был посажен в ботаническом саду в 1868 г. (Кавказ, 1874, 24 апреля).

229 Гугушвили П. В. К истории чайной культуры в Грузии и на Кавказе. — Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, т. VI, № 2, 1945, с. 165.

230 Малеев В. П. Указ. соч., с. 275.

231 См.: Дружинин Н. М. Указ. соч., с. 61.

М. Шервашидзе в переписке с Сафоновым дает подробные сведения об этом опыте разведения качественного табака в Абхазии²³². В своем письме от 18 июля 1846 года владелец сообщал, что полученные табачные семена были посеяны «опытнейшими и усерднейшими здешними земледельцами... в каждом из округов Абхазии». Затем рассада (около 5 тыс. штук) была пересажена на особо устроенные грядки. «Сильная — писал М. Шервашидзе в указанном письме — прекрасная вегетация табачных растений позволяет мне надеяться, что растения это будут разведено с успехом в Абхазии и составит со временем одну из главных отраслей рождающейся промышленности...»²³³. В письме от 28 января 1847 года владелец сообщал тому же Сафонову, что табачные семена были собраны в большом количестве и розданы «с приличными наставлениями опытнейшим и усерднейшим абхазским земледельцам»²³⁴.

Члены комиссии по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь в двух абхазских селах, расположенных в современном Гагрском районе, в мае 1866 года кроме всходов кукурузы и проса, посеянных вместе с бобами, около саклей видели табачные рассадники и огороды²³⁵.

По данным Сухумской карантинно-таможенной конторы, уже в 1867 году из Сухума было вывезено табака (в листах): в Поты — 92 пуда 20 ф., в другие порты Российской империи — 9 пуд.²³⁶ А. В. Пахомов в 1868 году констатировал, что в Абхазии сеют табак хорошего качества, часть которого продается и режется в Сухуме, а часть (до 300 пудов в год) вывозится в Россию и за границу²³⁷. В начале 70-х годов разведением табака занимались в Сухуме, Цебельде, Очемчирах и Гудаутах. Общее же количество ежегодного производства для продажи достигало свыше 2 тыс. пудов, по ценам от 6 до 10 руб. за пуд²³⁸. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман в своем отчете за 1874 год, отмечая, что табаководство усилилось значительно и плантации стали разводить по всем округам Абхазии, писал, что в Сухуме уже около года существует табачная фабрика (речь идет, конечно, о небольшом кустарном предприятии), где приготавливаются изделия из местного табака, так называемого «сухумского»²³⁹.

А. В. Пахомов писал, что абхазцы, кроме того, разводи-

²³² Еще в 1835 году Ф. Ф. Торнау видел в Абхазии небольшие табачные посевы; говоря о сельскохозяйственных культурах страны, он перечислял и табак. Торнау Ф. Ф. Воспоминания..., ч. I, с. 47, 62).

²³³ АКАК, т. X, ч. I, с. 161.

²³⁴ Там же, с. 165.

²³⁵ См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 5.

²³⁶ См.: ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

²³⁷ См.: Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 45.

²³⁸ См.: Прудков Е. О табаководстве. — Кавказ, 1874, 12 мая.

²³⁹ ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3—40.

ли хлопок. По словам А. Н. Введенского, хлопок вместе с табаком засеивали «в значительных размерах», и обе культуры «в последнее время сделались предметом торговли». Вместе с тем отмечалось, что «в последнее время появление нескольких торговцев, скупающих льняное семя, заставило жителей селений, окрестных местечку Гудауты, выдерживать лен на корню до полного созревания семян»²⁴⁰. Разводилась и конопля для получения пеньки на веревки и пакли для чистки оружия, а также для набивки тюфяков и подушек²⁴¹.

А. Н. Введенский писал и о первом опыте развития шелководства. Он сообщал, что не более 20 лет тому назад (около 1850 г.) абхазы начали заниматься шелководством, хотя в Абхазии, предполагал Введенский, «в древние времена..., вероятно, шелководство было развито наравне с другими промыслами...». Во всяком случае, в 60—70-х годах «эта отрасль промышленности, благодаря своей легкости и притом доходности..., начала быстро развиваться», и скоро сделала «заметные успехи». Шелк сбывался на базарах²⁴². На развитие шелководства и продажи шелка-сырца на базарах Абхазии указывали также С. И. Пушкарев (1854 г.) и А. В. Пахомов (1868 г.). И. С. Хатисов много раз отмечал (1866 г.) распространение шелководства среди садзов; в частности, в тех аулах, которые были расположены в ущельях рек Махадыр и Лапста, он говорил, что там занимались «довольно много шелководством»²⁴³. Развитию шелководства в Абхазии способствовало повсеместное распространение шелковичных (тутовых) деревьев, листья которых служили кормом для шелковичных червей.

Надо сказать, что развитие шелководства вообще в Закавказье к этому периоду достигло значительного уровня. Шелководство стало распространяться из Закавказья и черноморских областей на губернии черноземного и даже промышленного центра России²⁴⁴. Толчком для развития и улучшения этой отрасли сельского хозяйства послужила нужда русской шелковой промышленности в отечественном сырье.

К началу 1840-х годов относится упоминание о разведении цитрусовых растений в Абхазии. Так, по сведениям И. С. Раджицкого, в 1842 году в Сухумском ботаническом саду росли в открытом грунте лимонные и апельсиновые деревья²⁴⁵.

²⁴⁰ ССКГ, 1972, в. VI, отд. III, с. 8.

Однако в целом по Абхазии развитие льна приходило в упадок, и настолько, что Н. В. Фон-Дервиз в 1893 году отмечал: «В прежние времена, как говорят, почти все занимались посевом льна в достаточном для своих нужд количестве; теперь же уже около 15—20 лет не сеют» (КСХ, 1894, 17 ноября).

²⁴¹ См.: Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 49.

²⁴² Введенский А. Н. Экономическое положение... С. 20—21.

²⁴³ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 14.

²⁴⁴ См.: Дружинин Н. М. Указ, соч., с. 61.

²⁴⁵ См.: Раджицкий И. Л. Указ, соч., с. 42.

Интересно также отметить, что, по данным Сухумской карантинно-таможенной конторы, в 1867 году из Сухума было вывезено 8 тыс. штук свежих апельсинов²⁴⁶. По свидетельству современников, в 60-х годах в Гаграх на каменистых местах встречалось масличное дерево²⁴⁷. В саду, находящемся недалеко от укрепления, писал И. С. Хатисов, «красуются оливковые деревья... Вдоль морского берега насажен также ряд довольно больших и сильных оливковых деревьев, приносящих в некоторые годы хорошие плоды. К удивлению, мы заметили на некоторых пунктах по склону хребта, обращенному на юг, оливковые деревья в диком состоянии... Мы полагаем, что если полсклона горы, обращенного к югу и покрытого в настоящее время лесом, засадить оливковыми деревьями, то, они, при хорошем уходе и правильной обработке, будут давать постоянно хорошие плоды, годные для употребления в пищу в маринованном виде или же для добывания масла»²⁴⁸.

А. Н. Введенский упоминает еще клещевинник, «дающий здесь хороший урожай»: «поджаривая и растирая зерна клещевинника, абхазцы употребляют их в пищу, как приправу для каши из кукурузы или гоми». В 1870 году «предполагалось сделать опыт посева клещевинника в больших размерах для выделки рицинового масла, и поэтому, для узнания степени годности зерен здешней клещевины, было послано в Керчь несколько семян из собранных на плантации кн. Г. Д. Шервашидзе...»²⁴⁹.

Следует отметить также факт развития огородничества и рост его товарности. Еще Ф. Ф. Торнау указывал, что абхазцы переняли у русских такие виды овощной культуры, как капуста, картофель и др.²⁵⁰ После введения в Абхазию русского управления крестьяне селений, расположенных поблизости к Сухуми, начали широко разводить огурцы и помидоры с целью продажи их жителям города. В имении Г. Д. Шервашидзе устройство огорода было предпринято в 1867 году, и дело пошло успешно. В особенности хорошо удалось картофель, морковь и бураки²⁵¹. Картофель успешно разводили в Пицунде²⁵².

В деле развития и внедрения в Абхазию огородных и других культур определенную роль играл Сухумский ботанический сад. Деятельность этого сада, замершая во время

246 См.: ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

* Семилетнее апельсиновое дерево в саду Ф. Завалского дало в декабре 1877 г. до 650 плодов, а в декабре 1878 г. — до 800.

247 См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 3 и 4, с. 7, 15.

248 См.: Там же, №№ 5 и 6, с. 4.

249 Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 8—9.

250 См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания... ч. I, с. 61.

251 См.: Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 45.

252 См.: ЗКОСХ, 1867, №№ 3 и 4, с. 7.

Крымской войны, вновь оживилась в 60-х годах. В начале указанного десятилетия здесь была развернута интродукционная работа. За короткое время было «акклиматизировано» много растений с целью именно введения их «в обыкновенное абхазское хозяйство». Среди них была капуста и; таким образом, был решен «самым удовлетворительным образом вопрос о возможности развития в Сухуме капусты». Пользуясь этим опытом, капусту начали разводить почти во всех сухумских огородах, а в 1867 году недалеко от города, около р. Гумисты, ею было засажено около 2-х десятин земли. Кроме того, при акклиматизационном саде были устроены виноградник и питомник плодовых деревьев для продажи населению Абхазии²⁵³.

Товарный характер приобретало также скотоводство. Продукты животноводства занимали значительное место в общем вывозе Абхазии. Интересен факт заготовки пастухами в горах во время летней пастбы сыра для продажи, что ранее не наблюдалось, так как это считалось чуть ли не позором (не заготавливали не только для продажи, но и для домашнего потребления). В отчете комиссии по исследованию земель северо-восточного берега Черного моря мы читаем: «В настоящее время абхазские пастухи приготовляемый ими на горах сыр и частью свежее молоко сносят вниз на равнину на плечах, в козьих шкурах»²⁵⁴.

Сельскохозяйственная техника, как уже отмечалось, находилась на весьма низком уровне. Тем не менее, и здесь наблюдался сдвиг, хотя и очень незначительный. А. В. Пахомов писал, что в южной части Абхазии употреблялся плуг с железным лемехом²⁵⁵. А. Н. Введенский возражал А. В. Пахомову, но признавал, что сведения последнего были справедливы Самурзаканского участка, и не отрицал того факта, что железный лемех все же встречался и в остальной Абхазии²⁵⁶. Происходило определенное развитие также в технике виноделия. А. В. Пахомов в 1868 году «для опыта и для примера» устроил маслобойню, в которой орехи растирались вертикальными жерновами, двигавшимися приводом от водяной мельницы, а масло выжималось прессом, действовавшим посредством клина²⁵⁷. Несколько усовершенствовались и получали распространение и некоторые другие орудия труда.

---

²⁵³ См.: Пахомов А. В. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении, с. 30—31, 36.

²⁵⁴ ЗКОСХ, 1867, №№ 5 и 6, с. 9.

²⁵⁵ См.: Пахомов А. В. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении, с. 37—38.

²⁵⁶ См.: Введенский А. Н. Экономическое положение... С. 6.

²⁵⁷ См.: Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 57.

5. Торговля

Присоединение Абхазии к России, как и всей Грузии и Кавказа в целом, имело прогрессивное значение и для развития торговли в крае. Уже в первый период после присоединения наблюдалось налаживание торговых отношений. Правда, царизм рассматривал внешнюю торговлю на Кавказе, прежде всего, как средство для распространения своего политического влияния в районе Черного моря. Ещё в 1810 году правительством Александра I утверждено Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии, в котором указывалось, что эти торговые сношения устанавливаются для того, чтобы «посредством оных приобрести доверие горцев»²⁵⁶.

Кавказский главнокомандующий генерал А. П. Тормасов, по проекту которого было приступлено к торговле с горцами в форме «меновых дворов»²⁵⁹, настойчиво обращался в Министерство внутренних дел с просьбой «о вызове российских купцов... доставить из Крыма в Мингрелию, Абхазию и Гурию на нескольких судах для вольной продажи» железо, шерсть, рыбу и пр., «что удовлетворит нужды сих народов, сделает притом выгодное для нас в них влияние...»²⁶⁰.

В апреле 1811 года феодосийский градоначальник Семен Броневский писал генералу Тормасову о принимаемых им «предварительных мерах... к соглашению торгующих доставлять в Абхазию, Мингрелию и Турцию разных российских продуктов». А 8 мая того же года он сообщал «проект составления здесь (в Феодосии. — Г. Д.) особой Мингрельской компании... с тем, чтобы основать главную контору свою здесь, в Феодосии, и 4 отделения в Сухум-Кале, в Поты, в Кутаисе и в Тифлисе. Пребывая в надежде, что сие новое учреждение, покровительствующее полезной торговле, будет основанием прочной уверенности новопокоренных азиатских областей в продолжительном их благосостоянии, через оживление там промышленности»²⁶¹.

Присоединение Абхазии, Мегрелии и Имеретии к России, писал Тормасов, «связало здешний край беспрепятственным сообщением с Тавридою и открыло новую отрасль промышленности между Крымом и побережными нашими владениями на Черном море. Правительство, пекущееся о распространении полезной торговли, обратило внимание свое и на сии

---

²⁵⁸ Цит. по: Фадеев А. В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX века. — Исторические записки, 1955, № 54, с. 338.

²⁵⁹ Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. — Кавказский этнографический сборник, I. М., 1955, с. 301.

²⁶⁰ Письмо ген. Тормасова ген. Ришелье от 22 января 1811 г. — АКАК, т. IV, с. 427—428.

²⁶¹ АКАК, т. IV, с. 540.

новоприобретенные наши владения, вследствие чего повелено было градоначальникам в торговых крымских городах Таганроге и Феодосии принять предварительные меры к соглашению торгующих обратить их торговлю с Абхазией, Мингрелию и Грузией...»²⁶².

В октябре 1811 года были изданы утвержденные Александром I правила для торговых отношений «с черкесами и абазинцами» (абхазцами. — Г. Д.), в которых говорилось: «Дабы возбудить сколько можно более сношений и посредством деятельности и выгод торговли внушить народам сим пользу ее и приучить к употреблению наших продуктов и изделий, назначаются два пункта для торговли: один в Керчи — для товаров, привозимых морем из Черномории и Абхазии, с полным торговым карантинном и таможенною, другой в Бугазе — меновой двор для товаров, привозимых сухим путем»²⁶³.

Вместе с тем была сделана попытка расширить торговлю с западно-кавказскими горцами при посредстве особых уполномоченных. Одним из них был генуэзский коммерсант, а впоследствии чиновник Министерства иностранных дел России Р. де Скасси. Последний в 1811 году представил херсонесскому военному губернатору дюку де Ришелье проект о «водворении спокойствия и обеспечения плавания» по берегам Черного моря посредством установления с черкесами и абхазами торговых связей. Скасси было разрешено вступить в переговоры с «владельцами тех народов», после чего он неоднократно приставал к берегам Черкессии и Абхазии, «производил мену и склонял к дозволению вырубать леса». С 1816 года Скасси получил «некоторые пособия отпуском из крымских озер соли», которую он использовал для обмена с черкесами и абхазами²⁶⁴.

В Записке департамента экономии Государственного совета от 17 января 1817 года читаем: ... жители Великой (Большой. — Г. Д.) Абхазии... получают ныне соль из Анапы и других пристаней Северной Анатолии. Департамент экономии полагает полезным, дабы сей народ с нами сблизить торговыми сношениями, снабжать одной солью нашею»²⁶⁵.

В том году российское правительство получило заявление греческого купца Георгия Скардена о выдаче свидетельства на право «поднятия российского флага» на двухмачтовом судне, построенном им у берегов Абхазии. Управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде 23 августа

---

²⁶² Предписание ген. Торماسова ген. Сталю от 18 мая 1811 г. — Там же, с. 403—404.

²⁶³ Шамрай В. С. Краткий очерк меновых сношений... Кубанский сборник, т. VIII. Екатеринодар, 1902, с. 367.

²⁶⁴ См.: АВПР, оп. II-3, 1816 г., д. 13, л. 153.

²⁶⁵ ВПР нач. XIX и нач. XX века. Документы... Серия II, т. I (IX). М., 1974, с. 394.

1817 года представил записку в Комитет министров, в которой указывал на «ощутительную пользу» развития торговли и кораблестроения на берегах Абхазии²⁶⁵. Энегольм, сведения которого относятся к 1817 же году, одним из средств «устройства земель» Абхазии, Мегрелии, Имеретии и Гурии считал приглашение из Крыма занимающихся торговлей людей, «кои вскоре бы открыли все источники богатств сих земель». Он призывал к открытию «способа к выгодному сбыту земных произведений» населения²⁶⁷.

В сентябре 1818 года Скасси был командирован уже в качестве официального лица «для собирания сведений о торговле и ресурсах» Абхазии. Он безуспешно пытался договориться с князем Гасанбеом Шервашидзе о покупке леса. Но все же Скасси сумел погрузить в Скурче (в устье р. Кодора) 200 штук дуба длиной в 2 саж. и фут в диаметре, причем купил его весьма дешево — за 240 рублей. Скасси был проведен абхазскими князьями вдоль побережья, но, приехав в с. Лыхны, он не получил от владетеля позволения идти до Пицунды, чтобы осмотреть леса и места, удобные для рубки и погрузки леса. Тем не менее, Скасси был доволен указанным коммерческим успехом в Абхазии и вскоре представил графу Нессельроде докладную записку, в которой описывал природные богатства края и выгоды его колониальной эксплуатации. Скасси подчеркивал, что режим военной оккупации не оправдывает себя в Абхазии²⁶⁸. Заманчивые предложения Скасси были поддержаны министром финансов Е. Ф. Канкриным.

Граф Канкрин был тем царским министром, который поставил открыто вопрос о Закавказье, как о колонии царской России, изложив подробно это свое мнение в проекте, поданном на имя Николая I в октябре 1827 года, напечатанном затем в официальном издании, вышедшем в свет в 1836 году под названием «Обозрение российских властей за Кавказом». «Закавказские провинции, — писал Канкрин, — принесут государству (России. — Г. Д.) весьма важные выгоды²⁶⁹. Канкрин план Скасси о новой организации торговли с горцами на Кавказском побережье Черного моря внес в Комитет министров, который в 1819 году утвердил этот план, а Скасси в 1822 году был назначен на должность «попечителя торговли с черкесами и абазинцами» (абхазами. — Г. Д.) с пребыванием управления предприятия в Керчи²⁷⁰.

Русские капиталисты начали проявлять больший, чем прежде, интерес к закавказскому рынку. В начале 30-х годов

²⁶⁵ См.: АВПР, II-5, 1817 г., д. 8, лл. 12—14.

²⁶⁷ См.: Энегольм. Указ. рук.

²⁶⁸ См.: АКАК, т. VI, ч. 1, с. 646—658.

²⁶⁹ См.: Обозрение российских владений за Кавказом, ч. I. СПб., 1836, с. 12.

²⁷⁰ Косвен М. О. Указ. соч., с. 301—302.

была создана «Мингрельская торговая компания». В 1832 году официально разрешается «приход торговых судов» в Сухум. Тогда же устраивается здесь таможенная застава.

Однако русская буржуазия была в то время еще слаба для того, чтобы утвердить свое господство на закавказском рынке. Сюда, в частности в Абхазию, товары попадали весьма далеким путем. Деятельность русских купцов на Черноморском побережье Кавказа тормозилась также англо-турецкой контрабандной торговлей. Некоторые местные феодалы тайно поддерживали эту торговлю, а слабая береговая охрана не могла еще пресечь ее²⁷¹. В то же время враждебная по отношению к России политика султанской Турции на Северо-Западном Кавказе создавала напряженную обстановку. Сухопутные и морские коммуникации, связывавшие Россию с Грузией, постоянно находились под угрозой. Коммерческое судоходство в кавказских водах Черного моря фактически сводится к нулю²⁷². Вместе с тем политика царизма в Закавказье еще определялась, главным образом, интересами русских крепостников-помещиков. Предложения Канкрин и его единомышленников вызвали крайнее раздражение в высших сферах кавказского командования²⁷³.

Торговые операции Скасси прекратились еще до 1828 года, а окончательно ликвидированы были в 1835 году²⁷⁴. Судьбу проекта Скасси разделили и начинания других коммерсантов. В частности, полную неудачу потерпел французский консул в Тифлисе Гамба, который был вполне солидарен с мнением Скасси в отношении необходимости развития торговли у берегов Абхазии.

В 1834 году министр финансов, по просьбе керчь-еникольского градоначальника, возбудил ходатайство перед комитетом министров об официальном разрешении русским купцам вести торговлю «с черкесами и абазинцами по восточному берегу Черного моря от Анапы до Сухум-Кале»²⁷⁵.

Особо следует сказать о Н. Н. Раевском — начальнике Черноморской береговой линии. Генерал Раевский стоял за план установления прочной экономической связи с Кавказом и существовавшие на Черноморском побережье укрепления рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли здесь. Он заявлял, что

²⁷¹ См.: Фадеев А. В. Материалы по истории Абхазии первой половины XIX в. Рукопись. — Арх. АИЯЛИ, ф. 1, д. 95, с. 142—146.

²⁷² См.: Фадеев А. В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма... С. 22.

²⁷³ Подробности об этом см.: Рожков М. К. Экономическая политика царского правительства на Свевнем Востоке во II четверти XIX века и русская буржуазия. М.—Л., 1949, гл. III.

²⁷⁴ См.: Фадеев А. Ф. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века М., 1958, с. 33.

²⁷⁵ См.: Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957, с. 89.

«бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». Раевский утверждал: «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими». «Я с торжеством читаю, — писал он в своем рапорте на имя военного министра Чернышева от 28 февраля 1841 года, — все, что полковник Астафьев доносит в. с. о развитии торговли с горцами». Раевский указывал на безынициативность русских купцов. Выказывался против, например, «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Раевский писал, что купечество пользуется долгим и дорогостоящим путем и еще не догадалось, что из Москвы, центра промышленности России, можно Волгой и Каспийским морем снабжать изделиями, через Баку, весь Закавказский край. Он просил правительство, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкессии, представить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы; привлечь частный капитал к установлению торговых сношений с горцами. Раевский призывал к борьбе против английской и турецкой контрабандной торговли, в чем должны были сыграть важную роль воздвигаемые им укрепления на Черноморской береговой линии²⁷⁶.

Раевский добился правительственного распоряжения об отпуске владельцу Абхазии ежегодно по 15 тыс. пудов крымской соли, чтобы тем самым пресечь контрабандную торговлю здесь со стороны турок. Такое мероприятие было целесообразным вследствие того, что турецкие купцы обменивали соль на различные продукты, а русские продавали ее за деньги, хотя почти в два раза и дешевле, и турецкая соль имела «несравненно более сбыту». Отпуском соли владельцу Абхазии Раевский стремился дать ему возможность «предпринять меновую торговлю с горцами, к которой русские промышленники не способны»²⁷⁷.

Критика и инициативность Н. Н. Раевского, как и следовало ожидать, привели к тому, что он вынужден был покинуть Кавказ. Об этом сам Раевский писал так: «Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край». Он просил, чтобы в предполагаемых военных действиях войска не переходили Белой реки, так как «иначе это уничтожит весь успех стараний о мирных сношениях и торговле с горцами»²⁷⁸.

Но несмотря на господствующее настроение среди военных деятелей в вопросе о торговле на восточном побережье Черного моря, торговые связи последнего с отдельными мес-

²⁷⁶ См.: Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами. — АКАК, т. IX, с. 471—474.

²⁷⁷ Рапорт генерала Головина графу Чернышеву от 12 июня 1840 г. — ЦГИА СССР, ф. 1268, он. 1, 1841 г., д. 136, лл. 5—9 об, 11.

²⁷⁸ АКАК, т. IX, с. 505.

тами Российской империи развивались. Росла как внешняя, так и внутренняя торговля края.

В связи с предложением изменить в Закавказье всю таможенную систему, было признано необходимым торговые пункты Гудава, Очемчиры и Келасури принять в карантинно-таможенное ведомство²⁷⁹, что и было сделано с 1 марта 1848 года. Карантинно-таможенная застава была учреждена в Очемчирах, а в других пунктах — карантинно-таможенные посты²⁸⁰. Надзор со стороны моря был возложен на крейсирующие военные суда и лодки, а по сухопутной границе — на разъездные посты. Для усиления же крейсерства по берегам Абхазии и Мегрелии были назначены особые команды²⁸¹. Черноморская береговая линия расширялась и укреплялась.

Все эти меры были направлены, ко всему прочему, против англо-турецкой контрабандной торговли на побережье. Трапезундская компания английских купцов, основанная в 1830 году и являвшаяся организатором этой торговли, не только наводняла своими товарами восточный берег Черного моря, но и старалась приобрести влияние и на политическое положение края²⁸². Вообще в это время враждебные России круги английской буржуазии всемерно старались помешать русским утвердиться на Кавказском побережье. Английское посольство в Константинополе стало центром организационной деятельности среди кавказских горцев. Хорошо известна шпионско-диверсионная деятельность Уркарта, Лайонса, Спенсера, Стюарта, Белла, Логворта, Найта и других английских агентов на Северо-Западном Кавказе²⁸³.

Положительное значение для населения указанных мероприятий русского правительства будет еще яснее, если иметь в виду, что они наносили удар по грабительской торговле и торговле пленниками, которую вели иностранные купцы.

Однако разбросанные на широком пространстве, изолированные друг от друга формы Черноморской береговой линии и русские сторожевые корабли не могли обеспечить полного пресечения деятельности указанных купцов.

Вред же, наносимый этой деятельностью, был весьма ощутительный. Поль Гибаль, сведения которого относятся к 1818—1819 годам, писал: «Торговля тупок на побережье Абхазии наносит ущерб абхазам и русским... Тупки постоянно натравливают абхазов против русских и их собственного вла-

279 См.: АКАК, т. XI, с. 948.

280 Там же, т. X, с. 218.

281 Одновременно князья М. и Д. Шевшидзе, владевшие указанными пунктами, были вознаграждены в размере 12 тыс. рублей.

Отчет чаместника Кавказа М. С. Воронцова за 1846—1848 гг. — АКАК, т. IX, с. 883—884.

282 См.: Льячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии ЗКОРГО, т. XX, 1910, с. 164—166.

283 См.: Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20—50 гг. XIX в. М., 1956, с. 16—17.

детельного князя, а турецкая торговля разоряет абхазов и не позволяет русским властям укрепляться на этом побережье»²⁸⁴. А М. А. Селезнев о грабительской торговле турок в Абхазии писал следующее: «засеянные поля разными семенами едва достаточны для их (абхазцев.— Г. Д.) пропитания и то отнимают у них турки, которым дозволено владельцем проводить торговлю. Они часто за поле кукурузы, стоящее тридцать рублей сер., дают вперед кусок гнилой нанки или полотна, и потом, когда поспеет, собирают на кочермы (лодки.— Г. Д.)... Часто не имея денег, абхазцы принуждаются в необходимом, и за тряпки, никуда не годные, отдают свое домашнее хозяйство»²⁸⁵.

Главной статьей контрабандного вывоза были рабы. Основным потребителем экспорта этого товара являлась султанская Турция, которая на протяжении нескольких веков поддерживала рабство и работорговлю на Кавказе вообще. «Весь Кавказ,— писал военный историк Р. А. Фадеев,— обращен был в один невольнический рынок..., целые войска мамелюков и багдадских гюрджей были поголовно составлены из кавказских невольников..., все белые невольники Турции и Персии вывозились с Кавказа, турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами»²⁸⁶. М. Пейсонель свидетельствовал, что торговля рабами в Крыму очень обширна; «...порабощенные принадлежат к четырем различным национальностям: черкесской, грузинской, калмыцкой и абхазской»²⁸⁷. Султанская Турция с кавказских правителей, подчинявшихся ей, требовала дань «отроками и отроковицами», т. е. мальчиками и девочками.

Торговля рабами была важнейшей экспортной нитью, связывающей кавказских и, в частности, абхазских феодалов с турецкими. Обе стороны извлекали из этой торговли огромные прибыли. С. Броневский писал, что в Сухуме «бывают знатные ярмарки для торга пленниками, равно как и в Искурии»²⁸⁸.

Барон Ан, командированный в Абхазию весной 1830 года, доносил графу Паскевичу: «Постыдная торговля пленными русскими и мингрельцами продолжается во всей Абхазии и в особенности жителями сел. Келасури, где находится 60 домов турецких, в коих торговля сия составляет главнейший и выгоднейший промысел»²⁸⁹.

---

²⁸⁴ Guibal P. Указ. рук., л. 132.

²⁸⁵ М. Селезнев. Указ. соч., кн. II, с. 209.

²⁸⁶ Фадеев Р. Шестьдесят лет кавказской войны. Тифлис, 1860, с. 16—17.

²⁸⁷ Пейсонель М. Указ. соч., с. 12.

²⁸⁸ Броневский С. Указ. соч., ч. 1, с. 350.

²⁸⁹ Донесение гр. Паскевича гр. Чернышеву от 8 июня 1830 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, лл. 9—10.

Ф. Ф. Торнау, также отмечая факт, что турки и в его время занимались работорговлей в Абхазии, пренебрегая опасностью, угрожавшей им со стороны русских крейсеров, писал: «В три или четыре рейса турок, при некотором счастье, делался богатым человеком и мог покойно доживать свой век: зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар»²⁹⁰.

Князь Баталбей Маршания в Цебельде в 30-х годах продавал ежегодно более 30 душ, «чем и выручал значительные барыши»²⁹¹.

Когда во время Крымской войны турецкие войска оккупировали Абхазию, то они сразу же принялись за торговлю людьми. 25 октября 1855 года из Абхазии сообщали, что «на Сухум-Кальский рейд прибыл английский пароход «Кенгуру», который занимается торговлей людьми (невольниками и невольницами). Соучастниками этой торговли людьми являются английские шкиперы, перевозившие этот живой товар»²⁹².

Надо отметить и тот факт, что несмотря на официальное строгое запрещение работорговли, запрещение это в действительности нарушалось отдельными должностными лицами. Известны, например, случаи, когда шкиперы турецких кочерм подкупали слугителей Сухумского карантинно-таможенного правления, назначаемых так называемыми гвардионами на эти кочермы. Так, гвардион Влас Степанов был изобличен в том, что вместе с подкупившим его хозяином кочермы турком Али вывез в Турцию более 40 душ обоего пола черкесов²⁹³.

Рабов продавали и покупали «на меру», т. е. считая рост человека по четвертям — «адза» (аза). Цебельдинский пристав в своем рапорте командиру войсками в Абхазии от 22 февраля 1866 года писал, что «стоймость ахашала (раба.— Г. Д.) обоего пола до запрещения продажи их врозь зависела от меры роста и телесных качеств»²⁹⁴; мальчики из ахашвала в 5—6 четвертей — «худза-фыдза» (хуза-фыза) ценились в 30—40 коров; девочки 8—10 лет, смотря по красоте, — от 25 до 60 и более коров, а если наружные качества вообще «выходят из ряда обыкновенных», то и до 120 коров. После же введения русского управления в Абхазии дети ахашвала в 5—6 четвертей стоили 15 коров (или 150 руб.) — 20 коров (или 200 руб.)²⁹⁵, а взрослые ахашвала — около 30 коров или 300 руб. По данным, собранным Сухумской сословно-позе-

²⁹⁰ Торнау Ф. Ф. Воспоминания..., ч. I, с. 49.

²⁹¹ Колюбакин Н. Картины и характер Кавказа. — Арх. АИЯЛИ, ф. 4, д. 12, л. 2.

²⁹² Буачидзе Е. Е. Указ. соч., с. 18.

²⁹³ См.: Покровский М. В. Указ. соч., с. 104, 112.

²⁹⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 191, л. 156.

²⁹⁵ См.: Там же, ф. ОВД, д. 41, лл. 20—38; ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 19; 1866 г., д. 1013, л. 14; ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 156, 158.

мельной комиссией, цены на рабов в 1864—1868 годах колебались от 14 до 500 руб.²⁹⁶

Вместе с тем подросток в 5—6 четвертей до введения русского управления был нередко своеобразно денежной единицей, служа разменной монетой. Товары подчас расценивались исходя из этой единицы измерения, т. е. «худза-фыдза» являлся мерилом стоимости²⁹⁷.

В 1831 году в Закавказье был упразднен льготный тариф, но в 1846 году краю вновь вернули льготы в области торговли с границей. Такое положение длилось до конца 1850 года; с 1 января 1851 года во всей Российской империи был введен новый таможенный тариф, касающийся налагаемых пошлин на ввозимые в Закавказье товары.

В Сухуме с 1845 года начало развиваться торговое мореплавание, и его успехи с этого времени делаются довольно заметными. До этого ежегодный приход судов не превышал в год 20 мелких баркасов; каботажное судоходство также было слабо и не превышало 240 судов малого размера. С 1845 же года приход судов из-за границы в первом году превзошел цифру 50 и, постепенно возрастая, достиг в 1850 году до 220 судов разной величины. Вместе с тем оживилось и каботажное судоходство, и теперь Сухумский порт посещали от 357 до 420 каботажных судов ежегодно²⁹⁸.

Приведенная ниже таблица дает представление о росте движения судов (с товарами и без груза) при Сухумском порте за 1832—1852 гг.²⁹⁹

Годы	По заграничному плаванию		По каботажному плаванию		Итого	
	в приходе	в отходе	в приходе	в отходе	в приходе	в отходе
1832—1836	63	11	298	245	361	256
1837—1841	39	32	804	809	843	841
1842—1846	117	67	1084	1777	1201	1844
1847—1851	841	354	1271	1712	2112	2066
1852	163	72	442	517	605	589
Всего	1223	536	3899	5060	5122	5596

²⁹⁶ См.: ЦГИАГ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 46 об.

²⁹⁷ См.: Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии. Сухум, 1933, с. 19.

²⁹⁸ См.: Пушкирев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. — ЗКОРГО, кн. II. Тифлис, 1853, с. 160—161.

²⁹⁹ См.: Приложения к статье С. И. Пушкирева «Краткий очерк портов...». Там же, с. 278—279.

С 1847 года, когда в Сухуме начала свои действия «первоклассная таможня»³⁰⁰, дальнейшее развитие внешней торговли стало более заметным. Причем среди импортировавшихся товаров удельный вес предметов роскоши все более увеличивался; это были дорогие шелковые ткани, английский фарфор, турецкие глиняные кувшины, лучшие французские вина. Привозились также бумажные и полушерстяные изделия, сахар, табак, сафьян, мыло, соль и др. Из «местных произведений» вывозились: самшит, кожи-сырье, воск, мед, кукуруза, рыбий жир, сало и пр.³⁰¹

Годы	Ввоз (в руб.)	Вывоз (в руб.)	Общий обор. (в руб.)
1832—1836	2 377,43	45 705,80	48 083,23
1837—1841	2 741,69	20 082	22 823,69
1842—1846	66 780,55	59 663	126 443,55
1847—1851	939 293,66	109 723	1 049 016,66
1852	184 964,75	38 001,50	222 966,25
Итого	1 196 158,08	723 175,3	1 469 333,38

Для характеристики того, как возрастали торговые обороты Сухума по заграничной торговле, выше приведена таблица³⁰².

Из приведенных данных явствует, что вывоз товаров из Сухумского порта имел гораздо меньшее значение, чем ввоз, как и во всем Закавказском крае. В продолжение 18 лет (1832—1850 гг.) в общей сложности из Закавказья было вывезено всех товаров на 15 095 860 руб., что составляло одну четверть всего импорта³⁰³.

Значительно увеличилась и каботажная перевозка товаров: в 1850 году ценность привезенных на каботажных судах в Сухум товаров не превышала 62 890 руб., а в 1852 году она поднялась до 197 576 руб. Вывоз же из Сухума каботажными судами товаров был еще более значительным; он равнялся в 1850 году 243 192 руб., в 1851 году — 326 181 руб. и в 1852 году — 254 985 руб. Причем эти торговые операции происходили между Сухумом и другими российскими портами и торговыми пунктами, а также и ближайшими заграничными портами.

³⁰⁰ См.: 28 мая 1847 г. были изданы правила для отправления иностранных товаров, очищенных пошлиной, посредством транзита, из Одессы в Закавказский край через Сухум и Редут-Кале (Лаврентьев. Указ. соч., с. 301).

³⁰¹ См.: Пушкарев С. Краткий очерк портов..., с. 161—162.

³⁰² См.: Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов...», с. 280—287.

³⁰³ См.: Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии, с. 80.

Каботажные суда в Сухум привозили из азовских портов и Керчи муку пшеничную, вино хлебное, керченский камень, железо и чугун в полосах, листах и разных изделиях, русские мануфактурные, галантерейные и другие товары; из разных мест Черноморской береговой линии — вымениваемые у населения воск, мед и кожи-сырье. Из Сухума вывозили в Керчь и азовские порты разные местные продукты, а также некоторые товары, привозившиеся из-за границы: портер, фаянсовую посуду и др., а по укреплениям Черноморской береговой линии, до Анапы включительно, развозились, кроме местных произведений, почти все привозившиеся из-за границы товары³⁰⁴.

Посредством каботажного судоходства между укреплениями Черноморской береговой линии гарнизоны укреплений получали все для своих нужд из Сухума, Новороссийска, Керчи и азовских портов. Кроме того, каботажными судами привозились из Сухума и Новороссийска много товаров для сбыта горцам на смену сырых их произведений. Наиболее значительный сбыт производился в укр. Св. Духа (Адлер), в земле садзов (джигетов), от которых товары шли к убыхам и далее в горы³⁰⁵.

Что же касается общего вывоза через Сухумский порт в российские порты, то он характеризуется следующими цифрами³⁰⁶:

Годы	На сумму (в рублях)
1848	6 223
1849	10 609
1850	17 711
1851	20 757
1852	16 473
Итого 71 773	

Представляет интерес также ассортимент этого экспорта. В приведенной ниже таблице перечислены основные «произведения Абхазии», вывозившиеся из Сухумского порта³⁰⁷.

³⁰⁴ См.: Пушкирев С. Краткий очерк портов... С. 162—163.

³⁰⁵ См.: Там же, с. 163.

³⁰⁶ См.: Приложения к статье С. И. Пушкирева «Краткий очерк портов...», с. 288—289.

³⁰⁷ Мы располагаем аналогичной таблицей и по вывозу «абхазских произведений» из Сухумского порта за границу (в Турцию) за те же годы (См. там же, с. 284—285). В ней, кроме перечисленных в данной таблице, значатся еще самшит («пальмовое дерево») и др. Надо сказать, что самшит в общем вывозе из Абхазии всегда занимал большой удельный вес. За период с 1842 по 1890 г. вообще из портов Кавказского побережья было вывезено 5165062 пудов самшита (См.: Заключенский Н. С. Леса Абхазии. М.—Л., 1931, с. 33). Вывозились и другие ценные древесные породы (орех, дуб, каштан, тис, кизил и т. д.). Между прочим, кизилковый лес изобильно рос в селах Ачадара и Гульрипш, отчего одно местечко в последнем получило название «Абгызырра» (искаж. «Агудзера», т. е. «Кизиловая роща»).

Название товаров	Количество	Общая цена ность (в руб.)	В % к общему: вывозу
1. Дерево ореховое	46 кряжей	264	0,3
2. Дрова	539 саж.	3240	4,5
3. Кожи воловьи, баран. и куньи	5345 шт.	10030	1,4
4. Шерсть овечья	196 пуд	297	0,4
5. Сукна	26 куск.	26	0,03
6. Бурки	17 шт.	34	0,04
7. Воск	312 пуд.	3040	4,2
8. Мед	2648 „	4074	5,7
9. Сало говяжье	64 „	132	0,2
10. Мясо копчен. свин.	810 „	970	1,3
11. Рыба	1270 „	1028	14
12. Жир рыбий	1290 пуд.	1250	1,7
13. Вино (виноградное)	38548 вед.	20548	28,6
14. Кукуруза	16360 пуд.	6201	8,8
15. Пшено (гоми)	1559 „	1059	1,5
16. Яблоки	800 „	700	1
17. Орехи	19988 „	18655	26
18. Ягоды	50 „	100	0,1
19. Лавровый лист	120 „	36	0,04
Итого		71683	100

Ассортимент вывоза продукции из Сухумского порта показывает, что во второй четверти первой половины XIX века основную его часть составляли вино, кукуруза, просо, орехи. Что касается отдельных направлений сбыта абхазских продуктов, то мы имеем сведения о том, что кожи воловьи и бараньи и воск были вывезены, главным образом, в Очемчиры и Редут-Кале, откуда были отправлены, вероятно, за границу; орехи, дрова, вино и мед — в Керчь, Анапу и частично в Таганрог и Ростов; кукуруза и просо — в Очемчиры, Бамборы и Редут-Кале³⁰⁹.

Относительно ввоза товаров вообще в Абхазию из российских портов в рассматриваемый период, к сожалению, мы не располагаем необходимыми данными. Но, несомненно, что этот ввоз все более возрастал.

Показателем постоянного роста экономических связей Сухума с другими российскими портами и прочими пунктами также является нарастание движения русских судов.

³⁰⁸ См.: Приложение к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов...», с. 288—289.

³⁰⁹ См.: Там же, прим. 1.

Годы	Приходы	Отходы
1851	97	90
1852	104	107
1853	191	199
Итого	392	396 ³¹⁰

Следует остановиться и на положении в других торговых местах Абхазии. Прежде всего возьмем Очемчиры. Здесь приход и отход мелких каботажных судов в 1852 году достигали 175. За границу отходило около 46 судов «с местными произведениями», которые состояли преимущественно из самшита и орехового дерева, кожи воска, меда и кукурузы. В 1851 году за границу было отправлено товаров на 23 990 руб., в 1852 году — на 15 394 руб. и в российские порты — на 8 220 руб. сер.³¹¹; в частности, если в 1848 году самшита было вывезено 8 630 пуд., то в 1851 году — 40 000 пуд.³¹² Характер ассортимента экспорта через Очемчирский порт виден из приводимой ниже таблицы.

Через Бамборы в 1850 году в Керчь, Анапу, Редут-Кале и Новороссийск было вывезено 12 800 ведер вина³¹³. В м. Гу-

Наименование товаров	1850		1851	
	Количество	Общая ценность (в рублях)	Количество	Общая ценность (в рублях)
1. Воск	404 п.	4293	647 п.	4700
2. Бурки шерстяные .	30 шт.	30	—	—
3. Самшит	20500 п.	5752	40000 п.	14100
4. Кожи воловьи и коровьи сырые . .	530 шт.	1123	460 шт.	618
5. Кожи сафьяновые .	20 „	10	—	—
6. Козы живые	—	—	80 шт.	80
7. Мед	601 п.	1089	721 п.	1116
8. Сало говяжье . . .	30 п.	105	33	108
9. Сукно простое . . .	—	—	100 арш.	10
10. Кукуруза	33932 п.	10682,50	4930 п.	1713
11. Шелк-сырец	35 п.	1798	25 п. 6 ф.	1481
12. Ковры шерстяные .	8 шт.	40	—	—
13. Прочие		20		54
Итого		24942,50		23980 ³¹⁴

³¹⁰ ЦГИАГ, ф. 1115, д. 11, л. 48 об.

³¹¹ См.: Пушкарев С. И. Краткий очерк портов... С. 159.

³¹² См.: АКАК, т. X, ч. 1, с. 208—210.

³¹³ См.: Кавказ, 1852, № 28.

³¹⁴ Там же, ф. 1396, д. 88, лл. 42—52.

дауты велась «мелочная торговля». Отсюда также вывозились самшит³¹⁵, ореховое дерево, кукуруза, воск, кожи, сушеные фрукты, орехи, хурма³¹⁶. Кукуруза являлась «главной статьей вывоза»³¹⁷.

Крымская война прервала на время развитие торговли в Абхазии, ставшей непосредственной ареной военных действий. Но вскоре после войны торговля начала расти более быстрыми темпами. Борьбе против контрабанды и дальнейшему развитию торговли способствовала деятельность «Русского общества пароходства и торговли» (РОП и Т), основанного в 1856 году. Общество ставило себе целью организовать сообщение по Черному морю, обслужить экспорт за границу и послужить судовым резервом для военного флота на случай войны. Оно имело собственное адмиралтейство в Одессе. Наместник Кавказа в своем отношении председателю Кавказского комитета от 17 июля 1868 года так определял задачи этого общества: «Усилить перевозку транспортных грузов с тем, чтобы на Черном море преобладал русский флот, который мог бы успешно конкурировать с иностранными пароходными компаниями»³¹⁸.

В 1860—1863 годах из Сухума было вывезено 25 464 пуда орехового дерева³¹⁹, а вывоз самшита из Абхазии в 1861—1865 годах составлял 556 785 пудов³²⁰. Вывозились также кукуруза, вино, дрова, кожа, воск, мед, сельди, фрукты, лавровый лист и пр.³²¹ Из 2 330 рейсов, совершенных в 1860 году каботажными судами в Поти, Николаевск, Редут-Кале и Сухум, на последний падало 769 рейсов³²². В 1862 году приход каботажных судов (с грузов и без груза) в Сухум, Очемчиры и Гудауты составлял 499 единиц и отход — 495 единиц³²³. Оборот торговли г. Сухума в 60-х годах равнялся: отпускной — 17,5 тыс. рублей, внутренний — около 536 тыс. рублей³²⁴.

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владения. Этот факт, несмотря на всю тяжесть для трудящихся царского колониального управления, способствовал втягиванию Абхазии, как и всего Кавказского края,

³¹⁵ См.: Только из ущелья р. Аапста вывозилось в среднем в год (до 1864 г.) около 10 500 пуд. самшита.

³¹⁶ См.: Смоленский С. Указ. соч. — Военный сборник, 1872, № 10, с. 322.

³¹⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 86, лл. 180—198.

³¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 13, д. 99, л. 1.

³¹⁹ См.: ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8.

³²⁰ См.: Там же, ф. 545, оп. 1, 1867 г., д. 246, лл. 65—90.

³²¹ В среднем за год вывозилось: сельди — около 195 пуд., орехов и хурмы — около 930 пуд., лаврового листа — 500 пуд., воска и меда — 800 пуд., кожи — 2 267 пуд., дров — 200 саж., куныего меха — 3 тыс. шт. (ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8).

³²² См.: ЦГИАГ, ф. 1115, д. 11, л. 94.

³²³ См.: Там же, л. 120.

³²⁴ См.: Там же, ф. 416 д. 1083. лл. 1—8.

в общую экономическую жизнь пореформенной России. В. И. Ленин указывал, что в это время в России «все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая»³²⁵.

А. В. Пахомов, говоря о первых последствиях упразднения в Абхазии владения, о «благодетельном влиянии» этого факта на сельское хозяйство Абхазии, приводил, как «более разительный пример», сведения о вывозе кукурузы, который увеличился с 108 457 пуд. в 1864 году до 166 320 пуд. в 1865 году цифры, взятые им из отчетов Сухумской карантинно-таможенной конторы³²⁶. О росте товарооборота говорят и данные таможенной заставы о пошлинах, поступивших за указанные же годы, — около 19 тыс. руб. и более 27 тыс. руб.³²⁷

По данным той же карантинно-таможенной конторы, мы имеем такую картину движения судов через Сухумский порт в 1867 году; всего ушло и пришло 721 судно; из них — 504 в российские порты и обратно, 217 — за границу. Таким образом, основная масса судов (70%) приходила из российских портов и направлялась туда же³²⁸. Еще более интересны данные о вывозе из Сухума. Уже таких предметов, как табак, мелкий орех, пшено, апельсины и инжир в указанном году было вывезено в пределы Российской империи около 420 пуд., причем из них 151 пуд был вывезен в Поти³²⁹.

Базары играли важную роль. В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии (1869 г.) подчеркивалось, что произошло увеличение числа береговых базаров в период русской власти³³⁰. Это были сухумский, келасурский, кодорский, тамышский, гудауский, илорский, очемчирский, гудаутский, бамборский базары. Отдельные лавки появляются и в ряде других мест (Дранда, на реках Мчишьта и Гумиста и т. д.).

Абхазское население постепенно втягивалось в рыночные отношения. Еще Скасси свидетельствовал, что жители с. Келасури доставляли в Сухумскую крепость «почти все, что там потребляется из съестных припасов; табак и материи для маркитантов»³³¹.

О продаже в Сухуме разных продуктов (куры, молоко, яйца, фрукты) абхазами свидетельствовал и Поль Гибаль. А по поводу своего пребывания на Кодоре в 1818 году он

³²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.

³²⁶ См.: Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 87.

³²⁷ См.: ЦГИАГ, ф. 80, д. 49, лл. 9—14.

³²⁸ См.: ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, лл. 23—44.

³²⁹ См.: Там же, л. 52.

³³⁰ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 71.

³³¹ АКАК, т. VI, ч. 1, с. 646—658.

писал: «Наш лагерь стал чем-то вроде рынка: к нам ежедневно приходили абхазы, приносившие кукурузу, сыр, яйца, виноград, кожи — одним словом, все местные товары»³³². Гамба, посетивший Сухум в июне 1822 года, также писал, что ежедневно абхазы, часто в большом количестве, приходили в Сухум «производить свои операции обмена». Здесь продавалась соль. Плата производилась куньими шкурками, стоившими 2—3 руб. штука; медвежьи шкуры ценились от 4 до 5 руб., волчьи — 2 руб., шакальи — 60 коп., дикой кошки — 20—40 коп.: продавался также воск³³³. Другой источник говорит о том, что с конца 20-х годов абхазы начали приходить к сухумскому берегу, где покупали соль, железо и другие товары, привозившиеся из Редут-Кале³³⁴.

Ф. Ф. Торнау свидетельствовал, что в Бзыбской Абхазии население вело определенную торговлю «съестными припасами, доставлявшую жителям деньги». Главным пунктом этой торговли здесь являлись Бамборы³³⁵. О бамборском базаре писал и Дюбуа³³⁶. Эдмунд Спансер, посетив этот пункт в 1836 году, писал, что в нем существовало «несколько базаров, кишаших азиатскими торговцами, наполненных грубыми русскими мануфактурами..., вместе с немногими блестящими безделушками для крестьян, а также солью и табаком»³³⁷. Более подробные сведения о той торговле, которую вели крестьяне на бамборском базаре, дает М. Селезнев. Жители близлежащих сел, особенно Лыхны, а часто и издалека, приходили и приезжали «продавать на форштате свои произведения и покупать нужное для своего обихода». «Каждодневно, — писал он далее, — базары наполняют толпы абхазов: они прохаживаются дружно из лавки в лавку..., торгуют яйцами, сыром и своим тарелочным медом». В Пицунду абхазские крестьяне также «приносили свои разные произведения и домашнее хозяйство, и продавали...»³³⁸.

Начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии ген. М. М. Ольшевский в рапорте на имя ген. Н. Н. Раевского от 3 сентября 1839 года отмечал, что Сухумский округ мог продать более 2 тыс. четвертей кукурузы и проса, 2—3 тыс. куньих шкурок. Продавались на деньги: кукурузы четверть 1 руб. 60 коп., проса — 3 руб. 20 коп., кунья шкурка — от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.; при обмене же на товары они обходились покупателям: кукурузы четверть 1 руб. 20 коп., проса — 2 руб. 50 коп., кунья шкурка — 1 руб. Затем следовало вино; ведро вина в Сухуме продавалось по 1 руб. 20 коп.

³³² Guibal P. Указ. соч., с. 76, 88.

³³³ Gamba. Указ. рук., лл. 54 об., 75 об.

³³⁴ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, 1843 г., д. 1083, л. 8.

³³⁵ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л. 52 об.

³³⁶ См.: Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 123.

³³⁷ Spenser E. Указ. соч., письмо ХХХ.

³³⁸ Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 189, 205.

Кроме того, население округа продавало до 500 пуд. шерсти, около 300 пуд. меда и столько же воска и 200 пуд. грецкого ореха; причем пуд меда продавали по 6 руб. 80 коп., воска — 10 руб. 40 коп. и орехов — 40 коп. Продавались также фрукты, а ближайšie к Сухуму жители приносили на продажу кур, каплунов, молоко, огурцы и лук³³⁹. Низкие цены на продукты в Сухуме по сравнению с Бамборами Ольшевский объяснял именно тем, что «окрестные жители приносят много на продажу съестных запасов»³⁴⁰.

Особенно интересно сообщение Ольшевского о том, что «большая часть абхазов узнала теперь цену деньгам, и потому охотнее продает свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров. Одна только соль исключительно выменивается на гомию, которая необходима горцам для употребления в пищу... Но ежели абхазу не нужна соль, то он старается продать свои произведения на деньги»³⁴¹. При этом Ольшевский писал об имевшихся в Сухуме злоупотреблениях: «Волепромышленники, желая купить дешевле какие-либо произведения, выходили версты за две от крепости и там покупали таковые у абхазцев; а потом продавали гарнизону гораздо дороже». Ввиду этого было назначено определенное место для торговли и торговцам было запрещено выходить за форштат для покупки продуктов³⁴².

Весьма интересен «Именной список промышленников в крепости Сухум-Кале», приложенный генералом Ольшевским к своему рапорту на имя Н. Н. Раевского от 3 сентября 1840 года. В этом списке среди «промышленников» и держателей лавок или духанов значатся: лыхненский крестьянин Куаташь Лакоба трижды, как продавец и собственник лавки (очевидно, речь идет о трех лавках или духанах), а в одном случае сказано, что он торговал «съестными и питейными припасами»; крестьянин Семен Лабахуа, ведший торговлю в лавке некоего Нико Хоперия; житель с. Река Шукония Пачулия, державший лавку и сам торговавший; лыхненский дворянин Якуб Лакрба, также державший лавку и сам ведший торговлю «мелочными товарами и съестными припасами»; лыхненский крестьянин Бесирк Кирзма (Гирзма), в лавке которого торговал один келасурский житель³⁴³.

С. Пушкарев видел, как «очемчирский базар каждое воскресенье наполняется женщинами — абхазками, продающими шелк-сырец и другие изделия рук своих и покупающими колленкор и ситец...»³⁴⁴.

³³⁹ См.: ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 4 об., 9 об.

³⁴⁰ См.: Там же, л. 11 об.

³⁴¹ Рапорт М. М. Ольшевского Н. Н. Раевскому от 3 сентября 1839 г. — ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 9—9 об.

³⁴² То же от 29 февраля 1840 г. Там же, лл. 11—12.

³⁴³ Там же, лл. 5—8.

³⁴⁴ Пушкарев С. Еще раз об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 99.

С. Смоленский, офицер сотни, стоявшей в Бамборе в июне 1859 года, свидетельствовал, что в первый же день их встретила целая толпа жителей, соседних деревень, которые несли на продажу сыр, кур, и яйца, причем отдавали десяток яиц за 2,5 коп. и курицу не дороже 10 коп. На следующий день посетителей явилось еще больше, тут были и жители других деревень; некоторые из них приходили «для продажи чего-либо»³⁴⁵. Автор особо подчеркивал факт дружбы между русскими солдатами и абхазскими крестьянами. Некоторые из лыхненских крестьян говорили Смоленскому, что у них есть дети, крещенные по-русски, восприемниками их были фельдфебеля из Бамборы, унтер-офицеры и их жены³⁴⁶. Дружба иногда сопровождалась взаимными подарками; в частности, абхазские крестьяне приносили сыр, молоко в бурдюках, кур, яйца и пр. Продавали крестьяне в лагере свои продукты преимущественно за деньги³⁴⁷. Из других фактов такого же рода, сообщаемых Смоленским, интересен следующий: абхазский крестьянин Халил, житель одной из ближайших к Сухуму деревень, летом почти каждый день приносил в город для продажи кур, сыр и молоко в бурдюке и ходил под окнами батальонных построений и штаба, выкрикивая «молоко». Автор сообщал и такую деталь: «Однажды Халил шел около походного духана с десятком кур, связанных ногами вместе и перевешенных через палку (головой вниз), лежавшую у него на плече»³⁴⁸.

Как уже отмечалось, в начале 50-х годов в Сухуме временно проживало 85 крепостных крестьян (правда, большая часть подданные мегрельского владетеля), которые занимались торговлей³⁴⁹. А. В. Пахомов писал, что значительная часть крепостных (ахоую) Д. Г. Шервашидзе, с позволения помещика и даже по его собственному желанию, занималась торговлей на келасурском базаре и имела там лавки. Так что большая часть келасурских торговцев состояла из крепостных князя Дмитрия Шервашидзе³⁵⁰.

В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии приводились следующие факты: жители ближайших к Сухуму селений привозили дрова на сухумский базар, а жители с. Лыхны — на гудаутский; «вообще сбыт дров в небольшом размере в духаны весьма обыкновенен... в Абхазии»³⁵¹. Факт такого характера приводил и А. В. Пахомов в своих замечаниях от 19 марта 1870 года на записку полк. П. Д. Краевича о позе-

³⁴⁵ Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, 1872, № 9, с. 151.

³⁴⁶ См.: Там же, 1872, № 10, с. 352.

³⁴⁷ См.: Там же, № 9, с. 152, 154.

³⁴⁸ Там же, 1874, № 8, с. 165—166.

³⁴⁹ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., л. 180, лл. 2—8.

³⁵⁰ См.: Пахомов А. Записка... С. 268, 270 и др.

³⁵¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869, л. 1017, л. 69 об.

мельной собственности в Абхазии. «После введения в Абхазии непосредственного русского управления, — писал он, — жители окружающих город Сухум селений, крестьяне князя Георгия Шервашидзе, начали приносить на своих плечах в город на продажу не дрова, а пучки хворосту и валежнику. Занимаются этой мелкой промышленностью преимущественно дети бедных крестьян». По мнению Пахомова, это было определенным «нарушением помещичьих прав»³⁵². Еще более интересны сведения Пахомова о том, что в тех же селах после 1864 года разведение огурцов и помидоров приняло довольно большие размеры, потому что крестьяне «нашли для себя выгодным сбывать эти овощи городским жителям»³⁵³. С. И. Пушкирев свидетельствовал, что абхазское население приносило на базары в Сухум, Келасури и Очемчиры кур, свежие фрукты, звериные шкуры, мед и воск³⁵⁴.

А. Н. Введенский писал, что «необходимое для продовольствия семейства крестьян количество орехов и каштанов оставлялось в запас, а остальное относилось на базары местечек Гудауты и Очемчиры, где эти продукты скупались и отправлялись в Россию»³⁵⁵. Крестьяне на сухумском базаре сбывали разные фрукты (яблоки, груши, орехи, инжир, черешни, персики, сливы)³⁵⁶, а также ягоды (ежевике, барбарис, кизил) и шишки (бешмала)³⁵⁷. В больших размерах продавалась и местная мелкая хурма, которая, вместе с тем, являлась, по словам А. В. Пахомова, предметом огромного вывоза в Россию, где она служила лакомством «для простого народа» и шла на винокурение³⁵⁸. Шелк-сырец сбывался так же, «как и все продукты полевого и домашнего абхазского хозяйства», на базарах г. Сухума и местечек Гудауты и Очемчиры³⁵⁹.

Эти и иные товары сбывались и на ярмарках, расположенных за пределами Абхазии, что является очень важным примером для характеристики факта втягивания края в общий процесс товарооборота. С. Броневский указывал, что абхазский мед сбывался в разных местах Грузии и на Кавказской линии³⁶⁰. Подполковник Арцруни в 1836 году в своей записке об учреждении ярмарок в некоторых местах Закавказья участие Абхазии в кутаисской ярмарке считал вполне определенным³⁶¹. А барон Розен в своем отношении тайному

³⁵² ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 9/36, л. 44.

³⁵³ Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 44.

³⁵⁴ Пушкирев С. И. Абхазия и абхазцы. — Кавказ, 1854, № 61.

³⁵⁵ ССКГ, 1872, в. VI, с. 20.

³⁵⁶ Там же, с. 21.

³⁵⁷ См.: Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 57—58.

³⁵⁸ См.: Там же, с. 57.

³⁵⁹ См.: ССКГ, 1872, в. VI, с. 21.

³⁶⁰ См.: Броневский С. Указ. соч., с. 329.

³⁶¹ См.: АКАК, т. VIII, с. 182.

советнику Блудову от 21 февраля 1837 года констатировал, что в Сенаки ярмарка начиналась в июне и продолжалась целую неделю, на которую съезжались жители из разных мест, в частности, из Абхазии. Причем «главный торг» производился лошадьми и скотом, а также местными шелковыми, бумажными и шерстяными произведениями и сукном³⁶². Г. И. Радде в 1865 году говорил о «возвращавшихся с зугдидского базара» жителях южной части Абхазии, а также о «постоянных торговых сношениях» цебельдинцев с карачаевцами³⁶³.

Мы выше говорили о том определенном, хотя и весьма медленном развитии, происходившем в жизни г. Сухума, в частности, по линии торговли. Из этой последней области в данном случае интересно заметить, что если к моменту упразднения Абхазского владения в Сухуме насчитывалось 24 купца³⁶⁴, то к исходу 1808 года их было уже 66 чел.; из них «лица, принадлежащие к местному купеческому сословию», составляли 29 чел., мелкие торговцы — 12 чел.³⁶⁵ Д. З. Бакрадзе в 1865 году писал о том, что самурзаканцы по всей Абхазии открывают духаны, «в которых занимаются куплею и продажею»³⁶⁶. Из отношения начальника Пицундского округа Бутми де Кацмана А. В. Пахомову от октября 1868 года мы узнаем, что кн. Ростом Маршания в Келасури продал 2 духана, которыми он прежде владел³⁶⁷.

Таковы были объективные последствия присоединения Абхазии к России и первые результаты оживления в некоторых сферах хозяйственной жизни края, вызванные постепенным приобретением народного хозяйства края к экономической системе России.

Однако в заключение настоящей главы необходимо подчеркнуть следующее. Первые зачатки развития капитализма, капиталистические тенденции мелкотоварного производства в Абхазии, проявлявшиеся особенно перед реформой, имели подчиненное значение. Приведенные данные, как уже частично говорилось, далеко не опровергают факта господства здесь натурального хозяйства, соединенного с домашней промышленностью, составляющего основу феодального способа производства, а свидетельствуют лишь о некоторых элементах подрыва натуральной экономики. Это выражалось в большом разнообразии барщинных повинностей и оброчных натуральных платежей, среди которых терялись денежные платежи, в удовлетворении нужд в промышленных изделиях в основном обычным для натурального хозяйства путем, в до-

³⁶² См.: АКАК, т. VIII, с. 183.

³⁶³ См.: Радде Г. И. Указ. соч., с. 18.

³⁶⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1—8.

³⁶⁵ См.: КК, 1869, с. 145.

³⁶⁶ См.: ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 96, л. 12 об.

³⁶⁷ См.: Там же, ф. 545, 1865 г., оп. 1, д. 180, л. 290.

машнем использовании подавляющей части продуктов, в чисто феодальном применении доходов.

Торговля, развивавшаяся в рамках феодального режима, обслуживала этот режим и способствовала усилению эксплуатации крестьян, являлась формой реализации части прибавочного продукта, создававшегося последними. Подобного рода торговля отнюдь не выражала отношений капиталистического производства. Приведенные в настоящей главе факты указывают лишь на некоторое развитие зачаточной формы товарного производства, как составной части феодального способа производства. Таким образом, упомянутые сведения являются только показателями того медленного процесса экономической дифференциации простых товаропроизводителей, который создавал лишь некоторые предпосылки для капитализма. Всякая же иная оценка этих фактов, преувеличение значения торговли в условиях предреформенной Абхазии неизбежно приведет к ошибочным выводам, к смешению товарного производства с капиталистическим.

Социально-экономическое развитие Абхазии в рассматриваемый период свидетельствует о прогрессивном значении присоединения ее к России. Учитывая, однако, прогрессивное влияние великого русского народа на все стороны жизни других народов, входивших в состав Российской империи, при этом ни в коем случае нельзя забывать и о другом — о колониальной политике царизма, произволе местной администрации, об отрицательном влиянии на развитие этих народов умышленной консервации культурной и экономической отсталости народов окраин со стороны царского правительства. Академик А. М. Панкратова в своей речи на XX съезде КПСС справедливо отметила, что «в наших учебниках и книгах по истории отдельных народов почти не уделяется внимания разоблачению национально-колониального гнета царского самодержавия»³⁶⁸.

Забывать об этом значит смягчить и приукрасить завоевательную политику царского самодержавия, умолчать о тех жестокостях, которые проявляли царские военачальники, о неограниченном произволе царских администраторов, обогащавшихся за счет прямого военного грабежа населения национальных окраин. Известна, например, директива Николая I об «усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных»³⁶⁹. Н. Н. Раевский с возмущением писал: «Местное правление на Кавказе недовольно отличало... частные разбои от общих нападений». Он подчеркивал, что царские военачальники «мстили целым племенам за вину нескольких людей». Бичуя «произвол, злоупотребления и бес-

³⁶⁸ Правда, 1956, 28 февраля.

³⁶⁹ Цит. по Фадеева А. В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке. — Вопросы истории, 1955, № 3, с. 74.

порядки», царившие в органах русской администрации на Кавказе, Раевский указывал: «В областях Кавказского края, где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»³⁷⁰. Русский революционер-демократ Н. А. Добролюбов отмечал, что царское управление на Кавказе «не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями»³⁷¹.

Принявшие подданство России кавказские народы на протяжении многих десятилетий управлялись военными чиновниками. Еще генерал Ермолов, вскоре после своего назначения на Кавказ в 1816 году, дал такой отзыв о царских чиновниках в Грузии в донесении начальнику Главного штаба: «Если и приезжают в Грузию чиновники, то, конечно, большею частью такие, которые по ограниченным способностям и другому поведению нигде уже в России не могли найти себе места. Вся цель их состоит только в том, чтобы, воспользовавшись определенным пособием, иметь возможность удовлетворить своим наклонностям»³⁷². Граф Паскевич в 1829 году также писал: «Народ страдал, правосудия не было... Злоупотребления низших местных начальств доходили до высшей степени»³⁷³.

Сенаторы Кутайсов и Мечников, производившие ревизию управления Грузией в 1830—1831 годах, сообщали, что приставы управляют не как чиновники от правительства, но как помещики своими поместьями³⁷⁴. Генерал Филипсон, вспоминая о периоде своей службы на Кавказе, писал, что последний в это время являлся «убежищем и сборным местом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения»³⁷⁵. В Абхазии, в частности, в этом отношении положение особенно обострилось после введения в ней непосредственного российского управления, о чем будет сказано в соответствующем месте.

Понятно, что военно-феодальные методы управления, колониальный гнет и жестокие репрессии вызывали стихийное недовольство масс местного населения. Крестьяне в этом движении выступали против России царской, против которой неустанно боролся и сам русский народ; против того правительства, которое А. И. Герцен в «Колоколе» назвал «шайкой разбойников и негодяев».

Именно поэтому лучшие представители русского народа —

---

³⁷⁰ Цит. по Фадеева А. В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке. — Вопросы истории, 1955, № 3, с. 74.

³⁷¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, с. 155.

³⁷² АКАК, т. VI, ч. 1, с. 45.

³⁷³ Там же, т. VII, с. 18.

³⁷⁴ Там же, т. VIII, с. 41.

³⁷⁵ Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 178.

Чернышевский и Герцен поддерживали освободительную борьбу народов Российской империи против царизма. Они предсказали будущее освобождение этих народов, их объединение в братской семье. В 1853 году Герцен писал: «Из-за насильственного единства виднеется единство свободное..., единство, основанное на признании равенства и самобытности...»³⁷⁶.

---

³⁷⁶ Герцен А. Полн. собр. соч. и писем, т. 7. Пгр., 1919, с. 257.

Глава четвертая

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ФЕОДАЛЬНОЙ АБХАЗИИ

1. Феодалы

1. Предварительные замечания

Абхазия в предреформенный период оставалась краем господства феодальных отношений и натурального хозяйства, с весьма слабым развитием торговли и городской жизни. Здесь еще ощущались родовые пережитки и патриархально-общинные традиции.

Сухумская сословно-поземельная комиссия писала, что в Абхазии, «с одной стороны, стояла владетельская власть и иерархия сословий, что придавало феодальный характер учреждениям страны, с другой стороны, выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владетеля и произволу высших сословий, определявшее отношения между всеми сословиями и заключающее в себе, в известной мере, гарантии для обеспечения нарушения права и восстановления права нарушенного, или по крайней мере известного удовлетворения за нарушение его»¹.

«Противоречащим феодализму общественным устройством» была прежде всего абхазская община в ее своеобразной форме. В Абхазии не было общинной собственности на пахотные земли. «Каждый поселянин, — писал Н. В. Фон-Дервиз, — имеет свои участки усадебной и пахотной земли, которые закреплены за ним межеванием... Ввиду этого землепользование следует считать подворно-участковым, так как, повторяю, земли, отведенные в подворное владение, в пределы не поступают»².

Однако «поселяне» были объединены в сельские общины, а в общинном пользовании находились леса и пастбища. Дан-

¹ [Краевич П. Д.]. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. (Извлечение из трудов Сухумской сословно-поземельной комиссии, представленных в 1869 году). — ССКГ, 1870, в. III, с. 3.

² Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Записки бывшего лесничего), с. 30.

ное объединение, в которое включались (что очень характерно) и феодалы, носило черты дофеодального быта. Не удивительно, что абхазский термин «акыта» (акыта) означал одновременно и селение и общину «с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии»³, хотя не всегда территория общины совпадала с территорией села, которое могло состоять и из нескольких общин. Ф. Ф. Торнау, говоря о северо-западных абхазах-садах, писал, что у них «обществ столько же, сколько селений»⁴. Каждая община имела свои границы, «за них бывали между общинами споры. Действительными границами были пределы безопасности. Границы притязаний шли обыкновенно гораздо дальше и в особенности, если земли были удобные, или нужные, как например, горные пастбища. Во всяком случае, община пользовалась этими, незанятыми ее членами, свободными землями в пределах ее территории». Пришельцы же, водворившиеся в какой-либо общине, обязаны были принести присягу, что «будут соблюдать общинные правила, будут защищать союз и сами пользоваться защитой». Причем община охотно принимала «всех беглых и недовольных» в сознании того, что «чем многочисленнее будет община от присоединения к ней новых, тем больше будет для одной ее части обеспечена нужная безопасность и тем больше будет иметь другая ее часть силы для нападения на соседей»⁵.

В «Краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани»⁶ говорится: «Основанием общественного устройства Абхазии и Самурзакани служили многие союзы, на которые делились эти страны, родственные в отношении племенном и составлявшие долгое время одно политическое целое, под управлением владетелей из двух линий фамилии Шервашидзе. При слабости владетельской власти население Абхазии стремилось «к обеспечению своих прав и к ограждению внутренней и внешней безопасности посредством соединения жителей в союзы или общины (акыта), жившие своей особою внутренней жизнью, на основании издавна установившихся взаимных отношений между членами общины»⁷.

В сохранении общинных порядков большую роль играло также отгонное скотоводство. Весенние и осенние перегоны скота на большие расстояния по горным дорогам, охрана стад:

³ Краевич П. Д. Очерк... С. 4—5.

⁴ Дзидзария Г. А. Торнау Ф. Ф. и его кавказские материалы. XIX века. М., 1976, прилож., с. 105.

⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1033, лл. 1—7.

⁶ Эта «Записка», подписанная начальником Кавказского горского управления г.-м. Д. С. Старосельским, была составлена в 1869 году, в основу которой была положена названная выше обширная записка председателя Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Д. Краевича.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 45.

на отдаленных от селений высокогорных пастбищах и т. д. требовали общинного объединения жителей. А. В. Фадеев правильно отмечает, что вне общины кавказский горец становился в этих условиях совершенно беспомощным. «Это обстоятельство, — пишет он, — и было, по нашему мнению, одной из главных причин живучести общинных порядков указанных горцев»⁸.

Но в силу развития феодально-крепостнических отношений в рассматриваемый период положение абхазской акыта — права общины — изменяется; община разлагалась, хотя, повторяем, еще сохранялись некоторые дофеодальные пережитки, особенно в высокогорных изолированных местах, где патриархально-общинный уклад был еще достаточно крепок.

«Каждая такая община представляла две категории населения и два рода отношений: в общине находился непременно ахалапшю (ахылапшю. — Г. Д.), т. е. покровитель, защитник, подле которого группировались хипши, т. е. покровительствуемые, — а из взаимодействия этих двух элементов населения каждой общины образовались все действовавшие в среде ее отношения»⁹. С. Броневский писал еще яснее: абхазские общины делились на «аристократические», «которые управляются князьями», и «демократические» — «абхазские вольные общества»¹⁰.

Это вынужден был признать и автор напечатанной в 1872 году критической статьи «Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов его населяющих» А. Н. Введенский¹¹, сочувственно в целом относится к приведенной выше характеристике роли акыта (общины) со стороны Сухумской сословно-поземельной комиссии. А. П. Черепов, хотя и называл ахылапшю или «покровителя» «первым между равными» в акыта, призванным собирать сходки (анбабара) для обсуждения мер к охранению союза (ажвлар), предводительствовать в набегах, ходатайствовать перед владельцем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. д., но в сущности характеризовал его как типичного феодала, по отношению к которому крестьяне данной общины, которых сам Черепов именовал «хипшы», т. е. зависимыми, выступали как эксплуатируемая масса¹².

Сухумская сословно-поземельная комиссия прямо разъясняла, что под «ахылапшю» надо понимать тавада (князя) или аамста (дворянина)¹³. Интересно здесь отметить заявление

⁸ Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков. — Вопросы истории, 1958, № 5, с. 135.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., л. 74, л. 45.

¹⁰ Броневский С. Указ. соч., с. 39—40.

¹¹ См.: ССКГ, 1872, в. VI.

¹² См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 402—403.

¹³ См., например, ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, л. 415, л. 18.

военного министра Д. А. Милютина о том, что в Большой Кабарде аульными владельцами, «совершенно соответствующими» абхазским ахалапшю (покровителям), ... «могли быть только лица, принадлежавшие к известным почетным фамилиям»¹⁴. Поэтому не удивительно, что на общинном сходе решающее слово принадлежало ахылапшю — феодалу, как и на всеабхазских народных собраниях, обычно происходивших в с. Лыхны, созывавшихся для обсуждения вопросов войны и мира и т. д., главенствующая роль принадлежала владельцу и вообще феодальным слоям.

Таким образом, указанные пережитки родовой организации были в значительной степени феодализованы, под оболочкой патриархально-родовых отношений в большинстве случаев скрывались, по существу, феодальные отношения. Феодализован был и абхазский общинный суд, в состав которого включались князья и дворяне, причем он контролировался тем же ахылапшю — феодалом. С другой стороны, общинный обычно-правовой суд отчасти ограничивал произвол феодалов, как и обычай кровной мести в какой-то мере сужал объем их безнаказанности. О составе таких судов можно судить по с. Джгерда, где в 1866 году общинным старшиной являлся князь Хасан Маршания, судьями — князь Салыбей Ачба (Анчабадзе) и дворянин Хусейн Чрыгба, «выборными» — дворянин Дадын Рыфта, анхаю Муса Амба и Мурзакул Иванба и ахою Коблук Харания¹⁵.

Откровенное изложение помещичьих взглядов на взаимоотношения между крестьянами, входившими в акыта, и князьями накануне отмены крепостного права дает А. В. Пахомов (19 марта 1870 г.) в «Замечаниях на записку генерального штаба полковника Краевича о поземельной собственности в Абхазии»¹⁶, подчеркивая, что сословно-поземельный вопрос в Абхазии должен быть разрешен на тех же общих положениях, которые приняты для его разрешения в Восточной Грузии, Имерети, Гурии и Мегрелии. Пахомов категорически возражал против стремления Краевича свести отношения абхазских помещиков к крестьянам к отношениям покровителей к покровительствуемым. В частности, он писал, что ахылапшю являлись лишь управляющими отдельных имений князей Шервашидзе; не имея собственных крепостных, они получали от управляемых ими по поручению помещика крестьян некоторые услуги вместо жалованья. Заявление А. В. Пахомова — управляющего имениями и поверенного князя Г. Д. Шервашидзе — целиком отображало классовую точку зрения абхазских феодалов, изложенную ими в докладной записке от 23 апреля 1870 года и представленную в Комитет

¹⁴ Доклад Д. И. Милютина Александру 11 от 8 ноября 1870 г. — ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., оп. 258/908, 1870 г., д. 41, лл. 115—134.

¹⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 181, л. 177.

¹⁶ См.: Там же, ф. 1719, оп. 1, д. 9/36, л. 36.

по освобождению зависимого сословия среди горского населения Кавказа¹⁷.

В этих противоречивых сведениях об отношениях князей, дворян и крестьян, несомненно, отразилось прошлое акыта и его современное крестьянской реформе состояние. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Д. Краевич стремился в идиллических тонах представить отношения между абхазскими помещиками и крестьянами, используя для этого старинные предания и фактически существовавшие в стране дофеодальные пережитки, в значительной степени поколебленные к моменту крестьянской реформы. Но искажали действительное положение вещей и абхазские феодалы, которые утверждали, что вся земля в Абхазии была полностью «разделена между частными собственниками» — княжескими и дворянскими фамилиями¹⁸. О сохранении пережитков патриархально-родового строя свидетельствуют многочисленные материалы не только дореформенного, но и пореформенного периода¹⁹.

Влияние и значение привилегированного сословия — князей и дворян в отдельных случаях были весьма различны: «находились в прямом отношении с силою покровительствуемой» ими общины²⁰. Вместе с тем сам термин «покровитель» — «ахылапшю» не совсем правильно отражал сущность установившихся к предреформенному периоду отношений между феодалами и крестьянами, поскольку власть первых определялась и степенью сохранения в общине дофеодальных пережитков, а также и силой сопротивления крестьян крепостническому гнету. Кроме того, надо иметь в виду и степень близости отдельных «привилегированных» фамилий к владельческому дому²¹. Все эти вопросы более или менее детально будут рассмотрены в дальнейшем изложении.

Несмотря на частично уже отмеченные трудности, тем более в результате наличия в исторической литературе многих противоречий в определении отдельных социальных групп и их взаимоотношений в дореформенной Абхазии, можно совершенно определенно сказать, что здесь существовало четкое классовое разделение с более или менее ясно очерченными правами и обязанностями каждого сословия.

Абхазское общество делилось на два противоположных класса: феодалов и эксплуатируемых трудовых крестьян, из которых последние составляли, по данным 1865 года, около 92 процентов всего населения Абхазии²².

Общественный строй феодальной Абхазии характеризо-

17 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1014, лл. 38—45.

18 Там же.

19 Олонекский А. А. Крестьянская реформа 1870 г. в Абхазии. — Труды АЯЛИ. Сухуми, 1954, т. XXV, с. 125—126.

20 Старосельский. Краткая записка..., л. 45.

21 Олонекский А. А. Указ. соч., с. 127—128.

22 См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 107, лл. 44, 48—49.

вался социальной иерархией со значительным числом ступеней. Феодалная знать была представлена двумя основными сословиями: тавадами (атауад)²³ и аамста (аамста), которые в 1865 году составляли 2811 чел. Следует отметить, что у них, как свидетельствует и П. Гибаль, не было документов, удостоверяющих их социальное положение и земельную собственность²⁴. К ним примыкали представители высшего духовенства, которые и по происхождению, как правило, принадлежали к тем же феодалам (общее количество духовных лиц в 1865 году равнялось 283 чел.). Промежуточное положение между высшим сословием крестьянства и дворянством занимали ашнакума (910 чел. в 1865 году) — телохранители владельца и других наиболее крупных феодалов²⁵. Говоря словами Р. де Скасси, «между большим числом мелких князей и дворян» была «Абхазия разделена»; им «принадлежат более или менее обширные владения, в которых они, несмотря на это, не являются абсолютными хозяевами; они признают за владельца кн. Сафар-бея, как старшего из фамилии Шервашидзе»²⁶.

Вот как Ф. Ф. Торнау в общих чертах характеризовал абхазских князей и дворян: они имеют одинаковые «права над народом» и те же обязанности в отношении к владельцу, «составляют господствующий класс земледельцев. Крестьянами они владеют на правах подданства за землю, которую они их наделяют, сами избавлены от податей и не подлежат другому наказанию, кроме денежной пени. По зову владельца они обязаны собираться для защиты края и его собственного лица, обязаны также почтить его подарками, когда он посещает их дома»²⁷.

Личность феодала охранялась обычным правом, выражавшим волю господствующего класса. По абхазскому феодальному алату, она считалась неприкосновенной, а воля его — законом. В прежнее время, писал Ив. Аверкиев, за кровь князя убийца из крестьянского сословия осуждался на смерть, а вместе с ним той же казни подвергался и весь его род²⁸. С те-

²³ У абазин термин «тавад» употребляют ашхарцы, а остальные же абазиния — «аамстаду», т. е. «большой аамста». Вообще сословная терминология абазин в подавляющем большинстве совпадает или же напоминает соответствующие абхазские термины, что, по мнению Л. И. Лаврова, указывает на факт разделения абазин на различные социально-классовые группы еще до переселения их на Северный Кавказ (Лавров Л. Абазиния, с. 20).

²⁴ Guibal P. Указ. рук., л. 140 об.

²⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 107, лл. 44, 48—49.

²⁶ АКАК, т. IV, ч. II, с. 646—658.

²⁷ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. I, с. 57.

²⁸ См.: Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 72.

Об этом Ф. Завадский также писал, что посягательство крестьян на жизнь помещиков «влекло за собой истребление всего рода преступника без всякого суда» (Ф. Завадский. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 61).

чением времени «смягчились постановления по адату», и смертная казнь убийцы была заменена пеней. Но за смерть князя и дворянина назначалась несравненно большая пеня, чем за смерть крестьянина: если за убийство крестьянина, в зависимости от его принадлежности к той или иной категории, платилось от одной до трех душ крестьян, то за дворянина — 16, а за князя — 30²⁹. М. Т. Джанашвили также подчеркивал, что «в деле кровомщения большую роль играло происхождение»; так, исключалось вымещение на князе-убийце крови убитого крестьянина³⁰.

Что же касается владетельской фамилии, то считалось, что по отношению к ней не может быть цены крови. Убийство члена дома владетельного князя, а тем более самого владетеля, «кем-либо из низших» сословий считалось делом, которого местный закон или обычай не смел коснуться³¹. Поэтому, если убийство обыкновенного помещика крестьянином относилось ко «второй категории уголовных преступлений», то убийство владетеля и членов его дома относилось к «высшей категории уголовных преступлений»³².

2. Владетель

Описанное выше положение говорит о наличии определенной дифференциации среди абхазских феодалов. Наиболее привилегированную часть составляли князья, которые, в свою очередь, делились на степени, причем тавады Чачба (Шервашидзе), прежде всего члены семьи владетеля Абхазии, занимали первенствующее положение и пользовались повинностями крестьян «более других князей»³³. В источниках мы часто находим указание на существование в Абхазии князей «двух родов», из коих «первый составляют члены фамилии Шервашидзе»³⁴, соответствовавший грузинским батонишвили.

Владетель Абхазии — ах (ах), основную социальную опору власти которого составлял феодальный класс Абхазии, имел высшую военную и административную власть и представлял княжество во внешних делах, считался «главой страны..., и все население считало себя подданным его»³⁵. Однако вследствие раздробленности княжества и феодальных междоусобиц власть его была слаба, отдельные князья и дворяне находились лишь в номинальной зависимости от владетеля;

²⁹ См.: Аверкиев Ив. Указ. соч.; Завадский Ф. Указ. соч.

³⁰ См.: Джанашвили М. Абхазия и абхазцы, с. 11.

³¹ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 4, д. 8, лл. 1—13.

³² См.: Завадский Ф. Указ. соч.

³³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1913, л. 1.

³⁴ Лаврентьев А. Н. Указ. соч., с. 268; ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 58.

³⁵ ССКГ, 1870, в. III, с. 9—10.

были даже районы, где владельца почти не признавали. «Страна эта, — писал П. К. Услар в 1856 году, — не составляет целого политического тела: она разделена на три округа..., владельцы которых все принадлежат к фамилии Шервашидзе, управляют, на основе прежних обычаев, каждый своим округом самостоятельно, и в этом отношении совершенно равны между собою. Таким образом, с абхазской точки зрения, признанный нами владелец Абхазии есть не более, как старший между равными, посредник между русским правительством и двумя другими, — повторяю еще раз, — равными самому владельцу князьями»³⁶.

В официальных материалах встречаем и такое сообщение: «По феодальному устройству Абхазии владелец был в ней правителем не полновластным. Сильная аристократия имеет независимое от владельца внутреннее управление своими землями, а обычай кровомщения, восстанавливающий часто целые фамилии одну против другой, доходит у ней почти до политического права войны и мира. При этом состоянии общества Абхазии князья ищут союзов один против другого, а на всякий случай и против владельца, в своей земле и в независимых от владельца горных обществах: Цебельде, Псху, Ахчипсоу и проч.»³⁷. Это отмечал и Ф. Ф. Торнау, который писал, что «власть владельца весьма ограничена..., он в зависимости от сильных князей и дворян, которых ему весьма трудно заставить себе повиноваться»³⁸.

Тем не менее с помощью царских властей происходит значительное усиление власти владельца Абхазии Михаила (Хамудбея) Шервашидзе (Чачба). Генерал Г. И. Филипсон писал, что начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский «сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии... Анреп и Будберг во всем одобрили и поддержали систему, принятую их предместником»³⁹. Наместник Кавказа великий князь М. Н. Романов в записке, составленной им в марте 1864 года, т. е. накануне упразднения Абхазского владительства, недвусмысленно подчеркивал: «Правительство наше осыпало его (М. Шервашидзе. — Г. Д.) щедрыми наградами: награждало всех, кого он желал, без суда отправляло в ссылку тех, кто казался ему вредным. Благодаря этой поддержке, власть кн. Шервашидзе, прежде весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченной...»⁴⁰.

В Центральном государственном историческом архиве СССР имеется дело за 1844 год, которое называется: «Дело

³⁶ Записка о военных действиях Гурийского отряда за время командования ген.-м. кн. Багратион-Мухранского, составленная начальником штаба отряда полк. Усларом, 1856 г., АКАК, т. XI, с. 237.

³⁷ ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 41, лл. 44—49.

³⁸ Торнау Ф. Ф. Обычай абхазского народа и разделение его на состояния. 1835 г. — Дзидзария Г. А. Торнау Ф. Ф., прилож., с. 120.

³⁹ Филипсон Г. И. Воспоминания... С. 255.

⁴⁰ ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, л. 12.

о предоставлении начальнику Черноморской береговой линии права отправления в ссылку абхазцев, замеченных владельцем Абхазии в плохом поведении»⁴¹. Это отмечал и председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии П. Д. Краевич, который писал: «... Русское правительство поддерживало владетельскую власть до самого упразднения оной в 1864 году, и только благодаря этой поддержке, за владельцем упрочилась сила и значение...»⁴². «... Шесть тысяч русских штыков всегда готовы были действовать согласно с видами владельца» Абхазии⁴³.

А. Н. Введенский обязанности русской администрации в Абхазии видел даже «в поддержании владетельской власти, в случае надобности, вооруженною силою, и в исполнении распоряжений владельца, касавшихся высылки из края или тюремного заключения лиц, по мнению владельца заслуживавших этого; последнее исполнялось с предупредительностью, без всякого разбора даже причин, подававших повод к наложению наказания», и таким образом владелец, вверив управление округами членам своей фамилии, «значительно расширили свою власть на счет прав всех сословий населения», вследствие чего значение «высших сословий немного пало»⁴⁴.

Владелец решительно понижал всякого, кто мог быть опасным для его власти, и он, опираясь на поддержку царизма и по «праву блюстителя закона», мог всегда положить предел возвышению одного лица или фамилии⁴⁵. Ему в этом случае можно было и не прибегать к насилию, а достаточно было членом какой-либо приходившей в упадок фамилии приблизить к себе. «Покровительство» владельца всегда считалось выше покровительства каждой из тавадских фамилий, а потому и лица, приближенные к владельцу, всегда могли рассчитывать на увеличение числа своих подвластных. В Абхазии «постоянно шел процесс возвышения одной фамилии за счет других, но возвышения только до известной степени»⁴⁶.

До владельца Абхазии Келешбея Шервашидзе и в первое время его управления первенствующей была фамилия Дзапшипа, но вскоре она пала, уступив при Сафарбее место князьям Инал-ипа. Когда Нарчоу Инал-ипа возвысился до того,

41 См.: ЦГИАГ, ф. 1268, оп. 1, д. 653, лл. 1—7.

42 Краевич П. Д. Очерк..., с. 21.

43 Эсадзе С. Историческая записка..., т. 1, с. 132.

44 Введенский А. Н. Абхазцы..., с. 4, 24.

45 См.: Так, в начале 1864 года Михаил Шервашидзе, разгневавшись на «начальника» Абжуйского округа Григория Шервашидзе, уволил его от этой должности и назначил вместо него пользовавшегося его «особым покровительством» Касана Маргания (См.: Эсадзе С. Историческая записка..., т. 1, с. 218).

46 Введенский А. Н. Абхазцы..., с. 32.

что выказал неповиновение Михаилу Шервашидзе, последний наказал его с помощью дворян Маан (Маргания), род которых со времени появления в нем Каца, потомка Хыбра (отсюда — Хыр-ипа Маан Кац, как обычно называли его в народе), сделался влиятельнее всех князей. Но и последний при первом высказанном им неудовольствии на владетеля потерпел сильное крушение, и владетель начал поддерживать снова фамилию Инал-ипа в лице Даруквы. Владетели имели возможность останавливать возвышение не только какого-нибудь князя или дворянина, но и членов своей фамилии, если только возвышение их могло грозить опасностью владетельской власти. Все побочные линии Шервашидзе пали именно потому, что по происхождению своему могли быть соперниками владетеля. «В распоряжении владетеля было слишком много средств для того, чтобы способствовать возвышению одной и падению другой из привилегированных фамилий»⁴⁷.

Владетели нередко нарушали и обычаи. «Кн. Михаил в этом отношении не уступал своим предшественникам. Кажется у него была только одна цель и одно желание, — личное обогащение, и для достижения этой цели все средства казались ему годными»⁴⁸. По словам другого автора, причины нищеты абхазского крестьянства, «печального положения Абхазии надо искать в княжеском управлении страной. Княжеская власть угнетала народ, а царские правители «поддерживали эту власть»⁴⁹.

С другой стороны, власть владетеля в определенных ее сферах ограничивалась правительством. Здесь лишь подчеркнем словами А. Н. Лаврентьева и М. А. Селезнева. Первый писал, что Абхазия хотя и «управляется наследственными князьями Шервашидзе, по народным обычаям и изустным законам, но под главным надзором кутаисского генерал-губернатора», а второй: «Над округами есть потомственные владельцы, зависящие от общего поставленного Россиею, которого власть ограничена законами российскими»⁵⁰.

В руках владетеля Абхазии был определенный государственный аппарат. Его власть опиралась прежде всего на военную силу. Вообще «правительственная власть» в Абхазии, «принадлежавшая владетелям, должна была, подобно тому как и в других странах, прежде всего отражать внешнюю безопасность страны и давать защиту и обеспечение от нарушения личных и имущественных прав населения», — определяла Сухумская сословно-поземельная комиссия. Эти

⁴⁷ Введенский А. Н. Абхазцы..., с. 33.

⁴⁸ Донесение ген. Е. Понсе ген. А. Карцеву от 30 июня 1805 г. — ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 66—67.

⁴⁹ Кавказ, 1866, № 80

⁵⁰ Лаврентьев. Указ. соч., с. 268; Селезнев. Указ. соч., кн. II, с. 201.

цели должны были быть «предметом первой заботливости» не только «в видах водворения спокойствия и порядка в стране и успешного хода хозяйственных отношений, но также и в видах собственной безопасности, сохранения за собою власти и занятого положения». Далее следующим образом объяснялась обусловленность «сильных затруднений и препятствий», «устройства внешней обороны страны». Они проистекали из географического положения Абхазии и характера внешних отношений, которые благоприятствовали «военным предприятиям» со стороны соседних горцев с целью грабежа, угона стад, увода пленных; в среде же их находили убежище все, кто не мог остаться на родине. Особенно горные пастбища, лежащие на рубеже Абхазии, были местом ежегодных кровавых столкновений во время летней пастьбы скота. Владетели Мегрелии также «не упускали удобного случая вмешаться в ее (Абхазии.— Г. Д.) внутренние отношения».

Главнейшими же условиями внутренней жизни, затруднявшими введение в стране порядка, являлись «внутреннее устройство страны, основанное на образовании многих отдельных союзов, противодействующих административной централизации, и обычай ассаства и кровомщения...». К этому нужно добавить распри во владетельской фамилии и недостаточность материальных средств, которыми располагали владетели для достижения тех или других «правительственных целей».

Таким образом, заключал председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии П. Д. Краевич, «внешняя поддержка являлась предметом почти необходимости для возможного поддержания в стране авторитета владетельской власти». В Абхазии такую поддержку, как отмечалось, оказывало царское правительство. Но и при этом условии владетельская власть давала лишь «весьма слабое обеспечение внешней и внутренней безопасности, между тем потребность в той или другой, естественно, чувствовалась всегда населением, и притом, самая настоятельная»⁵¹.

Все феодалы обязаны были являться по зову владетельного князя вооруженными, со своими подвластными крестьянами. Военная служба лежала почти на всем населении княжества, как повинность. Владетельные князья, в порядке феодалной повинности, в нужный момент собирали крупные иррегулярные отряды — «милицию». Так, в 40-х годах, во время карательных экспедиций паризма в Цебельду и Дал, в одном случае был собран отряд в 1700 человек, а в другом — 2280.

Имеется описание порядка сбора милиции, который заключался в следующем. Владетель посылал приказание по всему краю или в одну часть его о сборе милиции. Феодалы

⁵¹ Краевич П. Д. Очерк... С. 1—3, 10—11.

передавали это приказание своим подвластным, которые в каждом селе или поселке приготавливались все поголовно. От похода освобождались обыкновенно старики и молодые люди, «не бывшие в делах», если предварительным распоряжением не потребовалось «усиленного сбора». После окончательного объявления уже на сборных пунктах о численности милиции, требовавшейся с того или иного населенного пункта, милиционеры делали между собой последний отбор и лишних отправляли по домам. Не участвовавшие в милиции должны были доставлять отрядам продовольствие и другие предметы, необходимые для похода. Все это делалось по нарядам общин. Феодалы наблюдали, чтобы из их сел милиция выступила в назначенный срок, и «вели ее по назначению»⁵². Ф. Завадский, перу которого принадлежит приведенное описание, отмечал, что «таким же правом пользовались князья и дворяне в отношении к своим подчиненным, и последние не вправе были ослушаться, хотя бы распоряжение это было сделано без ведома владельца». Причем «в таких сборах не имели права участвовать ахоуйю и ахашала»⁵³.

М. Шервашидзе, как уже отмечалось, опирался на штыки царских войск, спасавшие его неоднократно от свержения (например, в 20—30 годах), о чем откровенно писали представители кавказской администрации. Кроме того, для карательных мероприятий и личной безопасности владелец, как и другие крупные абхазские феодалы, имел постоянную охрану из дворян и ашнакума.

Некоторые из этих последних выполняли и различные административно-хозяйственные обязанности. В течение долгого времени ближайшими помощниками владельца в управлении краем являлись дворяне Кац и Хасан Маан (Маргания), из коих последнего некоторые современники сравнивали с Малютой Скуратовым Ивана Грозного⁵⁴. В 30-х годах при владельческом дворе в качестве переводчиков находились Н. Н. Шакрыл и С. Т. Званба; последний стал важной фигурой: он состоял «для помощи в письменных сношениях» владельца с русскими властями⁵⁵. Известно, что в конце 50-х годов у владельца в качестве секретаря находился Гиго Ходжашвили (Ходжайпа)⁵⁶. В с. Лыхны ашнакума Гублия и Гваджаа являлись княжескими акаяхя (акъахиа) — управляющими; Якуб Чичба и в последствии его сын Георгий — старший акаяхя⁵⁷. При дворе владельца находились также сборщики повинностей и штрафов и другие чиновники. Кроме того,

⁵² Завадский Ф. Указ. соч. — Кавказ, 1867, № 60.

⁵³ Там же, № 59.

⁵⁴ Бороздин К. А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб., 1885, с. 221.

⁵⁵ См.: АКАК, т. XII, с. VII.

⁵⁶ См.: Пахомов А. Записка..., л. 458.

⁵⁷ См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 264, лл. 16, 19 об., 54.

М. Шервашидзе как офицер русской армии имел адъютантов⁵⁸.

Владелец считался и высшим судьей. Он «имел право лишить свободы каждого из своих подвластных, не исключая и князей владетельского дома»⁵⁹. В с. Лыхны, под тенью гигантских развесистых вековых лип, под старейшей из которых стоял громадных размеров каменный стол — плита на вертикальной каменной подставке, всегда «судили и рядили абхазские владетели»⁶⁰. Князья и дворяне тоже имели право лишать свободы своих подвластных. Последствия этого ареста не отличались от ареста по распоряжению владетеля. Разница была только в том, что «ежели арест последовал по уголовному делу, то арестованный должен был быть доставлен к владетелю»⁶¹.

Общие и частные собрания для обсуждения общественных дел без ведома и разрешения владетеля не допускались. Созванное «секретным образом собрание считалось заговором, и виновные в этом подвергались строгому взысканию»⁶². Вообще при последнем владетеле Абхазии падает значение народного собрания — этой пережиточной формы родо-патриархальных отношений. Во всяком случае, мы уже не имеем того положения, какое существовало при Сафарбее (Георгие) Шервашидзе, который, по словам Р. де Скасси, «ничего не может решать без созвания рода совета, где собираются князья, дворяне и народ; там дела решаются большинством голосов; правда, что его голос и голоса его братьев имеют большой вес в собраниях этого рода»⁶³.

Для разбора дел, как уголовных так и гражданских, в Абхазии были постоянные суды (медиаторские). Судьи (медиаторы) пожизненно избирались на народном собрании под председательством владетеля. Важные уголовные дела и дела родовой мести разбирались медиаторами из «самых важных» княжеских фамилий и из стариков — дворян и крестьян, под личным председательством владетеля. Уголовные дела и важные тяжбы, например по владению недвижимой собственностью, разбирались утвержденными владетелем медиаторами. Тяжебные дела и исковые второстепенной важности — судьями, избиравшимися самими тяжущимися. В случае возникновения разногласия в суде между судьями и если при этом председательствовал владетель, то он в присутствии судей сам решал дело, и решение приводилось в исполнение.

⁵⁸ См.: Введенский А. Н. *Абхазцы...*, с. 6.

⁵⁹ Завадский Ф. Указ. соч. — Кавказ, 1867, № 61.

⁶⁰ Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети и Посховский участок. Путевые заметки, ч. II. М., 1891, с. 150.

⁶¹ Завадский Ф. Указ. соч.

⁶² Там же.

⁶³ АКАК, т. VI, ч. I, с. 646—658.

Владелец имел право назначать суд, когда к нему обращались тяжущиеся. Если в суде встречались разногласия по делам, при разбирательстве которых владелец не председательствовал, то суд отряжал к нему двух членов, которые излагали ход дела и причину разногласия судей и просили его решения. В этом случае решение владельца прекращало споры судей и приводилось в исполнение. В судьи выбирались «известные по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующиеся добрым мнением народа», «знавшие законы страны». Враждующие стороны собирались в избранном судьями месте, большей частью на Лыхненской площади (Лыхнашта). В других местах народный суд, как и народные собрания, обыкновенно происходил в пунктах, считавшихся священными. У садзов, например, таким местом собрания являлся небольшой холм, известный под названием Чугур-ныха (около р. Чугур, в 15 км от Гагр), на котором росло вековое дерево⁶⁴.

Владелец, как высший судья, получал в свою пользу определенные пени (айбар)⁶⁵, куда входили и взыскания за воровство. По назначению владельца суд в неопределенные сроки, но почти ежегодно, объезжал тот или иной район Абхазии. Штраф уплачивался скотом по определенной цене, а с течением времени, когда в Абхазии вошла в употребление русская монета, владелец определил штраф за каждую уворованную вещь по 100 руб., без различия ценности этой вещи. Если в краже участвовало несколько человек, то каждый из них также платил штраф по 100 руб. за каждую украденную вещь⁶⁶. Если предстояло рассмотрение дела о ссоре или драке, то судьи до разбора дела взыскивали с обеих тяжущихся сторон штраф в пользу владельца по 5 коров и по 5 руб. сер., затем уже производили суд и приговаривали виновного к уплате определенной суммы обиженному. Судьи или старшины, известные под названием «абокаулца», также получали определенную плату с виновной стороны. Кроме штрафа и платы, ими с виновного в воровстве, взыскивалась сумма, равная тройной цене украденного; две части шли в пользу истца, а третья в пользу бокаульца⁶⁷.

Разумеется, большей частью «виновные не могли платить огромных взысканий. Они обращались в холопство (агыруа) и неоплаченное оставалось за ними в долгу»⁶⁸, или же такое

---

⁶⁴ См.: Чернышев К. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 83; Завадский Ф. Указ. соч. — Там же, 1867, № 61; Аверкиев Ив. Указ. соч. — Там же, 1866, № 72.

⁶⁵ Ежегодная стоимость айбар только по Бзыбской Абхазии кн. Ал. Шервашидзе определял в 300—1400 руб., или около 50—233 коров. (ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180—198).

⁶⁶ См.: Завадский Ф. Указ. соч.

⁶⁷ См.: Аверкиев Ив. Указ. соч.

⁶⁸ ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180—198

«большое взыскание за воровство влекло за собою обыкновенно новое преступление, чтобы удовлетворить требованию суда. Дорогой суд владельца большею частью заставлял тяжущихся прибегать к полюбовному окончанию дела или к мести»⁶⁹. Владелец имел право простить наложенный судом штраф и прекратить «прощением долгов» всякие, даже частные иски⁷⁰.

Регулируя внешнеторговые связи, владелец взыскивал пошлины — абадж (абацъ). Пошлина эта взималась с «местных произведений, скупаемых... для вывоза морем, и выгружаемых на суда... Взималась со скупщиков, или отдавалась им в откуп, вместе с исключительным правом скупки произведений в известной местности». Так, например, одежда, до Крымской войны, доходная эта статья в селах Аацы и Тасраква была отдана в откуп за 1 500 руб., а в 1856—1864 годах — от 1 100 до 1 300 руб.⁷¹ В остальной части Бзыбского округа откупщик названной пошлины платил владельцу от 5 до 6 тыс. рублей⁷².

Владелец взимал плату за право пастбы скота на лугах, горных пастбищах и т. д. Такая плата была известна под названием ажидз (ажьыз). Кроме того, как утверждал А. П. Черепов, имущество тавадов, аамста и ашнакума, умеравших без наследников мужского пола и живших в разделе, хотя бы у них были отцы и братья, переходило к владельцу⁷³.

Владелец эти так называемые «административные доходы» жаловал другим феодалам, главным образом, управляющим округами. Такое пожалование «могло иметь место или относительно всех административных доходов, собиравшихся с известного пространства, или только некоторых статей оных, относительно всей статьи дохода полностью, или только части оно»⁷⁴.

В одном военно-статистическом обозрении, относящемся к началу 40-х годов, читаем: «Определенной подати абхазцы не платят, но вносят сколько потребует владелец»⁷⁵.

---

⁶⁹ Аверкиев Ив. Указ. соч.

⁷⁰ См.: Введенский А. Н. Абхазцы... С. 33.

⁷¹ См.: Такое уменьшение объяснялось виноградной болезнью в 40-х годах.

⁷² См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. I), 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

⁷³ См.: Черепов А. П. Указ соч., с. 407.

⁷⁴ [Краевич П. Д.]. Краткий очерк политических событий в Абхазии и Самурзакани... ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 6.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, 1843 г., д. 42972, лл. 1—4.

3. Тавады (атауад)

Некоторые представители владетельской фамилии, отдельные из которых считали себя «удельными» князьями, в зависимости от себя нередко имели других князей⁷⁶, а все эти князья, как правило, имели зависимых от себя дворян. Это обстоятельство нашло свое отражение в бытовавшем выражении: «Тавад, не имеющий аамста, — не есть тавад». Но не было дворянских дворян, каковое явление в исключительных случаях в Грузии было специфическим для Гурии и Имерети⁷⁷.

Надо сказать, что по вопросу о правах «удельных» князей накануне крестьянской реформы разгорелся спор. С одной стороны, некоторые представители феодалов всячески старались доказать (в этом особенно характерна деятельность управляющего имениями Г. Д. Шервашидзе, губернского секретаря А. В. Пахомова), что вся территория «уделов» являлась их безусловной собственностью, т. е. они владели землей на «вотчинном праве». В источниках мы находим указание на то, что владетель Абхазии М. Шервашидзе всемерно пытался создать для себя право собственности на всю территорию Абхазии, т. е. «быть помещиком всей» страны. Таково было стремление и почти всех других феодалов, в том числе и «удельных» князей, в пределах сферы их политического или административного влияния⁷⁸.

С другой стороны, члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, оспаривая это утверждение, названных князей характеризовали лишь как представителей владетельской власти, вся привилегия которых заключалась в пользовании зна-

⁷⁶ См.: Соответствующей категорией феодалов у абазин можно считать «аха» (аха).

А. В. Пахомов писал, что все фамилии высших сословий, за малым исключением, поселены в имении Д. Г. Шервашидзе (Абхазский или Сухумский округ) на правах асасов; многие из них были «люди бедные и слабые пока князь Дмитрий был жив, они верно ему служили, потому что слишком мало силы, чтобы поднять свое значение» Среди них были князья Дзапш-ипа, Маршания, Чаабалырхва, дворяне Маргания и др. (Пахомов А. Записка... С. 231 и сл.). И. К. Багратион-Мухравский писал (60-е гг.), что, например, эшерские князья Дзапш-ипа были обязаны личной службой как в походах, так и в доме кн. Шервашидзе. Многие из них погибли на этой службе от рук личных врагов своего удельного князя». В с. Гума жили князья Анчабадзе (Ачба) в качестве управляющих тех же князей Шервашидзе, за какую-то обязанность получали право пользоваться трудом крестьян, аждиз и т. д. (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., л. 180, лл. 2—3). Такую же должность занимал и самур-заканский кн. Зураб Чхотуа (ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, лл. 392, 393).

⁷⁷ См.: Думбадзе М. Социально-экономическое положение Гурийского княжества в первой трети XIX века. — *გაგაბიის ისტორიისათვის*, в. 30. Тбилиси, 1954, с. 56.

⁷⁸ Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. — ЦГИАГ, ф. 416, 1866 г., оп. 3, д. 1033, лл. 4 об., 8—9.

чительной долей административных доходов, а также в получении от владельца наделов, пожалований, «кормлений».

Смысл спора сам по себе ясен. Та и другая сторона были тенденциозны. Претензии крупных феодалов тем более не соответствовали действительности, когда речь шла, например, о Бзыбской Абхазии, считавшейся родовым уделом владельца, где брат последнего Александр Шервашидзе с 40-х годов являлся управляющим (начальником) округа и где лично принадлежавшее ему имение, пожалованное владельцем, было незначительным по сравнению со всей территорией этого района Абхазского княжества. Что же касается владельцев Сухумского и Абжуйского округов, то они в этом отношении отличались, особенно в первом. Их нельзя было считать просто административными лицами здесь, где на значительной территории данные линии владетельской фамилии являлись наследственными феодальными владельцами в течение трех поколений.

Административные границы Сухумского и Абжуйского округов не совпадали с границами поместий указанных князей Шервашидзе. Это особенно относилось к Абжуйской Абхазии, где были расположены и родовые имения владельца. Кроме того, в том и другом районах княжества существовали имения других крупных феодалов, как например, между реками Гумиста и Шыцкура — Дзапш-ипа, в с. Члоу — Ачба, Джгерды — Маршания и т. д. Вместе с тем здесь были и общинные угодия, а также земли еще свободных, не прикрепленных к земле крестьян. Нельзя не считать справедливым следующее замечание автора рукописного «Краткого очерка политических событий в Абхазии и Самурзакани» по поводу тенденциозных претензий доверенных князя Г. Д. Шервашидзе: на территории между реками Гумиста и Кодор указанные лица «не признают других поземельных собственников, кроме этого последнего, устрняя право частной собственности не только низших сословий, но и тавадов и аамста, и относя сие не только до лесных и вообще невозделанных пространств, но и до усадебных, садовых и пахотных мест»⁷⁹.

Правда, «удельные» князья, как отмечалось, всемерно старались ликвидировать разницу между своими имениями и управляемыми ими округами, и наступление шло в этом направлении не без успеха, особенно в 50—60-х годах, что было характерным явлением. А владелец Абхазии М. Шервашидзе, как уже отмечалось, «весьма усердно заботился о создании для себя в Абхазии права собственности на всю территорию»⁸⁰.

Этот процесс является лишним доказательством того факта, что в лице указанных представителей князей Шервашидзе

⁷⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, лл. 11—12.

⁸⁰ Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии, л. 4 об.

мы имеем крупнейших в Абхазии землевладельцев. В материалах той же Сухумской сословно-поземельной комиссии, вопреки ее выводам, содержится немало фактов, которые недвусмысленно свидетельствуют об этом и вообще о неоспоримом существовании и в Абхазии феодальной собственности на землю. Председатель этой комиссии утверждал, что кроме предоставления административных должностей и административных доходов, представители фамилии Шервашидзе получали от владетелей наделы, пожалования. «Собственно пожалования так называемых имений состояли в предоставлении пользования доходами с подвластных и с ахоую, проживающих в данном селении. Однажды пожалованные доходы с имений не могли быть отнимаемы обратно, делались собственностью получившего оные наравне с доходами, полученными в наследство, или лично приобретенными. С пожалованием таким приобреталось и право собственности на те сады и пашни, кои принадлежали владетелю на общем праве, вместо пожалования доходов; земли эти делались собственностью владетельского родственника наравне с другими землями, которые он мог приобрести известными обычными путями. Кроме того, с поселением владетельского родственника в данном селении к нему переходила роль ахалапшью, т. е. общая покровительственная роль над селением, обязанности и права, сопряженные с сим положением»⁸¹.

Краевич в «Записке о результатах опроса депутатов от населения Сухумского отдела по предмету сословно-поземельных прав этого населения» приводит показания анхаю, «не сходствующие с заявлениями комиссии». «Анхаете положительно заявляют, — писал он, — и заявление то подтвердили многочисленными частными фактами, могущими служить признаками справедливости главного факта, что Гассан-бей и Дмитрий Шервашидзе не были простыми начальниками округа, которых владетель мог сменить во всякое время, не делая тем явного нарушения их права, а были наследственными правителями, так сказать удельными князьями в известной части Абхазии; в этой части они оба пользовались вполне всеми преимуществами владетельской власти, которыми пользовались владетели Сафарбей и потомок Михаил по Бзыбскому округу... Точно также смотрят анхаете и на права линии Бекаир-бея на Абживский округ, заявляя только, что права эти фактически ослабли после смерти Али-бея вследствие малолетства его сыновей и близкого вмешательства, которое имел владетель Михаил в дела Абживского округа. Что же касается до претензий, заявлявшихся прежде Григорием и заявляемых еще и теперь поверенными Георгия Шервашидзе на принадлежность им округов (Абжуйского и Сухумского. — Г. Д.), как частных имений, то анхаете поло-

⁸¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, лл. 4—5.

жительно считают эти притязания несправедливыми и ничем не основанными»⁸².

Тот же Краевич в «Кратком очерке политических событий в Абхазии...» приводит целый ряд фактов, когда владельцами Абхазии делались пожалования отдельным феодалам, которые таким образом становились наследственными собственниками той или иной территории Абхазии. Так, Бекирбей Шервашидзе получил селения Квитаул и Атара, Александр Шервашидзе — селения Аацы и Тасраква и т. д.⁸³ В материалах комиссии Евгения Понсе мы находим сведения о том, что еще Келешбей Шервашидзе разделил между своими сыновьями огромную территорию: Сафарбею отдал имения в Бзыбской Абхазии, Гасанбею — с. Келасури, Махмедбею — на левом берегу р. Ингур, в Анаклии, а Баталбею и Теирбею — с. Мерхеул, которое после смерти его владельцев перешло к Гасанбею⁸⁴. А. В. Пахомов этот раздел княжества представляет так: земли между реками Бзыбь и Шыцкуара, Кодор и Галидзга — Сафарбею (Георгию), избранному Келешбею своим преемником, с местопребыванием в с. Лыхны; территория между реками Шыцкуара и Кодор — Гасанбею (вместе с младшими сыновьями Келешбея — Теирбею, Баталбею и Ростомбею) с местопребыванием в с. Келасури; Самурзаканская Абхазия — Махмедбею, с местопребыванием в крепости Анаклии⁸⁵. Владения таких князей напоминали сеньерии поздне-средневековой Грузии — сатавадо.

Мы здесь не касаемся фактов, связанных непосредственно с крестьянами, так как вопрос о земле, являющийся кардинальным, определяющим взаимоотношения между двумя классами феодального общества, будет подробно исследован в разделе о крестьянских категориях.

Другими, кроме Чачба (Шервашидзе), «старыми абхазскими родами» в Абхазии считались князья Ачба (Анчабадзе), Эмхаа (Эмухвари), Чаабалырхуа, Инал-ипа, Дзапш-ипа, Маршания, Чхотва (Чхотуа)⁸⁶. Ф. Ф. Торнау отметил, что Дзапш-ипа после Шервашидзе «считаются старшими. Анчабалзе и Чаабалырхуа — древнейшие фамилии Абхазии... Инал-ипы богаче других»⁸⁷.

Из этих фамилий в Самурзаканской Абхазии «удельными» князьями являлись представители фамилии Шервашидзе, считавшие себя отпрысками Куапа и начинавшие свое «владельческое» родословие от Мурзакана Шервашидзе, от имени которого, по преданию, произошло само название района. Но

⁸² Там же, д. 1014, л. 30 об.

⁸³ См.: Там же, д. 1018, лл. 1—24.

⁸⁴ См.: Там же, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

⁸⁵ См.: ЦГИА, ф. 1718, оп. 1, д. 6/29, лл. 188—189, 448.

⁸⁶ См.: ЦГИАГ, ф. 416, 1866 г., оп. 3, д. 1033, л. 5; ЦГВИА, ф. 414 д. 301, л. 34; Черепов А. П. Указ. соч., с. 404.

⁸⁷ См.: Дзидзария Г. А. Торнау Ф. Ф..., прилож., с. 121.

после смерти последнего представителя самурзаканского «владельческого» дома Дмитрия Шервашидзе в 1832 году и введения здесь царского приставского управления в 1840 году главенство оспаривалось между другими Шервашидзе, Анчабадзе, Эмухвари, Чхотуа. В Цебельде и Дале, как и в Псху, Ахчипсу и Аибга, господствовали Маршания⁸⁸, где, однако, за главенство между ними также происходила борьба, причем в наиболее кровавой форме, чем в каком-либо другом месте края, что имело весьма трагические последствия для всего населения этих горных районов. О побережных садзских князьях уже было сказано в первой главе.

Ф. Ф. Торнау, стараясь установить взаимоотношения между владельцем и тавадскими фамилиями, писал: «Князья обязаны повиноваться одному владельцу, не платят никакой подати и не подлежат другому наказанию кроме пени. Они вправе владеть землею и иметь крестьян и рабов. Обязаны они собираться для защиты владельца и в посещение дома их его угощать и ему делать подарок по состоянию. Угощение, делаемое владельцу, не есть прямая к нему обязанность; существующее здесь, как и между другими горцами, гостеприимство ее сделало таковою»⁸⁹.

4. Аамста (аамста)

За княжескими родами следовали дворяне — аамста различных категорий, социальный облик которых, как и грузинских азнаури, также определялся их происхождением, экономическим состоянием и служебным положением. Среди аамста высшее место занимали так называемые «чистые» или «настоящие», исконные дворяне⁹⁰. А. П. Черепов из 11 дворянских фамилий, перечисленных им, только о трех писал, что они «считаются более старыми»: Званба, Маан и Лакрба⁹¹.

Некоторые из дворян, имея личные заслуги перед владельцем и царским правительством, как отмечалось, занимали даже первенствующее положение в княжестве. Такими при М. Шервашидзе являлись Кац и Хасан Маан (Маргания), из которых первый дослужился до чина генерала русской армии⁹². О последнем известно, что будучи также в течение долгого времени правой рукой владельца, жил в недоступном своем с. Псырца, «окруженный всегда многочисленную вооруженною свитою»⁹³. Он был ревностным исполнителем вла-

⁸⁸ Маршания — название княжеского рода.

⁸⁹ См.: Дзидзария Г. А. Указ. соч., с. 120.

⁹⁰ Они назывались еще «ахы-аамста» (ахы — голова).

⁹¹ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 104.

⁹² Кац Маан умер в 1864 году в возрасте 100 лет.

⁹³ ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 41, лл. 44—49.

детельских «велений самого мрачного свойства. Голова каждого из подданных его (владельца. — Г. Д.) абхазцев знала, что она сидит крепко на плечах до тех пор, пока не вздумается владельцу, почему бы то ни было, снести ее оттуда». И проделявалось все это Гассаном Марганией с чрезвычайным искусством, быстро и без всякого шума. Пускались в ход кинжал и яд, и жертва, один раз обреченная, никуда не могла укрыться от преследования»⁹⁴. Видимо, к этой категории феодалов можно приравнять абазинских аамста-ду (буквально — «большие аамста») ⁹⁵.

Многочисленную группу составляли мелкие аамста, которые распадались на ряд категорий и в народе носили различные, нашедшие свое наименование: «аамста-кятч»⁹⁶ и «акуац-аамста»⁹⁷, а иные носили и вовсе «позорные клички», вроде «хунцылаха» (хэынтэылаха), т. е. застрявший в грязи, как прозвали Мсоуста Маргания из с. Гудава⁹⁸. Некоторые дворяне были обязаны нести лишь личную, почетную службу у патрона. Большинство же из них находилось в прямой зависимости от князей и выполняло различные обязанности. Однако все они пользовались всеми правами в отношении владения крестьянами⁹⁹. У абазин такие дворяне были известны также под названием аамста, но по своим функциям они, пожалуй, более приближались к абхазским ашнакума.

А. П. Черепов писал, что «по объяснению народа, аамыста суть владетельские слуги; обязанности их состояли в присмотре за сброей, лошадьми, псарней; убирали покой, топили камин, таскали дрова, воду, сопутствовали владельцу в поездках и вообще исполняли различные поручения, сообразно способностям». Некоторые из них занимались ремеслом. При этом Черепов указывал на значительное увеличение и усиление «класса аамыста» в годы правления владельцев Абхазии Георгия и Дмитрия Шервашидзе, чему «подражали и старые роды», как Инал-япа, возведя в это звание Фирсоу и Барас¹⁰⁰.

Вот как описывал И. К. Багратион-Мухранский обязанности дворян Маргания (Маан) и Званба, принадлежавших келасурскому князю Г. Д. Шервашидзе. Они находились «в полной зависимости от своего господина князя Георгия и обязаны отбывать ему повинности личной службой на войне, в свите и в виде домашней прислуги: они служили конюхами, моуравами, сборщиками податей, назначались для присмотра

⁹⁴ Бороздин К. А. Указ. соч., с. 221.

⁹⁵ См.: Данилова Е. Н. Абазины. М., 1984. В работе вообще содержатся интересные сведения о хозяйстве и общественной организации абазин в XIX веке.

⁹⁶ «Аамста-кятч» — короткий (неполный) дворянин. Такими А. П. Черепов называл Фирсоу, Барас, Куланба.

⁹⁷ «Акуац-аамста» — садовый (лесной) дворянин. Такими Ф. Ф. Торнау называл Багба, Акиртаа и Цимбаи (?).

⁹⁸ См.: Введенский А. Н. Абхазцы..., С. 23.

⁹⁹ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 1.

¹⁰⁰ Черепов А. П. Указ. соч., с. 405.

за работой крестьян, подавали помещику умываться и вообще прислуживали в доме. Кроме того, в случае вступления в брак удельного князя или его детей, каждый из них обязан был привести в дар лошадь, а на праздник св. пасхи лучшую корову из своего стада. Дары эти хотя и были обязательными, но считались почетными, потому что были сопряжены с званием княжеского дворянина»¹⁰¹.

В этом отношении представляет несомненный интерес и сообщение А. В. Пахомова о социальном составе населения владений Г. Д. Шервашидзе. «Кроме удельного князя, — писал он, — в зависимости от него жили в округе на правах помещиков князья и княжеские дворяне..., крестьяне, принадлежащие помещикам, т. е. удельному князю в селениях, которыми он сам непосредственно владеет, князьям, подчиненным удельному князю, и княжеским дворянам ему принадлежащим; живут также рабы..., которые принадлежат князьям, дворянам и даже крестьянам»¹⁰².

Карганов в «Сведениях о взаимных отношениях цебельдинского населения», составленных летом 1866 года, отмечал, что «почетные дворяне» пользовались от князя особым уважением; принимали участие в его делах; за отсутствием князя встречали и угощали гостей на его счет и посылались доверенными лицами в суд. Молодые же дворяне обязаны были князю седлать лошадь, держать за стремя, составлять его конвой, прислуживать ему и его гостям; смотря по личным заслугам, они получали от князя вознаграждение. При выходе дочери дворянина замуж жених делал подарок князю, который в свою очередь должен был одарить жениха «лучшими подарками»¹⁰³.

В одном документе характера инструкции, относящемся к 60-м годам XIX века, также сообщается, что князья и дворяне «не землевладельцы, живущие со своими подвластными крестьянами на помещичьей земле..., употреблялись владельцами для разных посылок, сопровождали их в поездках, служили за столом и неизбежно толпились в его доме, подвластных же таким лицам жителей владелец имел право приглашать... на свои полевые работы»¹⁰⁴. Это «приглашение» в действительности являлось самой настоящей барщиной. Вместе с тем экономически стесненный помещик (патрон) очень часто облагал оброком крестьян своих дворян, как это было, например, с некоторыми крестьянами драндских Званба¹⁰⁵. Кроме того, имелись дворяне, которые были лишены всякого имущества и ютились в домах более состоятельных феодалов в качестве асасов, т. е. «гостей».

¹⁰¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2—3.

¹⁰² Там же, ф. 1719, оп. 1, д. 9/36, л. 17.

¹⁰³ Там же, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 18.

¹⁰⁴ Там же, 1873 г., д. 403, л. 3.

¹⁰⁵ См.: Пахомов А. Записка..., с 384—385

Экономическая сила абхазской феодальной аристократии в известной мере характеризуется данными, относящимися к именам членов владетельного дома и некоторых других феодалов. И здесь, как уже отмечалось, укрепление экономической власти помещиков определялось феодальной собственностью на землю, хотя, однако, она еще не достигла высокого развития. Не товарное, а натуральное хозяйство было экономической основой феодального режима.

Прежде всего остановимся на владетеле Абхазии Келешбее Манучаровиче Шервашидзе (Чачба), крупнейшем абхазском феодале XVIII и начала XIX века. Предварительно заметим, что вообще владетельные князья здесь, как и в других местах, были не только носителями «верховой власти», но и собственниками своих имений — доменов. Кроме того, абхазские владетели «очень мало, или, вернее, совсем не делали подразделений между государственными и личными средствами»¹⁰⁶. Они почти и экономически не зависели от правительства, так как, например, при Михаиле Шервашидзе «все доходы страны шли в пользу владетеля»¹⁰⁷. Келешбей владел непосредственно значительным количеством земель и крестьян, которых незадолго до своей смерти разделил между своими многочисленными сыновьями. Он перенес старинную резиденцию княжества из Лыхны в Сухум. Здесь, внутри мощной крепости, стоял обширный трехэтажный деревянный княжеский дом с каменным фундаментом. Ко двору примыкал флигель — большой двухэтажный деревянный дом. Вокруг были разбросаны здания хозяйственного и военного (арсенал и пр.) значения. Имелась и мечеть. По свидетельству Ф. Я. Скриневского, посетившего Сухумскую крепость в 1807 году, в ее предместье было около тысячи домов¹⁰⁸. Келешбей вел обширную торговлю, в том числе рабами («пленопродавство»). Эта «большая торговля», которая велась в Сухуме, как писал П. Гибаль, побывавший здесь в 1818 году, позволяла содержать довольно многочисленный двор и «щеголять такой роскошью, какой не было у его предшественников». Довольно многочисленным был и его гарем¹⁰⁹. Н. Дадзиани подчеркивал, что Келешбей «был очень богат»¹¹⁰. По сообщению Броневского, в Сухуме «зажиточные люди» употребляли кофе, варенье, ликеры и вино, в том числе привозное; при этом подчеркивалось, что «эти черты роскоши» принадлежат

¹⁰⁶ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922 (1926), с. 156.

¹⁰⁷ Эсадзе С. Историческая записка..., с. 120.

¹⁰⁸ См.: ВПР XIX и нач. XX в., серия I, т. IV. М., 1965, с. 49—51.

¹⁰⁹ См.: Guibal P. Указ. рук., лл. 113—113 об.

¹¹⁰ Дадзиани Н. Указ. соч., с. 80.

турецким купцам, Келешбею и другим абхазским феодалам. По данным того же Броневского, владетель держал до 10 тыс. вооруженных людей¹¹¹, — очевидно, обычно собиравшееся энциклопедически ополчение, а также, как отмечалось выше, имел небольшую военную флотилию¹¹², состоявшую из нескольких хорошо вооруженных галер¹¹³. Лейтенант Скирневский во время своего посещения Сухума заметил, что на углах крепости стояло 16 медных и чугунных пушек¹¹⁴.

Или возьмем Георгия (Сафарбея) Шервашидзе. По данным Поля Гибаля (1819 год), он был окружен «наиболее знатными жителями» Лыхны. Его свита состояла приблизительно из 200 человек, которые были вооружены. Это были «чем-то вроде дворян и штальместеров». Он сидел под большой липой, служившей «местом для судилищ». У него были рабы и крестьяне разных категорий. Крестьяне обрабатывали ему «клочок земли» и время от времени приносили быка, барана, просо, кукурузу, орехи и т. д. Имел он небольшой доход от продажи леса. Делали ему «подарки» купцы (порох, свинец, ткани, кофе и пр.), князья и дворяне (оружие, быки и т. д.). Работы в доме выполняли слуги, которые из него «почти не выходили». У владетеля были корабли, на которых ездил в Сухум и т. д. Он получал от правительства годовую пенсию в размере 2500 руб.¹¹⁵

Далее обратимся к сведениям профессора А. А. Нордмана (1836 г.)¹¹⁶, в которых по Бзыбскому, Абхазскому (Сухумскому), Абжуйскому и Цебельдинскому округам перечисляет 142 деревни, 7852 двора и около 60 феодалов, кому они принадлежали. Отдельные князья и дворяне владели значительным количеством крестьянских дворов. Сведения Нордмана, конечно, самые приблизительные, а в отдельных случаях они, видимо, ошибочные, тем более, что автор то или иное село или даже район отождествлял с именами феодалов, живших в нем. Во всяком случае, мы их приведем. Князьям Шервашидзе (Чачба) принадлежали: в Бзыбском округе — 751 двор, Сухумском — 510, Абжуйском — 455 и в Самурзаканской Абхазии они являлись основными владельцами земель и крестьян. В Бзыбском округе за князьями Инал-ипа Нордман отмечал 465 дворов, за дворянами Маргания (Маан) — 525 дворов и за дворянами Лакрба — 470 дворов; в Абжуйском округе за князьями Анчабадзе (Ачба) — 425 дворов, а по поводу Цебельды, где, по его данным, было 1255 дворов, «большая часть селений... принадлежит князьям Маршани». В при-

¹¹¹ См.: Броневский С. Указ. соч., с. 346—347.

¹¹² См.: ЦГВИА, ф. ВУА. 1829 г., д. 6234 (Предписание И. Ф. Паскевича К. Ф. Гессе от 28 марта 1830 г.).

¹¹³ Аш. Военно-статистическое обозрение. — ЦГВИА, ф. 414, д. 301, лл. 1—28.

¹¹⁴ См.: ВПР XIX и нач. XX в. Серия I, т. IV. М., 1965, с. 49—51.

¹¹⁵ См.: Guibal P. Указ. рук., лл. 95 об., 98—99, 105.

¹¹⁶ См.: ЖМНП, 1838, № XI, с. 420—423.

брежний Джигетии («Джигетской области»), которую Нордан делит на округа: Цандрипш, Геч и Ясхрипш, он считал 1165 дворов; в Цандрипше «первейшими и значительнейшими» являлись князья Цанба, в Геч — князья Гечба, в Ясхрипше — князья Ардба.

По течению реки Псоу, на отлогостях, скалах и террасах одного из отрогов горы Хупха было расположено село (ныне Веселое), в котором жил богатый князь Рашит Гечба. Князь имел большой табун «прекрасных лошадей», для улучшения породы которых выписывал производителей из Кабарды¹¹⁷. В 1870 году здесь еще существовал его дом¹¹⁸. В верховьях р. Хашунса было расположено небольшое общество — село Хышвха (Хышәха), в котором в 1838 году имелось до 200 крестьянских дымов, принадлежащих князьям Анчабадзе (Ачба)¹¹⁹. Князья Омар, Беслан и Ислам Цанба, жившие в урочище Цандрипш, в 1840 году имели 150 дворов. Псхувский князь Пшемако Маршания в том же 1840 году имел 100 дворов крестьян и дворян, третью часть всего народонаселения¹²⁰.

По официальной описи имущества владельцу Абхазии М. Шервашидзе (Чачба) принадлежало 283 806 десят земли, 1 613 крестьянских дворов или 5 048 душ, разбросанных в различных частях княжества; кроме того, ему принадлежали громадные леса и «пастьбищные места»¹²¹. Согласно сообщениям Сухумской сословно-поземельной комиссии и комиссии генерала Евг. Понсе¹²², владелец в своих «частных» или «родовых» имениях только с 1 243 крестьянских дворов получал в год: 1 620 голов скота, около 480 пудов кукурузы, свыше 140 аров кормовой кукурузной чалы, 4 584 барщинных дней. «Подвластные» же поля и сады, например, в южной части Абхазии давали ему: 576 пудов кукурузы и проса, 1 800 ведер вина, около 120 пудов ореховых плодов¹²³.

Общая сумма всех доходов владетельского дома, согласно указанной выше официальной описи, определялась в 43 594 рубля в год, а по предположению одного из бывших управляющих имениями владельца — 50—60 тыс. руб. сер.¹²⁴

Главные резиденции (ахтны) находились: летняя — в

¹¹⁷ См.: ЗКОСХ, 1867 г., №№ 5 и 6, с. 15.

¹¹⁸ См.: Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874, с. 73.

¹¹⁹ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6411, лл. 2—4.

¹²⁰ См.: Там же, д. 6381, лл. 42—45; АКАК, т. IX, с. 448.

¹²¹ См.: Материалы и записки по вопросу владетельских и имущественных прав свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владельца Абхазии. Венден, 1913, с. 39—44 и др.

¹²² Данные эти, как заявляли и наследники владельца, весьма приблизительные, преуменьшенные. В перечне сел, где имелись владетельские крестьяне, нет целого ряда названий, а в перечне повинностей крестьян по некоторым селам отсутствует зерно (кукуруза, пшено, и пр.).

¹²³ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 10—11.

¹²⁴ См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 72.

с. Лыхны, зимняя — в м. Очемчыры. В первом имелись 4 каменных двухэтажных дома, 13 деревянных флигелей, 11 конюшен и сараев, деревянный погреб, где было зарыто до 200 кувшинов (25-ведерных) вина, каменная церковь¹²⁵, водяная мельница¹²⁶ и другие хозяйственные постройки; во втором — большой двухэтажный дворец, 3 двухэтажных дома, церковь, флигеля, сакли, конюшни, псарни, 72 торговых лавки. Кроме того, в м. Гудауты стояли большой деревянный двухэтажный дом и 5 деревянных флигелей, в с. Акуаскя — 2 двухэтажных дома и несколько хозяйственных построек¹²⁷. Только 3 дома, стоявших в м. Очемчыры, были оценены в 20 700 руб. серебром¹²⁸. Княжеские лошади паслись в табунах¹²⁹: владелец имел «конский завод»¹³⁰.

Вот как описывал М. Селезнев в 1847 году лыхненскую резиденцию владельца: каменный и деревянный дворец стояли на высоте, командующей над всем селом; перед ними лежал обширный зеленый луг, по сторонам которого шли отдельные дома служителей, а также древний храм. Сбоку двора прилегал сад; на зеленом лугу, перед дворцом собирались толпы людей, приезжавших со всех концов княжества. За каменным забором следовала зеленая отлогость, кончавшаяся ручьем¹³¹; середину ее украшали своей тенью деревья, обвитые виноградными лозами¹³².

Ф. Дюбуа, посетивший в 1833 году дом владельца в с. Лыхны, о внутренней обстановке этого дома писал: «Внутри дом состоит из нескольких довольно больших комнат, с дощатым полом и просто отделанными стенами; комнаты меблированы громадными массивными диванами, покрытыми коврами, и несколькими стульями, в виде редкого исключения. Главное украшение составляет камин из голубоватого диорита довольно изящной турецкой работы»¹³³.

Мы имеем описание и очемчирского дома владельца. Влево от базара, на довольно просторной площади, возвышался этот дом, выстроенный из каштанового дерева. Широкий балкон, украшенный кружевной резьбой, занимал уступами весь фасад здания, а сбоку к нему примыкала наружная лестница. На балконе толпились «нукера и прислуга княжеская»¹³⁴.

Вокруг владетельских дворцов и вдали от них были раз-

¹²⁵ См.: Материалы и записки..., с. 42; ЦГИАГ, ф. 545, д. 307.

¹²⁶ См.: Аш. Военно-статистическое обозрение..

¹²⁷ См.: Материалы и записки..., с. 29—30.

¹²⁸ См.: ЦГИАГ, ф. 545, д. 307, л. 108.

¹²⁹ См.: Кавказ, 1852, 3 декабря.

¹³⁰ См.: Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 76.

¹³¹ Адзлагара (Азлагара).

¹³² См.: Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 191—192.

¹³³ Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 117

¹³⁴ Чертежи указанного дома и флигеля, снятые с натуры в августе 1867 года, хранятся в ЦГИАГ (ф. 545, д. 307, лл. 99—100).

бросаны дома крестьян, среди которых находились лица, ухаживавшие за княжеским скотом, заготавливавшие и доставлявшие во дворец дрова, приготавливавшие вино (например, в с. Акуаскямца¹³⁵ — крестьяне Амаба); были плотники, кузнецы, слесари и пр. Непосредственно ко дворцу прилегали усадьбы ашнакума, являвшихся телохранителями, некоторые из них, кроме того, выполняли различные обязанности по хозяйству и административному управлению.

В доме владельца никогда не переводились гости, на содержание которых, а также на различные подарки¹³⁶ уходили громадные средства.

Много средств и времени тратил владелец также на охоту, служившую для него излюбленным времяпровождением. Он имел ряд «охотничьих мест», как например, гиндзе-эзерский лес, где М. Шервашидзе один мог вести охоту. Владелец содержал огромное количество охотничьих собак, которых кормили мясом и мясным отваром. Княжеская охота большой тяжестью ложилась на крестьян, обязанных содержать охотничьих собак и ловчих птиц и, сопровождая владельца, терять много времени и отрываться от своих работ. Кроме того, во время охоты сплошь и рядом уничтожались крестьянские посеы и т. д. Между прочим, противники владельца еще в 1832 году открыто обвиняли его в том, что он, «не делая никаких разбирательств в приносимых ему жалобах, проводит время в забавах, как-то: в перепелиной и псовой охоте...». Кстати, тогда владельца обвиняли еще в аморальности: «Своим сладострастным поведением навлекает позор на всех своих подданных, ибо соблазняет их жен и дочерей, хотя ему должно быть известно, сколь нетерпимы подобные дела у всех горских народов...!»¹³⁷.

Владения других крупнейших абхазских помещиков Хасанбея и его сына Дмитрия Шервашидзе были расположены на значительной части современных Сухумского и Гульрипшского районов¹³⁸. Эти владения и вся та территория, которую келасурские Шервашидзе считали своим наследственным «уделом», по официальному царскому административному де-

---

¹³⁵ В селе Акуаскямца (Амлахо) — впоследствии поселок большого села Звандрипш — владелец имел 35 дес. виноградных и фруктовых садов. Здесь был устроен «винокуренный» и винные погреба, вмещающие до 350 штук 25-ведерных кувшинов. Особенно славился прекрасный сорт винограда амлахо, дающий розово-золотистого цвета шипучее вино (Материалы и записки..., 43; ССКГ, 1872, в. VI, отд. III, с. 23).

¹³⁶ Небезынтересно заметить, что летом 1838 года мать владельца Абхазии кн. Тамара Шервашидзе в подарок царским войскам, стоявшим в Абхазии, послала 30 голов рогатого скота и 60 ведер волки, за что ей была объявлена благодарность Николая I (ЦГВИА, ф. 38, оп. 20/286, 1838 г., л. 192, лл. 1—2).

¹³⁷ ЦГИАГ, ф. ОВД. 1813 г.; д. 34, л. 2.

¹³⁸ Подробнее см.: Фадеев А. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 г. — Материалы по истории Абхазии, в. XV, сб. I. Сухуми, 1939, с. 106—131.

лению края, известную под названием Сухумского (Абхазско-го) округа, а до этого Гумской Абхазии, распространялась почти от р. Шыцкура (западнее р. Гумиста) до р. Кодор и от берега моря до цебельдинского нагорья. На этой территории, площадью не менее 25 тыс. десятин с 23 селами¹³⁹, по данным 1857 года, проживало около 5 тыс. крестьян. Почти во всех княжеских селах сидели управляющие (моуравы)¹⁴⁰, а при князе находился управляющий всеми именьями. На холме, над бегущей к морю рекой Келасури, где находилась «главная усадьба», возвышался большой белый княжеский дом с восточными балконами. В с. Мерхеул стоял другой двухэтажный дом, а с. Парнаут являлось летним местопребыванием Хасанбея и его отца Дмитрия Шервашидзе; здесь был разведен сад и постепенно несколько крестьянских семейств. На р. Басла стояла мельница, в Сухуме и Келасури имелись лавки¹⁴¹.

Дюбуа, сделавший визит князю Хасанбею в его резиденцию в Келасури, так говорит о келасурском доме князя: купы белой шелковицы, плакучих ив, каштаны, яблони, сливы, фиговые деревья и т. д. были рассеяны в беспорядке то там, то здесь. Ворота ограды из толстых неотесанных бревен защищали подступ к дому, довольно обширному и выстроенному целиком из дуба и ясеня. Часть нижнего помещения была совершенно открытой; остальная часть служила конюшней; несколько дверей вели в маленькие отгороженные помещения, которые предназначались также для лошадей. Галерея первого этажа выступала вдоль всего фасада дома. Здесь находилось человек пятнадцать слуг и вассалов князя, вооруженных с головы до ног.

Обстановка приемной князя состояла из двух громадных кроватей или диванов, покрытых коврами, украшенными рисунками. На стенах из букowego неотделанного дерева были развешаны всевозможные виды оружия — «роскошь и гордость» князя. Гасанбей имел саблю, полученную от отца, которую он оценивал в 10 тыс. рублей — «доходы целой губернии». Одежда князя состояла из шелкового полукафтана, заправленного в узкие брюки из коричневого сукна; штрипки красного сафьяна подхватывали его салюги из коричневого сафьяна, поверх них были надеты красные сафьяновые туфли. Его черкеска была желтовато-зеленого цвета; крышечки гильз для патронов — серебряные; на поясе у него был привешен

¹³⁹ Гумиста, Ачадара, Яштхуа, Гума, Бырца, Абжаква, Амхял, Келасури, Айбухца, Багбаран, Мерхеул, Герзаул, Кацигыларта, Парнаут, Гульрипш с поселком Цамбейкуара, Пшп, Ауарча, Допукыт, Дранда (Цкыбын) и др.

¹⁴⁰ В качестве таких управляющих иногда ставились представители высших сословий; Д. Шервашидзе часть доходов со своих крестьян отдавал им вместо жалования.

¹⁴¹ См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 253, лл. 95—105; Кавказ, 1852, № 72.

прекрасный пистолет, украшенный серебряной резьбой¹⁴².

Вот еще другое описание келасурского дома Хасанбея, принадлежащее перу Торнау и во многом совпадающее с предыдущим. «Его (Хасанбея. — Г. Д.) рубленый деревянный дом, имеющий вид четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, охватывающая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная пропустить одного человека или одну лошадь... Против его дома над самым морем находился длинный ряд деревянных лавочек... Келасурские торговцы невозбранно продолжали продавать табак, рахат-лукум и бумажные материи...»¹⁴³.

До Крымской войны одних кобыл у Д. Г. Шервашидзе было около 150 голов; имелось также огромное количество буйволов, коров, баранов. Скота этого «так было много», замечал А. В. Пахомов, что до указанной войны никто не мог сеять ни кукурузы, ни проса на низких местах по берегу моря, и крестьяне вынуждены были обрабатывать себе землю на горе. Тот же Пахомов сообщал, что место около р. Адзапш (Гнилушка), в с. Гумиста — «удобное убежище от ветров и холоду», служило специально для зимнего помещения буйволов¹⁴⁴.

Общий доход кн. Д. Г. Шервашидзе в 1857 году равнялся 50 500 рублям; причем сюда не входили «разные мелкие случайные доходы», получавшиеся большей частью натурой. В числе предметов, с которых была получена указанная сумма доходов, значилось: 33 000 пудов вина, ореховых плодов, кукурузы, проса, сена и лаврового листа; 480 коров, коз, баранов¹⁴⁵. В доме Д. Г. Шервашидзе также никогда не переводились гости. А. В. Пахомов свидетельствовал, что у князя редко бывало менее 60 чел. гостей, да столько же его свиты. Шервашидзе получал вина до 3 тыс. ведер, кукурузы и проса около 10 тыс. пудов, и все это почти «расходилось на домашнее употребление, угощение гостей»¹⁴⁶. «Вследствие громадного стечения разных абхазских гостей» в доме указанного помещика «требовалось много скота», — писал Пахомов¹⁴⁷.

По официальным данным 60-х годов, брат владельца Александр Шервашидзе с 323 дымов крестьян анхаю¹⁴⁸ получал

¹⁴² См.: Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 138—140.

¹⁴³ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. I, с. 23—24.

¹⁴⁴ См.: Пахомов А. Записка... С. 245.

¹⁴⁵ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, лл. 392—393 об.; Фадеев А. Хозяйство... С. 120, 130.

¹⁴⁶ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, с. 388—390.

¹⁴⁷ Пахомов А. Записка... С. 271.

¹⁴⁸ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 188, лл. 3—37.

Кроме того, Ал. Шервашидзе имел 5 семейств крепостных крестьян (ахоую).

в год: около 300 голов скота, свыше 200 кур, около 200 пудов кукурузы, 232 ведра вина, 684 барщинных дня (из них 228 дней работы со скотом). Доход с полей составлял: зерна — 1 950 пудов и сена — 2 600 пудов; доход с садов: вина (с 1 425 лоз) — более 700 ведер, орехов (с 150 деревьев) — до 150 корзин (акалат)¹⁴⁹. Кроме того, А. Шервашидзе имел доход от продажи самшита из ущелья р. Аапста, получал абадж в пределах сел Аацы и Тасраква, а также ему уделялась часть владетельского айбар, что в среднем в год составляло 2 300—4 050 руб. «Все припасы — мясо, кукуруза, просо, вино, сено и проч. — по обычаю старины, шли на продовольствие семейства и гостей. В особенности кн. Александр, как брат владельца и окружной начальник, обязан был принимать множество гостей — абхазцев и приезжающих из соседних обществ»¹⁵⁰.

По тем же данным, вдова абжуйского князя Алибея Шервашидзе Кесариа со своих имений, находившихся в «пожизненном пользовании», имела доход: от 70 дымов анхаю и 3 ахоую — 50 коз и 128 барщинных дней (41 дым со скотом), с пахотных полей — 942 пуда кукурузы, 77 пудов лобию и других бобовых культур; аждз — 125 голов скота, орехов — 235 пудов¹⁵¹.

На берегу р. Бзыбь находилось многолюдное село Аджепхуны, в котором жили Инал-ипа, считавшиеся после владельца «самыми богатыми и сильными князьями в Абхазии». Сюда из Бамбор шла «весьма удобная дорога». Население этого района имело «постоянные сношения с приморскими, одноплеменными с ним, джигетами» (садзами)¹⁵².

В с. Анухва жил дворянин Мканба. Он имел рубленый деревянный дом и «слыл очень богатым человеком... Дом был в два этажа, с окнами, затянутыми пузырем ... кое-где проглядывало небольшое стеклышко»¹⁵³.

Дом известного абхазского феодала и генерала царской армии Каца Маан (Маргания), стоявший в с. Джирхва, в 1859 году посетил русский офицер С. Смоленский, который дал описание его двора. Двор находился на скате полугорья; среди двора, на самом видном месте, стоял дом в два яруса: в нижнем помещении прислуга и конюшня, в верхнем жили сам Кац и часть его семейства. Некоторые из сыновей и внуков стариков Каца жили в том же дворе, в отдельных бревенчатых саклях с небольшими окнами со стеклами. При входе Смоленского в комнату хозяин и гости пили чай из блюдец и стаканов русского и турецкого изделий; они сидели на диванах и табуретках¹⁵⁴.

¹⁴⁹ См.: Там же, д. 403, л. 8.

¹⁵⁰ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

¹⁵¹ См.: Там же, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л. 9.

¹⁵² См.: Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. 1, с. 42—43.

¹⁵³ Там же, с. 80.

¹⁵⁴ См.: Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, № 10, 1872, с. 326.

В 20 верстах от Сухума, недалеко от правого берега р. Кодор, на последнем возвышении, где горы сходили к плоскости в с. Кацигыларта, было расположено имение князя Ростома Маршания, вокруг которого рос великолепный девственный лес из колоссальных каштанов и дубов. Наверху одной из отлогих террас, на очищенном от дремучего леса месте, стояли деревянные дома князя. Здесь летом 1865 года его посетил известный исследователь Кавказа Г. И. Радде. Вокруг были разбросаны и разделялись обрывами кукурузные поля крестьян; в глубоких лужах, глинистая вода которых постоянно возобновлялась, отдыхало с полдюжины жирных буйволов. В ожидании князя с гостями собралась большая часть его крестьян. Вся прислуга находилась возле своего господина, дававшего разные распоряжения. За ним следовало восемь человек, и каждый из них нес «особенную службу»: один приготовлял постель, другой смотрел за лошадей, третий разводил огонь, четвертый подавал оружие и т. д. Даже нашелся своеобразный придворный шут — рыжий с остроконечной бородой и весьма хитрым лицом маленький человек¹⁵⁵.

В 1850 году супруга владельца Абхазии была по приглашению в гостях у князя Тлапса Инал-ипа в с. Мазихва. Жена Тлапса удочерила по обычаю владельницу, и по этому случаю князь Инал-ипа подарил последней 3 тыс. рублей деньгами, 12 лошадей и 4 дыма крестьян. При таком же случае усыновления в 1862 году князь Титу Инал-ипа подарил сыну владельца кн. Георгию Шервашидзе 16 лошадей, 3 серебряных седла и 4 семейства крестьян в с. Калдахвара¹⁵⁶.

До нас дошел документ, составленный летом 1866 года, под названием «Сведения о численности гагринского поселения и имеющемся у них движимом имуществе», согласно которому: князь Якуб Цанба владел 220 крестьянами и 1871 головой скота, князь Састынгаз Анчабадзе — 183 крестьянами и 820 головами скота, князь Еслам Цанба — 104 крестьянами и 780 головами скота¹⁵⁷. Летом 1866 года в горных пастбищах паслось 60 лошадей, принадлежащих чебельдинскому князю Ширинбею Маршания¹⁵⁸. Дворянин Ислан Баркалая в 60-х годах построил церковь в с. Члоу, затратив 900 рублей¹⁵⁹.

Господство натуральной ренты и весьма ограниченная денежная рента характеризовали всю отсталость абхазского помещичьего хозяйства. Собственное помещичье хозяйство в Абхазии не носило крупного характера, барская запашка была незначительной. Даже в имениях владельца Абхазии «соб-

155 См.: Радде Г. И. Указ. соч., с. 22.

156 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 42 об.

157 См.: Там же, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 2784, л. 87.

158 См.: ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 740, л. 192.

159 См.: Кавказ, 1870, № 43.

ственные запашки» производились «в самых небольших размерах, единственно для удовольствия потребности самого дома князя Михаила Шервашидзе¹⁶⁰. Другой крупнейший абхазский помещик Д. Г. Шервашидзе под собственную господскую запашку занимал лишь оксло 100—120 десят. Он, «как и большая часть крупных землевладельцев Закавказского края, — писал А. Э. Шахомов, — получая натурой подати с своих подвластных, почти не имеет надобности иметь своей собственной запашки»¹⁶¹.

Но это нисколько не противоречило феодальным отношениям и лишь еще раз подтверждало известное положение К. Маркса о том, что «могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹⁶². Понятно, что в этих условиях первостепенное значение, и экономическое и политическое, получала земельная собственность, т. е. прежде всего земля, обрабатываемая крестьянами; особую важность поэтому приобретала борьба за эту землю и за крестьян.

Праздно проводившие время князья и дворяне ничем не обременяли себя. «Можно смело сказать, — писал А. Н. Введенский, что у тавадов и амиста не существует рабочих дней, если не считать, конечно, таковыми дни, когда кто-нибудь из них отправляется на воровство»¹⁶³.

Некоторые церкви также являлись крупными феодальными землевладельцами, влиятельные представители которых входили в состав господствующего класса. К сожалению, для характеристики хозяйства церквей мы еще больше ограничены материалами. В архивах Сухумской сословно-поземельной комиссии можно найти свидетельство о том, что, например, «вся илорская земля (между реками Галидзга и Адзиква. — Г. Д.) принадлежит церкви» Илори¹⁶⁴. Известно также, что этой церкви в Хони и Кухи (Кутаисская губерния) принадлежало 118 крестьянских семейств, обложенных податями. В пользовании крестьян состояли церковные земли под усадьбами, садами, пахотой, сенокосами и под лесом — 358 десят.¹⁶⁵ В тех же материалах мы находим указание, что некоторые крестьяне жили на земле Пицундского храма и считались церковными¹⁶⁶, а также имелись дворяне, принадлежавшие

¹⁶⁰ См.: ЦИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 142—143.

¹⁶¹ ЦИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1868 г., д. 6/29, л. 386.

¹⁶² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 729.

¹⁶³ Введенский А. Н. Экономическое положение... С. 13.

¹⁶⁴ См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 103.

¹⁶⁵ В 1872 году указанные крестьяне Илорской церкви поступили в казну и были обложены податями в казну. В компенсацию с отмененного же времени Илорской церкви было назначено постоянное вознаграждение по 354 руб. в год. (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 23, д. 167, л. 9).

¹⁶⁶ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1—5.

тому же храму¹⁶⁷. В с. Набакеви, по данным 1865 года, некоторые крестьяне работали на церковного старшину Чхикватия 4 дня и кн. Левана Шервашидзе 3 дня в год; кроме того, приносили по 1 руб. серебром и по 8 аршин белого холста¹⁶⁸.

Крестьяне нередко обращались за помощью к «покровительству» церкви. А. П. Черепов отмечал, что при нарушении владельцем обязательств, данных им крепостному, последний порой» уходил под покровительство царкви». Тот же Черепов приводил такой пример: когда крестьянин Дбар из с. Эмхы убил своего владельца за посягательство на честь его жены, то он прибег к покровительству Лыхненской церкви¹⁶⁹. Крестьяне Бранзе, вынужденные бежать из родного села, расположенного на берегу Ингури, также прибегли к покровительству Пицундского храма. Дворяне с. Лдзаа Садзба указывали места для поселения лицам, прибегавшим к покровительству этого храма¹⁷⁰.

Е. И. Энегольм писал, что в Абхазии, Мегрелии и Гурии «многочисленное духовенство не упускает ни одного случая, дабы воспользоваться народным суеверием в собственную свою пользу, противится всему новому, хотя и полезному, ибо иное несообразно с личными выгодами оного»¹⁷¹.

Административно-хозяйственным центром помещичьего хозяйства являлся дом помещика, известный под названием ахтны (ахтны), из которого помещик осуществлял управление хозяйством и эксплуатацию крестьян. Для управления хозяйством при дворе помещика, как правило, не существовало хозяйственно-административных должностей, чем организация помещичьего хозяйства отличалась от хозяйственной организации в имениях владельца и отчасти «удельных» князей. Своим хозяйством руководил сам помещик. Это свидетельствует о небольшом размере данного хозяйства. Причем и здесь хозяйство хозяйству было рознь.

Имелись не только дворяне, но даже князья, которые в качестве ~~нахлебников~~ жили у более состоятельных феодалов под видом асасов (гостей). Правнуки некогда могущественного князя Бажы Чачба (Шервашидзе), жившего в с. Лыхны вблизи владетельской усадьбы, в 60-х годах жили в с. Отхара «в крайней бедности и унижении. Подвластные частью оставили их, видя их слабость, и перешли в подвластность владетеля»¹⁷².

Что касается дворян, то наряду с такими могущественными из них как Кац и Хасан Маан (Маргания), которые мало кому из князей уступали в чем-либо, было много второстепен-

167 См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 103.

168 См.: ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

169 См.: Черепов А. П. Указ, соч., с. 409.

170 См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 103, 123 об.

171 Энегольм Е. И. Краткое обозрение...

172 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

ных и бедных, по существу уступавших отдельным крестьянам из анхаю. Так, например, во время реформы в подвластности Барас (с. Калдахвара и с. Лдзаа) состояли только 10 дымов анхаю, обязанных выкупом повинностей; Папба (с. Папцва) — 3 дыма; Хамида Садзба (с. Лдзаа) — 1 дым; Чугба (с. Чугурхва) «обеднели и часть их подвластных перешла» к владельцу Абхазии, Инал-ипа, Чабалурхва и Маргания, а к 1872 году они уже не имели ни одного анхаю¹⁷³. А. В. Пахомов отмечал, что в с. Гульрипш жили подвластные кн. Шервашидзе дворяне Маргания, которые были «очень бедны» и существовали «милостями своих помещиков»¹⁷⁴. Между тем другие мелкие дворяне, как Багба (с. Аацы), ко времени реформы имели 63 дыма подвластных крестьян из категории анхаю, держали также, конечно, ахоую и ахашвала; Блаб (с. Блабурхва) — 31 дым анхаю; Кулан (с. Куланурхва) — 23 дыма, Цушба (с. Отхара) — 21 дым; Чрыгба (с. Яштхуа) — 19 дымов и т. д.¹⁷⁵

При том положении, когда помещики владели одним или двумя крестьянскими дымами, а некоторые и вовсе не имели их, помещикам такого рода приходилось обращаться к наемному труду с целью обеспечения выполнения в хозяйстве всякого рода работы. Иногда же нанимали для выполнения определенных работ: для выпаса скота, разведения и обработки виноградников и пр. Здесь использование наемной рабочей силы вызывалось, главным образом, недостатком крепостных крестьян, а не выгодой наемного труда. В иных же, состоятельных хозяйствах, наблюдался другой, качественно отличный процесс, при котором происходило расширение и использование, во всяком случае, отдельных этих хозяйств, и использование в них наемной рабочей силы диктовалось выгодой этого вида труда, а не только недостатком крестьян.

В условиях развития товарно-денежных отношений наблюдалось стремление отдельных помещиков заменить натуральные повинности денежными. В этой же связи и с развитием земледелия росла ценность земли. Помещики все более проявляли стремление к расширению своих земельных владений. Они действовали в первую очередь по линии насильственных захватов. Князья и дворяне захватывали лесные массивы, общинные земли и пастбищно-сенокосные угодья; захватывали также земли и сады отдельных крестьян. Например, около 1865 года кн. Зосхан Инал-ипа в местности Цера (с. Лдзаа), «не имея там собственной своей земли, захватили поля и сады, принадлежавшие жителям сел. Лдзаа»¹⁷⁶. Кроме того, отдельные помещики расширяли свои владения путем скупки земель, в том числе крестьянских.

¹⁷³ См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 14, 25, 29, 82—83.

¹⁷⁴ ЦГАА, ф. 60, д. 15.

¹⁷⁵ См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 11, 17, 52, 74, 112.

¹⁷⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 180, лл. 271—277.

«Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала значительное количество данных по этому вопросу, которые будут приведены в разделе о крестьянстве»¹⁷⁷.

Не менее характерным явлением была сдача помещиками земли в денежную аренду. А. В. Пахомов отмечал, что в имении Г. Д. Шервашидзе поля отдавались «внайма некоторым вольнопромышленникам, которые за право обработки земли платят по десять рублей за лето»¹⁷⁸. Сохранился и один договор («контракт»), заключенный между управляющим имением Г. Д. Шервашидзе Е. Туркия и сухумским жителем Н. Мачхаладзе 20 декабря 1869 года. В первом пункте этого договора указывалось, что последний нанимает в аренду в м. Келасури 5 десят. земли под посевы с платой за это в пользу помещиков по 10 руб. серебром за каждую десятину¹⁷⁹. Помещик Г. Д. Шервашидзе как-то жаловался, что ген. Гейман мешает ему отдавать земельные участки (расположенные вокруг г. Сухума) внаем даже на короткий срок¹⁸⁰.

Из сказанного, как основной вывод, подчеркнем факт несомненного существования феодальной собственности в Абхазии. Здесь, как во всякой другой феодальной стране, для феодального землевладения было характерно соединение собственности на землю с политическими правами в отношении феодально-зависимого населения. В феодальную эпоху «высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»¹⁸¹. Политическое положение определялось размерами землевладения. Вместе с тем, наряду с феодальной собственностью на землю, в предреформенной Абхазии продолжало существовать в определенном виде общинное владение землей «как вымирающая» форма владения. В своих владениях феодалы были верховными распорядителями земли. Общинные владения находились в их зависимости, и, по крайней мере в известных случаях, помещики получали феодальные повинности за пользование этими владениями.

6. Ашнакума (ашьнакма)

Прежде чем перейти к конкретному исследованию непосредственных крестьянских категорий, необходимо остановиться еще на ашнакума, переходном слое от высшей группы крестьянства к дворянству. Численность данной социальной категории была невелика: в 1865 году она достигала всего лишь 910 чел., а в 1869 году количество всех претендовавших

¹⁷⁷ См.: ЦГАА, ф. 57, 1870 г., д. 5, лл. 184—194.

¹⁷⁸ ЦГИА, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, л. 417.

¹⁷⁹ См.: ЦГАА, ф. 60, оп. 1, 1866 г., д. 24, лл. 5—6.

¹⁸⁰ См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1867 г., д. 253, л. 100 об.

¹⁸¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 344.

ж ашнакума равнялось около 1800 чел.¹⁸² Эта категория формировалась, главным образом, из верхушечного слоя абхазского крестьянства — анхаю, а также из выходцев из адыгских племен, Мегрелии и т. д.

И. К. Аш и Ф. Ф. Торнау ашнакума называли сословием, «пользующимся правами дворянства»¹⁸³. А. П. Черепов писал, что «все отличие шинакм от аамыст состоит в цене за кровь»: если за убийство аамста плата равнялась 15 мальчиков, то за убийство ашнакума — 12¹⁸⁴. Сухумская сословно-поземельная комиссия ашнакума также относила «к покровительственному элементу» населения¹⁸⁵. Самурзаканские князья и дворяне в своем заявлении на имя начальника Самурзаканского округа майора Кишельского говорили, что ашнакума «пользуются званием дворянским»¹⁸⁶. А. Иоакимов писал, что они составляли «отдельную касту, переходившую из рода в род»¹⁸⁷. Владетель Абхазии выдавал грамоты отдельным лицам «на принадлежность» к сословию «ашнакума»¹⁸⁸, наделяя их «земельными населенными участками, отобранными им у некоторых тавад и амиста»¹⁸⁹.

Вот как определяла указанная комиссия «сословное положение» ашнакума: они не имели всех прав тавадов и аамста, но «стояли значительно выше» анхаю; они владели землей и крестьянами, в том числе и анхаю, перешедшими в эту категорию из ахоую. Ашнакума состояли при владетелях Абхазии и некоторых других крупных князьях Шервашидзе*. Ашнакума, находившиеся в зависимости от владетелей, не могли быть в зависимости от других фамилий тавадов. Их обязанности заключались в прислуживании ему, надзоре за его

¹⁸² См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 107, лл. 44, 48—49; ССКГ, 1870, в. III, с. 7.

¹⁸³ См.: ЦГВИА, ф. 414, д. 301; Дзидзария Г. А. Торнау Ф. Ф..., с. 121.

¹⁸⁴ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 406.

¹⁸⁵ ССКГ, 1870, в. III, с. 7.

¹⁸⁶ ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, л. 51.

¹⁸⁷ Иоакимов А. Абхазцы. — Кавказ, 1874, 26 апреля.

¹⁸⁸ ЦГИАГ, ф. 545, д. 1389, лл. 3—5.

¹⁸⁹ Там же, ф. 231, оп. 1, д. 415, лл. 1—23.

* Некоторые современные авторы (Ф. Ф. Торнау) и др.) ошибочно утверждали, что будто владетель Абхазии один был вправе иметь ашнакума. А. Н. Дьячков-Тарасов назвал их даже «дворцовой гвардией». Но в материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии встречаем сведения о том, что ашнакума имели, например, абжуйские и самурзаканские князья (см. ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 264, лл. 5—6), а в материалах А. В. Пахомова называет целый ряд фамилий ашнакума: Баалоу, Куджаба, Чрыгба, Кокоскыр, Допуа, Шакрылба и др. Самурзаканские феодалы в заявлении от 3 марта 1865 г. дают даже характеристику положения ашнакума в этой части Абхазии (См.: ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 51—52). Известно также, что в период подготовки крестьянской реформы из общего количества ашнакума 1800 душ владетельскими были признаны лишь 432 — 16 фамилий, 94 семейства (Там же, ф. 231, оп. 1, д. 415, л. 4).

домашним хозяйством, рубкой лесов и правильным взносом пошлин при вывозе лесных материалов, в приеме приезжавших к владельцу гостей, в сопровождении владельца во всех его поездках. Вообще ашнакума как люди, составлявшие «как бы охранную стражу владельца»¹⁹⁰, исполняли все его поручения¹⁹¹. Кроме того, патрон по отношению к ашнакума пользовался выморочным правом. Так, самурзаканский князь Леван Шервашидзе передал князю Балхуху Шервашидзе, жившему в с. Саберно, своих подвластных в Гвамгвердни. (часть с. Саберно), доставшихся ему по смерти ашнакума Пацалия Гваджава «по выморочному праву»¹⁹².

А. В. Пахомов, отличая ашнакума от анхаю, писал, что они не были обязаны сами пахать землю и приносить оброк козами, кукурузой и пр., а составляли домашнюю прислугу помещика: должны были смотреть за его лошадьми и оружием, ездить в его свите в качестве телохранителей, посылались с разными поручениями, бывали управляющими и вообще делали все, исключая черной работы. Кроме того, ашнакума обязаны были на полевые работы выводить своих подвластных крестьян и «наблюдать за тем, чтобы работа производилась как следует»¹⁹³.

За исполнением указанных обязанностей владелец, который вообще, желая «придать своему двору больше блеска и влияния», возвышал своих ашнакума, делал им подарки и отдавал часть повинностей от своих крестьян¹⁹⁴. Ашнакума имели право жениться на дочерях дворян, владеть на одних с ними правах крестьянами и землей, почему некоторые авторы считали возможным приравнять их к «личным дворянам»¹⁹⁵, а Сухумская сословно-поземельная комиссия отмечала, что на ашнакума смотрели «как на лиц, стоящих выше прочего населения и равных амиста»¹⁹⁶. Сами ашнакума во время крестьянской реформы всячески претендовали на дворянское достоинство. Но в этом отношении предпочтение было оказано преимущественно отдельным владельческим ашнакума, занимавшим более привилегированное положение среди данного слоя. При этом определяющими моментами являлись: обладание известным числом «коренных» анхаю¹⁹⁷,

¹⁹⁰ Об этом свидетельствует уже само слово «ашнакума», происходящее от грузинского «шинакма» — придворный.

¹⁹¹ См.: ЦГАА, ф. 57, д. 7 (журнал заседания Сухумской сословно-поземельной комиссии от апреля 1874 г.).

¹⁹² См.: ССКГ, 1870, в. III, с. 23.

¹⁹³ См.: Пахомов А. Записка... Лл. 489—490, 493—494.

¹⁹⁴ ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 415, лл. 1—23.

¹⁹⁵ Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии, с. 183.

¹⁹⁶ ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 415, лл. 1—23.

¹⁹⁷ Ашнакума, по утверждению Сухумской сословно-поземельной комиссии, вообще «имели возможность владеть анахаями» (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 415, лл. 1—23).

пользование сбором аждиз за пастьбу скота, оказание покровительства приходившим к ним асасам¹⁹⁸.

Вообще же обязанности «покровителя» (ахылапшю) к «подвластному» ему населению, по материалам Сухумской сословно-поземельной комиссии, заключались: а) «доставление удовлетворения по делам кровомщения»; б) содействие отысканию «украденного» (особенно скота); в) «отраждение» занимаемого данным населением территории; «в видах пользования лесными и другими угодыми, не состоящими в чем-либо владении»¹⁹⁹.

Отметим также, что среди ашнакума была определенная дифференциация. Выделялись отдельные лица, особенно приближенные к владельцу, и, напротив, некоторые ашнакума в народе носили прозвище «голые ашнакума». Были и такие, которые не имели ни одного анхаю, а отдельные из них, как например, Рашит и Шахан Шакрыл (с. Лыхны), потомки Шаугяна, имели 5 дымов анхаю, другие Шакрыл — 1 дым²⁰⁰; Баалоу (Яштхуа) — 4 дыма²⁰¹, бедийские ашнакума в одно время имели даже около 80 дымов анхаю²⁰².

Абхазские ашнакума коренным образом отличались от грузинских шинакма, хотя корень обоих слов один и тот же: последние составляли самую низшую категорию крепостных крестьян, хотя они очень напоминали шинаква Мегрелии, не составлявших там, однако, отдельного сословия.

II. Крестьяне

Феодалы, составлявшие определенный процент населения Абхазии, обычно, как уже отмечалось, не занимались сами хозяйством в сколько-нибудь больших размерах и, ведя праздный образ жизни, обеспечивали свои потребности за счет эксплуатации крестьянской массы.

Еще в 1817 году русский офицер Е. И. Энегольм писал: «Несоразмерное число дворянства противу народонаселения сих владений (Имерети, Мегрелии и Абхазии. — Г. Д.), не находящегося в бедности своей способов к удовлетворению возникающей роскоши, гордость одного, не позволяющая оному помышлять о способах к удовлетворению оной посредством собственного трудолюбия либо промышленностью, но заставляющая его в праздности всего ожидать от своего поселянина, — либо удовлетвориться на счет слабейшего своего соседа, — производит главные источники народного бедствия.

198 См.: ЦГАА, ф. 57, д. 7, лл. 19—22.

199 См.: ССКГ, 1870, в. III, с. 11.

200 См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 96 об. — 97, 115.

201 См.: Там же, л. 19 об.

202 См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, л. 179.

Сей со своей стороны, будучи лишенный всех прав гражданина... невольник своего господина...»¹.

К. Чернышев рекомендовал «отличать жизнь абхаза по различию его состояния», ибо, писал он, «князь или богатый дворянин действительно проводит жизнь среди лени и бездействия; простолюдин же работает, и если он, невзирая на труды свои, остается беден, то это проистекает не от лени, а из отношений бедного, низшего класса к высшему, который грабит, разоряет его...»².

А. В. Пахомов заявлял, что помещик Г. Д. Шервашидзе «не будет давать даром земли ассасам из сословия тавад, аамыста и шинагм, так как эти люди сами не работают, пользуются только чужим трудом и, вследствие своего постоянного тунеядства, только волнуют народ и занимаются воровством»³. Говоря о первых последствиях упразднения феодального владения в Абхазии, Пахомов подчеркивал, что здесь раньше «никто... не мог ручаться за то, что может с ним случиться завтра... Крестьяне же были в более худшем положении. Каждый почти имел право их грабить и даже убивать, платя только небольшой штраф, и на них же лежала обязанность кормить своих господ, дворян и князей...»⁴.

Крестьяне по своей подчиненности делились на владетельских; на крестьян, находившихся в зависимости от князей, дворян и ашнакума; были крестьяне, считавшиеся частично церковными, а также зависимые от наиболее богатых крестьян.

Основными же категориями крестьян в феодальной Абхазии XIX века являлись анхаю, ахоую и ахашвала. Другими прослойками зависимого сельского населения были амацуразку и азаты, являвшиеся второстепенными по количеству, устойчивости и значимости. Вместе с тем, как уже отмечалось, крестьяне перечисленных категорий, в свою очередь, делились на отдельные группы по характеру отношения к средствам производства, типу эксплуатации, по своему имущественному и правовому положению.

В работе будут выяснены условия развития той или иной крестьянской категории, отличие ее от других категорий, права владельцев по отношению к каждой категории, удельный вес каждой из них в общей массе крестьянства, дифференциация и классовая борьба крестьян с помещиками и т. д. Тем самым будет очевидна несостоятельность положения тех авторов, которые отдельные категории эксплуатируемых производителей различают не с точки зрения их политических и экономических прав, не отношением тех или иных людей

¹ Энегольм Е. Указ. рук.

² Чернышов К. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 82.

³ Пахомов А. В. Записка... С. 282.

⁴ Его же. Абхазия в сельскохозяйственном отношении, с. 84—85.

к средствам производства, а характером выполняемой ими работы у своего господина.

Анализ положения различных прослоек сельского трудового населения, на какие оно, повторяем, делилось по своему правово-экономическому положению, даст возможность выяснить и уровень развития феодализма в Абхазии.

Таким образом, будет изучено в целом положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения, вытекающие из формы собственности на средства производства. Такое изучение вопроса само по себе очень важно для правильного понимания экономики феодализма в Абхазии рассматриваемого периода.

И хотелось бы прежде всего привести следующую выдержку из конспекта К. Маркса «Военно-статистического сборника. Выпуск IV. Россия» (СПб., 1871)⁵: «Горское в Кубанской, Терской, Дагестанской областях и в Сухумском отделе дробится на множество племен; у некоторых из них полное равноправие всех членов общества, у других — весьма многообразные виды зависимости одних сословий от других. Вопреки пестроте эти виды зависимости можно свести к 3-м главным категориям: 1) рабы, вещь своего господина; 2) люди, лично зависимые от владельца и обязанные ему разными службами, но до некоторой степени ограждаемые обычаями от его полного произвола, с кое-каким движимым имуществом; продавать их можно только тем людям, к которым они согласны перейти; люди, обязанные отрабатывать своим господам определенное количество рабочих дней или отдавать определенное количество продуктов. Кроме того, существуют еще лично свободные сословия, не находящиеся в зависимом положении от членов высших сословий — или в силу пользования их землей, за которую они платят частью продуктами, частью работой, или вследствие установившегося административного подчинения, которое тоже ведет к различным подаркам и услугам покровителям».

Преобладающую массу крестьянства, а, следовательно, и всего населения Абхазии, составляли анхаю, которыми и начинаем свое исследование крестьянских категорий Абхазии в первой половине XIX века и в предреформенный период.

1. Анхаю (анхафы)

Численность крестьян-анхаю, составлявших ядро абхазского народа, по выражению А. П. Черепова, — «соль земли абхазской»⁶, согласно данным Сухумской сословно-позе-

⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. XVI. М., 1982, с. 275.

⁶ Черепов А. П. Указ. соч., с. 407.

мельной комиссии, равнялась около 47 000 чел. (9 000 дымов) из, примерно, 65 000 чел. населения Абхазии (Сухумского отдела) в тот период, т. е. в конце 60-х годов XIX века⁷. В Цебельде летом 1866 года, т. е. до махаджирства, из 10 345 душ всего населения анхаю составляли 7 809 человек⁸. Возьмем ~~некоторые отдельные села~~. В конце 60-х годов в Гагрипше анхаю составляли 60 дворов из 119; в Лдзаа — 24 из 37 дворов и т. д.⁹

Термин «анхаю»¹⁰ буквально значит «хозяйствующий человек». Это, несомненно, древний термин, обозначающий земледельца — крестьянина вообще. Правильно полагал А. П. Черепов, что данное наименование «всего ближе можно выразить словом земледелец»¹¹. Такого мнения был и А. В. Пахомов¹². С. Смоленский название рассматриваемой категории абхазского крестьянства переводил как «поселянин»¹³. Впоследствии название «анхаю» закрепляется за одной, а именно высшей группой крестьянства, не теряя в то же время и общий свой смысл. «Анхаю» как термин, выражающий понятие вообще крестьян, сохраняется и в настоящее время¹⁴. Анхаю были известны в Самурзаканской Абхазии еще под названием «пиоши» (пиошы) (не поддается расшифровке) и у абазин — «ахаю» (аха ы).

Наши источники, естественно, данному широкому социальному слою — основной производительной силы страны уделили гораздо больше внимания, чем какой-либо другой категории крестьянства. Тем не менее в характеристике анхаю наблюдается больше всего противоречивых и неверных положений и трактовок.

Многие исследователи в своих работах опирались, главным образом, на материалы различных комиссий, особенно

⁷ Эти данные относятся к периоду, которому предшествовало выселение части абхазского населения в Турцию (махаджирство) после восстания 1866 года.

⁸ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 20.

⁹ См.: Там же, д. 555, 1870, лл. 2 об. — 4.

¹⁰ См.: Слово «анхаю» образовалось из двух основ: «анхара» — хозяйствование и «ауаю» (ауа ы) — человек.

¹¹ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 407.

¹² См.: ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1870 г., 9/36, лл. 13, 20.

¹³ См.: Смоленский С. Указ. соч. — Военный сборник, 1874, № 7, с. 403, прим.

¹⁴ Это было аналогично с эволюцией, скажем, русского термина «крестьянин» и грузинского «гlexи». «Крестьянин» постепенно на Руси стал вытеснять другие аналогичные по содержанию термины; «гlexи» в период крепостничества в Грузии стал выражать понятие крепостного крестьянина, а впоследствии — вообще крестьянина.

* Следует отметить, что вообще общественно-политическая жизнь Самурзаканского региона характеризовалась некоторым своеобразием. Как писал (1866 г.) начальник Сухумского военного отдела полковник Коньяр, «словесные отношения в этом крае имеют весьма близкое, если не полное, сходство с взаимными отношениями, существовавшими в Абхазии» (См. Документы по истории Грузии, серия II, т. I, ч. I, с. 466).

Сухумской сословно-поземельной, работавших по подготовке и проведению крестьянской реформы в Абхазии. Так, председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии, выражая мнение этой комиссии, писал: «По своему значению названия своего, анхае (пиоши) суть люди совершенно свободные, пользующиеся в полной мере своими личными и имущественными правами. Повинности же этого сословия образовались из добровольных приношений...»¹⁵. Таково было в сущности и мнение А. П. Черепова¹⁶.

В материалах указанных комиссий и у ряда авторов анхаю именовались также «вольными жителями»¹⁷, так же как, например, в Кабарде наименование «вольных кабардинцев» обычно присваивалось юридически свободным крестьянам и, в частности, «вольноотпущенникам»¹⁸.

Сухумская сословно-поземельная комиссия и некоторые члены предшествовавших ей комиссий и другие авторы, как уже отмечалось, отношения помещиков к крестьянам в предреформенной Абхазии сводили, на основании исчезающих дофеодалльных пережитков, в сущности к простым отношениям «покровителей» к «покровительствуемым», точно так же, как Ф. И. Леонтович, известный исследователь обычного права горцев, кабардинских князей и уорков считал «безобидными» родовыми старшинами¹⁹, характеризуя общественный строй Кабарды первой половины XIX века вообще как патриархально-родовой с «взаимной солидарностью всех общественных классов»²⁰. Они в своих выводах и социальных отношениях в предреформенной Абхазии пытались широко воспользоваться абхазским обычным правом. Военный министр Д. А. Милютин, базировавшийся на материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии и других официальных источниках, писал, что «значение ... повинностей, при существовании полной равноправности в пользовании частной собственностью и землями... заключается как бы в возмездии высшему классу за оказываемые им покровительствуемым защиту и разного рода другие услуги»²¹. Так в идиллическом тоне изображались действительные отношения между двумя антагонистическими классами феодального общества.

С другой стороны, здесь, как и повсюду, господствующая

¹⁵ ССКГ, 1871, в. V, с. 49.

¹⁶ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 407—408.

¹⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1—5, д. 1013, лл. 10—19; ф. 545, д. 181, лл. 157—158; Кавказ, 1866, № 74.

¹⁸ См.: Гарданов Б. А. Материалы по обычному праву кабардинцев, с. 345.

¹⁹ См.: Кумыков Т. К. вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 года. — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, 1954, т. IX. Нальчик.

²⁰ Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев, в. I. Одесса, 1882, с. 413.

²¹ ЦГА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 74, л. 35 об.

часть общества стремилась санкционировать «нарождавшиеся (крепостнические. — Г. Д.) нормы» как закон, и вместе с тем, говоря словами К. Маркса, «те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения»²².

Вместе с тем в «сословии анхае», составлявшем «главную силу покровительственного элемента каждой общины», сосредоточивались главнейшие интересы этого элемента: «оно защищало и оберегало эти интересы, охраняло обычаи, силою протеста своего предотвращало препятствия к восстановлению его, образуя таким образом консервативную силу, ограждавшую существовавший порядок и отношения от изменений»²³. Поэтому и случилось так, как констатировал председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии П. Д. Краевич, что взаимные отношения абхазов и адаты или обычаи их «в высшей степени перепутаны и сбивчивы»²⁴.

Абхазия, как уже отмечалось, перед реформой переживала под влиянием внутренних и внешних факторов большие изменения. Огромное влияние на внутреннее развитие края имело присоединение его к России, которая несла с собой капиталистические отношения. Но внутренние процессы развития не были приняты и вскрыты старой историографией: Феодализм рассматривался как совокупность юридических институтов, а не как система производственных отношений между двумя антагонистическими классами.

Р. де Скасси основным источником доходов владельца Абхазии Георгия (Сафарбея) Шервашидзе считал «подарки», поступающие от его подданных, которые носили совершенно «добровольный» характер²⁵. Ясно, что эти повинности крестьян не могли быть «довольно значительными и составлять главную статью» доходов владельца княжества, если они действительно являлись «добровольными подарками».

К. Чернышов крестьянство Абхазии делил на три разряда и под первым понимал анхаю. Однако наблюдения Чернышова также были весьма поверхностны, коль скоро он пришел к выводу, что анхаю были лишь «обязаны доставлять доход с произведений своей земли владельцу» и «не несут никаких служб лично, своею особою»²⁶.

Противоречивость и эклектизм ярко чувствуются в сочинении Н. Ф. Дубровина «Абхазцы (азега)». Он механически пользовался материалами, отражавшими противоположные точки зрения в оценке анхаю. В одном месте Дубровин последних называл совершенно свободными, а в другом — до некоторой степени свободными; с одной стороны, утверждал,

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25. ч. 2, с. 356.

²³ Краевич П. Д. Очерк... С. 7.

²⁴ ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., д. 180, оп. 3, лл. 179—187.

²⁵ См.: АКАК, т. VI, ч. I, с. 646—658.

²⁶ Чернышов К. Указ. соч. — Кавказ, 1854, № 82.

что в поземельном отношении все сословия равны, а с дру-гой, — помещики владели крестьянами на правах подданства за землю, которой их наделяли, и т. д.²⁷

А. Н. Введенский в статье «Абхазцы (азега)...» уличал Н. Ф. Дубровина в противоречивых утверждениях и выводах в оценке юридическо-хозяйственного положения анхаю. Однако он сам, развивая характеристику Сухумской сословно-поземельной комиссии (Введенский, как известно, был членом этой комиссии)²⁸, крестьян анхаю считал свободными и даже «составлявшими значение высших фамилий», зависимость от которых для анхаю являлась чисто личной. Вместе с тем А. Н. Введенский писал, что анхаю садзов (джигетов), псхувцев и ахчипсоувцев не отбывали вообще никаких повинностей. Он считал их «образцами строя жизни обществ абхазского племени»; «эти общества, состоя в последнее время вне всякого чужестранного влияния, сохранили свой прежний строй», тогда как в Абхазии, благодаря влиянию Турции и России, права анхаю «потерпели некоторое ограничение»²⁹.

С. С. Эсадзе и С. Л. Авалиани, также не исходившие из анализа общественных производственных отношений и интересовавшиеся прежде всего правовым положением крестьян, утверждали, что в Абхазии не могла выработаться крепостная зависимость; зависимость же, которая существовала между различными слоями населения, отнюдь не была зависимо-стью по земле, а являлась чисто личной³⁰. При этом эту личную зависимость по отношению к анхаю (и даже ахоую) Эсадзе характеризовал, как условную зависимость, которая имела (для анхаю) «собственно административный характер»³¹.

Но Авалиани вынужден был признать, что в дореформенной Абхазии были «зависимые разряды населения, которые не располагали земельной собственностью»; «не могли осуществить, в силу различных обстоятельств, того права, которое им фактически принадлежало». И эти «различные обстоятельства» были настолько сильны, что, говоря даже об анхаю, Авалиани вынужден был писать, что этих последних «однако нельзя признать абсолютно независимым разрядом населения»³². Как Эсадзе, так и Авалиани перечисляли «ряд обязанностей» (почти около полутора десятков названий), включавших оброчные обязательства и даже барщинные повинности, которые несли крестьяне анхаю перед реформой. Уже один этот перечень повинностей анхаю не только не вы-

27 См.: Дубровин Н. Указ. соч., с. 68.

28 См.: ССКГ, 1872, в. VI, отд. I, с. 12—13.

29 Там же, с. 22, 26, 37.

30 См.: Эсадзе С. Историческая записка..., т. I, с. 507; Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. II, с. 66.

31 Эсадзе С. Указ. соч., с. 507.

32 Авалиани С. Л. Указ. соч., с. 66.

жется с общим тезисом указанных авторов об абсолютной свободе анхаю, но и с вынужденной оговоркой Авалиани считать их таковыми без определения «абсолютный».

Чувствуя противоречивость своей концепции и ненаучность обоснования крестьянских повинностей «уважением к патрону», С. Л. Авалиани вынужден был заявить, что «если уж необходимо точно квалифицировать эти отношения (крестьян с помещиками. — Г. Д.), то можно было бы по аналогии характеризовать их как смягченную форму крепостных отношений с преобладающим элементом личной зависимости»³³.

Г. Калантаров писал, что в Самурзаканской Абхазии, а также в Сванетии и Осетии «натура крестьян была... вовсе не порабощенная. Помещичье господство тут было крайне мягко, повинности ничтожны и строго ограничены обычаем, а обращение господ с крестьянами полюбовное»³⁴. А. Н. Дьячков-Тарасов уверял, что анхаю, ведя хуторское хозяйство, чувствовал себя «совершенно свободным гражданином абхазской лесной стихии» и лишь в некоторой степени — «вассалом только ближайшего тавада или аамста «за покровительство», за что, писал он, все более и более вступая в противоречие с вышеуказанным своим утверждением, анхаю отбывал «некоторые повинности»: на 3—5 дней в году являлся к своему «покровителю» на посев или уборку кукурузы, приносил 2—3 кошелки винограда из своего сада, а в народный праздник — барашка»³⁵.

Писатель Г. М. Шервашидзе анхаю называл даже «свободными фермерами»³⁶, а также утверждал, что «все жили в довольстве, и не было ни бедняков, ни рабов. Дворянство и крестьянство жили дружно, при взаимном уважении...»³⁷. Такого же мнения был и историк Д. З. Бакрадзе³⁸.

Следует отметить, что в дореволюционной грузинской историографии в одно время довольно широко был распространен антинаучный взгляд о том, что феодальные отношения в Грузии складывались по типу семейных отношений: феодал являлся «отцом-покровителем», а крестьянин — «опекаемым сыном», и между ними не было никакой классовой борьбы.

³³ Авалиани С. Л. Указ. соч., с. 75.

³⁴ Калантаров Г. Крепостное право Грузии в начале настоящего столетия. — ССК, 1872, в 11, с. 255—256.

Эту точку зрения разделял и Мачавариани К. Д. (См. его «Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу»; с. 320—321).

³⁵ См.: Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии, с. 181.

³⁶ Шервашидзе Г. Так ли пишется история (письмо в редакцию). — Закавказье, 1910, 6 июня.

³⁷ Его же. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову. — Сухумский вестник. 1917, 29 марта.

³⁸ См.: Бакрадзе Д. З. Дворянство Абхазии и Самурзакани. — Арх. АИЯЛИ, ф. 4, оп. 1, д. 376, л. 6.

Историк Александр Орбелиани особенность крепостничества в Грузии считал «гармонические отношения между феодалом и крепостным» и, тем самым, исключал наличие классовой борьбы в феодальной Грузии³⁹. Ф. Жордания в рецензии на монографию С. Л. Авалиани «Крестьянский вопрос в Закавказье» писал (в 1915 г. в газ. «ახალი ჯიბოულო») по поводу крепостного права в Грузии, что взаимоотношения между крестьянами и помещиками здесь «носили добровольный характер, представляя более нравственный семейный союз, взаимовыгодный для обеих сторон»⁴⁰.

В этой связи сошлемся и на этнографа С. Т. Званба, который в своих работах по этнографии абхазов, опубликованных в середине 50-х годов XIX века, отношения между феодалами и крестьянами изображал в идиллическом духе⁴¹. Справедливо замечал А. Н. Введенский, что С. Т. Званба, как представитель абхазского дворянства, уклонился от истины «при описании особенного уважения подвластных к своим владельцам, заставляющего их во всех молитвах призывать благословение божие на помещика и на его семейство»⁴².

Давид Чхотуа, хотя и признавал факт существования крепостнических отношений в Абхазии, но установление этих отношений объяснял как результат нарушения устоев обычая гостеприимства, когда «добровольные» приношения и «добровольная» служба свободных людей, ушедших от прежних своих господ, с течением времени превратились в постоянные и обязательные по отношению к новым господам, чем нарушался «моральный союз»⁴³.

«Теория» об абсолютной свободе крестьян анхаю имела хождение в работах и ряда других авторов. Этого тезиса придерживались и некоторые исследователи в наше советское время.

В статье Л. И. Лаврова «Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII—XIX веках»⁴⁴, опубликованной в 1948 году, нетрудно заметить, что автор в определении положения абазинских анхаю (ахаю) подходит не с точки зрения производственных отношений, а лишь правовых; переоценивает внеэкономическое принуждение, что вместе с тем, естественно, приводит его к противоречивым выводам. Он как будто признает, что данные крестьяне составляли личное

39 См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955, с. 635.

40 Цит. по: Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (Сатавадо-сеньери) Тбилиси, 1961, с. 10.

41 См.: Дзидзария Г. А. Биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба. — Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.

42 Введенский А. Н. Абхазцы..., с. 9.

43 ჩხოტუა დ. ობო ჩვეულება აფხაზეთში. — „ეროგა“. 1872, 4 августа, № 30.

44 См.: Советская этнография, 1948, № 4, с. 158.

свободное крестьянство, но в то же время утверждает, что последние, несмотря на юридическую свободу, оязаны были принимать некоторое участие в полевых работах в пользу знати и поставлять определенную долю продовольствия, шерсти, дров и пр., т. е. нести барщину и оброк. Из описания Л. И. Лаврова скорее можно прийти к противоположному выводу, нежели к тому, к какому он пришел. Ясно, что обязанные барщиной и оороком ахаю не могли быть свободными в том смысле, в каком это рисует Л. И. Лавров, основой чего в конечном счете являлась феодальная собственность на средства производства, т. е. прежде всего на землю.

Кроме того, анхаю нельзя рассматривать как единую категорию с общими для всех их слоев положением и характеристикой. Правда, в новой своей работе об абазинах Л. И. Лавров несколько пересмотрел оценку положения рассматриваемой категории абазинских крестьян, но, по словам самого автора, все еще «остаётся неясным даже такой кардинальный вопрос, как феодальная собственность на землю, которая... является основой феодализма»⁴⁵.

В литературе, в том числе и документальной, мы сталкиваемся и с иной точкой зрения, являющейся другой крайностью в характеристике анхаю, точкой зрения, которая исходила от самих абхазских помещиков. Последние, желая получить от крестьянской реформы максимальную для себя выгоду, стремились всех анхаю приравнять к тем категориям, которые находились на последней ступени крепостничества. Они предлагали, чтобы крестьянам были отданы земли и частная собственность «в возможно ограниченном количестве» и, кроме того, чтобы за эти земли помещики получали бы вознаграждение от самих крестьян или же от правительства⁴⁶.

Защитник классовых интересов абхазских помещиков А. В. Пахомов категорически утверждал, что вся земля в Абхазии являлась полной собственностью помещиков, а крестьяне, в том числе и анхаю, были прикреплены к этой земле, как это было в тех частях Грузии, где крепостнические отношения были наиболее развиты⁴⁷. Абхазских анхаю он безоговорочно отождествлял с крепостными мебегре Меррелии⁴⁸, а депутаты дворянства Абхазии в докладной записке от 23 марта 1870 года⁴⁹ и князь И. К. Багратион-Мухранский — с грузинскими глехи⁵⁰.

И. К. Багратион-Мухранский, сам являясь крупным помещиком, в своем проекте (1863 г.) по проведению крестьян-

⁴⁵ Лавров Л. И. Абазины. — Кавказский этнографический сборник, I. М., 1955, с. 21.

⁴⁶ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 33.

⁴⁷ См.: Там же, ф. 1719, оп. 1, д. 9/36, лл. 20—28.

⁴⁸ См.: Там же, д. 6/29, л. 204.

⁴⁹ См.: Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 38—45.

⁵⁰ См.: Там же, 1863 г., д. 180, лл. 2—8.

ской реформы в Грузии по вопросу земельных отношений выражал «убеждение, что произведение труда принадлежит крестьянину, а земля помещику»⁵¹. Буквально то же самое писал он и по поводу крестьян анхаю, живших на территории владений келасурских князей Шервашидзе. «Только выгоды от труда, — писал он, — принадлежат крестьянину, а земля принадлежит помещику»⁵².

Показания абхазских феодалов о зависимых крестьянских категориях вообще, видах и размерах существовавших повинностей, наконец, о степени зависимости тех или иных категорий крестьян также расходились с действительным положением вещей. Эта тенденция свое наиболее яркое и обобщенное отражение нашла в указанной выше докладной записке депутатов дворянства Абхазии, в которой помещики стремились склонить правительство применить здесь положения, которые были выработаны для тех районов Грузии, где крепостнические отношения были значительно сильнее, чем в Абхазии. Они безапелляционно объявляли всех анхаю крепостными крестьянами, целиком отождествляя их с грузинскими глехи, а крепостных ахоую — рабами. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Д. Краевич в своем анализе этой докладной записки расценивал тенденцию ее авторов, как «домогательство» привилегированного сословия, «самую бесцеремонную натяжку» и увлечение «известной целью»⁵³. Такая же тенденция наблюдается и в заявлении самурзаканских феодалов на имя майора Кишельского, начальника Самурзаканского округа: анхаю (пиоши) должны «зарабатывать все, что только нужно помещику на целый год», — писали они. Но при этом феодалы признавали «ограниченность на них (анхаю. — Г. Д.) лежащих податей и повинностей»⁵⁴ по сравнению с остальными, нижестоящими категориями крестьянства.

Известно, что такое стремление накануне реформы проявляли не только феодалы Абхазии. Например, депутаты дворянства Мегрелии в записке от 19 февраля 1866 года по крестьянскому вопросу также всячески доказывали о незыблемом существовании в Мегрелии издревле крепостного права, упроченного за дворянством законодательством и обычаем края; писали, что обладание крепостными людьми и отбываемыми ими повинностями — единственный источник их существования⁵⁵.

Указанные выше оба мнения, исходившие от сословно-поземельной комиссии и дворянства Абхазии, несмотря на всю свою тенденциозность, тем не менее, заслуживают внима-

⁵¹ Цит. по: Гугушвили П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. II, с 131—132.

⁵² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 180, лл. 2—8.

⁵³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 31 об.

⁵⁴ Там же, ф. 220, оп. 1, д. 877, л. 51 об.

⁵⁵ См.: Там же, д. 1076, лл. 141—148.

ния, ибо каждое из них не только искажало, но и в известной мере отражало действительность. Сухумская сословно-земельная комиссия, безусловно, располагала определенными данными для своих предложений и выводов, хотя эти выводы и вообще ее официальные материалы, повторяем, изображали социальные отношения в Абхазии в целом в искаженном виде. Крестьянская реформа в Абхазии вряд ли могла быть осуществлена в том духе, в каком она была проведена, если для этого не было бы никаких оснований.

Утверждения и все поведение абхазских феодалов накануне крестьянской реформы уже само по себе было отражением развития крепостнических отношений, которые в недалеком будущем установились бы в крае в такой же степени, в какой они уже сложились в ведущих в феодальном отношении областях Грузии.

Из ранних авторов положения анхаю более других касался Ф. Ф. Торнау, который пытался дать картину деления абхазского населения «на состояния». Но его ошибки и неточности особенно отразились в характеристике тех же крестьян анхаю. Торнау крестьянство делил лишь на две категории: анхаю и агыруа, которых он характеризовал как крестьян (первых) и рабов (вторых). Как видно, у Торнау выпадает категория собственно крепостных — ахоую, которую он, по-видимому, распределил между анхаю и рабами. Следовательно, на характеристику каждой из указанных категорий Торнау распространял положение ахоую. Надо полагать, что именно вследствие этого обстоятельства у Торнау получилось, с одной стороны, «ухудшение» положения анхаю, а с другой — «облегчение» положения рабов. Очевидно, именно следствием этого обстоятельства является и тот факт, что в характеристике каждой из названных категорий населения Абхазии у Торнау наблюдается явное противоречие.

Но при всем этом Торнау, безусловно, отражал процесс закабаления анхаю. Преувеличение зависимого положения этих крестьян само по себе является характерным фактом.

Как же характеризовал конкретно Торнау анхаю и в чем сущность его противоречивых суждений? Прежде всего, он считал их полусвободными крестьянами и рассматривал как однородную группу. Затем Торнау писал, что князья и дворяне владели крестьянами «на праве подданства на землю, которой они их наделяют». В другом месте: «Крестьяне имеют право владеть землей и даже рабами, но сами несут установленные обычаем повинности по отношению к господину; на земле которого поселены». Более того, Торнау в своих рассуждениях доходил до утверждения, что анхаю «составляют сами собственность своего господина»⁵⁶.

⁵⁶ Торнау Ф. Ф. Воспоминания., п. I, с. 56—58; Его же. Обычай абхазского народа... — Дзидзария Г. А. Торнау Ф. Ф. и его кавказские материалы, прилож., с. 121.

Совершенно ясно, что крестьянин не мог быть полусвободным и в то же время являться собственностью господина. Вместе с тем каждая из этих характеристик в отдельности также неверна по отношению к анхаю постольку, поскольку речь идет об этой категории крестьян в целом.

Подобные противоречивые выводы мы находим у И. Аверкиева и Ф. Завадского, в наблюдениях которых имеются и некоторые заслуживающие внимания данные об анхаю. Аверкиев, с одной стороны, утверждал, что все анхаю были прикреплены к земле, в сущности являлись крепостными, а с другой, называл их «вольными жителями»⁵⁷.

Ф. Завадский, касаясь «разделения народонаселения» Абхазии, также писал, что анхаю (перевод самого слова передает как «поселянин») сидели на помещичьей земле, которая не могла быть отнята у них, но и сами крестьяне не имели права переходить от одного помещика к другому⁵⁸.

Анхаю составляли основную зависимую часть населения Абхазии. Вместе с тем они являлись наиболее свободными из всех зависимых крестьян и форма их зависимости в целом еще не была определена как крепостническая. Ни абхазские помещики, ни А. В. Пахомов и И. К. Багратион-Мухранский, при всем их старании, не могли опровергнуть это положение. Голословные же заявления об обратном, т. е. о полной закрепощенности категории анхаю, не могут, конечно, убедить никого. Следовательно, эта точка зрения отражала не столько современное состояние анхаю, сколько их будущее положение, к которому шел процесс и которое бы вполне соответствовало интересам помещиков-крепостников.

Таким образом, в положении анхаю перед реформой наблюдались сложные явления, которые по тем или иным соображениям и причинам преувеличивались или игнорировались отдельными сторонами, в результате чего и появилась в литературе та неясность и запутанность в характеристике данной категории крестьян, о чем говорилось выше.

А. В. Фадеев еще в 30-х годах поставил вопрос о критическом изучении литературы и источников, чтобы выяснить действительную природу анхаю в предреформенный период. Он ряд работ посвятил изучению истории абхазского крестьянства феодальной эпохи, а также пореформенного периода. Особенно в статье «Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года». А. В. Фадеев на примерах анхаю князя Л. Г. Шервашидзе показывает зависимое положение, формы и степени эксплуатации этих крестьян помещиком. Однако в работах А. В. Фадеева проблему анхаю в целом нельзя считать решенной. Прежде всего, автор приходит к такому выводу: «Положение крестьян феодальной

⁵⁷ См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 74.

⁵⁸ См.: Завадский Ф. Абхазия и Цебельда, Кавказ, 1867, № 59.

Абхазии характеризовалось наличием многочисленной группы анхаю, не прикрепленных к земле, но зависимых и обязанных разнообразными повинностями, причем эксплуатация этой группы крестьян помещиками покрывалась патриархальными традициями, псевдородственными связями и т. д.»⁵⁹. Как видно, автор преувеличивает внеэкономическое принуждение крестьян; категорию анхаю рассматривает как однородную массу и исключает факт закрепощения части ее, выражавшийся в первую очередь в постепенном прикреплении этих крестьян к земле помещиками. Таким образом, анхаю рассматриваются не в динамике, не в процессе их закрепощения и расслоения.

Вместе с тем А. В. Фадеев допускает противоречивые суждения, каждое из которых в отдельности не соответствует действительности. В упомянутой работе, в которой дается цитированный вывод об анхаю, мы читаем, что все анхаю «жили и вели свое хозяйство на земле, составлявшей собственность феодала» Д. Г. Шервашидзе⁶⁰. Это утверждение, кроме того, что противоречит указанному положению автора о том, что вообще анхаю не были прикреплены к земле, в свою очередь, нельзя считать правильным. Фадеев всю «подвластную («удельную») территорию (25 тыс. га) кн. Д. Г. Шервашидзе отождествляет с его личной, господской землей. Здесь нетрудно заметить влияние тенденциозных материалов А. В. Пахомова.

И. Г. Антелава в «Очерках по истории Абхазии XVII—XVIII веков» (Сухуми, 1949) останавливается на характеристике общего положения крестьян анхаю в XIX веке постольку, поскольку это было ему необходимо, вследствие ограниченности источников, ретроспективным приемом исследования выяснить правовое и материальное положение изучаемой крестьянской категории в XVII—XVIII веках. Историческое образование этой категории автор рисует как результат развития феодальных отношений в крае. На основании анализа повинностей и обязанностей, лежавших на анхаю в XIX веке, И. Г. Антелава доказывает ложность «теории» о полной свободе этих крестьян; подчеркивает их неоднородность, внутреннюю дифференциацию.

Однако автор, придерживаясь характеристики некоторых современных документов, часть анхаю безоговорочно называет «необязанными повинностями», хотя в другом месте совершенно правильно отмечает, что нельзя говорить о полной свободе крестьян анхаю в целом не только в XIX веке, но и до этого. Кроме того, в выяснении положения анхаю в XVII—XVIII веках автор, применяя ретроспективный метод исследования, социальные отношения середины XIX века переносит

⁵⁹ Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939, с. 105—126.

⁶⁰ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 118—119.

к указанному времени без достаточного учета тех изменений, которые происходили в жизни крестьян анхаю в новых исторических условиях. Эти изменения приобретали характер довольно быстрого процесса. Во всяком случае, трудно согласиться с И. Г. Антелава, когда он пишет, что «если принять во внимание известную стабильность социальных отношений в Абхазии», то материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии, т. е. кануна крестьянской реформы, «вполне могут быть использованы и применительно к XVII—XVIII векам». Следует особо заметить, что в работе остается невыясненным положение анхаю в отношении земли. Более того, автор утверждает, что «крестьяне этой категории экономически не были зависимы от феодалов»⁶¹.

Указание источников на факт распада анхаю на «обязанных повинностями» и «необязанных» по вводной статье И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецкого к публикации документов «Из истории крестьянской реформы Абхазии»⁶² рассматривается, как показатель процесса постепенного закрепощения анхаю. Вместе с тем подчеркивается, что последние хотя и зависели от феодалов, но сама форма зависимости этих крестьян в целом еще не определилась полностью как крепостническая зависимость и в значительной степени прикрывалась дофеодальными пережитками. Эта точка зрения проводится также в работах А. А. Олонецкого «К вопросу о крестьянской реформе в Абхазии» и Г. А. Дзидзария «Восстание 1866 года в Абхазии».

История крестьянства, как и вообще вся история общества, может быть изучена лишь при неременном руководстве классическими трудами основоположников марксизма-ленинизма, в которых дана исключительная по своей глубине характеристика феодального способа производства и указаны пути, которыми шло закрепощение непосредственных производителей.

—

Наши источники безусловно относили анхаю к зависимой части населения. В этом отношении заслуживают внимания данные проф. А. Д. Нордмана⁶³, который свою таблицу «О населенности Абхазии», как мы видели, делит на характерные рубрики: «название деревень», «число дворов» и «кому принадлежит». В ней «означены дворы каждой деревни и показаны фамилии помещиков». Правда, как уже отмечалось, Нордман ошибочно во всех случаях имения феодалов отождествлял с населенными пунктами, в которых они прожива-

⁶¹ Антелава И. Г. Указ. соч., с. 140, 147.

⁶² Исторический архив, т. V. М., 1950, с. 392—453.

⁶³ См.: ЖМНП, 1838, № XI, с. 420—423.

ли. Но надо считать бесспорным зависимое положение, по крайней мере, основной массы крестьян этих населенных пунктов, от проживавших в них феодалов, причем эта зависимость могла носить самый разнообразный характер. Нордман отмечал, что, например, с. Калдахвара с 70 крестьянскими дворами принадлежало князю Инал-ипа, с. Звандриш с 100 дворами — дворянину Званба, с. Джгерда с 100 дворами — князю Маршания, с. Тхина с 160 дворами — князю Дзапш-ипа и т. д.

Упомянутым выше комиссиям и некоторым другим авторам рассуждения о полной свободе анхаю не помешали, однако, причислить их также к «зависимым сословиям». Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что комиссия генерала Понсэ в своей «Сравнительной таблице» сведений о зависимых сословиях в Абхазии (1865 г.) не только перечисляла анхаю, но и подчеркивала, что это «многочисленный класс землевладельцев, обязанных отбыванием повинностей в пользу некоторых лиц привилегированных фамилий». Вместе с тем указывалось, что анхаю бывают двух родов: обязанные повинностями за выкуп из плена, уплату долгов и пр. и отбывающие повинности патрону, старшине и т. д. Далее перечисляются повинности, отбывавшиеся обеими группами анхаю⁶⁴.

«Положение» 1870 года о проведении крестьянской реформы в Абхазии называлось: «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе». Анхаю также были включены в состав «зависимых людей». Они (анхаю), наряду с другими крестьянами, со дня обнародования «Положения» «приобретают права свободных сельских обывателей». При этом размер выкупной платы был установлен для каждого дыма анхаю (пиоши) в размерах, определявшихся по 4-летней сложности «подлежащих отбыванию повинностей»⁶⁵.

Вместе с тем Сухумская сословно-поземельная комиссия, в частности, ее председатель П. Д. Краевич, как отмечалось, все население Абхазии делила на «покровительствуемое» и «привилегированное» сословия. Хотя такое стремление свести отношения между абхазскими помещиками и крестьянами к отношениям «покровителей» к «покровительствуемым» было глубоким искажением действительных отношений, но тем не менее, факт деления населения на две части и включения анхаю во вторую, зависимую группу, является сам по себе характерным. Анхаю, амацуразку и ахоую, составлявшие основную массу второй группы, характеризовались как «условно-зависимые сословия», а отдельные категории — как «разряды» этих сословий⁶⁶.

⁶⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, лл. 39—42.

⁶⁶ ССКГ, 1870, в. III, с. 6—7.

Далее, рассматривая общественное устройство Абхазии, комиссия заявляла, что союз жителей или община (акыта) представляла «две категории населения и два рода отношений: в общине находился непременно ахалапшюю (ахылапшю.— Г. Д.), т. е. покровитель, защитник, подле которого группировались хипши, т. е. покровительствуемые и из взаимодействия этих двух элементов населения каждой общины образовались все действовавшие в среде его отношения»⁶⁷.

Термин «хипшы», встречающийся и в ряде других документов в том значении, в каком он здесь дан⁶⁸, имеет важное значение для общей характеристики положения крестьян анхаю, ибо он, как социальный термин, означал — «несамостоятельный», «зависимый». В этом отношении особенно интересен документ, составленный военным министром Д. А. Милютиным 21 октября 1870 года, в котором все крестьянство рассматривается как «низший (класс.— Г. Д.) — покровительствуемый (хипши)», распадавшийся на верхний разряд хипшы, т. е. анхаю, средний — амацуразку, низший — ахоую и, кроме того, — ахашвала: «самая низшая ступень в ряду зависимых сословий»⁶⁹.

Термин «хипшы» имел и более узкое значение. Хипшами назывались крестьяне, зависевшие от крестьян, которые, в свою очередь, как мы видели, под таким же названием выступали по отношению к феодалам. Между прочим, это обстоятельство не было учтено исследователями, касавшимися истории крестьянства феодальной Абхазии. В результате этого термин «хипшы» получил одностороннее толкование: он обычно употребляется для характеристики лишь нижней группы крестьян анхаю.

Впоследствии, в период проведения крестьянской реформы, главным определяющим принципом для получения звания дворянства (аамста), на какое претендовали ашнакума и отдельные крестьяне из высшего слоя анхаю, Сухумская сословно-поземельная комиссия считала наличие у того или иного «ищущего дворянства» «коренных зависимых сословий анхае». Так, например, фамилии Арлан, Багба, Блаб, Допуа, Куланба, Маги, Садзба, Папба и др. были признаны принадлежащими к сословию «амыста», «как имевшие значительное число коренных зависимых сословия анхае; как пользовавшиеся сбором ажидза за пастьбу скота; оказывавшие покровительство приходившим к ним асасам»⁷⁰.

Эта установка нашла свое отражение и в «Положении» о проведении крестьянской реформы в Абхазии. «Лицам, — говорится в 26 статье «Положения», — имеющим в своей под-

⁶⁷ Там же, с. 4.

⁶⁸ См., например, ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1033, лл. 5—6.

⁶⁹ ЦГИАГ СССР, ф. 1268, 1868 г., оп. 12, д. 74, л. 35.

⁷⁰ Журнал заседания Сухумской сословно-поземельной комиссии от 19 и 12 апреля 1874 г. — ЦГАА, ф. 237, д. 7, лл. 16, 19—20.

властности анхае или пиошей, обязанных выкупом тех или других повинностей, представляются особые поземельные наделы, полагая по две десятины за каждый дым анхае...»⁷¹.

Ф. Ф. Торнау, как мы видели, писал, что крестьяне анхаю, хотя и вправе владеть землей и иметь рабов, но вместе с тем «составляют сами собственность своего господина». Далее он перечислял повинности, которые отбывали крестьяне вследствие такого своего положения⁷².

В «Записке по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об определении личных и поземельных прав туземного населения Абхазии и Цебельды» определение анхаю, «называемые вольными жителями», сопровождалось очень существенной оговоркой: «но в то же время и обязанные в пользу отдельных лиц и фамилий отбыванием повинностей»⁷³.

И в некоторых других официальных материалах, исходивших, например, от министра финансов Рейтерна и, на основании его отношения, от военного министра Милютиня детализируется состав хипшы и подчеркивается, что он делится на три разряда; такие разряды отличаются друг от друга количеством отбываемых в пользу высшего класса повинностей, причем верхний разряд хипшы, обложенный наименьшим количеством повинностей, составляют анхаю⁷⁴.

Командующий войсками в Абхазии генерал П. Н. Шатилов в рапорте на имя кутаисского генерал-губернатора от 24 сентября 1865 года «Об отношениях крепостных сословий в Абхазии с их владельцами...» в сущности вовсе отрицал наличие какой-либо группы свободных крестьян. Правда, Шатилов утверждал, что по народному обычаю в Абхазии освобождение из зависимости бывало полное и неполное: в первом случае освобожденный делался человеком совершенно свободным и никому и никакими податями и услугами не обязанным, во втором — переходил из одного зависимого сословия в другое. Причем для полного освобождения «нет никаких определенных правил или известных поводов». Оно зависело «исключительно от произвола владельца крестьянина «и нисколько от него самого». Однако освободившиеся таким образом крестьяне, по словам Шатилова, делались лишь азатами («вольнотпущенниками») и не переходили в привилегированное сословие, а азаты не являлись лицами независимыми, хотя они и считались юридически свободными. В целом данная категория в той или иной форме и степени зависела от феодалов, только эта зависимость в этом случае была еще больше замаскирована покровом патриархальщины. Кроме того, по словам того же автора, азат «представля-

71 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 2, 1868 г., д. 74, лл. 39—42.

72 Торнау Ф. Ф. Воспоминания... ч. 1, с. 58.

73 ЦГИАГ, ф. 545, д. 180, лл. 41—90.

74 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, лл. 35, 53.

ет вообще весьма редкое явление в здешнем крае...». Вместе с тем Шатилов анхаю рассматривал как «обязанных хлебопашцев», хотя он и называл их «вольными жителями», но это, надо думать, только в смысле некрепостного человека⁷⁵.

С. Г. Баратов (Бараташвили), обследовавший ряд сел Абхуйской Абхазии летом 1866 года, также констатировал, что при освобождении от податей анхаю делался лишь азатом, но не переходил в привилегированное сословие, хотя бы и был богат и силен⁷⁶.

Подчиненное положение вообще крестьян проявлялось и в следующем. Как правило, крестьянин не имел права сидеть в присутствии феодала. При встрече с последним он должен был уступить дорогу и, если на лошади, — спешиться, не говоря уже о том, что крестьянин был лишен права открыто въезжать верхом на лошади на Лыхненскую площадь. Точно также на народных собраниях крестьянам, как правило, не разрешалось принимать участия в скачках и других играх верхом на лошадях. Крестьянин не мог иметь дом, крытый дранью, а также обладать лучшим, чем феодал, конем, одеждой и ружьем и т. д.⁷⁷

Как уже отмечалось, «в деле кровомщения большую роль играло происхождение»: если, например, князь убивал крестьянина, то родственники последнего не имели права вымещать на убийце кровь убитого, так как кровь крестьянина считалась не одинаковой с княжеской. Поэтому вместо убийцы князя за пролитую им кровь должен был отвестовать его воспитатель⁷⁸, на каковую роль обычно выставлялись крестьяне анхаю. Мы также отмечали факт, что за кровь князя, дворянина и крестьянина взымалось неодинаково. «Хотя личные достоинства в Абхазии обращали на себя особенное внимание, — писал М. Т. Джанашвили, — но, тем не менее, кровь крестьянина стоимостью была ниже крови дворянина, а этого последнего ниже крови князя»⁷⁹. По обычаю, если за убийство князя платилось 30 душ крестьян, лошадь с седлом, полное вооружение и серебряная цепь, а дворянина то же самое и 16 душ крестьян, то за убийство анхаю — 2 или 3 души крестьян, ружье и шашка⁸⁰. М. Т. Джанашвили писал, что кровь крестьянина ценилась в 5 душ, а дворянина стоила втрое и князя — впятеро дороже⁸¹. При этом допускалось делать уплату

⁷⁵ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865, д. 1010, лл. 1, 3.

⁷⁶ См.: Там же, д. 1013, л. 15 об.

⁷⁷ См.: Об аналогичной рабовладельческой морали в Кабарде (см.: Кумыков Т. Х. Указ. соч., с. 75).

⁷⁸ См.: Джанашвили М. Абхазия и абхазцы, с. 11.

⁷⁹ Там же, с. 12.

⁸⁰ Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 72; Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. Там же, 1867, № 59.

⁸¹ Джанашвили М. Указ. соч., с. 12.

не только людьми⁸², но и определенным количеством скота — в 200 голов и более, «смотря по значимости» того или иного княжеского и дворянского рода⁸³.

Мгудзырхвинские дворяне Тада и Хирипс Маан рассказывали членам Сухумской сословно-поземельной комиссии в 1867 году, что в случае убийства не только ахоую, но и анхаю помещик, от которого зависел крестьянин, отправлялся к совершившему убийство и требовал от него плату за кровь и она делилась между помещиком и родственниками убитого⁸⁴.

Депутаты дворянства Абхазии в своей докладной записке от 23 марта 1870 года писали, что половина платы за кровь анхаю бралась помещиком в свою пользу⁸⁵. Члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, разбирая указанный документ, не только не сумели опровергнуть это утверждение, но, по существу, признали его. Они лишь доказывали, что помещик получал половину платы за кровь убитого анхаю за свои «труды», как «покровитель», «ходатай и защитник состоящих под его покровительством»⁸⁶.

Ф. Ф. Торнау замечал, что в Абхазии нет смертной казни: князья и дворяне отвечают перед обиженным только своим имуществом, крестьяне — своей личной свободой, когда их собственность оказывается недостаточной для уплаты пени. «В таком случае, — писал он, — они обращаются в собственность обиженного, который может их продать в рабство или оставить за собою, пока они не найдут способа откупиться»⁸⁷.

Действительно, это часто случалось в жизни анхаю. Когда владетель Абхазии М. Шервашидзе в 1846 году пытался провести некоторые меры, направленные против отдельных видов преступлений, то за совершение этих преступлений было определено: князьям и дворянам — пеня и арест, а «простолюдинам» — пеня и телесное наказание⁸⁸.

Основная тяжесть постоянной заботы по воспитанию почти всех детей феодалов лежала дополнительным бременем на плечах анхаю.

Из сказанного очевидно, что крестьяне анхаю являлись феодально зависимыми. Их отношения, как и всего крестьянства, были политически закреплены системой сословных привилегий. Далее же увидим, что эта зависимость в одном случае, когда речь шла о высшем слое анхаю и известной территории края, выражалась сравнительно в легкой форме с

⁸² Платилось обычно мальчиками или девочками, рост которых должен был удовлетворять определенной адатом мере, а мерой роста служила пядь, причем определенному числу пядей получателя должен был удовлетворять рост мальчика.

⁸³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 4, д. 8, лл. 1—13.

⁸⁴ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, л. 125 об.

⁸⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 43.

⁸⁶ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 125 об.

⁸⁷ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... Ч. 1, с. 60.

⁸⁸ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18514, л. 12.

точки зрения крепостнических отношений, а в другом случае, когда речь шла о массе низшего слоя данной категории и другой территории, она выступала в степени, характеризовавшейся более быстрым процессом в сторону дальнейшего закабаления этой последней группы анхаю. В том и в другом случае в связи с переменами, происходившими в судьбе абхазского крестьянства вообще, менялось и экономическое, и юридическое положение анхаю.

Мы переходим к исследованию того явления в жизни анхаю, которое характеризовалось как процесс дальнейшего их закабаления, вызванный в Абхазии ростом крепостничества в условиях развития товарно-денежных отношений. Этот процесс находил свое отчетливое проявление в конкретных формах и степенях эксплуатации этой категории сельского населения классом помещиков.

Прежде всего, хотя бы в самых общих чертах, отметим, что уже в рассматриваемое время анхаю по своему хозяйственному и правовому положению не составляли однородную массу, причем настолько, что явный социальный смысл приобретали названия, установившиеся для обозначения отдельных их прослоек: «настоящие» и «ненастоящие», или «родовые» и «неродовые» анхаю. Следовательно, характеристика каждой из этих групп в отдельности не может быть общей для всей массы данных крестьян.

Часто источники говорят обо всех анхаю без деления их на отдельные прослойки. Иногда бывает очень трудно различать, о каких именно анхаю идет речь. Но мы располагаем и такими документами, которые в этом отношении проявляют дифференцированный подход. Как уже говорилось, комиссия генерала Понсэ в «Сравнительной таблице...» ясно указывала на тот факт, что анхаю «бывают двух родов», т. е. данные крестьяне делились на две группы, положение которых существенно отличалось друг от друга⁸⁹, при этом одна из них была низведена в социальном отношении в сущности до уровня крепостных — ахою. В материалах названной комиссии говорится также о «хороших анхаю» и «почетных анхаю»⁹⁰.

Начальник Сухумского отдела генерал Толстой, перечислив социальные категории феодальной Абхазии, в том числе и анхаю, замечал, что в каждый из них не только отдельные роды, но и отдельные семейства «нередко пользуются правами, во многом отличными от прав сословия, к которому они принадлежат и не подходящими к правам других классов»⁹¹.

⁸⁹ ЦГИАГ, ф. 416, 1865 г., д. 1011.

⁹⁰ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 89—96.

⁹¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 180, лл. 31—39.

А. П. Черепов писал, что в силу целого ряда причин «сословие анхае делится на две категории: платящих и неплатящих, вернее: обязанных повинностями и необязанных». Далее он указывал на то обстоятельство, что и «размер отбываемых анхае повинностей не одинаков»⁹². В одном документе инструктивного характера, при указании на «виды зависимых сословий» в Бзыбской Абхазии, анхаю («вольные жители») были разделены на: «1) необязанные натуральной повинностью к своему владельцу и 2) несущие определенную дань в виде податей за землю ими обрабатываемую»⁹³.

О неоднородности крестьянской категории анхаю писал и Ив. Аверкиев, считая одну ее группу отбывавшей «довольно-большие повинности», и вообще подчеркивал, что «плата была различная». Для подтверждения этого положения, рассматривая каждую группу анхаю в отдельности, он приводил определенный материал⁹⁴.

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы также наблюдаем деление анхаю на «два разряда», из которых один (высший) нес службу или выходил на полевые работы в течение нескольких дней в году. Правда, указанные повинности назывались в первом случае «почетными», а во втором — «добровольными» («по приглашению»); общий же вывод: данные крестьяне по сути дела не отбывали никаких повинностей. Но эти утверждения, кстати часто встречающиеся в материалах названной комиссии и у некоторых других авторов, некритически пользовавшихся этими документами, так же противоречивы и неверны, как и тезис об абсолютной свободе анхаю. Вторая (низшая) категория анхаю обязана была несением, кроме указанных, особой повинности, известной под названием ажидз, состоявшей в доставлении помещику части продуктов своего хозяйства⁹⁵.

В одной записке, составленной членами той же комиссии, анхаю, которые именуются «вольными жителями», еще более четко были разделены «на два класса» по степени их обязанностей владельцам, но отнюдь не по принципу отсутствия или наличия таких обязанностей⁹⁶.

Наконец, мы обратимся к документу, который также исходит от Сухумской сословно-поземельной комиссии: «Расчет испрашиваемого от казны денежного воспособления делу освобождения зависимых сословий в Сухумском отделе», в котором в самом начале речь идет о «выкупной плате» анхаю «за освобождение». Интереснее всего то, что здесь крестьяне:

⁹² Черепов А. П. Указ. соч., с. 407.

⁹³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403; лл. 1—5.

⁹⁴ Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ. 1866, № 74.

⁹⁵ ССКГ, 1870, в. III, с. 13; 1871, в. V, с. 49 и др.

⁹⁶ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1—5.

анхаю делятся на три категории: высшую, среднюю и низшую⁹⁷.

В дореволюционной литературе это отмечали некоторые авторы. Однако, если об указанном явлении иногда и говорилось, то не делалось из этого признания надлежащих выводов.

Однородность анхаю исчезла до такой степени, что искать единого экономического и юридического определения для всех анхаю в конкретной обстановке было невозможно. Мы имеем дело с динамическим явлением, в процессе которого неизбежны были глубокие изменения. Общая тенденция в юридической судьбе крестьян анхаю вообще в изучаемое время характеризовалась превращением их в обязанных повинностями, принимавшими наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации и делавшими анхаю крепостными.

Анхаю не только не составляли единой, но и устойчивой категории. Нивелирование разницы между отдельными крестьянскими категориями, процесс слияния этих разрядов сельского населения постепенно формировал единую, хотя и пеструю по своему составу, категорию крепостных крестьян. Сухумская сословно-поземельная комиссия одним из источников образования категории крепостных крестьян ахоую считала «обращение пленных и закабаление из других вышестоящих сословий, т. е. главным образом анхаю»⁹⁸.

Таким образом, наступление феодалов приводило анхаю к закрепощению. Закрепощение крестьянства в Грузии представляло длительный исторический процесс. Крепостничество победило здесь в XIII веке. Но в отдельных местах закрепощение всех слоев крестьянства затянулось на более длительный период. Так произошло и в Абхазии.

Вместе с тем, с другой стороны, в результате общего хозяйственного развития, происходившего в предреформенной Абхазии, когда товарно-денежные отношения постепенно проникали не только в помещичье имение, но и в крестьянский двор, проявление элементов внутреннего расслоения анхаю, как и всего крестьянства, усиливалось. Деревенская верхушка формировалась главным образом из анхаю — наиболее сильных в экономическом отношении крестьян. Именно представители этих крестьян пробивались в сословие ашнакума, а некоторые из них даже претендовали на дворянство. Как раз эту верхушечную часть анхаю официальные документы именуют «почетными жителями» или «почетными поселянами», точно так же, как аналогичная группа адыгейских тфэкотлей иногда в источниках называется «простыми почетными жителями»⁹⁹. В народе же наиболее «почетные» лица из «чистых

⁹⁷ ЦГИАЛ. ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 44.

⁹⁸ ССКГ, 1871, в. V, с. 45.

⁹⁹ Леонтович Ф. И. Указ. соч., с. 125.

«крестьян» характеризовались, как «крестьянские дворяне» (анхасы - аамста)¹⁰⁰.

Отдельные зажиточные крестьяне откупались от помещиков. Однако дорого обходился откуп, часто в несколько десятков крупного рогатого скота или сотни рублей. Согласно одному преданию, лыхненский анхаю Капыт Дзария (Кыжвица) выкупился, заплатив помещику 60 дойных коров¹⁰¹. Бедийский анхаю Давид Чкадуа выкупился с семейством, заплатив своему владельцу 100 руб. сер.¹⁰² По свидетельству и. д. начальника Сухумского военного отдела полк. Коньяра (1865 г.), в селах Баргеби, Отобайа и Тагилони анхаю, чтобы выкупиться с землей, платили помещику от 200 до 230 руб.; от повинностей же освобождались, заплатив от 60 до 100 руб.¹⁰³

Нуждаясь в рабочей силе, деревенская верхушка приобретала рабов, владела собственными крепостными. Это было вообще обычным явлением. К. Маркс писал, что «в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных»¹⁰⁴.

По данным П. Д. Краевича, крестьянам из категории анхаю принадлежало, примерно, 75% всех рабов (ахашвала)¹⁰⁵. Упомянутый выше Капыт Дзария, имевший кузнечную мастерскую, по сообщению его внука Рагуа Дзидзария (Дзария), одних подмастерьев держал до 12 человек, а также несколько пастухов (Дмитрия и Хуса Кокоскерия, Сыкуна Шландзе, Мачагуа Кицба); он, кроме того, имел большое количество скота, пасеку, дом из трех комнат и т. д.¹⁰⁶

К. Маркс указывал, что при форме ренты продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, рента может и не исчерпывать весь избыточный труд деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющего его необходимейшие потребности. «Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный про-

---

¹⁰⁰ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения..., с 204.

¹⁰¹ Это сведение относится, по-видимому, к кануну крестьянской реформы в Абхазии.

¹⁰² См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870, д. 5, лл. 117—120.

¹⁰³ См.: ЦГАИГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

¹⁰⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 363.

¹⁰⁵ См.: ССКГ, 1871, в. V, с. 44.

¹⁰⁶ См.: Арх. АИЯЛИ, ф. 4, д. 33/92, лл. 21—21 об.

изводитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд»¹⁰⁷.

Богатый анхаю, обязанный отбывать барщину, часто посылал вместо себя своего зависимого, а сам в таких случаях нес «почетную службу». Кроме того, анхаю нередко посылал своего работника на заработки во время рубки леса, сбора винограда и других сельскохозяйственных продуктов скупщиками. Тот же работник часто занимался реализацией на рынке продуктов из хозяйства самого анхаю. А связь с рынком, как мы видели, постепенно росла.

В «новых условиях», когда, по словам А. В. Пахомова, население «начинает понимать значение денег» и «народ обратился к земле», повышалась рентабельность земли, росла ее ценность. В связи с этим деревенские богачи начали чаще скупать или брать в аренду пахотные земли, леса и сады. Весьма интересны данные Сухумской сословно-поземельной комиссии о случаях продажи земли крестьянами. Прежде всего, комиссия насчитывала до 200 случаев продажи земель¹⁰⁸, имевших место в течение 20 лет перед реформой. Во-вторых, оплата по этим операциям производилась не только натурой, но и деньгами. В-третьих, купля и продажа земли происходили, с одной стороны, на почве нужды, а, с другой, — расширения хозяйства крестьянской верхушки. В-четвертых, часто земля сдавалась на временное пользование; в аренду.

Дурипшские анхаю Мадла Таркил имел 5 купленных участков в с. Эбырныха, а Кубзач Таркил — 9, другие крестьяне Таркил имели по одному и более участков в том же с. Эбырныха. Отхарский анхаю Туква Бия имел 6 купленных участков земли, составлявших более 10,5 десят., а всего он имел 14 десятин¹⁰⁹. Анхаю Мусербей Тария, живший в с. Бача, имел 3 приобретенных участка, примерно, в 6 десят., заплатив за эту землю 4 коровы и 5 коз. Другой анхаю того же села Фаткири Лагба за 5 коров купил 3 участка, составлявшие около 5 десят. Анхаю с. Мазихва Чугу Еник купил сад размером около 1 десят. у блабурхвинских анхаю Квацы и Сейлука Барцыц за 1 ружье, 5 коз и 15 арш. материи. Ханашв и Лаз Жиба, анхаю названного же села, купили сад и пашню в 2 десят. у анхаю Маху Барцыц за 2 коровы и 2 козы. Анхаю с. Шлара Маху Мыджба и Гедлач Дбар купили

¹⁰⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 359.

¹⁰⁸ Введенский А. Н. в статье «Абхазцы (азега). По поводу соч., г. Дубровяна...» также указывал, что «огромное множество фактов продажи земель лицами из сословия анхае (пиоши) и ахою (дельмахоре) посторонним лицам и своим владельцам» имело место «как в прежнее, так и в последнее время» (с. 34).

¹⁰⁹ Сухумская сословно-поземельная комиссия считала землю в пахотных днях, а Пахомов писал о «днях паханья» (см. его «Записку...», с. 254). При чем такой день определялся, примерно, в 800 кв. саж.

около 2 десят. сада за лошадь стоимостью в 4 коровы. В с. Бедия в 1865 году анхаю К. Гожаладзе купил землю с виноградным садом за 145 руб.; в 1866 году Джигру Такия купил землю за 140 руб.; в 1867 году Кипа и Кварца Джолария у анхаю Сангулия купили виноградник, заплатив 100 руб.¹¹⁰

Анхаю с. Мерхеул Гусейн и Халыл Браскил в 1870 году подали заявление в Циундское окружное управление, в котором приписывали себе дворянское происхождение и отказывались платить крестьянские повинности в пользу князя Г. Д. Шервашидзе. В упомянутом заявлении братья Браскил, между прочим, указывали, что в названном селе им принадлежали земли, где имели «соседство, посеы, канаши (поля.— Г. Д.) и тому подобное хозяйственное обзаведение»¹¹¹. Анхаю Тхасоу Жиба в с. Мазихва уплатил долг за умершего анхаю Мсрукву Еник с условием, что будет пользоваться всей его землей, садом, пашней и усадьбой до совершеннолетия сыновей, после чего Жиба должен был отдать последним половину имения их отца, а они — 1 корову и 1 козу¹¹².

Приведенные данные, разумеется, не дают еще полной картины землевладения деревенской верхушки. Но, во всяком случае, они в этом отношении представляют несомненный интерес. Количество купленных земель и садов у отдельных вышеуказанных крестьян доходило до 10,5 десят., а размер всей наличной земли — до 14 десят. Значительность этих цифр легко себе представить, если сопоставить их, по крайней мере, со средним размером количества земли на дым анхаю. К сожалению, не представляется возможным точно установить этот размер. Однако косвенные данные могут создать определенное представление. А. Пахомов указывал, что во времена владельца вообще крестьянам давалась земля, количество которой не превышало 3,3—5 десят. на дым, или около 0,66 десят. на душу мужского пола. Но после 1864 года, т. е. с введением русского управления в крае, когда «жители начали понимать, что выгодно заработать не один насыщенный хлеб, но некоторый излишек для продажи», стали появляться «претензии, превышающие это количество»¹¹³.

В связи с этими новыми условиями Пахомов находил справедливым увеличить пахотные участки крестьян, «против то-

¹¹⁰ Некоторые случаи продажи земель зависимыми сословиями Абхазии, 1868 г., ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 184—194.

¹¹¹ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1871 г., д. 7/30, лл. 43—44.

¹¹² ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 139.

¹¹³ Комиссия, образованная при Кавказском военно-народном управлении для рассмотрения проектов инструкций... по земельному устройству населения Абхазии, на заседании от 10 марта 1883 г., также констатировала: «Со времени русского правления и утверждения в крае относительной безопасности земледелие начало развиваться, и многие жители, не заботясь более о скученном расположении своих жилищ, стали переносить усадьбы на новые места, более близкие к их полевым угодьям» (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1882 г., д. 49, л. 105).

го, чем они пользовались в прежнее время», — на душу дать надел около 2 десят., что «вполне обеспечит благосостояние земледельческого класса»¹¹⁴. Очевидно, 3,3—5 десят. и составляли средний размер земли на дым анхаю. При этом обращает на себя внимание признание Пахомова в недостаточности этих размеров для обеспечения «благосостояния земледельческого класса» в новых условиях.

Легко себе представить положение тех анхаю, которые вынуждены были продавать или закладывать свои земли, не превышавшие средних размеров. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала целый ряд данных и по этому вопросу. Лыхненский анхаю Джегория Тарба впал в долги, вследствие чего продал свой сад за 12 руб. Продали свои сады также звандрипшский анхаю Ханашв Чалмаз, калдахварский анхаю Эдык Лукба, апцхвинский анхаю Лаз Лейба, гальский пиоши (анхаю) Кваца Кецбая (за 15 руб.), речхинские пиоши Д. Циколия (за 30 руб.) и Була Кецбая (за 15 руб.). В 1853 году анхаю из с. Лыхны Мамсыр Дзкуя продал свою землю (около 6 десятин) за 9 коров. Саберийские пиоши Мадж, Бабулия и Кечо Мархулия в 1858 году продали свою землю крестьянам Сабулава за 25 руб. 50 коп. Яштхуаские анхаю Бата и Титу Бачерипа много задолжали разным лицам, а потому в 1866 году вся их земля была разделена между кредиторами, согласно приговору сельского суда. Дошла до нас подписка, данная 2 мая 1865 года анхаю из с. Копыта Кутой Аджинджал (Джинджолия) жителям того же села крестьянам Матия и Бидзи Шадания, о том, что он заложил свое имение, состоявшее из лугов, пахотных земель и виноградника — за 100 руб. (80 руб. деньгами и 20 руб.) вещами). «Если, — говорилось в документе, — впоследствии когда-нибудь за заложенное имение в состоянии буду уплатить взятые мною деньги..., тогда на основании этой подписки должны возратить мне это имение, в противном случае, ни я, ни мои дети не вправе требовать никаких ответственностей от вас и от детей ваших...»¹¹⁵. Крестьяне в ряде случаев свои земли продавали и закладывали и феодалам.

Из случаев аренды крестьянами земли, продиктованной земельной нуждой, показательным является следующий факт. После упразднения Бамборского укрепления, входившего в систему Черноморской береговой линии, обширная Бамборская поляна (Аччра), составлявшая «частную собственность» владельца М. Шервашидзе, была роздана в аренду лыхненским крестьянам, в том числе анхаю. При этом крестьянам было запрещено занимать землю под усадьбы, т. е. они, нуждавшиеся в земле, могли производить лишь распашки, принося определенную плату за это помещику. После упраздне-

¹¹⁴ Пахомов А. Записка..., с. 253—254.

¹¹⁵ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870, д. 5, лл. 80, 184—184, 198—200.

ния Абхазского княжества в 1864 году некоторые из указанных крестьян перестали платить за пользование землей в Бамборах и начали строить здесь свои усадьбы. Однако с 1867 года, когда все владетельские имения были внесены в опись, пользование этой землей снова начало производиться за определенную плату с десятины, которая ежегодно представлялась в доход казны. Этот порядок пользования землей в Бамборах сохранился до начала русско-турецкой войны 1877—1878 годов¹¹⁶.

Вместе с тем бедные крестьяне из категории анхаю подвергались эксплуатации со стороны скупщиков леса, при рубках и подвозах лесоматериала для строительства мостов во время дорожных работ¹¹⁷. А лесные работы, как уже отмечалось, принадлежали к наиболее плохо оплачиваемым¹¹⁸. Крестьяне эксплуатировались также скупщиками винограда, фруктов и других сельскохозяйственных продуктов. А. В. Пахомов свидетельствовал, что, например, в селах, расположенных в пределах имения князя Д. Г. Шервашидзе, «жители за свои труды по сбору винограда и ореха получали небольшое вознаграждение, по взаимному соглашению с подрядчиком»¹¹⁹. О найме крестьян писали и другие современные авторы (С. Пушкарев, И. Аверкиев и др.). С. Баратов говорил (1866 г.) о «найме рабочего человека»¹²⁰, а начальник Сухумского округа (в том же году) — о годовом заработке «нанятого работника»¹²¹.

Заметим и тот факт, что деревенские богачи давали кабальные ссуды односельчанам. Об этом свидетельствует хотя бы сообщение И. Аверкиева о том, что если кто задолжал другому корову, то через год обязан был возвратить корову с теленком, через два года — две телные коровы, через три года — две коровы и двух телят и т. д. При займе же денег обыкновенно платилось по 5% в месяц¹²².

Подтверждением имущественного неравенства анхаю являются также следующие факты. В 1861 году при описании с. Пахулани, в частности, были собраны сведения о пиоши (анхаю), отмеченных под названием глехи. Данные о повинностях этих крестьян были снабжены таким примечанием: «Обозначенное здесь количество повинностей обязательно для каждого дыма крестьян, но некоторые из них дают меньше по бедности или другим уважительным причинам»¹²³. Со-

116 См.: ЦГИАГ, ф. 545, д. 3103, л. 214.

117 Там же, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 73—74; ГАКК, ф. 260, д. 480, лл. 417 об., 423 об., 491 об.

118 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 527.

119 ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, л. 251.

120 Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 9 об.

121 Там же, л. 4.

122 Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 72.

123 ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 778, лл. 79—79 об.

гласно ведомости о сборе подати за 1865 год по Бзыбскому округу с бывших владетельских крестьян, из 543 дворов (по 18 селам), главным образом анхаю, 101 двор оказался несостоятельным и подати не внес¹²⁴. Многие бедные анхаю не имели даже собственных дымов и вообще никакого хозяйства и жили в домах своих владельцев или родственников, очень часто под видом асасов, т. е. «гостей».

Такое бедственное положение переживала основная масса анхаю, которая, как, например, адыгейские тфэкотли¹²⁵, постепенно теряла свои прежние права, унаследованные от патриархально-общинной эпохи.

Характеристику рассматриваемого явления в жизни анхаю перед реформой мы закончим выводом В. И. Ленина: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их размножения»¹²⁶.

* *
*

Авторы версии об абсолютной свободе анхаю как главный аргумент выставляли земельный вопрос. Но что говорит нам не механический, а диалектический подход к анализу исторических явлений? Процесс закрепощения анхаю проявлялся в поземельных отношениях, ибо основой феодального строя и крепостнической формы эксплуатации являлась феодальная собственность на землю, хотя, как отмечалось, здесь она, в условиях вообще низкого уровня социально-экономического развития, еще не достигла высокого уровня.

Но какова бы ни была специфическая форма ренты, в которой реализуется земельная собственность, «всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность». «Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме»¹²⁷.

В предреформенной Абхазии, естественно, на земельной почве происходила классовая борьба между крестьянами и помещиками. В этом кардинальном вопросе сталкивались, с одной стороны, помещики и крестьяне, с другой стороны, те

¹²⁴ Там же, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 149—150.

¹²⁵ См.: Анчабадзе З. В. Социальное положение тфэкотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в. — Труды института истории им. А. И. Джавахишвили АН Грузинской ССР, II: Тбилиси, 1956.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 167.

¹²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 183.

и другие с членами различных комиссий, изучавших накануне крестьянской реформы социально-экономические отношения в Абхазии. Однако абхазские помещики и царские чиновники расходились не только друг с другом, но и с действительным положением вещей. Первые, стремления которых нашли свое развернутое отражение в указанной выше докладной записке депутатов дворянства Абхазии председателю Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам, анхаю объявляли обыквенной категорией крепостных крестьян со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Названные же выше комиссии и многие представители дворянско-буржуазной историографии развивали положение, являвшееся другой крайностью в оценке рассматриваемого вопроса. Комиссия в Понсе утверждала, что в Абхазии «высшее сословие не имеет и не имело каких-либо определенных, преимущественных перед остальным населением, прав на землю, подобно дворянству в России или в Грузии, что земля была всегда достоянием общественным...»¹²⁸. Сухумская сословно-поземельная комиссия еще более ясно сформулировала это положение: в Абхазии «в поземельном отношении все сословия равны»¹²⁹. Член комиссии А. Н. Введенский писал, что земельное право было регулятором отношений всех сословий в Абхазии, оно ставило «низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов... Все сословия... были полными собственниками земель, обработанных ими или их предками»; зависимость анхаю «была чисто личная»¹³⁰.

На заседаниях Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа в ноябре 1869 года Гейман, Понсе, Краевич и Старосельский также доказывали отсутствие в Абхазии всякого поместного права и говорили о существовании здесь лишь личной зависимости крестьян. «Все земли, — говорил, например, Краевич, — возделываемые, как-то: усадебные, пахотные и садовые, составляют полную собственность всех тех лиц, без различия сословий, которые приобрели их обычными путями, т. е. или непосредственную расчисткою из-под леса и обработкою, или же куплею и наследованием...»¹³¹.

Военный министр Д. А. Милютин императору Александру II 8 ноября 1870 года писал: «Отличительная черта сословных отношений в этой местности заключается в том, что как в Абхазии, так и в Самурзакани подвластность низших, несвободных сословий высшим исключительно личная, несколько не выражающая собою какой-либо зависимости по земле. В отношении поземельного пользования все сословия явля-

¹²⁸ ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 165—199.

¹²⁹ ССКГ, 1870, в. III, с. 15.

¹³⁰ Введенский А. Н. Абхазцы..., с. 34—47.

¹³¹ Цит. по: Гугушвили П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. II, с. 566—572.

ются равноправными, с некоторыми только незначительными преимуществами высших сословий в распоряжении свободными общественными землями, преимуществами, вытекающими из первенствующего положения и, так сказать, административного значения их в среде общин». Поместные же притязания «составляют явление позднейшего времени и объясняются преимущественно соседством... с Мингрелией, где за высшими сословиями признано поместное право на земли... При существовании... двух влияний: одного — горского, черкесского, а другого — закавказского, грузинского, правительственные власти, естественно, сочувствовали сему последнему...»¹³².

В Большой Кабарде «существовали те же обычные поземельные отношения, какие обнаружены исследованиями Сухумской комиссии в Абхазии и Самурзакани, с весьма незначительными различиями»: там и здесь пользование землей было «одинаково свободно для всех сословий». Повинности, отбываемые крестьянами в пользу «высшего класса, строго определены... Вообще значение этих повинностей, при существовании полной равноправности в пользовании частною собственностью и землями, приобретенными определенными обычаями, заключается как бы в возмездии высшему классу за оказываемые им покровительствуемым защиту и разного рода других услуг... Такой взгляд на сословно-поземельные отношения в стране, выясненный Сухумскою сословно-поземельной комиссией..., положен в основу... сословно-поземельной реформы».

Отрицание наличия в Абхазии феодальной собственности на землю — точка зрения и многих исследователей, представителей дворянско-буржуазной историографии. И это было, конечно, не какой-то случайной ошибкой всех этих авторов. Дело в том, что царское правительство ясно понимало, что признание за местными помещиками прав русского дворянства означало признание за ними и прав вотчинной собственности, что явно противоречило колониальным интересам царизма. Причем такая точка зрения проводилась не только по отношению к абхазцам, но и к некоторым другим кавказским народам. Н. Дубровин писал, что в Кабарде «подобно князьям и дворяне не имели отдельно от своего народа никакой поземельной собственности»¹³³. Ф. Леонтович рассматривал черкесских князей и дворян как простых родовых старшин¹³⁴.

В литературе мы встречаем и такое утверждение, что собственниками земли в Абхазии считались лишь члены дома князей Шервашидзе; только они и могли продавать, например, виноград, который им обязаны были доставлять жившие

¹³² Там же, с. 586—596.

¹³³ Дубровин Н. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 213.

¹³⁴ Леонтович Ф. Адагы... С. 408.

на их землях князя, дворяне и крестьяне. Эти последние, являясь, таким образом, арендаторами, сами могли готовить лишь небольшое количество вина, необходимое для собственного потребления¹³⁵.

В действительности, как мы уже видели, абхазские феодалы с давних пор являлись крупными земельными собственниками. Они продавали землю, отдавали в аренду и распределяли по своему усмотрению, т. е. пользовались и распоряжались землями как своей собственностью. В материалах самой Сухумской сословно-поземельной комиссии можно найти массу фактов, свидетельствующих об этом явлении.

Нужно также отметить, что на указанных выше заседаниях Комитета по освобождению горских крестьян Кавказа, состоявшихся в ноябре 1869 года, «комитет разошелся в суждениях своих относительно оснований», проектированных Сухумской сословно-поземельной комиссией для освобождения анхаю; при этом было потребовано разъяснение вопроса о том, есть ли действительно зависимость анхаю от феодалов исключительно административная и не проистекает ли она из поземельных прав этих последних. А по прочтении «Краткой записки» о поземельном устройстве поселян Сухумского отдела, составленной Кавказским горским управлением и отметившей «обширные труды по этому предмету», представленные Сухумской сословно-поземельной комиссией, председатель комитета Святополк-Мирский предложил обсудить «собрано ли комиссией достаточное количество данных для того, чтобы было отвергнуто существование» в Абхазии помещного права. Мнение Сухумской сословно-поземельной комиссии, а также генералов Геймана, Понсэ и Старосельского в связи с такой постановкой вопроса нам уже известно. Некоторые другие члены комитета (Багратион-Мухранский и Туманов) доказывали существование в Абхазии помещного права. В частности, сенатор Багратион-Мухранский, защищавший интересы крупных абхазских феодалов, говорил даже, что здесь существовали почти такие же крепостнические отношения, какие имелись в Мегрелии, где правительство за помещиками признало помещное право¹³⁶.

Эти противоположные мнения в вопросе о землевладении в предреформенной Абхазии не могут быть не учтены и отброшены механически, ибо, как уже указывалось, они в известной мере отражали действительное положение вещей.³ Что же касается самих крестьян, то они упорно боролись и отстаивали свои права на землю, как основу экономического быта.

В литературе вообще вопрос о землевладении и землепользовании в предреформенной Абхазии, являющийся весь-

¹³⁵ Тимофеев С. Н. Очерки виноградарства... С. 15.

¹³⁶ См.: Гугушвили П. В. Сельское хозяйство..., т. II, с. 567—568.

ма сложным, чаще всего рассматривался не в динамике, а в статике. Противоречивые оценки Ф. Торнау, И. Аверкиева, Н. Дубровина и других, данные ими крестьянам анхаю, особенно проявлялись в этом вопросе. Торнау и Аверкиев правильно указывали на факт существования феодальной собственности на землю, обуславливавший экономическое принуждение крестьян, в том числе и анхаю. Но вместе с тем Торнау допускал два взаимоисключающие положения, каждое из которых, в свою очередь, не выражало действительности. Он писал, что, во-первых, все анхаю были прикреплены к земле; во-вторых, земля, на которой сидели анхаю, являлась их собственностью¹³⁷. Такое противоречие допускал и командующий войсками в Абхазии генерал П. Шатилов, который 23 декабря 1865 года в военное управление кутаисского генерал-губернаторства писал: «Из различных собранных мною при случае данных я пришел к личному убеждению, что повинности отбываются зависимыми сословиями не на землю, **отводимую как земледельцам**, а составляют налог, уплачиваемый за покровительство и защиту, оказываемую **сильным слабейшему**»¹³⁸.

В этом отношении И. Аверкиев был последовательнее. Он считал анхаю прикрепленными к земле и не владевшими ею: владение последней «наследственно было исключительно в руках независимых сословий». Обязанности анхаю платой и работой автор связывал исключительно с использованием земель князей и дворян, называя их землевладельцами. Однако, как мы видели, это свое утверждение Аверкиев опровергал, объявляя анхаю «вольными жителями»¹³⁹.

Ф. Завадский также утверждал, что все анхаю пользовались землей, отведенной им помещиками, за что были и обязаны повинностями. Но, оказывается, помещики не имели права отнимать землю, а крестьяне, в свою очередь, не имели права переходить из одного имения в другое¹⁴⁰.

Д. Бакрадзе хотя и писал, что в Абхазии крепостного права нет, но вместе с тем утверждал, что здесь вся земля считалась собственностью помещиков. Однако крестьянин, живший на этой земле, волен был уйти, если не желал отбывать обычаем установленных повинностей. Немного ниже Бакрадзе заявлял, что не только анхаю, но и крепостной мог селиться, где хотел, не спрашивая согласия помещика¹⁴¹.

Подобными искажениями и противоречиями характеризуются положения и многих других дворянско-буржуазных авторов. Среди них особое место занимает Н. Ф. Дубровин, в пространном сочинении которого смешаны все эти «точки

¹³⁷ См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания..., ч. 1, с. 57—58.

¹³⁸ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 21.

¹³⁹ Аверкиев И. В. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 74.

¹⁴⁰ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 59.

¹⁴¹ Бакрадзе Д. З. Дворянство Абхазии... Лл. 5—6.

зрения». В результате этого и получилось, что академик Дубровин, с одной стороны, развивал мысль, что в поземельном отношении здесь все сословия были равны: места, расчищенные и приспособленные к возделыванию, составляли частную собственность того лица, которое положило на их расчистку свой труд или денежный капитал: анхаю, переходя в другое селение, имели возможность сохранить за собой землю¹⁴². С другой стороны, Дубровин писал: «Анхае в переводе означает поселянин — это, так сказать, вольные жители, которые, пользуясь владельческими землями, обязаны были за это определенной платой и работою». В другом месте мы также читаем, что крестьянами князя «владельцу на правах подданства за землю, которою их наделяли... Князья и дворяне пользовались доходом с своей земли и известною частью доходов с земли, принадлежавшей крестьянам»¹⁴³.

Если анхаю, пользуясь помещичьей землей, обязаны были за это определенной платой и работою, то, следовательно, они не были собственниками земли. Но в таком случае каким же образом, переходя на жительство в другое село, прекращая отбывать повинности прежнему владельцу и начиная вносить их другому, они сохраняли права на свои участки в месте прежнего их жительства, о чем писал Н. Ф. Дубровин? А. Н. Введенский уличал последнего и в другом противоречии: «О каких обязательствах анхаю в отношении своих владельцев писал Дубровин на 67 странице своего сочинения, заявляя, что зависимость этих анхаю, личные услуги и повинности, приносимые владельцам, были не более как добровольные подарки, которые, повторяясь в течение нескольких лет, превратились в обязанность? Если это были подарки, «то не были обязательно «платою и работою» за пользование владельческими землями, и почему повторительное принесение крестьянами анхае подарков владельцам перешло для них в обязательную повинность, тогда как, при таких же условиях, подарки, даваемые владельцу князьями и дворянами, не получили такого характера?»¹⁴⁴.

Мнений С. С. Эсадзе и С. Л. Авалиани по данному вопросу мы уже касались частично. Не интересуясь производственными отношениями, они зависимость крестьян Абхазии считали лишь личной и исключали их зависимость по земле. Эсадзе почти буквально придерживался вывода Сухумской сословно-поземельной комиссии. Авалиани же вынужден был отметить наличие зависимых категорий, не имевших земельной собственности, которые, в силу «различных обстоятельств», заставили автора признать, что даже анхаю нельзя считать абсолютно независимыми¹⁴⁵.

¹⁴² Дубровин Н. Указ. соч., с. 68.

¹⁴³ Там же, кн. II, с. 65—66.

¹⁴⁴ (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина..., с. 35—36.

¹⁴⁵ Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II, с. 66.

Из позднейших авторов К. Д. Мачавариани наиболее последовательно развивал положение Сухумской сословно-поземельной комиссии и всех тех лиц, которые защищали это положение: «Вообще все сословия туземного населения Абхазии были совершенно равноправные поземельные собственники», «Закон «Ману» — «земля принадлежит тому, кто ее обработал», — писал Мачавариани, — был применяем здесь в широких размерах. Все сословия, начиная от князя и кончая «ахашала», были полными собственниками земель, обработанных ими и их предками. Такое поземельное право ставило низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов»¹⁴⁶; «Первобытный закон Ману..., — утверждал А. Н. Дьячков-Тарасов, — по абхазскому обычному праву, распространяется на всех без исключения абхазцев. Тот, кто расчистил участок для поля, усадьбы или сада, имел на него право собственности за свой нелегкий труд»¹⁴⁷.

Неправильные положения в этом вопросе допущены и некоторыми советскими историками и экономистами. Например, в статье А. В. Фадеева «Крестьянская «реформа» в Абхазии» проводится мысль, что основой феодальной эксплуатации абхазского крестьянства являлась не феодальная собственность на землю, а «характерное для феодализма внеэкономическое принуждение». Кроме того, преувеличение значения «патриархально-общинного уклада» привело автора к выводу о том, что будто в начале XIX века «феодальный способ производства еще не утвердился на всей территории Абхазии»¹⁴⁸.

Но наиболее характерной в этом отношении, пожалуй, является книга П. В. Гугушвили «Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX—XX веках» (т. II), появившаяся в свет спустя более чем через 20 лет после статьи А. В. Фадеева. Автор слишком доверяется Сухумской сословно-поземельной комиссии, материалами и выводами которой пользуется без проявления к ним необходимого критического подхода. Цитируя и ссылаясь на эти материалы, он делает следующее заключение:

1. «Мы можем говорить о наличии в предреформенной Абхазии своеобразной формы захватного способа землепользования».

2. «Правда, абхазское крестьянство фамилиям, привилегированных сословий платило различные повинности, но это являлось следствием личной, а не поземельной зависимости».

¹⁴⁶ Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу, с. 320—321.

¹⁴⁷ Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии, с. 180.

¹⁴⁸ «Известия Академии Наук СССР», 1935, № 7, с. 628—644.

Одним словом, это был своеобразный вассалитет без личных отношений»¹⁴⁹.

Любопытно при этом заметить, что указанная книга П. В. Гугушвили посвящается отмене крепостного права; в нее включены некоторые материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии, на которые он опирается в своих вышеуказанных выводах. Но что же было отменять в Абхазии, если здесь, по утверждению автора, не было поземельной зависимости крестьян, феодальной собственности на землю и, следовательно, крепостнических отношений, если основным признаком крепостного права является прикрепление крестьян к земле¹⁵⁰.

Надо сказать, что в Абхазии действительно было немало такой земли, которая не была еще занята. Генерал Е. Понсэ писал: «Не менее необходимо представляется съемка казенных, т. е. никем еще не занятых земель и точное разграничение их от дворянских населенных имений: сколько мне известно, весь южный склон хребта, отделяющего Абхазию от долины Взыба, еще свободен от населения. Нижняя его часть покрыта лесами, выше лежат летние пастбища, на которые гонится скот, — они и теперь могут составить статью казенного дохода»¹⁵¹. Комиссия Понсэ утверждала, что «не было и не могло быть в Абхазии лесов (или вообще обширных пустырей) в частном владении»¹⁵². Такое категорическое утверждение, продиктованное стремлением «изыскать» побольше «статей казенного дохода», совершенно не соответствовало действительности. Но нет сомнения в том, что указанная комиссией «пустырей» в Абхазии не было, во всяком случае, немало. Заслуживает внимания утверждение Понсэ и о том, что вследствие «смутного состояния» здесь земля вообще «имеет мало цены. Более земли ценятся люди и рабы, как работники и как товар»¹⁵³.

На названного рода земли, в силу обычного права, мог претендовать и крестьянин. Наши источники указывают на известное распространение в Абхазии обычая «вольной заимки»: тот, кто первым занимал на новом месте участок земли, тот и пользовался им, рассматривая его как собственное владение.

В «Кратком очерке политических событий в Абхазии...», составленном П. Д. Краевичем, говорится, что владетельский родственник, ахылапшю того или иного села, «получал право приобретать в частную собственность обычными путями зем-

149 გუგუშვილი პ. საქართველოსა და ამიერკავკასიის ეკონომიკურა განვითარება XIX — XX საუკუნეებში, ტ. II. Тбилиси, 1956, с. 467—468.

150 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 75—76.

151 Рап. Е. Понсэ А. П. Карцеву от 30 мая 1856 г. — ЦИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 66—67.

152 То же от 18 ноября 1855 г. — Там же, лл. 117—119.

153 Рап. Е. Понсэ А. П. Карцеву от 30 мая 1856 г.

ли посредством расчистки лесов и других мест и разведения искусственных насаждений, подобно другим жителям...»¹⁵⁴.

Сторонники мнения о полном отсутствии каких-либо признаков общинного землевладения в Абхазии обычно указывали на то, что в абхазских селах мы видим «целую градацию зависимости одного сословия от другого», что не все жители села обладали «равным правом участия в доходах с принадлежащих общинам разных угодий», что «не делились в селах поровну пахотные поля» и т. д.¹⁵⁵ Однако и они не могли отрицать также наличия общинных владений, составлявших значительную территорию: это были места, предназначенные для пастбы скота, устройства зимних загонов (аабтра), леса и пр.

Кроме того, нельзя было отрицать и того факта, что община выступала в некоторых случаях в роли третьего лица при конфликтах между феодалами и их подвластными; водворявшиеся в какой-либо общине обязаны были принести присягу, что «будут соблюдать общинные правила, будут защищать союз и сами пользоваться защитой»¹⁵⁶ и т. д. Заслуживает внимания также следующее утверждение Сухумской сословно-поземельной комиссии: «В случае возникновения каких-либо недоразумений и споров между зависимым и владельцем по предмету отбывания повинностей и обычных прав в этом отношении того и другого, прибегали к посредничеству известных лиц и даже самих общин (акыта); но если нарушенное право и затем не было восстановлено, то зависимый имел возможность протестовать прекращением отбывания повинностей, причем не только сам, но и все его однофамильцы могли переселиться в другую общину»¹⁵⁷.

Таким образом, в предреформенный период общинные пережитки в Абхазии еще были достаточно сильны, и нельзя было их относить лишь к мероприятиям военной администрации, как это делал А. В. Пахомов¹⁵⁸, феодалы испытывали довольно серьезный отпор со стороны крестьян, опиравшихся на обычай.

Однако общинному землевладению здесь уже был нанесен существенный ущерб. Хотя на свободную землю мог претендовать всякий житель, но и на эту землю распространялась власть феодала в качестве «покровителя» или «старшего», т. е. верховного собственника. Это относилось и к общинным владениям. Такое положение было связано с определенными правами, обеспечивавшими феодалу присвоение прибавочного труда или продукта непосредственного производителя. За пользование пастбищами, расположенными во многих случа-

¹⁵⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 5.

¹⁵⁵ Там же, ф. 1719, оп. 1, д. 9/36, лл. 17—18.

¹⁵⁶ Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1033, л. 10.

¹⁵⁷ Краевич П. Д. Очерк... с. 50.

¹⁵⁸ См.: ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, л. 14.

ях даже на общинных землях, феодалы собирали ажидз, т. е. речь шла о взимании с крестьян ренты за пользование пастбищами, хотя юридическое оформление частной собственности нередко отсутствовало. Феодалная собственность на землю прикрывалась в этом случае общинным землепользованием.

В «Кратком очерке политических событий в Абхазии...» (П. Д. Краевич) отмечалось, что ахылапшу того или иного села, владетельский родственник, «получал право... собирать в свою пользу ажидз с приходящих для пастбы из других местностей стад...»¹⁵⁹. Д. А. Милютин также писал: «Высшие сословия имеют право взимать некоторую дань за пастбу на свободной аульной земле скота, не принадлежащего членам аульного общества, в виду вознаграждения за покровительство и обеспечение такой пастбы»¹⁶⁰.

Известно и то, что во время крестьянской реформы, когда многие ашнакума претендовали на дворянское достоинство, одним из определяющих моментов для их признания было обладание тем или иным лицом «правом» сбора ажидз. На территории с. Эшера, находившегося в пределах «удельного владения» князя Д. Г. Шервашидзе, князя Дзапш-ипа имели право пользоваться, ко всему прочему, «ажидзом за пастбу чужого скота». Но лес из этого села «вывозился всегда не иначе, как по записке самого князя Димитрия». Причем «обыкновенно нуждавшиеся в строевом материале или в дровах приносили какой-нибудь приличный подарок... князю Димитрию»¹⁶¹. В с. Джгерда за пользование горными пастбищами ажидз по очереди собирали князья Маршания¹⁶².

Показательно было также, что тот же ахылапшу — феодал вместе с правом собирать ажидз получал возможность «пользоваться правом распоряжаться выморочными землями, оставшимися от своих подвластных и крестьян и приобретать оные в частную собственность, при условиях непосредственного пользования ими, занимая их под свое собственное хозяйство»¹⁶³.

В церковных же селах выморочные земли превращались в «общественные» и все жители имели право пользоваться ими. Но, по свидетельству Сухумской сословно-поземельной комиссии, «распахиваемый в этих местах участок не обращается в собственность и если распахивавший землю в течение одного или нескольких лет оставит ее хотя на одно лето праздною, то другой житель имеет право занять ее»¹⁶⁴.

Надо сказать, что вообще обычай «первой заимки», права первого занятия земли в XIX веке, безусловно, являлся опре-

¹⁵⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, лл. 1—24.

¹⁶⁰ ЦГИА, СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 35 об.

¹⁶¹ Пахомов А. Записка... Л. 245.

¹⁶² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 177.

¹⁶³ ЦГИАГ, ф. 416, д. 1018, оп. 3, 1869 г., л. 5.

¹⁶⁴ Там же, д. 1017, л. 36 об.

деленным орудием в руках сильной экономической верхушки для захвата земли. Мы уже не говорим о захвате общинных земель и возникавших на этой почве действиях.

Надо отметить и следующее обстоятельство. При большой подвижности населения Абхазии, по крайней мере в отдельных ее районах, собственность на землю в ряде случаев не была четко выражена, хотя, конечно, она и существовала. При таком положении, и когда в условиях господства натурального хозяйства и примитивного земледелия помещики удовлетворялись небольшим и несложным хозяйством, нередко создавалась иллюзия, что земля в Абхазии будто и вовсе являлась общим достоянием всего населения, т. е. даже в том случае, когда речь шла о том участке крестьянина, который находился непосредственно на помещичьей территории, если этот участок был расчищен им или получен от родителя. В «Записке по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об определении личных и поземельных прав туземного населения Абхазии и Цебельды» находим такое характерное в этом отношении замечание: «Вольный житель (анхаю. — Г. Д.) Абхазии убежден, что согнать его с того места, где он живет, никто не может, пока он сам этого не пожелает, или не вынудят его к тому какие-либо другие обстоятельства; между тем этот же вольный житель несет частному лицу повинности»¹⁶⁵. Этим представлением, между прочим, не преминула воспользоваться Сухумская сословно-поземельная комиссия.

В с. Бедия ашнакума Махмуд Цисбая рассказывал, что дед его отвел землю 5 дымам Буаа, пришедшим в качестве асасов из с. Копыта. Деду и отцу Махмуда они отбывали повинности, но перед реформой отказались. Махмуд за это хотел прогнать названных крестьян, но те объявили ему, что живут на своих участках 3 поколения и получили их по наследству от своих дедов и отцов, а потому земля принадлежит им и Цисбая не может ее отнять у них¹⁶⁶. Этот пример, приведенный Сухумской сословно-поземельной комиссией и являющийся одним из многих аналогичных случаев, очень ярко свидетельствует об указанной видимости права крестьян на землю. Ясно, что сколько бы Буаа не считали своими участки, которыми они фактически пользовались, тем не менее эти земли составляли собственность владельца.

Титу Маргания на вопрос комиссии, имеет ли право помещик прогнать чужого подвластного, если тот поселился на территории его владения, заявил утвердительно. Но при возращении депутатов от анхаю он «согласился, что не имеет, если чужой подвластный поселился не при нем»¹⁶⁷, т. е. когда

¹⁶⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 180, лл. 41—90.

¹⁶⁶ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 165—179.

¹⁶⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 35.

земля «правращалась» уже в «родовое» имение анхаю. Гупский князь Глапс Маршания мог прогнать анхаю Джогория Лаблаа с занятого им участка, причем расчищенного до него, на том именно основании, что «это был не родовой анхае»¹⁶⁸.

Гагрипшские князья Ачба (Анчабадзе) членам Сухумской сословно-поземельной комиссии сообщали: «Считать землю принадлежащей себе вошло теперь в обыкновение, но прежде владельцы называли ее своею, сознавая при этом свое бессилие произвольно распоряжаться ею... Теперь владельцы утверждают..., что им платится аждз за пастьбу на принадлежащих будто бы им землях...»¹⁶⁹.

При таком положении отдельные земельные участки нередко становились даже предметом купли-продажи, не будучи частными в самом определенном смысле этого слова. Следовательно, факт купли-продажи земли крестьянами не всегда являлся показателем принадлежности земли продавцу на началах полной его собственности.

В одном документе инструктивного характера, данном членам Сухумской сословно-поземельной комиссии, занимавшейся выяснением существовавших «видов зависимых сословий... в Абхазии» перед реформой, читаем¹⁷⁰: «Владелец, заняв землю, раздает оную подвластным ему жителям, которые, расселяясь на указанных местах, очищают оные от леса, приспособляя для посевов кукурузы и гоми, и вокруг своего жилища насаждают виноградные, ореховые и другие фруктовые деревья. Земля эта, оставаясь в пользовании жителя, составляет как бы его собственность, которую он имеет право продать с согласия владельца другому жителю (своему соседу), подвластному тому же владельцу, но не человеку постороннему...»¹⁷¹.

Во время научной экспедиции летом 1955 года мы спрашивали глубоких стариков о землевладении и землепользовании в дореформенной Абхазии. Например, в с. Поквеш Очамчирского района нами было записано: «Пришедший со стороны в Поквеш крестьянин не имел права занять землю без разрешения тавада Ачба». «Крестьянин данного села не имел права купить землю в другом селе, не спросив тавада». «Крестьянин не имел права менять свое местожительство, не спросив тавада». Если крестьянин переселялся в другое село, то он должен был просить разрешения на это как у феодала того села, откуда он уходил, так и у феодала того села, куда он переселялся¹⁷².

¹⁶⁸ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866, д. 1014, л. 35.

¹⁶⁹ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, лл. 139—156.

¹⁷⁰ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1—2.

¹⁷¹ Иногда земли продавались даже лицам посторонним (по отношению к владельцам крестьян, продававшим эти земли).

¹⁷² См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения..., с. 221.

Таким образом, существование феодальной собственности на землю в Абхазии было несомненным фактом, но вместе с тем его развитие не достигло высокого уровня.

Это последнее обстоятельство и вообще низкий уровень социально-экономического развития Абхазии и вызывали необыкновенную путаницу в поземельном вопросе; при отсутствии соответствующих документов создавалась благоприятная почва для оспаривания прав на землю как со стороны крестьян, так и со стороны феодалов, особенно в период подготовки и проведения крестьянской реформы.

В этом отношении характерно замечание автора «О племенах, населяющих северо-восточный берег Черного моря», который подчеркивал, что здесь земельная собственность хотя и существует, «но права владения землей неопределённые, темные и запутанные». И далее читаем: «В пользование землей есть много произвола, запутывающего права поземельной собственности, а произвол этот возможен потому, что по численности народонаселения есть в землях большой избыток и от того много земель остается впусе необработанными»¹⁷³.

Все это в известной мере также задерживало темпы процесса закрепощения анхаю.

Генерал Е. Понсэ прямо признавал, что «во всех абхазских дворянских имениях, в том числе и владетельских, большая часть земли принадлежит жителям разных сословий, т. е. состоит в их наследственном пользовании. Каждое семейство (двор или дым) имеет свои земли — сады, пашни — большею частью окружающие усадьбы. Эти участки могут быть признаны или собственностью тех лиц, которые ныне на них живут, или оставаться в их наследственном пользовании. При этом Понсэ добавлял, что «многие из владетельских подвластных имеют наследственные земли в чужих дачах, на которых и живут и, наоборот, — подвластные других владельцев и лица разных сословий пользуются землями в имениях владельца»¹⁷⁴.

Члены Сухумской сословно-поземельной комиссии отрицали показания абхазских помещиков в том, что они давали участки в потомственное пользование как своим подвластным крестьянам анхаю, так и асасам. Однако и они не могли опровергать такие конкретные факты, как приведенный выше случай с крестьянином Буаа. Попытка же комиссии рассматривать подобные примеры как случаи, происходившие «при условиях, вынуждавших анхае обратиться к покровителю», или что по «обоюдному соглашению» между помещиком и крестьянином происходил обмен участков, — лишь подтверждает существование таких фактов. Не менее интересен с этой

¹⁷³ ЦГИАГ, ф. 416, д. 7, лл. 1—17.

¹⁷⁴ Письмо ген. Е. Понсэ кн. Д. Святополку-Мирскому от 25 июня 1865 г. — ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 68—70.

точки зрения и следующий «аргумент» комиссии. Она утверждала, что все приводившиеся феодалами примеры относились к предреформенному времени, когда помещики, «поняв значение земли в экономическом отношении, начали прибегать ко всевозможным условиям, которые могли бы впоследствии пригодиться как доказательство принадлежности им состоящих в общественном пользовании земель»¹⁷⁵. Таким образом, комиссия, противореча себе, еще раз подтверждала наличие рассматриваемого явления и свидетельствовала о его усилении, а его начало А. П. Черепов определенно связывал с фактом «прочного водворения» владетельного князя М. Шервашидзе в 30-х годах, а это водворение — с упрочением царизма в крае в том же десятилетии¹⁷⁶. Действительно, М. Шервашидзе пытался приравнять анхаю к другим, окончательно закрепощенным категориям крестьянства. Учредив суды из сельских старшин — дворян, вроде земской полиции, он в 1846 году приказал, чтобы «крестьяне не отходили от своих помещиков под покровительства других», т. е. запрещал право перехода даже для тех крестьян, которые не были еще прикреплены к земле¹⁷⁷.

Как известно, императором Николаем I был издан правительственный закон, по которому в Грузии запрещались всякие переселения крестьян. В этом законе говорилось: «Самовольные переселения решительно воспретить и с ослушниками... поступать как с бродягами»¹⁷⁸. В угоду же помещикам был издан в 1846 году закон о прикреплении крестьян в дистанциях, населенных азербайджанцами, к земле, что незамедлительно повело к расширительному толкованию закона во всем Закавказье¹⁷⁹. В 1849 году был издан закон о возложении на крестьян обязанности доказывать свои права на свободу при возбуждении исков о свободе¹⁸⁰.

Историк Ф. А. Щербина, говоря о подобном процессе и у абазин, указывал на 40-е годы, как на дату, когда произошло укрепление царскими властями права феодалов над зависимыми крестьянами в аулах князя Лоу. «Дело в том, — писал Щербина, — что у абазинцев были холопы и вольноотпущенники. Последние пользовались правом перехода от одного князя к другому, но в случае споров по этому поводу они

¹⁷⁵ ЦГАА, ф. 57, д. 5, оп. 2, 1870 г., л. 165—179.

¹⁷⁶ Черепов А. П. Указ. соч., с. 407.

¹⁷⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 84—95.

¹⁷⁸ Гугушвили П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения... Т. I. с. X—XI.

¹⁷⁹ Между прочим, в одном документе мы читаем: «В 1856 году основанием принадлежности к высшему сословию жителей Шемахинской и Дербентской губернии было принято владение недвижимыми населенными именьями, вследствие чего целая масса населения совершенно безвинно стала в зависимое по земле отношение» (ЦГИАГ, ф. 545, д. 180, лл. 41—90).

¹⁸⁰ Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951, с. 176.

должны были подчиняться... Еще в 1838 г., по жалобе абазинских князей, обвинявших вольноотпущенников в ослушании, русское начальство сажало последних под арест на известное время». В 1842 году возник вопрос об отношениях между князьями и «вольноотпущенниками». Царские власти стали «на сторону дворян, и это имело свое значение для дворянского сословия и у других племен. С каждым годом русские власти стали действовать в этом направлении определеннее и решительнее»¹⁸¹.

В одном документе, относящемся к периоду подготовки проведения крестьянской реформы в Абхазии, о котором уже упоминалось, мы читаем: «Последний владетель весьма усердно заботился о создании для себя в Абхазии права собственности на всю территорию. Он безусловно стремился к утверждению этого права и вел все к тому концу, чтобы быть помещиком всей Абхазии и сделать крестьянами (крепостными. — Г. Д.), в русском смысле этого слова, всех ее подданных». И далее указывалось, что в это время некоторые лица из абхазских князей и дворян, по примеру развития крепостного права в Мегрелии, Имеретии и Восточной Грузии, проявили «попытку закрепить своих хипши к земле и распространить правильные убеждения о правах своих на землю»¹⁸². Ту же мысль подчеркивал и кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский, который в рапорте на имя наместника Кавказа от 13 октября 1866 года писал, что часть абхазских феодалов, имея сношения с Мегрелией и Имеретией, всячески старалась «склонить правительство к признанию в Сухумском отделе крепостного права и других привилегий дворянства, по примеру Мингрелии и Кутаисской губернии»¹⁸³.

Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Д. Краевич, как уже отмечалось, писал, что Георгий и Григорий Шервашидзе заявляли претензии на принадлежность им Сухумского и Абжуйского округов, считавшихся их подвластными или «удельными» землями, «как частных имений», а анхаю положительно считали эти притязания князей «несправедливыми и ни на чем не основанными». Краевич указывал и на тот факт, что «коренные покровительствующие фамилии» той или иной общины «обыкновенно говорят, что все свободные земли общины принадлежат им», в то время как крестьяне признавали за ними только право сбора аждидз на этих землях¹⁸⁴.

А. Н. Введенский подчеркивал, что абхазские помещики, пользуясь властью владетеля, «старались... расширить свои

¹⁸¹ Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринодар, 1913, с. 566—567.

¹⁸² Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. — ЦГИАГ, ф. 416, 1866, оп. 3, д. 1033, л. 4 об.

¹⁸³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 2784, лл. 159—159 об.

¹⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 30 об.

права за счет прав анхае и ахую»¹⁸⁵. Сухумская сословно-поземельная комиссия также указывала, что «строгое запрещение начальства... ослабило переход крестьян с одного места жительства в другое, из одного селения в другое»¹⁸⁶.

Наши источники дают достаточное количество фактического материала о передаче во владение крестьянам господской земли, составлявшей основное условие производственных отношений между феодалами и крестьянами. Эти отношения «состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»¹⁸⁷.

Прежде всего необходимо обратить внимание на тот факт, что в составе анхаю были семейства, которые в результате выкупа и пр. перешли из ахоую, отдав при этом все свое имущество владельцам. Эти крестьяне свои участки получали, в основном, от владельцев и держали их в наследственном пользовании. А крестьяне, представлявшие низший слой анхаю, по-видимому, составляли значительную часть всей массы данной категории. Нельзя не видеть доли истины в заявлениях отдельных помещиков, как например, самурзаканских князей Чхотуа, которые говорили членам Сухумской сословно-поземельной комиссии в 1870 году, что «некоторые из настоящих пиошей были ахашалами и потом дельмахоре Чхотуа и от Чхотуа получили надел земли»¹⁸⁸.

А. В. Пахомов сообщал о таком факте: в с. Яштхуа жили 9 дымов анхаю Гяджь-ипа, которые до этого были крепостными ашнакума Чрыгба и анхаю Хасана Цхчи. Они освобождены, отдав все свое имущество прежним своим владельцам, и поселились на земле князя Г. Д. Шервашидзе, которому теперь были обязаны отбывать такие же повинности, какие несли другие анхаю с. Яштхуа¹⁸⁹.

Бату и Будах Хубутия были ахоую гудаевского дворянина Ламкаца Маргания. Последний обещал «за прилежную работу» оставить завещание об их освобождении. Но сыновья Ламкаца Квадж и Чагу не только не освободили Хубутия, а, наоборот, начали требовать, чтобы они служили им обом: Тогда Хубутия ушли (в середине 40-х гг.) в Цебельду, а на их участке в с. Гудава дворяне Маргания поселили других крестьян. Хубутия через 20 лет возвратились в родное село и

185 (Введенский А. Н.). Абхазцы... С. 11.

186 ССКГ, 1870, в. III, с. 13.

187 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 191.

188 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 10—13.

189 ЦГИА СССР, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 498.

выкупились в анхаю, так как они в Цебельде приобрели определенное имущество. Но их участок в Гудавае был занят другими лицами, и они пошли жаловаться к командующему войсками в Абхазии генералу Шатилову, который приказал окружному начальнику Кишельскому возвратить Хубутия землю. Но этот приказ не был исполнен, по крайней мере, к 22 июня 1870 года, когда члены Сухумской сословно-поземельной комиссии опрашивали жителей с. Гудава и был записан приведенный факт¹⁹⁰.

Цебельдинский пристав прапорщик Лисовский в рапорте на имя начальника штаба Отдельного кавказского корпуса генерала Коцебу от 8 февраля 1839 года сообщал о таком случае. Лет около 200 тому назад князя Маршания, линии Татиш-ипа, переселились из Ахчипсу в Цебельду. Впоследствии, не находя там «довольно жизненных удобств», они купили в Закодорщине у кн. Таскача Ачба «землю, именуемую Джгерда», заплатив 20 чел. (в денежном выражении около 10 500 руб. сер.). Село Джгерда к концу 30-х годов, по данным того же Лисовского, имело территорию около 100 кв. верст и 200 дворов населения¹⁹¹.

Карганов летом 1866 года собиравший сведения «о взаимных отношениях» в Цебельде, утверждая, что свободные крестьяне анхаю пользовались землей как собственностью и, следовательно, помещик «не может лишить земли или переселить на другое место против воли вольного жителя», указывал вместе с тем на определенное ограничение права этого крестьянства в поземельном отношении даже здесь, в горном районе Абхазии, где феодальные отношения были менее развиты. Он писал, что на праве собственности анхаю владели землей лишь «до того времени, пока на ней живут и обрабатывают. С переходом же на другое место свободная земля оставалась в пользу князей Маршания, которые считали себя владетелями Цебельды, разделенной естественными границами между главными членами единственной княжеской фамилии здесь Маршания». Эту мысль Карганов повторял и в другом месте так: если анхаю сам пожелает переселиться в другое место, «то оставленная земля делается собственностью князя»¹⁹².

В ответе на требования и. д. генерал-квартирмейстера Кавказской армии кутаисскому генерал-губернатору от 28 февраля 1865 года «о правах зависимых сословий на ту землю, на которой оные водворены или которую обрабатывают», говорится, что в Цебельде «право пользования землею зависимых сословий простирается только до того времени, пока они на ней живут, с переходом же на другое место земля остается за

¹⁹⁰ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 17—19.

¹⁹¹ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, 1839 г., д. 225, л. 6.

¹⁹² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1013, лл. 18—18 об.

помещиком; потому что в Цебельде, за исключением князей Маршани, прочие сословия своей земли не имеют. На вопрос: «имеют ли лица зависимых сословий какую-либо лично принадлежащую собственность», также был дан такой ответ: «В Цебельде за исключением рабов все лица зависимых сословий могут иметь свою собственность, кроме земли, принадлежащей исключительно князьям Маршани»¹⁹³. Наконец, в «Записке по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об учреждении личных и поземельных прав туземного населения Абхазии и Цебельды» читаем: «О Цебельде мы знаем в общих чертах, что вся вообще земля составляет собственность первенствующих князей Маршания, а все остальное население — их 10 262 души обоего пола — поставлено в зависимое по земле отношение»¹⁹⁴.

А. В. Пахомов¹⁹⁵ в своих записках, а также в переписке с представителями местной власти, членами Сухумской сословно-поземельной комиссии и другими лицами сообщал многочисленные факты о крестьянах анхаю, живших на земле, являвшейся собственностью его доверителя — крупного землевладельца Г. Д. Шервашидзе. Однако надо иметь в виду, что Пахомов, как уже говорилось, не был объективен в своих высказываниях. Поэтому мы обращаемся лишь к тем фактам, которые кажутся нам более или менее правдоподобными; в территориальном же отношении ограничиваемся селами, которые, по-видимому, составляли непосредственную собственность келасурских князей Шервашидзе.

Хасанбей Шервашидзе в начале XIX века, переходя жить из Сухума в Келасури, «перевел туда» не только всех своих ахую, но и «много анхае»¹⁹⁶. Последним он приказал расчистить себе участки земли в горах около Келасури, в самом же селе анхаю было всего лишь несколько дворов. Келасурские анхаю были обязаны доставлять продукты (кур, сыр, молоко, яйца и пр.) князю Хасанбею, а затем и его потомкам Дмитрию и Георгию Шервашидзе. Впоследствии поселенных Хасанбеем в с. Айбухца анхаю в одно время «подчинил себе» Омар Эриста¹⁹⁷.

Сухумская сословно-поземельная комиссия также указывала на случаи, когда «привилегированные фамилии», при переселении в другие места, «сопровождались своими подвластными», т. е. «абхазская община переселялась, таким образом, в своем полном составе»¹⁹⁸. Хасанбей, выбрав своим

¹⁹³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 181, л. 157.

¹⁹⁴ Там же, д. 180, лл. 41—90.

¹⁹⁵ Губернский секретарь А. В. Пахомов в 50—70-х гг. XIX в. являлся сперва заведующим делами, затем управляющим именными и «поверенным» келасурских князей Д. Х. Шервашидзе, а после его смерти в 1858 г. — Г. Д. Шервашидзе.

¹⁹⁶ Пахомов А. Записка., с. 270.

¹⁹⁷ Там же, с. 270—272.

¹⁹⁸ Краевич П. Д. Очерк., с. 6.

летним местопребыванием с. Парнаут, развел там сад и поселил «для своей услуги» несколько анхаю из фамилии Циба (подвластных его матери) и Шаламберия.

Хасанбей Шервашидзе в награду за воспитание его младшего брата Ростомбея, по просьбе последнего, освободил ашнакума Допуа (с. Ауарча) от всяких повинностей и разрешил им пользоваться повинностями всех живших там анхаю. Однако Гасанбей не сделал Допуа полными собственниками земли, занятой указанными его подвластными анхаю¹⁹⁹. В с. Бабишь-ира жили «большой частью собственные крестьяне» Георгия Шервашидзе, принадлежавшие к категории анхаю²⁰⁰.

В с. Бырцха жили две фамилии анхаю: Хипба — 12 дворов и Дчакоу — 7 дворов, которые отбывали определенные повинности. В с. Абжаква «коренными фамилиями анхаю» считались: Вардан (Фардан) — 5 дворов, Гоманипа — 7 дворов, Харазия — 15 дворов, Дчакоу — 6 дворов, Кецба — 2 двора и Онаба — 2 двора. Все они несли повинности, одинаковые с повинностями бырцхских анхаю и имели «право пользоваться землей пока на ней живут»²⁰¹.

О мерхеульских анхаю А. В. Пахомов писал, что их обязанности совершенно те же, что и обязанности крестьян этой категории в селах Яштхуа, Бырцха и Абжаква, «и права их на землю те же и потому земли, оставшиеся от переселенцев (махаджиров. — Г. Д.), составляют собственность князя Георгия». В с. Багбаран жили анхаю: Хагба — 6 дворов, Барчан — 1 двор и Абжнау — 2 двора, «повинности и права» которых были такие же, как и у анхаю перечисленных выше трех сел. Такие же повинности отбывали в Цанбейикуара 2 двора анхаю Тванба и 1 двор Лазбей-ипа, которые в конце 50-х годов здесь расчистили себе небольшие участки земли из-под леса. А. В. Пахомов касался тех случаев, когда отдельные анхаю селились на территории владений кн. Шервашидзе с позволения последнего. В с. Багажиашта, например, жили 6 дворов анхаю Читанаа, которые, вследствие убийства одного из князей Эмухвари в с. Чхортоли, бежали сюда под покровительство Д. Г. Шервашидзе и последний поселил их в названном селе. С позволения же Д. Шервашидзе вблизи ущелья р. Гумиста поселился Хасан Цхчи, который между прочим был одним из состоятельных и влиятельных анхаю: он имел ряд зависимых крестьян и даже претендовал на дворянское звание. Крепостные Хасана Цхчи и ашнакума Чрыгба в количестве 9 дворов по фамилии Гяджь-ипа освободились от своих владельцев, отдав им все свое имущество, и в каче-

¹⁹⁹ Пахомов А. Указ. соч., с. 279, 299—300.

²⁰⁰ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, л. 204.

²⁰¹ Пахомов А. Указ. соч., с. 260—261.

стве анхаю поселились на земле Г. Д. Шервашидзе в с. Яшт-хуа²⁰².

Сухумская сословно-поземельная комиссия иллюстрировала данные о продаже помещиками анхаю с землей на примерах, приведенных в докладной записке депутатов дворянства Абхазии, на фактах, которые указанной комиссией были проверены на месте путем опроса как представителей феодалов, так и анхаю и которые последними были либо подтверждены, либо, во всяком случае, не были опровергнуты.

Еще владетель Абхазии Келешбей Шервашидзе подарил Бежану Маргания за воспитание своего сына Сафарбея (Георгия) деревни Ешрхуа и Абаалоу-идгил с землей и крестьянами, Джогория Лакрба тому же Маргания в с. Мгудзырхва подарил землю с жившими на ней крестьянами, а Даруква Инал-ипа в с. Ордынырхва продал 6 дымов анхаю с землей и 7 дворов ахашвала. Владетель Абхазии Михаил Шервашидзе купил в с. Эмхы, на Хуапском уступе, имение князей Эмхаа (Эмухвари) с крестьянами, землей и лесами и подарил их в 1847 году Кацу Маргания. Представители анхаю этот случай объясняли или насилием со стороны владетеля, или тем, что он взял это имение как штраф с Эмухвари, а сословно-поземельная комиссия рассматривала его как пример перехода «покровительства» от слабых лиц к более сильным²⁰³.

Приводимый ниже материал требует несколько предварительных замечаний. Эти данные свидетельствуют о том, что концентрация земли в руках помещиков, служившая экономической предпосылкой развития крепостных отношений, происходила как по линии чисто насильственных захватов, так и путем покупок и пр. Сущность всех этих явлений сама собой понятна, но, тем не менее, отметим, что коммендация выражалась в том, что крестьяне нередко принуждены были искать «покровительства» феодалов, отдавая им верховную собственность на свою землю и получая лишь право наследственного владения землей на условии выполнения регулярных повинностей. Расширение же помещичьих земельных владений другими, указанными выше путями, усиливалось в связи с дальнейшим развитием крепостничества в условиях роста товарно-денежных отношений.

Уже отмечалось стремление последнего абхазского владетеля Михаила Шервашидзе создать себе «право собственности» на всей территории Абхазии. Генерал Е. Понсэ писал, что «владельцы Абхазии, особенно последний из них, постоянно умножали число своих имений, захватывая их большею частью насильственным и несправедливым образом»²⁰⁴.

²⁰² Там же, с. 250, 257, 274—275, 281.

²⁰³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 33 об. — 37 об.

²⁰⁴ Письмо ген. Понсэ полк. Коньяру от 2 августа 1865 г. — ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 120—122.

Манча Шервашидзе пожелал построить себе дом на участке Чича Апшилава в с. Бедия, в связи с чем этому крестьянину указал другое место. Крестьяне, сообщавшие подобные факты, в противоположность помещикам, пытались придать им характер добровольных соглашений, дабы утвердить свое право на землю. Но не всегда выдерживали этот тон и моментами невольно раскрывали истинное положение вещей. В этом отношении характерно, например, заявление бедийских анхаю о том, что помещики не могут указать на случаи, когда они занимали земли анхаю «в прежнее время, а не в прошлом и в настоящем году», т. е. в 1867 и 1868 годах, расчитывая, очевидно, на трудность установления фактов «прежнего времени» при отсутствии соответствующих документов²⁰⁵.

В 1863 или 1862 году Константин Маргания захватил поле, принадлежавшее гальскому анхаю Тугве Библая. Последний начал жаловаться. Но Маргания все же не вернул указанное поле, хотя и отвел другой, такой же величины, участок. Точно так же поступил и Кацц Маргания с Д. Квеквекери. Около 1864 года Тада Анчабадзе приказал Базале Хупуния, имевшему землю на берегу р. Ингур, и полученную по наследству от отца, переселиться на другое место. Крестьяне мотивировали этот поступок князя тем, что на участке Хупуния жить было опасно. Во всяком случае Хупуния перешел жить на новое место по приказу Анчабадзе. В 1868 году Бата Шервашидзе занял участок анхаю Салмакуа Нармания в с. Охурей и указал ему другое место, а в с. Бедия в 1867 году отнял землю у Кисры и Давида Лабжания.

Князь Георгий Инал-ипа поселился на земле, принадлежавшей дворянам Блаб и крестьянам Барцыц в с. Калдахвара, и наследник его считал эту землю своей во время опроса его Сухумской сословно-поземельной комиссией. Сарлып Инал-ипа поселился на спорной земле между Калдахвара и Лдзаа, и перед реформой брат его считал эту землю также принадлежавшей фамилии Инал-ипа. Гальский дворянин Иван Маргания построил дом на поле анхаю Софуджа и Пепо Джеджия. Последний пошел к владельцу Абхазии с жалобой и принес приказание Маргания очистить занятую им землю. Пепо купил дом Мргания за 30 руб. и поселился в нем. Около 1858 года в с. Отобайа князя Анчабадзе изгнали с участка земли старика Георгия Бокучава, причем участок был освоен еще его отцом. В с. Речхи Хирипс Инал-ипа забрал у анхаю Талыка Джобава виноградный сад и взамен дал ему поляну, на которой он обычно косил сено. Также поступил брат Хирипса Бут с Иваном Джобава, который вынужден был перенести свою усадьбу на другое место, указанное ему помещиком, оставив свой сад. Анхаю Георгий Сангулия из с. Гудава переселился в с. Бедия, где расчистил себе

²⁰⁵ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, лл. 139—156.

участок земли. Одна из полян Георгия приглянулась дворянину Кваджу Маргания. Сангулия долго не соглашался уступить облюбованный им самим участок, но в конце концов его вынудил Маргания, который немедленно перенес туда свою усадьбу. Вскоре после этого Г. Сангулия умер, а его сын Давид так и не получил от Маргания компенсации за указанный участок²⁰⁶.

Около 1865 года Зосхан Инал-ипа в местности Цера, в с. Лдзаа «не имея там собственной земли, захватил поля и сады, принадлежащие жителям Лдзаа»²⁰⁷. Около того же года Гуго Ходжашвили обманным путем завладел кукурузным полем гальского анхаю Туква Библая. Последний несколько раз жаловался сельскому суду и всем жителям селения, но никакого удовлетворения он не получил. Марзакул Маргания, желая проложить себе новую дорогу к своей усадьбе, захватил часть земли, принадлежавшей соседнему анхаю Будгу Тарба, жителю того же с. Гали²⁰⁸.

В материалах сословно-поземельной комиссии приводятся примеры, когда сами анхаю, правда, после определенного сопротивления, вынуждены были признать помещиков собственниками своих земель и выкупать их. Например, в 1867 году в с. Бедия крестьянам было объявлено, чтобы они выкупились с землей. Сперва анхаю сделали обычное заявление о том, что земля и без того принадлежит им, а потому нет надобности выкупаться. Но затем многие анхаю все же начали откупаться и получать от помещиков соответствующие документы²⁰⁹. Согласно заявлению депутатов абхазского дворянства, число всех выкупившихся анхаю в Самурзакано за несколько лет перед реформой составляло до тысячи дымов²¹⁰.

В 1867 году, когда сословно-поземельной комиссией было начато камеральное описание, саберийские князья Чхотуа разделили своих подвластных крестьян, в связи с чем некоторые анхаю перешли в соседство тех Чхотуа, которым они были подвластны. Оставленными таким образом участками анхаю Багура, Арама и Батая Хорава завладел Манучар Чхотуа, который, несмотря на требования крестьян, так и не отдал землю обратно²¹¹.

Теперь обратимся к фактам о покупках помещиками земель, принадлежавших крестьянам анхаю, учащение чего было обусловлено также развитием товарно-денежных отношений в абхазской деревне, втягиванием народного хозяйства края в общероссийскую хозяйственную систему. Сухумская сословно-поземельная комиссия приводила немало интерес-

²⁰⁶ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 18, 139—156, 198—200.

²⁰⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 180, лл. 271—277.

²⁰⁸ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139—156.

²⁰⁹ Там же, л. 117.

²¹⁰ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 41.

²¹¹ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 11—13.

ных данных по этому вопросу. Так, в с. Тагилони князь Темурквва Анчабадзе около 1840 года купил садовый участок у анхаю Кучу Папаскири за 100 руб. Бедийский дворянин Гудза Гшба в 1850 году купил виноградный сад у набакевского крестьянина Георгия Вочува за 60 руб. До Крымской же войны кацци Маргания приобрел виноградный сад с пашней у гальского анхаю Вагыра Бардания за 45 руб. В с. Саберио князь Зураб Чхотуа купил виноградный сад анхаю Т. Цава (1850 г.), участок земли Квития Гапагуа (около 1863 г.), виноградный сад М. Кобалия (около 1864 г., за 30 руб.), участок М. Кобалия (за 40 руб.). В с. Чолу Беслан Анчабадзе около 1863 года купил виноградный сад анхаю Мадлея и Самакуа Цвижба за 8 или 10 коров, и т. д.²¹²

Земли скупали также церковники. Например, священник с. Саберио Давид Сабулава купил: землю анхаю Циту, Лажва и Чонча Мархулия в 1850 году за 15 руб.: виноградный сад анхаю Кокая, Кваца, Чагу и Салмаквы Бадагуа в 1861 году за 20 руб.; часть земли анхаю Маджи, Кочо и Цахи Кварацхелия за «желаемую цену»²¹³.

Источники дают и определенные сведения о повинностях анхаю непосредственно за аренду земли. С. Смоленский, сведения которого были извлечены из дел штаба командующего войсками в Абхазии, считал, что анхаю пользовались владельческими землями от своих помещиков — князей и дворян и за это обязаны были им пахать поля, засеять хозяйскими семенами, собирать посев и виноград в тех случаях, если кто из родственников владельца находился на жительство в данной деревне; эти повинности отбывались по мере их надобности, в известное время года²¹⁴.

В указанной выше инструкции о видах зависимых сословий в Абхазии крестьяне анхаю второй группы определялись, как «несущие определенную дань в виде податей за землю ими обрабатываемую»²¹⁵. Повинности анхаю, согласно другому документу, выражались в том, что дым анхаю давал ежегодно «владельцу земли, на которой он живет», барана или 3 руб., маленького барашка или 1 руб., около 7 пуд. кукурузы или 2 руб., а также в течение года 3 дня выходил на поле «владельца земли»²¹⁶.

В ответе кутаисского генерал-губернатора на запрос и т. д. генерал-квартирмейстера Кавказской армии от 28 февраля 1865 года читаем о количестве и видах повинностей крестьян в Цебельде: «Вольные жители (анхаю.— Г. Д.) за право

²¹² ЦГИАГ, л. 416, оп. 3, 1868 г., д. 1017.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, 1874, № 7, с. 403, прим.

²¹⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1—5.

²¹⁶ Рапорт нач-ку военного отдела в Абхазии от 8 февраля 1863 г. — ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1013, лл. 14 об. — 17.

пользования землею отбывают помещикам следующие натуральные повинности: 1. Помогают при обработке полей, посе́ве и сборе хлеба. 2. Каждый дым дает по одной копне сена или чалы и меру кукурузы весом в пуд. 3. У имеющих баранту берется весною по барашку, а зимою по барану»²¹⁷. Интересно также сообщение начальника Сухумского округа в рапорте на имя начальника Сухумского отдела от 31 мая 1866 года²¹⁸, в котором перечислены повинности, отбывавшиеся в указанном округе, семействами анхаю «за право пользования землею». Особо выделены повинности тех анхаю, которые жили «на земле, принадлежавшей князьям Шервашидзе». В том и в другом случае количество этих повинностей равнялось 6, причем повинности шервашидзевских анхаю заметно отличались по своим размерам. Наконец, в документе имеется одно существенное примечание: «Если анхайве пожелает откупиться от уплаты повинностей владельцу за право пользоваться землей, то платить ему от 15 до 40 коров».

И. д. начальника Сухумского военного отдела полковник Коньяр, давая описание повинностей самурзаканских анхаю (пиоши), также отмечал ряд фактов о проживании указанных крестьян на феодальной земле (в селах Бедия, Саберио и пр.). Он прямо указывал, что, например, в с. Саберио пиоши платили князьям Шервашидзе и Чхотуа «за землю» козу или барана. Интересно сообщение Коньяра и о том, что пиоши не могли свой скот пускать раньше помещичьего на принадлежавшие им убранные поля; в противном же случае помещик налагал штраф. Тот же Коньяр передал, что в селах Баргеби, Отобаи и Тагилами пиоши, чтобы выкупиться с землей, достаточной для их семейства, платили князьям Анчабадзе от 200 до 230 руб.²¹⁹

Мы уже отмечали, что помещики часто являлись, в конечном итоге, верховными собственниками и той крестьянской земли, которая как будто не считалась помещичьей собственностью, и крестьяне, следовательно, выступали как феодально-зависимые и подчиненные юрисдикции этих помещиков. Даже лица, преувеличивавшие значение общинного землевладения в Абхазии (П. Д. Краевич и др.), не могли не видеть, что к середине XIX века этому землевладению здесь был нанесен удар. Сами анхаю также подтверждали, что помещики «имеют право собирать аждиз» и на тех землях, «которые остаются излишними за удовлетворением потребностей жителей общины»²²⁰.

На всей территории обширных владений Д. Г. Шервашидзе собирали подати за пастьбу и прогон скота, за лес и

217 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 181, лл. 157 — 157 об.

218 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 2.

219 Там же, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

220 Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 31.

камень. Пахомов писал, что «есть множество официальных данных, доказывающих самым положительным образом право князя Дмитрия отдавать в наем лежащие вокруг Сухума луга, брать плату за разный лесной материал и за камень, вывозимые также из окрестностей Сухума»²²¹. И действительно, в имениях Шервашидзе, например, в 1857 году было получено пошлин: за дрова и строевой лес — 6 000 руб., ажидз за пастьбу коз и баранов — на сумму 1 000 руб. и за прогон гуртов — до 10 коров или 100 руб. В этой связи интересно вспомнить уже приводившийся факт о том, что до Крымской войны на побережье между реками Гумиста и Кодор пасся скот кн. Д. Г. Шервашидзе, и здесь никто не мог сеять кукурузы. Крестьяне, «даже князя Дзапш-ипа, были вынуждены обрабатывать себе землю на горе»²²².

Сухумская сословно-поземельная комиссия также зафиксировала ряд примеров, правда, со слов самих помещиков. Так, ачандарские князья Ачба собирали за пользование горными пастбищами и ущельями в год ажидз от 50 до 100 голов баранов и коз; члоуские Ачба с цебельдинцев брали до 100 голов, а княгиня Кесария Шервашидзе с тех же цебельдинцев, пригонявших свой скот в Ешкыт и Чацвкыт, собирала от 90 до 160 голов; ешерские Дзапш-ипа «со стад других селений» — до 20 голов и т. д.²²³

На правом берегу р. Бзыбь до Апсырпара была раскинута обширная земля, богатая пастбищными угодьями и лесом, в том числе самшитом. Указанными пастбищами пользовались жители Мчишьнырцв²²⁴. Но в целом землей здесь распоряжался владетель Абхазии: «кому где указывал жить, там и жили»; он получал ажидз за пастьбу скота и пошлину за рубку леса; их сборами занимались князья Инал-ипа, за что и получали часть этих доходов²²⁵. И. Бартоломей и Д. Мачавариани в 1864 году писали: «Самурзаканцы платят владельцам пастбищ — сабалахо: по одному барану за стадо»²²⁶.

Ясно, что полковник П. Д. Краевич был не прав, когда доказывал, что вся невспаханная и не занятая садом или усадьбой земля никому вообще не принадлежала и, следовательно, помещики не имели никакого отношения к этой земле. Нельзя считать лишенным основания заявление А. В. Пахомова, который это утверждение Краевича рассматривал как попытку признать казенной всю не обрабатывавшуюся землю²²⁷.

²²¹ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1868 г., 6/29. лл. 374, 379.

²²² ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868, д. 29, лл. 392—393, 473.

²²³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1869 г., д. 1017, л. 68.

²²⁴ Мчишьнырцв — территория между р. Бзыбь и р. Мчишты, на которой были расположены села: Калдахвара, Блабурхва, Бармыш, Апцхва, Мгудзырхва, Маанихва, Шлара, Папцва и Чаабалырхва.

²²⁵ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 89—96.

²²⁶ Бартоломей И. и Мачавариани Д. Нечто о Самурзакани.— ЗКОРГО, 1864, № VI, с. 77.

²²⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 68.

Утверждение П. Д. Краевича противоречило выводам самой Сухумской сословно-поземельной комиссии, которая признавала, что помещики отдавали собственно принадлежавшие им пастбищные места внаймы и получали плату — аждиз. Кроме того, хотя комиссия опровергала заявление депутатов дворянства Абхазии о том, что такое право помещиков распространялось на все свободные земли, входившие в район того или иного села, но признавала, что именно князь или дворянин — «покровитель» жителей данного села получал аждиз в размере одного ягненка или козленка от стад, пригонявшихся сюда из соседних сел, малоземельных и не имевших свободных полей. Причем не только главные «покровительствовавшие» феодалы получали аждиз, но в тех селах, где еще имелись и другие помещики, последние также взимали плату со стад, пасшихся вблизи их местожительства. Так, в с. Калдахвара аждиз получали Инал-ипа, Барас, Фирсоу и Лакрба; в с. Аашы — Ал. Шервашидзе, Акиртаа, Багба и Маргания; в с. Абжаква — Д. Шервашидзе, Чаабалурхва и Кучба. При этом комиссия, пытаясь еще больше умалить значение этого факта, делала такую довольно неубедительную оговорку: плата аждиз была «не за пользование чужой собственностью, а за охранение стад во время нахождения их в районе или в окрестностях селения»²²⁸.

Возьмем материал еще более официального характера — «Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» (П. Д. Краевич), в котором сословно-поземельная комиссия вынуждена была констатировать, что «преимущество высших сословий состоит лишь во взимании покровительственной дани со стад других селений, кои приходят для пастбы на свободные земли, за покровительство и обеспечение таковой пастбы, что как бы имеет вид поземельного дохода»²²⁹. В «Записке по вопросу о вознаграждении членов бывшего абхазского владетельного дома» мы также читаем: «Доходы с пастбищ и лугов с каждого стада, пасшегося на лугах и на горных пастбищах, в районе известной общины, и принадлежащего временным ассасам, поступали в пользу покровителя (тавада или амиста) той общины по одной и по две головы без различия величины стада»²³⁰.

Феодалы захватывали общинные земли, леса и пастбищно-сенокосные угодья, которыми пользовались безвозмездно крестьяне данного села или поселка. Так, князь Шервашидзе в 40-х годах XIX столетия захватили общинный лес в с. Джгерда, составлявший около 100 кв. верст. Они же монополизировали право рубки самшита в общинных лесах с. Калдахвара и ряде других мест.

²²⁸ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 165—179.

²²⁹ ССКГ, 1870, в. III, с. 15.

²³⁰ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 188, л. 3—37.

Далее мы постараемся, на основании сохранившихся скудных данных, выяснить состояние порядка наследования земли крестьянами анхаю. Сухумская сословно-поземельная комиссия недвусмысленно подчеркивала, что в порядке наследования между крестьянами анхаю произошли изменения «к невыгоде этих последних»²³¹.

Комиссия генерала Понсэ считала несомненным, что после смерти состоявшего под «покровительством» анхаю «без рода и племени, имущество переходит к ахалапшую»²³². В данном случае речь шла о высшей группе анхаю. Право же наследования «обязанных повинностями» анхаю, т. е. низшей группы этих крестьян, комиссия Понсэ, надо полагать, считала еще более ограниченным.

Начальник Сухумского округа в рапорте на имя начальника Сухумского отдела от 31 мая 1866 года, перечисляя повинности, отбывавшиеся «каждым семейством» анхаю за пользование землей, называл оцыхутвы (ацыхутэ), смысл которого он объяснял в скобках так: «Если по случаю смерти в доме анхайве не останется совсем мужского пола, то все имение поступает к владельцу за исклчением незначительной части, которая выдается оставшимся в семействе женщинам»²³³.

Ф. Завадский также замечал, что выморочные княжеские и дворянские имения поступали в пользу владельца Абхазии, а крестьянские — в пользу их помещиков. При этом автор подчеркивал, что выморочным имением считалось такое, на которое не осталось решительно никакого мужского наследника, хотя бы самого дальнего и проживавшего даже за пределами края²³⁴.

Сухумская сословно-поземельная комиссия указывала на тот факт, что теперь в вопросе наследования стремились принять участие все привилегированные фамилии. Прежний порядок наследования между крестьянами служил предметом постоянных споров между анхаю (пиоши) и их помещиками. Эти последние старались «поставить порядок в наследовании между анхае (пиош) в то же положение, в каком всегда находилось наследование» между крепостными ахоую и амацуразку. Со своей стороны и крестьяне преувеличенно отзывались о своем праве наследования, говоря, что князья и дворяне вовсе не должны им наследовать.

Комиссия приводила сообщения отдельных помещиков по данному вопросу. В некоторых селах князья и дворяне заявляли, что анхаю, находившиеся под властью одного лица, не могли наследовать своим родственникам, проживавшим в том же селе но находившимся под властью другого лица, хотя:

²³¹ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 159.

²³² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.

²³³ Там же, 1866 г., д. 1013, лл. 1—2.

²³⁴ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 60.

бы они и были родные братья. Оставшееся имущество считалось выморочным и поступало в пользу лица, которому умерший был подвластен. Многие же помещики доказывали, что подвластные одного и того же помещика наследуют не более троюродного родства²³⁵.

Некоторые анхаю с. Члоу (Тахуц Цвижба, Якуб Адлейба и др.) рассказывали, что князя Ачба наследовали, когда никто не оставался из родственников умершего. Так, анхаю Назруква Джалия был выкуплен из плена кн. Бесланом Ачба. Вскоре после этого Джалия умер и Беслан взял все его движимое имущество, так как у него не было ни жены, ни детей, а земля перешла к родственникам. Иначе говорили крестьяне Азнаур Шинкуба и Хазгери Жиба. По их словам, Джалия был выкуплен князем Кизилбеком Маршания, а Беслан Ачба участвовал лишь в складчине, организованной родственниками Джалия. Но когда последний умер, Беслан решил завладеть всем его имуществом. Однако родственники покойного возразили, в результате чего они взяли движимое имущество Назруквы, а Ачба все же забрал всю его землю. Об этом случае рассказывали и тхинские князья Ачба (Салыбей и Дмитрий), которые утверждали, что земля Джалия перешла к Беслану по праву и «вообще во всяком случае, если фамилия анхае вымрет — наследуют Ачба». Киндгские же Ачба говорили, что выморочным правом они пользуются с ограничениями, так как земля умершего, не оставившего сыновей, наследуются родственниками²³⁶.

Ткварчельские князья Ачба уверяли, что земли анхаю, не имевших родственников, переходили к ним. В случае же безбрачия дочерей умершего анхаю, если жена последнего не желала оставаться в доме мужа, то имела право взять все движимое имущество, приняв вместе с тем обязанность на себя устроить своих дочерей, а земля переходила к Ачба. Бездетные анхаю и даже ахоую имели право усыновить кого-либо и передать ему все наследство. Драндские дворяне Званба в свою очередь сообщали, что земля анхаю переходила к помещику в случае, если у умершего не было никакого родственника в селе.

Сухумская сословно-поземельная комиссия приводила и мотивировку помещиков по поводу их прав в наследовании имущества зависимых категорий вообще. Во-первых, по отношению к подвластным помещикам объявляли себя «близким родственным лицом», откуда будто и вытекали их права на участие в наследовании в известных, определяемых обычаям, случаях имущества своих подвластных. Во-вторых, с вымиранием крестьянских дымов помещики «терпят весьма чувствительную потерю, вследствие большого значения сих сословий

²³⁵ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 159—160.

²³⁶ Там же, лл. 158, 159—160.

в хозяйстве помещиков», и поэтому переход имущества умерших крестьян к помещику рассматривался, как возмещение этой потери²³⁷.

Князья с. Бача Эдерби, Мажара и Квадж Шервашидзе (Тоулах-ипа) в своем показании членам Сухумской сословно-поземельной комиссии в 1868 году заявили, что в случае вымирания крестьянской фамилии, купившей землю, последняя переходила к «покровителю» умершего, и если этот «покровитель» принадлежал к «влиятельной фамилии», то легко мог, начиная с небольшого участка, постепенно присвоить себе всю землю. «Этим, — заключали они, — в особенности в прежнее время, отличались Мааны и Инал-ипа. Мааны, пользуясь многочисленностью своей фамилии, делают это и теперь». Дворяне с. Блабурхва Блаб также утверждал, что помещик наследует анхаю, не имеющих двоюродных братьев, если он выручал их из долгов или уплачивал за них айбар. Когда Капш умер бездетным, то занимаемый им участок земли в с. Капшкыт перешел к князю Левану Шервашидзе, который за воспитание его сына Уты подарил участок земли Ламкацу Эмухвари. Впоследствии в Капшкыт поселился сын Ламкаца Омар Эмухвари.

«Потомственно принадлежавший» князю Кадырбею Шервашидзе анхаю Квацадж Джинджолия (Аджинджал) был преклонного возраста и, не имея наследников, обратился за помощью к одному из своих дальних родственников — Джуку Джинджолия. Последний сжалился над одиноким стариком и забрал его к себе домой, но при этом дал расписку от 17 октября 1852 года названному помещику, в которой обязывался «после смерти означенному крестьянину... без всяких возражений возвратить обратно имение его». Документ был составлен при свидетелях и удостоверен помощником пристава кн. Левана Шервашидзе²³⁸.

Наконец, в 70-х годах названная комиссия, говоря об определении «родов и лиц, принадлежащих к высшим сословиям населения края», одним из решающих условий для этого определения ставила факт пользования выморочным правом, что, конечно, весьма показательно с точки зрения выяснения степени распространения и укоренения данного права, тем более, что это право было признано за многими второстепенными мелкими дворянами и даже некоторыми ашнакума²³⁹.

В 60-х годах в с. Яштхуа умер один из анхаю Гулиа, не имея наследников. Его ахою Ханашв, воспользовавшись этим, принял фамилию Гулиа и начал владеть участком земли и всем имуществом покойного. Поверенный князя Г. Д. Шервашидзе А. В. Пахомов протестовал против такого поступка

²³⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 33—36.

²³⁸ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 29 об., 139—156, 158 об.

²³⁹ ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2. д. 271, лл. 10—116.

Ханашва, доказывая, что «по выморочному праву Ханашва (Ханашв. — Г. Д.) должен составлять собственность князя Георгия, так же как и все имущество умершего без наследников анхае»²⁴⁰. Дворянин Исмаил Садзба из с. Лдзаа, который «пользовался выморочным правом», получил имение «умершего без наследников своего коренного анхае Ашурхва»²⁴¹.

Общий вывод Сухумской сословно-поземельной комиссии по рассматриваемому вопросу сводился к следующему. «Имеющим в своей зависимости лиц других сословий принадлежит право пользования выморочными землями»²⁴². Право наследования в категории анхаю представляет некоторое различие в сравнении с таким же правом других зависимых крестьян. Различие это состояло собственно в пределах данного права, представляемого обычаем в пользу тех лиц, которым подвластны анхаю или от которых зависят другие зависимые категории²⁴³. Анхаю хотя и имели право передачи своих земель в наследство по нисходящей линии и по некоторым боковым как в данном селе, так и в других, «но при признании покровителем одного лица»²⁴⁴.

Члены сословно-поземельной комиссии в своих обобщениях и выводах порой вынуждены были так или иначе признать факт существования того или иного явления в области поземельных отношений, которое они опровергали, но на которое нередко наталкивались. Правда, они пытались это объяснить только «вторжением в край» «идеи о русском помещичьем праве»²⁴⁵. Однако одни эти идеи сами по себе не могли, конечно, так быстро создать «помещичье право» в Абхазии. Действительность заключалась в том, что включение последней в систему Российского дворянско-крепостнического государства ускоряло то, что здесь уже было внутренним процессом, но шло медленно и завуалированно.

Таким образом, совершенно очевидна неправильность официальной версии о том, что в Абхазии в поземельном отношении все сословия были равны. И эта иллюзия об общенародной принадлежности земли в Абхазии перед реформой настолько была подорвана жизнью, до такой степени дифференцировался взгляд на принадлежность земли, что в различных мнениях по этому поводу ясно обнаружались глубокие классовые противоречия, факт, мимо которого намеренно проходила названная комиссия. Помещик настойчиво утверждал: «моя земля — значит мои люди» или «мои люди — значит моя земля» и стремился осуществить этот принцип, а крестьяне, ко-

²⁴⁰ Пахомов А. В. Записка... Л. 500.

²⁴¹ ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, л. 28.

²⁴² ССКГ, в. III, 1870, с. 15.

²⁴³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 33.

²⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 49.

²⁴⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 5.

которые считали землю своей собственностью, всячески оберегали ее от посягательств со стороны помещиков, не только апеллируя к обычному праву, но и прибегая к действенным формам классовой борьбы. Этот конфликт, со всей остротой проявившийся в период подготовки и проведения крестьянской реформы в Абхазии, своим кульминационным пунктом имел восстание 1866 года. Очень показательны реплики, которыми в пылу полемики обменялись дворянин Титу Маргания (Маан) и крестьянин Хучина Гагулия (Дзугу-ипа) на одном из бурных народных собраний в начале указанного восстания. На циничное заявление Маргания о том, что крестьяне всегда были и будут рабами помещиков, анхаю Гагулия крикнул: «Врешь! Мы земель не зависели»²⁴⁶.

Тем не менее зависимость крестьян анхаю в своей массе еще не была определена полностью как крепостническая зависимость. Прежде всего, повторяем, часть крестьян данной категории не была прикреплена к земле; сюда относились и те крестьяне, которые либо сами выкупились, либо их освободили владельцы. Как известно, при наиболее тяжелой форме феодальной зависимости личная зависимость крестьянина приближалась к рабской. Но, с другой стороны, не исключалась возможность наличия свободных крестьян, права владения которых были закреплены законом, в данном случае обычаями; они могли защищать эти права в суде, передавать или продавать свою землю; и лично они мало зависели от помещика, могли уйти от него А. В. Фадеев, говоря об аналогичных анхаю кавказских горских крестьян (на Восточном Кавказе — уздены, на Западном — тфэкотли), совершенно правильно подчеркивает, что среди них незакрепощенные общинники еще в первой половине XIX века составляли значительный процент вследствие незрелости феодальных отношений и живучести патриархального общинного уклада²⁴⁷.

Академик Б. Д. Греков писал, что даже в крепостной России «свободное крестьянство полностью не исчезало... никогда и дожило во многих местах до 19 февраля 1861 г.»²⁴⁸. То же самое было и в отдельных грузинских княжествах. В Мегрелии, например, где феодально-крепостнические отношения господствовали, некоторая часть крестьянства владела определенным земельным фондом по праву личной собственности, хотя это право также находилось под постоянной угрозой экспроприации со стороны феодалов²⁴⁹. В Сванетии в ряде

²⁴⁶ Цит. по: Фадеев А. Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии. — «Труды АБНИКа», т. II. Сухум, 1934, с. 123.

²⁴⁷ Его же. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков, с. 136.

²⁴⁸ См.: Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. Соцэкгиз, М.—Л., 1940, с. 19.

²⁴⁹ Микава А. Л. Социально-экономическое положение Мегрельского княжества в первой половине XIX века. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1954, с. 7—8.

сел проживали крестьяне, именовавшиеся кавказской администрацией «вольными сванами». Они были обязаны платить феодалам повинность пшеницей и ячменем, но были освобождены от барщины и от доставления господам прислуги, почем и считались «вольными»²⁵⁰.

Сухумская сословно-поземельная комиссия приводила значительное количество фактов передачи рассматриваемыми абхазскими крестьянами земли по наследству и обычной продажи помещикам, отдачи ее им же в выкуп за свое освобождение и продолжение владения землей, в случае переселения анхаю в другие села.

Мы укажем в первую очередь на сообщения самих помещиков. Некоторые князья Шервашидзе, Анчабадзе и Эмухвари, дворяне Званба, Маргания, Акиртава и другие рассказывали членам комиссии, что анхаю имели право собственности на расчищенные и купленные земли; помещики не могли воспользоваться ими, а также виноградом и другими продуктами из садов анхаю; в случае же посягательств помещиков на все это, анхаю прибегали к праву перехода в другое место и асаства²⁵¹.

Приведем некоторые наиболее характерные факты. Гальский старшина Петр Чатурия заявил комиссии, что Леван Маргания (Маан) в 1868 году хотел поселиться на земле анхаю Гедлача Библая. Последний пожаловался, и дело было разобрано сельским судом, который определил, что Леван Маргания не имел по обычаю никакого права на землю Библая. Старшина, на основании этого решения суда, запретил Марганию «делать такие захваты»²⁵². В материалах той же комиссии приводится и такой пример. Тот же Леван Маргания построил дом на участке, принадлежавшем Софуджу Джинджия. Но по решению сельского суда Маргания также вынужден был взять обязательства снести дом и возвратить землю владельцу. Он договорился с Джинджия, который, отдав лошадь, быка, козу и 10 руб. сереб., получил свой участок с построенным на нем Леваном Маргания домом. Анхаю с. Гали, сообщавшие комиссии этот факт, резонно спрашивали: «Если помещики имеют какое-нибудь право на землю тиошей и дельмахоров, то почему же Леван Маргания не найдет до сих пор места для постройки своего дома»? И далее эти крестьяне заявили, что они никогда не спрашивали у дворян Маргания позволения занять свободный участок в границах территории, находившейся в пользовании жителей Гали²⁵³.

²⁵⁰ Авалани С. Л. Указ. соч., т. II, с. 51.

²⁵¹ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 24—27; ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 165—179, 139—156.

²⁵² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 24 об. — 25 об.

²⁵³ См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139—156.

Комиссия собрала ряд фактов, которые свидетельствовали о том, что отдельные анхаю, переходя из одного селения в другое, порой сохраняли свои права на земельный участок в первом селении. Так, анхаю Эбноу и один их ахою переселились из с. Худаара в с. Хуап, продолжая владеть своими землями в Худаара, среди которых были и купленные²⁵⁴. Понсэ писал, что, например, «многие из владетельских подвластных имеют наследственные земли в чужих дачах, на которых и живут, и наоборот, — подвластные других владельцев и лица разных сословий пользуются землями в имениях владетеля»²⁵⁵. Категорическое заявление А. В. Пахомова: «Никогда ни один крестьянин в Абхазии не имел двух участков в разных селениях. Уходя с одного участка на другой, он теряет навсегда права свои на первый»²⁵⁶, — было, конечно, сознательным искажением действительности.

Анхаю Чин Еник перешел из с. Мазихва в с. Отхара аса-сом. Отхарский князь Ширинбей Шервашидзе показал ему для поселения место, но анхаю Айба прогнали его оттуда, так как они эту землю считали своей, а не княжеской; он перешел к дворянину Кубзачу Цишба и пользовался его землей. Когда в с. Гали около 1860 года Кацц Маргания «решил построить себе дом на горе, где был сад и кукурузное поле Маца и Козаха Захария, и привез туда строительный материал и посеял лобию, то владельцы этого места изрубили плетень, выдергали все лобию и заставили Маргания уйти отсюда»²⁵⁷.

Сухумская сословно-поземельная комиссия сообщает многочисленные факты и о продаже крестьянами своих земельных участков вообще и, в частности помещикам, что происходило очень часто на почве долгов и других причин. В делах названной комиссии сохранился даже особый сводный материал под названием «Примеры продажи пиошами земельных участков». В с. Окум Джогория Джгубурия заложил свой виноградный сад помещику Зурабу Эмухвари за 10 руб. Абраги Кочахия свой виноградный сад продал кн. Бахва Эмухвари, который перенес на этот участок свою усадьбу. Тому же Б. Эмухвари за 10 руб. продал сад и Гвад Кочахия. В с. Гали свои виноградные сады продали: Багыр Дасания — Кацц Маргания за 10 руб.; Багыр Вардания — ему же за 40 руб.; Б. Симония — Мурзакулу Маргания за 25 руб. Давид Вардания еще до Крымской войны отдал виноградник и пашню Кацц Маргания за долг в 45 руб.; эти земли были выкуплены родственниками Вардания лишь в 1867 году. В с. Саберио, как видно из документов, также часто совершалась продажа по-

254 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 27.

255 Там же, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76. лл. 66—70 об.

256 ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 9/36, л. 59.

257 См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139—156, 165—179.

лей и садов князьям Чхотуа. Так, Зурабу Чхотуа продали: Каламат Маткава — виноградный сад, около 1854 года, Гопаа Цава — также виноградник в 1858 году, Квития Табагуа — поле в 1862 году, Меде Кобалия — «родовой участок» за 40 руб. Гудум Цхуцхубая продал участок земли Гаде Чхотуа в 1862 году за 20 руб.; Цуту Иаргуния виноградный сад — Бате Чхотуа. Такое же явление наблюдалось в селении Тагилони по отношению к князьям Анчабадзе. Здесь феодалу Темуркве Анчабадзе продали: Кучу Папаскири — сад за 100 руб. в 1838 году и Пакерия Папаскири — всю свою землю. Манучар (Манча) Анчабадзе рассказывал сословно-поземельной комиссии, что анхаю отдавали в залог свои участки, и если должники не в состоянии были выкупить их обратно, то эти земли переходили к кредиторам. Сам он, «имея надобность увеличить пространство своего усадебного места», купил виноградный сад у Гунджуа Шаганидзе за 20 руб., а в 1865 году у Петра Дзадзба виноградный сад за 10 руб. Ему же продал свою землю и Абраги Джемжурия²⁵⁸.

В с. Бедия Георгий Бочуа в 1850 году продал виноградный сад Гудзу Эшба за 60 руб. В том же селении Кучурия Сангулия за долг в 70 руб. в 1863 году отдал Мацу Алан землю с виноградным садом; Тугу Ткебучава продал виноградный сад Хутунию Шервашидзе. В с. Царца Цугу Кварацхелия продал виноградный сад Эристо Анчабадзе за 20 руб. В с. Гали Багыр Дарсания продал Дзвадзву Маргания сад за 10 руб. около 1864 года. В с. Чхортоли Тохвала Зухбая продал за долг «родовой участок» Мурзакулу Эмухвари. В с. Чубурихинджи Качуния Полония продал виноградный сад своему помещику Темуркве Акиртава. Джурумия Гвагвалия продал сад и пашню дихазургскому дворянину Бакуре Маргания. Мухурский анхаю Пепо Кварацхелия продал «родовой участок» Эристо Анчабадзе. В с. Поквеш Самаква Бутба продал виноградный сад Кацу Ачба за одну кобылицу, а тот в свою очередь продал сад илорскому крестьянину Бате Пачулия. Члоуские анхаю Мадлей и Самаква Цвижба продали виноградный сад Беслану Ачба за 8 или 10 коров в 1863 году. В с. Ткварчели Пакия Аргун в 1868 году отдал свой участок под посев кукурузы сроком на 1 год Пшкану Ачба. В с. Звандрипш анхаю Хынтба продали Кацу Званба сад за 20 дней пахоты, а в с. Чаабалурхва Джадж Анкваб продал весь свой сад князю Чаабалурхва за 7 коров и переселился в с. Маркула²⁵⁹.

Особенно показательны единичные факты, когда анхаю зависимые от одних и тех же помещиков, продавали свои пашни и сады другим помещикам. Так, в с. Бедия в 1866 году подвластный князьям Шервашидзе Кутруа Хахубая продал

²⁵⁸ ЦГАА. ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 13, 91, 139—156, 190—190 об., 193 об.

²⁵⁹ Там же, лл. 139—156, 184—186 об., 189—189 об., 193—194, 200.

свой виноградный сад дворянину Джамлету Эшба за дойную корову с теленком. Земля, приобретенная анхаю тем или другим обычным путем, переходила по наследству не только по прямой нисходящей и восходящей линиям, но нередко и в линии боковые. Причем, по обычаю, усыновление заменяло кровное родство: усыновленный вступал во все права родного сына того лица, которое его усыновило. Надо сказать, что князья и дворяне, старавшиеся в своих интересах установить «родственные» отношения с состоятельными анхаю, очень часто пользовались этим правом. Сословно-поземельная комиссия собрала интересные факты и по этому вопросу. Так, когда гальский анхаю Кутут Джинджия умер без наследников, то Джамлет Маргания завладел имуществом и землей последнего как своего воспитателя²⁶⁰.

Лица женского пола исключались из наследования недвижимым имуществом. При этом, однако, как вдовы, так и дочери умерших имели право оставаться дома до смерти или выхода замуж и получать необходимое содержание. При выходе же замуж дочери умершего имели право на получение от наследников этого последнего приданого, в зависимости от размера имущества, оставленного отцом. В других случаях вдова и дочери умершего крестьянина пользовались до выхода замуж или же, в случае невыхода, до смерти всем имуществом умершего, которое затем уже переходило к наследникам. Комиссия приводила показания ткварчельских, члоуских и моквинских князей Ачба (Анчабадзе), которые утверждали, что наследование между анхаю не ограничивалось никакой степенью родства. То же самое говорили джгёрдинские князья Маршания²⁶¹.

Приведенные и другие факты изобличают депутатов абхазского дворянства, которые в своей записке категорически утверждали, что наследовать анхаю мог только его сын, а также родной брат, если он не был отделен; дочери же поступали в прислуги помещика, который выдавал их замуж.

Другим, явлением, говорившим о том, что крестьяне анхаю в целом еще не были закрепощены, что также категорически отрицалось депутатами абхазского дворянства, было право перехода их от одного помещика к другому, из одной местности в другую. Данное право, как мы видели, перед реформой было уже в значительной степени ограничено, и это был один из ярких показателей процесса закрепощения анхаю. Но, тем не менее, как бы не препятствовали помещики, оно в известной степени сохранялось, особенно в некоторых районах Абхазии. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, запечатленные в наших источниках. Ряд из них будет приведен в разделе об асасстве и классовой борьбе. Надо сказать, что

²⁶⁰ Там же, лл. 139—156, 192 об.

²⁶¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 33—34.

существование большого количества крестьян-асасов («гостей») в Абхазии в значительной мере объяснялось именно сохранением указанного права крестьянства. Здесь мы сошлемся лишь на некоторые примеры, наиболее показательные с точки зрения характеристики рассматриваемого вопроса. Крестьяне с. Эмхы, недовольные действиями своих феодалов, в знак протеста оставили места своего поселения и направились за р. Бзыбь. Они согласились вернуться обратно лишь тогда, когда Кац Маргания дал твердое обещание, что права их ни в чем не будут нарушены²⁶². Около 1861—1862 годов в с. Звандрыпш 8 дымов анхаю Хынтба перешли к владельцу Абхазии от Кизилбека Маргания из-за нарушения последним «их права переходить в другую подвластность лишь по своей воле». От бедийских ашнакума Алан ушло 20 дымов анхаю в соседние селения²⁶³.

* *

*

Общий процесс усиления закабаления анхаю, который заметными темпами шел в XIX столетии, находил свое яркое проявление и в росте отбывавшихся ими повинностей, принимавших наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации. Анхаю, количественно составлявшие основную массу по отношению ко всему населению Абхазии, несли львиную долю повинностей, являвшихся важнейшим источником богатств феодального класса страны. Эти повинности были значительно меньше тех повинностей, которые несли крепостные крестьяне (ахоу), но тем не менее и они по сути дела не были нормированы.

Основой эксплуатации крестьянства помещиками, как и всего феодального строя, являлась феодальная собственность на землю. Из этого взаимоотношения между абхазскими помещиками и крестьянами вытекала и личная зависимость, и внеэкономическое принуждение последних первыми, хотя такое внеэкономическое принуждение и составляло характерную черту крепостнического строя.

В. И. Ленин писал: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим...»²⁶⁴, т. е. феодальный способ производства.

Таким образом, значение внеэкономического принуждения

²⁶² (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега)... С. 11, прим. 12.

²⁶³ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 179, 231.

²⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.. т. 3, с. 7.

сводилось к тому, что оно являлось средством получения феодальным землевладельцем феодальной ренты от самостоятельного мелкого хозяина, а им является при феодальном способе производства всякий крепостной или зависимый человек²⁶⁵.

Надо сказать, что в Абхазии указанные отношения между помещиками и анхаю, как и некоторыми другими крестьянскими категориями, также часто были замаскированы родо-патриархальными пережитками. Всевозможные повинности анхаю порой выступали в форме «взаимопомощи», «угощения», «подарков» и пр.²⁶⁶ Крестьяне будто бы «помогали» своему помещику в знак «уважения» или в силу ранее установившихся псевдородственных связей. Еще недавно можно было встретить стариков, которые, стремясь доказать «чистоту» своей фамилии, утверждали, что приношения и служба анхаю вообще были «добровольными».

Накануне крестьянской реформы отдельные анхаю категорически отрицали свою зависимость от того или иного помещика и свои повинности объясняли именно указанными выше мотивами. Вот что мы читаем в этом отношении в «Проекте программы для действий комиссии, учрежденной для определения личных и поземельных прав туземцев Сухумского отдела»: «Высшие сословия претендуют на подвластность им анхав». Эти же последние стараются доказать, что если они имеют некоторые обязательства относительно высших сословий, то возникшие не вследствие подвластности, а вследствие различных добровольных и обоюдных условий между ними при составлении союзов для защиты от нападения извне и что «только со времени последнего владетеля Михаила Шервашидзе многие из пользовавшихся его покровительством лица высшего сословия стали требовать и собирать от анхав силу поборы, называемые податью»²⁶⁷.

Аацынские анхаю Агрба, Малия и Джугелия, совершенно отвергая свою подвластность аамста Акиртаа, полевые работы и приношения ажидз, отбывавшиеся ими в пользу последних, объясняли «не обязательностью, а или родством по воспитанию, или уважением к Акиртаа, как к аамиста»²⁶⁸. Свою зависимость от тех же дворян Акиртаа отрицали и 40 дымов анхаю Цугба, а 27 дымов Отырба, в том же с. Аацы, — от дворян Багба²⁶⁹.

Подобные заявления перед реформой царские чиновники нередко принимали за чистую правду, а иные из них просто

²⁶⁵ Сказкин С. Д. Феодальная собственность и внеэкономическое принуждение. Средние века, V. М., 1954, с. 7.

²⁶⁶ Между прочим, повинности, отбывавшиеся адыгейскими тфэкотлями, также наивно считались «добровольными», «единственно из уважения к званию князя» (Леонтович Ф. И. Указ. соч., с. 123).

²⁶⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 180, лл. 31—39.

²⁶⁸ Там же, 1876 г., д. 1408, лл. 5—15.

²⁶⁹ Там же, д. 1392, лл. 2—11.

хотели воспользоваться ими для обоснования своего предвзятого мнения.

Однако в языке самих крестьян существовала специальная терминология для обозначения повинностей. Так, всякая работа по обязанности, барщинная повинность называлась ахаза (ахаза), а приношения продуктов крестьянского труда помещику — ахугара. Анализ этих терминов очень важен для выяснения эксплуататорской сущности повинностей крестьян и развеяния легенды о том, что эти повинности выполнялись в знак «уважения» к патрону²⁷⁰. «Ахаза» значит «пóдать владелью» (владыки, господина), буквально — «для владельца» (владыки, господина). Слово же «ахугара» состоит из двух основ: «аху» — пища или доля и «агара» — нести.

Помещики, используя пережитки дофеодалного быта для присвоения прибавочного труда или продуктов непосредственного производителя, отдавали своих детей на воспитание крестьянам — «аадзара» (аталычество). Причем очень часто одно и то же лицо (ахуьха) одновременно отдавалось нескольким семьям. С другой стороны, некоторые из крестьян имели по три, четыре и даже более таких приемных ахупха. Крестьянская семья, взявшая на воспитание сына феодала, становилась «родственной» последнему, т. е. фактически зависимой от него. Характерно было и то, что не только аталык (воспитатель), но и все члены его группы вместе с ним считались воспитателями этого лица, а иногда даже целая община на этой почве считалась в родственных отношениях с ним²⁷¹. Подобные «родственные» связи устанавливались также путем «усыновления» (ахуьхара)²⁷², «удомашнения» (аонадара)²⁷³ и т. д.

Заключение таких «родственных» отношений сопряжено было для крестьян с установлением и определенных обязанностей по отношению к феодалам. К подобным «родственникам» помещик всегда обращался «за помощью» при каждом своем затруднительном положении: в хозяйственной работе, в совершении кровомщения²⁷⁴, в уплате долгов и штрафов, во время свадьбы, поминок²⁷⁵ и пр. В частности, при выходе воспитанницы замуж воспитатель принимал самое активное участие в составлении приданого, в которое иногда входили даже рабыни.

²⁷⁰ Фадеев А. Хозяйство и двор абхазского помещика... С. 124.

²⁷¹ Инал-ипа Ш. Д.: Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, с. 29.

²⁷² «Ахупхара» — посредством торжественной церемонии целования женской груди то или иное лицо становилось «родственником» данной крестьянской семьи.

²⁷³ «Аюнадара» — почти то же самое, что и «ахупхара».

²⁷⁴ Молочные братья, рискуя жизнью, должны были мстить за кровь воспитанника.

²⁷⁵ В этих случаях обычно приводилось жертвенное животное — корова или бык.

Материальные отношения аталыка с воспитанником выражались далее в форме регулярных приношений со стороны крестьян, т. е. доставке членами «родственной» группы аталыка, особенно в определенные дни года, всевозможных «подарков» и приношений. Если крестьяне не выполняли обязанности по регулярной доставке своему воспитаннику тех или иных приношений, то этим они навлекали на себя немилость «покровителя», чреватую опасными для них последствиями. Вместе с тем закон гостеприимства применялся к членам «родственной» группы воспитанника в самых широких размерах: воспитанник или другие члены его семьи часто наезжали к аталыку в сопровождении целой свиты, оставаясь у него жить сутками, а то и больше; причем хозяин прилагал все усилия, чтобы прием гостей был щедрый и богатый. Например, когда бы ни приезжала мать воспитанника в дом аталыка, он обязан был ежедневно резать ей каплуна либо барашка, или положить ей на стол почетную часть мяса — лопатку от зарезанного в ее честь рогатого скота и т. д.²⁷⁶

Кроме того, «усыновленные» князья и дворяне старались присвоить себе выморочное хозяйство крестьян-аталыков даже тогда, когда имелись налицо неоспоримые наследники из числа близких родственников умершего²⁷⁷.

Имея в виду все это, историк М. Т. Джанашвили писал: «Благодаря этому обычаю, усиливались и сами аристократы, так как они приобрели через это в крестьянах самых верных себе сторонников, а жены их освобождались от тягостной обязанности воспитания и кормления собственных своих детей. Поэтому-то в Абхазии нет ни одного крестьянина, который не воспитал бы одного или нескольких князей и дворян; вследствие этого обычая едва ли наберется 1 процент дворян, вскормленных грудью собственных матерей»²⁷⁸. Между прочим, это было распространенным явлением среди многих кавказских народов. Например, кабардинские князья и уздени также не воспитывали дома своих детей²⁷⁹.

Вот почему между феодалами часто происходила борьба за аталыков. В конце 60-х годов XIX века куланурхвинский дворянин Гды Лакрба из рода Балхух-ипа начал теснить дворян Лакрба из рода Елкан-ипа, «отвлекать подвластных крестьян тем, что отдавал им на воспитание своих детей и через это родство приобретал на них влияние»²⁸⁰.

В 1935 году 105-летняя Елыф Кобахия, рассказывая о бес-

²⁷⁶ См.: Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. — Труды АИЯЛИ, 1956, в. XXVII, с. 88.

²⁷⁷ См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 149.

²⁷⁸ См.: Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. — ЗКОРГО, 1894, кн. XVI, с. 19.

²⁷⁹ Гардаиов Б. А. Материалы по обычному праву кабардинцев, с. 358.

²⁸⁰ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870. д. 5, лл. 2—3.

правном положении женщины в старой Абхазии, говорила: «Когда у крестьянки рождался ребенок и об этом узнавал князь или дворянин, которому в эти же дни княгиня даровала сына или дочь, то крестьянку-роженницу ставили в такие условия, что она вынуждена была своей грудью кормить княжеского сына; причем во время кормления родной ребенок не имел права коснуться груди матери... Все это называлось молочным родством крестьянина с дворянином»²⁸¹.

Далее приведем еще несколько конкретных фактов, иллюстрирующих отдельные стороны рассматриваемого вопроса. В начале XIX века князь Темулка и Аслангир Анчабадзе, впад в долги, обратились за помощью к владельцу Абхазии Сафарбею Шервашидзе. Тот выплатил их долги и получил участок земли в междуречье Галидзги и Адзиква и начал строиться в с. Акуася. По другим данным, эту территорию Сафарбей захватил силой, вырубил лес и построил Очемчиры. Владелец начал постепенно пользоваться соседними местами, например, левым берегом Галидзги — «Илорской землей», «и, наконец, совсем их присвоил». Он предложил и жителям с. Маркула давать ему с дыма по козе в год, под видом «усыновления». Сначала дали ему по козе немногие, на следующий год принесли ему такой «подарок» большее число людей, а потом это было обращено в аждз, и Сафарбей стал его требовать со всех крестьян, как должное. Почти к этому периоду относится и такой случай. Крестьяне Хубутия из с. Пахулани взяли на воспитание дочь саберийских князей Чхотуа Татику и тем «признали их покровительство». В одном документе мы также читаем, что анхаю Котуа Кварчия усыновил саберийского князя Манучара Чхотуа; внуки Кварчия и к моменту крестьянской реформы жили в с. Саберио, являясь подвластными названного помещика. В с. Дурипш один из анхаю Тванба был воспитателем ребенка дворянина Бежана Лакрба «и потому поступил под покровительство» Лакрба и «платил... повинность анхае»²⁸².

Самурзаканский крестьянин Хутут Джамгия был бездетным и, живя возле дворянина Джамлета Маргания, пригласил последнего к себе и «усыновил» его, что имело место, примерно, в 30-х годах XIX века. Когда Хутут умер, то родственники его взяли себе все имущество и землю умершего. Но спустя 10 лет Маргания «стал говорить, что, когда Хутут усыновил его, сделал условие, по которому Джамлет должен наследовать все имущество Хутута». У Джамлета оказалась какая-то бумага, но родственники умершего не признали этот «документ». Когда же Джамлет Маргания стал настойчиво требовать наследство Хутута, тогда родственник Хутута Шханква Джамгия ушел сперва в с. Царча, а оттуда в с. Гудау.

²⁸¹ См.: Симон Басария. Сухуми, 1984, с. 55.

²⁸² ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1370, д. 5, лл. 10, 13, 15, 126.

Многочисленная фамилия анхаю с. Аацы Цугба отдавала ахшбыр Константину (Хуршидбею) Шервашидзе, так как жена этого князя была на «воспитании» у одного из Цугба, хотя данная фамилия считалась зависимой от дворян Акиртава. Некоторые из «больших фамилий» анхаю сел, прилежавших к г. Сухуму, отдавали князю Г. Д. Шервашидзе ахшбыр «потому только, что были в родстве по воспитанию, с отцом или дедом его», а все повинности эти крестьяне отдавали своим ближайшим «покровителям» князьям Анчабадзе, Маршания, Дзапш-ипа и другим²⁸³.

Надо отметить и то обстоятельство, что в изучаемое время, когда буквально со всех сторон грозила опасность, да и по другим соображениям материального порядка и т. д., такое вступление крестьян под «покровительство» феодалов было явлением нередким, тем более, что обычай возлагал на воспитанника и его родных роль «действительного защитника» воспитателей. «Воспитанник, — писал М. Т. Джанашвили, — обязан защищать интересы своих воспитателей, т. е. той фамилии, член которой воспитал его. Он обязан, например, разыскивать потерянную вещь воспитателей, находить вора и взыскивать с него, и большой будет для него срам, если он не сумеет этого сделать. Точно так же, если его воспитателей обидит кто-нибудь и они, по слабости, не могут отплатить обидчику, то за них должен заступиться их воспитанник»²⁸⁴.

По описанию А. П. Черепова, патронат «пользовавшихся известностью ахалапшю» признавали «нередко многие общины, усыновляя и принимая на воспитание детей и родственников патрона. В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: ...ахалапшю увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством, готовых во всякое время поддержать значение союза силою оружия, а хипшы в нравственном влиянии и той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза»²⁸⁵.

Тем не менее это несколько не может заслонить тот факт, что в Абхазии в XIX веке институт аталычества потерял прежнее родовое содержание и был подчинен потребностям феодального общества.

В Абхазии, как и у многих кавказских народов, широко был распространен также обычай взаимопомощи — «ауаахв» (ауаахэ) или «киараз» (кьараз). Взаимная материальная поддержка друг другу проявлялась во всех важных случаях жизни: при выполнении хозяйственных работ (строительство жилых домов и хозяйственных построек, прядильная и ткацкая работы, изготовление бурок), при вступлении в брак, в случае смерти кого-либо из членов семьи и при всякого

²⁸³ См: ЦГАА, ф. 57, оп. 1, д. 5, лл. 172—173.

²⁸⁴ Джанашвили М. Указ. соч., с. 19.

²⁸⁵ Черепов А. П. Указ. соч., с. 403.

рода бедствиях. Особенно часто прибегали к взаимопомощи в сельскохозяйственных работах²⁸⁶. В первую очередь пахали и засевали поля вдов, сирот и больных, а затем участников работ по очереди. Существовали специальные песни («песня вспашки», «песня тохи»), исполняемые во время этих работ²⁸⁷. Надо сказать, что в то тревожное время практика взаимопомощи иногда диктовалась необходимостью обеспечения безопасности. Поэтому, отправляясь на работу, крестьяне брали с собой и ружье, которое вешали недалеко от себя на специальный кол; несколько же человек посылались в качестве сторожевой охраны на места, откуда можно было ожидать нападения врагов.

Некоторые сведения по этому вопросу мы находим у А. Н. Введенского, который практику трудовой взаимопомощи связывал главным образом с подбивкой кукурузы. Так как эта работа довольно трудная, то «она производится обыкновенно при пособии соседей; такой порядок полевых работ существует впрочем не только в Абхазии, но и в Мингрелии, где он носит название но́ди». Вечером, накануне дня, когда хозяин предполагал заняться подбивкой кукурузы, он обращался к своим соседям с просьбой об оказании ему помощи. На другое утро, с рассветом, собиралось человек 30—40, со своими тохами. С песнями они принимались за работу, и работа кипела до захода солнца. По окончании работы устраивался ужин, продолжавшийся нередко до утра. В августе и сентябре месяцах «в каждом селении ежедневно можно слышать несколько подобных пирушек»²⁸⁸.

Начальник Сухумского отдела генерал В. А. Гейман в своем отчете за 1876 год также указывал, что обработка земли в крае производилась «большею частью в виде дневного труда (помощью), на который взаимно связываются все соседи, причем им готовится угощение»²⁸⁹.

И этот обычай, практиковавшийся в крестьянской среде в форме взаимопомощи, в виде коллективного труда, для абхазских феодалов, а также крестьянской верхушки служил средством эксплуатации, несмотря на всю его патриархальную окраску. При каждом удобном случае (постройка дома, свадьба, поминки и пр.) феодал созывал всех подвластных крестьян, причем для многих из них, связанных с феодалом узами усыновления или аталычества, оказание такой помощи было обязательным²⁹⁰.

²⁸⁶ См.: Чурсин Г. Ф. Указ. соч., с. 15—16.

²⁸⁷ Аджинджал И. А. Взаимопомощь в абхазской деревне. Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 2, д. 13.

²⁸⁸ (Введенский А. Н.). Экономическое положение... С. 6—7.

²⁸⁹ ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79—116.

²⁹⁰ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины. — Кавказский этнографический сборник, т. I. М., 1955, с. 115.

Феодалы пользовались также другими видами обычаев, среди которых наиболее существенным было асасство (гостеприимство). Эксплуаторская сущность этого обычая выражалась прежде всего в том, что он приобретал характер едва ли не самого тяжкого вида оброка: феодал во всякое время мог заезжать к своему крестьянину, который обязан был принять помещика «должным образом» и накормить вместе со всей его свитой. Для такого «почетного гостя» — асаса крестьянин нередко жертвовал последней скотиной, приносил последнюю горсть зерна, а если сам не имел этого, то добывал у другого. Феодал одним таким своим «посещением» часто уничтожал годовой запас продовольствия того или иного крестьянина²⁹¹. Начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг в рапорте на имя М. С. Воронцова 7 сентября 1846 года писал, что при указанных случаях «в один день истреблялся труд целого года, туеядцы питались на счет трудолюбивых»²⁹².

С другой стороны, согласно тем же абхазским обычаям, крестьянин, по тем или иным причинам уходя от своего владельца, мог прибегнуть к «покровительству» другого лица, к которому он являлся очень часто именно под видом асаса. Однако такое «покровительство» крестьянам-асасам как это имело место и в Кабарде²⁹³, было выгодно опять-таки феодалам, которые таким путем приобретали в лице крестьян — «гостей» дополнительный объект эксплуатации. В то же время указанное явление несколько сдерживало феодалов от чрезмерной эксплуатации, от вопиющих нарушений установленных обычаем норм эксплуатации и зависимости.

Таким образом, зависимость и эксплуатация анхаю феодалами сильно маскировались патриархально-родовыми приемами. Отчуждение прибавочного труда или продукта непосредственного производителя в этом случае выступало в виде «дарения» и «добровольного» приношения. Надо сказать, что отмеченное явление — маскирование отношений личной зависимости псевдородственными связями имело широкое распространение вообще среди кавказских горских народов. Как отмечается, например, в «Истории Кабарды», сложившиеся в родовом обществе Кабарды обычаи (взаимопомощь, гостеприимство, аталычество и др.) феодалы превратили в повинности, возлагаемые на крестьян²⁹⁴. В «Очерках истории Адыгеи» также подчеркивается, что в Адыгее «эксплуатация народных масс осуществлялась в самых разнообразных формах под покровом различных родовых обычаев и традиций»²⁹⁵.

²⁹¹ Дубровин Н. Указ. соч., с. 45.

²⁹² ЦГВИА, ф. ВУА, 1846 г. д. 6597, лл. 84—85.

²⁹³ Материалы по обычному праву кабардинцев, с. 366—367.

²⁹⁴ История Кабарды. М., 1957, с. 96.

²⁹⁵ Очерки истории Адыгеи, т. I. Майкоп, 1957, с. 177.

Закрепощение анхаю тем или иным путем было целью каждого помещика, ибо чем больше анхаю было у того или иного помещика, тем прочнее было его экономическое и общественное положение. Мы располагаем значительными данными относительно стремления феодалов в этом направлении. У нас нет недостатков в сведениях и об эксплуатации анхаю, о причинах, заставлявших часть их переходить на более низкую ступень социальной лестницы.

Закабаление анхаю в предреформенный период тем быстрее росло, чем заметнее становились товарно-денежные отношения. Вместе с тем царизм, социальная политика которого по отношению к крестьянству шла по линии увеличения и укрепления над ними власти князей и дворян, много способствовал этому явлению.

Член Сухумской сословно-поземельной комиссии подполковник Шредер в «Особом мнении», поданном им в комиссию 14 сентября 1867 года, писал: «...с тех пор, как в Абхазию стали проникать русские начала, прежний порядок вещей пошатнулся, новый же не успел окончательно водвориться». Начало данного явления он относил к концу первых годов княжения М. Шервашидзе, т. е. очевидно, к 30-м годам XIX века²⁹⁶.

А. П. Черепов также подчеркивал, что именно с указанного времени «добровольные приношения анхаю стали принимать вид обязательной дани во всех тех случаях, когда патрон, считая себя сильным и ссылаясь на примеры, делался требовательным...»²⁹⁷. Это сообщение Черепова надо понимать в смысле усиления эксплуатации анхаю, ибо и до 30-х годов XIX века «приношения» этих крестьян, конечно, не носили «добровольный характер».

Дворянин Ламкац Званба из с. Звандрипш поселился в с. Дранда (Цкыбын) в качестве управляющего владельческим имением при Зурабе Шервашидзе (Чачба) или в начале княжения племянника последнего Келешбея Шервашидзе. Ему было поручено «собирать в его (Келешбея.— Г. Д.) пользу повинности с тамошних жителей... и анхае, переселенных туда самим Келеш-беем»²⁹⁸. Таким образом, эти повинности для анхаю носили отнюдь не добровольный, а обязательный характер. Такой же строго регламентированный характер носили обязанности анхаю полвластных и сыну Келешбея Хасанбею, который, по утверждению А. В. Пахомова, «постановил (в 20-х годах.— Г. Д.): во-первых, чтобы эти анхае давали в пользу его... пастухов по три бичуквы (кошелки) кукурузы и по два апхала (кувшина известной меры)

296 См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 180, лл. 213—221.

297 Черепов А. П. Указ. соч., 407.

298 Пахомов А. Записка... С. 384.

вина, во-вторых, чтобы они на праздник пасхи приносили Гасан-бею по ягненку или козленку»²⁹⁹.

А. Н. Введенский подчеркивал, что владетель Абхазии М. Шервашидзе, сильный поддержкой царских войск, проявлял большой произвол; в период его княжения «все обычные сословные отношения были нарушены». Другие феодалы старались делать то же самое относительно «всех ниже их стоящих сословий»³⁰⁰.

По мере развития торговли, средств сообщений и связи и пр. происходил рост потребностей помещиков³⁰¹, имевший своей обратной стороной усугубление эксплуатации крестьянства; так как источником удовлетворения этих потребностей являлся тот же труд крестьянина. Рассматривая аналогичный процесс в истории Германии, Ф. Энгельс писал, что происходит «новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляется и все усиливается стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных, а общую землю за марки в господскую землю»³⁰².

Повинности анхаю, как и других крестьянских категорий феодальной Абхазии, как уже отмечалось, не были урегулированы письменным правом. Они основывались исключительно на обычаях и традициях, и в них теперь усиленно вносились изменения феодалами.

Уже отмечался факт о том, как владетель Абхазии Сафар-бей (Георгий) Шервашидзе в начале XIX века постепенно закабалил тех крестьян, которые жили в селах, расположенных около м. Очемчиры: сперва он заставил их давать ему «подарки» и скоро эти «добровольные приношения» были превращены в повинность (ажидз), которую владетель начал требовать со всех указанных крестьян «как должное»³⁰³.

В 20-х годах князь Нарчоу Инал-ипа, обширные владения которого были раскинута в низовьях р. Бзыби, пытался обложить натуральной податью всех крестьян, признававших его патронат. А. П. Черепов, сообщавший этот факт, указывал, что многие анхаю «по беззащитности и раздробленности рода подвергались такому насилию»: феодалы заставляли их отдавать повинности «высшего разряда». Вообще появление «категории: платящих и не платящих повинностей» анхаю он рассматривал как результат насильственных действий «силь-

²⁹⁹ Пахомов А. Указ. соч., с. 285.

³⁰⁰ (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега)... С. 10.

³⁰¹ С. И. Пушкирев, сведения которого относятся к 1853 г., констатировал: «Сюда (в Сухум. — Г. Д.) привозятся теперь почти все потребности роскоши и первой необходимости, от дорогих шелковых тканей до самого грубого бумажного полотна, от английского фарфора до глиняных турецких кувшинов, от лучшего французского вина до картофеля и луку включительно» (ЗКОРГО, кн 2, 1853, с. 161).

³⁰² Энгельс Ф. Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем мог бы он быть? Госполитиздат, 1939, с. 15.

³⁰³ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 102—103.

ных» и «требовательных» «патронов». И те «отстаивали все права, какие оспаривались другими сословиями»³⁰⁴. На это обстоятельство указывается и в одном документе, носящем характер инструкции и относящемся к 60-м годам, в котором говорится: «Немало есть и таких, кои принуждаются к платежу беззащитностью, т. е. насилем»³⁰⁵. В другом документе такого же характера и того же периода читаем: «Количество и виды натуральных повинностей, отбываемых зависимым сословием, довольно много различны... Несоразмерность повинностей в сравнении с другими жителями селений, поневоле принужденными платить то, что владелец признавал для себя нужным увеличить»³⁰⁶.

Во время пребывания Хасанбея Шервашидзе в Сибири, куда он был сослан в 1827 году, дворяне Званба подчинили себе драндских анхаю. Вернувшись из Сибири, Хасанбей не лишил Званба права пользоваться повинностями этих крестьян. Но вместе с тем он обязал их³⁰⁷, сверх того, давать в пользу его пастухов, пасших стада в с. Цкыбын (Дранда), по 3 кошелки кукурузы и по 2 кувшина (апхал) вина³⁰⁸. Кроме того, во время пасхи каждый дым крестьян анхаю дворян Званба обязан был приносить князю Д. Г. Шервашидзе, «сообразно состоянию», барашка, козленка или курицу³⁰⁹. Таким образом, в одном и том же имении были анхаю, подвластные и князю Шервашидзе, и дворянам Званба.

В документах зафиксировано постоянное стремление князей Эмхаа (Эмухвари) увеличить повинности всех анхаю с. Эмхы, а дворян Званба (с. Звандрипш) — обложить анхаю Чкок повинностями. Анхаю Брандзе, выходцы с Ингури, прибыли под покровительство Ницундской церкви и в качестве асасов поселились в с. Лдзаа. Но в августе 1867 года князь Тамшуг Инал-ипа потребовал с этих крестьян повинности, и они, как «малосильные, не могли сопротивляться». Причем Абуг Брандзе «был передан» Тамшугу Инал-ипа с разрешения начальника Бзыбского округа³¹⁰.

Тенденция помещиков повышать подати и повинности анхаю нашла свое отражение и в записке их депутатов от 23 марта 1870 года. В этом документе утверждалось, что все анхаю должны были выходить на работу, на владетельскую запашку, от 6 до 10 дней в год, а также по 1 человеку с каждого дыма на сбор кукурузы, винограда и пр. до окончания всего сбора. Интересно заметить, что во время опроса Сухумской сословно-поземельной комиссией князя Маршания по-

³⁰⁴ Черепов А. П. Указ. соч., с. 407—408.

³⁰⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1880 г., д. 1033, л. 5.

³⁰⁶ Там же, 1873 г., д. 403, л. 2.

³⁰⁷ См.: Количество дымов этих анхаю А. В. Пахомов считал 28 (Жибба, Аргун, Пшаа, Бгеу и др.).

³⁰⁸ См.: Пахомов А. Записка... С. 285.

³⁰⁹ См.: ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, л. 204.

³¹⁰ См.: ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 123 об. — 124, 180—182.

казали не более 5 дней всей работы анхаю, а князя Эмухвари — 6 дней; при личных же объяснениях с председателем комиссии полк. И. Д. Краевичем князь Мсоуст Маршания, по-видимому, под влиянием других князей, показал, что анхаю должны работать по 3 дня **каждому** из 9 семейств гупских Маршания, таким образом — 27 дней, и что если бы анхаю не вышли на работу все это количество дней, то Маршания могли взять с них штраф. Впоследствии же, при разъяснении этого обстоятельства в присутствии анхаю, князь Маршания свое показание значительно изменил. Данные о повинностях анхаю, приведенные в названной записке, были взяты из описания этих повинностей, представленного в Сухумскую сословно-поземельную комиссию одним из депутатов — Титу Маргания. Это описание расходилось с прежними показаниями двух других депутатов, подписавших записку³¹¹.

Предания также сообщают нам немало фактов о стремлении помещиков расширить сферу своей феодальной эксплуатации, усилить крепостнические отношения в Абхазии. Историческое свидетельство особо выделяет княгиню Кесария Шервашидзе, которая пыталась в Абжуйской Абхазии усилить «крепостничество так же, как это было в соседней Одиши», т. е. Мегрелии. Однажды княгиня потребовала от анхаю с. Атара Квициния по одному кувшину вина. Крестьяне начали приносить вино. Но вот наступил год неурожая винограда. Кесария, чтобы крестьяне не забыли о своем «долге» и чтобы «вести его в привычку», предложила анхаю Квициния приносить по одному кувшину воды и вылить ее в княжеском дворе. С члоуских анхаю Адлейба, пасших стада зимой в местности Наа, она также начала взимать подати (ажидз). Сын Кесарии Григорий Шервашидзе, по примеру своей матери, тоже пытался усилить эксплуатацию и ввести новые подати. Так, от крестьян, дававших ему по козленку, он стал требовать по корове³¹².

Усиление эксплуатации анхаю, кроме вышеуказанных причин, часто происходило также на почве долгов, штрафов и пр. Комиссия генерала Понсэ, отмечая существование анхаю «двух родов», указывала, что крестьяне первой группы были обязаны повинностями за выкуп из плена, за уплату долгов и пр. На это обстоятельство указывали и члены Сухумской сословно-поземельной комиссии³¹³.

Еще при владетеле Сафарбее Шервашидзе князя Георгий и Даруква Инал-ипа оказали анхаю с. Блабурхва Барцыц какую-то помощь, вследствие чего последние обязались платить им по козленку, перестав давать его дворянам Блаб, которым теперь давали только козу. Однако Инал-ипа «стали

³¹¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 32 об., 43—45.

³¹² См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 258.

³¹³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.

очень требовательны», в результате чего некоторые крестьяне из фамилии Барцыц около 1853 года пытались бежать из своего села³¹⁴. В с. Чугурхва анхаю Чахмат Шамба, считавшийся подвластным Чугба, впал в долг. Кизилбек Маргания уплатил этот долг, вследствие чего названный крестьянин сделался его зависимым. Крестьяне Габля, вышедшие из Самурзакано, жили в с. Эмхы в качестве асасов. Кац Маргания (Маан) позволил им переехать в с. Хуап и жить там на тех же правах. Но скоро один из них провинился и должен был заплатить штраф в 8 коров. Маргания заплатил за него штраф и объял всех Габля за это платить ему повинности регулярно³¹⁵.

Депутаты дворянства Абхазии в своей известной докладной записке сообщали, что Кац Маргания купил у дворянина Хусейна Лакрба анхаю Маца Агрба за 300 руб. При выяснении этого факта Сухумской сословно-поземельной комиссией путем опроса представителей помещиков и крестьян, депутаты от анхаю опровергли его и дали такую справку: около 1845 года Мац Агрба подрался со своим братом во дворе владетеля, за что должен был заплатить штраф — одного мальчика ростом в четыре четверти (200 руб.), одного ростом в пять четвертей (250 руб.) и одного — в шесть четвертей (300 руб.). Агрба бежал к Кацу Маргания; и так как он не мог заплатить указанного штрафа, то владетель подарил его дворянину Маргания³¹⁶. Джирхвинские анхаю Атейба, желая выкупить своего брата из неволи, обратились за помощью к тому же Кацу Маргания. Воспользовавшись этим, Маргания наложил на названных крестьян ажидз: корзину кукурузы, козу и козленка³¹⁷.

В 1860 году в с. Саберио Леван Шервашидзе украл у Зураба Эмухвари лошадь и привел ее в дом пиоши Ухулаия Парулуа. Так как Эмухвари нашел свою лошадь у Парулуа, то потребовал с него, как с вора, уплаты штрафа. Но у Парулуа не было средств для этого, и З. Эмухвари забрал его к себе, а скоро, нуждаясь в деньгах, предложил Учану Анчабдзе, который заплатил штраф за Парулуа и взял его домой³¹⁸. Князья и дворяне, делая долги, часто своими поручителями выставляли анхаю, что нередко для последних кончалось полным разорением и даже продажей в рабство, против чего, как это будет видно в разделе о классовой борьбе, решительно выступали крестьяне³¹⁹.

314 См., напр., Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. — ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1880 г., д. 1033, л. 5.

315 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 124—124 об., 136.

316 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 36.

317 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 137.

318 Там же, л. 134.

319 Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала целый ряд конкретных фактов, характеризующих это явление (См.: Там же, лл. 30—40, 134—138 и др.).

Иногда феодалы устраивали набеги на селения своих должников или их поручителей из князей и дворян и забирали в плен крестьян, в том числе и анхаю. Князь Уту Шервашидзе был много должен, поручителем его по некоторым делам являлся царченский князь Зураб Анчабадзе. Чтобы рассчитаться со своим поручителем кн. Шервашидзе, по-видимому, в начале XIX века напал на ткварчельских анхаю Кварчия, взял силой двух братьев и двух сестер и отдал их Зурабу Анчабадзе. Балхуху Анчабадзе был должен Учардии Чхолария из с. Мухури. Тот с помощью Дзадзвалы Маргания, поручителя Анчабадзе, требовал уплаты своего долга. Князь Анчабадзе имел несколько телохранителей, в том числе и царченского пиоши Тукву Малания, который, вместе с тем, являлся его молочным братом. Анчабадзе сговорился с Маргания, чтобы тот «напал» на него, Анчабадзе, когда он будет в с. Джгерда, захватил в плен Малания и отдал бы его Чхолария в уплату долга. Маргания так и поступил. Но вскоре Малания бежал в с. Окум, а царченские анхаю восстали и заставили Анчабадзе выкупить своего односельчанина. В с. Звандрипш дворянин Кизилбек Маргания около 1862 года, задолжав владельцу Абхазии, передал ему трех своих анхаю Хынтба³²⁰.

Гудаевский дворянин Мсоуст Маргания был должен князю Алибею Шервашидзе. Маргания схватил анхаю Мако Дочия, подвластного царченскому князю Ламкацу Анчабадзе, когда тот пас свиней в с. Бедия, и отдал его Шервашидзе. Ламкац Анчабадзе, оскорбленный этим поступком, пришел в Гудаву и захватил в плен зависимых от Маргания крестьян Джагуа и Кардава. За этих двух поручились анхаю Акшба и Ачая. Но так как в это время оба пленника бежали, то Ламкац Анчабадзе захватил самих поручителей и отдал их князю Шервашидзе взамен Дочия, хотя, однако, вскоре он, под натиском крестьян, вынужден был выкупить поручителей и отпустить их домой. Вместе с тем наблюдалось стремление отдельных помещиков закрепить письменными документами усилившуюся эксплуатацию своих анхаю. Членам Сухумской сословно-поземельной комиссии удалось найти и приобщить к своим материалам несколько таких документов. В одном из них, данном Меде Кочиевичем Колбая князю Манучару Кочиевичу Чхотуа 28 августа 1857 года, говорится: «Между нами, вследствие некоторых причин, были неудовольствия, вы сердились на меня, но сего числа примирились со мною с требованием условия на усердную службу. Поэтому-то с этого времени обязываюсь перед вами этою подпискою служить верно и не входить в слушание и как пиош несет повинность помещику своему, таким же родом и я буду исполнять свою служебную обязанность. И в случае я отступлю от данного усло-

³²⁰ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 17, 20, 30—40, 231.

вия, то должен я быть наказан беспощадно как со стороны вас, так и со стороны местных судебных властей»³²¹.

Вот другая грамота, данная дворянином Кацом Маргания анхаю Мацу Агрба. В этом документе указывалось, что Агрба, как «собственный анхае», с самого детства служил Маргания хорошо. Феодал требовал, чтобы он и впредь служил ему таким же образом. Маргания обещал, что после его смерти Агрба с семейством будет освобожден от исполнения повинностей без выкупа, за исключением приношения одного барашка «в память и уважение»³²². Действительно, Мац Агрба был «отпущен на волю» сыном К. Маргания поручиком Титу Маргания в память «спасения царя» при покушении на него в 1866 году³²³.

В обстановке развития товарно-денежных отношений отдельные помещики стремились заменить натуральные повинности денежными, что являлось показателем первого появления денежной ренты. А. В. Пахомов, подсчитав общую сумму доходов князя Д. Г. Шервашидзе за 1857 год, замечал, что «здесь не сочтены разные мелкие и случайные доходы... Все эти доходы получались, большей частью, не деньгами, а натурой»³²⁴, следовательно, меньшей частью — деньгами. Почти повсеместным явлением была замена натуральных налогов акшбыр и ачма денежными. Так, например, владелец в Бзыбской Абхазии за каждую девицу при выходе замуж получал ачму в размере 6 коров и 6 руб.³²⁵ В выкупном свидетельстве, данном князем Григорием Шервашидзе крестьянам анхаю Квициния из с. Атара 24 января 1872 года, в перечне повинностей, отбывавшихся ими до объявления крестьянской реформы в Абхазии, между прочим, указывалось, что они были обязаны «приношением владельцу двух коз или по стоимости их деньгами»³²⁶.

Однако все это не может опровергнуть положения о натуральном характере в целом хозяйства Абхазии той эпохи. Общая сумма денежных доходов феодалов была весьма невелика. Как видно из приведенных ниже данных о повинностях, денежные платежи крестьян терялись среди многочисленных натуральных оброков. Феодалы все более и более проявляли заинтересованность в денежных доходах. Но получать эти последние не удавалось, поскольку у крестьян деньги отсутствовали или их было очень мало. Домашнее ремесло в основном удовлетворяло потребности крестьянства в промышленных изделиях.

Превращение же «продуктовой ренты в денежную ренту

321 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 18, 22, 30—40, 84—84 об.

322 Там же, л. 76.

323 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 41.

324 ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1868 г., д. 6/29, лл. 392—393.

325 Там же, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л. 11.

326 См.: Арх. АИЯЛИ, ф. 4, д. 86, лл. 3—4.

предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»³²⁷.

Вследствие всего вышесказанного у помещиков наблюдались, с одной стороны, рост общего количества зависимых анхаю и, с другой, увеличение закрепленной части этих крестьян. Вот данные об увеличении количества зависимых анхаю, например, в имениях владельца Абхазии М. Шервашидзе и его брата Ал. Шервашидзе. Генерал Е. Понсэ в записке от 2 июля 1866 года писал о М. Шервашидзе, что после 30-х годов, когда, как сообщал А. П. Черепов, произошло его «прочное водворение» в крае, «только присутствие войск и поддержка правительства позволили ему пользоваться доходами более тридцати лет, точнее — создать доходы, небывалые или ничтожные при прежних владельцах, и умножить число своих подвластных». Ал. Шервашидзе около 1841 года имел всего лишь 40 или 50 дымов анхаю, а к 1866 году их стало 318. Это происходило «переселением людей и другими путями»³²⁸.

Мы приведем также материал, говорящий о том, что вследствие общего процесса закрепощения анхаю объем и характер их повинностей были неодинаковы для отдельных прослоек данных крестьян. В одном случае эти повинности являлись относительно легкими и носили вид «добровольной почетной» службы, в другом — значительными и выступали откровенно в форме обязанности.

Об этом свидетельствовала комиссия генерала Понсэ. В цитированной выше «Сравнительной таблице» она крестьян анхаю делила на две группы: на «состоящих под покровительством» и «обязанных повинностями». Служба первой группы, т. е. высшего слоя, сводилась к тому, что крестьяне, принадлежавшие к ней, при выходе дочери замуж давали козу, корову; 2 дня в течение года работали на господина и т. д. Крестьяне же, составлявшие вторую категорию, помимо перечисленного, давали козу или козленка или козу, козленка и несколько пудов кукурузы³²⁹.

В инструкции, данной Горским управлением А. П. Черепову перед его отправлением в Бзыбскую Абхазию летом 1866 года с целью сбора материалов, необходимых для проведения крестьянской реформы, также указывалось на зависимое положение категории анхаю и подразделение ее на две прослойки. Названному чиновнику предписывалось «обозначить, сколько семейств анхае зависят лично от владельцев и отбывает им повинности...»³³⁰. Сам Черепов, как видели, доказывал, что крестьяне анхаю делились на две группы, обя-

³²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 361.

³²⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

³²⁹ Там же, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.

³³⁰ Там же, д. 1012 лл. 6, 7 об.

занные различными по величине повинностями. Для примера он приводил следующие факты: в с. Баца (Баца) анхаю Харазия давали потомкам Тоулах-ипа Чачба (Шервашидзе) тушу козы без головы, ног, кожи и внутренностей, а некоторые из фамилии Айба — по козьему бурдюку вина в урожайные годы; в с. Апцхва анхаю Тарба, Дбар и другие — по козе со двора дворянину Муты Маан (Маргания); обыкновенная повинность анхаю состояла из 1 козы и 2 дней полевой работы, самая же большая повинность — из 1 козы, 1 козленка, около 7 пудов кукурузы и 2 дней работы.

Вместе с тем Черепов писал, что ахылапшю («покровители») имели право получать от зависимых сословий: ажидз³³¹ — по 1 козе, имущество умиравшего «без рода и племени», ахшбыр — 1 корову за брак, в дни пасхи — шарпху³³² (яйца, сыр, кур). Ахылапшю «приглашал на помощь» крестьян во время полевых работ на 2 дня в году: лица, имевшие лошадей, сопровождали его в поездках. Кроме того, он имел право переезжать со своим семейством в зимнее время из одного села в другое на 2—3 недели и кормиться в них, что называлось «атача»³³³.

Ив. Аверкиев, констатируя наличие двух групп внутри категории крестьян анхаю, обязанности которых были «различны», писал, что у большинства владельцев анхаю были обязаны приношением ягненка летом и барана зимой, «или что может, соответственной впрочем ценности», а также, примерно, от 4 до 7 пудов кукурузы; работой 3 дня в году, конвоированием, «подарком» одной коровы за выход замуж девицы. Владелец пользовался и выморочным правом по отношению к анхаю. По адресу же второй группы анхаю автор указывал: «У некоторых князей и дворян вольные жители (анхаю. — Г. Д.) отбывали довольно большие повинности; напр., семейство вольного жителя обязано было обрабатывать определенное количество земли, убирать хлеб и доставить в дом землевладельца; вместо работы допускалась уплата кукурузой; ежегодная плата не ограничивалась ягнёнком и бараном, а вольный житель обязан был давать корову да определенное количество мер вина»³³⁴.

Из материалов Сухумской сословно-поземельной комиссии укажем лишь на одну записку, очень характерную в этом отношении. В данном документе, где крестьяне анхаю четко разделены на «два класса», одной из этих групп «присвоены были» следующие обязанности по отношению к владельцу: служить в доме последнего во время приезда гостей, прово-

³³¹ Черепов термин ажидз переводил как «свежее мясо»; его надо понимать точнее (буквально) — «живое мясо».

³³² Шарпху (шарпху) — предрассветная доля, пища.

³³³ Термин «атача» (атача) состоит из: «атазаара» (атазаара) — гостить, посещать, пребывать; «ачара» — кормиться, питаться.

³³⁴ Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 74.

жать и служить ему в поездках; крестьяне при выдаче своих дочерей замуж должны были являться к помещику с подарком — коровой, а самый бедный из них — бараном; кроме того, с каждого дыма один работник 3 дня в году (во время посева, очистки и уборки хлебных злаков) должен был работать на владельца. Анхаю «второго разряда», сверх всего этого, приносили с каждого дыма владельцу: от 5 до 10 пудов кукурузы или проса, от 1 до 3 кувшинов вина, 1 барана; весной — по 1 барашку, а для корма скота некоторые доставляли по 2—3 арбы чалы или сена³³⁵.

Надо сказать, что в составе низшей группы анхаю значительную долю составляли те из них, которые перешли в эту категорию крестьян, по обычаю, отдав все свое имущество помещику из категории ахоую. Причем особое положение занимали те, которые зависели от крестьян анхаю, в свою очередь находившихся в сильной зависимости от других лиц. Генерал Шатилов отмечал, что при неполном освобождении ахоую, зависевшего от анхаю, он делался анхаю, но оставался в зависимости от такого же анхаю, которому платил повинности «по местной норме»³³⁶.

Интересный конкретный материал, иллюстрирующий это явление, приводил А. В. Пахомов. В конце 60-х годов в с. Яштхуа жили 12 дымов анхаю Кецба, из которых только 6 дымов действительно принадлежали к фамилии Кецба, а остальные были бывшие их ахоую, но освободившиеся из этой категории и принявшие фамилию прежних своих владельцев. Все они были обязаны отбывать повинности в пользу Г. Д. Шервашидзе. Кроме того, на них предъявлял претензию и ашнакума Чрыгба. Бывший ахоую по имени Фафа также принял фамилию своих бывших владельцев Курик и в качестве анхаю поселился в с. Ачадара, став в зависимость от Кягусы Чрыгба. Так же по отношению к анхаю Амкваджь поступил бывший их ахоую Гыд, а Ханашв — по отношению к анхаю Гулиа. Причем, очень характерный этот факт уже приводился, когда владелец Ханашва анхаю Гулиа умер без наследников, то, по выморочному праву, все имущество последнего, в том числе и Ханашва, называвшего себя анхаю, должно было перейти к князю Г. Д. Шервашидзе, стать его собственностью³³⁷.

Процесс усиления феодальной эксплуатации анхаю протекал не одинаково в различных частях Абхазии. Конкретные размеры и виды его часто определялись местными условиями. Степень зависимости крестьян, тяжесть и характер лежавших на них повинностей изменялись в зависимости от условий того или иного района, села и имения. Они, вместе с тем, опреде-

335 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1873 г., д. 403, лл. 1—5.

336 Там же, 1865 г., д. 1010, л. 4.

337 Пахомов А. Записка... С. 258—259.

лялись степенно сопротивлению крестьянства эксплуатации их помещиками.

Командующий войсками в Абхазии генерал П. Н. Шатилов, который «при случае» занимался сбором данных по крестьянскому вопросу, сообщал в военное управление Кутаисского генерал-губернаторства 23 декабря 1865 года: «Количество и вид повинностей, отбываемых подвластными разных наименований, бесконечно разнообразны и можно почти с полной достоверностью утвердить, что не только нет общины, которая в этом отношении не отличалась бы от своих соседей, но даже в одной и той же общине члены ее несут совершенно разнородные повинности. В большинстве случаев это зависит от большего или меньшего личного значения патрона, с одной стороны, и подвластного, с другой. Обобщение фактов может быть допущено единственно относительно повинностей и положения крепостных людей (ахое и агырва), которые повсеместно более или менее схожи»³³⁸.

В «Проекте программы для действий Сухумской сословно-поземельной комиссии» также отмечалось, что в каждом из сословий «не только отдельные роды, но даже отдельные семейства нередко пользуются правами, во многом отличными от прав сословия, к которому они принадлежат, и не подходящими к правам других классов; так что при рассмотрении их прав, вопрос о принадлежности их к данному сословию, без определения характера этих прав, решить затруднительно...»³³⁹. Даже А. Н. Введенский, который явно идеализировал положение анхаю, вынужден был признать, что права крестьян этой категории в приморской части Абхазии «потерпели некоторое ограничение»³⁴⁰.

Для описания повинностей изучаемых крестьян вообще и показа неодинаковости этих повинностей в территориальном отношении очень ценны сведения, сообщаемые Коньяром (1865 г.), Баратовым и Каргановым (1866 г.).

Начнем со «Сведений об отношениях в Абхивском округе подвластных крестьян к своим помещикам майора С. Г. Баратова (Бараташвили)»³⁴¹. В селах Эшкыт и Илори при посевах, очищении и уборке владельцем кукурузы и проса, а также во время сбора винограда «по приказу» владельца анхаю должны были выйти на работу сами или послать кого-либо вместо себя «и оставаться там до тех пор, пока не кончится нужная работа», т. е., обычно, в течение двух и более дней. Причем анхаю приносили с собой кто сыр, кто молоко, а помещик обеспечивал их мясом. Еще раз подчеркнув, что «при

³³⁸ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 21.

³³⁹ Там же, ф. 545, оп. 1, д. 180, лл. 31—39.

³⁴⁰ Введенский А. Н. Абхазцы., с. 22, прим. 26.

³⁴¹ См.: Труды Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, 1962, т. XV, с. 157—163.

первой потребности владельца анхайве должен исполнить ту обязанность, которую он на него возложит», Баратов сообщал, что, кроме того, каждый анхаю платил помещику аждиз: зимой козла или барана, летом козленка или барашка. При выходе замуж дочери анхаю жених приводил помещику быка. «Если владельцу нужна была лошадь или же послать куда-либо, то это лежит исполнение на анхайве».

«Обязанности и служба» анхаю в с. Поквеш были еще более многообразны. Сверх перечисленных выше, здесь анхаю были обязаны доставлять помещику собранный виноград, строевой лес и папоротник для крыш. В случае, если анхаю был воспитателем помещика или же кого-либо из его родных, то при выдаче дочери помещика замуж крестьянин должен был «подарить» ему корову или быка. При поминках же в доме владельца анхаю был обязан принести 1 или 1,5 батмана вина и переднюю часть зарезанной скотины, если такая у него имелась. Вместе с тем, когда умирал кто-либо из помещиков, «лучшие» анхаю держали его лошадей — ачадгылара (аеадгылара). На рождество и в день пасхи каждый анхаю приносил помещику подарки (ахугара): кур, барана, козла и пр. Кроме того, анхаю обязаны были содействовать помещикам во время нападений и кровомщения. Если анхаю покупал или продавал крестьянина, то он должен был подарить помещику корову или быка. В селениях Гуп, Ткварчели, Падгу, Тхина, Маркула и Джал анхаю отбывали почти такие же повинности, какие несли поквешские анхаю, но с той существенной разницей, что здесь владелец мог «за долг свой отдать на время аманата (заложника. — Г. Д.) анхайве».

Сведения, собранные капитаном Каргановым, третьим членом комиссии Баратова, как мы знаем, относятся к Цебельде. В составленных им «Сведениях о взаимных отношениях цебельдинского населения» отмечается, что крестьяне анхак обязаны были князьям Маршания «помогать» при обработке полей, посеиве и уборке хлеба, и на это было положено с каждого двора 3 дня в году, выставляя одного человека и пару быков с инвентарем. Крестьяне должны были также приносить помещику по одной копне сена или чалы и по одному пуду кукурузы. Кто имел стадо баранов, тот давал весной барана или козла. При поездках князь имел право взять лошадь анхаю бесплатно. Кроме того, при женитьбе князя каждый зависимый крестьянин или несколько дворов вместе приносили ему по корове; в случае же женитьбы анхаю помещик от последнего также получал барана или козла. «В обоих случаях, — писал Карганов, — дань эта на основании народного обычая считается обязательною и известна под названием пхашьархя»³⁴² (пхашьархья?).

Данные полковника Коньяра относятся к самурзаканским анхаю (пшоши)³⁴³. В с. Бедия анхаю были обязаны работать на князей Шервашидзе в год 3 дня: первый раз, когда производился посев кукурузы, второй — при тохании и третий — при сборе урожая. Крестьянин выходил на работу со своим рабочим скотом, если такой у него был. Если же в указанные дни крестьянин не выходил на работу, то князья Шервашидзе, «по праву сильного», налагали на него штраф, состоявший из одной коровы или быка. Если несколько князей из фамилии Шервашидзе жили отдельно, то анхаю, живший на их земле, также в силу «права сильного», работал каждому по 3 дня в год. В качестве оброка анхаю помещику давал по одной козе или барану ежегодно, или же, за неимением их, 1 руб. серебром. Кроме того, крестьянин приносил «гостинец» на праздник пасхи или рождества: заднюю половину зарезанной им скотины, но это «не вменялось им в обязанность». На земле, где жил анхаю, помещик не мог поселить другого крестьянина. Переходить от одного помещика к другому анхаю мог, если только помещик притеснял его или же не имел достаточного количества земли.

В селах Патрахуца и Сачина у дворян Званбая и Маргания анхаю обязаны были работать 4 дня в году, но штрафа за неявку на работу не платили. Во всем остальном здесь было то же самое, что у анхаю князей Шервашидзе в с. Бедия. В с. Эшкыт, у дворян Эшба, обязанности анхаю отличались от вышесказанного только тем, что свой скот крестьянин не мог пустить на поле, где только что снял кукурузу, без позволения помещика; в противном случае помещик налагал на него штраф — 1 корову. В с. Сагургулия, у дворян Гургулия, обязанности анхаю были те же самые, что и в с. Патрахуца, с той лишь разницей, что вместо одной коровы или одного рубля серебром здесь платилось по 2 рубля в год. В селах Баргеби, Отобайа и Тагилони, у князей Анчабадзе, анхаю работали от 2 до 3 дней в году со своей скотиной, платя от 1 до 2 рублей, или же, в натуре, барана или козу.

В с. Набакеви анхаю обязаны были служить во всем так, как анхаю в с. Патрахуца, но с той разницей, что если по первому требованию помещика крестьяне не являлись на работу или раньше уходили с работы, то помещик отбирал у них корову. Некоторые же анхаю обязаны были работать на князя Левана Шервашидзе, на земле которого они жили, 3 дня и на дворянина Чхикватия, как на церковного старосту, 4 дня в году; кроме того, были обязаны приносить в церковь по 1 рублю серебром и по 8 аршин белого холста. Чтобы выкупиться из анхаю, последние должны были заплатить за каждую душу по 100 рублей серебром. В с. Саберио анхаю князьям Шервашидзе и Чхотуа отбывали повинности по фа-

³⁴³ Там же. ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

миллиам; некоторые выходили на работу один или два раза в год, а иные — по 3 и 4 раза; за пользование землей все крестьяне приводили козу или барана, а за неимением скота платили 1 рубль серебром. Те из анхаю, которые выходили на работу 1 и 2 раза, давали помещику 2 батмана вина и столько же пшена.

Мы располагаем и другим документом, в котором дается общее описание повинностей, отбывавшихся самурзаканскими крестьянами рассматриваемой категории. Однако надо иметь в виду, что этот документ, сохранившийся под названием «Опись оброку и повинностям, лежащих на крестьянах самурзаканских князей и дворян»³⁴⁴, составленный 3 марта 1865 года самими феодалами и приложенный к их заявлению на имя начальника Самурзаканского округа майора Кишельского³⁴⁵, тенденциозен, ибо, как уже отмечалось, его составители стремились «обосновать» свое «право» на труд и жизнь крестьян.

Согласно указанной «описи», самурзаканские анхаю (пиоши) должны были давать своим помещикам корову, некоторые — теленка или барана, либо козла; за неимением вообще рогатого скота — кабана; приводили также ягненка и козленка; «одним словом, начиная с поросенка до коровы». Анхаю приносили помещикам также сыр, кислое (мацони) и свежее молоко, мед и пр., причем были «должны без требования помещиков сами приносить». «В случае же требования» помещика, крестьянин, если у него было, «не должен отказать помещику своему ни в чем», т. е. ни в кукурузе, ни в вине, ни в сене.

Сколько раз ни приходили бы к помещику гости, верховые или пешие, «помещик вправе отправлять гостей своих в дома крестьян пиошей, где крестьянин должен стараться потчевать гостей своего помещика всеми возможными средствами до тех пор, пока будут гости». «В случае крайней нужды» помещик мог отдать своего крестьянина в залог на 2—3 и более года, а члены семьи данного крестьянина «не вправе отказать помещику в должных повинностях».

В определенные праздничные дни крестьянин должен был, «сверх возложенных на него повинностей», принести помещику так называемый «мосакитхи» — «в доказательство повиновения и доброжелательства». Он состоял в приношении бедра с ребром зарезанного им животного и одного батмана вина. Во время жатвы крестьянин обязан был принести помещику нового урожая кукурузу, дыню, тыкву, разные фрукты.

Помещик со своим семейством в течение года по нескольку раз, в любое время мог отправиться в дом крестьянина, и последний обязан был зарезать, по возможности, какую-нибудь животину и угостить господина разными кушаньями.

³⁴⁴ ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 52—55.

³⁴⁵ См.: Там же, лл. 50—52.

Этот обычай здесь был известен под названием «самедзело» или «мачкamuри». В постные дни крестьянин посылал помещику «что-нибудь постное».

На убранный свое поле крестьянин не имел права, «под опасением взыскания», пускать скот прежде помещичьего. Если помещик подвергался кровной мести, то крестьянин этого помещика должен был за него уплатить мстителю деньги — от 10 до 30 рублей, «по мере возможности».

Повинностей самурзаканских анхаю (пиоши) касался и Д. З. Бакрадзе. В его сообщениях в этом отношении наиболее интересным является заявление о том, что эти крестьяне работали на полях помещиков в течение весны, лета и осени по одному дню в неделю³⁴⁶.

Это, как и другие факты, лишний раз подтверждают то обстоятельство, что в Самурзакано крепостнические отношения были сильнее, чем в остальной Абхазии, хотя, как отмечали члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, «общественное устройство» здесь «не представляет никаких резких изменений сравнительно с другими частями Абхазии»³⁴⁷. Этому немало способствовало влияние соседней Мегрелии, где, как известно, крепостничество господствовало безраздельно. Об этом, между прочим, свидетельствует следующий факт. Одно из имений мегрельского князя Григория Дадияни было расположено в пределах Самурзакано, в с. Пахулани. Перед реформой Дадияни добивался, чтобы «крестьянский вопрос был разрешен одновременно на одинаковых с Мингрелией основаниях». О том, что положение пахуланских анхаю (пиоши) отличалось от анхаю остальных сел данного района, не говоря уже о северо-западных частях края, говорит и описание с. Пахулани, произведенное в 1861 году. Согласно этому описанию, анхаю, отмеченные под названием глехи, обязаны были платить помещику 9 кок вина, 2 кг проса, 1 кг кукурузы, 1 катхо лобии, 20 кусков сыра, 1 курицу, 3 барана или козла, 100 пучков чалы, угощать помещика с прислугой и выводить на помещичью работу от 30 до 60 дней в год, в зависимости от числа крестьян в дыме³⁴⁸.

Особо остановимся на анхаю владетеля и некоторых других крупнейших абхазских помещиков из князей Шервашидзе, в имениях которых крестьяне особенно сильно эксплуатировались. Важнейшим источником того большого богатства М. Шервашидзе, о котором писал Е. Понсе, являлась углублявшаяся эксплуатация анхаю. Генерал Гейман, подчеркивая, что крестьяне Михаила и его младшего брата Александра Шервашидзе, за весьма малым исключением, находились в «долгой зависимости от своих владетелей», в 1868 году писал,

346 См.: Бакрадзе Д. З. Дворянство., л. 5.

347 Краевич П. Д. Очерк., с. 5.

348 См.: ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 35, 79.

что с них, взимали «весьма большие налоги», поэтому они «составляют теперь, можно сказать, самую бедную часть всего абхазского населения». В частности, лыхненские крестьяне отбывали «в прежнее время по разным случаям самые усиленные натуральные повинности»³⁴⁹. Известно также, что в отдельных селах анхаю несли повинности одновременно и князьям Шервашидзе и другим феодалам. Так, владетель Абхазии в 1856 году дал своему брату Александру Шервашидзе разрешение получать по одной козе с 40 или 50 дворов анхаю Отырба в с. Аацы в то время, когда эти крестьяне, как подвластные, несли повинности мелким дворянам Багба³⁵⁰.

Положение владетельских анхаю в Бзыбской Абхазии в общих чертах описано и А. В. Пахомовым в его замечаниях на записку П. Д. Краевича о поземельной собственности в Абхазии (19 марта 1870 г.). «Селение Лыхны, — писал он, — имение, принадлежащее преимущественно его (М. Шервашидзе. — Г. Д.) собственным тягловым крестьянам (по-абхазски анхае), на обязанности которых лежала, кроме барщины, очередная повинность кормить семейство владетеля и его многочисленную свиту, т. е. поставлять в дом владетеля коров, баранов, гоми и прочую провизию по очереди. Расходы на эти предметы были громадные и крестьянам селения Лыхны, при сравнительно небольшом количестве земли в этом селении, было бы невозможно выполнить лежащих на них повинностей, если бы не было представлено право занимать участки земли в других соседних селениях, принадлежащих также лично владетелю как вотчиннику. Это одна причина, почему лыхненские жители имели земли и в других селениях... То, что было в селении Лыхны, отчасти встречалось и в другой резиденции последнего владетеля в селении Очемчиры и по тем же причинам»³⁵¹.

Действительно, положение владетельских анхаю в целом было совершенно аналогично положению только что описанных крестьян. т. е. в сущности мало отличалось от крепостных ахоую. В самом деле, например, обязанности анхаю с. Беслахуба, считавшихся «владетельскими людьми», «вообще были неограничены и требования владетеля выполнялись беспрекословно». Такое положение наблюдалось в Акуаскя и некоторых других селах, где крестьяне также являлись владетельскими³⁵². С. Г. Баратов в 1866 году писал, что, например, в с. Джгерда анхаю Кягуа Хухилия нес такие же повинности, какими были обязаны ахоую³⁵³. Источники также отмечают, что если для анхаю вообще ажидз равнялся 4 руб.

349 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 256—268.

350 См.: Там же, лл. 180—198.

351 Там же, ф. 1719, оп. 1, д. 9/36, лл. 59—60.

352 См.: Баратов С. Г. Сведения... С. 159.

353 См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 178.

и атача 2 руб., то для шервашидзеvских анхаю они определялись в 14—16 руб.³⁵⁴

Здесь было время «неограниченных повинностей», когда, по словам Ф. Энгельса, «барин мог требовать на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно»³⁵⁵.

Как мы видели, по весьма приблизительным данным, владелец в своих «частных» имениях только с 1 243 дворов зависимых анхаю получал в год 1 620 голов скота, около 480 пудов кукурузы и фасоли, более 140 ароб кормовой кукурузной чалы, 4 584 дня барщинной работы и т. д. Натуральные повинности, которые получал Ал. Шервашидзе с 297 дворов, составляли: 299 голов скота, 274 ведра вина, 202 пуда кукурузы, 201 курицу, 684 дня барщинной работы (со скотом и без скота) и пр.³⁵⁶

После упразднения Абхазского владения и до проведения крестьянской реформы анхаю, принадлежавшие М. Шервашидзе, начиная с 1864 года, и А. Шервашидзе, начиная с 1866 года, состояли «в непосредственном ведении правительства», которое вообще взяло «в свое ведение все владельческие имения и подвластных», обложенных платой в казну на пополнение суммы в размере 25 тыс. рублей, назначенной правительством на содержание членов владельческого дома³⁵⁷. В январе 1866 года было приступлено «к повсеместному сбору повинностей за истекший 1865 год» через бывших владельцев сборщиков³⁵⁸.

А. В. Пахомов считал, что «платящих дымов» анхаю в имениях Д. Г. Шервашидзе было около 600, а согласно предъявленному им же документу мировому посреднику Гумистинского участка, в связи с подготовкой крестьянской реформы, — 695³⁵⁹. И. К. Багратион-Мухранский этих крестьян называл «барщинными крестьянами». С данных крестьян в 1857 году было получено одного только хлеба в зерне не менее 120 тонн. В описи доходов Д. Г. Шервашидзе было отмечено, что подати с анхаю и пошлины с «сельских произведений» составляли в денежном выражении 12 тыс. рублей. Кроме того, было получено пошлин за дрова и строевой лес — 6 тыс. рублей, аждз за пастьбу 400 коз и баранов — 1 тыс. рублей и за прогон гуртов — до 100 коров или 100 рублей³⁶⁰. Затем анхаю были обязаны отбывать полевые работы в течение нескольких дней в году, содержать и кормить лошадей помещи-

354 См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 1013, лл. 2—3.

355 Энгельс Ф. Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем мог бы он быть? ... С. 17.

356 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., лл. 8, 10—11.

357 См.: Там же, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 256—258.

358 Там же, лл. 138—141.

359 См.: Там же, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, л. 393.

360 См.: Там же, д. 7/30, лл. 56. 59.

ка, исполнять работы при заготовлении материалов для построек и при перевозке их на место, а также платить ахшбыр: повинности ахшбыр и ачма в 1857 году дали 70 коров или 700 рублей³⁶¹.

При этом А. В. Пахомов особо выделял келасурских анхаю, проживавших вокруг дворца Шервашидзе. Они были «обязаны кормить помещика, т. е. доставлять провизию подобно тому, как это делалось во владетельских имениях Лыхны и Очемчиры», с той лишь разницей, что здесь очередность не соблюдалась и «брали у кого что было». «Между прочим, — писал далее Пахомов, — эти анхае, а также и келасурские торговцы доставляли в дом помещика молоко, яйца, сыр, кур и прочую мелочную провизию»³⁶².

Данные А. В. Пахомова о численности анхаю в имениях Д. Г. Шервашидзе, несомненно, преувеличены. Он, отражая чисто помещичью точку зрения, ревностно защищал интересы келасурских князей Шервашидзе.

Вот данные другого современника, К. И. Багратиона-Мухранского, попечителя Г. Д. Шервашидзе; о податях и повинностях анхаю в указанных имениях. Они заключались в следующем: зимой — баран; весной — ягненок, три пуда обмолоченной кукурузы, два ведра вина, одна повозка кукурузной чалы или соломы от гоми; в случае вступления в брак помещика или кого-нибудь из членов его семейства каждый крестьянский дым приводил помещику лучшую корову ценой от 15 до 20 руб.; при выходе же дочери крестьянина замуж помещику уплачивалась «определенная выгодная плата» (ахшбыр), равнявшаяся цене одной коровы. Кроме того, «по мере надобности», помещик брал у своих крестьян разные съестные припасы (сыр, яйца, кур, мед и пр.) «в неопределенном количестве». Барщинная работа крестьян состояла в обработке помещичьих полей, в заготовке и доставке помещику дров и строительных материалов, в перевозке и переноске тяжестей и т. д. Причем «определенного времени и положенного количества труда, потребных на производство этих работ», в рассматриваемых имениях не было. «Работы производились по мере надобности в количестве, определенном волей и потребностями помещика»³⁶³.

Сохранились два выкупных свидетельства, выданных Григорием Шервашидзе бывшим его зависимым анхаю с. Атара в 1872 году: 12 января³⁶⁴ — 20 дворам Абухба, Авидзба, Агрба, Бутба и др.; 24 января³⁶⁵ — 9 дворам Квициния. Все они, между прочим, считались «чистыми» крестьянами. В этих до-

³⁶¹ См.: ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6/36, л. 17.

³⁶² Пахомов А. Записка... С. 270—271.

³⁶³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 1—8.

³⁶⁴ См.: Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. ч. I. Сухум, 1934, прилож., с. 185—189.

³⁶⁵ См.: Арх. АИЯЛИ, ф. 4, д. 86, лл. 1—5.

кументах указано, что до объявления крестьянской реформы в Абхазии каждый дым «был обязан» помещику отбывать повинности ежегодно, в основном, 4—6 разных видов. В первом случае они давали князю 144 корзины (акалат) кукурузы, т. е. около 200 пудов, 36 коз и козлят и 36 дней барщинной работы. Во втором случае от 6 дворов* князь имел 48 корзин или около 72 пудов кукурузы, около 48 ведер вина, 18 коз и козлят и 18 барщинных дней.

Сохранилось еще одно выкупное свидетельство (от 16 марта 1873 года)³⁶⁶. В нем речь идет о «считавшем себя» аамыста жителем села Беслахуба того же Кодорского участка Кодысакве Шакрлба (Шакрыл) и двух дворах анхаю: Кантария (три души) и Тарба (тоже три души). До 19 февраля 1871 года, т. е. до объявления крестьянской реформы в Абхазии, каждый из этих «дымов» «в период обязательных отношений» отбывал владельцу: а) полевою работу по три дня в год, из них один день на пашне со своим скотом и два дня «пешим работником» во время подбивки и уборки кукурузы; б) приношением ежегодно ажидз — одной козой. Стоимость же этих повинностей для каждого дыма составляла 7 руб. 20 коп.

Наиболее полные данные общего характера о повинностях анхаю из ранних авторов дает Ф. Ф. Торнау (30 гг. XIX в.). Анхаю были «обязаны помогать» феодалу в полевых работах; каждый дым в году 2 раза давал по полной арбе кукурузы или проса (гоми), а также по единице скота и по кувшину вина. При этом Торнау замечал, что анхаю не подвергались телесному наказанию, но их заковывали в железа в случаях неисполнения своих обязанностей или сопротивления господину³⁶⁷.

Ф. Завадский обязанности анхаю сводил к следующему: доставлять владельцу «столько мяса, сколько потребуется»; засеять его поля; собирать и везти столько проса и кукурузы, «сколько понадобится для двора владельца»; собирать и вывозить из владельческих садов виноград; доставлять владельцу столько вина, «сколько понадобится для его стола»; приводить одну корову, в случае выхода девицы замуж; содержать владельца с его семейством — от уборки винограда до пасхи, если последний переезжал в дом анхаю. Кроме того, анхаю были обязаны продовольствовать «вспомогательные войска» или «милицию», вызываемую владельцем Абхазии³⁶⁸.

---

* Из 9 указанных дворов 3 не подлежали выкупу как образовавшиеся вследствие раздела, происшедшего после 1 января 1865 года.

³⁶⁶ См.: Труды Сухгоспединститута им. А. М. Горького, 1966 г., т. XVIII—XIX, с. 385—387 (Публикация В. Д. Авидзба).

³⁶⁷ Торнау Ф. Ф. Воспоминания. ч. I, с. 58. Обычай абхазского народа... С. 121.

³⁶⁸ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 59.

Мы уже отмечали, что в докладной записке депутатов Абхазского дворянства от 23 марта 1870 года содержится описание повинностей анхаю, во многом искажавшее действительное положение. Тем не менее оно заслуживает внимания не только как показатель стремления князей и дворян к закреплению анхаю в целом, но и с точки зрения фактических данных. Видов барщинных работ анхаю составители записки считали 5, а оброчных приношений — 13³⁶⁹. Сухумская же сословно-поземельная комиссия «всю совокупность повинностей», лежавших на анхаю, сводила к 10 «статьям»³⁷⁰. А в рапорте начальника Сухумского округа на имя начальника Сухумского отдела от 31 мая 1866 года приводится наиболее полный перечень абхазских названий (терминов) повинностей крестьян³⁷¹.

Теперь постараемся дать цельную картину конкретных видов и общего количества повинностей (ахаза) анхаю³⁷².

1. Воинская повинность. Каждый анхаю, как и любой другой крестьянин, должен был явиться на зов феодала. Вместе с тем на крестьянах некоторых пограничных сел, часто подвергавшихся внешним нападениям, лежала «преимущественная обязанность» защищать данный населенный пункт от этих нападений, в связи с чем они почти освободились от других обязанностей³⁷³.

2. А ж и д з (ажьыз)³⁷⁴. Доставка владельцу в определенное время года козы или козленка, или барана, или свиньи, или теленка, или коровы, или части ее³⁷⁵. В Самурзаканской Абхазии он был известен еще под названием сазыр.

3. А т а ч а (атача) или абагар³⁷⁶. Доставка владельцу, «в условленном обычае размере», вина, кукурузы и пшена (гоми)³⁷⁷.

4. А х у г а р а. Приношение продуктов хозяйства, «не имеющее определенного и постоянного характера»: сыр, яйца, мед, кукуруза, просо, лобию, чала и пр.³⁷⁸

369 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 43—43 об.

370 См.: Краевич П. Д. Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе; Старосельский И. Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани, и др.

371 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 13, лл. 1—4.

372 В основе этого описания лежат, главным образом, сведения Сухумской сословно-поземельной комиссии.

373 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2—8.

374 Ажидзом, как отмечалось, называлась также плата, взыскивавшаяся в пользу феодала при пастыбе стад на известной местности.

375 Депутаты абхазского дворянства заявляли в своей докладной записке, что каждый дым анхаю платил по одному барану и одному ягненку, или по одной козе и одному козленку.

376 «Абагар» происходит, видимо, от мегрельского «бегара» — коренной подати («тави-бегара»).

377 Депутаты абхазского дворянства в докладной записке указывали 8 кг (по 21 око) очищенной кукурузы и 5 ведер вина.

378 Депутаты дворянства количества этих продуктов считали неопределенными: они приносили «по мере спроса и надобности помещика».

5. Апкара (аџкара). Отбывание полевой работы в течение нескольких дней в году.

6. Ачтакра (аџтакра). Содержание и кормление лошадей владельца.

7. Ахшбыр. Взнос за право выхода замуж девиц — обыкновенно одна корова или 10 руб.^{3/9}

8. Ацнукара (ацныкуара). Исполнение «почетной службы» при владельце, как-то: сопровождение его в поездках, исполнение поручений.

9. Снабжение помещика во время поездки своими лошадьми.

10. Ауаахв (ауаахэ) или кераз (кьараз). Исполнение работ и «всякого рода помощи, оказываемой в особых случаях», как-то: при заготовлении материалов для построек, перевозке их на место, во время строительных и полевых работ и пр.

11. Ахаршв (ахаршэ). Приношение продуктов в день свадьбы помещика, которое выражалось, в большинстве случаев, в одной корове.

12. «Угощения» и всякого рода «приглашения» на праздники или «в особых случаях», выражавшиеся чаще всего в приношении бедра с зарезанного крестьянином животного, одного кувшина (апхал) или батмана вина. Приношения, делавшиеся в дни пасхи (яйца, сыр, куры), А. П. Черепов называл шарпху (шарпџху).

13. Асасра. Помещик со своим семейством и прислугой мог в течение года по нескольку раз приехать в любое время в дом своего крестьянина, который обязан был принять его и накормить, зарезав какую-нибудь скотину и приготовив разные кушанья.

14. Когда к помещику на свадьбу или поминки приезжали родственники и гости, то наиболее почетных из них принимал сам помещик, остальных же размещал между анхаю, которые

---

³⁷⁹ Ахшбыр отдавался не всякому помещику («протектору»), а лишь тому, с которым семейство девушки было связано узами «родства» по воспитанию. Депутаты дворянства были не правы, когда в записке от 23 марта 1870 г. называли его «выводной платой» (калым), обязательной для всех анхаю. Для доказательства этого положения члены Сухумской сословно-поземельной комиссии приводили факт, на который мы уже ссылались: некоторые из анхаю сел, прилегавших к г. Сухуму, отдавали ахшбыр келасурским князьям Шервашидзе, считавшимся «удельными» владельцами указанных сел, только потому, что были в «родстве» по воспитанию с отцом или дедом Г. Д. Шервашидзе, а все повинности анхаю отдавали своим «ближайшим протекторам»: князьям Анчабадзе, Маршания, Дзапш-ипа и др. (ЦГАА, ф. 57, оп. 3, 1870 г., д. 5, лл. 165—179). Майор С. Г. Баратов также отмечал, что, например, в с. Джгерда анхаю ахшбыр «не платят тавадам обязательно, как платят им тогда только, если их семейство связано воспитанием» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 177—178). Вместе с тем, поскольку феодалы всячески старались установить подобные «родственные» отношения с анхаю, то если не все поголовно, то во всяком случае значительная часть последних была обязана платой ахшбыр.

содержали их сколько бы дней те ни оставались³⁸⁰, а они оставались иногда по неделе и даже больше.

15. А. В. Пахомов особо подчеркивал тот факт, что приход крестьянина к помещику в качестве просителя был обязательно сопряжен с приношением «какого-либо подарка». Так, по его свидетельству, одним из важных источников прокормления огромного количества гостей келасурского князя Д. Х. Шервашидзе была провизия, поступавшая в виде «приношения разных просителей»³⁸¹.

16. Если помещик по какому-либо случаю подвергался мести за кровь и убийство, то анхаю этого помещика вносили плату от 10 до 30 руб.³⁸²

17. А й б а р. Пени, поступавшие главным образом в пользу владельца, как высшего судьи³⁸³.

18. «В случае крайней нужды» помещик мог отдать своего крестьянина в залог до 2—3 и более лет³⁸⁴.

19. Когда анхаю умирал, то наследники его во время поминок обязаны были приносить помещику барана или половину коровы.

20. Когда анхаю резал себе скотину, то приносил помещику две части хорошего мяса; когда же на охоте убивал козу или оленя, то также был обязан принести помещику от убитого животного голову, шею, грудинку.

21. А х к а а р а. На убранные поля крестьянин должен был скот помещика пустить раньше своего.

22. Половину платы за кровь крестьянина помещик брал в свою пользу.

23. А ц ы х у т в ы (ацыхутэ). Начальник Сухумского округа полковник Коньяр в рапорте от 31 мая 1866 года³⁸⁵ указывал на ацыхуты, т. е. выморочное право помещика...

24. Крестьяне, обученные разным ремеслам, были обязаны производить даром для помещика, из его материалов, все работы по своим ремеслам. Вместе с тем крестьянам приходилось заниматься промысловой деятельностью, например, лесозаготовками.

25. Независимо от указанных «обязательных» повинностей, существовало еще «установившееся обычаем» отбывание

---

³⁸⁰ См.: Б а к р а д з е Д. З. Дворянство..., л. 5; ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 52—55.

³⁸¹ Пахомов А. Записка... С. 270—271.

³⁸² См.: ЦГИАГ, ф. 222, д. 877. М., с. 52—55; Э с а д з е С. Указ. соч., с. 505.

³⁸³ Владетельский суд устраивал объезд княжества с целью взыскания айбар раньше один раз в несколько лет, потом ежегодно. Взыскания уплачивались скотом. Причем эти штрафы являлись настолько значительными, что, по свидетельству генерала Понсе, крестьяне «обращались в холопство... или непополненное оставалось за ним в долгу» (ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180—198).

³⁸⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013. л. 6 об.

³⁸⁵ См.: Там же, л. 2 и др.

«повинностей произведениями» в пользу некоторых общинных старшин.

26. Во время военных походов крестьяне, не участвовавшие в этих походах, должны были давать продукты питания (провизию) и другие необходимые предметы для войска.

27. Ашартху. В праздники все крестьяне обязаны были приносить помещику различные продукты животных (ажьыз) и вино³⁸⁶.

28. Агумрык (агумрыкъ). Отдача помещиками земля крестьянам в аренду за плату (особенно в пореформенное время)³⁸⁷.

Из данного выше описания повинностей анхаю видно, что эти повинности по своему характеру делились на отработочную и продуктовую ренты, а также распространялась и денежная рента. В дореформенной действительности Абхазии эта последняя не была еще обязательной, хотя натуральные повинности, как мы видели, могли быть, а иногда некоторые из них и обязательно уплачиваемы феодалу деньгами.

Таким образом, основными повинностями здесь накануне реформы были натуральная и барщинная ренты, причем преобладающей из них для анхаю в целом являлась натуральная рента, т. е. по сравнению с отработочной рентой более высшая форма, при которой прибавочный труд выполнялся крестьянином «под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети»³⁸⁸.

В то же время рассматриваемые крестьяне подвергались и наиболее тяжелым формам феодальной эксплуатации, обычно связанным с отработочной рентой, которая, как указывал К. Маркс, является «первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с ней. Причем в данном случае труд крестьянина «выступает в грубой форме принудительного труда на другого»³⁸⁹. Этот принудительный труд вытекал из феодальной собственности на землю и из личных отношений крестьянина с помещиком.

Несомненно, основные виды из перечисленных повинностей отбывались почти всеми анхаю. Разница выражалась, главным образом, в объеме и характере несения этих повинностей.

«За исправным отбыванием крестьянами повинностей, — писал И. К. Багратион-Мухранский, — очень строго наблюдалось и, в случае неисправного платежа подати или не выхода на барщину, с крестьян брали штраф — коров»³⁹⁰. Такое

³⁸⁶ См.: Инал-ипа Ш. Д. О новом быте в абхазской деревне. — Труды АИЯЛИ, 1951, т. XXIV, с. 181.

³⁸⁷ См.: Там же.

³⁸⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 358.

³⁸⁹ Там же, с. 355.

³⁹⁰ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 180, лл. 2—8.

свидетельство мы находим и в других документах (1865 г.), адресованных непосредственно самурзаканским анхаю (пиоши): если последние не выходили на полевую работу или же, не дождавшись окончания работы, отлучались самовольно, «то помещик вправе подвергнуть того крестьянина взысканию штрафа, состоящего в отнятии коровы». Полковник Коньяр это называл «правом сильного»³⁹¹. А дворяне и ашнакума «наблюдали за исправным производством работы» крестьян³⁹².

Хотя, к сожалению, чрезвычайно и трудно сгруппировать повинности таким образом, чтобы показать отдельно то, что являлось общим для всей категории этих крестьян, но в наличии такого общего не приходится сомневаться. На это обстоятельство совершенно ясно указывали полковник Коньяр и майор Баратов, отмечая при описании повинностей анхаю того или иного села, в каждом конкретном случае, лишь отклонения в ту или иную сторону от этого общего положения, существовавшего в обследованных ими районах.

А. В. Пахомов, говоря о тех или иных анхаю Г. Д. Шервашидзе, живших в разных селах, также очень часто указывал на то обстоятельство, что они отбывали повинности общие для всех анхаю. Так, по поводу мерхеульских анхаю Хусейна и Халыла Браскил (Абрскил) Пахомов писал, что при Дмитрие Шервашидзе и его сыне Георгии они обязаны были отбывать «те же повинности в виде подати и личного труда, какие лежат на прочих анхае»³⁹³.

По поводу анхаю Курики говорил, что «все они должны отбывать общие повинности яштухских анхае». Обращает на себя внимание и следующий факт. В том же селении Яштхуа жили анхаю Гублия, которые претендовали на звание ашнакума. Но все члены этой фамилии, считавшие себя выше анхаю, «выходили на полевые работы и на сбор орехов и винограда в помещичьих садах». А. В. Пахомов доказывал, что и «теперь они обязаны нести те же повинности, как и все другие анхае» с. Яштхуа. Повинности же «всех анхаю» с. Яштхуа А. В. Пахомов сводил к следующим: доставление помещику барана и ягненка или козы и козленка, 5 корзин (акалат) кукурузы, 1 повозки чалы или сена и 1 повозки дров, обработка помещичьей земли в размере около одной кевы, сбор винограда и орехов. При выходе на работу «все подвластные» были обязаны брать с собой кукурузной муки или просо и сыр, а помещик обязан был давать им мясо, для чего

³⁹¹ ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49, 52—55.

³⁹² Там же, ф. 416, д. 180, лл. 2—8.

На это обстоятельство указывал и А. В. Пахомов, который писал, что ахылапшо или асасам обыкновенно поручались сбор оброка, наблюдение за крестьянами на барщинных работах, сбор платы за пастбища и пр. (См.: ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1870 г., д. 9/36, л. 27).

³⁹³ Там же, д. 7/30, л. 47.

использовал обыкновенно коров, взятых в штраф «с подвластных.., которые не вышли на барщину». Кроме того, анхаю князей Шервашидзе должны были платить ахшбыр в размере 1 коровы, а при вступлении самих помещиков или их детей (без различия пола) в брак также приводить в «подарок» («и этот подарок был обязательен») по 1 корове³⁹⁴.

Представление о повинностях отдельного двора анхаю указанного села дает нам акт обязанностей анхаю Мамсыра Гулиа, составленный мировым посредником 2-го отдела Гумистинского участка майором Чудиновым 23 августа 1872 года. Они выражались: в 1 корове и 1 козленке; в 3-х днях полевой работы, из которых 1 день со скотом и 2 дня «пешими» (при уборке кукурузы или сборе винограда); в 1 кувшине вина и 1 корзине кукурузы для рабочих, находившихся на постройках. Мамсыр Гулиа, сообщавший эти данные, при допросе, по вполне понятной причине, умолчал о других видах повинностей, отбывавшихся им и являвшихся общими для крестьян анхаю³⁹⁵.

Были лишь отдельные анхаю, которые не отбывали повинностей. Так, в 60-х годах среди 323 дымов анхаю Ал. Шервашидзе таких был 21 дым; среди 70 дымов анхаю Кесарии Шервашидзе — 8 дымов³⁹⁶. Однако эти крестьяне, как и вообще все «неплатящие» анхаю, поскольку они считались «подвластными» крестьянами, т. е. зависимыми от помещиков, не могли, конечно, представляться ничем не обязанными свободными поселянами в полном смысле этого слова. Так, например, после женитьбы Келешбея на дочери анхаю Лейба все крестьяне этой фамилии (с. Мгудзырхва), сделавшись «непосредственными подвластными» владельца, по уверению Е. Понсэ, «не несли никаких повинностей», но были обязаны давать «подарки в праздники»³⁹⁷. Неисполнение этих обязанностей со стороны анхаю неизбежно приводило: помещиков — к репрессивным мерам, а крестьян — к различным формам классовой борьбы.

Таким образом, на указанных крестьян распространялся суверенитет, политическая власть феодала, позволявшая ему подвергнуть крестьян принуждению, являвшемуся той формой, в которой происходило присвоение прибавочного труда или продукта крестьян.

Если тем не менее анхаю в целом объявлялись совершенно свободными или почти таковыми, то отнюдь не потому, что отрицалось наличие каких бы то ни было обязанностей анхаю по отношению к помещикам, а потому, что эти обязанности, повинности, отбывавшиеся в первую очередь представителями высшего слоя анхаю, считались незначительными

³⁹⁴ См.: Пахомов А. Записка... С. 256, 258, 259.

³⁹⁵ ЦГАА. ф. 60, оп. 1, д. 32, 1872 г., л. 1.

³⁹⁶ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л. 8.

³⁹⁷ Там же, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 113—116.

и добровольными, общие же их юридические права — значительными.

Однако данное выше описание положения анхаю не может подвести нас к подобному выводу, тем более, что в определении «общеправовых прав» анхаю члены Сухумской сословно-поземельной комиссии и многие другие лица, как мы видели, были достаточно далеки от истины. «Свободные» крестьяне из анхаю были подчинены иным правовым нормам, обычно более легким, чем крепостное право, однако выражавшим и закреплявшим в основе те же производственные отношения: феодальную эксплуатацию крестьян, их зависимость и, следовательно, несвободу.

Эта несвобода, по словам К. Маркса, может в феодальном обществе, не изменяя своей сущности, «от крепостничества с барщинным трудом... смягчиться до простого оброчного обязательства»³⁹⁸.

В. И. Ленин также подчеркивал, что формы и степени принуждения крестьянина помещиком «могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»³⁹⁹.

Таким образом, крестьяне анхаю в целом были объектом усиливавшейся феодальной эксплуатации, благодаря тому, что существовали «отношения личной зависимости, личная несвобода, в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней...»⁴⁰⁰. Такая зависимость анхаю могла прекратиться только в результате определенного выкупа.

Полковник Коньяр в рапорте от 31 мая 1866 года указывал, что «если анхайве пожелает откупиться от уплаты повинностей владельцу за право пользования землею, то платит ему от 15 до 40 коров»⁴⁰¹. Тот же Коньяр в 1865 году отмечал, что, например, в Набакеви, если анхаю (пиоши) желал освободиться от повинностей, то с каждой души надо было заплатить от 60 до 80 рублей серебром⁴⁰².

«Положение» о проведении крестьянской реформы в Абхазии особой статьей (15) определяло «размер выкупной платы для каждого дыма из сословия анхае или пиоши» — по 4-летней сложности «подлежащих отбыванию повинностей», а именно: доставление владельцу мясной повинности (козы, козленка, теленка, барашка, части коровы, барана или свиньи); кукурузы (не более 8 корзин); вина (не свыше 8 кувшинов); отбывание полевой работы (не более 3 дней в году). Другие

³⁹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 353.

³⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

⁴⁰⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 854.

⁴⁰¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 2.

⁴⁰² См.: Там же, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

же повинности, отбывавшиеся крестьянами анхаю владельцам, были отменены⁴⁰³.

Вместе с тем имели место случаи, когда отдельные помещики продавали или отдаривали анхаю, а также их повинности. Правда, в свидетельских показаниях представителей как феодалов, так и крестьян, данных членам Сухумской сословно-поземельной комиссии, довольно категорически отрицалось существование подобной практики в Абхазии, но, в сущности, на том лишь основании, что это явление запрещалось обычаем, противоречило юридическому праву анхаю и в этом отношении имевшиеся факты все еще не носили массовый характер, а рассматривались «как исключение или проявление насильственной меры».

Однако примеры продажи анхаю или передачи их повинностей другим лицам с течением времени настолько участились, что их уже нельзя было характеризовать, во всяком случае, как чисто случайное явление, а оценка этих фактов как насильственных актов говорит лишь о том, что они являлись результатом классовой борьбы.

Многие помещики и крестьяне, после обычного отрицания рассматриваемого явления, утверждали, что примеры о продаже анхаю касаются лишь фамилий князей Инал-ипа и дворян Маргания, объясняя это многочисленностью указанных фамилий и тем значением, какое они имели при владельце Михаиле Шервашидзе⁴⁰⁴, когда, по словам Краевича, они «нарушали весьма часто, и несравненно более чем все другие фамилии, обычные права жителей своим произволом»⁴⁰⁵. Действительно, например, фамилия Маргания из княжеско-дворянских фамилий была самой многочисленной, распространенной почти по всей Абхазии. Уже из этого одного факта нетрудно себе представить, насколько практика продажи и отдаривания крестьян и их повинностей была распространена в крае. Но этим занимались далеко не одни дворяне Маргания или князья Инал-ипа.

Уже приводились данные о продаже и передаче помещиками анхаю с землей, в частности, перечисленных депутатами дворянства Абхазии в их докладной записке на имя Святополка-Мирского. В этой записке указаны и некоторые другие крестьянские фамилии, среди которых нетрудно узнать анхаю⁴⁰⁶. Так, дворянин Хусейн Лакрба продал Мурзакулу Маргания (с. Худаара) 3 двора Зухба; Кац Маргания от владельца в качестве подарка получил анхаю Дахюква Тарба; Шарван Маргания продал Казбеку Маргания 2 двора

⁴⁰³ См.: ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, лл. 39—42.

⁴⁰⁴ См., напр., ЦГАА, ф. 57, д. 5, л. 127.

⁴⁰⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 32 об. — 33.

⁴⁰⁶ Однако и здесь имеется трудность, вызванная тем, что ахоую и ахашвала в некоторых случаях носили фамилии своих владельцев из анхаю.

анхаю Аргун; Драк Маргания продал дворянину Маху Званба анхаю Муга хынтоа (с. Звандриш) и т. д. Авторы записки перечень указанных и других фактов продажи крестьян заканчивали следующим замечанием: «Место не позволяет нам здесь выставить бесчисленное множество других примеров продажи крестьян с землей и без земли, отдельными домами и целыми деревнями»⁴⁰⁷.

В 40-х или 50-х годах лыхневский анхакума Джогорги Пилия у ачандарского князя Мсоуста Ачба купил один дым анхаю Гыркба⁴⁰⁸. 11 октября 1853 года князь Зураб Эмухвари дал записку князю Тачу Анчабадзе, из которой видно, что первый продал последнему анхаю (пиоши) по имени Тиква и Маджи, которые, между прочим, являлись его «воспитателями»⁴⁰⁹. Куланурхвинские дворяне Лакрба, «породнившись» с дворянами Кулан, дали им в «приданое три дыма анхае, которые и состояли в подвластности Кулан»⁴¹⁰.

Теперь обратимся к данным, сообщавшимся отдельными жителями Абхазии во время их опроса членами Сухумской сословно-поземельной комиссии, и систематизированным последними в записках: «О праве передачи повинностей зависимых сословий» и «Расследование примеров отдачи пиошей в залог и перехода подвластности их от одного лица к другому»⁴¹¹. Группа анхаю (пиоши) с. Окум показала, что князь Асланбек Эмухвари купил у своего двоюродного брата Сореха Эмухвари крестьян Гиджа и Гибла Тордуа. В одном из набегов, около 1848 года, джирхвинский анхаю Хвинча Атейба попал в плен. Он был выкуплен дворянином Смелом Маргания, за что родственники Атейба заплатили скотом и дали в дядьки своего брата, который скоро был продан в с. Дранда. Атейба постарались, с помощью Каца Маргания, выкупить своего брата, заплатив стоимость мальчика в 4 четверти ростом. Однако Кац Маргания на них всех наложил постоянный аждз: одну корзину кукурузы, козу и козленка в год.

Владелец Абхазии в 40-х годах Александру Шервашидзе в с. Аацы передал повинности 40 или 50 семейств подвластных ему, владельцу, анхаю⁴¹². Поквешские князья Ачба свидетельствовали, что Безруква Ачба передал владельцу Абхазии повинности повластных ему анхаю. Хуапские крестьяне Габлия утверждали, что «помещики передают иногда повинности своего анхаю в уплату своего долга». Чхортольские князья Эмухвари случаи продажи анхаю связывали с совершением последними «какого-либо преступления против своего

407 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 41.

408 Там же, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 96 об. — 97.

409 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 62.

410 ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, л. 51.

411 ЦГАА, ф. 57, д. 5, лл. 121—132, 134—137.

412 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

помещика». В 1859—1860 годах в с. Звандрипш Кизилбек Маргания, задолжав владельцу Абхазии мальчика в 6 четвертей, передал ему повинности 3 дымов анхаю Хынтба.

В с. Саберио князь Болхуху Чхотуа в 1856 году за 150 руб. отдал князю Зурабу Чхотуа 4 дыма анхаю Хасая (5 мужских и 4 женских души), которые начали отбывать Чхотуа такие же повинности, какие они отбывали до этого Болхуху. При этом Болхуху выдал документ на передачу указанных крестьян. Но скоро против этой сделки возразил племянник Болхуху князь Манучар Чхотуа, тайно от которого была произведена передача анхаю Хасая Зурабу Чхотуа, между тем Хасая отбывали повинности и ему. Вследствие этого протеста, в 1868 году два дыма Хасая сделались подвластными Манучара. Между прочим, анхаю Хасая при всем этом оставались жить на прежних своих участках земли⁴¹³.

Наши документы также сообщают факты перехода анхаю по наследству или даже родственникам умершего владельца. Так, например, в с. Аацы 8 дымов Малия, 2 дыма Джегелия и 6 дымов Агрба, бывшие «коренные анхаю» Акиртава, перешли в подвластность Мурзакула, Мурзакана, Беслана и Кягусы Акиртава после смерти их родственника Тады Акиртава⁴¹⁴.

Из грузинских крестьянских категорий абхазским анхаю, во всяком случае их отдельным группам, наиболее соответствовали мсахури («служители»). Особенно же анхаю были близки с кабардинскими тлухолами и адыгейскими тфэкотлями, а на Восточном Кавказе — с узденами. Мсахури, как и анхаю, составляли высший слой крестьянства. Они облагались меньше, чем другие крестьяне; были освобождены от некоторых тяжелых отработочных и унижительных повинностей. Причем часть этого слоя (кма-мсахури) в Гурии, например, сохраняла значительные элементы старых привилегий⁴¹⁵. Среди них были и такие, которые являлись обязанными только выделением с хозяйства одной домашней прислуги⁴¹⁶. Небезынтересно отметить и такой факт. В XVI веке среди мсахури с. Наженаули были не обложенные повинностями, слегка обложенные и обложенные. Так, среди 44 дымов наженаульских крестьян, подвластных абхазскому католику, 34 дыма принадлежали к категории мсахури, из коих 7 дымов не были обложены, а 4 дыма легко обложены и 23 дыма обложены⁴¹⁷. Но в рассматриваемое время грузинские

⁴¹³ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 10—13.

⁴¹⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1876 г., д. 1408, л. 11.

⁴¹⁵ Думбадзе М. Социально-экономическое положение Гурийского княжества в первой трети XIX века, с. 56.

⁴¹⁶ Махарадзе Н. Б. Восстание в Имеретии 1819—1820 гг. — Материалы по истории Грузии и Кавказа. АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1942, с. 42.

⁴¹⁷ Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков, с. 141—142, прим.

мсахури в целом — крепостные крестьяне, и в общей массе крестьянства они занимали сравнительно незначительное место. Например, в Мегрелии в 1860 году из 113 280 дымов всех крестьян мсахури было лишь 19 935 дымов⁴¹⁸, тогда как анхаю (пиоши) составляли основную массу крестьянства Абхазии и, следовательно, всего населения Абхазии.

2. Ахоую (ахуоы)

Собственно крепостными крестьянами являлись ахоую. Они были известны также под наименованиями «агыруа» и, в гораздо меньшей степени, «агур», а в Самурзаканской Абхазии еще — «дольмахоре». Агыруа они назывались и у абазин, но чаще — «лыг».

Абхазский термин «ахоую» расшифровывается так: «приготавливающий пищу» (слуга) или, как передают его буквальное содержание некоторые русские источники, — «работник», «повар», «кашевар». Слово же «агыруа» значит мегрел, а «агур» — гурнец. В этих двух наименованиях нашел свое отражение исторический факт более раннего и более сильного развития крепостнических отношений в Мегрелии и Гурии, а также частичное получение из последних контингента рассматриваемой категории абхазского крестьянства⁴¹⁹. Появление термина «агыруа» в Абхазии для обозначения категории крепостных крестьян было тем более характерно, что в Мегрелии слово «мегрел» (маргали) — агыруа означал не только мегрела, но и крестьянина вообще. Что же касается термина «дольмахоре», то он по-мегрельски означает: «живущий возле, подле»⁴²⁰.

Численность крестьян ахоую к моменту крестьянской реформы в Абхазии составляла около 8 тыс. душ или около 1 550 дымов. Источники образования категории ахоую достаточно хорошо известны. Между прочим, эти источники во многом аналогичны «со способами приобретения господства над крепостными», перечисленными еще в уложении грузинского царя Вахтанга VI⁴²¹, они также во многом общи с источниками приобретения аналогичных им адыгейских пшят-

⁴¹⁸ Бороздин К. А. Закавказские воспоминания... С. 323.

⁴¹⁹ Черепов А. П. Указ. соч., с. 408; Введенский А. Н. Абхазцы... С. 16.

Некоторые русские чиновники ахоую называли семейными крестьянами или просто крестьянами, считая анхаю «вольными жителями», а ахашвала — купленными крестьянами или прямо рабами.

⁴²⁰ Из них собственно ахоую составляли 1 120 дымов и дольмахоре — около 430.

⁴²¹ Такими являлись: покупка, наследование, пожалование, кабала, плен, долг и проч.

лей⁴²² и кабардинских логанашытов, не говоря уже об абазинских гырва (мегрел) или лыг, с которыми ахоую почти идентичны⁴²³. Ахоую образовались из ахашвала и пленных, а также через «закабаление лиц из других сословий», в первую очередь, разумеется, крестьянского. Основная масса ахоую все же черпалась из ахашвала, т. е. из тех рабов, которые от своих владельцев получали семейные права, с чем было связано наделение их землей и предметами хозяйства. Подвластных анхаю приходилось $\frac{3}{5}$ всего числа ахоую. Были ахоую, как и анхаю, принадлежавшие церкви, но они составляли весьма незначительное количество. Надо сказать, что в рассматриваемое время эти церковные крестьяне формировались часто из беглых крестьян. А. П. Черепов отмечал, что при нарушении обязательств владельцем крепостной прекращает обязательные отношения впредь до окончательного удовлетворения, «или уходит под покровительство церкви»⁴²⁴.

Депутаты абхазского дворянства в докладной записке от 23 марта 1870 года старались ахоую представить, с одной стороны, лишь как женатых рабов, а с другой, прибегая к аналогии из жизни Мегрелии, целиком отождествить их с моджалабе; абхазских же ахашвала (рабов) именовали «холостыми рабами». Причем тех и других они объединяли под общим названием агыруа, что на самом деле являлось синонимом ахоую⁴²⁵. Такую мысль проводили И. К. Багратион-Мухранский⁴²⁶ и некоторые другие авторы. Самурзаканские феодалы в заявлении на имя майора Кишельского от 23 марта 1865 года ахоую именовали дворовыми крестьянами или моджалабе, хотя их характеризовали как крестьян ахоую⁴²⁷.

Но все они впадали в противоречие, когда дело доходило до объяснения разницы, существовавшей между указанными двумя группами рабов, ибо первая, согласно данному объяснению, обладала землей и движимым имуществом, а также имела право в течение лета половину рабочего времени тратить на себя, тогда как ахашвала были лишены всего этого⁴²⁸. Следовательно, в одном случае речь идет, даже по приведенному описанию, о крепостных крестьянах, а в другом — о действительных рабах.

Д. З. Бакрадзе ахоую называл «пареши»⁴²⁹, тем самым положение рассматриваемых крестьян сводя лишь к обязан-

⁴²² Источники указывают три способа приобретения пшитлей: от пленных и рабов — унаutos, свободных общинников и через куплю (Кодифицированный свод о зависимых сословиях по Кубанской области. — Кубанские войсковые ведомости, 1867, № 15).

⁴²³ См.: Лавров Л. П. Абазины, с. 21.

⁴²⁴ Черепов А. П. Указ. соч., с. 409.

⁴²⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 40 об.

⁴²⁶ Там же, 1863 г., д. 150, лл. 2—8.

⁴²⁷ Там же, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 51, 54 об.

⁴²⁸ Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 40 об.

⁴²⁹ Бакрадзе Д. З. Дворянство... Л. 5.

ности домашней прислуги, какую функцию в Нижней Мегрелии исполняли лица, известные под тем же названием, выделявшиеся отдельными дворами крепостных мебегре.

Аналогичную ошибку допускали и некоторые царские чиновники, когда они ахоую отождествляли с русскими дворовыми крестьянами, холопами. Но они были правы, когда ахоую рассматривал как низший разряд хипши, «отбывающий наибольшие повинности»⁴³⁰. Особо надо выделить полковника Кошняра, у которого при описании сословных отношений в Самурзаканской Абхазии дельмахоре (ахоую) выступают под названием «моджалабе», а рабы (моджалабе) вообще отсутствуют⁴³¹.

Г.) М. Шервашидзе отрицал всякую крепостную зависимость в Абхазии, исходя из своей концепции об идиллических отношениях между дворянством и крестьянством⁴³². Он писал: «В Абхазии не существовало de facto крепостной зависимости»⁴³³.

С. Л. Авалиани хотя и допускал возможным называть ахоую крепостным сословием, но при этом оговаривался, что в данном случае этот термин нельзя трактовать в типичном значении этого понятия⁴³⁴.

Некоторые русские официальные авторы ахоую сравнивали с крепостными крестьянами России. Начальник Сухумского отдела генерал Толстой в программе, составленной для Сухумской сословно-поземельной комиссии, писал, что по правам своим ахоую «составляют категорию, подходящую под вид бывших русских крепостных крестьян»⁴³⁵. В других документах ахоую называются крепостными крестьянами без всякой оговорки.

Ошибки и искажения в характеристике ахоую, как и других категорий абхазских крестьян, наблюдаются особенно в вопросе их землевладения, вытекающие из антинаучного определения основы феодальной собственности на землю.

Сухумская сословно-поземельная комиссия, как уже отмечалось, не только по отношению к анхаю, но и ахоую делала вывод, что они держали землю на правах полной собственности. Это положение повторяли и некоторые последующие авторы, как например, К. Д. Мачавариани, который также считал, что вообще все сословия населения Абхазии «были совершенно равноправные поземельные собственники»⁴³⁶. Но эти авторы и в данном вопросе часто впадали в противо-

⁴³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 35.

⁴³¹ ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

⁴³² Шервашидзе Г. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову. — «Сухумский вестник», 1917, 29 марта.

⁴³³ Он же. Так ли пишется история. — «Закавказье», 1910, 6 июня, № 126.

⁴³⁴ Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II, с. 71.

⁴³⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1868 г., д. 180, лл. 31—39.

⁴³⁶ Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель... С. 320.

речне. Так, А. Н. Введенский в статье «Абхазцы (азега)...» утверждал, что ахоую, выкупая свою зависимость, обязан был отдать владельцу все до рубахи, исключая своей земли⁴³⁷. Но в работе «Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела» он писал: «Если же женится ахашал, то все необходимое для хозяйства ему должен дать его бывший владелец, равно как и должен отвести ему участок земли...»⁴³⁸. Ясно, что если крепостного наделил землей его бывший владелец, то этот последний и является собственником участка.

Отдельные крепостные, в особенности зажиточные из них, покупали и расчищали земли, которые они считали своей собственностью. Но в действительности и земли этого рода, во всяком случае не всегда являлись их собственностью; некоторые участки становились даже предметом купли-продажи, не будучи собственностью их продавцов. Как уже указывалось в разделе об анхаю, в Абхазии вообще взгляд на землю, как на собственность ее владельцев, в том числе и ахоую, был широко распространен. Такой взгляд, между прочим, выражали и отдельные феодалы, если верить фактам, сообщаемым Сухумской сословно-поземельной комиссией. Так, ачандарские князья Ачба говорили: «Ахоую, недавно переселенные из ахашал, владеют на том же основании («полном праве собственности». — Г. Д.) как приобретаемого ими землю, так и теми участками, кои даны помещиком». Мухурские и царченские князья писали: «Участки, указанные однажды, не могут быть отбираемы обратно». Мажара Шервашидзе также заявил, что земля ахоую, как и анхаю, «всегда считалась полною их собственностью, и никогда помещик не смел отбирать у них ни одного клочка». В таком духе говорили и многие другие князья и дворяне⁴³⁹.

Некоторые же лица, как и сами крестьяне, к таким выводам приходили, по-видимому, на том основании, что владение землей носило наследственный характер. Не так уже просто и легко было лишиться земли не только анхаю, но и ахоую, если иметь в виду не отдельные случаи, а широко распространенное явление. А. В. Пахомов, всегда и во всем защищавший интересы крупных помещиков, несомненно, сгущал краски, когда безапелляционно заявлял, что феодал всегда мог распорядиться землей ахоую по своему усмотрению. Но и члены Сухумской сословно-поземельной комиссии слишком искажали действительность, когда на основании вышеотмеченных и других фактов делали вывод весьма принципиального значения, что в Абхазии «в поземельном отношении все сословия равны»⁴⁴⁰.

⁴³⁷ ССКГ, 1872, в. VI, отд. т., с. 34.

⁴³⁸ Там же, отд. III, с. 12.

⁴³⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 24 об. — 25; ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139—156.

⁴⁴⁰ ССКГ, 1870, в. III, с. 15.

Нечего, конечно, доказывать, что помещик не перестал быть собственником земли, которая им давалась крепостному, не говоря уже о полной абсурдности утверждения о том, что все земли ахоую являлись их полной собственностью, а об общем выводе Сухумской сословно-поземельной комиссии — и подавно.

Некоторые чиновники и военные чувствовали это действительное положение вещей. С. Смоленский писал, что ахоую обязаны были 3 дня в неделю работать «в пользу землевладельца, за что им также отводился ряд собственного земельного участок поля»⁴⁴¹. Карганов недвумисленно отмечал, что в Цебельде за исключением ахоую и рабов все владели землей на праве собственности до тех пор, пока на ней жили и обрабатывали. В другом месте: сословие ахоую «зависит от помещика и за пользование его землею отбывает своим владельцам... повинность...»⁴⁴².

Между прочим, отдельные феодалы, которые сообщали членам Сухумской сословно-поземельной комиссии о том, что ахоую жили на земле, составлявшей их собственность, отмечали, что крепостной не мог продать свой участок жителю другого села; во всяком случае, этому всячески препятствовали помещики.

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим сведения о том, что вся территория между реками Галидзга и Адзиква, населенная крестьянами, в том числе и ахоую, «принадлежит церкви» Илори. Известно также, что этой церкви в Хони и Кухи Кутаисской губернии принадлежало 118 крестьянских семейств. В пользовании крестьян состояли церковные земли под усадьбами, садами, пахотой, сенокосом и под лесом — более 358 десят.⁴⁴³ В Пицунде имелись крестьяне, которые также проживали на церковной земле⁴⁴⁴.

В случае переселения владельца его ахоую, как правило, были обязаны следовать за ним⁴⁴⁵. Так, Хасанбей Шервашидзе, переходя жить из Сухума в Келасури, перевел туда и всех своих ахоую, которых он поселил недалеко от своей усадьбы, так как, они, писал А. В. Пахомов, «нужны были для домашних услуг помещика. Земля, на которой они жили, им не принадлежала, и помещики никогда не стеснялись, когда им нужно было переводить этот класс крестьян на другое место, чему примером могут служить те ахоую, которых князь Димитрий переселил в имение Гумиста. Впрочем, зем-

⁴⁴¹ Смоленский С. Воспоминания кавказца. — «Военный сборник», 1874, № 7, с. 403, прим.

⁴⁴² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, лл. 18—18 об.

⁴⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 23, д. 167, л. 9.

⁴⁴⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 403, лл. 1—5.

⁴⁴⁵ Записка ген.-л. Багратиона-Мухранского. — ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 180, лл. 2—8.

ля уж потому не могла составлять собственности ахоу, что помещики имели право их продавать и дарить...»⁴⁴⁶.

Жители с. Бармыш; сообщая членам Сухумской сословно-поземельной комиссии о том, что крестьяне Капш пришли в их селение из Самурзаканской Абхазии, подчеркивали, что они пришли со своими ахоу⁴⁴⁷.

Вместе с тем в Абхазии не так были редки случаи, когда крепостных ахоу дарили, продавали и передавали по наследству без всякой земли.

Таким образом, несмотря на то, что ахоу сидели на своей земле и создавали на ней свое хозяйство, они в своей массе не были собственниками этой земли. Ахоу, следовательно, являлись лишь наследственными владельцами земли, собственникам которой должны были выплачивать свой прибавочный продукт. Причем, как уже отмечалось, эта возможность внеэкономического принуждения непосредственного производителя вытекала из другого отличия той же феодальной собственности: с собственностью на землю неразрывно было связано господство над сидящим на этой земле трудовым населением.

Наследственные права ахоу были сильно ограничены. Члены Сухумской сословно-поземельной комиссии прямо писали⁴⁴⁸, что владельцы являются наследниками имущества умерших ахоу в случаях, указываемых обычаем. Далее подчеркивалось, что вообще при наследовании между ахоу, родные братья, зависевшие от одного и того же владельца, могли друг другу наследовать, зависевшие же от разных владельцев большей частью лишены были этого права; земля переходила к владельцу⁴⁴⁹. При этом очень интересно и следующее: «Даже если братья были не разделены, то и тогда помещику выделяется в иных местностях его часть (ихта)»⁴⁵⁰.

Ахоу, принадлежавший тому или иному анхаю или другому какому-либо крестьянину, в свою очередь зависевшему от феодала или крестьянина же, после смерти своего прямого владельца, не имевшего непосредственных наследников, как правило, переходил к владельцу этого последнего. Так, когда в 60-х годах ахоу Ханашв, ранее принадлежавший анхаю Гулиа, в свою очередь зависевшему от Г. Д. Шервашидзе, после смерти своего владельца, не имевшего прямых наследников, попытался освободиться и объявить себя анхаю, то А. В. Пахомов заявил протест. «По выморочному праву, —

446 См.: Пахомов А. Записка... С. 270.

447 См.: ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, л. 35.

448 Там же, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 33 об.

449 В «Краткой записке...» Д. С. Старосельского также читаем: «...никогда даже и родные братья не наследуют друг другу, если находятся в зависимости от разных лиц» (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, д. 74, л. 49 об.).

450 Точнее — «ихута» («ихута»): «его часть, доля».

писал он, — Ханашв должен составлять собственность князя Георгия так же, как и все имущество умершего без наследников анхае»⁴⁵¹.

Обычай не лишал и ахоую права усыновлению кого-либо по своему избранию. Усыновленный, при бездетности усыновителя, вступал во все права его родного сына. При этом усыновленный наследовал как все права усыновившего, так и лежавшие на нем обязанности, т. е. он делался крепостным (ахоую) того лица, от которого зависел умерший, и должен был отбывать те же повинности, какие лежали на этом последнем.

Некоторые помещики «столь широкие права в наследовании» объясняли тем обстоятельством, что «с вымиранием дымов помещики терпят весьма чувствительную потерю вследствие большого значения сих сословий в хозяйстве помещиков; переход имущества умерших помещику в указанных случаях служит как бы возмещением потери выгод, сопряженной с вымиранием дыма названных сословий»⁴⁵².

Ахоую мог выкупиться и перейти в разряд амацуразку и анхаю, «обязанных повинностями»⁴⁵³, но не иначе, как, во-первых, отдав все свое имущество владельцу, включая постель и котел, не оставляя даже пояса, который он снимал с себя и отдавал, а также присягнув, что ничего не утаил из своего имущества; во-вторых, если владелец на это изъявлял согласие. Владелец же соглашался на такой акт, а порой и сам требовал этого, если он видел «достаточность и возможность присоединить имущество желавшего выкупиться»⁴⁵⁴. Если владелец, нуждаясь в деньгах, сам предлагал ахоую выкупиться, то в таком случае последний оставлял из своего имущества определенную часть для себя, а остальное отдавал владельцу⁴⁵⁵. В 60-х годах в с. Яштхуа 9 дымов ахоую Гяджь-ипа выкупились от ашнакума Чрымба и анхаю Цхчи, отдав все свое имущество, и поселились на земле Г. Д. Шервашидзе, обязавшись отбывать повинности анхаю. Правда, Чрымба и Цхчи, продолжая считать указанных крестьян своими подвластными, силой взымали с них повинности в свою пользу⁴⁵⁶.

Освобождение ахоую, писал генерал Шатилов, «зависит исключительно только от произвола владельца, для которого в этом отношении в народных обычаях не существует ничего обязательного. Инициатива выкупа принадлежит ему одному. Он имеет право приказать своему атырва выкупиться, и тот обязан не только отдать все свое имущество владельцу, но и

⁴⁵¹ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1868 г., д. 6/29, с. 258—259.

⁴⁵² Там же, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 33 об. — 34.

⁴⁵³ Черепов А. П. Указ. соч., с. 409.

⁴⁵⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1973 г., д. 403, лл. 1—5.

⁴⁵⁵ См.: Карганов. Сведения., с. 170.

⁴⁵⁶ См.: Пахомов А. Записка., с. 257.

принять присягу в том, что передается все сполна и ничего не скрыл». Причем при неполном освобождении ахоую оставался подвластным своему прежнему владельцу, но на положении анхаю⁴⁵⁷. Выкупная плата ахоую «зависела не только от того, что дым ахоую должен был дать, а от того, сколько он мог дать»⁴⁵⁸.

При таких обстоятельствах очень трудно определить среднюю цену выкупа для ахоую. Но известны отдельные факты, которые дают определенное представление о размерах этого выкупа. Так, перед введением русского управления в Абхазии выкупилось одно семейство, состоявшее из 4-х душ, уплатив владельцу 22 коровы, 4 буйвола, 4 лошади, 30 баранов, одного мальчика, весь запас хлеба и т. д., т. е. отдав почти все свое хозяйство. Правда, указанный ахоую получил от владельца обратно, «как бы из милости на свое обзаведение», 1 корову, лошадь и 4 барана⁴⁵⁹. Причем продажная цена на крепостного была гораздо ниже выкупной стоимости. Если все хозяйство, отданное в качестве выкупа указанным выше семейством, в денежном выражении составляло около 1400 руб., то продажная цена только семейства не превышала 800 рублей⁴⁶⁰.

В материалах о сословно-поземельных отношениях в Абхазии находим указание, что выкупные цены ахоую «заклучались в большинстве случаев в пределах от 100 до 300 руб. с дыма»⁴⁶¹. По сведениям Коньяра, в селах Баргеби, Саберио, Отобайя и Тагилони данные крестьяне при выкупе в анхаю (пиоши) платили от 100 до 200 руб.; при выкупе в амацуразку (майнале) (в Чубурихинджи и некоторых других селах) — 50 руб.⁴⁶²

Кроме указанных выше оснований, «люди несвободных сословий» приобретали «свободу» за какие-либо особенные услуги, или же в силу обычая владельцы освобождали одного человека, а иногда и целое семейство после смерти отца, матери и братьев своих, посвящая этот акт памяти умершего.

Шатилов писал, что обыкновенно главной причиной освобождения из сословия ахоую, «кроме особенных случаев», служила «трудность, при свободе употребления оружия и возможности переселений и побегов, обеспечить подчинение тех агырва, которые со временем вошли в обширные родственные связи и при зажиточности получили возможность отыскать сильных покровителей». Далее он подчеркивал, что «такие люди, если и не имели права на освобождение, всегда могли вынуждать к тому своего владельца, поставить его в такое

457 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.

458 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 47 об.

459 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1—5.

460 См.: Там же.

461 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 47 об.

462 См.: ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

положение, что он не мог колебаться при выборе одного из двух, или получить все имущество освобождаемых и приобрести на оное выгодных во всех отношениях рабов, или лишиться и людей и имущества»⁴⁶³.

Ив. Аверкиев свидетельствовал, что после введения русского управления в Абхазии (последовавшего за отменой крепостного права в России), имевшего «влияние и на сословные отношения», переход ахоую в категорию анхаю «значительно облегчился; выкуп уменьшился и доходит до 20 или 25 коров»⁴⁶⁴. По другим данным, выкупные цены в 60-х годах равнялись 10—30 коровам или 100—300 руб. с дыма. Как сообщает тот же Аверкиев, если человек в категорию ахоую попал из анхаю, то ему в таком случае представлялось право доказать в народном суде свое происхождение из этой категории, и его суд признавал доказательства основательными, то, «по удовлетворении во всем должном» помещика, он занимал прежде свое положение⁴⁶⁵.

Пока ахоую принадлежал крестьянину-владельцу, помещик не имел на него прямой власти. Но когда он, отдав все свое имущество, выкупался, то делался крестьянином того помещика, которому принадлежал его бывший господин.

Отметим еще один момент, очень важный для характеристики юридического положения крепостных ахоую. А. Н. Введенский в статье «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии» свидетельствовал, что в состав судов вовсе не допускались не только ахашвала, но и ахоую, «более других нуждающиеся в защите и без того не слишком широких прав их». Ему не удалось установить причины такого явления, но он писал: «Слышал, что выставляют тому причиною наложенные на них обычаем обязательные работы владельцам»⁴⁶⁶.

Далее, выясняя положение ахоую и при этом указывая на тот факт, что отношения анхаю к этим крестьянам отнюдь не разнились от отношений к ним князей и дворян, Введенский писал: «При существовании подобной зависимости, могут ли агрва (ахоую. — Г. Д.) при решении в судах всех вопросов, касающихся споров их с лицами других сословий, рассчитывать на добросовестность судей, принадлежащих относительно их к классу владетельскому? Думаем, что нет, и этим только и объясняем незначительность в судах дел по нарушению владельцами прав своих зависимых, несмотря на то, что в действительности нарушение это бывает зачастую, и зависимый, принося жалобу начальнику, просит личного его

⁴⁶³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 1010, л. 3.

⁴⁶⁴ Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 74.

⁴⁶⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.

⁴⁶⁶ ССКГ, 1872, в. IV, с. 29—30.

участия, но никак не разбора дела в суде. А между тем народный обычай дал этому сословию относительно принесения в суд жалоб довольно обширные права»⁴⁶⁷. Был прав И. К. Багратион-Мухранский, когда писал, что ахоую «имели только тень гражданских прав»⁴⁶⁸.

Повинности ахоую, как и других крестьянских категорий, по своему характеру делились на отработочную, продуктивную и, еще в очень слабой степени, денежную ренты. Для данных крестьян основной рентой являлась ее самая простая и вместе с тем самая тяжелая форма — отработочная, «когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически и юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельном собственнике...»⁴⁶⁹.

Н. Ф. Дубровин отмечал, что ахоую несли все повинности и обязанности, исполнявшиеся категорией ахою, и сверх этого были обязаны исполнять «все низшие должности в хозяйстве и при дворе владельца»; «вся прислуга помещика состояла из этого класса людей»⁴⁷⁰.

Наименование повинностей, отбывавшихся крестьянами ахоую, указывает на развитие и рост барщинного труда, определявшегося характером взаимоотношений между помещиками и крестьянами, и подтверждает положение ахоую как крепостных. Перемены в характере крестьянских повинностей вообще, ахоую в частности, в сторону увеличения удельного веса барщины в составе этих повинностей находились в прямой связи с некоторым ростом феодального хозяйства и являлись одним из характерных явлений экономического развития края в рассматриваемое время.

Таким образом, и по отношению к ахоую наступление владельцев развивалось, наряду с захватом земель и пр., по направлению усиления их гнета. Сущность и степень роста эксплуатации крепостных перед реформой также достаточно хорошо можно проследить на основании современных материалов. Прежде всего обратимся к «Уставной грамоте» № 483 (от 18 марта 1873 года). В этом вполне юридического порядка документе констатируется, что в селе Беслахуба семья ахоую Гого Саминдря упоминавшемуся же выше владельцу Кадасакве Шакрлба отбывала до реформы: полевою работу на три дня в неделю одним «пешим работником», б) приготовлением гоми и кукурузы для владельца круглый год. Надо сказать, что данный «дым» занимал относительно

467 ССКГ, 1870, в. IV, с. 30—31.

468 См.: Багратион-Мухранский И. К. Указ, записка.

469 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 352.

470 Дубровин Н. Указ. соч., с. 69.

лучшее положение, хотя бы потому, что он не обязан был «услужением мальчика»⁴⁷¹.

Далее о конкретных названиях, видах и размерах повинностей, отбывавшихся абхазскими крепостными.

Апкара (аџкара). Главнейшей из мужских работ для крестьян являлся барщинный труд. Ахоую работали на владельцев три дня в неделю; один работник с дыга, если в последнем не было более одного взрослого, в противном случае — два и три работника, обыкновенно взрослые. Причем крепостные, имевшие скот и земледельческие орудия, выходили на работу с таковыми. Хотя ахоую были обязаны работать по три дня в неделю, но обыкновенно, по характеру и размерам хозяйства владельцев, отбывали, как правило, в известный период полевых работ все дни недели. Во время исполнения этих работ ахоую продовольствовались на счет владельцев.

Владельцы имели право использовать ахоую на выполнении и других видов работ, взамен полевой, например, на присмотре за скотом и хозяйством, на услужении в доме и т. д.

Атача или абатар. Вместе с тем ахоую были обязаны приношением владельцу продовольственных продуктов (кукуруза, просо, лобio, мясо, молоко, фрукты) и предметов домашнего промысла (ткани, шерсть, орудия хозяйства, оружие, посуда). Так, например, они отдавали половину удоя молока от своих коров⁴⁷², повинность, известная под названием ахштарара. По сообщению А. П. Черепова, в Бзыбской Абхазии ахоую были обязаны давать молоко через день с апреля по сентябрь; приносить, как и в Цебельде, каждый день вязанку дров — амчаагара (амѣагара) и т. д.⁴⁷³; и в Сухумском округе — через день половину получаемого молока⁴⁷⁴. Карганов свидетельствовал, что в Цебельде каждый ахоую в рождество был обязан приносить помещику барана или козла, или же 2 руб. деньгами⁴⁷⁵.

Кроме того, «независимо от обязательных отношений», существовало еще, «установившееся обычаем», отбывание «повинностей произведениями» в пользу некоторых общинных старшин⁴⁷⁶.

---

⁴⁷¹ Труды Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, 1966, т. XVIII—XIX, с. 387—389 (Публикация В. Д. Авидзба).

⁴⁷² См.: Дубровин Н. Указ. соч., с. 69.

⁴⁷³ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 410; Карганов. Указ. рук., л. 169 об.; ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 55.

⁴⁷⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866, д. 1013, л. 1.

⁴⁷⁵ См.: Карганов. Указ. рук., л. 170.

⁴⁷⁶ См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 6 об.

А чм а⁴⁷⁷ (калым)⁴⁷⁸. При выходе замуж девиц из категории ахоую вносилась владельцу ачма (в Самурзакано — харджи). Эта повинность состояла из определенного количества коров и денег. Но владелец, в свою очередь, обязан был обратной ачмой, т. е. помощью тому из ахоую, который покупал себе невесту. Обратная ачма также состояла из известного количества коров и денег. Размер ачмы представлял «множество различий»: он достигал от 3 коров и 3 руб. (харджи — 1 коровы или 10 руб.) до 10 коров и 10 руб. (харджи — 5 коров или 50 руб.); встречалась ачма и в 15 коров или 150 руб. Но это было связано только с теми ахоую, которые недавно были «поселены» их ахашвала⁴⁷⁹. И. К. Багратион-Мухранский отмечал, что дочь ахоую не имела права выйти замуж без позволения своего господина, который в подобных случаях брал за нее плату, но «не определенную», как за дочерей анхаю, «а по своему произволу, сообразно цене, какая в разное время стояла на девушек на рынках. Плата эта, обыкновенно, смотря по красоте рабыни или по другим обстоятельствам, равнялась сумме от десяти до тридцати коров»⁴⁸⁰.

Обратная же ачма равнялась половине обычной ачмы. Зависимость девиц из категории ахоую от данного владельца прекращалась с уплатой ачмы, если они были ею обязаны. После смерти ахоую жена его сама решала вопрос, жить или не жить у владельца, если даже у нее были маленькие дети. Если при выходе дочери ахоую замуж ачма за нее была заплачена мужем, то в случае смерти последнего владелец обязан был возвратить половину ачмы отцу или братьям умершего. Если же у такой вдовы не было ни отца, ни братьев, то она причислялась к категории анхаю. Но если ачма была уплачена владельцам ее первого мужа, то при вступлении в новый брак вдовы, второй муж был обязан возвратить владельцу первого ее мужа половину ачмы⁴⁸¹. Кроме того, по свидетельству Карганова, владелец волен был дать дочь ахоую в приданое своей дочери, и в случае выхода замуж крестьянской девушки ачму получал не владелец, а его дочь⁴⁸².

Около Сухума был целый поселок крепостных, полученных князем Д. Г. Шервашидзе в приданое за жену от мег-

---

⁴⁷⁷ См.: Ачма, самурзаканский харджи, по словам Черепова, «установление ... давнее». По преданию, «прежде существовал обычай, по силе которого вступающий в брак» ахоую «обязан был уступить новобрачную на первую ночь своему владельцу» Такое нередко приводило «к плачевным последствиям» (Черепов А. П. Указ. соч., с. 409).

⁴⁷⁸ Слово «калым» не было известно абхазцам.

⁴⁷⁹ См.: ЦГИА СССР ф. 1268, оп. 12, д. 74, л. 47.

⁴⁸⁰ Багратион-Мухранский И. К. Указ. записка.

⁴⁸¹ Черепов А. П. Указ. соч., с. 410.

⁴⁸² См.: Карганов. Сведение... Л. 169 об.

рельского князя Дадани⁴⁸³. Выдавая свою дочь за Тейгиза Дадашкелиани, князь Ал. Ачба (Анчабадзе) в качестве прислуги дочери отдал одну девушку⁴⁸⁴. Причем любопытно, что и крестьянские владельцы нередко делали то же самое. Так, примерно в середине прошлого столетия, девушка из фамилии Барганджия (с. Тамыш) была выдана замуж, в состав приданого которой входила одна женщина⁴⁸⁵. И такой крепостной человек носил особое название — анабзыт (анабзыт).

Если женился крепостной парень из помещичьего дома, помещик на выкуп жены дарил ему одну корову. После женитьбы парня, выхода девушки замуж, если у них были братья и сестры, то они должны были заменить первых в доме владельца⁴⁸⁶. Размер же ачмы в большинстве случаев не превышал 6 коров и 6 руб. Как сообщает А. П. Черепов, в Бзыбской Абхазии такую сумму денег стали брать по занятии русскими войсками Бамбор (1830 г.), а до этого «к коровам надбавлялось 43 куруша (куруш — 5 коп.)»⁴⁸⁷.

Ахтырпызба и ахтырпхузба (ахтырпызбен, ахтырпхэызбен). Ахоую, в большинстве случаев «по мере надобности», должны были давать своим владельцам в услужение от каждого дыма по одному мальчику (ахтырпызба) или по одной девочке (ахтырпэызба) в 5—6 четвертей роста⁴⁸⁸. Иногда услуги мальчика заменялись услугами взрослого человека, иногда же мальчик отдавался в услужение лишь при условии освобождения его отца от полевых работ; причем он служил владельцу до своей женитьбы и в последнем случае ничего не платил. Девицы, услуживая, жили в доме владельцев⁴⁸⁹, которые содержали их также до замужества; порой же они продавались или дарились без спроса их родителей. Положение этих крепостных было наиболее тяжелым по сравнению с другими представителями данной категории абхазского крестьянства. Их вполне можно приравнять, например, к кабардинским лагунатам — дворовым крепостным или к отдельным разрядам мегрельских и имеретинских моджалабе.

Апынахара (апынахара). На женщинах ахоую лежала повинность готовить пищу для владельцев из продуктов последних, а также, в определенных случаях, и для их работников, занятых на полевых работах. При наличии нескольких дымов ахоую у одного владельца, повинность, как

483 См.: ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, 1868 г., д. 6/29, лл. 186—201.

484 Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухми, 1954, с. 74.

485 См.: Там же, с. 75.

486 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 10.

487 Черепов А. П. Указ. соч., с. 409.

488 А. Иоаннов сообщает, что дочь ахоую поступала к владельцу с 6-летнего возраста (Кавказ, 1874, 26 апреля).

489 А. П. Черепов отмечал, что на ночь крепостные девушки уходили к своим родителям.

правило, отбывалась поочередно: каждый дым по одному году «или по известному числу дней».

~~Уаа, улага, улага,~~ Уаа, мели, мели,
~~Саку — сапышәа улага!~~ В мыльный порошок, мели!
Аа наџеит, ах нах'еит, Словно само небо горы
перемололо
Аџстагуара итанаџсоит. И наполнило мукой
все предгорья.

Женщинам приходилось молоть зерно на вращающихся ручных мельницах. Это была тяжелая обязанность. Работницы мололи всю ночь напролет, чтобы этим примитивным способом намолоть муки, потребной для данного хозяйства. Они мололи преимущественно по ночам, чтобы сэкономить дневное время для других дел. Одна старинная «Песня жернова» («Алу ашәа») гласит⁴⁹⁰:

Сохранилось много рассказов о тяжелом труде женщин ахоую в домах своих владельцев. Так, старая Карасу (Карасу) Дбар из с. Блабурхва, примерно, в 90-х годах XIX века рассказывала:

«В молодости мне пришлось испытать всякие невзгоды. Однажды, накормив людей, мы, женщины-работницы, готовили пищу для следующего дня. В большом медном котле вскипятили молоко и поставили у дверей, чтобы остудить его и затем заквасить. Сон одолел нас. В это время, откуда ни возьмись, какая-то собака прямо угодила в молоко. Что делать? Рассказать о случившемся хозяину, значило ввергнуть себя в беду... Упругое кислое молоко мы первым подали хозяину, а сами и не прикоснулись к нему»⁴⁹¹.

Женщина из ахоую, обслуживавшая владельца, носила специальное прозвище — «аргун».

— Аргун! Приготовила мне еду, неси скорей! — приказывал ей господин⁴⁹².

Вообще же крепостные женщины, находившиеся при дворах владельцев, назывались «ахтныхюса» (ахтнхәса) — «женщины поместья (двора)».

В конце года жена ахоую должна была зарезать курицу или каплуна, а иногда козленка или козу, «смотря по возможности», и угостить владельца⁴⁹³. Если же у последнего был только один дым ахоую, то этот крепостной постоянно варил ему пищу и работал 3 дня в неделю, а его сын или

⁴⁹⁰ См.: Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. — Труды АИЯЛИ, 1954, т. XXV, с. 231—232

⁴⁹¹ См.: Арх. АИЯЛИ, ф. 4, д. 33/92, л. 20.

⁴⁹² См.: Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о материально-родовом строе... С. 231.

⁴⁹³ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 410.

дочь также поступали в постоянное услужение к тому же владельцу (с. Беслахуба)⁴⁹⁴.

Домашние работы в целом и, в частности, приготовление пищи для ахоую настолько были обременительными, что именно они определили наименование данной категории крестьян: «ахоую» — «приготавливающий пищу» (слуга).

Ачныр. Если ахоую нанимался в пастухи к постороннему лицу, то он был обязан половиною получаемой платы отдавать своему владельцу⁴⁹⁵.

Ачтакра (аетакра). Каждое семейство ахоую, например, у келасурских князей Шервашидзе, было обязано в течение двух недель в году содержать у себя двух лошадей владельца и при них одного человека (конюха)⁴⁹⁶. Между прочим, эта повинность в Мегрелии была известна под названием «цхенис-чабма» — кормление одной господской лошади и конюха⁴⁹⁷.

Отдельные крепостные, считавшиеся принадлежащими церкви, платили определенные подати в пользу последней. При этом наблюдались случаи, когда данные крестьяне несли повинности и светским владельцам. Так, пицундские церковные крестьяне были обязаны, главным образом, охранять храм и в то же время несли повинности в пользу князей Инал-ипа, считавшихся «как бы их покровителями»⁴⁹⁸.

Самой отвратительной формой эксплуатации крестьян являлась практика их продажи. Правда, по обычному праву абхазов, ахоую можно было продать не иначе, как в составе целой семьи. Приобретатель крепостного заключал с ним соглашение в присутствии свидетелей насчет тех услуг, какие он обязан был исполнять. При нарушении обязательств владельцем ахоую прекращал обязательные отношения и до окончательного удовлетворения уходил под покровительство церкви или какого-нибудь «влиятельного лица»⁴⁹⁹. Но в действительности феодалы часто нарушали указанные «условия» и «соглашения», а крепостные сплошь и рядом лишались возможности воспользоваться своими «правами».

Сказанным не исчерпывалась, конечно, характеристика положения ахоую вообще и, в частности, их обязанностей. Феодалы эксплуатировали своих крестьян даже и тогда, когда им просто не спалось. В такие моменты они созывали крепостных, сажали их в соседней с опочивальней комнате и заставляли играть на национальном музыкальном инструменте — апхярца и петь так называемую «Усыпальную песню».

494 См.: Баратов. Сведения... С. 159.

495 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, лл. 1—3.

496 Там же.

497 Эсадзе С. Указ. соч., с. 391.

498 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1—5.

499 Черепов А. П. Указ. соч., с. 409.

Под баюкающую мелодию этой песни помещик «блаженно» засыпал⁵⁰⁰.

Ахоую, как и другие крестьянские категории, были неоднородны и неустойчивы. Генерал Шатилов свидетельствовал, что примеры освобождения из этого сословия, т. е. перехода их в категорию амацуразку и анхаю, «очень многочисленны». Он также подчеркивал, что многие ахоую находились в зависимости от ахоую же. Это были, главным образом, освобожденные из ахашвала лица. «... Есть много примеров того, что агырва (агыруа.—Г. Д.), — писал Шатилов, — платящий повинности, берет сам с своего агырва, освобожденного из ахашвала, посылает его за себя на работу и т. п.»⁵⁰¹.

Мы уже приводили сообщение генерала Толстого о том, что в каждой крестьянской категории, в том числе и ахоую, не только отдельные роды, но и отдельные семейства часто пользовались правами, «во многом отличными от прав сословия, к которому они принадлежат»⁵⁰², т. е. фактически занимали положение, по крайней мере, низшего слоя анхаю. Например, среди владетельских ахоую таких, по данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, насчитывалось 7 дымов.

А. П. Черепов тоже отмечал, что ахоую имели право держать у себя таких же ахоую, как и сами, равно приобретать ахашвала и всякое имущество⁵⁰³. Надо сказать, что такое явление наблюдалось в Гурии и в других частях Грузии, а также в Кабарде и т. д. В Кабарде, например, это распространялось на чагаров (огов) — крепостных крестьян, которые иногда имели довольно значительное хозяйство и феодальный адат предоставлял им ряд преимуществ по сравнению с другими крепостными⁵⁰⁴.

Согласно расчету «испрашиваемого от казны денежного вознаграждения делу освобождения зависимых сословий в Сухумском отделе», категория ахоую, как и анхаю, делилась на три слоя: высший, средний и низший⁵⁰⁵. В одном инструктивного характера документе указывается, что для «агыруа обязательные условия различны, стало быть и вознаграждение должно быть различное. Многие из них приобрели собственными средствами в пользование земли, сады. Есть немало и таких, которые подойдут под разряд дворовых людей»⁵⁰⁶. Из «Положения» о крестьянской реформе в Абхазии мы также узнаем, что были ахоую, которые не имели «собственного устроенного хозяйства» и проживали в домах владельцев.

⁵⁰⁰ Ковач К. Песни кодорских абхазцев. Сухум, 1930. с. 10, 50.

⁵⁰¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, лл. 2—3.

⁵⁰² Там же, ф. 545, оп. 1, 1865 г., лл. 31—39.

⁵⁰³ См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 409.

⁵⁰⁴ См.: Гарданов В. А. Материалы по обычному праву кабардинцев. С. 352—353.

⁵⁰⁵ См.: ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 44.

⁵⁰⁶ Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. — ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1880 г., д. 1033, л. 5.

Это были крепостные крестьяне, которые вышли из ахашвала «через приобретения прав семейственных»⁵⁰⁷.

У Шоля Гибалы, посетившего Абхазию в 1818—1819 годах, очевидно, именно о таких крестьянах идет речь, когда он пишет о том, что в середине зимы «у многих бедняков не хватает продовольствия, и тогда они вынуждены просить милостыню или просить дрова, воду и т. д., чтобы как-то проуществовать». Причем у них не было лошадей или ослов, «почему они приходили на рынок пешком и сами несли свои товары»⁵⁰⁸.

В условиях роста товарно-денежных отношений и общего развития хозяйственной жизни края тенденция внутреннего расслоения ахоую, как и всего крестьянства, все более и более усиливалась. Деревенская верхушка формировалась не только из анхаю, но часто из ахоую. Отдельные зажиточные крепостные откупались от владельцев, платя значительные материальные ценности. Согласно одному сообщению, за переход семейства ахоую в разряд анхаю платилось: до введения русского управления — 88 коров или 880 руб., после него — 50 коров или 500 руб.⁵⁰⁹ С этими данными почти согласуются сведения майора Баратова, который писал (1866 г.), что стоимость дымов ахоую в 5 душ в с. Илори в прежнее время колебалась от 800 руб. до 1 300 руб.⁵¹⁰ Мы уже приводили факт о том, что перед 1864 годом выкупились одно семейство ахоую, состоявшее из 4-х душ, уплатив владельцу 22 коровы, 4 буйвола, 4 лошади, 30 голов баранов, одного мальчика, весь запас хлеба и т. д.⁵¹¹

Вместе с тем зажиточные крепостные также сосредоточивали в своих руках значительное количество земли. Сухумская сословно-поземельная комиссия о случаях продажи земли крестьянами в Абхазии приводит очень интересные данные, относящиеся и к ахоую⁵¹². Лыхненский ахоую Еслам Ванача (Уанача) перед реформой купил у разных лиц пашню и «садовые участки» в размере около 5,5 десят., заплатив 24 руб., 1 корову и 1 козу. Звандрипшский ахоую Гамсония купил сад, превышающий 2,5 десят., который впоследствии оценивался в 40 руб. В с. Апахва ахоую М. Жепшь купил сад за 4 коровы. Калдахварский ахоую М. Кетия купил участок земли в 2,3 десят. за 2 коровы. Ахоую с. Акваскямца Кина Дасания имел 3 «садовых участка» в 4 десят., купленных у разных лиц за 3 коровы и 1 теленка. Ахоую того же села Джинджик Курмазия купил 2 «садовых участка» в 3,5 десят., а отец Туга Дасания — 6 десят., Мадж Мшелия —

507 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 40.

508 См.: Guibal P. Указ. рук., лл. 123 об. — 124.

509 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 14.

510 См.: Баратов. Сведения... С. 163.

511 См.: ЦГИАГ, ф. 1416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.

512 См.: ЦГАА, ф. 57, 1870 г., д. 5, лл. 184—193 об.

4 десят. Бедийские ахоую Сангулия продали в 1865 году виноградный сад за 145 руб., а в 1866 году земельный участок — за 140 руб. Крепостной того же села К. Буаа купил в 1867 году участок земли за 50 руб. и т. д.

В указанном документе мы также находим некоторые сведения, характеризующие разорение и обезземеливание ахоую. Многие из тех земель и садов, которые были куплены зажиточными крестьянами, принадлежали этим крепостным. Конечно, часть указанной земли была реализована вследствие наличия ее в значительных размерах в руках отдельных ахоую. Но в основном данное явление в жизни ахоую было обусловлено их бедственным положением. Так, куланурхвинский ахоую Даут Гыцба продал свой сад дворянину К. Лакрба ввиду того, что он «задолжал как-то много, не имел возможности заплатить». Лыхненский ахоую Кумач Куаса-ипа продал свою землю в 1,3 десят. за 1 корову и 1 козу, так как нуждался в деньгах для уплаты ачма за дочь.

Сухумская сословно-поземельная комиссия в своем обзоре (1868 г.) сел Мчишьнырцв (Калдахвара, Блабурхва, Бармыш, Папцва и Шлара) отмечала «недостаток такой земли («удобной для возделывания». — Г. Д.) у низшего сословия»⁵¹³.

Бедные крестьяне в долг брали скот, деньги и пр., разумеется, с выгодой для взаимоотношения — помещика или зажиточного крестьянина. Ив. Аверкиев свидетельствовал, что если кто задолжал другому корову, то через год обязан был возвратить ее с теленком, через два года — две тельных коровы, через три года — две коровы, двое телят⁵¹⁴.

В Абхазии был распространен наем крестьян в пастухи (ачнырра). Такими, по-видимому, являлись, главным образом, ахоую и представители низшего слоя анхаю. Ив. Аверкиев писал, что помещики, имевшие большое количество мелкого скота, нанимали пастухов или отарщиков, предварительно заключив с ними «условия». Согласно этим последним, пастух нанимался на несколько лет и в первые два года получал плату по одному барану, на третий год — половину всего приплода за время исполнения обязанности отарщика. «При этом основании найма достигается хороший уход за барантой». Если издыхал баран или овца, то отарщик был обязан принести хозяину отары шкуру. Если же волк уносил их, то пастух старался отыскать рога, чтобы доказать свою рачительность в уходе за отарой. Только тогда он считался свободным от ответственности, так как пропажа признавалась независевшей от его воли⁵¹⁵.

Обязанности ахоую «в отношении к его владельцу различные», — свидетельствовал А. П. Черепов. «С иного двора, —

⁵¹³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 271—277.

⁵¹⁴ Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 74.

⁵¹⁵ Там же.

писал он далее, — должны работать три дня в неделю — [как] общее правило, все члены семьи мужского пола, другие при составе семьи из отца и двух сыновей высылают либо отца, либо обоих сыновей, а отец остается дома. Вообще при покупке агыруа подробно оговаривается, должны ли дети м. п. по достижении 6 четвертей роста выходить на работы, или таковые обязательны для них после вступления в брак; имеет ли право владелец агыруа дочь последнего дать в приданое при выдаче своей дочери в замужество или нет, кто обязан платить ачму при женитьбе агыруа, сам он, или его владелец»⁵¹⁶.

Отдельные ахоую занимались торговлей, а некоторые из них держали даже лавки. Как уже отмечалось, «большая часть келасурских торговцев состояла из крепостных князя Димитрия...»⁵¹⁷.

В записке Д. С. Старосельского о сословно-поземельных отношениях в Абхазии подчеркивалось, что повинность ачма представляла «много частных видоизменений», а местами и вовсе не существовала; выкупные цены также «бывали весьма разнообразны» в силу целого ряда причин, среди которых состоятельность выкупавшего имела, по-видимому, решающее значение⁵¹⁸.

С. Г. Баратов в своем описании Абжуйской Абхазии отмечал разницу в положении ахоую в различных селах названной части страны. Так, например, в с. Эшкыт служба ахоую помещику была такая же, как в с. Акуаскя, но с той лишь разницей, что в первом в постоянные прислуги помещику давались мальчик и девочка из дома ахоую, если они имелись, а не только мальчик или девочка. При женитьбе и выходе замуж в том же селе некоторые помещики брали ачму «более или менее, смотря по условию». Если в семействе было трое мужчин, то один служил постоянно, другой — 3 дня, а третий и вовсе освобождался от такой службы. При чем постоянно обслуживавший владельца крепостной освобождался по пятницам и мог идти к себе домой работать.

В с. Поквеш положение ахоую отличалось от положения эшкытских крепостных тем, что в случае отсутствия детей ахоую сам постоянно служил у владельца в качестве прислуги, а в некоторых случаях — 3 дня в неделю; если крепостной мальчик не заменялся другим лицом из дома ахоую после его женитьбы, то он оставался служить в доме владельца до тех пор, пока не изыскивал средства заменить себя кем-либо или не отпускал его сам владелец; те думы ахоую, которые не были связаны в том или ином году постоянной службой в доме владельца, по очереди мололи кукурузу и доставляли в дом

⁵¹⁶ Черепов А. П. Указ. соч., с. 409—410.

⁵¹⁷ Пахомов А. Записка... С. 270.

⁵¹⁸ См.: ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 74, лл. 47—47 об.

владельца; в случае, если в доме последнего резали рогатый скот, то постоянная мужская прислуга получала ноги, внутренности, шею, голову и шкуру; если владелец кому-нибудь дарил лошадь, то подарок с другой стороны поступал в пользу мальчика (постоянной прислуги). Кроме того, ахоую доставлял владельцу дрова на своей скотине, если такая была у него, а также строевой лес. Здесь жених за невесту, служившую в доме владельца, платил ачму в размере от 5 до 15 коров.

В селах Гуп и Ткварчели крепостной мальчик, служивший в доме владельца, по пятницам освобождался, а девочка — нет; при ее выходе замуж владелец получал от жениха ачму в 5 коров. На обязанности ахоую лежала доставка дров зимой три раза, а летом один раз в день. В с. Падгу крепостные в постоянное услужение давали владельцам только девочек. На новый год или рождество ахоую обязан был сделать для владельца обед, где должно было быть вино, мясо и другие продукты. В с. Джал ахоую платил за невесту 24 рубля сер., тогда как, например, в с. Маркула — 16 коров; крепостные, принадлежавшие крестьянам анхаю, платили ачму за невесту, когда сами покупали ее — 5 коров, когда владельцы покупали им, с них брали 10 коров. В с. Поквеш ахоую за замужество платили ачму от 4 до 15 коров. Из описания положения в с. Джгерда, данном отдельно, отметим следующие моменты: из дома ахоую на работу к помещику должны были выйти все взрослые мужчины, если у крестьянина не было своего скота, а при наличии последнего один оставался для присмотра за ним; зимой приносили в день две вязанки дров, а летом — одну, если жена его не варила мамалыгу; в праздничные дни не делалось поздравительного приношения; владелец не мог заставить ахоую посмотреть за его скотом; здесь существовал обычай, в силу которого при частом посещении гостей владелец два дня резал скот, а на третий день скот «должен зарезать агирва для гостей» (с. Джгерда)⁵¹⁹.

Такое же описание положения крепостных крестьян мы имеем и по Самурзаканской Абхазии, сделанное в 1865 году Коньяром⁵²⁰. В с. Бедия у князей Шервашидзе ахоую, которых Коньяр неправильно называл моджалабе, обязаны были работать на помещика 3 дня в неделю; причем если в семье было несколько человек, то один из них мог остаться дома. Из семейства ахоую помещик брал для езды или домашней прислуги сына или дочь. При выдаче крепостным своей дочери замуж он (или жених) обязан был заплатить помещику 1 быка или 10 рублей сер., а некоторым помещикам платили и по 25 рублей сер. В с. Окум князьям Эмухвари платилось

⁵¹⁹ Баратов. Сведения..., с. 160—162, 177—178.

⁵²⁰ ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

даже до 30 рублей сер. или вещами. Причем здесь, как и в с. Гудава, взамен вышедшей замуж девушки, как правило, помещику давалась другая, если такая имелась⁵²¹.

Из одного документа, относившегося к 1864 году, в котором были изложены обязательства, данные окумским крепостным Алмасом Чкония своим владельцам братьям Зухбая, известно, что он обязывался, сверх рушки кукурузы, размола муки и приготовления мамалыги в котле, в неделю 3 дня ходить к владельцам на работу. «И когда бог даст детей, — говорится далее в документе, — одного предоставляю вам в качестве домашнего слуги — девочку или мальчика; а когда нас будет двое, трое и более, тогда [дам] слугу и для внедомашних работ; остальные в неделю три раза будем приходить к вам домой на работу. Обещаю также, что своим плохим, недобрым поведением никогда я вас не побеспокою и тем самым не дам себе пропасть. Обязуюсь после шести лет ежегодно давать по одному животному на заклание [на мясо] стоимостью в один рубль»⁵²². Данный документ интересен и тем, что он является показателем ослабления освященного обычая права владельца. В предреформенный период, как уже отмечалось, владельцы стремились уже брать с крестьян письменные документы, гарантировавшие выполнение последними их обязанностей. В селах Патрахуца и Сачина у дворян Званбая и Маргания положение ахоую отличалось от вышеописанного тем, что они работали на помещика в строго определенные дни — в понедельник, вторник и среду, и если в эти дни стояла плохая погода, то помещик не имел права требовать взамен их другие дни. За замужество дочери крестьянина помещик получал 2 быка или 20 рублей сер. От этих крестьян эшкытские ахоую отличались тем, что в услужение к помещику давалась только дочь и за ее замужество платил жених 10 рублей сер. В селах Баргеби, Отобайя и Тагилони у князей Анчабадзе те семейства ахоую, которые давали в постоянное служение мальчика или девочку, освобождались от барщины⁵²³.

Согласно другому документу⁵²⁴, самурзаканский крестьянин рассматриваемой категории был обязан вообще давать помещику в постоянное услужение мальчика и девочку; кроме того, при наличии в семье ахоую нескольких душ мужского пола один оставался дома, а остальные обязаны были работать на помещика по 3 дня в неделю. Когда же находившаяся у помещика крестьянская дочь достигала совершеннолетия, феодал разрешал ахоую выдать свою дочь замуж, за что ему полагалось 30 рублей. Если у данного крестьянина

⁵²¹ ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 52—55.

⁵²² См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 305.

⁵²³ См.: Там же.

⁵²⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 52—55.

была другая дочь, то она заменяла сестру в доме помещика.

Таким образом, в целом ахоую являлись крепостными крестьянами, прикрепленными к земле, обязанными барщинными и оброчными повинностями.

Эти крестьяне по своему общему положению и происхождению в целом были аналогичны с адыгейскими и кабардинскими пшитлями. Они, вместе с тем, в основном соответствовали отдельным категориям крепостных крестьян, известным в различных частях Грузии. Отдельные их группы находили свое соответствие в составе «глехи», включавшем в себе ряд категорий. Они, как и ахоую, были различного происхождения и в системе крепостных отношений занимали разные места. Но все эти крепостные крестьяне платили подати натурой и деньгами, а также отправляли барщину и, сверх того, давали женскую или мужскую прислугу. Здесь также крепостные могли иметь своих крепостных или рабов. Так, мсахури могли владеть крепостными, а эти, в свою очередь, могли иметь своих крепостных или рабов.

Конкретно же абхазские ахоую, как уже отмечалось, были наиболее сходны с мегрельскими крепостными мебегре, которые по сравнению с моджалабе находились в лучших условиях, но они, как и ахоую в целом, являлись крепостными крестьянами со всеми вытекающими отсюда последствиями. В Нижней Мегрелии мебегре платили феодалу, на земле которого они сидели, повинности: так называемую главную (тавибегара) и под разными наименованиями добавочную, которая насчитывала до 25 видов. Они несли в пользу своего господина и разного рода отработочные повинности. Характерно для сравнения с ахоую, что мебегре должны были поставлять в дом господина кого-либо из членов своих семей в качестве прислуги⁵²⁵.

Однако, если мебегре (глехи) составляли основную массу мегрельского крестьянства⁵²⁶, то в Абхазии аналогичная им категория крестьян ахоую по своей численности к моменту крестьянской реформы была почти в 6 раз меньше, чем анхаю, являвшихся основной массой абхазского крестьянства. Вместе с тем следует отметить, что отдельные группы низшего слоя ахоую вполне соответствовали известным группам имеретинских и мегрельских моджалабе — самому последнему разряду крепостного населения. Например, в Верхней Мегре-

---

⁵²⁵ Записка члена комиссии кн. Р. Эривова о сословиях, заинтересованных крестьянским вопросом [в Мегрелии] и о взаимных отношениях от 16 марта 1866 г. — Документы по истории Грузии (1862—1917). Под ред. проф. Ш. К. Чхетия. Серия II, т. I, ч. I. Тбилиси, 1954, с. 395—400.

⁵²⁶ В 1860 году из 113 280 крестьянских дымов Мегрелии мебегре (глехи) составляли 85 520 дымов (Бороздин К. А. Закавказские воспоминания, с. 323).

ли такие крепостные, во всяком случае некоторые из них, имели пашни и виноградники⁵²⁷.

3. Ахашвала (ахашэала)

На последней ступени социальной лестницы феодальной Абхазии XIX века стояла категория ахашвала — рабы. Самый термин «ахашвала» дает нам ценный материал для выяснения сущности данной социальной группы.

Социальный термин ахашвала, чем довольствовались патриархальное рабство определением им раба, и сейчас употребляется как «доход» или «прибыль», что буквально осмысливается так: «то, что досталось», «благоприобретенное», «излишек», «лишний»⁵²⁸. Известен еще термин «ауадалыг», т. е. «комнатный человек» или «домашний человек», применявшийся к рабу и вместе с тем, по некоторым сведениям, означавший и наложницу. У абазин раб был известен именно под названием «домашний человек» — «юнаю» (ауады)⁵²⁹.

Ахашвала — раб также именовался «атвы» («атэы»). Однако этот термин не был специфическим для обозначения раба, а выражал более общее понятие — собственность вообще (отсюда глагольная форма атэра — «принадлежность» или, точнее «принадлежание»), в каком смысле он чаще всего и употребляется в современном абхазском языке. Поэтому понятие «раб» и «собственность» ассоциировались настолько тесно, что оба эти понятия покрывались одним общим термином «атэы», т. е. выражали одно содержание — «собственность».

Следует заметить, что слово «атэы», и это очень важно, которое и сейчас употребляется как «раб», в этом значении в прошлом имело более широкое распространение, хотя здесь, как известно, рабство и не создало особый рабовладельческий способ производства. Термин же «ахашвала» имел широкое распространение и впоследствии в феодальной Абхазии как определение захваченного или подаренного раба, являясь почти синонимом атвы⁵³⁰.

Это находило свое распространение и на крепостных крестьян — ахою. Характерно, что указанный термин содержится в сложном слове «ахра-твра» (ахра-тэра), выражающем понятие рабовладение, но употребляющемся и для определе-

⁵²⁷ Записка Р. Эристова от 16 марта 1866 г., с. 394.

⁵²⁸ В дореволюционной литературе термин «ахашвала» часто переводится следующим образом: «одна голова холостая». Но отдельные авторы его понимали именно как «лишний».

⁵²⁹ В Мегрелии слуги (лакеи), носившие «комнатную службу», были известны под названием «парешы».

⁵³⁰ Фадеев А. Абхазский термин «атэы» (раб — собственность). — Труды АбНИИК. Сухум, 1934, в. II, с. 61 и сл.

ния крепостничества. Эпоха крепостного права известна под этим названием, а ее ликвидация — «ахра-тэра реимыхра», что буквально переводится так: «разъединение (отрывание) господствования и принадлежности».

У исследователей социальных отношений предреформенной Абхазии вопрос о рабах не вызывал сомнений. Их общественное положение и хозяйственная роль были достаточно ясны. Дореволюционные источники в отношении категории ахашвала без всякого колебания применяли термин «раб». Не случайно, конечно, Сухумская сословно-поземельная комиссия не смогла приравнять ахашвала к аналогичной группе в русской крепостной деревне XIX века.

Однако в ряде случаев допускалась неточность, когда в целом ахашвала безоговорочно отождествлялись с русскими дворовыми и с моджалабе Мегрелии и Имерети. Что ахашвала, составляющие в Абхазии категорию рабов, отличались от русских дворовых крестьян, нечего и доказывать. Они в известной мере отличались и от указанных моджалабе, если иметь в виду изучаемую категорию в целом, а не отдельную; причем, по-видимому, незначительную ее часть, хотя, между прочим, в самурзаканской Абхазии ахашвала были известны также и под названием моджалабе.

С. Л. Авалиани совершенно правильно писал, что ахашвала, по своим обязанностям, лишь приближались к дворовым людям⁵³¹. Возражая же депутатам дворянства Абхазии, полностью отождествлявшим абхазских ахашвала с мегрельскими и имеретинскими моджалабе, Авалиани утверждал, что если первые являлись пленниками — рабами, то последние «не рабы, они, правда, составляют низший разряд крепостного населения, класс дворовых людей, но дворовые никогда рабами не были в точном значении этого понятия»⁵³².

Упомянутые моджалабе, как и русские дворовые, могли иметь семьи. В Верхней Мегрелии, например, моджалабе, во всяком случае некоторые из них, даже не жили во дворе помещика, а имели пашни и сады. В Нижней Мегрелии отдельные моджалабе также имели пашни и не жили во дворе помещика, но в большинстве своем они здесь не имели земли⁵³³.

Тем не менее положение указанных моджалабе, в основном, соответствовало положению ахашвала, по крайней мере, отдельным их группам. Они, также находясь ниже всех по общественному и юридическому положению, составляли «презираемый разряд, переживали настоящее рабское состояние. «Рабы в семействе господина» моджалабе в сущности являлись совершенно бесправными существами. В Нижней Мегрелии, например, они могли быть проданы, отданы в прида-

⁵³¹ Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II, с. 65.

⁵³² Там же, т. I, с. 63.

⁵³³ Записка Р. Эривова от 16 марта 1866 г. — Документы по истории Грузии (1862—1917), т. 1, ч. 1, с. 393—394.

ное с семейством или вразброд; исполняли все работы, в том числе и «самый грубый и неприличный» вид; как правило, не имели своего хозяйства. В моджаллабе обращались: незаконнорожденные дети господских служанок, подкидыши; чужие крестьяне, отдаленные за уплату крови; крестьяне, нанесшие господину «кровную обиду», и т. д.⁵³⁴

Абхазским ахашвала соответствовали также адыгские (черкесские) унауты, в частности, кабардинские «безобразные» унауты, за которыми кабардинский феодальный адат не признавал никаких человеческих прав⁵³⁵.

Самое категорическое возражение вызывает утверждение А. Н. Введенского⁵³⁶, впоследствии буквально повторенное К. Д. Мачавариани⁵³⁷, о том, что в Абхазии будто «все сословия, начиная от тавада и кончая ахашала, были полными собственниками земель, обработанных ими или их предками». Это положение настолько абсурдно, что Введенский вынужден был поспешить тут же оговориться: «Собственников земли из числа последних (ахашвала.— Г. Д.) обнаружено только два»⁵³⁸. Эти два факта, если даже они и имели место в действительности, конечно, совершенно недостаточны для общения и вывода. Однако Введенский слишком был верен своему тезису. И эти лишь два факта у него приобрели чудодейственное свойство: «Но это тем не менее доказывает,— писал он далее,— что при большем досуге от работ, которыми было обременено это сословие, оно, относительно пользования землей, имело права одинаковые с другими сословиями».

Это ничего, конечно, не доказывает. Сам автор как нельзя лучше опровергал (но не доказывал!) свой вывод своими же «фактами». Это опровержение он усугублял заявлением, что ахашвала— раб, который не мог быть лицом, обладавшим семьей, землей и вообще имуществом; приобретение того и другого было обязательно связано с переходом его в разряд крепостных крестьян ахоую⁵³⁹.

Выводы авторов в отношении ахашвала, приравнивающих их к крепостным крестьянам, особенно убедительно опровергаются характером источников приобретения ахашвала. В большинстве случаев этими источниками являлись грабеж и война⁵⁴⁰: ахашвала в основном происходили из пленных. Данный источник образования контингента рабов в первой поло-

⁵³⁴ Там же, с. 393—395.

⁵³⁵ Гарданов Б. А. Материалы по обычному праву кабардинцев, с. 345, 348, 350.

⁵³⁶ Введенский А. Н. Абхазцы... С. 34.

⁵³⁷ Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель... С. 320.

⁵³⁸ Введенский А. Н. Указ. соч., с. 34, прим. 42.

⁵³⁹ Там же, с. 38—39.

⁵⁴⁰ Всякий пленный— атква (аткуа) обращался в рабство, если его никто не выкупал.

вине XIX века сохранялся и у ряда других кавказских народов*.

Более или менее полная характеристика вопроса о торговле пленниками (работоторговле) нами освещается в другом разделе, где дается общая характеристика положения абхазского крестьянина в рассматриваемый период, так как данный вопрос касается не только рабов, но в известной мере и всего крестьянства, хотя это и противоречило обычному праву. Здесь же речь идет о выяснении источников образования контингента рабов в Абхазии в общих чертах. Тем не менее следует отметить, что ахашвала продавали и покупали «на меру»; они, вместе с тем, еще в первой половине XIX века служили размерной монетой; цены же на них в 60-х годах колебались от 14 до 500 рублей.

Еще М. Пейсонель подчеркивал, что в Абхазии «главный контингент рабов образуется из людей, попадавших к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти никогда не прекращаются в этой стране»⁵⁴¹. А. П. Черепов писал: «Бзыпчане рассказывают, что в былые годы они имели галеры, на которых, плавая по побережью Черного моря, чинили нападения на соседей, по преимуществу мингрельцев, называемых по-абхазски агыруа, и гурийцев — агуруа... Приобретаемых путем разбоев и грабежей невольников из означенных местностей не удостоивали даже называть именами и оставляли за ними племенное название агыруа и агуруа, смотря по месту родины раба»⁵⁴². Депутаты дворянства Абхазии в докладной записке от 23 марта 1870 года одним из основных источников образования ахашвала также считали войны и междоусобицы⁵⁴³.

Из заявления жителя с. Яштхуа Хусейна Апшца в Сухумскую сословно-поземельную комиссию от 15 августа 1875 года мы узнаем, что он происходил из садзских (джигетских) дворян и еще мальчиком был взят в плен убыхами, где попал в рабство, а затем, «переходя из рук в руки», очутился у яштхуского ашнакума Хасана Чрыгба. Таким образом оказавшись рабом, Х. Апшца «не мог приобрести каких-либо имущественных данных»⁵⁴⁴.

Подобные сообщения вполне согласуются с рассказами наших стариков-сказителей, которые передают и такую деталь: рабов привозили (из Джигетии, Черкессии, Мегрелии

---

* Например, в кодифицированном своде об адигейских унаутах (рабах) говорится: «Во время междоусобных войн и войн горцев с соседями пленные обоего пола обращались в унауты» («Кубанские ведомости», 1867, № 15).

⁵⁴¹ Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах. Краснодар, 1927, с. 30.

⁵⁴² Черепов А. П. Указ. соч., с. 408.

⁵⁴³ См.: ЦГИАГ. ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 44.

⁵⁴⁴ Там же, ф. 231, оп. 3, д. 262, л. 31.

и т. д.) на больших лодках — «ашхуа», при этом исполнялась специальная песня «Ашхуа ашва»⁵⁴⁵.

Другими источниками приобретения рабов были купля их (как внутри страны, так и за ее пределами) и «закабаление лица из других сословий»⁵⁴⁶, а также дети, прижитые вне брака женщинами-ахашвалками⁵⁴⁷, которых владелец имел право продавать по своему произволу⁵⁴⁸.

Генерал Шатилов причины «к владению и заявлению людьми свободного происхождения делил на две группы: «законные» и «незаконные». К первой группе он относил «пленных, выкупленных из плена, несостоятельных должников, неисправимых преступников, изменников, женщин, впавших в прелюбодеяние, и т. д.», которые обращались в рабство «навсегда и с потомством»; ко второй группе — людей, потерявших «свободу через предательство, насилие, обман»⁵⁴⁹.

Старики-информаторы сообщают, что в с. Лыхны (у владетеля) и в с. Псырцха (у дворянина Хасана Маан) имелись «ацахварта» (ҭахәарта) — «места, где связывали», т. е. заковывали людей в кандалы. Если тот или иной «провинившийся» не мог выкупиться, то по истечении определенного обычаем срока его мог выкупить любой и сделать рабом»⁵⁵⁰.

Ф. Ф. Торнау также отмечал наличие «двух родов рабов», из которых первые составляли «коренных... рожденных в крае», а вторые — «новых, добытых грабежом или на войне»⁵⁵¹. Однако в характеристике рассматриваемой категории в целом Торнау допустил ошибочные утверждения и неточности. Это было обусловлено тем, что Торнау в социальной структуре Абхазии не заметил наличия особой категории крепостных — ахоую, которую он распределил между анхаю и рабами. Причем первой группе рабов Торнау приписывал не только некоторые черты, характеризовавшие ахоую, как крепостных крестьян, но и название «агыруа»⁵⁵², являвшееся

⁵⁴⁵ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения..., с. 310.

⁵⁴⁶ И. К. Багратион-Мухранский писал, что у него находилось седло, за которое владетель Абхазии М. Шервашидзе в свое время заплатил 12 душ ахашвала (См.: ЦГИАР, ф. 416, д. 180, лл. 2—8).

⁵⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 12, д. 74, л. 46 об.; ССКГ, 1871, в. IV, отд. I, с. 44—45.

⁵⁴⁸ Между прочим, мальчик или юноша, прижитый от девицы, находившейся в доме феодала, назывался «атыпха-лпа» (атыпха-лҭа), т. е. «сын девицы» (ахашалла-лҭа), бытовало и такое выражение: «Не остался и сын девицы (тыпха-лпагы днымхент)», что, значит, все до единого выступили, ушли и т. д.

⁵⁴⁹ Введенский Н. П. Указ. соч., с. 39.

Почти таковы же были источники образования, например, мегрельских и имеретинских моджалабе.

⁵⁵⁰ Рапорт командующего войсками в Абхазии кутаисскому генерал-губернатору от 24 сентября 1865 г. — ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 4.

⁵⁵¹ См.: Архив АИЯЛИ, ф. 4, д. 33/92, л. 6.

⁵⁵² Торнау Ф. Ф. Воспоминания..., ч. I, с. 58.

другим наименованием этих крестьян; и лишь на вторую группу он распространял название «ахашвала» со всеми характеризовавшими этих рабов чертами.

Таким образом, характеристика Торнау, данная первой группе рабов, не соответствует действительности, вследствие чего в ней легко обнаруживаются противоречивые положения. Так, он, с одной стороны, утверждал, что раб-агыруа не мог быть продан без разрешения владельца, «который один имел над ним право жизни и смерти», а с другой стороны, писал, что тот же раб составлял «также неотъемлемую собственность своего господина», находился «в полной его власти»*.

Нечего, конечно, доказывать, что понятия «неотъемлемая собственность» и «полная власть» включают в себе право продавать и убивать раба. Даже крепостного крестьянина, составлявшего неполную собственность феодала, продавали и покупали, но только его уже нельзя было убить. Показателем известного распространения положения крепостных ахоу на рабов также является сообщение Ф. Ф. Торнау о том, что рабы обязаны работать на владельца только три дня в неделю, остальное же время могут употреблять в свою пользу. Кроме того, он писал, что «жены рабов не могут быть разлучены с мужьями». Возражая против подобного же утверждения Н. Ф. Дубровина⁵⁵³, А. Н. Введенский справедливо отмечал: «О розничной продаже семейств ахашал не могло быть и речи, потому что ахашалом не мог быть семейный человек»⁵⁵⁴. Кстати, Н. Ф. Дубровин целиком, даже почти без всякого стилистического изменения, повторял описание Федора Торнау о положении рабов в Абхазии⁵⁵⁵.

Однако нельзя согласиться с критикой А. Н. Введенского утверждения Н. Ф. Дубровина, следовательно и Ф. Ф. Торнау, о существовании в Абхазии рабов «двух родов», из которых положение приобретенных грабежом или на войне было действительно более тяжелым. Этих рабов как раз чаще всего продавали, покупали и дарили, так как, свидетельствовал Дюбуа, феодалы боялись братья за тех своих «соотечественников», продажа которых была связана с «опасностью закона возмездия»: «Самый бедный, последний крестьянин расправился бы с своим собственным князем или самим Михаилбеом (Михаилом Шервашидзе. — Г. Д.), если бы тот или дру-

---

* Это положение Ф. Ф. Торнау повторял Н. Ф. Дубровин, т. е. агыруа рассматривал как одно из подразделений рабов-ахашвала.

Ив. Аверкиев название «агыруа» распространил вообще на всю категорию ахашвала (см. его статью «С северо-восточного побережья Черного моря». — Кавказ, 1866, № 74). Такая ошибка наблюдается и в некоторых архивных источниках (см., например, ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1873 г., д. 403, л. 1).

⁵⁵³ Такое ошибочное утверждение находим и у Ив. Аверкиева (см. указ. его соч.).

⁵⁵⁴ Введенский А. Н. Указ. соч., с. 39.

⁵⁵⁵ См.: Дубровин Н. Указ. соч., с. 70.

гой осмелился продать в рабство кого-либо из его близких»⁵⁵⁶. И сам А. Н. Введенский подчеркивал особенно бесчеловечное отношение к тем лицам, которые попадали в плен: они находились «большую часть времени своего плена в цепях, под строгим караулом (иногда даже в ямах)...»⁵⁵⁷.

А. Н. Лаврентьев также перепутал отдельные категорий абхазских крестьян, в частности ахоую с ахашвала⁵⁵⁸. Причём последние у него почти выпадали, хотя он и говорил о рабах, но речь в сущности шла о крепостных крестьянах. Положение ахашвала Лаврентьев характеризовал совершенно в таком же духе, в каком они описаны Федором Торнау, материалами которого он, очевидно, пользовался. Указав, что крестьяне разделяются «на два разряда» — владеющие землей и обязанные доставлять часть своих доходов владельцу, и не имеющие земли, а обрабатывающие земли помещика, Лаврентьев даёт следующую справку о рабах: они составляют полную собственность владельца, который имеет над ними неограниченную власть, т. е. он может продавать их или менять, как вещь, и вообще распоряжаться по собственному произволу. Впрочем, рассуждал он далее, вступая в противоречие с вышесказанным, по укоренившемуся обычаю, рабы обязаны работать на владельца только три дня в неделю, остальное же время могут употреблять в свою пользу⁵⁵⁹.

С. Смоленский совершенно правильно указывал на отмеченные выше источники образования ахашвала. Однако он подчеркивал при этом, что эта категория своим происхождением не принадлежала к аборигенам края, что, конечно, нельзя считать абсолютно правильным положением⁵⁶⁰.

Общая численность ахашвала в рассматриваемое время была незначительна и непостоянна. По спискам, составленным в 1869 году, их значилось 1 440 душ⁵⁶¹, а в 1870 году — 1 300 душ; причем мужской пол превосходил более чем на 20% женский⁵⁶². Это было той минимальной цифрой, до которой успела дойти категория ахашвала к реформе в своей явной тенденции к полному исчезновению.

Данное явление было обусловлено, главным образом, двумя причинами. Во-первых, как уже отмечалось, правительст-

⁵⁵⁶ Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 121.

⁵⁵⁷ Введенский А. Н. Указ. соч., с. 3.

⁵⁵⁸ Это нашло свое отражение в статье Л. Гукасянца «Поземельное дело в Сухумском округе (КСХ, 1895, с. 1344), в которой вообще описание сословий в Абхазии заимствовано из работы А. Н. Лаврентьева. Совершенно аналогичную ошибку допускал также Коньяр в описании сословных отношений в Самурзаканской Абхазии, проведенном им в 1865 году (ЦИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49).

⁵⁵⁹ См.: Лаврентьев. Указ. соч., с. 169.

⁵⁶⁰ Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, 1874, № 7, с. 403, прим. 4.

⁵⁶¹ См.: Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 4, прим.

⁵⁶² См.: ЦИА СССР, ф. 1268, оп. 12, д. 74, л. 46; ССКГ, 1871, в. V, с. 45.

венными мероприятиями по борьбе с практикой работорговли вообще на Кавказе. Во-вторых, заинтересованностью феодалов сажать своих рабов на землю, делать их крепостными крестьянами, обязанными определенной барщиной и оброком.

Генерал Шатилов уже в сентябре 1865 года сообщал кутаисскому генерал-губернатору, что с введением русского управления в Абхазии, когда «всякая возможность захвата в плен, обращения в рабство за долги и т. д. пресечена» была, «сословие ахашвала можно считать прекращающим свое существование»⁵⁶³.

А. Н. Введенский также отмечал, что «немедленно с введением русского управления, т. е. с 1864 года, началось освобождение всех неправильно закабаленных рабов», и к 1869 году это сокращение выразилось в 600 душ (с 2 040 до 1 440 душ)⁵⁶⁴. И абхазские феодалы в своей докладной записке от 23 марта 1870 года констатировали: «Рабов осталось самое незначительное количество..., владельцы находили более выгодным женить своих рабов и селить на своих землях с предоставлением им права выкупиться в крестьяне и таким образом приносить больше выгод своему господину»⁵⁶⁵.

В хозяйственных условиях рассматриваемого периода было гораздо выгоднее иметь дело с крепостным крестьянством, чем содержать раба, так как последний отличался малопродуктивностью и незаинтересованностью в труде. Именно поэтому, как и повсюду, феодал покидает раба, как незаинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая.

Кроме того, в силу 2 пункта 1185 статьи 9 т. «Свода законов Российской империи», для ахашвала «по восприятию православной веры, когда владелец нехристианского закона», «крепостное состояние прекращалось». В этом случае он мог получить «свободу» и уйти от своего владельца⁵⁶⁶. Правда, указанный закон был упразднен в связи с отменой крепостного права в России, однако считалось недопустимым оставаться христианину в крепостной зависимости у владельца мусульманского вероисповедания. Поскольку подобное явление рассматривалось как влияющее отрицательно «на успехи христианского развития» и, следовательно, противоречащее интересам государства в религиозном отношении, а стремление самих ахашвала воспользоваться этой возможностью, по-ви-

⁵⁶³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.

⁵⁶⁴ См.: ССКГ, 1872, в. IV, отд. III, с. 4, прим.

⁵⁶⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 44.

⁵⁶⁶ См.: Свод Законов Российской империи, т. 9. СПб., 1858, с. 240 (См. также: ЦГИАГ, ф. 545, д. 422, л. 30).

димому, было нередким, то оно играло немаловажную роль в деле уменьшения контингента ахашвала, особенно перед крестьянской реформой в Абхазии.

С. Г. Баратов писал, что стоимость как ахашвала, так и ахоую уже не существует, так как «после разнесшегося в Абхазии слуха об освобождении крестьян покупатели не являлись»⁵⁶⁷.

Так эволюционизировала категория ахашвала в направлении изживания патриархального домашнего рабства и ликвидации самого этого института. Рабы, порожденные незавершенностью процесса феодализации, как определенная категория лиц, в новых условиях постепенно сливались с крепостным крестьянским населением Абхазии.

Академик Б. Д. Греков, подчеркивая, что наличие рабства в древнерусском обществе нас смущать не должно, писал: «Это спутник феодальных общественных отношений, имеющий тенденцию к ослаблению и в конечном счете исчезающий совсем»⁵⁶⁸.

Рабство в Абхазии носило домашний характер, как вообще на Востоке, где, писал Ф. Энгельс, «оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи...»⁵⁶⁹.

В. И. Ленин, сравнивая положение раба и крепостного крестьянина, писал: «Работорговцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов, как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности»⁵⁷⁰.

Форма эксплуатации ахашвала также характеризовала скорее патриархально-рабские отношения. Документы указывают на домашние работы, как главное занятие ахашвала. Они постоянно проживали в домах своих владельцев, которые пользовались ими для всяких домашних услуг. Лишь в некоторых случаях рабы использовались и для других работ в качестве добавочной рабочей силы. Например, «их гонят в поле»⁵⁷¹ или они присматривают за стадом коз, либо другой домашней скотиной⁵⁷². Рабы использовались и в качестве ремесленников. Словом, ахашвала, являясь «безусловными тружениками зимою и летом»⁵⁷³, играли важную роль в хозяйстве

⁵⁶⁷ Баратов С. Г. Указ. соч., с. 163.

⁵⁶⁸ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII века, кн. I. М., 1952, с. 210—211.

⁵⁶⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XIV, с. 451.

⁵⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 70.

⁵⁷¹ Бакрадзе Д. З. Дворянство... Л. 7.

⁵⁷² Черепов А. П. Указ. соч., с. 411.

⁵⁷³ Введенский А. Н. Экономическое положение... С 13.

владельцев. Рабы в то же время, как уже говорилось, являлись и весьма дорогим «живым товаром», которым абхазские князья и дворяне особенно охотно торговали.

Таким образом, положение К. Маркса о том, что в лице раба похищалось непосредственное орудие производства, в некоторой степени применимо и к ахашвала, которые добывались не только для продажи и использования в домашнем хозяйстве, но и для использования в производстве.

Характерным показателем этой рабской формы эксплуатации ахашвала является лишение их юридических и материальных прав, в частности, права вступления в брак⁵⁷⁴. Ахашвала, как и всякие другие рабы, работали «при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»⁵⁷⁵. Они — «невольники в полном смысле слова» — являлись собственностью своих владельцев. Последние могли распоряжаться рабом по своему произволу: продать, дарить, увечить и даже убить⁵⁷⁶.

Современные документы ахашвала характеризовали как человека, «к составу общества не принадлежащего»⁵⁷⁷, или, как писал А. П. Черепов, «лишнего, не принадлежащего к составу семьи»⁵⁷⁸. Само название «ахашвала» достаточно свидетельствовало об этом. Генерал Шатилов подчеркивал, что ахашвала «вовсе не имели права собственности. За этих людей никакого выкупа не полагалось, а назначалась простая продажная цена»⁵⁷⁹.

Абхазские феодалы в докладной записке от 23 марта 1870 года также констатировали, что на ахашвала владельцы «не смотрят как на людей». Ахашвала «кроме одежды ничего не имел права иметь своего собственного»⁵⁸⁰. Это подчеркивал и И. К. Багратион-Мухранский, который писал, что ахашвала «не имел никаких человеческих прав. За убийство ахашвала не платилось даже и штрафа, а только господин его вознаграждался за убыток, причиненный ему убийством раба. Сам господин имел полное и неограниченное право на труд, жизнь и честь раба или рабыни»⁵⁸¹.

Ахашвала, как уже отмечалось, не мог иметь семьи, и в этом, между прочим, одно из отличий его от русского дворо-

⁵⁷⁴ Таково было положение и унаутов: «Все лица этого сословия лишены права вступать в брак...» (Кубанские войсковые ведомости, 1867, № 15).

⁵⁷⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.
⁵⁷⁶ Смоленский С. Воспоминания кавказца. — Военный сборник, 1874, № 7, с. 403, прим.

«Владелец, — писал М. Т. Джанашвили, — смотрел на своего подданного, на раба, как на вещь: смотря по обстоятельствам, он продавал его или закладывал» (ЗКОРГО, кн. XVI, 1894, с. 19).

⁵⁷⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 13; д. 1010, л. 1.

⁵⁷⁸ Черепов А. П. Указ. соч., с. 411.

⁵⁷⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, лл. 1—4.

⁵⁸⁰ Там же, 1866 г., д. 1014, лл. 44—44 об.

⁵⁸¹ Там же, д. 180, лл. 1—8.

этого или, например, мегрельского моджалабе. В источниках иногда встречаются «семейные ахашвала», что ввело некоторых авторов в заблуждение. Но здесь речь могла идти, во-первых, о тех единичных семьях, главным образом, крестьян, которые недавно попали в рабство. И в этом состоянии данные семейные единицы постоянно разрушались, так как человек, ставший ахашвала, «не мог протестовать против продажи своих собственных детей». Правда, с введением русского управления в Абхазии продажа семейных ахашвала врозь была категорически запрещена⁵⁸². Во-вторых, по-видимому, в некоторых местах, и притом, главным образом, в помещичьих домах, отдельные женившиеся ахашвала, с чем был связан их переход в разряд ахоую, оставались пребывать в домах помещиков, продолжая исполнять все их требования. Но положение таких ахашвала отличалось от положения обыкновенных рабов. Они считались «отделившимися» и с этим были связаны определенные материальные и юридические права. Дети таких ахашвала поступали в дом помещика, который распоряжался ими; например, при выдаче своей дочери замуж давал в приданое дочь ахашвала. Но сами ахашвала в таком случае ограничивались отбыванием повинностей крепостных, т. е. окончательно переходили в разряд ахоую. В случае же выдачи замуж дочери ахашвала, помещик брал стоимость (ачму), которая была отдана в свое время за жену ахашвала.

Так описывал этот факт в с. Эшкыт С. Г. Баратов летом 1866 года. Переходя к характеристике положения ахашвала в селах Гуп и Ткварчели, Баратов еще яснее писал: если ахашвала женится и если у него будут дети, то он «тотчас отделяется»; за неимением же детей он остается в постоянном услужении в доме помещика; с выходом дочери ахашвала замуж и получением владельцем той платы, которая была дана им за жену ахашвала, этот последний приобретал права крепостного. При выдаче замуж второй дочери ахашвала жених платил помещику ачму в размере 5 коров. В замену вышедших замуж дочерей ахашвала в дом помещика поступали другие его дочери. Вывод Баратова по данному вопросу совершенно совпадает с положением о том, что ахашвала, как правило, не мог иметь семью. «Ахашвала, — писал он, — служит в доме помещика до женитьбы, исполняя все его приказания»⁵⁸³. С этим согласуются также сообщения депутатов дворянства Абхазии в докладной записке от 23 марта 1870 г. и И. К. Багратиона-Мухранского, где рабов называли «семейными молжалабе (ахашвала)», а крепостных — «семейными моджалабе (ахуца)»⁵⁸⁴.

⁵⁸² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1010, л. 2.

⁵⁸³ Баратов С. Г. Указ. соч., с. 160—162.

⁵⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 44—44 об.; д. 180, лл. 1—8.

Следовательно, повторяем, приобретение семейных прав ахашвала было связано с переходом его в состав категории ахою. Причем это допускалось лишь с разрешения владельца. Однако ахашвала вправе был требовать от своего владельца дать ему жену, которую предварительно показывали и испрашивали взаимного согласия на брачную жизнь. Если же владелец отказывался удовлетворить желание ахашвала, то последний требовал продать его другому, обязывавшемуся достать для него жену. В случае неисполнения и этого настояния, ахашвала нередко уходил под «чье-нибудь покровительство», что вело либо к примирению и исполнению требования ахашвала, либо к окончательной потере его⁵⁸⁵.

Женившийся, и вследствие этого переходивший в категорию крепостных крестьян, ахашвала, согласно обычаю, получал от владельца участок земли, равный стоимости одной коровы, т. е. 10 руб., корову и телку (а по другим данным — быка и корову), медный котел, таз, надочажную цепь, полную постель и «более приличную одежду»⁵⁸⁶.

В таком превращении ахашвала, как мы видели, были заинтересованы сами помещики: раб становился крепостным крестьянином, обязанным отбывать повинности наиболее эксплуатируемой части данной категории. Причем указанное явление особенно наблюдалось, естественно, в социально-экономическом отношении более развитых частях края, а в горных районах, например, в Цебельде, по свидетельству Карганова, обследовавшего ее в 1866 году, подобное «вознаграждение раба» происходило «весьма редко»⁵⁸⁷. Оно редко осуществлялось также владельцами-крестьянами, почему и оказалось, что к моменту реформы князя и дворяне имели лишь около 23% всех ахашвала, а анхаю — 75%⁵⁸⁸. Но количество ахашвала вообще делалось все меньше и меньше во всех тех хозяйствах, которые приспособлялись к новым требованиям жизни.

Размер платы со стороны владельцев за жен ахашвала был разнообразен; он определялся главным образом тем, кто был инициатором этого дела. Баратов отмечал, что если епикитский ахашвала «по своей услуге или по знакомству найдет девушку по сходной цене, то помещик платит только от 7-ми до 15 коров, в противном же случае — от 30 до 40 коров»; в селах Гуп и Ткварчели — от 14 до 20 коров. Но в том и в другом случае владелец, уплачивая за приобретение жены ахашвала, «имеет в виду возратить себе на будущем семействе крестьянина»⁵⁸⁹.

⁵⁸⁵ Черепов А. П. Указ. соч., с. 412.

⁵⁸⁶ ССКГ, 1872, в. VI, отд. I, с. 39; отд. III, с. 12, прим.; Черепов А. П. Указ. соч., с. 412.

⁵⁸⁷ Карганов. Указ. рук., л. 170 об.

⁵⁸⁸ Старосельский. ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, д. 74, л. 46.

⁵⁸⁹ Баратов С. Г. Указ. соч., с. 160, 162.

Для общей характеристики ахашвала очень важно сообщение Д. З. Вакрадзе. Моджалабэ, как он называет ахашвала, — «это ни больше, ни меньше, как рабы в наихудшем смысле слова. Я встречал их часто в Самурзакани и Ахазии, и признаюсь, всякий раз меня коробит, когда припоминаю их участь. Моджалабэ хуже чем вещь: вещь всякий более или менее бережет, но к этим жалким созданиям владельцы не питают решительно никакого сострадания. Между помещиками есть люди с мягким сердцем, но к моджалабэ они все одинаково беспощадны. Моджалабэ в настоящее время есть в Имеретии и Мингрелии, но здесь участь их гораздо лучше. В Ахазии и Самурзакани их может иметь всякий: есть моджалабы у крестьян, даже у самих моджалабов. Без них не обойдется ни один благородный дом. Мне говорили, что здесь у каждого помещика 5—20 дворов и более. Большинство их состоит из перекупленных одним владельцем у другого и из похищенных в Мингрелии, Имеретии и Гурии. К какому бы классу ни принадлежали похищенные, они тотчас обращаются в моджалабов: есть они из кн. Цулукидзе, Дадешкелиани, Ахвледзиани, из русских чиновников. Обыкновенно их привозили крепко закованных, с завязанными глазами, ведя окольными путями в течение 15—20 дней на расстояние 2—3 дней. Это делалось с целью уверить их, как далеко они от родины, чтобы они не думали о бегстве. Чтобы их сделать вполне ручными, выбив из них всякую энергию, их подвергали в течение 2—3 лет самым невыносимым мучениям: то бросали их в смрадные ямы, то вешали их на деревья вверх ногами, то подвергали побоям, то морили голодом. И в самом деле, стоит только взглянуть на моджалабэ, чтобы сейчас увидеть каких он мук натерпелся: на нем нет человеческого образа; это в полном смысле идиот, он утратил способность говорить; от какого-нибудь пустого случая несчастный дрожит, боясь побоев. Мудрено, чтобы доведенный до такого состояния кто-нибудь из них попытался бежать. Мне говорили, что случаи эти бывали очень редки.

Все черные работы у помещиков исполняют моджалабэ; если нечего делать дома, их гонят в поле. Могут или нет, они все — мужчины, женщины, даже дети — с утра до-вечера должны работать⁵⁹⁰. Их кормят как зверей, большая часть из них едва прикрыты рубищем⁵⁹¹. Чтобы иметь больше этих.

⁵⁹⁰ Карганов Указ. рук., л. 170 об.

⁵⁹¹ А. Н. Введенский в статье «Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела» также писал, что одежда ахашвала состоит из лохмотьев (с. 12, прим. 1), а дети «ходят дома без рубашонок, так как последние представляют ряд лоскутыв какой-то неопределенной материи, соединенных кое-где нитками. Нужно удивляться, как при такой костюмировке дети переносят все невзгоды погоды, в особенности зиму, бывающей весьма холодною в горных частях Абхазии и даже Самурзакани» (с. 11).

чернорабочих, их непременно женят, конечно, на девушках моджалабского происхождения⁵⁹². Самый жалкий и бедный пиоши или пареши не решится породниться с моджалабе; последний в общем презрении у всех. Нечего и говорить, что владелец вправе дарить, закладывать и продавать моджалабе. Здесь это очень ценный товар: он стоит 200—300 р. Молодой моджалабе предпочитается взрослому и при торге ценность его обуславливается известною мерою его роста. Случаи выкупа со стороны моджалабе очень редки, ибо никто из них не в состоянии заплатить за себя и копейки»⁵⁹³.

Приведем еще, на наш взгляд, совершенно объективную, общую оценку, данную ахашвала в двух современных же документах (60-е гг.): ахашвала — рабы, «живущие в домах владельцев для личной домашней службы, не имеющие прав ни семейных, ни имущественных и подлежащие продаже по произволу владельца»⁵⁹⁴. «Они, находясь при домах владельцев, употреблялись на все работы и исполняли волю своего господина во всей ее неограниченности, от которой зависела судьба этого человека»⁵⁹⁵.

4. Амацуразку (амацуразку)

Особую небольшую группу феодально-зависимого населения Абхазии составляли амацуразку, известные в Самурзаканской Абхазии еще под названием мойнале, которые, говоря языком официальных документов, составляли средний разряд хипшы — зависимых (крестьян)⁵⁹⁶. Они были аналогичны адыгейским и кабардинским огам⁵⁹⁷. Толкование названия данной группы крестьян уже ясно передает характер ее положения. «Амацуразку» значит: «на ком лежит работа», т. е. обремененный работой, прислуживанием, службой.

Будучи разновидностью крепостных крестьян, амацуразку, однако, обладали некоторой особенностью, отличавшей их от ахою и по объему гражданских прав, присущих каждой из этих двух групп населения, и в экономическом отношении.

---

⁵⁹² Это утверждение Бакрадэ, как уже видели, не соответствует действительному положению, если речь не идет о тех моджалабе (ахашвала), которых переводили в разряд ахою.

⁵⁹³ Бакрадэ Д. З. Дворянство... Л. 8.

⁵⁹⁴ ЦГИАГ, ф. 416; оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 6.

⁵⁹⁵ Там же, 1873 г., д. 403, лл. 1—5.

⁵⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 35.

⁵⁹⁷ «Кодифицированный свод» определял адыгейских огов как переходную категорию «от крепостного сословия к классу свободных землевладельцев». «Эти сословия большею частью образовались освобождением лиц, принадлежавших к сословиям больших степеней зависимости от некоторых повинностей, оказываемых своим владельцам» (Кубанские войсковые ведомости, 1867, № 15).

К моменту реформы амацуразку числилось всего 1 300 душ или 250 дворов⁵⁹⁶; причем наибольшее распространение они имели в Самурзаканской Абхазии, где составляли 82% к общему количеству указанной крестьянской категории. Именно этим объясняется факт отсутствия этой категории в рукописях Черепова, Баратова, Карганова и других, описывавших Абжуйскую и всю Северо-Западную Абхазию перед реформой с точки зрения социального состава и социальных отношений населения этой части края⁵⁹⁹. Они отсутствуют также в фольклорном материале и почти не известны нашим глубоким старикам-информаторам.

Это обстоятельство свидетелствует о том, что в лице амацуразку мы, по-видимому, имеем наиболее закрепощенную часть анхаю, но еще не перешедшую в разряд крепостных ахоую. Их обязанности в значительной степени отличались от прежнего состояния и были строго определены, о чем свидетельствует само название данной группы крестьянства. С другой стороны, в эту последнюю вливались те ахоую, которые хотя и вышли из своей социальной группы, но в глазах народа не приобрели еще всех «достоинств» анхаю и, следовательно, не заслужили звания высшей категории абхазского крестьянства. С течением времени об этих крестьянах начало складываться понятие как об особой крестьянской категории. Причем наиболее определенное оформление такой группы произошло, по-видимому, в Самурзаканской части Абхазии, что было обусловлено фактом более сильного развития крепостничества в этом районе.

Теперь обратимся к источникам, которые дают достаточно ясное представление о происхождении амацуразку. Сухумская сословно-поземельная комиссия считала, что они происходили из ахоую через постепенное, редко — единовременное, освобождение от лежавших на них повинностей, за исключением работы. Причем случаи единовременного выкупа повинностей амацуразку были очень редки. Однако примеры перехода их в категорию анхаю имели место; выкупная плата достигала от 70 до 300 руб.⁶⁰⁰

Депутаты абхазского дворянства в докладной записке от 23 марта 1870 года амацуразку рассматривали как «полукрестьян» (полукрепостных) или «не совсем выкупившихся» ахашвала, т. е. ахоую, т. к. этих последних, как отмечалось, они пытались представить в качестве рабов, а рассматриваемых крестьян — «высшим разрядом рабов»⁶⁰¹.

⁵⁹⁸ Адыгейские оги насчитывали всего лишь 163 человека, а кабардинские — 15 дворов.

⁵⁹⁹ Оги тоже не везде встречались. В Кубанской области, например, они в 60-х годах имелись только в Лабинском, Зеленчукском и Урупском округах.

⁶⁰⁰ См.: ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, д. 74, л. 47 об.; ССКГ, 1871, в. V, с. 48.

⁶⁰¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45 об.

С. Л. Авалиани считал возможным предполагать, что в разряд амацуразку переходили крестьяне из категории ахоую⁶⁰².

Надо считать несомненным, что категория амацуразку формировалась не только за счет ахоую, которые различными путями переходили в этот разряд крестьянства, но и, как указывалось, за счет той части анхаю, которая все более и более значительной массой шла по линии дальнейшего закрепощения. И если амацуразку не на всей территории Абхазии нашли еще полное признание как самостоятельная социальная категория, то, очевидно, потому, что под этим наименованием в ряде случаев подразумевался низший слой анхаю.

Амацуразку, как и прочие крестьяне, жили отдельными самостоятельными хозяйствами и пользовались определенными имущественными правами. Все авторы амацуразку рассматривали как барщинников и обязанных натуральными повинностями.

Мы располагаем некоторыми данными, которые характеризуют обязанности, лежавшие на рассматриваемых крестьянах, известных еще под названием мойнале в XVII веке. Вот что писал Арканджело Ламберти о мегрельских мойнале: «На мойналах.. лежат еще более унижительные обязанности. К зиме они обязаны доставлять дрова для барина и поддерживать постоянный огонь. Когда барин отправляется в путешествие, мойналы должны таскать на плечах его скарб, будет ли это одежда, провизия или постель. Перевозить вещи на лошади они не имеют права, если бы даже они имели такую. Так должен он следовать, позади барина, куда бы тот ни ездил. Сверх личных услуг каждый крестьянин должен угостить своего барина, по его требованию, ежегодно один, два или три раза... Кто посостоятельнее, доставляет ему корову с арбой, наполненной гсми, хлебом, вином и курами»⁶⁰³.

Среди крестьян с. Нажанеули, расположенного на правом берегу р. Ингур и принадлежавшего абхазскому католикосу, многие крестьяне в XVII веке составляли категорию мойнале. Большая книга крестьян абхазского католикаса (XVI—XVII вв.)⁶⁰⁴ иллюстрирует обязанности этих крестьян. Так, например, мойнале М. Самелия обязан был предоставить своему владельцу определенное количество холста, курицу, 13 кувшинов вина, 6 единиц проса, а также отработать барщину; на него же была возложена обязанность таскать скарб господина. Другой мойнале К. Маркозия доставлял своему владельцу до 30 локтей холста, 2 кур, половину коровы, 3 единицы проса, 5 кувшинов вина; кроме того, он обязан был угощать владельца, работать на его полях и помогать ему в сбо-

⁶⁰² См.: Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II, с. 69.

⁶⁰³ Ламберти А. Указ. соч., с. 33—34.

⁶⁰⁴ Этот документ был опубликован впервые в 1891 году А. С. Хахановым, а в 1914 г. снова издан С. Н. Какабадзе.

ре винограда. Встречаются мойнале, которые доставляли своему патрону по 40 и даже по 80 локтей холста. Например, Б. Кодия, кроме барщинной работы в поле и приношений продуктами хозяйства, давал ежегодно своему «покровителю» 80 локтей холста⁶⁰⁵.

Данные о повинностях амацуразку в XIX веке, к сожалению, очень скудны. Приходится ограничиваться общего характера сведениями Сухумской сословно-поземельной комиссии. Амацуразку были обязаны поставлять своим владельцам по одному работнику с дыма, который и жил в его доме 5—6 дней в неделю; или же, в случае наличия в дыме только одного взрослого работника, выходить на работу к владельцу 2—3 дня в неделю. Кроме того, они должны были отбывать «некоторые добавочные повинности», которые состояли: в выходе на работу в течение нескольких дней в году, в приношении козы или свиньи, вина, проса и других продуктов⁶⁰⁶.

Наследственные права этих крестьян были значительно более ограничены, чем такие же права анхаю, и некоторые источники отождествляют их с правами ахоую. Так, члены Сухумской сословно-поземельной комиссии писали, что не только владельцы ахоую, но и владельцы амацуразку являлись наследниками их имущества после смерти в случаях, указываемых обычаем; родные братья наследовали друг друга в том случае, если они зависели от одного и того же владельца, иначе, как правило, земля переходила к владельцу.

Права и обязанности амацуразку, как это отмечали депутаты абхазского дворянства в указанной выше докладной записке, «не у всех помещиков одинаковы и зависят от условий»⁶⁰⁷.

Амацуразку, в свою очередь, как анхаю и ахоую, распались на три категории. Если за «освобождавшийся» дым высшей категории амацуразку во время реформы был определено 120 руб., то за средний — 90 руб., а за низший — 60 руб.⁶⁰⁸

В описании Коньяра сословных отношений в Самурзаканской Абхазии (1865 г.) мы находим следующие данные о категории амацуразку (мойнале) по отдельным селам⁶⁰⁹. В селах Бедия, Сачина и Патрахуца амацуразку из своего семейства, при наличии 2—3 и более душ мужского пола, давали одного человека в постоянные слуги помещику; из остальных один оставался дома, а другие работали 3 дня в неделю в пользу помещика же. Если же в семействе амацуразку был лишь

⁶⁰⁵ Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков, с. 180.

⁶⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, д. 74, лл. 47 об. — 48; ССКГ, 1871, в. V, с. 48.

⁶⁰⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 33 об.

⁶⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74 л. 44.

⁶⁰⁹ ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42—49.

один трудоспособный мужчина, то он также должен был 3 дня работать на помещика. За свой выкуп амацуразку здесь платили от 100 до 150 руб. сер.

Положение амацуразку в с. Ешкыт отличалось от описанного тем, что при выкупе эти крестьяне отдавали помещику все свое имущество, после чего, получив «свободу», вступали в разряд анхаю. В селах Баргеби, Отобайа и Тагилони амацуразку находились в более выгодных условиях: каждое семейство давало помещику постоянную прислугу, но остальные члены семьи больше ничего не отбывали феодалу; причем и этот постоянный слуга по пятницам работал на себя. Не дававшие же прислугу крестьяне работали на помещика по 3 дня в неделю.

В Чубурисихинджи и в некоторых других селах амацуразку также были обязаны давать помещику постоянную прислугу. Но если в семье был лишь один мужчина, то он должен был работать на помещика 3 дня в неделю и платить в год 1 руб. сер. или козу; за переход же в анхаю — 100 руб. за душу. В с. Саберио крестьяне давали постоянную прислугу, работали по 3 дня в неделю и платили в год по козе или 1 руб. сер.; некоторые же, кроме постоянной прислуги, давали еще 4 батмана вина и 2 батмана проса.

Наконец, в общем описании повинностей, лежавших на самурзаканских крестьянах, произведенной в 1865 же году, мы читаем об амацуразку: «Если в доме крестьянина есть несколько душ, или есть две, три души работников (мужского пола), то с каждого дыма один постоянно и неотлучно день и ночь должен находиться в доме помещика, другой из этого же дыма по три дня в каждую неделю должен поработать в пользу помещика без пренебрежения. При выдаче дочери [замуж] помещику жертвует крестьянин от 10 до 20 руб. При этом все повинности крестьян мойнале должен отправлять наравне с пиошами, изложенными во втором пункте⁶¹⁰. Если в доме крестьянина одна только душа мужского пола, то этот в неделю 3 дня работает для помещика, а в остальные дни для себя; но оброк и всякие повинности сполна выдает помещику своему»⁶¹¹.

Из сказанного нетрудно заметить сходство социальных функций и обязанностей ахоую и амацуразку и вместе с тем существование некоторого различия между этими категориями. Это обстоятельство уловил и С. Л. Авалиани. Он отмечал, что повинности амацуразку были в значительной степени тождественны с повинностями, которые отбывались ахоую; разница, по-видимому, была в том, что от некоторых мелких повинностей первые были освобождены и таким образом в среде ахоую амацуразку составляли «как бы некоторый привилеги-

⁶¹⁰ ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 52—55.

⁶¹¹ Эти сведения нами приведены в разделе об анхаю.

рованный слой». «Хоть, — писал далее С. Л. Авалиани, — различия между этими двумя разрядами населения существовали, однако они не были столь существенны, чтобы между ними можно было проводить строгую разграничительную линию, но в жизни чувствовалась разница и обычное право-юридическое положение этих двух зависимых разрядов населения все же различало»⁶¹².

Таким образом, хотя в документах 60-х годов ахоую и амацуразку рассматривались как разные типы зависимых сословий, но по существу это был один класс феодального общества, находившийся в разной степени феодальной зависимости.

Б. Азаты

Азаты — «вольнотпущенники» или, как еще их характеризовали члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, «уволенные из других сословий» крестьяне. Они отпускались по какому-нибудь особому случаю, например, за воспитание детей помещиков; в силу «душеспасительной» религиозной цели⁶¹³. Причем если крестьянин, зависевший от какого-нибудь дворянина, состоявшего в свою очередь в зависимости от патрона «вышнего разряда», получал на воспитание сына последнего, то в таком случае он считал себя уже не зависимым от своего непосредственного владельца и свободным в отношении обоих своих патронов⁶¹⁴.

Освобождение азата во всех случаях зависело исключительно «от произвола владельца, или патрона зависимого человека, и нисколько от него самого». Таким образом, крестьяне рассматриваемой категории получали свободу, во всяком случае, чаще всего по инициативе самого феодала, как это было, например, и в Кабарде*. Кроме того, азаты, как и другие абхазские крестьяне, не могли перейти в привилегированное сословие⁶¹⁵.

В конце 60-х годов XIX века в с. Звандрипш жили тридцать Чкадуа, откупившиеся из ахоую в азаты. Они имели четыре купленных у разных лиц участка земли, из коих один — у ахоую Ясы Пандария, находившегося в зависимости от дворянина Смела Званба⁶¹⁶.

Вопреки утверждению некоторых членов Сухумской сословно-поземельной комиссии о том, что абхазские азаты не

⁶¹² Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II, с. 69.

⁶¹³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1013, лл. 1, 15 об.

⁶¹⁴ Там же, д. 1010, л. 4.

* Вообще между абхазскими и кабардинскими азатами имелось большое сходство.

⁶¹⁵ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 4.

⁶¹⁶ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 185.

отбывали никаких повинностей, они, конечно, таковые отбывали, правда, в незначительном размере, а в некоторых случаях это ограничивалось почти религиозной, «нравственной» обязанностью. Одной из специфических обязанностей азатов было, как было отмечено, воспитание детей феодалов. В силу всех этих обязанностей азат должен был жить в селе феодала и следовать за ним, когда он переходил на другое местожительство. А. П. Черепов писал, что азаты « всю жизнь проводят в той общине, где могила благодетеля ». Черепов вместе с тем отмечал, что « за неимением прямых наследников мужского пола и близких родственников имение азата переходит в род того, кто даровал первоначальную свободу »⁶¹⁷. Азаты с. Пахулани, расположенного в пределах Самурзаканской Абхазии, кроме того, были обязаны давать помещику в начале 60-х годов: через год 1 корову, а каждый год 1 барана, 1 печеный хлеб и 1 пирог; угощать его с прислугой и « служить ему верхом и пешком »⁶¹⁸.

Азаты в Абхазии составляли весьма незначительную группу. Но с утверждением здесь русского управления в эту группу начали вступать « все вообще освобождавшиеся из низших сословий ». Число азатов накануне крестьянской реформы в Абхазии, по данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, доходило уже до 2 200 душ⁶¹⁹.

Азатов знали и в других местах, например, в Кабарде, Мегрелии, Имеретии и Гурии. В названных районах Западной Грузии азаты также считались « свободными ». Но и здесь их свобода, пожалуй, еще больше, была относительна, ибо азаты были освобождены лишь от незначительных и унижительных податей и обязанностей⁶²⁰.

6. К общей характеристике положения крестьянства

Характеристика положения дореформенного абхазского крестьянства, разумеется, далеко не исчерпывается сказанным выше. Прежде всего « достоинство » княжеское, дворянское и даже ашнакумовское было « исключительно наследственно ». « Никто из низших сословий не мог получать права и титул князя или дворянина »⁶²¹. Подчиненное положение крестьянской массы проявлялось и внешним образом. Как правило, крестьянин не имел права сидеть в присутствии феодала. При встрече с последним он должен был уступить дорогу и, если на лошади, — спешиться. Крестьянин не мог иметь

⁶¹⁷ Черепов А. П. Указ. соч., с. 411.

⁶¹⁸ ЦГИАГ. ф. 220, оп. 1, д. 877, л. 78 об.

⁶¹⁹ ССКГ, 1870, в. III, с. 7.

⁶²⁰ Авалиани С. Л. Указ. соч., т. 1, с. 61.

⁶²¹ Аверкиев И. Ф. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 74.

дом, крытый дранью, а также обладать лучшим, чем феодал, конем, одеждой, оружием и т. д. Сословное неравенство крестьянства, как видели, особенно яркое выражение находило в «цене крови».

Кроме того, основная тяжесть постоянной заботы по воспитанию почти всего подрастающего поколения феодалов ложилась дополнительным бременем на плечи крестьян анхаю. Между тем как обратное явление — воспитание крестьянских детей князьями и дворянами, в порядке аталычества, исключалось. Существовали правила о строгом сословном ограничении браков, и его нарушение со стороны крестьян обычно влекло за собой трагические последствия⁶²². Отличались даже имена феодалов (Зосхан, Алмахсит, Татыркан, Мурзакан и пр.).

Таким образом, как уже подчеркивалось, отношения между крестьянами и помещиками в феодальной Абхазии, как и повсюду, были политически закреплены системой сословных привилегий.

Естественно, резко отличалось и хозяйство абхазского крестьянства, которое в условиях очень низкого уровня техники большей частью не давало даже минимума для существования. Ф. Дюбуа указывал, что одна или тем более две коровы — большое богатство для крестьянина. Инженер Йогель и топограф Рябов в 1850 году писали, что в Цебельде коровы имеются только у феодалов и зажиточных крестьян⁶²³. О лошадях М. А. Селезнев замечал, что они наличествуют также лишь у князей и дворян и наиболее богатых крестьян, что дает «некоторую значительность в простом народе»⁶²⁴.

Отличался также домашний быт крестьян от жизни тавадов и дворян, «стоявших выше остального населения по своим сословным правам и материальному благосостоянию»⁶²⁵. Например, жилище крестьян характеризовалось примитивностью и бедностью. Основным типом этого жилища и вместе с тем первоначальным была круглая плетеная хижина (акуацв) с конической же крышей из папоротника, соломы или камыша, без потолка, с земляным полом и очагом в центре. Другой тип — плетеная постройка четырехугольной формы с двухскатной крышей. Это жилище, в свою очередь, стало уподобляться деревянной (дощатой) постройке.

Стоимость обыкновенного крестьянского дома Ив. Аверкиев определял в 60-х годах в одну корову, т. е. приблизительно в 10 рублей⁶²⁶. Крестьянам даже запрещалось строить

622 См., например, Черепов А. П. Указ. соч., с. 409; Бгажба Х. С. Н. С. Джанашиа — краевед Абхазии. — Труды АИЯЛИ, 1954, т. XXV, с. 25—26.

623 ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 749, л. 192.

624 Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 207.

625 Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 4.

626 См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 74.

дощатые дома, особенно на высоких столбах (акуаскя). Как свидетельствовал Ф. Дюбуа, если лыхненские крестьяне обладали «убогими и хрупкими», плетеными из глины хижинами, то «более богатые» — деревянными домами⁶²⁷. А инженер Гурьев крестьянские хижины даже называл садками, «в которых перевозят кур»⁶²⁸.

Внутренняя обстановка крестьянского жилья была еще более убогой. Вошедший в него поражался «бедностью и чистотой». Помещения же «более богатых, имевших деревянные дома, отличаются правильно сложенным камином и не так грубо сделанными тахтами и прочею мебелью». У богатых имелись также ковры. Набивание подушек пухом — «тоже привилегия тавадов и аамыста». У многих крестьян постелью служила бурка, или войлок и даже баранья шкура (акуахъч), стелившиеся около очага⁶²⁹. Это отмечали И. Аверкиев и С. Пушкарев. Первый констатировал, что вся посуда в семье бедняков состояла из небольшого чугунного котла и двух или трех маленьких ведер, в которых держали молоко⁶³⁰. Второй, подчеркивая отличие быта князей и дворян определенным удобством, писал: «У них стены дома рубленые, потолки дощатые, устраиваются нары (тахты), заваленные одеялами и подушками и, вместо костров, камин»⁶³¹.

Такой контраст чувствовался и в одежде населения. Русский офицер Ф. Я. Скриневский, посетивший Сухум летом 1807 года, обратил внимание на то, что крестьяне были «одеты бедно, в серые полукафтаны и босы»⁶³². Гамба также свидетельствовал, что крестьяне, которых он видел в том же Сухуме летом 1822 года, были едва прикрыты лохмотьями: из них только некоторые носили обувь самого примитивного вида⁶³³. Генерал М. М. Ольшевский, указывая на тяжелое положение трудовых масс Абхазии, писал в 1839 г.: «На редком абхазце, из черного народа, вы увидите рубашку. Женщины их покрыты рубищами»⁶³⁴. Генерал Г. И. Филипсон, посетивший в 1839 году дом владельца в с. Лыхны также свидетельствует о том, что крестьяне ходили в лохмотьях, едва прикрыты дырявой буркой, а многие были босые⁶³⁵.

Спустя 20 лет после этого офицер С. Смоленский отмечал, что лыхненские «крестьяне, а частью и небогатые дворяне, носят шапки не из бараньего меха, а войлочные... Дорогое оружие, с богатою насечкою, да серебра с блестящей от-

⁶²⁷ См.: Дюбуа Ф. Указ. соч., с. 116. В таком духе писал и П. Гибаль (См. его рук., л. 145).

⁶²⁸ См.: Горный журнал. ч. III, кн. 5. СПб., 1843, с. 292.

⁶²⁹ Введенский А. Н. Указ. соч., с. 5, 15.

⁶³⁰ См.: Аверкиев Ив. Указ. соч. — Кавказ, 1866, № 74.

⁶³¹ См.: Пушкарев С. Указ. соч., — Кавказ, 1854, № 61.

⁶³² ВПР XIX и начало XX века. Серия I, т. IV. М., 1965, с. 51.

⁶³³ Гамба. Указ. соч., с. 91.

⁶³⁴ ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 9 об.

⁶³⁵ Филипсон Г. И. Воспоминания, с. 195.

делкой на ножнах, кинжалов, шашки и ремнях пояса, отличаются лихого наездника или достаточного человека от бедняка». Несколько ниже автор описывает одежду «беднейшего сословия женщин»⁶³⁰.

В отчете Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1804 год констатировалось, что в Абхазии «большая часть учащихся является в школы без обуви и в изодранных платках»⁶³¹. А в отчете за 1867 год читаем, что «большая часть мальчиков и девочек, несмотря на желание учиться, часто по целым неделям не посещает школ, в особенности в зимнее и ненастное время; причину тому — бедность, неимение теплого платья и обуви»⁶³². Не лучшим образом характеризовал положение крестьянских детей вообще А. Н. Введенский. «Начиная от году, — писал он, — и до пяти лет ребенок ходит в одной рубашке, и только более богатые с двухлетнего возраста напяливают на него узкие холщовые панталоны. Дети лиц сословия охую, а в особенности дети ахашал, можно сказать, ходят даже без рубашенок, так как последние представляют ряд лоскутьев... Нужно удивляться, как при такой костюмировке дети переносят все невзгоды погоды, в особенности зимою»⁶³³.

Кроме того, значительная часть крестьянского населения по своей бедности питалась плохо и однообразно. Источники подчеркивают, что если крестьянам приходилось быть «неприхотливыми» в еде, то феодалы и крестьянская верхушка могла предаваться излишествам. Тот же Введенский приводил перечень того, что приготавливалось «у более зажиточных людей» — баранина, курица и пр. Он также писал о том, что к приезду «почетного гостя всегда готовится особенный обед»⁶⁴⁰. Этот обед в честь «почетного гостя» — чаще всего помещика, вконец разорял бедную крестьянскую семью, о чем подробно будет сказано дальше. У бедного населения очень часто недоставало даже хлебных продуктов (кукуруза и просо).

Асасство

Вопрос об асасстве также был существенно связан с отдельными сторонами жизни абхазского крестьянства в целом.

Слово «асас» означает гость. Официальные источники 60-х годов прошлого столетия связанные с этим термином явления в социальной жизни абхазского народа характеризовали как обычное право временного или постоянного переселения

⁶³⁰ Смоленский С. Указ. соч. — Военный сборник, 1872, № 10, с. 354—355.

⁶³¹ Отчет общества... за 1864 г. Тифлис, 1865, с. 19.

⁶³² Там же за 1867 г. Тифлис, 1868, с. 63.

⁶³³ Введенский А. Н. Экономическое положение..., с 11.

⁶⁴⁰ Там же, с. 9.

на одной общины в другую⁶⁴¹. Касаясь закона гостеприимства (асаса) в том его широком смысле, в каком он соблюдался в предреформенной Абхазии, А. П. Черепов отмечал: «Обычай исконный оказывать гостеприимство всякому пришельцу, не спрашивая, кто он, откуда и зачем пришел, так уважается, что никому не отказывалось в приюте, был ли пришелец преступник и искал защиты от преследований, или добровольный изгнанник, не ужившийся с нуждою и горем на родине. Всякий общинник вменял себе в непременный долг не только принять гостя, но ежели гость желал остаться на жительство, оказывать ему защиту и покровительство, пока асас вел себя не оскорбительно в отношении к патрону и его семье. На право принятия асаса не испрашивалось никакого ни от кого позволения»⁶⁴². Д. З. Бакрадзе по этому поводу писал следующее: в Абхазии гостеприимство носит характер гостеприимства и времен Гомера. Проезжая по Самурзакани и Абхазии, вы ничего не можете достать за деньги: предложить деньги значит обидеть. Вы можете остановиться у каждого лишь в качестве гостя, и вам подадут все, что есть; хозяин, к какому бы известному роду ни принадлежал, сама хозяйка, даже невеста станут прислуживать вам, как ваши собственные люди. Они и не сядут в вашем присутствии. Даже сильнейшее, испокон веку продолжающееся кровопролитие бессильно перед обычаем гостеприимства: вы можете быть гостем, ничего не опасаясь, у заклятого вашего врага, который в другом случае готов вас подстрелить, как разбойник из-за куста, или броситься на вас с кинжалом, где бы вас ни встретил»⁶⁴³.

«Гостеприимство у абхазцев, — писал в 1871 году А. Н. Введенский, — развито так же, как у всех восточных народов. Хозяин обесчестит себя, если откажет в ночлеге и ужине каким бы то ни было случаем заехавшему к нему незнакомому гостю. Кто бы ни был приезжий, его встречают с радушием, ему отдается лучшая постель и его угощают всем, что только есть у хозяина. О прислуге и лошади приезжему тоже нечего заботиться, — они будут сыты и приютены. Предложить что-нибудь за ночлег и ужин хозяину — это кровно обидеть его... Обычай гостеприимства так велик, что селения, в которых помещаются власти, в полном смысле обеднели от кормления толпы, ежедневно осаждающей своими просьбами и жалобами начальство»⁶⁴⁴. Спустя два десятка лет Н. М. Альбов писал: «Гостеприимство здесь (в Абхазии. — Г. Д.) не только простой обычай, но скорее закон, вообще нечто священное, что нарушить считается важным грехом, не говоря уже о том, что нарушение это навлекает на того, кто дозволит себе сделать

⁶⁴¹ См., например, П. Д. Краевич «Очерк...», с. 2.

⁶⁴² Черепов А. П. Указ. соч., с. 412—413.

⁶⁴³ Бакрадзе Д. З. Дворянство... С. 3.

⁶⁴⁴ ССКГ, в. VI, 1872, отд. III, с. 10.

это, всеобщее порицание»⁶⁴⁵. Профессор П. И. Ковалевский, выражаясь образно, замечал: «Гостеприимство у абхазцев очень радушное и гости являются настоящими господами сакли»⁶⁴⁶.

К обычаю гостеприимства в Абхазии часто прибегали в случаях, когда тому или иному лицу, как уже часто отмечалось, угрожала какая-нибудь опасность, гнала его нужда. Такое лицо в качестве асаса приходило к новому патрону и вверяло ему свою судьбу. Ответственность хозяина за гостя доходила до степени мщения, если тот подвергался какому-либо действию, ущемлявшему его в физическом или нравственном отношении. Это было аналогично обычаю, бытовавшему, например, у соседних адыгейских племен натухажцев и шапсугов, о котором Л. Я. Люлье сообщал следующее: «Каждый без различия имеет право давать кров или приют... своим единоземцам и оказывать покровительство иноплеменному гостю. В этом случае хозяин, как кунак, ручался перед гостем за его безопасность, а перед своими за его поступок»⁶⁴⁷. Тот же современный автор указывал и на размеры штрафов, поступавших в пользу хозяина за оскорбление и убийство гостя: в первом случае — 1 сха⁶⁴⁸, во втором — 10 сха, независимо от цены крови, следовавшей родственникам убитого⁶⁴⁹.

Интересен следующий факт, относящийся, по-видимому, к 80-м годам XIX века. Однажды, во время полевой работы, в с. Звандрипш крестьянин Муса Айба нанес удар крестьянину Зафасу Вардания (ардан). Айба, избегая мести со стороны фамилии Вардания, бежал к дворянину Мсоусту Званба. У Зафаса был брат по имени Сумана — храбрый и сильный человек. Он ворвался в дом Званба и избил Мусу Айба. Мсоуст Званба был оскорблен: «Кто избил моего гостя, тот избил меня самого», — заявил он. Сумана, опасаясь неприятных последствий своего поступка, вынужден был установить «родственные отношения с дворянином Званба, что налагало на него определенные обязанности по отношению к названному дворянину»⁶⁵⁰. Более того, за оскорбление асаса мстило не только лицо, под чьим «покровительством» находился тот, но,

---

⁶⁴⁵ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», в. III. СПб., 1893, с. 314.

⁶⁴⁶ Ковалевский П. И. Кавказ, т. I. СПб., 1914, с. 32.

«Гость у абхазцев, — писал К. Д. Мачавариани, — считался священным и желательным во всякое время» (Описательный путеводитель..., с. 317).

⁶⁴⁷ Люлье Л. Я. Черкесия, с. 23.

⁶⁴⁸ См.: Сха — мера уголовной пени; слово же «сха» значит голова.

⁶⁴⁹ См.: Люлье Л. Я. Указ, соч., с. 44.

⁶⁵⁰ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 341.

до словам А. П. Черепова, «весь род покровителя и даже вся община»⁶⁵¹.

Являясь созданием эпохи натурального хозяйства и родового строя, гостеприимство составляло характерную черту вообще многих народов, стоящих на известной стадии хозяйственного и социального развития⁶⁵². На содержание асасства в Абхазии не исчерпывалось обыкновенным видом обычая гостеприимства. Он охватывал, можно сказать, целый ряд институтов, отличающихся по своей социально-экономической природе.

В данном случае нас интересует социально-классовый характер проявления асасства. Этот вид асасства в социально-экономических отношениях Абхазии изучаемой эпохи, как и в любой другой стране, где он осуществлялся, представлял собой новое явление. Отмеченная эволюция асасства заключалась в превращении его, с одной стороны, в определенное орудие феодальной эксплуатации крестьян, с другой стороны, — в своеобразную форму классовой борьбы этих последних. Эксплуататорская сущность такого асасства, прикрытая патриархальщиной, выражалась, как уже частично отмечалось, прежде всего в том, что феодал во всякое время мог заезжать к своему крестьянину, который обязан был угощать помещика должным образом, в результате чего подчас «в один день истреблялся труд целого года, тунеядцы питались на счет трудолюбивых»⁶⁵³. Е. И. Энегольм писал, что абхазские феодалы не имеют «настоящего понятия о порядке и управлении», что их жизнь «проводится в беспрестанных проездах из одного конца своего владения в другой, оставляя по себе единственно только следы разорения»⁶⁵⁴.

Ф. Ф. Торнау также отмечал: «Гостеприимство есть самый разорительный для абхазцев обычай...»⁶⁵⁵. В этом отношении заслуживает внимания и сообщение А. П. Черепова, который писал, что ахылапшу, патронат которого признавали многие общины, «имел по обычаю право переезжать с семьей в зимнее время из одной деревни в другую недели на две, на три и кормиться в них...»⁶⁵⁶.

Вот почему обычно очень гостеприимный абхазский крестьянин крайне неприязненно смотрит на «посещение» его владельцем и «тайно помышляет о скорейшем отъезде почетного посетителя»⁶⁵⁷.

Данный вид эксплуатации крестьян не был, конечно, чем-

651 См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 413.

652 Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии абхазов, с. 20.

653 Рапорт А. И. Будберга М. С. Воронцову от 7 сентября 1846 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, 1846 г., д. 6597, лл. 84—95.

654 Энегольм. Указ. рук.

655 Торнау Ф. Ф. Обычай абхазского народа... С. 121.

656 Черепов А. П. Указ. соч., с. 403.

657 Чернышев К. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 82.

то специфическим для Абхазии. Известно, например, что грузинские крепостные крестьяне повсеместно были обязаны содержать своих помещиков с их семьями и свитой, когда бы им ни вздумалось пожаловать к ним в гости. В частности, в Нижней Мегрелии для крепостных мебегре существовала повинность под названием «очамури» или «очкомури», т. е. «кормление», сущность которой заключалась в том, что помещик один или два раза в год приезжал к мебегре, который должен был угощать его⁶⁵⁸.

В связи с этим хочется сослаться на следующее заявление одного из руководителей крестьянского движения 1856—1857 годов в Мегрелии Уту Микава, которого его классовые враги называли «Дантоном мингрельской революции». В Мартвильском монастыре, отвечая на вопросы княгини Екатерины Даддани, в присутствии зугдидского окружного начальника Эристова, Уту Микава сказал: «Вот тут под горой (а Мартвильский монастырь на высокой горе) живет крестьянин, вам принадлежащий. У этого бедняка была час тому назад корова, единственное его достояние; она молоком своим кормила его маленьких детей, и коровы этой у него уже теперь нет: ее зарезала ваша свита, приехавшая с вами в монастырь, и теперь готовит себе из нее шашлык. Никто и ничем не вознаградит этого бедняка за его корову... Вы сами того не подозреваете, что куда вы ни поедете, всюду несете с собою несчастье. К чему мне было приходиться к вам и говорить о горе таких же бедняков, как и этот крестьянин, ведь вы ничем ему не поможете...»⁶⁵⁹.

Другие моменты асасства были связаны с «гостеванием» самих крестьян, имевшим иное значение по своему характеру и содержанию. Речь идет о том «гостевании», которое у авторов 60-х годов XIX века покрывалось понятием асасства вообще: обычное право переселения из одного места в другое. Этот вид асасства был массовым и именно со стороны крестьянства. Причем в ряде случаев он носил характер коммандации; крестьяне коммендировали себя под защиту сильного и могущественного патрона. Это было чаще всего по отношению к состоятельным феодалам. Но крестьяне становились гостями и у крестьян, как правило, у состоятельных анхаю, иногда у целой фамилии крестьян этой категории или же общины⁶⁶⁰.

Многие современные авторы отмечали многочисленность крестьянских асасов. Так, при составлении камерального описания Сухумской сословно-поземельной комиссией в 1867 году в каждом селении обнаруживалось от 5 до 10, а в некоторых

⁶⁵⁸ Записка Р. Эристова от 16 марта 1866 г. — «Материалы по истории Грузии (1862—1917)», т. I, ч. I, с. 396.

⁶⁵⁹ Бороздун К. А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб., 1855, с. 187.

⁶⁶⁰ Краевич П. Д. Очерк... С. 14.

даже до 15 дымов крестьян-асасов⁶⁶¹. Абхазские помещики в своей докладной записке от 23 марта 1870 года также свидетельствовали, что во всех помещичьих деревнях было множество таких крестьян⁶⁶².

Поскольку среди причин этого переселения населения (малоземелье, бедность, болезнь, кровная месть, несправедливость «народных» судов, убийство владельцев и пр.) главной являлось сопротивление крестьян растущей феодальной эксплуатации, благодаря чему данное явление носило своеобразную форму классовой борьбы крестьянства, то конкретные факты этого рода будут рассмотрены в главе о классовой борьбе. Между прочим, указанная форма борьбы крестьянства имела широкое распространение вообще в феодальной Грузии, что было известно под названием «хизаноба — бога-нооба»⁶⁶³.

При весьма несложном домашнем обустройстве и нехитром хозяйственном укладе, при наличии значительных свободных земельных пространств такие переселения абхазских крестьян не представляли особых затруднений. Причем такое передвижение крестьянского населения имело место не только внутри Абхазии. Наблюдалось переселение крестьян в Абхазию также извне, в основном вследствие тех же причин, о которых говорилось выше. Такой приток наблюдался особенно из горских абхазских и адыгских племен, Мегрелии и Гурии. Об асасах из Мегрелии и Гурии А. Н. Введенский писал, что они «принадлежали к бывшим зависимым сословиям, искавшим себе место для поселения и нашедшим его, благодаря обычаю гостеприимства, в Самурзакани»⁶⁶⁴.

Правом асасства в ряде случаев пользовались также русские солдаты, бежавшие, главным образом, в горные районы Абхазии от тяжелой армейской службы. В одной только Цецбельде в 1837 году было обнаружено 129 русских солдат, из которых некоторые обзавелись семьями и жили здесь по 25—30 лет⁶⁶⁵.

Строгость соблюдения права асасства объяснялась не только строгостью самого обычая, но и заинтересованностью в этом новых патронов. Отдельные владельцы охотно привлекали крестьян асасов и заселяли ими свои земли, так как для них такие крестьяне, говоря словами С. Л. Авализани, «составляли силу и гарантировали защиту и некоторую безопасность»⁶⁶⁶. В наделении земель данных крестьян феодалы были заинте-

⁶⁶¹ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 179.

⁶⁶² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45.

⁶⁶³ Кантария Н. Г. Хозяйство грузинского помещика в XVIII веке. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1955, с. 6.

⁶⁶⁴ Введенский А. Н. Абхазцы... С. 14.

⁶⁶⁵ Отношение Розенда Чернышеву от 21 мая 1837 г. — АКАК, т. VIII, ч. I, с. 459.

⁶⁶⁶ Авализани С. Л. Указ. соч, т. II, с. 74.

ресованы по той же причине, по какой они сажали на землю ахашвала — рабов.

Сами абхазские феодалы в докладной записке от 23 марта 1870 года об этом писали совершенно недвусмысленно. «...Помещикам, — читаем в этом документе, — очень было выгодно привлекать на свою сторону как можно больше приверженцев. Этим объясняется, с одной стороны, многочисленность хизанов (асасов. — Г. Д.) во всех помещичьих имениях, а, с другой, — снисходительность помещиков в представлении им в пользование значительного количества земли, часто без всякого вознаграждения»⁶⁶⁷.

Одним из признаков, которые определяли силу и значение того или иного владельца, являлось обстоятельство, оказывали ли последний «покровительство» асасам. Во время крестьянской реформы фамилии Багба (с. Аацы), Барас (с. Калдахвара и с. Лдзаа), Блаб (с. Блабурхва), Папба (с. Папцва), Садзба (с. Лдзаа), Микялба (с. Гагрипш), Цышвба (с. Отхара), Чрыгба (с. Яштхуа) и другие были признаны дворянскими, ко всему прочему, за то, что они «принимали приходящих к ним асасов». Фамилии же Баалоу (с. Яштхуа), Цугба (с. Аацы), Капш (с. Бармыш), Пилия (с. Лыхны), Шакрыл (с. Лыхны) и другие не были признаны принадлежащими к дворянскому сословию, поскольку они, наряду с отсутствием других необходимых условий, «асасов не принимали»⁶⁶⁸.

Положение крестьянских асасов, как правило, по крайней мере на первых порах, выгодно отличалось от прежде занимаемого ими положения, чем в значительной степени был и обусловлен столь массовый характер передвижения крестьян. Вместе с тем институт асасства, как уже отмечалось, создавал известный тормоз для стремления феодалов окончательно закрепить анхаю. В этом смысле и надо понимать слова С. Л. Авалиани о том, что «страх асасства, право переселения, способствовал некоторому равновесию отношений между пиоши (анхае) и владельцами их»⁶⁶⁹.

Но, с другой стороны, для владельцев, как отмечалось, изучаемое явление было важным средством приобретения зависимых крестьян. Тем более, что с течением времени привилегии, связанные с асасством, исчезали и между асасами и их «покровителями» устанавливались обычные отношения, существовавшие между отдельными категориями крестьян и их владельцами. При этом в некоторых случаях процесс закрепощения крестьян-асасов шел быстрее в силу ряда причин, одной из которых являлась оторванность того или иного крестьянина от своего рода и, таким образом, лишение его родовой помощи в сопротивлении феодалу.

⁶⁶⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45.

⁶⁶⁸ Там же, ф. 231, оп. 2, д. 271.

⁶⁶⁹ Ав а л и а н и С. Л. Указ. соч., т. II, с. 67.

Д. Чхотуа писал, что крестьянин, притесняемый своим помещиком или соседом, тайно переходил к другому владельцу и таким путем становился свободным человеком. Такое асасство было формой защиты, как и аталычество. Но впоследствии «добровольные» приношения и служба такого крестьянина становились обязательными, и таким образом между ним и новым господином устанавливались настоящие крепостнические отношения⁶⁷⁰.

Асасами становились не только крестьяне, но и представители класса феодалов. «Асасы бывают всех сословий», — писал А. П. Черепов⁶⁷¹. А. В. Пахомов писал, что в Сухумском округе все фамилии высшего сословия (за исключением гумских Анчабадзе, гульрипшских Маршания и ешерских Дзапшипа) поселились в имении князя Д. Г. Шервашидзе сравнительно недавно на правах асасов⁶⁷². В с. Акапа в качестве асасов жили князь Кизилбек Маршания (Ате-ипа)⁶⁷³ и дворянин Куджба⁶⁷⁴, в с. Ауарча — сын Тагу Маргания⁶⁷⁵. Депутаты абхазского дворянства в своей докладной записке также отмечали, что некоторые лица из высшего сословия жили асасами на чужой земле⁶⁷⁶. Вместе с тем они довольно объективно характеризовали отношения, установившиеся между асасами и помещиками — владельцами земли, на которой они поселялись. Асасы из высших сословий были обязаны служить своим помещикам так, «как прилично служить князьям и дворянам», т. е. они должны были находиться в свите помещика в поездках и походах, оказывать ему помощь и содействие «во всех схватках и войнах помещиков между собою и вообще помогать своим помещикам во всех их предприятиях». Дворянские асасы напоминали добровольно коммендированных грузинских азнауров.

Крестьянские же асасы на первых порах своего поселения на новом месте платили так называемые «праздничные дары» и были обязаны выходить «по приглашению» помещика на полевые работы⁶⁷⁷. Со временем, как уже говорилось, эти асасы становились типичными крестьянами, той или иной категории, владельца занимаемой ими земли и тогда они несли все повинности, лежавшие на таких крестьянах. Земля, занимаемая асасами, к какому бы они сословию не принадлежали, не переставала считаться собственностью помещика⁶⁷⁸.

670 См.: ჩხოტუა დ. ორი ჩვეულება აფხაზეთში. დროება, 1872, № 30.

671 См.: Черепов А. П. Указ. соч., с. 413.

672 См.: Пахомов А. Записка... С. 241.

673 См.: ЦГИА, ф. 1719, оп. 1, д. 6/29, лл. 392—393 об.

674 См.: Там же, ф. 231, оп. 2, д. 271, л. 91.

675 См.: Там же, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2—8.

676 См.: Там же, 1866 г., д. 1014, л. 45.

677 См.: Как отмечал Д. С. Старосельский, «временные асасы» давали дань (ажидз) «покровительствуемым фамилиям» (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, д. 74, л. 50 об.).

678 См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45.

Жившие в с. Яштхуа Чрыгба оказывали покровительство асасам, из которых некоторые «перешли совсем в зависимость» Чрыгба. Анхаю Эслам Қайтан и Кубзач Чедия прибыли в качестве асасов в с. Лыхны к ашнакума Н. Н. Шакрыл (ум. 1835 г.) и его сыну Рашиту начали отбывать повинности анхаю, по решению народного суда, за долги, уплаченные за них Н. Н. Шакрыл. Причем к моменту крестьянской реформы их уже было 5 дымов⁶⁷⁹. Крестьяне Брандзе, в свое время бежавшие из родного села, в конце концов стали под «покровительство» Нарчоу Инал-ипа (с. Лдзаа). До 1867 года они, как асасы, почти ничего не платили, но в августе указанного года Самшуг Инал-ипа начал требовать от крестьян Брандзе повинности, и они, «как малосильные, не могли сопротивляться», т. е. вынуждены были нести разные повинности. У дворянина Каца Маан (Маргания) в качестве асаса жил крестьянин Цейба. Когда последний умер, Кац потребовал от его сыновей взноса ажидз, применив при этом «насильственный поступок»⁶⁸⁰.

Из изложенного нетрудно заметить, что асасы не составляли определенную, самостоятельную социальную категорию того или иного класса феодального общества. Не случайно поэтому, что в документах, в частности в «Положении» о крестьянской реформе в Абхазии, асасы не характеризуются как категория или вовсе не упоминаются. Неоднократность массы асасов выражалась не только в том, что речь шла о представителях двух антагонистических классов, хотя и в разной степени, но внутри отдельных групп указанной массы ясно отражалась та дифференциация, которая наблюдалась в жизни каждого из этих классов в отдельности.

Разумеется, положение, например, анхаю существенно отличалось от положения ахоую, хотя тот и другой, равно как и в том случае, когда речь шла о таваде или аамста, назывались асасами. В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим такое сообщение: асасство ахоую и амацуразку «было обставлено некоторыми особыми условиями»⁶⁸¹.

Отождествления абхазских крестьянских асасов с грузинскими хизани, как это делали, например, депутаты дворянства Абхазии в упомянутой выше докладной записке и, по-видимому, на основании этого материала, К. И. Багратион-Мухранский, С. Л. Авалиани и С. С. Эсадзе, или же с миндобили Мегрелии, нельзя допустить, хотя в их положении и наблюдались общие моменты. Прежде всего, хизани и миндобили составляли определенную социальную категорию и именно крестьянскую; по выражению того же Авалиани, хизани —

679 ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 110, 115.

680 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 123 об. — 125.

681 Краевич П. Д. Очерк. С. 14.

«значительный разряд крестьянского населения»⁶⁸², причем крепостного. Абхазских же асасов, как мы видели, никак нельзя характеризовать такой категорией. Хизани уходили от своих помещиков, как правило, с их согласия, и на известных условиях садились на земле других помещиков, при этом обычно сохраняя определенные связи и с первыми.

Что же касается абхазских крестьян-асасов, то они от прежних своих господ уходили, очевидно, главным образом без их согласия и, следовательно, порывая с ними отношения. Более того, в таких случаях обычно они становились во враждебные отношения со своими бывшими хозяевами, так как сам факт такого ухода был обусловлен, преимущественно, тем или иным конфликтом, чаще всего — классового характера. Но, конечно, как видно и из сказанного, не исключались факты, когда крестьяне уходили с согласия своих владельцев, сохраняя с ними определенные юридические отношения. В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии находим указание о том, что одним из условий, делавших асасство «удобоисполнимым», была «даже возможность сохранить за собой землю (например, в случае, если асас имел немалочисленную фамилию родственников в оставленном селе)»⁶⁸³. Имеется и такое сообщение, что, «по обычаю, абреки и асасы, возвращающиеся на родину, сохраняют право собственности на свои родовые и вообще приобретенные обычными путями участка»⁶⁸⁴.

Вообще среди причин, вынуждавших крестьян переходить от одних помещиков к другим в качестве хизани и асасов (основной из которых в конечном итоге являлась экономическая причина), были и общие моменты. При этом интересно заметить, что как и асасы, коммендировавшие себя под защиту сильных и могущественных патронов, грузинские крестьяне, известные под названием «хизани» и «миндобили», иногда назывались «стумари» — гость, в каком-то понятии и осмысливается абхазский термин «асас». Общих моментов между хизани и крестьянскими асасами было еще больше, когда речь шла о тех хизани, которые образовались на почве их бегства от своих помещиков, в каком-то случае данный поступок также часто носил характер классовой борьбы. В этой связи следует подчеркнуть, что в известные периоды истории позднефеодальной Грузии непосредственные производители массами прибегают «к последнему средству классовой борьбы в феодальном обществе: делаются «богано» и «хизанами» (беглые)»⁶⁸⁵. Общие моменты в положении между хизани и кре-

⁶⁸² А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. IV. Тифлис, 1920, с. 141.

⁶⁸³ Краевич П. Д. Очерк... С. 14.

⁶⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 11.

⁶⁸⁵ Бердзенишвили Н. Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.). Тбилиси, 1938, с. 9.

«стьянскими асасами наблюдались и в их дальнейших судьбах. Хизани не могли находиться в приюте; «гостем» (стумари), продолжительное время; долговременное пребывание их на земле одного и того же владельца делало таких крестьян прикрепленными не только к месту, но и к лицу; постепенно стирались грани между юридическим положением хизани и крепостных⁶⁸⁶.

То же самое происходило и в жизни крестьян-асасов по отношению к соответствующим категориям абхазского крестьянства, причем настолько быстро и определенно, что данный процесс являлся важной помехой в формировании этих асасов в особую крестьянскую категорию. В то же время центральная феодальная власть в лице владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе пыталась препятствовать крестьянам пользоваться обычаем асасства, т. е. правом перехода. Это было связано с той общей политикой усиления крепостничества в Абхазии и являлось одним из тех мероприятий в этом направлении, которые были предприняты названным владельцем, при поддержке царских властей, начиная с 40-х годов XIX века. Ставилась цель таким путем лишить крестьян возможности «отхода от своих помещиков под покровительство других»⁶⁸⁷.

Отношение же царского правительства к крестьянам-асасам видно хотя бы из тех мероприятий, которые были приняты по отношению к ним при проведении крестьянской реформы в Абхазии, когда асасы не были признаны отдельной социальной категорией. В проекте поземельного устройства населения Абхазии, разработанного Сухумской сословно-поземельной комиссией (1869 г.), содержалось «отделение» (II) под названием: «Об ограничении частного землевладения по отношению к асасам»⁶⁸⁸. Асасы всех сословий, говорилось в этом документе, выселившиеся из своих селений после 1 января 1865 года, сохраняют за собой право возвратиться на старые места в течение одного года по объявлении «Положения» о крестьянской реформе. Право частной собственности на земли представлялось асасам лишь по месту постоянного их жительства или в старом месте, если они избрали таковое для своей постоянной оседлости. Все земли, которые не могли подлежать утверждению за асасами, должны были поступить в казенное ведомство.

Асасы, переселившиеся из своих селений менее 10 лет назад до объявления указанного «Положения» и ранее 1 января 1865 года, также сохраняли право возвращения на старые места жительства в течение одного года со дня объявления «Положения». Если эти асасы оставались в новых местах по-

⁶⁸⁶ Авалиани С. Л. Указ. соч., т. IV, с. 146.

⁶⁸⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, 1846 г., д. 6597, лл. 84—95.

⁶⁸⁸ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 12 об. — 13.

селения, то в старых местах жительства им представлялось удерживать за собой в собственность сады, но только не пахотные и усадебные места, которые должны были быть изъяты из их владения. Изложенное выше можно было применить к землям, остававшимся в новом месте, т. е. сады считались собственностью асасов, а усадебные и пахотные места изымались из их владений. И только асасы, переселившиеся 10 и более лет назад до дня объявления «Положения», в отношении сохранения прав собственности на сады, усадебные и пахотные места, подчинялись общим правилам.

Как было определено в инструкции по земельному устройству Абхазии (29 мая 1872 г.), посредствующее бесплатное пользование пахотными землями⁶⁸⁹ признавалось как факт пользования лишь в отношении земель, находившихся в том же селении, где жило лицо, претендовавшее на это. Данное правило применялось и к землям, представлявшимся в посредствующее бесплатное пользование асасам. Причем асасами признавались лица, оставившие свои прежние места жительства и перешедшие на жительство в другие селения в последние 10 лет, считая по 19 февраля 1871 года⁶⁹⁰.

Об эксплуататорской сущности других обычаев, которыми всемерно пользовались абхазские феодалы, а также о недвусмысленно свидетельствующих фактах о том, что отношения между крестьянами и помещиками в феодальной Абхазии были политически закреплены системой сословных привилегий, мы уже говорили, особенно при анализе крестьянской категории анхаю.

Торговля невольниками (работорговля)

Как уже отмечалось, торговля невольниками (рабами) являлась для абхазского народа, как и для многих других народов Кавказа, огромным национальным бедствием на протяжении многих веков.

Наиболее мрачный период в этом отношении наступает с установлением здесь владычества турецких султанов, когда, по выражению военного историка XIX века Р. А. Фадеева, «весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок»⁶⁹¹.

---

⁶⁸⁹ См.: Посредствующее пользование — когда находившаяся за данным лицом или дымом земля уступалась ими во временное пользование другим за плату или бесплатно.

⁶⁹⁰ См.: Исторический архив, V, 1950, с. 429—430.

⁶⁹¹ См.: Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860, с. 17.

По этому вопросу здесь будет сказано лишь вскользь, хотя он и имеет важное значение для характеристики прежде всего крестьянства, поскольку ему посвящается целая глава (III) в нашей монографии «Махаджирство...».

Со времени установления владычества султанской Турции, в частности в Абхазии, «принявшая чрезвычайные размеры торговли людьми не давали ему (абхазскому народу. — Г. Д.) возможности поправиться: все цветущее здоровьем и силой народонаселение шло на рынки Турции или погибало в рабстве у горцев Северного Кавказа»⁶⁹².

Сухумская сословно-поземельная комиссия отмечала, что «вследствие огромного развития» пленнопродавства «нельзя было ругаться даже в течение короткого времени за безопасность своего семейства, за то, что не произойдет нападения со стороны кого-либо, главным образом жителей другого селения. без всякого иного повода к тому, кроме корыстных целей нападающих, находивших легкий сбыт захваченных людей в соседних горских обществах, преимущественно же у береговых турок. которые всегда давали хорошую цену на этот предмет своей торговли. Это обстоятельство заставило быть постоянно настороже, и днем и ночью, и всегда держать наготове оружие»⁶⁹³.

После присоединения Абхазии к России русские власти, как и повсюду, повели борьбу против рассматриваемого явления, приняв ряд специальных мер. В частности, еще в 1820 году генерал А. П. Ермолов писал: «Доселе наблюдением командующего гарнизоном нашим в Сухум-Кале сколько возможно полагается преграда торга пленными, для чего предложено мною назначение нескольких судов для крейсирования около берегов...»⁶⁹⁴.

Трудовой народ оказывал активное сопротивление торговле людьми. Непримируемую борьбу против этого уродливого явления вели и передовые люди края.

Положительное значение всей этой борьбы против работорговли трудно, конечно, переоценить. Работорговля на берегах Абхазии и в соседних с ней районах были значительно сокращена, хотя и не была окончательно искоренена и продолжалась до 1860-х годов, т. е. до тех пор, пока политическое укрепление России на Кавказе в целом и процесс разложения феодализма не подорвали ее основы.

* * *

Бесконечные феодальные междоусобицы и распри, о которых частично уже говорилось, пагубным образом отражались прежде всего на крестьянах. Враждующие стороны уничтожали хозяйства крестьян целых сел, а часто истребляли и их самих.

---

⁶⁹² Введенский А. Н. Экономическое положение..., с. 4.

⁶⁹³ См.: Краевич П. Д. Очерк... С. 17.

⁶⁹⁴ ЦГАДА, ф. Ермоловых, ф. 256, лл. 9—12.

Начальник Черноморской береговой линии генерал А. И. Будберг в рапорте на имя наместника Кавказа князя Воронцова от 7 сентября 1846 года писал: «Мщенье князей и дворян не ограничивалось личным вредом своим врагам, но распространялось на их подвластных. Целые аулы были уничтожаемы, жатвы истреблялись, народ оставался без крова и пищи и не был огражден против таких бедствий никакими условиями общественной жизни, потому что все это считалось законным мщением»⁶⁹⁵. Сухумская сословно-поземельная комиссия также указывала, что «всякое неудовольствие, ссора между привилегированными фамилиями прежде всего отражались на их подвластных: на них вымещалось это неудовольствие. При кровомщениях мстившая сторона вторгалась в другое селение как в неприятельскую страну, предавала все огню, совершала убийства, захватывала пленных, угоняла скот, забирала все, что только можно было взять, и уходила обратно с добычею»⁶⁹⁶.

Когда Нарчуо Инал-ипа вследствие гнева владельца за поддержку его противника Хасанбея Шервашидзе, в конце 20-х годов бежал из с. Калдахвара на правую сторону р. Бзыбь, в Аспа, то владелец Абхазии М. Шервашидзе напал на названное село и оно было сожжено до основания⁶⁹⁷. На народном собрании, состоявшемся в с. Лыхны в 1846 году, был поставлен вопрос о борьбе против воровства, кровомщения и других видов преступлений. По сообщению Н. И. Карлгофа, это предложение крестьянами было принято единодушно и с восторгом. Но впоследствии князь и дворяне, «усмотрев, что новые постановления клонятся преимущественно к обузданию их сословия, тайно старались вредить их успеху»⁶⁹⁸. В 1854 году в с. Окум молодой кн. Эмухвари похитил княжну Анчабадзе, что имело весьма печальный исход: взаимное кровомщение разыгралось в таких размерах, что с той и другой стороны было убито более 10 князей и несколько десятков подвластных им крестьян, а также дворян⁶⁹⁹.

Жители сел, подвергавшихся варварским нападениям, часто «оставляли дома и бежали искать убежища в других селениях, забирая с собою, что можно. Для многих такое переселение было полным, т. е. они водворялись окончательно в новых местах»⁷⁰⁰. В 1863 году в с. Бармыш был убит князь Чачагва Инал-ипа его однофамильцем калдахварским князем Соулахом. Бармышские крестьяне, опасаясь нападения со сторо-

⁶⁹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 84—85.

⁶⁹⁶ ССКГ, 1870, в. III, с. 16.

⁶⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 66—66 об.

⁶⁹⁸ Карлгоф. Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря, 1853 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18514, л. 12.

⁶⁹⁹ Бартоломей И. и Мачавариани Д. Нечто о Самурзакани. — ЗКОИРГО. 1864. кн. V, с. 76.

⁷⁰⁰ ССКГ, 1870, в. III, с. 16.

ны родственников Чачагвы, бежали в с. Псырцха. Действительно, скоро калдахварцы вторглись в с. Бармыш и, не найдя никого, сожгли дома и забрали с собой имущество населения⁷⁰¹.

Дальский князь Магмед-Гирей Маршания напал на имения абжуйских феодалов Мажары и Гыда Шервашидзе, вследствие чего жители вынуждены были бросить свои жилища и посеы и скрываться в лесах⁷⁰².

О некоторых других нападениях феодалов, которые совершались с целью добычи пленных (рабов), уже говорилось выше. В частности, отмечалось, как в 1863 году дворянин Хасан Маан (Маргания) во время одного такого нападения сжег 8 деревень и два с половиной десятка крестьян угнал в рабство. Этот феодал, в течение долгого времени являвшийся правой рукой владетеля Абхазии, «теснил личных врагов своих, заводил интриги..., находился непрерывно в кровавой вражде с разными фамилиями, в которой многие пали от руки его». Однако, «живя постоянно в недоступном месте», в с. Псырцха, «окруженный всегда многочисленною свитою и покровительствуемый владетелем, он ловко и счастливо избегал кровомщения, а сам наводил страх на своих врагов»⁷⁰³.

Надо сказать, что владетель вообще, «облагая простолюдинов за малые проступки огромными штрафами в пользу своей казны», как писал наместник Кавказа М. Н. Романов в марте 1864 года, «оставляет всегда безнаказанными сильных хищников и убийц и даже покровительствует им; от этого-то хищничества грабежи и убийства сделались в Абхазии явлениями постоянными. Народ страдает...»⁷⁰⁴.

Феодалы в широких размерах занимались воровством. «Замечательно еще и то, — писал К. Чернышев, — что воровством в Абхазии занимаются не столько низшие, сколько высшие члены общества; не имея достаточных средств к жизни и, считая труд стыдом, для прокормления своего семейства отпускаются в воровство»⁷⁰⁵. Ф. Завадский также подчеркивал, что «нужно сказать, к чести абхазцев, что воровством занимались немногие, и то люди бездомные, чуждающиеся труда, как-то: обедневшие князья и дворяне»⁷⁰⁶.

А. Н. Введенский, касаясь вопроса воспитания детей у абхазцев, писал, что «дети зависимых сословий, которым волей-неволей приходится помогать отцу и матери в их домашнем и полевом хозяйстве, выходят несравненно лучше, нежели дети лиц привилегированных фамилий, приучающиеся из-

⁷⁰¹ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения..., с. 357.

⁷⁰² ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 1—21.

⁷⁰³ Там же, д. 41, лл. 44—49.

⁷⁰⁴ ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, лл. 29—34.

⁷⁰⁵ Кавказ, 1854, № 83.

⁷⁰⁶ Там же, 1867, № 61.

мальства к бездельничанью. Поэтому проступки воровства, мошенничества и разводы, вследствие безнравственной жизни одного из супругов, встречаются и до настоящего времени гораздо чаще между тавадами и амиста, нежели между анхае и ахоую»⁷⁰⁷.

Все указанные моменты лишали крестьян, точнее — низшие слои этого класса, возможности ведения интенсивного хозяйства и, в результате, тормозили экономическое развитие страны.

Большим злом для крестьянства являлись также частые неурожаи и эпидемические заболевания. Р. де Скасси писал, что голод и чума, свирепствовавшие в 1811 и 1812 годах во многих регионах Грузии⁷⁰⁸ и Кавказа, охватили и Абхазию, где погибла чуть ли не половина населения⁷⁰⁹, а на Северном Кавказе вымерли жители нескольких абазинских аулов⁷¹⁰. После восстания 1824 года в Абхазии, по словам одного автора, народ также был «ущемлен голодом и мором»⁷¹¹. Декабрист В. С. Норов в письме от 1 сентября 1835 года из Бамбо-ры подчеркивал, что чума «часто посещает Абхазию»⁷¹². В 1867—1870 годах в Сухуме разразилась эпидемия холеры⁷¹³. Врач И. И. Пантюхов писал, что наблюдения за последние десятилетия XIX века показывают, что абхазское население «ни в коем отношении не прогрессирует... смертность его весьма велика»⁷¹⁴.

Зима 1839—1840 годов была на Черноморском побережье Западного Кавказа очень суровой. Массовый падеж скота и полное истощение хлебных запасов в сочетании с сильными морозами и большим снегопадом обрекли население указанной территории на необычные лишения⁷¹⁵. Это относилось частично и к Абхазии, особенно к Цебельде. Цебельдинский пристав подпоручик Ф. Я. Лисовский сообщал, что «в Цебельде голод»⁷¹⁶. Неурожайным был и 1840 год, в результате чего население Абхазии до начала следующей осени испытывало «большой недостаток в продовольствии». Особенно в

707 Введенский А. Н. Экономическое положение... С. 12.

708 См.: АКАК, т. V, с. 29, 33, 35—36.

709 Там же, т. IV, ч. I, с. 648.

710 См.: Басарня С. П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 92.

711 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1—49.

712 Русский вестник, 1900, кн. 2, с. 295.

713 См.: Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. М., 1960, с. 53; МКСМО, 1873, с. 9—18.

714 Пантюхов И. И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899, с. 18.

715 См.: АКАК, т. IX, с. 500.

716 См.: ЦГВИА, ф. ВУА, 1844 г., д. 6417, лл. 7—17.

Самурзаканском регионе «этот недостаток продовольствия обратился в совершенный голод». «Многие, — писал начальник Черноморской береговой линии генерал Будберг, — израсходовав последние остатки зернового хлеба, питались, где имели, одним молоком, другие, лишенные даже сего средства, употребляли в пищу незрелые плоды, а по истощении и сего источника, утоляли мучительный голод одною травой без соли». Когда в связи с этим страшным голодом начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал Врангель прибыл в Окум, все жители собрались и умоляли его «спасти их с семействами от угрожающей им голодной смерти». Эти опасения «были не преувеличены», — писал тот же Будберг, — «в одной сакле, несколько отдаленной от селения, найдено было случайно подошедшими соседями целое семейство из 5-ти человек при последнем почти издыхании от голода. Из них один умер, а четверо, получив пособие, подают надежду к сохранению жизни»⁷¹⁷.

Садзский (джигетский) пристав и военный начальник укрепления Св. Духа С. Т. Званба 14 июня 1845 года доносил начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии о том, что «в Джигетской земле ныне почти в течение двух месяцев не было дождей: хлеба, засеянные в особенности в низменных местах, почти выгорели»⁷¹⁸. Перед Крымской войной в Абхазии разразилась болезнь винограда⁷¹⁹. В 1864 году был плохой урожай кукурузы⁷²⁰. В 1865 году наблюдался повсеместный неурожай винограда⁷²¹. Это лишь некоторые факты, запечатленные в наших источниках.

Усиление гнета абхазских феодалов, колониальная политика царизма, бедственное положение постоянно вызывало стихийное недовольство и выступления крестьянских масс. Но эти вопросы, как уже указывалось, будут рассмотрены в следующем томе.

717 См.: Там же, д. 6541, лл. 107—113.

718 ГАКК, ф. 260, д. 558.

719 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

720 Аверкиев Ив. С северо-восточного берега Черного моря. — Кавказ, 1866, № 70.

721 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 76, лл. 138—141.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПР	—	Архив внешней политики России.
АИЯЛИ	—	Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.
АКАК	—	Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
ВНР	—	Внешняя политика России.
ВУА	—	Военно-ученый архив.
ГАКК	—	Государственный архив Краснодарского края.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения.
ЗКОСХ	—	Записка Кавказского общества сельского хозяйства.
ЗООИД	—	Записка Одесского общества истории и древностей.
ИКОРГО	—	Известия Кавказского отдела Русского географического общества.
ИРГО	—	Институт Русского географического общества.
ИРК	—	Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР.
КК	—	Кавказский календарь.
КС	—	Кавказский сборник.
КСХ	—	Кавказское сельское хозяйство.
КФ ЦИАГ	—	Кутаисский филиал центрального государственного исторического архива Грузинской ССР.
КЭС	—	Кавказский этнографический сборник.
ЛО	—	Ленинградское отделение.
ЛОААН	—	Ленинградское отделение Архива АН СССР.
МИД	—	Министерство иностранных дел.
МСҚМО	—	Медицинский сборник Кавказского медицинского общества.
ОР ГБЛ	—	Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.
ООВПХК	—	Отчет общества восстановления православного христианства на Кавказе.
ПСЗРИ	—	Полный свод законов Российской империи.
РО ГПБ	—	Рукописный отдел Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
СМОМПК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

- ССК — Сборник сведений о Кавказе.
- ООГК — Сборник сведений о кавказских горах.
- ТКОСХ — Труды Кавказского общества сельского хозяйства.
- ЦГАА — Центральный государственный архив Абхазской АССР.
- ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.
- ЦГИАГ — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Присоединение Абхазии к России	5
Народное хозяйство и социальный строй дореформенной Абхазии	73
Введение	73
Глава первая. Территория и население Абхазского княжества	81
1. Естественно-географические условия	81
2. К характеристике абхазских этнических подразделений	82
3. Население	84
Глава вторая. Общая характеристика народного хозяйства до- реформенной Абхазии	91
I. Сельское хозяйство	91
1. Полеводство	91
2. Виноградарство и виноделие	100
3. Плодоводство	102
4. Животноводство	106
5. Пчеловодство	111
6. Охота и рыболовство	114
II. Домашняя промышленность и ремесло	118
1. Обработка металла	120
2. Гончарное дело	126
3. Обработка камня	128
4. Деревообделочный промысел	129
5. Ткачество	134
6. Обработка кожи	139
7. Шорный промысел	139
8. Изготовление соли, мыла и пороха	140
Глава третья. Сдвиги в экономике Абхазии в предреформенный период	143
1. Первые промышленные предприятия	143
2. Дорожное строительство	155
3. Город Сухум и другие поселения городского типа	159
4. Рост товарности сельского хозяйства	173
5. Торговля	183
Глава четвертая. Классовая структура феодальной Абхазии	206
I. Феодалы	206
1. Предварительные замечания	206
2. Владетель	212
3. Тавады (атауад)	221
4. Аамста (аамста)	225
5. Экономическая сила феодальной аристократии	228
6. Ашнакума (ашьнакума)	240

II. Крестьяне	243
1. Анхаю (анхады)	245
2. Ахоюю (ахуды)	343
3. Ахашвала (ахашэала)	365
4. Амапуразку (амапуразку)	378
5. Азаты	383
6. К общей характеристике положения крестьянства	384
Асасство	387
Торговля невольниками (работниками)	398
Принятые сокращения	404

Гьаргь Алыкьса-иҭа Зизариа
АУСУМТАКУА
Актәи ашәкуы
Аҭсны урыстәыла адгара, Адеформакадааызатәи Аҭсны жәлар
рыңхамәеи асоциалтә ргылареи
Урышәала

გორგი ალექსის ძე ძიძარია
შრომები

წიგნი პირველი
აფხაზეთის შეერთება რუსეთთან. რეფორმამდელი აფხაზეთის
სახალხო მეურნეობა და სოციალური წყობა

რუსულ ენაზე

Георгий Алексеевич Дзидзария
ТРУДЫ
Книга первая
Присоединение Абхазии к России. Народное хозяйство
и социальный строй дореформенной Абхазии

ИБ 1294

Редактор Л. Е. Аргун
Оформление А. Г. Дзидзария
Художественный редактор П.- Г. Цквитария
Технический редактор Л. И. Евменов
Корректоры Ж. И. Гублиа, Т. Ю. Алексеева

Сдано в производ. 7.07.1988 г. Подп. к печ. 18.10.1988 г. ЭИ01421. Бум. тип. № 1.
Формат 60 x 90¹/₁₆. Гарнит. литерат. Высок. печ. Физич. печ. л. 25,5+0,06 вкл.
Усл. печ. л. 25,5+0,06 вкл. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 28,75+0,09 вкл.
Заказ № 4406. Тираж 1 000. Цена 2 руб. 10 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Производственное полиграфическое объединение им. Ленина
Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
при Совете Министров Абхазской АССР